AB 5
36

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XII.

СКАЗКИ И ПРЕДАНІЯ
САМАРСКАГО КРАЯ

СОБРАНЫ И ЗАПИСАНЫ
Д. Н. Садовниковымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1884.

RA 28/C14
A18 5/36
A18 5/36

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XII.

СКАЗКИ И ПРЕДАНІЯ САМАРСКАГО КРАЯ

СОБРАНЫ И ЗАПИСАНЫ
Д. Н. Садовниковымъ.

Ю 14 с

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1884.

З.С
15095 9
П 0
3

Печатано по распоряженію Императорскаго Географическаго Общества.

БИБЛИОТЕКА
Госуд... Музея
27 6901 X 1934.

XII-й томъ Записокъ Имп. Р. Г. Общества по Отдѣленію Этнографіи изданъ подъ редакціей д. чл. **Л. Н. Майкова**.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщенный въ XII-мъ томѣ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества сборникъ сказокъ и преданій Самарскаго края составленъ Дм. Н. Садовниковымъ, уже извѣстнымъ въ нашей этнографической литературѣ изданнымъ имъ въ 1876 году большимъ собраніемъ русскихъ народныхъ загадокъ. Къ глубокому нашему сожалѣнію, даровитому собирателю не суждено было дожить до выхода въ свѣтъ его замѣчательнаго труда: 19-го декабря 1883 года Дмитрій Николаевичъ скончался отъ тяжкой болѣзни въ Петербургѣ.

По причинѣ кончины собирателя трудъ его является въ свѣтъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предполагалъ его издать; а именно—тексту сказокъ не предпослано введенія, въ которомъ Дмитрій Николаевичъ намѣревался изложить свѣдѣнія о сказочникахъ, сообщившихъ ему сказки, а въ концѣ сборника не приложено указателя эпическихъ мотивовъ, который имѣлъ въ виду составить покойный, и въ который онъ намѣревался внести указаніе параллелей между текстами настоящаго сборника и другихъ собраній русскихъ народныхъ сказокъ.

Хотя сборникъ озаглавленъ «Сказки и преданія Самарскаго края», однако огромное большинство помѣщенныхъ въ немъ разказовъ по содержанію своему не имѣетъ мѣстнаго характера; такимъ образомъ заглавіе указываетъ только на ту область въ предѣлахъ которой записаны эти сказки и преданія. Кромъ

того должно замѣтить, что подъ названіемъ Самарскаго края собиратель разумѣлъ здѣсь не одну Самарскую губернію, но и лежащую противъ нея на правомъ берегу Волги Симбирскую.

Всѣхъ разказовъ помѣщено въ сборникѣ 183, но такъ какъ многіе изъ нихъ относятся къ одному предмету, то они были сгрупированы по содержанію и подведены подъ общія заглавія: вслѣдствіе того число заглавій не превышаетъ 124. Лицомъ, отъ котораго Дм. Н. Садовниковъ записалъ наибольшее число разказовъ—72 [1]), притомъ самаго разнообразнаго содержанія, былъ Абрамъ Новопольцевъ, крестьянинъ с. Помряськина, Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи; объ этомъ замѣчательномъ сказочникѣ покойный собиратель имѣлъ намѣреніе сообщить обстоятельныя свѣдѣнія во введеніи къ своему сборнику; утрата этихъ сообщеній тѣмъ прискорбнѣе, что въ нашей этнографической литературѣ до сихъ поръ вовсе нѣтъ свѣдѣній о сказочникахъ, между тѣмъ какъ имѣются нѣкоторыя замѣтки о сказителяхъ былинъ, пѣвцахъ духовныхъ стиховъ и причитальщицахъ. Затѣмъ 11 разказовъ записано было Дм. Н. Садовниковымъ отъ симбирскаго мѣщанина Петра Степановича Полуехтова [2]); 6—отъ А. В. Чегодаева въ Симбирскѣ [3]); 5—отъ Василія Авдѣева въ с. Новиковкѣ, Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи [4]); 4—отъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой [5]); 3—отъ Г. Н. Потанина въ Симбирскѣ [6]); 3—отъ дворника Алексѣя тамъ же [7]); 2—отъ воротника Алексѣя съ Озерки, Ставропольскаго уѣзда Са-

---

[1]) №№ 1, 4—6, 8, 11, 12, 15—21, 23, 25—27, 29, 30, 33, 35, 37, 38, 40—44, 46, 48—57, 59—67, 68 г, 72 г, 79, 81, 84—87, 89, 91, 95, 97, 99 г, 100, 101, 103, 105, 107, 108 а, б, в, ж, 114 б

[2]) №№ 3, 47, 80, 82, 108 е, 110 г, 111 з, 116 а, б, 117, 119.

[3]) №№ 71 а, б, в, 76 б, 110 д, 112 в.

[4]) №№ 28, 88, 98, 99 в, 102.

[5]) №№ 2, 9, 32, 99 а.

[6]) №№ 68 д, 72 а, 112 а. Симбирскій житель Г. Н. Потанинъ—однофамилецъ нашему извѣстному путешественнику, авторъ романа «Старое старится, молодое растетъ» (Современникъ 1861 года) и нѣсколькихъ другихъ беллетристическихъ произведеній.

[7]) №№ 10, 14, 24.

марской губерніи [8]); 2—отъ Исая Дементьева Иванова въ упомянутомъ выше с. Новиковкѣ [9]); 1—отъ Максима Кузьмина тамъ же [10]). Кромѣ того, 14 разказовъ сообщены были Дмитрію Николаевичу симбирскимъ мѣщаниномъ Михаиломъ Ивановичемъ Извощиковымъ, записавшимъ ихъ частью отъ своей матери, частью отъ другихъ лицъ [11]), и 1—П. П. Розановымъ въ Симбирскѣ [12]). Наконецъ, въ сборникъ внесено 59 разказовъ безъ указанія на лица, отъ которыхъ они слышаны; но при 42 изъ этихъ разказовъ все-таки отмѣчено мѣсто ихъ записанія [13]). Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что и 17 разказовъ, вовсе лишенныхъ помѣты, записаны въ предѣлахъ Самарскаго края.

При записываніи сказокъ и преданій народныхъ покойный собиратель имѣлъ въ виду преимущественно литературныя цѣли. Грамматическія отличія мѣстнаго говора не соблюдались имъ въ полной точности; за то для областнаго словаря сообщенные имъ тексты представляютъ богатый и любопытный матеріалъ. Но болѣе всего—мы не сомнѣваемся—оцѣнятъ трудъ Дм. Н. Садовникова изслѣдователи народнаго творчества, и пожалѣютъ вмѣстѣ съ нами о преждевременной кончинѣ этого полезнаго и даровитаго дѣятеля по русской этнографіи.

Л. Майковъ.

---

[8]) №№ 13, 31.

[9]) №№ 99 д, 113.

[10]) № 99 б.

[11]) №№ 68 з, 69 г, 70, 72 д, е, 92, 108 з, 109, 111 *ж*, 112 к, л, м, н, 124.

[12]) № 96.

[13]) Изъ числа этихъ разказовъ записаны въ Симбирскѣ №№ 34, 39, 45, 58, 68 а, б, е, ж, 69 а, б, в, 72 в, 74 в, 75, 77, 78, 83, 90, 93, 94, 104, 108 г, д, 110 е, ж, 111 в, г, е, ж, *з*, 112 і, 118, 120—123; въ с. Новиковкѣ №№ 7, 36, 110 б, 111 а, б; въ с. Старомъ Урайкинѣ (Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи) № 115. Вовсе безъ помѣты №№ 22, 68 в, 72 б, 74 а, б, 76 а, 106, 110 а, в, 112 б, г—и, 114 а.

СКАЗКИ И ПРЕДАНІЯ

САМАРСКАГО КРАЯ.

СОБРАНЫ И ЗАПИСАНЫ

Д. Н. Садовниковымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы
1. Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница	1— 18
2. Иванъ Туртыгинъ	18— 22
3. Борма Ярыжка	22— 27
4. Иванъ царевичъ и Марья Краса, черная коса	28— 41
5. Купецкій сынъ и царева дочь	41— 50
6. Ума много, а денегъ нѣтъ	50— 52
7. Торбочка-самобранка	52— 55
8. Про Илью Муромца	56— 57
9. Пустой барабанъ	57— 61
10. Казакъ и принцъ	61— 66
11. Волкъ Мѣдный Лобъ	67— 72
12. Трехъ-сынъ	73— 77
13. Козья Шкура	77— 80
14. Окаменѣлое царство	80— 82
15. Ѳома богатый	82— 84
16. Иванъ Агичъ и Василиса Васильевна	4— 88
17. Спящая дѣвица	88— 93
18. Оклеветанная жена	93—100
19. Царская собака	100—103
20. Дѣвушка Снѣжурочка	103—104
21. Чудесная дудка	105—108
22. Уточка Золотой хохолокъ	108—110
23. Оборотень	110—112
24. Тига-мельникъ	112—116

Страницы.

25. Морока . . . . . 116—119
26. Шурыпа . . . . . 119—126
27. Ванюшка дурачекъ . . . . . 126—132
28. Братецъ Пѣтанушка . . . . . 133—134
29. Волкъ и стариковы дочери . . . . . 134—136
30. Конь, сумка и дубиночка . . . . . 136—139
31. Кузька воръ . . . . . 139—143
32. Шутъ Максимка . . . . . 143—147
33. Мизинчикъ . . . . . 147—149
34. Медвѣжій сынъ 150
35. Чортъ Гришка . . . . . 150—152
36. Вавило и Арина . . . . . 152—154
37. Еловы шишки . . . . . 154—156
38. Кобель и жена . . . . . 156—158
39. Баринъ-кузнецъ . . . . . 158—159
40. Спинка и брюшко . . . . . 159—160
41. Баринъ и мужикъ . . . . . 160—161
42. Мужикъ и попъ . . . . . 162—163
43. Попъ и дьяконъ . . . . . 163—164
44. Про Вятчанъ . . . . . 164—166
45. Мордвинъ и заяцъ . . . . . 166—167
46. О Нѣмцѣ . . . . . 167—168
47. Дошлый баринъ 168
48. Баринъ, пѣтухъ и жорновы . . . . . 169—170
49. Пѣтухъ и бобокъ . . . . . 170—171
50. Курочка Татарушка. . . . . 171—172
51. Быкъ, баранъ, гусь, пѣтухъ и волкъ . . . . . 173—174
52. Лиса и Кутафей Иванычъ . . . . . 174—176
53. Лиса и соловей . . . . . 176—178
54. Лиса и журавль . . . . . 178—179
55. Коза Тарата. . . . . 179—183
56. Байка про тетерева 183
57. Блоха и муха 184
58. Левъ, щука и человѣкъ . . . . . 184—185
59. Зло зломъ платится . . . . . 185—187
60. Конекъ горбунокъ . . . . . 187—197

Страницы.

61. Про Кота Безсмертнаго и Марью Ерифьевну . . . . . 197—202
62. Про царскіихъ мастеровъ . . . . . 202—206
63. Про царя и про кузнеца . . . . . 206—211
64. Учитель и ученикъ . . . . . 212—218
65. Ванюшка и Аннушка . . . . . 218—222
66. Подмѣненая невѣста . . . . . 222—225
67. Про нужду . . . . . 225—226
68. Про лѣшихъ и водяныхъ: *а* . . . . . 226—227
б. 227
в. 227
г. 227
д. . . . . 227—228
е. 228
ж 228
з. . . . . 229—230
69. Про бани: *а* 230
б. 230
в. . . . . 230—231
г. . . . . 231—232
70. Про кабачную кикимору . . . . . 233—236
71. Про змѣёвъ . . . . . 236—237
72. О мертвецахъ: *а* 237
б. . . . . 237—238
в. 238
г. . . . . 238—241
д. . . . . 241—243
е. . . . . 243—244
73. О вѣдьмѣ 244
74. Про пчеляковъ: *а* 245
б. 245
в. . . . . 245—246
75. Про Ивановъ цвѣтъ 246
76. Про церкви: *а*. . . . . 246—247
б. 247
77. Про самоубійцу 247
78. О фармазонскихъ деньгахъ 248

Страницы.

79. Мужикъ и чортъ . . . . . 248—249
80. Солдатъ и чортъ 249
81. Кузнецъ и чортъ . . . . . 249—250
82. Чортъ и козелъ 251
83. Какъ чортъ ангеломъ сталъ 251
84. Ангелъ . . . . . 251—253
85. Богатый и бѣдный братъ . . . . . 253—256
86. Марко Богатый . . . . . 256—262
87. Работникъ . . . . . 262—266
88. Кузнецъ и Миколай угодникъ . . . . . 266—268
89. Миколай угодникъ и охотники . . . . . 268—269
90. Перегорѣлая заря . . . . . 269—270
91. Илья Пророкъ и Миколай угодникъ . . . . . 270—272
92. Микола Милостивый . . . . . 272—282
93. Илья пророкъ и стрѣлецъ 282
94. Про Егорія Храбраго 283
95. Какъ купцовъ сынъ у Господа въ гостяхъ былъ . . . 283—287
96. О праведномъ судіѣ . . . . . 287—288
97. Пустынникъ и дьяволъ . . . . . 288—289
98. Вавило-скоморохъ . . . . . 289—291
99. Рахъ разбойникъ: *а*. . . . . 292—295
б. . . . . 295—297
в. . . . . 297—299
г. . . . . 299—300
д. . . . . 300—301
100. Разбойничья голова . . . . . 301—302
101. Купецъ и Жидовинъ . . . . . 302—304
102. Злая сноха . . . . . 304—307
103. Старикъ и царская дочь. . . . . 308—309
104. Правда на морѣ не тонетъ . . . . . 309—312
105. Дорогой подожокъ . . . . . 312—313
106. Дѣвка и разбойники . . . . . 314—317
107. Разбойница . . . . . 317—319
108. Про постоялые дворы: *а*. . . . . 319—320
б. . . . . 320—321
в. 321

Страницы.

г. . . . . . 321—322
д. 322
е. 322
ж . . . . . 322—323
з. . . . . . 323—325
109. О Худоярѣ . . . . . 325—328
110. Про Стеньку Разина: *а* . . . . . 328—346
б. 346
в. . . . . . 346—347
г. 347
д. 347
е. 347
ж 348
111. Про разбойниковъ: *а.* Ахметъ. . . . . 348—350
б. Быковъ . . . . . 350—351
в. Суворовъ 352
г. Алексѣй Ехмачинскій 352
е. Шарюкъ. . . . . 353—355
ж 355
з. . . . . . 355—356
*ж** . . . . . 356—358
*з** . . . . . 358—359
112. Про клады: *а* . . . . . 359—360
б. 361
в. 361
г. 361
д. . . . . . 361—362
е. 362
ж 362
з. 362
и 363
і. 363
к. 363
л. 363
м. 364
н. . . . . . 364—365

Страницы.

113. Мельникъ-знахарь . . . . . 366—371
114. О Петрѣ Первомъ: *а* . . . . . 371—372
б. . . . . 372—377
115. Про Пугача 377
116. О фармазонахъ: *а* . . . . . 377—378
б. 378
117. Какъ церковь ушла . . . . . 378—379
118. Бой казачки съ богатыремъ . . . . . 379—380
119. Ковылъ-Трава 380
120. Про охотника 381
121. Про Никитушку Ломова . . . . . 381—383
122. Пряничная Гора 383
123. Волга и Кама 383
124. Марина-Русалка . . . . . 384—386

СКАЗКИ И ПРЕДАНІЯ

САМАРСКАГО КРАЯ.

1.

Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница.

Въ нѣвкоторомъ было царствѣ, въ нѣвкоторомъ было государствѣ, жилъ былъ князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ. Выходилъ князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ на свой высокій крылецъ и кричалъ своимъ громкіимъ голосомъ: «Сходитеся, князья и бояре и сильные могучіе богатыри, ко мнѣ на высокъ на красёнъ крылецъ, и буду я у васъ просить просьбу, и сослужите мнѣ службу, а не службу—дружбу. Кто жь бы съѣздилъ на рѣку на Смородину, убилъ бы змѣя объ двѣнадцати головахъ, объ двѣнадцати хоботахъ?» Всѣ друзья-бояре соходились и его приказу боялись, и другъ за дружку прятались: баринъ за барина, дворянинъ за дворянина, мужикъ за мужика. Выбирался изъ нихъ одинъ Алеша Поповъ сынокъ: жеребячей родни, и говоритъ князю Володиміру: «Я вамъ сослужу службу, а не службу—дружбу; съѣзжу на рѣку на Смородину, убью змѣя о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хоботахъ». И выходитъ впередъ, подходитъ къ князю вплоть и говоритъ: «Князь Володиміръ, пожалуйте мнѣ водки: у меня съ похмѣлья головушка болитъ!» Приказалъ князь дать ему водки зелена вина полъ-ведра. Онъ же, Алешенька Поповъ сынокъ, ее одной рукой принималъ и однимъ духомъ выпивалъ. Говоритъ Алеша Поповъ сынокъ: «Эхъ князь Володиміръ Красное Солнышко, Суслаевичъ, хороша бражка да мала чашка. Итакъ я, добрый молодецъ, только опохмѣлился!» И сталъ просить Алеша Поповъ сынокъ у князя на недѣлю сроку пріизыскать себѣ еще двоихъ товарищей. Князь отвѣчалъ ему: «Алеша поповъ сынокъ, вотъ тебѣ сроку на два мѣсица, только съѣздій».

Алешенька ходилъ по деревнямъ, по кабакамъ и по трактирамъ и нашелъ себѣ товарища, добраго молодца Добрынюшку, сына Микитьича. Говоритъ ему: «Здравствуй братъ, добрый молодецъ Добрынюшка, сынъ Микитьичъ! Пойдемъ со мной сослужить службу князю Володиміру Красному Солнышку Суслаевичу, съѣздить на рѣку на Смородину, убить змѣя объ двѣнадцати головахъ объ двѣнадцати хоботахъ». Отвѣчаетъ добрый молодецъ Добрынюшка на отвѣтъ его слово: «Я, братъ, молодецъ Алешенька, готовъ бы тебѣ службу служить, да только головушка съ похмѣлья болитъ, не можется». Отвѣчаетъ Алешенька: «Пойдемъ, я тебя опохмѣлю». Повелъ же Алешенька къ князю Володиміру. Подходятъ къ его крыльцу; говоритъ Алешенька князю: «Князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ, пожалуйте водки, зелена вина ведро». Князь Володиміръ приказалъ вынести зелена вина ведро. Добрый молодецъ Добрынюшка одной рукой принималъ, единымъ духомъ выпивалъ. «Благодарю, братъ, Алеша, Поповъ сынокъ, что меня опохмѣлилъ; готовъ служить службу до жизни вѣку». Сказалъ ему Алешенька: «Поди, братъ, погуляй, а я себѣ третьяго товарища пріищу». Ходилъ нѣсколько Алеша Поповъ сынокъ по кабакамъ, по трактирамъ и по селеньямъ и не могъ себѣ третьяго товарища найти. При край же того селенья кабачишка стоитъ на боку, и бокомъ въ него не влѣзешь, и тутъ самое гадное мѣсто, гдѣ пьяные ходятъ до вѣтру, и тутъ валяется человѣкъ, весь въ дрянѣ заморанный. Онъ посмотрѣлъ въ лице — лице его знакомое. Сталъ онъ его будить и сталъ его трыкать, и въ ж..у его сталъ пинкомъ пинать. И вдругъ онъ проснулся, глаза открылъ и смотритъ на него. «Что ты, братъ, меня будишь и трыкаешь, и въ ж..у пинкомъ пинаешь? Узналъ ли ты меня?» «Какъ тебя мнѣ не узнать? Здраствуй, Ивашка Бѣлая рубашка, горькій пьяница! Я третій день тебя ищу. Какъ мнѣ тебя нужно!» Отвѣчаетъ ему Ивашка Бѣлая рубашка, Горькій Пьяница: «Что тебѣ меня, братъ, нужно, Алеша Поповъ сынокъ?» Отвѣчаетъ ему Алеша Поповъ сынокъ со слезами: «Я, братецъ, до твоей просьбы. Проситъ князъ насъ и васъ сослужить ему службу, а не службу—дружбу: съѣздить на рѣку на Смородину, убить змѣя объ двѣнадцати головахъ, объ двѣнадцати хоботахъ. Сказалъ Алешѣ, Попову сынку, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «Готовъ служить; только не могу: голо-

вушка болитъ. Вечóръ я у друга на балу былъ». Отвѣчаетъ Алеша Поповъ сынокъ ему: «Эхъ, братъ, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, пойдемъ, я тебя опохмѣлю!» Встаетъ съ радостью Ивашка; всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стороны оглянулся. «Куды же, братецъ, ты меня поведешь опохмѣлиться?» Говоритъ Алеша Поповъ сынокъ: «Иди за мной!» Подводитъ къ князю на крылецъ, кричитъ Алеша Поповъ сынокъ: «Князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ! Подай чару зелена вина въ полтора ведра! Нашелъ я третьяго себѣ товарища, у него съ похмѣлья головушка болитъ, и не можетъ онъ словъ говорить и службу служить». Князь Володиміръ выходитъ и вина выноситъ полтора ведра. Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, единой рукой принималъ, единымъ духомъ выпивалъ и говоритъ Алешѣ Попову сынку: «Ну, братъ Алексѣй, теперь я опохмѣлился; этто, намъ проклажаться нечего, а надо куды вздумали ѣхать». Говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «О братцы товарищи! Поѣдемте въ мои заповѣдные луга! Въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ ходитъ табунъ коней!»

Приходятъ они въ заповѣдные его луга, стали коней выбирать. Алеша Поповъ сынокъ перваго коня себѣ нашелъ. Добрынюшка молодецъ, сынъ Микитьичъ, втораго коня себѣ нашелъ. Въ третій разъ Ивашка пошелъ самъ себѣ коня искать. Ходилъ, нѣсколько обошелъ коней, не могъ себѣ найти такого коня, чтобъ во вѣки могъ ему служить. Котораго возьметъ за гриву—голову оторветъ, котораго за хвостъ—хвостъ выдернетъ; наложитъ на спину—спина переломится. Обратился Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, на восходъ краснаго солнышка, закричалъ своимъ громкимъ голосомъ, богатырскіимъ: «Гой еси, гдѣ ты мой добрый конь Сивка-Бурка?» Услыхалъ же Сивка-Бурка голосъ хозяйскій; шибко бѣжитъ, ажь земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, изо рту пламя пышетъ. Онъ въ одно ушко влѣзъ, напился, наѣлся; въ другое влѣзъ—чище того нарядился. Итакъ сталъ добрый молодецъ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Итакъ добры молодцы сѣли на добрыихъ коней, поѣхали во чисто поле, во дикую степь. Горы долы перепрыгиваютъ, темные лѣса межу ногъ пускаютъ. Было имъ ѣхать на то мѣсто, на рѣку на Смородину три года, они доѣхали въ три мѣсяца. Пріѣзжаютъ на рѣку на Смородину;

на рѣкѣ на Смородинѣ нѣтъ ничѣмъ ничего, одинъ мостъ. И говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка своимъ братцамъ товарищамъ: «О, братцы товарищи! Давайте себѣ выстроимъ хижинку». И стали лѣсъ таскать. Какъ захватятъ—изъ корню выдернутъ, не очистимши сучки, въ стóпы складываютъ, избу дѣлаютъ.

Настлали потолокъ, и пристигаетъ ихъ тутъ темная ночь, имъ будетъ тутъ должно ночевать. И говоритъ Ивашка: «Ну, братцы товарищи, давайте кониться, кому достанется въ избеночкѣ спать, одному на путѣ на дорогѣ, на мосту ночевать. Стали кониться, и досталась первая ночь ночевать Алёшѣ Попову сынку ночку ночевать и на караулѣ стоять. Онъ, какъ завечеряло, беретъ свою сбрую ратную и копье булатное и отправляется на мостъ, на дорогу. Немного постоялъ—дрема его одолѣла, крѣпко спать захотѣлъ и думаетъ себѣ: «Дай пойду малость отдохну, потомъ проснусь». Легъ ненарочно и проспалъ всеё ночь. А Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ темная ноченька не спится, подушечка въ головушкахъ вертится. Всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стóроны оглянулся и пошелъ въ путь дорогу и всталъ на мѣсто Алёшино, гдѣ Алеша Поповъ сынокъ стоялъ, и сотворилъ Іисусову молитву; выломилъ калинову мостовину. Всталъ добрый молодецъ подперсѧ и вдругъ, словно открылась небесная колесница, и летитъ Змѣй о двѣнадцати головахъ и двѣнадцати хоботахъ, ногами топатъ, глазами хлопатъ, зубами скрéхчетъ и говоритъ Ивашкѣ сò страхомъ: «О, братъ Ивашка, прежде русскаго духа слыхóмъ не слы́хано, видòмъ невúдано, а теперь русскій духъ въ очахъ появляется!» «Дунь, Ивашка, своимъ духомъ, повали лѣсу нá версту, чтобы было намъ съ тобой гдѣ разойтись!» Отвѣчаетъ ему Ивашка: «Дунь», говоритъ,—«ты, проклятый Змѣй, проклятыми своими челюстя́ми, повали лѣсу нà версту, потому тебѣ нужно дунуть: я къ тебѣ пріѣхалъ гость и спорщикъ». Дунулъ Змѣй своими проклятыми челюстя́ми, повалилъ духомъ лѣсу нà версту. Начинаютъ биться и рубиться. Бились, рубились четыре часа ночи. Ивашка сбилъ съ него четыре главы. Змѣй обращаетъ и улетаетъ назадъ. Ивашка обращается мушкой и полетаетъ во погóнь змѣя, въ собственный его домъ. Въ его собственномъ домѣ Змѣева матушка по горенкѣ погуливала, Ивашку поругивала: «О курвинъ сынъ, прокурвинъ сынъ Ивашка,

побиваетъ м о в ò дитятку ни зà што! Когда поѣдетъ онъ во путь во дороженьку, сама я ему буду другъ да не вдругъ: напущу нѣсколько жару, и захочетъ онъ испить. Я сдѣлаю колодецъ, струбъ золотой, чару серебряну, воду сахáрную. Влѣзетъ напиться, а я его затоплю».

О т о б р а в ш и Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, ея поганыя слова, отправляется въ свою хижину, на свое мѣсто, и ложится на свою постель; а его братцы товарищи не чуютъ спятъ и у д . . ы пузыри. Разсвѣтало, день-бѣлà заря. До завтрака проспали. Спрашиваетъ ж е Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, Алешу Попова сынка: «А что, братъ Алексѣй, видѣлъ ли чего?» Отвѣчаетъ тотъ: «Не видалъ, братъ, никого». «Ну знать, братъ, счастье твое, что не видалъ ты никого». (Ну, а гдѣ онъ увидитъ на постели-то?)

Приходитъ вторая ночь. Встаетъ добрый молодецъ Добрынюшка, сынъ Никитьичъ, на означенное мѣсто, на путь на дорогу, на караулъ. Беретъ свою сбрую ратную и копье булатное и встаетъ на путь дорогу, на калиновый мостъ. Немножечко постоялъ и крѣпко больно задремалъ. Легъ ненадолго и сейчасъ спитъ. Всеё ночь проспалъ и никого не видалъ. А Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ, во второй разъ темная ноченька не спится, и подушечка въ головушкахъ вертится. Всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стороны оглянулся и пошелъ на показанное мѣсто посмотрѣть. Сбруи ратной не имѣетъ и копья булатнаго не знаетъ. Всталъ на пути на дорогѣ, сотворилъ Іисусовую молитву, выломилъ калиновую мостовину и всталъ подперся добрый молодецъ, стоитъ. Вдругъ является лютый Змѣй со́ страхомъ и говоритъ Ивашкѣ: «Эхъ, Ивашка, Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница! Дунь, на двѣ версты лѣсу повали своимъ духомъ, чтобъ было намъ гдѣ разойтись». «Ты дунь, непріятель, своими погаными челюстя́ми, повали лѣсу на двѣ версты!» Дунулъ Змѣй, сдѣлалъ поля на двѣ версты. И стали биться, рубиться. Бились, рубились еще́ четыре часа, какъ вдругъ Ивашка размахнулся, смахнулъ съ него вразъ четыре головы. Обращаетъ лютый змѣй отъ него назадъ. Оборотился Ивашка комарикомъ, полетѣлъ за нимъ въ погóнь. Прилетаетъ и садится на окошечко въ его собственномъ домѣ. Змѣева м а м ы н ь к а по горенкѣ погуливала, Ивашку по-

ругивала: «Охъ курвинъ сынъ, раскурвинъ сынъ Ивашка побиваетъ мово дитятку ни за́што! Я сама ему буду другъ да невдругъ: какъ поѣдетъ со рѣки Смородины во путь во дороженьку, напущу на ихихъ коней великую тягу, не смогутъ ногъ тащить. Сдѣлаю имъ садъ зеленый, траву шелковѹ; въ саду сдѣлаю кровать тесову, подушки пухо́вы, одѣяла шелко̀вы. Они захочутъ добрыихъ коней покормить и сами отдохнуть: я тутъ ихъ и задушу».

Отобравши Ивашка ея поганыя слова, отправляется въ свою хижину, къ своимъ братцамъ товарищамъ. Говоритъ Ивашка: «Что, добрый молодецъ Добрынюшка, кого видѣлъ?» Отвѣчаетъ добрый молодецъ Добрынюшка: «Не видалъ братъ никого». «Ну, братъ счастье ваше, знать мое будетъ безсчастье». Завечеряло время немножечко. Водочки выпили, чайку покушали. Не ложивши ночи спать, пошелъ Ивашка въ путь во дорожку, на калиновый мостъ. Всталъ на калиновомъ мосту, сотворилъ Іисусовую молитву, выломилъ калиновую мостовину и подперся́ ей. Дрема къ нему близко нейдетъ, и сонъ его не беретъ. Тѣмъ же часомъ и временемъ является лютый Змѣй съ великіимъ шумомъ и великой бурей и такъ на Ивашку обращается злобно: «О», говоритъ,—«прежде у насъ русскаго духа слыхо́мъ не слыхано, видо́мъ не вѝдано, а нынче русскій духъ въ устахъ я́вится и въ глазахъ мечется! Дунь, Ивашка, своимъ духомъ на три версты, распространи мѣсто, чтобы было намъ съ тобой гдѣ разойтись. Живаго», говоритъ,—«сглотну!» Отвѣчаетъ ему Ивашка: «Дунь ты своими нечистыми челюстя́ми, на три версты повали лѣсу! Подавишься!» Змѣй какъ дунулъ, сдѣлалъ три версты поля. Стали биться, рубиться: бились рубились четыре часа, и сбилъ съ него Ивашка четыре главы; думалъ послѣднія, а онѣ всѣ на немъ, и Ивашка изъ силъ вышелъ и сталъ ему кориться и говоритъ: «Змѣй, охъ, братъ лютый Змѣй! Дай мнѣ съ родными распроститься! Пріостановись малость!» И Змѣй крѣпко изусталъ, далъ ему съ родными распроститься. Онъ не ради съ родными распрощенья, а для ради братьевъ разбужденья. Скинулъ съ лѣвой ноги сапогъ, насыпалъ полонъ песку и кинулъ въ свою хижину; конекъ съ нея сбилъ: хочется братьевъ разбудить. Сшибъ конекъ: они ничего не чуютъ. Змѣй лютый видитъ—дѣло обманъ, опять на него бросается биться. Одна нога у Ивашки обувши, друга бо́са.

Бились, рубились еще четыре часа. Ивашка обезсилѣлъ и сталъ прощенья просить. «О, братъ, лютый Змѣй, дай мнѣ прощенья и родительскаго попросить благословенья!» Онъ не ради благословенія, а ради братьевъ разбужденія. Скидаетъ Ивашка съ правой ноги послѣдній свой сапогъ, насыпаетъ полонъ песку. Какъ махнулъ въ свою хижину и потолокъ долой сшибъ, а братья не чуютъ, спятъ крѣпкой рукой. Вдругъ лютый Змѣй обращается на Ивашку опять. И бились, рубились по́лторы сутки; Ивашка обезсилѣлъ, сдѣлался и на́гій и бо́сый и сталъ просить у лютаго змѣя покаянья и для дѣтей благословенія за́шно, не ради дѣтей благословенья, а ради братьевъ разбужденья. Скинулъ съ своей буйной головы свою богатырскую шляпу, насыпалъ полную песку, и насыпавши въ шляпу песку, бросилъ въ свою хижину, въ простѣнки. Простѣнки крѣпко застучали и врозь покатились. Его братья встрепенулись и видятъ на полянѣ пламя, и видятъ, что ихъ братъ товарищъ Ивашка Бѣлая Рубашка въ несчастьи. Взяли свою сбрую ратную и копья булатныя и пошли на на подмогу брату своему Ивашкѣ. Пошли добрые молодцы лютаго змѣя трепать, только сталъ головой мотать. Не поспѣтъ глазами мигать, какъ его стали головы летать. Главы его порубили и въ воду побросали и жисть его рѣшили. Подходятъ добры молодцы къ своей разваленной хижинкѣ; подошли къ ней. Ивашка и говоритъ своимъ братьямъ товарищамъ: «Лягте, братцы, усните, а за мной есть дѣлишко». Они съ устатку легли, какъ мертвые покатились. Ивашка оборотился комарикомъ и полетѣлъ къ Змѣевой матушкѣ. Прилетаетъ, а сударыня матушка по горенкѣ погуливаетъ, Ивашку поругиваетъ: «Охъ курвинъ сынъ, раскурвинъ сынъ Ивашка, убилъ мово дитятку ни за́ што! Я ему солью крестъ и повы́золочу: когда онъ поѣдетъ съ рѣки со Смородины во путь во дороженьку, обращуся я съ сѣнну́ю копну кошкой, разорву его на пути на дорогѣ».

Онъ, отобравши ея поганыя слова, отправляется куда ему нужно. Прилетаетъ къ своимъ братьямъ товарищамъ; они спятъ. Онъ прилетаетъ и братьевъ своихъ разбуждаетъ: Не́ коли намъ спать, а поѣдемте во путь во дороженьку домой». Они вставали, добрыхъ коней сѣдлали; осѣдламши добрыихъ коней, поѣхали домой. И сдѣлался превеликій ужасный жаръ, и

Алеша Поповъ сынокъ захотѣлъ пить: на конѣ не можетъ сидѣть и говоритъ: «Охъ, братцы товарищи! Пить хочу, словъ говорить не могу!» Вдругъ колодецъ является, Алексѣй съ коня бросается и говоритъ своимъ братьямъ товарищамъ: «Охъ братцы, товарищи постойте, напьемся!» Говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка Горькій Пьяница: «Что ты, Алеша Поповъ сынокъ, дурьей родни жеребеночекъ, съ коня бросаешься, глохтить торопишься? Самъ я прежде слѣзу со добра́ коня и протвѣдаю какова вода». Слѣзаетъ Ивашка съ добра́ коня, оголилъ свою саблю вострую и учалъ колодецъ рубить. Струбецъ раскололъ и воду завалилъ, и течетъ изъ него кровь и кость. И говоритъ Ивашка: «Вотъ, Алешинька Поповъ сынокъ, вотъ тутъ какая вода!» Сѣли на добрыхъ коней и поѣхали. Ѣхали долго ли, много ли, и напала превеликая тягость на коней. Кони не могутъ ногъ тащить, и Алешенька Поповъ сынокъ не можетъ на конѣ сидѣть: крѣпко спать хочетъ. Является садъ зеленый и трава шелкова́ (облажняетъ). И говоритъ Алеша Поповъ сынокъ: «Охъ, братцы товарищи! утѣха то какая — трава то шелкова́я! Коней то хорошо покормить и намъ хорошо на кроваткѣ отдохнуть». Отвѣчаетъ ему Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «Постой, братъ Алексѣй, я слѣзу съ добра́ коня, посмотри какова кровать, и можно ли на ней спать». Слѣзаетъ Ивашка со добра́ коня, оголилъ свою саблю вострую, восходитъ въ зеленый садъ, подходитъ къ тесовой кроваткѣ. Сталъ рубить— только кровь да кости. Изрубилъ и въ кучу поклалъ, и поѣхали путемъ дорогой.

Много ли мало ли ѣхали, долго́ ли коротко́ ли, и приходятъ три дороги, и говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка своимъ братцамъ товарищамъ: «Вотъ, братцы, намъ приходитъ разставанье. Давайте коня́ться, кому по которой дорогѣ ѣхать будетъ». Стали коня́ться— Алешѣ досталось вправо; доброму мо́лодцу Добрынюшкѣ, сыну Микитьичу—влѣво; несчастному Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ—прямо. Онъ съ братьями распрощался, горькими слезами заливался. Распростились, поѣхали кто куда знаетъ. Вдругъ Ивашка обернулся назадъ: и бѣжитъ за нимъ кошка, съ сѣнну́ю копну какъ сильный ви́хорь, и кричитъ громкимъ голосомъ: Охъ, Ивашка, теперича догоню, не упущу—разорву!» Видитъ Ивашка— дѣло плохо; слѣзаетъ со добра́ коня, разсѣдлываетъ и бросаетъ

черкасское сѣдло. Чуть поспѣлъ сѣсть на добрà коня, и разломала она черкасское сѣдло, изгрызла, все съѣла. Онъ опять ускакалъ шибкимъ бѣгомъ. Она же сѣдло изорвалà и опять его догналà. Онъ слѣзъ со добрà коня, ударился бѣжать. Она начинаетъ его добраго коня рвать. Изорвалà, мясо сожралà, кости въ кучу поклàлà и опять за нимъ въ погонь погналà. Онъ бѣжитъ, что ни оглянется, бѣгу ногами прибавляется. И вдругъ на его пути является кузница. Въ кузницѣ дверь желѣзна запирается. Въ этой кузницѣ двѣнадцать кузнецовъ, добрыхъ молодцевъ. Они куютъ, принаковываютъ; рѣчь говорятъ, приговариваютъ. Онъ подбѣгаетъ къ кузницѣ со слезами, просится къ нимъ: «Господа кузнецы, отверзите двери отъ кузницы, пустите меня, отведите отъ злой смерти! Поѣдаетъ меня кошка съ сѣнну̀ю копну!» Кузнецы двери отворили, онъ туды мырнулъ. Она только за одежу не успѣла схватить. Заперли его въ кузницѣ, и бѣгаетъ кошка вкругъ нея, съ превеликіимъ шумомъ и говоритъ: «О, господа кузнецы, отдайте мово нéдруга!» Они говорятъ на отвѣтъ ей: «Прогрызи нашу желѣзную дверь и явись къ намъ въ кузницу—отдадимъ тогда тебѣ нéдруга!» Начала она грызть—однимъ часомъ прогрызла въ ростъ свой дыру. Поколѣ она время продолжала, дверь прогрызала они же всѣ двѣнадцать молодцовъ положили двѣнадцатеро клещи въ горны. Является она въ кузницу; взяли они ее въ руки, горячими клещами ее сжали и на наковальню клали, въ двѣнадцать молотковъ ее били; за Ивашку застояли и сдѣлали для Ивашки изъ ней добраго коня, и сажали Ивашку на добраго коня и посылали ѣхать кругъ своей кузницы: «Если этотъ конь объѣдетъ всѣ четыре стороны, то можетъ тебѣ вó вѣки служить». Онъ же на коня не сажается, больше его опасается: сдѣланъ конь изъ несчастнаго человѣка, и изъ злобнаго, и изъ страшнаго, изъ немилостиваго. Вдругъ обдумалъ Ивашка своей буйной головой: «А скоро живъ въ руки не дамся!» Сѣлъ на добрà коня и поѣхалъ. Объѣхалъ двѣ стороны—конь развалился. Является къ кузнецамъ въ кузницу: «Такъ и такъ, конь развалился!» Господа кузнецы, добры молодцы, нагрѣваютъ двѣнадцатеро клещи, берутъ злодѣйку во огненны клещи, выбиваютъ изъ нея добраго коня для Ивашки, чтобы онъ могъ Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ, во вѣки служить. Чище того сдѣлали добраго коня,

ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ Ивашка на добраго коня, объѣхалъ кругъ четырегранной кузницы, аки птица. Выходятъ двѣнадцать кузнецовъ, добрыхъ молодцовъ, проздравляютъ Ивашку съ конемъ: «Что, Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же былъ, Горькій Пьяница! Въ послѣднемъ кабакѣ зря валяешься, а нынче на дикòй степѣ помыкаешься? Что, стòитъ ли конь того стараго коня?» «Благодарю, господа кузнецы, этотъ конь стоитъ того коня и можетъ мнѣ во вѣкъ служить. Затѣмъ, господа кузнецы, прощайте!» Отвѣчаютъ кузнецы: «Можешь, Ивашка отправиться, а на конѣ то да пропадешь?» Подхватилъ слово Ивашка неладное, обращается назадъ къ кузнецамъ: «Что, господа кузнецы, научите глупаго на разумъ». «А то то», говорятъ,—«Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же былъ горькій пьяница, не хвались въ пиръ идучи, а хвались изъ пиру. Поѣдешь путемъ дорогой, кажнему кланяйся, догонишь: «миръ дорогой, добрый человѣкъ»; кто при дорогѣ работаетъ: «Богъ нà помочь» сказывай и старику, и доброму молодцу и баушкѣ, и молодицѣ; придется сказать красной дѣвицѣ, и ей скажи». «Слушаю, господа кузнецы, приказанье ваше!» Ударилъ добраго коня по крутымъ бедрàмъ—только его кузнецы и видѣли. Улетѣлъ какъ младъ ясёнъ соколъ. Подъ нимъ его добрый конь горы долы перепрыгиватъ, темные лѣса межу ногъ пускатъ, большія дороги хвостомъ застилаетъ. И проѣхалъ, и многое множество и нѣсколько людей перегонялъ, и сказывалъ: «миръ дорогой», встрѣчающимъ кланялся. При большой дорогѣ красная дѣвица жнетъ пшеницу. Космы ея по плечамъ лежатъ, сопли ея на губахъ лежатъ. Нужно Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ сказать ей: «Богъ нà помочь!» Его сердце къ ней не обращается. «Что же я, славущій, сильный, могучій богатырь, мало со мной спорщиковъ, и неужли же», говоритъ,—«я этакой соплюхи не стою? Не скажу ей: «Богъ нà помочь!» И поѣхалъ мимо ея. Не больше отъѣхалъ разстояніе трехъ саженей, красная дѣвица закричала громкимъ голосомъ: «Охъ, Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же Горькій Пьяница, кузнецовъ наказъ не исполняешь!» (Она угадала что̀ тѣ наказывали Ивашкѣ).

Услыхалъ Ивашка красной дѣвицы голосъ, что̀ она говоритъ справедливо, обращается Ивашка на своемъ на дòброемъ конѣ къ красной дѣвицѣ, слѣзаетъ съ свово добраго коня и сказы-

ватъ: «Богъ тебѣ на̀ помочь, красная дѣвица! Прости меня Христа ради! Не исполнилъ я кузнецовъ наказъ!» Главу ея повязалъ, сопли платкомъ утиралъ, во саха̀рныя уста ее цѣловалъ. «Прости Христа ради, красная дѣвица!» Отвѣчаетъ красная дѣвица ему: «Просящаго Богъ прощаетъ, и я тебя прощаю, а не на надо бы такъ тебѣ дѣлать. Ну поѣзжай съ Богомъ, куды ты вздумалъ. Попадется тебѣ царь Доро́да на одной ногѣ, одна нога короче. Онъ стоитъ и повертывается, кто бы ни проѣхалъ на конѣ, того дожидается; онъ же на одной ногѣ въ перегонъ съ конемъ сбирается. Ты съ нимъ не ѣзди. Онъ положитъ въ бѣгъ въ теченіи разстоянія недальше двадцати пяти верстъ, кто кого перегонитъ. Если ты его перегонишь—ты съ него голову долой; если онъ тебя—ты будешь его. Ну, можете съ Богомъ ѣхать!» «Затѣмъ прощайте, красная дѣвица, благодаримъ васъ за ваше неоставленіе!» И поѣхалъ въ путь дорогу. Ѣдетъ путемъ дорогой и стоитъ царь Доро́да, — виситъ одна нога короче; кругомъ повертывается, съ Ивашкой здоровается: «Здравствуй, Ивашка Бѣлая Рубашка и Горькій Пьяница! Отъ дѣла лыташь, или дѣло пыташь? Куда путь держишь?» «Отъ дѣла не лытаю, а больше себѣ дѣло пытаю. Путь держу куды Богъ приведетъ. «Я тебя не пропущу! Давай поиграмъ въ перегонъ!» Ивашка былъ сердитъ, крѣпко горячъ; посмотрѣлъ и думаетъ себѣ: «Можетъ ли онъ меня на этакомъ конѣ перегнать? Онъ старикъ, чуть можетъ на одной ногѣ стоять...» Согласился Ивашка съ нимъ въ перегонъ поиграть. Они съ нимъ побѣжали. Не больше Ивашка проскакалъ двѣнадцати съ половиной верстъ. Царь Доро̀да съ нимъ вмѣстѣ побѣжалъ, двадцать пять верстъ убѣжалъ и на двѣнадцати верстахъ ему встрѣчу повидѣлся; забралъ Ивашку въ свое жительство, и приводитъ его царь Доро̀да въ свой домъ, а его домъ былъ огороженъ желѣзнымъ тыномъ, и на кажней тычинкѣ кругъ дому человѣчьи головы, а на одной нѣтъ. И сказалъ царь Доро̀да «На этой тычинкѣ быть твоей главѣ! Ну, я съ тебя зря ее не сыму, я задамъ тебѣ разныя задачи». У царя же Доро̀ды была вторая жена, изъ Ягихъ Бабъ; было у царя Доро̀ды двѣнадцать дочерей: одиннадцать отъ этой матери, а двѣнадцатая большая самая, была отъ первой жены. И было у нихъ, у двѣнадцати дочерей, у кажней своя келья. Вотъ же царь Доро̀да и говоритъ Ивашкѣ: «Вотъ я тебя, Ивашка, запру въ эту

темницу. У меня есть двѣнадцать дочерей и двѣнадцать у нихъ комнатъ; одиннадцать отъ этой жены, а одна отъ первой. Я тебѣ завтра выстрою ихъ подъ рядъ всѣхъ. Если ты можешь узнать, которая у меня дочь отъ первой жены, тогда главу съ тебя не сымаю, домомъ тебя надѣляю; а не узнашь—голову съ тебя долой». А гдѣ же Ивашкѣ узнать? Онъ отъ роду ихъ не видалъ. Заперъ Ивашку въ темницу, заперъ его замками, завалилъ его камнями. Какъ глухая полуночь приходитъ, подходитъ къ двери его же большая дочь, отъ прежней его жены, и стучитъ тихимъ стукомъ: «Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, что ты горько плачешь?» «Ой еси, красная дѣвица, какъ мнѣ не плакать? Послѣднюю я ночь ночую на вольномъ свѣтѣ». Отвѣчаетъ ему красная дѣвица: «Что на что̀ и тебя за что̀?» «Вотъ что̀ приказалъ вашъ то тятенька: есть у него двѣнадцать дочерей, одиннадцать отъ молодой жены, а одна отъ старой жены, и хотѣлъ онъ мнѣ ихъ на утро вывести, а я ихъ совсѣмъ не знаю». Отвѣчаетъ она ему: «Ложись съ Богомъ, спи, я придамъ тебѣ разуму. Онъ насъ нарядитъ въ одну одёжу; мы всѣ равны: подъ одинъ голосъ и подъ одинъ волосъ, подъ одну черную бровь. Онъ меня поставитъ съ праваго боку, крайну. Прямо за меня и берись, а если онъ у тебя вырветъ меня и скажетъ: Дѣвки перебѣги! и они перебѣгутъ; на послѣдъ того онъ опять разставитъ и поставитъ меня съ лѣваго боку, отъ края другою, то смотри держи крѣпко. Если опять отниметъ, не узнаю гдѣ поставитъ».

Онъ же легъ молодецъ, спать не спитъ, свѣту дожидается и къ смерти собирается. По утру встаетъ ранёхонько, умывается горькими слезами бѣлёхонько, печалью утирается, на̀ смерть собирается. Является къ нему нѐдругъ царь Доро́да, разставилъ дочерей по порядку, подводитъ его къ нимъ и говоритъ: «Ты же, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, по чистòму полю зря шатаешься, вотъ тебѣ задача. Не желаю съ тебя голову снять, желаю тебѣ задачу дать. Хочу тебя обра̀чить. Вотъ тебѣ двѣнадцать дочерей; узнай, которая дочь послѣ той жены. Если узнашь—будетъ твоя о б р у ч ѐ в н а я жена, а не узнашь — голову съ тебя долой». Ивашка тотъ часъ былъ больно не ве́селъ, буйную свою голову повѣсилъ ниже могучіихъ своихъ плечъ: ко злодѣю въ руки попалъ. Подумалъ, подумалъ Ивашка: «Двухъ смертей не бывать, а одной

не миновать! Что моей головѣ будетъ? Дай ея наказъ исправлю». И брался Ивашка за красную дѣвицу съ праваго боку, за крайну. Царь Дорóда видитъ дѣло неладно; изъ рукъ ее отымаетъ, въ кучу ее толкаетъ. Сказалъ царь Дорóда: «Дѣвки! Смѣшаться» Одна за одну, другà за другýю, склýбились и кучей сдѣлались. Прозвѣвалъ Ивашка. Онъ у него суженую изъ рукъ отнялъ, опять всѣхъ подъ рядъ разставилъ. «Ну, теперь же, Ивашка, узнай!» Ивашка кругомъ обошолъ, подумалъ съ своей съ буйной головой. «Ахъ, да ну», сказалъ Ивашка,—«попытка не шутка, а спросъ то не бѣда вѣдь? Да ка еще разъ попытаю!» Смѣлымъ своèмъ шагомъ съ лѣваго флàнку и цопнулъ вторую дѣвицу и прижалъ крѣпко ее къ себѣ. Царь Дорóда видитъ—дѣло плохо: живъ въ руки Ивашка не дается. Сталъ Дорóда ее рвать и сталъ крѣпко отымать. Онъ—за дѣвицу, дѣвица—за молодца. И говоритъ дѣвица: «Будетъ, тятенька, игралъ разъ, а начни-ка снова!» Царь Дорóда и говоритъ: «На утро задачу задаю. Дѣвки, по избамъ!» Дѣвки разошлись по избамъ, и повелъ царь Дорóда Ивашку въ тоё же темницу, гдѣ онъ ночь провелъ, и сказалъ ему: «Узнай—которая ея комната» (а онѣ всѣ подъ рядъ) и заперъ его замками.

Приходитъ царь Дорòда ко своей женѣ и говоритъ: «Узналъ». Сердитыемъ, грубыемъ взглядомъ она глядѣла и говоритъ ему: «Гдѣ бы ему узнать? Ея б.....я мудрость!» И спрашиваетъ его Ягая Баба, его жена, ея мачиха: «Что̀ ты еще ему задалъ?» Отвѣчаетъ ей царь Дорòда: «Узнать ея комнату». «Ну, да ладно», сказала жена.

Сидитъ Ивашка въ темной темницѣ, не пимши, не ѣмши. Поплакалъ, поплакалъ и съ горя пѣсенки запѣлъ. Приходитъ къ Ивашкѣ глухая «полуночь и такая на Ивашку грусть напала, опять горько заплакалъ. «Полуночныя звѣзды», говоритъ,—«проходятъ, новыя звѣзды къ свѣту начинаются, я же, добрый молодецъ, смерти дожидаюся!» Скоро является къ нему нареченная невѣста, постучала въ двери: «Ивашка! Отверзь мнѣ двери!» «Не могу отверзить двери: заперты». Она же пиннула ногой, и двери отперлúсь, и замки къ чорту убрались. Взошла, Богу помолилась, Ивашкѣ поклонилась: «Здравствуй, милый мой нареченный женихъ! Что горько плачешь?» «Какъ мнѣ горькому не плакать? Я свѣту дожидаюсь и смерть блúжится». «Ложись, спи до свѣтлà, не придетъ

къ тебѣ бѣда. Скажи, что̀ тебѣ тятенька приказалъ!» Отвѣчаетъ Ивашка красной дѣвицѣ: «А вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ: затопите вы свои всѣ хаты вмѣстѣ, узнать которая твоя». Вотъ дѣвица и говоритъ: «Ложись съ Богомъ, спи, научу какъ дѣло сдѣлать. Какъ мы печки затопимъ, изо всѣхъ трубъ повалитъ дымъ столбомъ, а изъ моей трубы пойдетъ возжей. Тутъ и иди!» «Хорошо». Ночь прошла, приходитъ свѣтъ. Идетъ царь Доро̀да, запоры не попорчены: Красная дѣвица сама отперла и опять его заперла. (Не могъ онъ этаго дѣла знать, что она у него была). Къ нему въ темную темницу приходитъ, на вольный свѣтъ его выводитъ. И сказалъ ему царь Доро̀да: «Узнай которая твоей невѣсты келья!» Кельи всѣ, какъ одна, подъ рядъ стоятъ. Онъ смотритъ: изо всѣхъ дымъ валитъ столбомъ, а изъ одной—возжей. Подумалъ же Ивашка: «Первый разъ», говоритъ,—«не обманула, а попытка не шутка. Да ка пойду тутъ, гдѣ велѣла». Взошолъ Ивашка, Богу помолился, красной дѣвицѣ поклонился и говоритъ Ивашка: «Что, тятенька, тутъ ли зашелъ?» «Тутъ», говоритъ,—«нареченный зять». Отправляется царь Доро́да къ своей женѣ, сказываетъ, что узналъ. Отвѣчаетъ ему жена: «Это не онъ узналъ, а она узнала, она ему сказала». Велѣла ему Ягая Баба разлучить его съ ней, запереть его опять въ темну темницу. Въ ихемъ во дворѣ былъ протёкъ рѣчки на десяти саженяхъ. Вздумала его жена: «Дай ему задачу, чтобы онъ на той сторонѣ выстроилъ церковь кругъ одной ночи, чтобы было ихъ гдѣ обвѣнчать».

Приходитъ царь Доро́да къ нимъ въ комнату. «Ну, пойдемъ», говоритъ,—«нареченный зять, въ темницу. Задамъ я тебѣ большую задачу. Найми рабочихъ и плотниковъ, чтобы кругъ ночи на этимъ острову была церковь устроена, было бы намъ гдѣ тебя обвѣнчать». Ивашка Бѣлая Рубашка говоритъ ему: «Сдѣлаю», говоритъ,—«тятенька!» Научила его нареченная невѣста и сказала: «Ложись съ Богомъ, спи! Церковь будетъ готова!» Онъ спать не спитъ, въ окошечко смотритъ. Крикъ, превеликій зыкъ, стукотня—пріѣхали мастера, плотники и живописцы, церковь сдѣлали кругъ ночи и иконы написали. Она на заряночкѣ приходитъ, его обручевная жена, темную темницу расперла̀ и говоритъ Ивашкѣ: «Переѣзжай, Ивашка, на лодкѣ, прибивай по́лочки; я тятенькѣ отвѣчу, кто тебя выпустилъ». Приходитъ же царь Доро́да къ Ивашкѣ,

хвать въ темной темницѣ Ивашки нѣтъ. Ивашка въ цѐркви. Приходитъ въ церковь, осмотрѣлъ: отлично хорошо. Ну, царь Дорода по головкѣ его погладилъ и не спросилъ, кто его отперъ. Приходитъ царь Дорóда къ своей женѣ и сказываетъ, что удивленье какую у насъ на острову намъ зять церковь состроилъ. Эта ж е ея мачиха: головой помотала, б . . . . ю ее поругала: «Охъ охъ-охо-охо! Это ея б . . . . . и мудрости! Ну, еще скажи, чтобы онъ завтра сдѣлалъ мостъ черезъ рѣку. Въ темницу не запирай, оставь его съ ней». Приходитъ царь Дорóда къ нареченному зятю, называетъ царь Дорóда: «Нареченный мой зять! Устрой кругъ ночи мостъ, чтобы гдѣ было тебѣ проѣхать къ ц е р к в и, тебя обвѣнчать». Сказалъ ему Ивашка: «Будетъ, тятенька, готовъ; корми коней!» (А куды ѣхать? Будетъ только пѣшкомъ пройти). Приходитъ Ивашка къ своей нареченной невѣстѣ, спрашиваетъ его она: «Что̀ сказалъ тебѣ тятенька?» Отвѣчаетъ Ивашка ей: «Со̀ страхомъ тятенька сказалъ черезъ эту рѣчку сдѣлать мостъ, кругъ ночи, гдѣ бы намъ съ тобой въ церковь завтра пройти вѣнчаться». Сказала ему нареченная невѣста: «Ложись съ Богомъ, спи, все будетъ дѣло исправно». «Ну, да хорошо ж е». Легъ Ивашка, спитъ и у д . . ы пузыри. Слушаетъ ночнымъ бытомъ Ивашка, кто кричитъ: Тпрру! кто кричитъ: Но! Везутъ лѣсъ на сваи, на огнивы и на мостовиникъ. Лѣсу навезли, стали работа̀ть. Зорька занялась— мостъ готовый. Разсвѣтало, вышелъ Ивашка съ топорикомъ, постукиваетъ, перилки приколачиваетъ. Приходитъ царь Дорóда, только ахнулъ: «А х ъ, д а и б у д е т ъ! Я мудренъ; онъ мудренѣй меня!» У царя Дорóды не пиво варить, не вино курить. Не спрося никого, самъ ихъ обвѣнчалъ и жить ихъ заставлялъ. Посылаетъ на утро къ нимъ въ домъ ея мачиха свою родную дочь: «Дочь моя мила, дочь моя разумна, поди сходи къ зятю, скажи, чтобы исправили мнѣ обѣдъ: проздравить ихъ съ законнымъ бракомъ; я приду». Приходитъ къ нимъ ея неродная сестра, проздравляетъ: «Здравствуй», говоритъ,— «сестрица! Ты», говоритъ,— «нажила себѣ мужа, а мы не наживемъ во вѣки вѣковъ. Приказала», говоритъ,—«вамъ мамынька постряпать». «Хорошо», говоритъ,—«скажи ей: будетъ готово». Посылаетъ ея вѣнчанна́я дочь Ивашку: «Иди, Ивашка, на скотный дворъ, поймай нѣтъ лучшаго барана и тащи ко мнѣ». Пошелъ ж е Ивашка, поималъ барана, принесъ домой. Они прямо его въ печь неснятаго

и положили. Приходитъ къ нимъ мачиха. Пришла съ сердцемъ; «Дай мнѣ, б . . . ь, ѣсть!» А она Ивашку оборотила иголочкой и сунула въ стѣну, чтобы мачиха не видала; за столъ ее сажала, барана на столъ вынимала. Она стала жрать, стала живкомъ глотать, всего съѣла, въ полсыти не наѣлась. Скочила изъ-за стола и давай изъ стѣнъ мохъ теребить, его искать (съѣсть хотѣла). Только бы его захватить, дочь то и говоритъ: «Мамынька! Ты мохъ то вытеребишь, у меня келья то студена будетъ». Сказала ей мать: «Ну, добро же, б . . . ь!»

Призываетъ на утро мать вторую родную дочь: «Поди же, иди, да скажи зятевой дочери какъ можно исправили бы мнѣ обѣдъ». Приходитъ къ нимъ дочь и не родная ея сестра. «Вотъ», сказываетъ,—«исправьте, сестрица, мамынькѣ обѣдъ». «Скажи, сестрица, что будетъ готовъ». Пошла молодая и сказала мужу Ивашкѣ: «Принесь поди быка, пымай его за рога и веди его сюда». Ивашка пымалъ нѣтъ лучшаго быка и обраталъ его за рога; кусками его изрубилъ и въ печку положилъ. Положили и закрыли его крышкой. Является къ нимъ гостья, не родная ея мать, и стала ее б . . . . ю звать: «Дай обѣдать!» Обѣдать она ей собрала, а мужа своего Ивашку прибрала: оборотила уголькомъ и положила въ горнушку. Стала мачиха быка жрать, мослы въ окошко кидать; всего сожрала и сыта не была. Сыта не была, скочила изъ-за стола и стала изъ горнушки жаръ хватать, только искры посыпались. Жаръ хватаетъ и въ кадыкъ его кидаетъ. И вотъ-вотъ только бы Ивашку сохватить и живкомъ его сглотить, дочь и говоритъ: «Охъ, мамынька, оставь-ка мнѣ одинъ уголекъ, чѣмъ будетъ мнѣ завтра придутъ огонекъ?» Она крѣпко на нее осерчала и изъ комнаты убѣжала. Дочь уголекъ изъ горнушки вынимала, духомъ его обдувала; изъ этого уголька Ивашку сработала и говоритъ: «Охъ, милый мой другъ Ивашка, намъ съ тобой здѣсь не житье. Айда-ка, лучше отправимся бѣжать куда глазы глядятъ». Вотъ хорошо. Ивашка согласился на ея слова, и ударились бѣжать. Вдругъ ихъ хватились, что въ домѣ ихъ нѣтъ. Посылаетъ неродная мать большую свою дочь ихъ догнать. Сѣла дочь въ желѣзную ступу и начала желѣзнымъ пестомъ погонять: «Охъ да!» и сказала: «Го́лонъ го́лонъ голынгачъ!» Молодица учуяла, что земля дрожитъ, и говоритъ своему мужу Ивашкѣ:

«Гонятъ за нами въ погоню. Припаду я къ сырой землѣ — узнаю кто гонитъ». Припала къ сырой землѣ и говоритъ Ивашкѣ: «Гонитъ да только сестра». Махнула же она молодица лѣвой рукой: сдѣлала огромный лѣсъ, и не пролѣзетъ ея желѣзный пестъ. Оборотилась дочь назадъ и говоритъ матери, что некуда ѣхать: темный лѣсъ. Посылаетъ Ягая баба своево мужа, царя Дорòду. Охъ же царь Дорòда затопился какъ мòлонья, живой рукой хочетъ догнать, ее отнять. У молодицы сердце закипѣло, и говоритъ она Ивашкѣ: «Охъ Ивашка, гонятъ въ погонь! Больно земля колухается, самъ батюшка скачетъ. Ну да», говоритъ,—«страшенъ сонъ да милостливъ Богъ!» Попросила Бога, махнула правой рукой; его оборотила цèрковой, а сама—дьячкомъ. Царь Дорóда вошелъ въ церковь и говоритъ: «Здравствуй, «дьячекъ!» «Здравствуй, царь Дорóда!» «Чтò я тебя хочу спросить». «Спроси», говоритъ дьячекъ,—«отвѣчу». «Не видалъ ли молодца съ молодицей? Не проходили ли тутъ?» Дьячекъ говоритъ: «Третій годъ служу—не видалъ никого». Обращается царь Дорòда назадъ, прибѣгаетъ къ женѣ. Спрашиваетъ его жена: «Что ты, гдѣ былъ? Далеко ли бѣжалъ? Кого видалъ?» «Я», говоритъ царь Дорóда,—«далеко бѣжалъ, никого не видалъ, только видѣлъ церковь и дьячка». Сказала ему жена: «Охъ безумная старая твоя голова! Дьячекъ-отъ—она, а цéркова то зять. Не умѣлъ ты ихъ взять! Дайте ка мою желѣзную ступу!» И стала пестомъ погонять, по три версты одинъ прыжокъ давать, и хочется больно ихъ догнать. Шибкимъ громомъ, съ вихоремъ полетѣла и хвостомъ завертѣла. И учуяла ее дочь—земля поколыбалась, и говоритъ молодица Ивашкѣ: «Ну, Ивашка, подумать надо: гонитъ сама матушка!» Сѣла, подумала. Топнула своими рѣзвыми ногами,—разлилось большое молочное озеро. Махнула правой рукой—сдѣлала берега кисельные; оборотила Ивашку сележкóмъ, а сама стала уточкой,—и плаваютъ по молочному» озеру, киселекъ похлéбываютъ, молочко прихлéбываютъ. Подскакала ихъ злодѣйка и сказала: «О, я вижу, б...ь, твое мудрости! Теперь я съ тобой не разстанусь! Киселя наѣмся, молока напьюсь!» Кисель жретъ, молоко пьетъ; озеро убываетъ. Они всхлопнутъ крылышками, полетятъ и сядутъ на озеро, поцѣлуются и врозь поплывутъ, Ягую бабу подразниваютъ. И говоритъ ей Ягая баба: «О, б...ь, не дразни! Озеро высушу и кисель съѣмъ, и васъ ра-

зорву!» Молока напилась и киселя наѣлась—тутъ ее и рóзорвало. Я тамъ былъ да медъ пиво пилъ; по усу текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синь кафтанъ, а мнѣ послышалось: скинь кафтанъ! Скинулъ да на кустикѣ и повѣсилъ и теперь тамъ виситъ. А Ивашка сталъ жить да поживать, да добра наживать, а худо то проживать. Со спины то стали горбáтѣть, а спереди то стали богáтѣть.

(Записано со словъ Абрама Новопольцева, крестьянина с. Помряськина, Самарск. губ. Ставроп. уѣзда).

2.

Иванъ Туртыгинъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ одномъ было королевствѣ, жилъ былъ царь, и у царя была дочь одна разъединая. Были у ней няньки и мамки. Разъ она выпросилась въ садъ погулять съ няньками и мамками; поднялся вúхорь и унесъ Скúпетру-царевну. Няньки и мамки закидались, забросались: «Какъ мы царю скажемъ?» Сказали царю; тотъ въ у п а д о к ъ пришелъ. «Какъ мнѣ быть? Какъ ее вернуть?» Кликнулъ кличъ—не отыщетъ ли кто. Пріѣхали короли изъ иной земли—никто не можетъ. Собралъ царь простонародье—не можетъ ли кто отыскать? Тотъ говоритъ: «Не могу». Другой: «Не могу. Мы не зна(е)мъ, гдѣ отыскать». Позади людей стоитъ мастеровой человѣкъ, Иванъ Туртыгинъ, и говоритъ: «Если мнѣ царь половину царства отдастъ, а ее въ жены—я отыщу!» Народъ услыхалъ, взяли его, привели къ царю: «Вотъ, ваше царское величество, онъ обѣщается, только бы вы исполнили». Тотъ говоритъ: «Царское слово свое не измѣню». Иванъ Туртыгинъ и говоритъ: «Все, что̀ мнѣ нужно, чтобы все было готово: былъ бы мнѣ большой к о р à б ь, матросы да въ услуженіе мнѣ стараго служащаго». У царя все готово. По̀плылъ Иванъ Туртыгинъ. Подъѣзжаетъ къ царству, гдѣ э т о т ъ с а м ы й З м ѣ й Г о р ы н ы ч ъ живетъ; оставилъ корабь, а самъ пошелъ пѣшій. Подходитъ къ царству—пастухи скотину пасутъ.

«Что, пастухи, чье это царство?» «Змѣя Горыныча». «А что онъ у васъ женатъ, али холостъ?» «Нѣтъ, онъ недавно женился: у бѣлаго царя дочь унесъ». «А что, мнѣ придти можно?» «Можно: у насъ ни часовыхъ, ни вѣстовыхъ».

Всходитъ Иванъ Туртыгинъ въ палаты, беретъ Скипетру-царевну за руку и уводитъ съ собой. Увелъ на корабь, велѣлъ корабельщикамъ, чтобы на палубу какъ можно пороху насыпать и фитиля зажигать. Поплыли они. Вдругъ Змѣй Горынычъ узналъ и—въ погонь. Они зажгли порохъ, онъ крылья спалилъ и отлетѣлъ. «Ну, хорошо же! Теперь ты», говоритъ,—«Иванъ Туртыгинъ, поплывешь: заѣзжай къ моей сестрицѣ, Лютой Змѣицѣ, снеси ей отъ меня поклонъ». «Хорошо». Доплываетъ до этого мѣста, гдѣ сестра его, оставляетъ корабь, а самъ идетъ къ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ. «Здравствуй», говоритъ,—«Дѣвица Лютая Змѣица! Тебѣ Змѣй Горынычъ кланяться велѣлъ». Она говоритъ: «Благодарю. Садись! Гость будешь. Давай со мной въ шашки играть». «Извольте». Сѣли они. Играли, играли—и видитъ Иванъ Туртыгинъ, что она его обыгрываетъ: бросилъ шашки и говоритъ: «Это что за шашки? У меня вотъ на кораблѣ—ну такъ шашки! Я за ними схожу». Она не отпущаетъ его: «Ты, говоритъ, обманешь!» «Вотъ вамъ, если такъ, а я стараго г е н е р а л а оставлю, когда не вѣрите; а самъ сейчасъ приду».

Всходитъ на корабь и велитъ на двѣ четверти пороху на палубу насыпать. Дѣвица Лютая Змѣица видитъ, что его нѣтъ, собрала своихъ подданныхъ и—въ погонь за нимъ. Собралась ихъ туча и полетѣла. Она вслѣдъ кричитъ: «Топите корабь!» Иванъ Туртыгинъ увидалъ и велѣлъ зажечь порохъ. Тѣ налетѣли, какъ дикіе камни—сталъ корабь качаться. Какъ порохъ взорвало, такъ ихъ и разметало въ море. Оставшіе полетѣли къ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ назадъ. Она во второй разъ еще больше силы собрала, чтобы этотъ корабь утопить. Иванъ Туртыгинъ еще больше велѣлъ пороху насыпать. Раскидалъ ихъ опять половинную часть, коли не больше. Они улетѣли и говорятъ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ: «Достать его нельзя!» Она вышла и говоритъ: «Ну, обманулъ ты Змѣя Горыныча, обманулъ меня Дѣвицу Лютую Змѣицу; поѣдешь мимо—заѣзжай къ дѣдушкѣ Кривому Богатырю, скажи поклонъ». «Хорошо заѣду». Доѣзжаетъ до мѣста, оставилъ корабь, а самъ ушелъ

къ Кривому Богатырю. Кривой Богатырь сидитъ обѣдаетъ: жареный быкъ передъ нимъ да чанъ воды. «Здравствуй, дѣдушка Кривой Богатырь!» «Ахъ, Иванъ Туртыгинъ! Куда тебя это, какъ Богъ занесъ?» «Къ тебѣ побывать пріѣхалъ. Дѣвица тебѣ Лютая Змѣица кланяется. Была, говоритъ, у нашего батюшки обжорлива корова: по стогу сѣна съѣдала, по́ чану воды выпивала». «Ты еще, Иванъ Туртыгинъ, молодёхонекъ надо мной старикомъ смѣяться». «Прости, дѣдушка Кривой Богатырь, я пошутилъ». «Ну, ничего: садись со мной обѣдать». Сѣлъ, поѣлъ, дѣлать нечего и видитъ—плохо дѣло: выдти негдѣ ему отъ него. «А, чай», говоритъ,—«дѣдушка, тебѣ какъ хочется, чтобы о б ѣ и́ м и глазами глядѣть?» «Когда бы не хотѣлось—все бы лучше обѣими-то видѣлъ». «Я тебя вылѣчу: обѣими будешь глядѣть. Нѣтъ ли у васъ олова?» «Когда же нѣтъ?» Растопилъ Иванъ Туртыгинъ олово. «Нужно тебя теперь къ столбу привязать!» Привязалъ къ столбу, середь двора. «Поворотись-ка!» Кривой Богатырь какъ поворотился, куды все пошло! «Ну, нѣтъ, тебя надо старыми моржовыми ремнями привязать. Нѣтъ ли?» Тотъ сыскалъ. Привязалъ Иванъ его; велѣлъ поворотиться. Старикъ поворотился—ремни держатъ. Иванъ взялъ олово, растопилъ и вылилъ ему въ послѣдній глазъ. «А, Иванъ Туртыгинъ, обманулъ ты меня, да нѣтъ не обманешь! Д в е р и д е р ж и! К а л и т к и д е р ж и и з а б о р ы д е р ж и!» Нѣтъ Ивану Туртыгину ходу: ходилъ, ходилъ, выдти некуда. У старика овцы были. Вотъ онъ взялъ къ нимъ зашелъ, да себя барану подъ брюхо и подвязалъ. Кривой Богатырь ходитъ, ищетъ Ивана Туртыгина, нигдѣ не найдетъ. Кривой и вскричалъ: «Барашекъ, поди сюда!» Барашекъ одинъ подойдетъ, онъ его погладитъ, а Иванъ то своего барана въ бокъ уколетъ, тотъ богатыря то рогами хлыстъ: «Шалишь, барашекъ!» А баранъ то вдругорядь. Осердился Кривой Богатырь, взялъ его за рога и выкинулъ черезъ заборъ, на у л и ц у. Иванъ Туртыгинъ ушибся; отвязался, полежалъ малость, всталъ и говоритъ: «Ну, дѣдушка Кривой Богатырь, прощай!» «А, обманулъ Змѣя Горыныча, обманулъ Дѣвицу Лютую Змѣицу, обманулъ и меня, Криваго Богатыря! Пойдешь лѣсомъ, тамъ есть сабля, возьми ее: годится тебѣ!»

Подходитъ Иванъ Туртыгинъ къ лѣсу, видитъ виситъ сабля, на деревѣ качается, и думается ему: «Если мнѣ ее взять, кабы чего

не было». Взялъ мизинчикомъ тронулъ, а дѣдушка Кривой Богатырь кричитъ: «Держи!» Мизинчикъ и присталъ. Взялъ Иванъ Туртыгинъ ножикъ и отрѣзалъ себѣ палецъ. Шелъ путемъ дорогой; близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли—и усталъ. Нашелъ на него Заплетай Заплетаичъ, сорокъ рукъ, сорокъ ногъ и облапилъ его; и не можетъ онъ отъ него отодраться. На себѣ его долго носилъ, даже усталъ; шелъ и запнулся за мертвую богатырскую голову. Взялъ да и толкнулъ ее ногой. Та и говоритъ: «Не толкай меня, Иванъ Туртыгинъ! Лучше схорони въ песокъ. Я отъ его рукъ въ землю пошелъ» (отъ Заплетая Заплетаича стало быть). Присѣлъ Иванъ, вырылъ ямку и положилъ голову въ песокъ. Голова и говоритъ: «Я тебѣ скажу, какъ отъ него избавиться: пойдешь ты вотъ этимъ доломъ и нападешь на ягоды; однѣ ягоды сладкія и манныя, а другія ягоды—пьяныя; сладкихъ самъ поѣшь, а пьяныхъ ему бросай, черезъ плечо; когда онъ напьется, ты сядь на припорѣ солнца».

Иванъ Туртыгинъ все это сдѣлалъ. Заплетай Заплетаичъ опьянѣлъ, уснулъ: и руки, и ноги расплелись. Иванъ убѣжалъ, а его тутъ оставилъ. Бѣгъ онъ мало ли много ли, подходитъ къ другому лѣсу, и дерутся левъ съ окаяннымъ. Увидали его—окаянный и говоритъ: «Ахъ, Иванъ Туртыгинъ! Помоги мнѣ лютаго звѣря убить!» А лютый звѣрь говоритъ: «Эхъ, Иванъ Туртыгинъ! Ужли ты меня на окаяннаго смѣняешь? Помоги мнѣ! Вотъ тебѣ коверъ самолетъ и шапка невидимка, если мнѣ поможешь».

Онъ взялъ саблю и снесъ съ окаяннаго голову. Левъ и говоритъ: «Ну, садись на меня! Я тебя до царства донесу!» Довезъ онъ его до царства, снялъ съ себя и говоритъ: «Ну, Иванъ Туртыгинъ, допьяна не напивайся, а мной звѣремъ не похваляйся!» Простились. Левъ ушелъ.

Въ царствѣ—звонъ страшный; народу по улицѣ страсть ходитъ. Онъ и спрашиваетъ: «Что у васъ за звонъ?» «Да у нашего царя свадьба скоро будетъ. Генералы ѣздили, царевну привезли; такъ за одного она выходитъ» (царевна то ему при разставаньи, кольцо имянное дала). «Чай посмотрѣть можно?» «Можно. Царевна у насъ все изъ своихъ рукъ всякому подноситъ». Приходитъ, докладываютъ, что иностранецъ съ поздравленіемъ пришелъ. Она выходитъ и выноситъ ему стаканъ вина.

Онъ принимаетъ; она и увидала на немъ свое кольцо. Беретъ его за̀ руку, ведетъ къ отцу въ палату. «Вотъ, батюшка, мой избавитель!» Женихъ осердился. «Ну», говорятъ,—«разкажи, какъ вы ее достали?» Онъ и не можетъ.

Генерала повѣсили, а Ивана Туртыгина въ царскую одёжу одѣли. Веселымъ пиркомъ да за свадьбу. Пили, гуляли долго. Иванъ напился, да и говоритъ: «Гдѣ бы мнѣ къ вашей свадьбѣ поспѣть, кабы меня лютый звѣрь левъ не подвезъ». Лютый звѣрь услыхалъ и идетъ, зубами скрипитъ. «Подайте мнѣ виноватаго!» Того высылаютъ, другого. «Нѣтъ, не тотъ. Виноватаго давайте!» Иванъ Туртыгинъ услыхалъ и говоритъ: «Ну, батюшка, видно мнѣ идти надо къ лютому звѣрю». Выходитъ и говоритъ: «Виноватъ! Прости!» «Нѣтъ, не прощу, я тебя п о х и ч у!» «Пожалуйста прости! Тогда меня похить, когда я тебя угощу. Погуляй и ты на моей свадьбѣ».

Принесли корыто и налили въ него разныхъ винъ. Левъ напился и повалился. Его и сковали: и ротъ и ноги, всего. К а к ъ онъ проснулся и говоритъ: «Эхъ, Иванъ Туртыгинъ, вспомни Бога, отца и мать! Раскуй меня, лютаго звѣря!» «Нѣтъ, не раскую; а вотъ выпей еще, тогда раскуемъ». Еще налили. Левъ напился до́пьяна, его и расковали. Проснулся левъ, у б ё г ъ, да и говоритъ: «Кто вино это пьетъ—недобрый человѣкъ. Тутъ не только на кого скажешь, и на себя нанесешь!» А Иванъ Туртыгинъ женился на Скипетръ-царевнѣ и сталъ жить да поживать.

(Записано со словъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой).

3.

Борма Ярыжка.

Царь Иванъ Васильевичъ кликалъ кличъ: «Кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства корону, скипетръ, р у к ъ д е р ж а в у и к н и ж к у при нихъ?» По трое сутки кликалъ онъ кличъ, но никто не являлся. Приходитъ Борма̀-ярыжка. «Я», говоритъ,—«могу

достать, а для этого мнѣ надо снарядить корабль, да тридцать человѣкъ дайте мнѣ матросовъ; корабль чтобы весь былъ окованъ жестью, всѣ снасти и мачты, да тридцать бочекъ въ него пороху, да на три года провизіи, и если я черезъ три года не ворочусь, значитъ—меня вживѣ не будетъ. А теперь мнѣ съ молодцами дайте попить да погулять». Ну вотъ онъ шесть недѣль съ ними пьянствовалъ, пропился весь. Пошли на корабль. Вѣтеръ былъ попутный, подняли паруса и живо затопились. Пріѣзжаютъ къ Вавилонскому царству. Онъ сошелъ на берегъ, взялъ двоихъ съ собой матросовъ. А Вавилонское царство все было съѣдено змѣями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили и нашелъ онъ въ ней корону, скипетръ и рукъ державу и книжку при нихъ. Матросы говорятъ: «Ну, теперь добыли—пойдемте на корабль!» А онъ: «Нѣтъ», говоритъ,—«надо въ городъ сходить, а то насъ будутъ спрашивать, а мы ничего не знаемъ». Змѣи все пожирали, ничего кругомъ не осталось, а спали между обѣдней и заутреней въ Свѣтло-Христово Воскресенье. Въ это время Борма и вышелъ на берегъ. Царь Вавилонскій издалъ указъ, чтобы на всемъ змѣи были вырѣзаны и написаны: и на чашкахъ, и на ложкахъ, и на монетахъ.—Богъ его и наказалъ: всѣ эти змѣи ожили и поѣли все живое. Около города, вмѣсто стѣны, змѣя обвивалась. Ну вотъ Борма Ярыжка, чтобы перелѣзть стѣну и змѣя не задѣть, слѣпилъ лѣстницу и перелѣзъ. Когда онъ шелъ городомъ, змѣи, какъ мертвые, подъ ногами лежали. Иная взметнется, какъ наступятъ, и опять спитъ. Онъ никого живаго не нашелъ и пошелъ прямо во дворецъ. Приходить—всѣ комнаты пустыя, а въ послѣдней царской комнатѣ сидитъ (сдѣланная) Царь-Дѣвка—на половину змѣя, на половину дѣвка. Она надъ всѣмъ змѣинымъ царсткомъ царствовала. Когда Борма Ярыжка вошелъ, она увидала и говоритъ: «А, Борма Ярыжка! Ты шелъ изъ Русскаго царства доставать корону, скипетръ, рукъ державу и книжку, и они у тебя?» «У меня». «Досталъ?» «Досталъ». «Разорву, съѣмъ!» «Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мнѣ мяса? Вотъ я тебѣ двоихъ въ залогъ оставлю, да и остальныхъ приведу: все одно вмѣстѣ пропадать. Черезъ часъ вернусь». Она отпустила его да и говоритъ: «Ну ступай, да не обмани!» Не успѣлъ онъ ступить изъ ея комнаты, Царь-Дѣвка на матроса одной ногой ступила, другой

розорвала при немъ же. А Борма Ярыжка, какъ прибылъ на корабль такъ и закричалъ: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» Проходитъ часъ; Царь-Дѣвка видитъ—его нѣтъ. Посмотрѣла—анъ чуть парусъ видно. «А, хитёръ, мудёръ Борма Ярыжка, да не уйдешь!» И закричала: «Эй, вы змѣи мои, змѣи лютые! Поднимайтесь, летите, трехглавые, шестиглавые, вотъ на этотъ корабль, утопите его!» А Борма сейчасъ велѣлъ три бочки пороху вынуть, разбить ихъ и разсыпать порохъ по палубѣ. Змѣи налетѣли, общѣпили корабль и всѣ снасти облѣпили. Царь-Дѣвка прыгаетъ на крыльцѣ, радуется: «А! Попался!»

Онъ огонь въ порохъ и кинулъ. Порохъ взорвало и у змѣёвъ всѣ крылья опалило; которыхъ добили, которыхъ пожгли. «А!» сказала Царь-Дѣвка—«хитёръ-мудеръ Борма-Ярыжка!» Потомъ велѣлъ онъ матросамъ всѣ бочки выкатить и разбить на палубѣ, а самъ въ лодку сѣлъ одинъ и уѣхалъ. «Когда змѣи налетятъ, вы порохъ и зажгите!»

Прилетѣлъ Змѣй Горынычъ, что около города стѣной лежалъ и съ нимъ много зміёвъ. Двадцать семь бочекъ съ порохомъ взорвало, змѣй многихъ пожгло, а Змѣй Горынычъ уцѣлѣлъ и началъ корабль топить. Корабль и потонулъ. Царь-Дѣвка на крыльцѣ заплясала. «Ну, Борма Ярыжка! Потонулъ таки!» Ну, чортъ, пляши! Я то здѣсь, да вотъ товарищей жаль». Поплакалъ Борма да и сталъ думать: «Что дѣлать мнѣ? Водой ли плыть, сухимъ ли путемъ идти? Водой поплыву, хоть и скорѣй можетъ (быть), да ѣсть нечего будетъ. Нѣтъ, лучше сухопутьемъ. Тутъ хоть корешокъ найдешь, съ голоду не умрешь». Вышелъ изъ лодки и пошелъ. Шелъ много ли мало ли, приходитъ къ великолѣпному дому. Окруженъ домъ каменной стѣной и ворота за́перты. Началъ стучаться—отзыву нѣтъ, никто не откликается. А любопытство его разбираетъ: кто тутъ живетъ? Разбойники, кто ли? Сѣлъ на лавочку и сталъ ждать. Къ вечеру идетъ великанъ одноглазый, съ лѣсомъ ровенъ. «А! Борма Ярыжка! Здравствуй!» «Здравствуй!» «Ты у сестры моей былъ?» «Былъ.» «Корону, скипетръ, рукъ державу и книжку досталъ?» «Досталъ». «Змѣевъ выжегъ?» «Выжегъ». «Сестру мою обманулъ?» «Обманулъ». «Ну, я тебя разорву—съѣмъ!» «Ну, чего ѣсть то: развѣ отъ меня сытъ будешь? А вотъ давай по братски сдѣлаемъ: у тебя вотъ одинъ глазъ то, а я тебѣ

два сдѣлаю. Ты теперь одно царство видишь, а тогда—два. Пойдемъ! Гдѣ у тебя казна и каменья драгоцѣнные?» Нашелъ—посмотрѣлъ. «Для глаза», говоритъ,—«надо. Станокъ ладить давай, тебя положить!» Сдѣлалъ станокъ, да связалъ великана снастями «Ну ка рванись, а то вѣдь глазъ то испортить можно». Тотъ какъ рванулся, такъ все и перелетѣло. И второй разъ то же. Скрутилъ Борма великана воловьими жилами и спрашиваетъ: «Ну, а теперь не разорвешь?» «Нѣтъ», говоритъ.

Онъ пошелъ, взялъ олова, растопилъ, да и говоритъ великану: «Растопырь глазъ то, а то ошибешься—не такой сдѣлаешь». Тотъ раскрылъ глазъ, а Борма и вылилъ туда горячаго олова. Великанъ порвалъ воловьи жилы, все изорвалъ и поломалъ. «А», говоритъ,—«ты меня обманулъ! Ну, да постой, найду»! Затворилъ ворота и камень къ нимъ привалилъ. Некуда Бормѣ дѣться. А у одноглазаго, въ родѣ товарища, козелъ громадный жилъ. Вотъ Борма то и подвязался къ козлу подъ брюхо, а то не уйдешь пожалуй—и давай его подъ бока щекотать. А козелъ то привыкъ съ одноглазымъ играть, разбѣжится, разбѣжится, да и ткнетъ. А тотъ говоритъ: «Уйди, Васька, теперь не до тебя!» Надоѣлъ онъ одноглазому. Тотъ разсердился, схватилъ козла за рога, хотѣлъ объ стѣну расшибить, да съ Бормой вмѣстѣ черезъ стѣну и перекинулъ.

Борма не съ пустыми руками ушелъ. Какъ только очутился на той сторонѣ, отвязался отъ козла и крикнулъ: «А я здѣсь!» «А, Борма Ярыжка!» закричалъ одноглазый,—«хитеръ ты и мудеръ! Ну! на отъ меня на память золотой топорикъ! Все равно! Борма Ярыжка думаетъ: «Не даромъ онъ кидаетъ». Подошелъ да мизинцемъ чуть дотронулся до топорика. Какъ дотронулся, топорикъ и закричалъ: «Хозяинъ! Здѣсь! Держу»! Борма Ярыжка схватилъ ножикъ и отрѣзалъ себѣ палецъ. Пока тотъ отваливалъ камень, Борма убѣжалъ. «Эхъ!» крикнулъ топорикъ,—«не поспѣлъ! Вотъ тебѣ одинъ палецъ!» Великанъ кинулся, весь его сгрызъ; а Борма гдѣ за дерево спрячется, гдѣ камнемъ лукнетъ—ушелъ.

Долго ли шелъ, нѣтъ ли, не далеко до Русской земли осталось: только черезъ рѣчку перейдти. Опять увидалъ великолѣпный дворецъ. «Дай погляжу». Дожидался до вечера—приходитъ дѣвка. «А Борма-Ярыжка! здравствуй! Ты въ Вавилонскомъ царствѣ былъ?»

«Былъ». «У моей сестры былъ?» «Былъ». «Змѣевъ выжегъ?» «Выжегъ». «А у брата былъ?» «Былъ». «Глазъ ему выжегъ?» «Выжегъ». «Ну, я тебя разорву—съѣмъ! Да еще я на тебя полюбуюсь и помучаю!»

Эта дѣвка его каждый день смертью стращала и двадцать лѣтъ съ нимъ прожила и прижила сына. Стало сыну двадцать лѣтъ. Вотъ разъ она уходитъ въ Вавилонское царство, къ сестрѣ, а Бормѹ на цѣпи оставила и говоритъ сыну: «Я пойду, цѣлый день не буду. Смотри, съ цѣпи отца не отпускай, а то онъ хитеръ и мудеръ. Самаго разорву, коли пустишь: а къ вечеру я сама вернусь». Она ушла. Борма и подзываетъ сына: «Сними цѣпь то, дай я похожу». Тотъ снялъ. Походили. «Чего мы», говоритъ Борма,—«такъ то зря ходимъ? Пойдемъ на рѣку, утокъ пострѣлямъ!» «Нѣтъ, батюшка, ты меня обманешь.» «Нѣтъ, зачѣмъ? Ты вѣдь сынъ мнѣ! Вѣдь тошно мнѣ: я двадцать лѣтъ на цѣпи сидѣлъ!» Пошли утокъ стрѣлять на рѣку, а за эту рѣку нечистъ не перелетала. Убилъ Борма утку и послалъ сына за уткой; самъ плотъ сдѣлалъ на рѣкѣ и поплылъ; «Батюшка!» закричалъ сынъ — «что ты дѣла(е)шь»? А дѣвка ужъ на берегъ прибѣгла, кричитъ: «А, Борма Ярыжка! хитёръ и мудеръ! На вотъ тебѣ твою то половину, не надо мнѣ!» Разорвала сына да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плотъ, онъ и сталъ тонуть. Борма взялъ да ножемъ ее и вырѣзалъ. Плотъ опять поплылъ и переѣхалъ въ Русь святую. Дѣвка побѣсилась, побѣсилась, а сдѣлать нечего: на ту сторону не перекинешься. Борма посмѣялся надъ ней и дальше пошелъ. Приходитъ въ такое мѣсто, словно вычищенный садъ. Мѣстами выбито, словно ямами, мѣстами на кустахъ кровь. «Что бы это было? Дай узнаю». Взялъ Борма Ярыжка и взлѣзъ на дерево и спрятался въ вѣтвяхъ. Немного посидѣвши, видитъ: бѣжитъ левъ и въ ту же минуту прилетаетъ змѣй, и начали они между собой биться; только до того бились, что оба ослабѣли и упали, а одинъ другого не отпускаютъ. Вотъ Борма Ярыжка и думатъ: «Кому помочь? Отъ змѣевъ я много терпѣлъ, заступлюсь за льва». Взялъ да и выстрѣлилъ въ змѣя. Змѣй раненый ослабѣлъ, и левъ его задушилъ. Задушилъ змѣя и смотритъ, глазами ищетъ кто это ему помогъ. А Борма боится слѣзть съ дерева: кабы его левъ то не съѣлъ. Левъ увидалъ Бормѹ и говоритъ: «Слѣзь! Я

тебя не съѣмъ. Тебѣ еще три года идти, а я тебя въ три часа домчу, только ты мной не хвались, а то я тебя съѣмъ!» Борма слѣзъ и сѣлъ на льва. Тотъ его мигомъ довезъ до города и убѣжалъ. Борма пошелъ прямо во дворецъ и сказалъ о себѣ; а тамъ ужь и забыли о немъ, потому что тридцать лѣтъ какъ его не было. Стали искать въ архивахъ и нашли, что дѣйствительно тридцать лѣтъ назадъ былъ отправленъ корабль за поискомъ короны, скипетра, рукъ державы и книжки при нихъ. «Ну что, чѣмъ мнѣ тебя наградить?» спрашиваетъ Бормѹ Иванъ Васильевичъ. «Да что? Дозволь мнѣ три года безданно, безпошлинно пить во всѣхъ кабакахъ!» И вотъ сталъ Борма пить попивать, пьяницъ за нимъ нетолчена труба. Напившись разъ, онъ хвалиться сталъ: «Мнѣ бы еще три года идти, да меня левъ подвезъ въ три часа, за то что я змѣя убилъ». Какъ эти слова выговорилъ и спохватился, да ужь поздно. Сейчасъ же побѣжалъ на царскій дворъ и велѣлъ врыть въ землю три пивныхъ котла и укрѣпить ихъ какъ можно крѣпче. Только что успѣли ихъ укрѣпить и налить въ одинъ меду, въ другой вина, а въ третій самаго крѣпкаго спирту, какъ поднялась буря, и вслѣдъ за ней бѣжитъ левъ и сейчасъ же къ Бормѣ! «А, ты мной похвалился! Такъ я тебя съѣмъ!» «Это не я». «А кто же?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему указалъ на котелъ съ медомъ. Левъ весь котелъ выпилъ и выворотилъ изъ земли. «Кто мной хвалился?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему указалъ на котелъ съ виномъ. Левъ его весь выпилъ и выворотилъ. «Кто же мной хвалился?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему показалъ на котелъ со спиртомъ. Левъ выпилъ котелъ, выворотилъ и пьяный тутъ же растянулся.

Борма велѣлъ вбить около льва столбы и оковать цѣпями. Когда левъ встряхнулся—хвать и встать нельзя. Борма подошелъ и говоритъ: «Вотъ видишь что хмѣль то дѣлаетъ? Не я тобой хвалился, а хмѣль. Я тебѣ бы теперь могъ голову срубить, да не сдѣлалъ этого». «Ну, пусти, Борма Ярыжка!» Тотъ велѣлъ его расковать; левъ и убѣжалъ. Послѣ этого Борма недѣли три пьянствовалъ и опился въ кабакѣ.

(Записано отъ симбирскаго мѣщанина Петра Степановича Полуехтова).

4.

Иванъ царевичъ и Марья краса, черная коса.

Въ нѣвкоторомъ было царствѣ, въ нѣвкоторомъ было государствѣ, не въ нашемъ было королевствѣ. Это будетъ не сказка, а будетъ присказка; а будетъ сказка завтра послѣ обѣда, поѣвши мягкаго хлѣба, а еще поѣдимъ пирога, да потянемъ бычка за рога. Жилъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, у него былъ большой сынъ Василій царевичъ, а второй былъ сынъ Митрій царевичъ; малый сынъ былъ Иванъ царевичъ. Вотъ Василій возрасталъ на возрастѣ и вздумалъ его царь женить и очень долго невѣсту не находили. То найдутъ невѣсту—отцу съ матерью хороша, сму не нравится; то онъ найдетъ себѣ невѣсту—отцу съ матерью не кажется. Вотъ идетъ же Василій царевичъ путемъ дорогой, по широкой улицѣ, повстрѣчается ему старуха, толстое ея брюхо, и говоритъ Василью царевичу: «А вотъ я тебѣ, Василій царевичъ, невѣсту нашла!» А онъ ей и говоритъ: «Гдѣ же ты, баушка, нашла?» «А вотъ у этого генерала дочь, вамъ нужно ее замужъ взять». И сказала старуха, что она б . . . ь. Приходитъ Василій царевичъ къ своему тятенькѣ и говоритъ: «Тятенька, я невѣсту нашелъ, вотъ у такого то генерала дочь». Тятенька говоритъ ему, что можно ее замужъ взять. У царя неколи было пиво варить и неколи было вина курить. Пива много наварили и вина накурили, и повезли ихъ вѣнчать. Привозятъ отъ вѣнца, кладутъ на ложу. Вотъ на ложу онъ съ ней не ложился, а въ чистóе поле отъ нея отшатился и теперь тамъ на конѣ ѣздеитъ. Хватились отецъ съ матерью, что Василья царевича въ домѣ нѣтъ, и негдѣ его искать.

Иванъ царевичъ и спрашиваетъ своего тятеньку: «А что, тятенька, это у насъ за женка?» Отвѣчаетъ ему царь: «Это вамъ невѣстка». «А гдѣ же у ней мужъ?» «Уѣхалъ во чистó поле давно, и теперь его нѣтъ». И говоритъ Иванъ царевичъ: «Тятенька, благословите, я поѣду братца искать, Василья царевича». «Богъ тебя благословитъ», сказалъ царь,—«знать ты мнѣ не кормилецъ!» А вотъ

о с ѣ д л а̀ и л ъ Иванъ царевичъ себѣ добраго коня и поѣхалъ во чисто́е поле, во дику́ю степь своего брата искать, Василья царевича. Во чистымъ полѣ, во дикòй с т е п ѣ раскинутъ былъ бѣлъ шатеръ; во шатрѣ почивалъ Василій царевичъ. Подъѣхалъ Иванъ царевичъ ко бѣлу̀ шатру, восходилъ Иванъ царевичъ во бѣлòй шатеръ и хотѣлъ его соннаго убить (не знаетъ чей такой) и думаетъ себѣ: «Что я его убью соннаго, какъ мертваго? Не честь не хвала мнѣ доброму мòлодцу, а дай ка лучше ото сна разбужу, ото сна его разбужу и все подробно его распрошу и чей такой и откудова и куды путь держитъ».

Вдругъ проснулся Василій царевичъ и сталъ спрашивать: «Чей ты такой, добрый мòлодецъ?» «Изъ такого то царства и такого то отца матери». «А чего тебѣ нужно?» «А мнѣ нужно гдѣ бы найти брата своего, Василья царевича». Сказалъ ему Василій царевичъ: «Кто ты таковъ?» «Я Иванъ царевичъ!» «Иванъ царевичъ у насъ», сказалъ Василій царевичъ,—«трехъ лѣтъ въ зыбочкѣ к а т а е т с я». Отвѣчалъ Иванъ царевичъ: «Онъ сейчасъ не въ зыбочкѣ катается, а по дикòй степѣ на конѣ помыкается и хочетъ розыскать своего брата Василья царевича». И сказалъ Василій царевичъ: «Я самъ онъ!» Сѣли они тутъ на добрыхъ коней и поѣхали куды знаютъ. Заѣхали въ зеленые луга—ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Уѣхали далече. Они сами на коняхъ приустали, и кони ихъ притупѣли, и шелкòвыя плети они приразбили. И сказалъ старшій братъ, Василій царевичъ: «А дава-ка, братъ, отдохнемъ и коней покормимъ!» Сказалъ ему Иванъ царевичъ: «А что знаешь, братецъ, то и дѣлаешь!» Слѣзли съ добрыхъ коней и пустили ихъ по зеленымъ лугамъ. Сказалъ Василій царевичъ: «О, ты братъ Иванъ царевичъ, лягъ отдохни, а я пойду по зеленымъ лугамъ, не найду ли поганаго зайчишки; убью, къ тебѣ принесу, мы его зажаримъ». А сказалъ Иванъ царевичъ: «А ступай, братецъ, съ Богомъ!» И пошелъ Василій царевичъ куды знаетъ и подходитъ къ п р е в е л и ч а ю щ е м у къ синему морю, и тутъ я в л я е т с я хижинка. Восходитъ Василій царевичъ въ хижинку. Посмотрѣлъ: въ хижинкѣ сидитъ красная дѣвица, сидитъ, горько плачетъ и передъ ней гробъ стоитъ. И сказалъ Василій царевичъ: «Что ты, красная дѣвица, плачешь?» «А какъ мнѣ, Василій царевичъ, не плакать? Послѣдній я часъ на вольномъ

свѣтѣ. Сейчасъ вылѣзаетъ изъ моря змѣй и меня поѣдаетъ». Сказалъ ей Василій царевичъ: «Не плачь, красная дѣвица: я бы былъ живъ, будешь и ты жива!» Легъ Василій царевичъ къ ней на колѣни и сказалъ: «Поищи, красная дѣвица, меня!» Стала та искать, онъ и крѣпкимъ сномъ уснулъ. И вотъ во синеемъ морѣ разбушевались сильныя волны, и поднялся лютый змѣй, и башка его, трехведерный котелъ, вылѣзаетъ изъ моря, идетъ съѣсть красную дѣвицу. Она крѣпко его будила: «О, Василій царевичъ, проснись! Съѣстъ насъ съ тобой лютый змѣй!» Спитъ Василій царевичъ, ничего не чувствуетъ. Роняетъ красная дѣвица изъ своего изъ праваго глазу горючую слезу и пала горючая слеза Василью царевичу на бѣлое его лицо, и какъ пламемъ обожгло. И проснулся Василій царевичъ и смотритъ, что лѣзетъ лютый змѣй; вынулъ свою саблю вострую, махнулъ его по шеѣ и отвалилъ дурную его башку. Туловище захватилъ, въ море бросилъ, а дурную башку подъ камень положилъ. И сказалъ Василій царевичъ красной дѣвицѣ: «Вотъ я живъ и вы живы!» «Благодарю, Василій царевичъ, буду я вѣчно твоя жена!» И отправился Василій царевичъ къ своему брату, къ Ивану царевичу. Приходитъ, ничего не приноситъ. «Не нашелъ, братъ, ничего».

А эта дѣвица красная была привезена изъ иннаго царства. Тутъ чередовали людей кажнюю ночь. У иннаго царя былъ дворпой дуракъ и посылаетъ его царь посмотрѣть, что дѣлается въ келейкѣ. Дуракъ запрегъ трюнёгоньку лошаденку, худеньку тележонку, положилъ на нее бочку и поѣхалъ въ море за водой. Взошелъ въ келейку—красна дѣвица живая сидитъ. Онъ же дуракъ сохватилъ ее въ беремя, посадилъ на бочку и повезъ домой. И сказалъ дуракъ царю: «Я», говоритъ,—«убилъ вашего змѣя!» Царь больно обрадовался и свою дочь за него замужъ выдавалъ (котору онъ привезъ). Тутъ такое то было гулянье! Двери были растворены, и кабаки были всѣ открыты. Вотъ этого было вина изъ смоляной бочки и пить нельзя! И былъ такъ пиръ навеселѣ и такой балъ, что и чертъ не спозналъ. Вотъ дуракъ сталъ съ ней житъ да быть, да добро наживать, а худо то проживать. А Василій царевичъ да Иванъ царевичъ сѣли на добрыихъ на коней и поѣхали въ инное царство, гдѣ этотъ пиръ идетъ. Пріѣзжаютъ къ царю. Царь ихъ встрѣчаетъ и крѣпко ихъ почитаетъ и сказалъ

же Василій царевичъ: «А что, царь, у тебя за балъ?» Отвѣчаетъ ему царь: «Я дочку замужъ отдалъ!» Сказалъ Василій царевичъ: «А именно за кого?» «За дворного дурака». «А по какой причинѣ?» «Онъ отъ смерти ее отвелъ». Разказалъ ему царь поведеніе, что у нихъ кажню ночь тутъ былъ человѣкъ на съѣденіе. Повезли на съѣденье дочь, а дурацкая харя поѣхалъ на море по воду и срубилъ съ змѣя голову, а дочь живую привезъ. Взяли ее да замужъ за дурака и отдали. Василій царевичъ и говоритъ: «А что, инный царь, надо бы этого змѣя мертваго посмотрѣть. Позовите своего зятя; онъ долженъ намъ его указать, гдѣ онъ лежитъ». Позвали дурака. «А поди же, дуракъ, съ нами иди же», сказалъ Василій царевичъ,—«укажи, гдѣ змѣй лежитъ». Больно ему стало грустно, что дуракъ съ его нареченной невѣстой лежитъ. Подводитъ дуракъ къ морю и говоритъ: «Вотъ тутъ лежитъ». Василій царевичъ и говоритъ: «А подайте ка невода, да еще мастеровъ сюда! А кто можетъ неводомъ ловить и вдоль по морю бродить?» Появились мастера, кидали шелковые невода—а тутъ нѣтъ ничего. А онъ, дурацкая стать, не видалъ никого. Василій царевичъ и говоритъ: «Рыболовы господа! Киньте неводы вотъ сюда!» Кинули неводы и вытащили престрашную чуду, туловище. И сказалъ Василій царевичъ: «А скажи ка, дуракъ, гдѣ его глава?» Тотъ не знаетъ отвѣтить чего. «Вотъ, дуракъ, гдѣ голова: подъ камнемъ». Подходитъ дуракъ къ камню и не можетъ его съ мѣста тронуть. Сказалъ Василій царевичъ: «Напрасно судьбу, дуракъ, взялъ: не ты змѣя убивалъ!» Поднялъ Василій царевичъ камень и вытащилъ главу, и сказалъ инному царю: «Я похитилъ вашего змѣя!» Инный царь оголилъ свою саблю востру и срубилъ съ дурака буйную его башку за то, что онъ криво сказалъ, а свою дочь за Василья царевича обвѣнчалъ. Вотъ тутъ пили и гуляли, такъ веселились и нѣсколько времени проклажались. И сказалъ Иванъ царевичъ своему брату Василью царевичу: «Поздравляю съ законнымъ бракомъ! Ты нашелъ себѣ невѣсту, а дѣ же мнѣ будетъ искать? Видно надо по вольному свѣту попытать, себѣ сужену поискать». Сѣли они за столъ чайку покушать, а вечеръ пришелъ, легли по разнымъ комнатамъ отдохнуть. Спрашиваетъ Василій царевичъ у своей молодой жены: «А что есть ли на семъ свѣтѣ краше тебя и храбрѣе меня?» Сказала ему красная

дѣвица: «Ну, какая моя красота? Вотъ за тридевять земель, во десятыемъ царствѣ есть Марья-Краса, Черная коса, отличная хороша; только взять ее мудрено. Есть тамъ еще Кàрка богатырь, и образецъ его, какъ сѣнной стогъ. Не могу знать, кто будетъ изъ васъ сильнѣе». Василій царевичъ и сказалъ брату своему Ивану царевичу: «А вотъ, братецъ, гдѣ невѣсту тебѣ назначили». Иванъ царевичъ съ ними распрощался, въ дальній путь-дороженьку собирался. Взялъ онъ въ руки острый ножъ и говоритъ: «Когда этотъ вострый ножъ кровью обольется, тогдà меня живаго не будетъ». И поѣхалъ въ чистое поле, въ дикýю степь, себѣ сужену искать. Ѣхалъ долго ли мало ли и стоитъ избушка, на куричьей голяшкѣ повертывается. «Избушка! Избушка, встань ко мнѣ передòмъ, а къ лѣсу задòмъ!» Избушка встàла къ нему передòмъ, а къ лѣсу задòмъ. Лежитъ въ ней Ягая Баба, изъ угла въ уголъ ноги уперлà, титьки черезъ грядки висятъ, маленьки ребятенки пососываютъ, страшный большой желѣзный носъ въ потолокъ уперлà. «А! Иванъ царевичъ, отъ дѣла лытаешь, или дѣло себѣ пытаешь?» Отвѣчаетъ ей Иванъ царевичъ: «Отъ дѣла я не лытаю, а себѣ вдвое дѣла пытаю: ѣду за тридевять земель, въ тридесятое царство найти Марью Красу, Черную Косý. «Охъ», говоритъ Ягая баба,—«мудрено ее взять и мудрено ее достать! Она очень далече. Поѣзжай еще столько, да полстолько, да четверть столько». Сѣлъ Иванъ царевичъ на добрà коня и поѣхалъ. Ѣхалъ-ѣхалъ путемъ-дорогою и наѣхалъ до огромнаго лѣсу и захотѣлъ больно поѣсть. Стоитъ превеличающій дубъ; на дубу шумятъ пчелы. И онъ съ добрá коня слѣзалъ, на зеленый дубъ влѣзалъ, медку поѣсть хотѣлъ. Отвѣчаетъ пчелиная матка: «Не трогай, Иванъ царевичъ, мой медъ: нѣвкоторое время сама я тебѣ пригожусь!» Вотъ Иванъ царевичъ такъ на ея слова спонадѣялся, на сыру землю съ дуба спускался; сѣлъ на добрá коня и поѣхалъ куды ему путь лежитъ. Не можетъ на конѣ сидѣть: крѣпко ѣсть хочетъ. Бѣжитъ ползучая мышь, гадина. Спрыгнулъ Иванъ царевичъ съ добрá коня, сохватилъ и хочетъ ее ѣсть. Говоритъ мышь Ивану царевичу: «Не ѣшь меня: я тебѣ нѣвкоторое время пригожусь!» Бросилъ ее Иванъ царевичъ и дальше поѣхалъ. При большой дорогѣ—небольшая бакáлдинка воды и ползатъ ракъ. Вотъ Иванъ царевичъ больно ему радъ, хочетъ его поймать и на

огонечкѣ испечи. Говоритъ ему ракъ: «О ты, Иванъ царевичъ, хоть ты мнѣ и радъ, а не тревожь ты меня: я тебѣ пригожусь». Иванъ царевичъ крѣпко осерчалъ и рака въ воду кидалъ. «А будь де тебѣ не ладно! Все живъ буду, не умру!» И опять поѣхалъ путемъ-дорогой. Ѣхалъ много ли мало ли, долго ли и коротко ли, доѣхалъ до Кáрки богатыря. Пріѣжаетъ, его дома не заставаетъ, только одна его мать. Она его увидала и крѣпко узнала. «Охъ, Иванъ царевичъ, давно тебя ждетъ Кáрка богатырь!» Иванъ царевичъ и говоритъ: «А скажи ка, баушка, гдѣ онъ?» «Третій годъ за невѣстой ѣздитъ». «Въ каку сторону?» «За Царемъ Дѣвицей. Третій годъ ѣздитъ и сужену себѣ не достанетъ; тебя крѣпко желаетъ и на тебя больно серчаетъ: А! только бы онъ подъявился—живаго съѣмъ!—А поди ка выдь во чистó поле во дикýю степь, а возьми ка подзорную трубу, а не ѣдетъ ли Кáрка богатырь. Если съ радостью ѣдетъ, впередъ его ясенъ соколъ летитъ, а если печальный ѣдетъ, надъ нимъ черный воронъ вьется». Поглядѣлъ Иванъ царевичъ въ подзорную трубу, увидалъ Карку богатыря, и надъ его главой черный воронъ вьется. Вотъ и сказалъ Иванъ царевичъ баушкѣ: «Несчастный ѣдетъ. «Ну», говоритъ баушка,—«куды же мнѣ тебя дѣть? Онъ ѣдетъ сердитый». Отпираетъ кладушочку и запираетъ замкомъ. «А вотъ», говоритъ—«тутъ лягъ, полежи. Я перва́ его водочкой угощу и про тебя разкажу». Явился Кáрка Богатырь, говоритъ мамынькѣ: «А пожалуй ка, мамынька, испить!» Наливала ему баушка чарочку бражки; онъ чарочку выпивалъ и пьянъ не бывалъ. «А да́ ка, мамынька еще!» А другую выпивалъ, на́ весело позывалъ. Спрашиваетъ его мамынька: «А дѣ сужена, сынокъ, твоя?» «Измучилъ, мамынька, себя!» «А если бы Иванъ царевичъ пріѣхалъ?» «А вотъ вотъ было бы мнѣ хорошо: досталъ бы я себѣ Царя-Дѣвицу, не одинъ, а съ нимъ, и научилъ бы его, какъ достать ему Марью Красу, Черную Косу́». Баушка и говоритъ: «А чай бы его сейчасъ ту не тронýлъ?» «Охъ, ты мамынька моя! Кабы онъ сейчасъ былъ у меня, за́ руки бы его принималъ и въ сахáрныя уста бы цѣловалъ». Сударыня его матушка и говоритъ: «А онъ здѣсь, сыночекъ, спитъ въ кладоушечкѣ». Вотъ Кáрка обрадовáлся, самъ въ кладовую собирался; за руки его принимаетъ, за дубовой столъ сажаетъ, чаемъ-водкой угощаетъ. И сказалъ

Ка́рка богатырь: «Охъ, ты братъ Иванъ царевичъ, а я только про тебя слышалъ, какъ ты родился и въ зыбочкѣ катаешься!» Иванъ царевичъ и говоритъ: «Я не въ зыбочкѣ катаюсь, а на доброемъ конѣ по дикòй степѣ помыкаюсь. Я не привыкъ въ царствѣ царствовать, я привыкъ по дикòй степѣ летать и больше себѣ горя увидать». «А что ты, Иванъ царевичъ, на добромъ конѣ по дикòй степѣ помыкаешься, чего ты себѣ розыскиваешь?» «А вотъ что», говоритъ Иванъ царевичъ—«за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ есть Марья Краса, Черная Коса; мнѣ хочется ее достать и за себя замужъ взять». Ка̀рка богатырь и говоритъ: «Мудрено ее взять, а надо одинъ разъ умирать, тѣло и кости по дикой степѣ раскидать». «Охъ, братъ любезный, Ка́рка богатырь, убытку не принять, такъ въ торговыемъ дѣлѣ и барыша не видать; а если намъ, богатырямъ, по вольному свѣту не полытать, да хорошей суженой не поискать—это намъ не честь, не хвала; чтобы мы по вольному свѣту не лытали, чтобы нужды себѣ не видали». «Ну», говоритъ Ка́рка,—«эту сказку, Иванъ царевичъ, бросимъ, а еще нòву начнемъ».

Тутъ начиналась сказка, начиналась побаска отъ сивки и отъ бурки, и отъ курицы виноходки, отъ зимняка поросенка наступчатаго. Вотъ поросенокъ наступаетъ, сказывальщика съ г.... сбиваетъ; вотъ сказывальщикъ, онъ былъ Недорода сѣлъ с.... на дорогу, гдѣ свинья шла. Ка́рка богатырь и говоритъ: «Ну да, братъ, пошутилъ да и будетъ. А спроси ка гуся не зябутъ ли ноги? Я третій годъ ѣзжу за своей нареченной невѣстой. Айда ка помòги, да послушай, что я разкажу: у моей то невѣстѣ сорокъ кузнецовъ, какъ ударятъ сорокъ разъ—и родятся тотчасъ сорокъ военныхъ солдатъ, вооружены и на бой готовы. Да еще, братъ, у моей то невѣстѣ сорокъ дѣушекъ; онѣ сидятъ въ комнатѣ; у кажней дѣушки сорокъ булавочекъ, а охъ то, какъ, булавочкой то ткнетъ, и солдатъ то на бой готовъ. Я буду солдатъ то бить, а ты будешь кузнецовъ то рубить; я буду невѣсту любить, а ты дѣушекъ бить». Иванъ царевичъ и говоритъ: «Умру, братъ, съ тобой!» Сѣли да и поѣхали. Пріѣхали въ Новодѣвиченское царство къ Царю-Дѣвицѣ. «Ты, братъ Иванъ царевичъ, близко не ходи, а по комнатамъ ходи, дѣушекъ руби, да кузнецовъ то губи и близко ко мнѣ не подходи!» Вотъ да они и поѣхали,

а вотъ скоро они и пріѣхали. Начали силушку рубить, красныхъ дѣушекъ душить и Царь-Дѣвицу въ плѣнъ брать. Не пиво намъ было варить, не вина намъ тутъ было курить, а дорого Царицу-Дѣвку взять. Кузнецовъ то погубили, красныхъ дѣушекъ порубили, Царь то Дѣвицу въ плѣнъ взяли. Ка́рка богатырь ее взялъ и туго къ сердцу прижалъ и отправились они съ ней домой. Хватился Ка̀рка богатырь что съ нимъ Ивана Царевича нѣтъ. «Охъ», говоритъ, — «мамынька, я его знать убилъ!» А Иванъ царевичъ и говоритъ: «О да, братъ, я здѣся!» Они тутъ пили, гуляли, веселились. «Ну ка», Иванъ царевичъ, дава́ ка выпьемъ по третьей! Я пью, гуляю, веселюсь и тятьки съ мамкой не боюсь!» «Охъ да, Ка́рка богатырь, головушка болитъ, больно мочи нѣтъ». И чаю не воскушатъ и водки не приниматъ. «Положи ты меня на воздухъ, на самый легкій!» Думаетъ себѣ Иванъ царевичъ: «Что мнѣ Ка́рка богатырь радъ или не радъ? Дай я себѣ нарочно захвораю». И сдѣлался боленъ, не можетъ ногъ таскать. Ка́рка богатырь ходитъ за нимъ, какъ за малымъ дѣтищемъ; вынесъ его во зеленый садъ, положилъ на тесо́вую кровать, гдѣ бы можно его было вѣтромъ обдувать. Лежитъ Иванъ царевичъ въ саду на кровати; прилетаетъ къ нему его большаго брата первая жена, сидитъ въ саду, подняла ногу, д... то и кажетъ: «Охъ да, не попробавши товаръ да бросилъ меня!» Иванъ царевичъ прицѣлился изъ ружья, хлопъ разъ и попалъ ей въ правый глазъ. Она и улетѣла. «Ну, Ка́рка богатырь», говоритъ Иванъ царевичъ,—«благодарю тебя: успокоилъ ты меня хвораго». Немножечко время продолжало, Иванъ царевичъ и говоритъ: «Охъ, братъ, давай ка, выпьемъ зелена́ вина,» Ка̀рка богатырь больно обрадова́лся, самъ за виномъ сбѣгалъ водкой, чаемъ угощаетъ и словами улещаетъ. «Охъ ты братъ ты мой любезный, какъ съ устатку чуешь въ себѣ здоровье?» «А вотъ же, слава Богу, стараго по старому, а вновь ничего. Долго я здѣсь съ тобой, Ка́рка богатырь, прогулялъ, путь свою дороженьку потерялъ. Что я задумалъ нужно дѣлать и куды нужно надо ѣхать». Ка́рка богатырь и говоритъ: «Куды знаешь, туды и ѣдешь». «А куды, братъ, я вздумалъ, туды и поѣду!» «Если я тебя, братъ Иванъ царевичъ, не научу какъ ее взять, какъ держать—живъ не будешь». Вотъ Иванъ царевичъ слезами заливался, полотенцемъ утирался и говоритъ: «А да и будетъ и прощай!» Сѣлъ на добра̀

коня и поѣхалъ. Ударилъ своего добраго коня, билъ его по крутымъ бедрамъ, пробивалъ его кожу до мяса, билъ мясо до кости, кости проломалъ до мозгу—его добрый конь горы долы перепрыгивалъ, темны лѣса межу ногъ пускалъ. Ѣхать ему было три года, онъ доѣхалъ въ три часа. Пріѣзжаетъ въ то мѣсто, гдѣ ему нужно, идетъ по широкой улицѣ и спрашиваетъ православныхъ людей: «А гдѣ живетъ Марья Краса, Черная Коса!» Попадается ему навстрѣчь баушка просвирня, которая имѣетъ проживанье съ Марьей Красой, Черной Косой, и готовитъ для нея кушанья. «Охъ, баушка просвирня, а будь ка ты смирна! Гдѣ бы мнѣ повидать Марью Красу, Черну Косу?» «А на что тебѣ, Ванюшка, ее?» «А хочется мнѣ ее увидать, въ сахарныя уста поцѣловать и за себя замужъ взять». «Поди ка, Ванюшка, да купи разныихъ цвѣтовъ, разныихъ духовъ, а я пойду да ее въ гости позову. А ты, добрый молодецъ, лягъ на диванъ, спать то не спи, а послушай что будетъ». Вотъ Иванъ царевичъ легъ; баушка просвирня пошла къ Марьѣ Красѣ, къ Черной Косѣ, и говоритъ: «О, да здравствуй же Марьица Краса, Черная твоя Коса! А пожалуй ка ко мнѣ въ гости!» Марья Краса обрадовалась и въ гости къ ней собиралась. Восходитъ къ ней въ комнату: воскрашена ея комната заграничными цвѣтами и разными духами. Говоритъ Марья Краса: «Гдѣ ты, баушка, взяла заграничные цвѣты и разные духи?» «Что по морю то плыветъ все то не поимаешь, а что люди то говорятъ, все не переслушаешь. Дава ка Марьица, мы съ тобой сядемъ, да чего-нибудь придумамъ». «А что у тебя въ чуланѣ? Кто у тебя, баушка, лежитъ на диванѣ?» «А вотъ погляди». Марья Краса подошла къ дивану и спрашиваетъ: «А это что за мужикъ? А какъ бы я его поцѣловала!» Баушка не унимала и поцѣловать заставляла. Она его поцѣловала. Ну уже Иванъ то царевичъ былъ не глупъ, онъ пымалъ ее вдругъ. Онъ ее пымалъ, во сахарныя уста цѣловалъ, туго къ сердцу прижималъ. Они тутъ полежали, ну и немножко изъ прочаго чего-нибудь сдѣлали. Взялъ да будетъ, не скажу. Иванъ царевичъ и говоритъ: «Благодарю, баушка, что ты меня свела и Марьюшку ко мнѣ привела». А Марья Краса, Черная Коса, и говоритъ: «Я буду во вѣкъ твоя, мужняя жена и неразлушная. Садись ка, Ванюшка, на добраго коня и бери меня съ собой. Я, Ванюшка, не разста-

нуся съ тобой!» Сѣли да и поѣхали на Ванюшкиномъ на доброемъ конѣ.

Какъ у Марьюшки Красы было двѣнадцать братовъ; пріѣзжали къ ней въ гости, дома Марьюшки Красы нѣту. Спросили у баушки: «А дѣ же наша родная сестра, Марья Краса?» Баушка и говоритъ: «Былъ злодѣй Иванъ царевичъ, онъ и квасъ-отъ пилъ, а у Марьюшки квасницу не покрылъ, и уѣхали они въ путь дорогу». Вотъ же родные братья привели пѣгоньку кобыленку о двѣнадцати пѣжинахъ, сѣли кажній братъ на пѣжину, сѣли да и поѣхали. «Догонимъ его, злодѣя, растерзаемъ, а ее отнимемъ!» Сколько мало ли время продолжалось, они его догнали и сестру отняли; его изрубили на мелки части, раскидали по дикой степѣ. Кровь во сыру́ землю, мясо воронья клюютъ.

У любимаго его брата Василья царевича, у его молодой жены выката́лся изъ очей вольный свѣтъ: увидала въ кровѣ вострый ножъ и сказала мужу: «Посмотри ка на вострый ножъ: твово роднаго братца въ живѣ нѣтъ». Василій царевичъ и говоритъ женѣ: «Охъ да я вѣдь ничего не знаю! Охъ да знать погибъ!»

Во дворѣ же былъ царскіемъ превеличающій великій каракульскій дубъ; въ этомъ дубу сохранялася живая и мертвая вода. Она сохранялася, никому не открывалася. Вотъ же Василья царевича законная жена подходитъ къ каракульскому дубу, слезно плачетъ и проситъ: «О батюшка, старый каракульскій дубъ, отпусти мнѣ, ради Бога, мертвой и живой воды!» Дубъ не открывается, и изъ дуба вода не отпущается. Она ходила, ходила и сама себя крѣпко истомила: не можетъ ногъ таскать и на плéчахъ буйну голову держать. У ней были двѣ сестры родныихъ, благочестливыя дѣушки, и спрашиваютъ ее: «Что ты, сестрица, худа, что ты, сестрица, тужишь, что ты, сестрица, плачешь?» Отвѣчаетъ она имъ: «Какъ мнѣ не плакать? Пищи я не принимаю, темныя ночи не сыпа́ю, хожу я на тятенькино широко подворье, къ каракульскому дубу; всѣ ночи простаивала, у каракульскаго дуба упрашивала: «Охъ ты, батюшка, каракульскій дубъ, отпусти ради Бога мнѣ мертвой и живой воды!» «А на что тебѣ, сестрица, живой и мертвой воды?» «Охъ, сестрицы, не знате вы мово горя, что померъ мой братецъ родимый, Василью царевичу братъ и мнѣ такой же!» «Пойдемъ ка, сестрица, и мы съ тобой, да помолимся

Богу, да попросимъ каракульскаго дуба, не отпуститъ ли онъ намъ». Собрались всѣ три сестрицы родныихъ полуночные поклоны дубу клали, изъ глазъ своихъ слезы роняли и дубу говорили: «Охъ ты, батюшка, каракульскій старый дубъ, отпусти ты ради Бога живой и мертвой воды!» Вдругъ каракульскій дубъ открывается, и вода изъ него выпускается. Налила жена Василья царевича два пузырька и говоритъ: «О ты мой милый мужъ да Василій царевичъ! Осѣдлай ка своно добраго коня, да поѣдемъ ка куды я велю, да найдемъ ка мы своно братца Ивана царевича во дикой степѣ!» Сѣли да и поѣхали и на то мѣсто пріѣхали, гдѣ Ивана царевича мясо разбросано. Вотъ они мясо сбирали, по суставчикамъ расклали, мертвой-то водицей помазáли, а живой-то водицей спрыскáли. Иванъ царевичъ всталъ, встряхнулся, на всѣ четыре стороны оглянулся и говоритъ: «О, да какъ я долго спалъ!» Отвѣчаетъ ему невѣстка: «Кабы не мы, такъ и во вѣки бы ты спалъ». «Спасибо тѣ, сестрица, пожалѣла ты меня, ну прощай и на предки не оставляй!» Сѣлъ да и уѣхалъ. Мы это бросимъ и другò начнемъ. А вотъ онъ отколь пріѣхалъ, туды опять и уѣхалъ. Ударилъ Ванюша своно добраго коня своей шелковой плетью; конь его добрый осерчалъ и шибко его помчалъ. Пріѣзжаетъ Иванъ царевичъ въ ту сторону, гдѣ жила Марья Краса, Черная Коса. Нашелъ баушку просвирню, она ему и говоритъ: «Поѣзжай ка, Иванъ царевичъ, куды я пошлю: черезъ тридевять земель, во десятое царство. Научу я тебя какъ Марьюшку взять, какъ ее достать. Долженъ ты долго самъ пострадать. Поѣзжай къ ея баушкѣ, а у той ли у баушки двѣнадцать дочерей. Онѣ-то дѣушки да дѣушки, а будутъ сейчасъ кобылушки да кобылушки. Пріѣдешь къ баушкѣ во дворъ, скажи ей: «А родима баушка! Нѣтъ ли продажной лошадушки?» Скажетъ тебѣ баушка: Есть у меня двѣнадцать кобылушекъ, онѣ не продажныя, а завѣтныя. А вотъ я тебѣ прикажу три дня ихъ пасти, за работушку что ни лучшую взять лошадушку, а если не спасешь и домой не пригонишь, то мяса твово наѣмся и крови твоей напьюся!» Василій царевичъ и думаетъ себѣ: «А да-ка попытаю! Двѣ смерти мнѣ не будетъ, а одной то я не миную и знаю за кого пропадаю». Взялъ у баушки подрядился, да на утро хлопъ хлопъ и погналъ лошадушекъ пасти, пригналъ ихъ въ зеленые луга. Испекла ему баушка со спящимъ зельемъ

лепешечку. Онъ взялъ закусилъ да крѣпко и уснулъ. Лошадушки по лугамъ разбѣжались, по кустамъ размыря́лись. Онъ крѣпко спалъ, вплоть до вечера пролежалъ.

Провѣдала то на дубу пчелиная матка и говоритъ своимъ дитяткамъ: «Полетайте, дитятки мои, во зеленые луга! Ванюшка крѣпко спитъ не проснется. Его разбуждайте, коней его собирайте!» И нѣкоторая одна была сильная пчела, прилетаетъ къ Ванюшкѣ и жалитъ его за бѣлое лице. Ванюшка проснулся, горькими слезами заливался: ни одной лошадушки передъ нимъ нѣтъ и не знаетъ же онъ гдѣ ихъ взять и некого ему домой гнать. Вотъ пчела и говоритъ: «О, бери-ка, Ванюшка, кнутъ, да вотъ постой-ка тутъ! Пригонимъ мы тебѣ». Какъ собрались всѣ пчелки летать по зеленыимъ лугамъ; онѣ стали летать, стали брюнчать, стали кобылушекъ собирать, да Ванюшкѣ на̀ руки отдавать. «А вотъ да ну, Ванюшка, гони ка!» Ванюшка взялъ да ихъ кнутикомъ къ баушкѣ и погналъ. «На ка вотъ тебѣ, баушка, исполнилъ твое приказаніе». «Ну ладно, Ваня, жди что будетъ на утро». На утро баушка встаетъ, приказъ Ванюшкѣ отдаетъ: «На ка вотъ, Ванюшка, гони да сохранно пригони! На ка вотъ тебѣ лепешечку за работу». Онъ лепешечку взялъ, въ пазушку поклалъ, выгналъ кобылушекъ во зеленые луга, и такъ то ходятъ кобылушки смирно, травку пощипываютъ, ключевую водицу прихлебываютъ, а походятъ да полежатъ. Ванюшка поѣсть захотѣлъ, взялъ да вынулъ изъ за пазухи кусокъ; крѣпко закусилъ и шибко спать запустилъ. Думаетъ немного—до̀ вечера проспалъ. Вотъ кобылушки и стали по кустамъ мырять, по кустамъ да по кустамъ, по мышиныимъ норамъ. А вотъ тутъ то была мышиная матка, дорогу перебѣгала, больно была гла̀дка. Распорядилась старая мышь Ванюшку разбудить и кобылушелъ собрать. Подбѣжала старая мышь: «Охъ ты Ванюшка, Ваня! Ночь то на дворѣ, а мы плачемъ объ тебѣ! Надо тебѣ встать и кобылушекъ домой гнать». Всталъ Ванюшка, встряхнулся, горючьми слезами зали́лся и сказалъ: «Охъ мать ты моя мать, старая мышь! Надо бы тебѣ добродѣтель мою знать и кобылушекъ пригнать!» «Старая мышь всѣхъ молодыхъ мышей за ними послала; всѣхъ кобылушекъ собрала и погналъ ихъ Ванюшка домой. «Нака тебѣ, баушка, я два дни пропасъ». «Охъ, Ванюшка, еще завтра день погоняй ка. Завтра дальше, а хлѣба

то бери больше». Всталъ Ванюшка по утру собрался и погналъ. Захотѣлъ поѣсть, откусилъ лепешечку и заснулъ; проспалъ до вечера. Лошадушки по кустамъ размырялись, а ракъ увидалъ, всѣхъ ихъ къ Ванюшкѣ согналъ и его разбудилъ. Погналъ Ванюшка кобылушекъ домой: «Будетъ, баушка; я тебѣ не слуга, а за работу денежки, а не денежки такъ дѣушки!» «Выбирай, Ванюшка, любую кобылушку!» (А это не кобылушки, а красны дѣушки). Вотъ легъ Ванюшка спать и приходитъ изъ двѣнадцати большая сестра и даетъ ему знать: «Что ты, Ванюшка, думаешь?» «Самъ не знаю что думаю». «А возьми ты меня за себя замужъ: я тебя добру научу». Ванюшка ей слово сказалъ и руку ей далъ: «Будешь ты моя жена неразлушная!» «Смотри же, Ванюшка, будь ты не плохъ, да не дурёнъ: на 12—11 дуръ, а самая малая умница. Насъ всѣхъ къ колодѣ разставятъ и насыплютъ всѣмъ овса; мы будемъ всѣ жирныя и гладкія, а наша малая сестра бѣжать то больно быстра, она будетъ въ колодѣ лежать. Ты возьми да и скажи баушкѣ: «А вотъ, молъ, ладно мнѣ тощая то!» Вотъ ты изъ колоды ее подыми, да мочальцемъ обратай, да за пояску привяжи; скажи баушкѣ: будетъ и прощай». Ванюшка такъ и сдѣлалъ. Сѣлъ на коня и уѣхалъ къ баушкѣ просвирнѣ; пріѣхалъ и спрашиваетъ: «А что, баушка просвирня, какъ повидать Марью Красу, Черную Косу? Не поминатъ ли она обо мнѣ?» Та и говоритъ: «Мы такъ думали, что тебя и живаго нѣтъ, а если про тебя изъ насъ двоихъ кто помянетъ, съ того голову долой. А ну да лягъ, Ванюшка, полежи, а я къ ней схожу». Приходитъ баушка просвирня къ Марьѣ Красѣ: «А здравствуй, Марьюшка!» «Здравствуй, баушка!» «Дава́ка, Марьюшка, поиграмъ въ карточки!» Взяли да и поиграли. Баушкѣ-то досталась кралечка, а Марьюшкѣ-то королёкъ. И говоритъ баушка: «Э, да какой королекъ-то хорошій, Марьюшка!» «Быдто Иванъ царевичъ, баушка!» «Охъ Марьюшка, такъ то такъ, да не ладно. Да ка мнѣ тупой топоръ, срублю твою голову! «Вѣдь у насъ съ тобой уговоръ былъ: кто первый про Ивана царевича помянетъ, съ того голову долой». «Ну да, баушка, будетъ да и ладно. Здѣсь нѣтъ никого, а кабы онъ былъ здѣсь, не разсталась бы я съ нёмъ». «А Ванюшка-то, Марьюшка, на диванѣ лежитъ!» Марьюшка побѣжала, Ванюшку увидала, во саха́рныя уста цѣловала. «Ну, Ванюшка, ты помрешь и я съ тобой!»

«Я бы былъ, Марьюшка, живъ, будешь и ты жива!» Сѣли на кобылушекъ да и поѣхали.

Пріѣзжаютъ ея родные братья, спрашиваютъ у баушки: «А дѣ наша сестра?» Баушка и говоритъ: «Иванъ царевичъ увезъ». «Мы его терзали, да видно мало!» Сѣли двѣнадцать братовъ на двѣнадцать пѣжинъ, сѣли да полетѣли какъ младъ ясёнъ сокóлъ. Стали Ванюшку догонять; Ванюшка сталъ кобылушку подъ голяшку хлыстать. Вотъ кобылушка взвилась, какъ бѣлый лебедь. Пѣгая кобыла—выше, а подъ Васильемъ кобылушка еще выше. Пріѣхали къ батюшкѣ, а батюшка былъ старёхонекъ. Иванъ царевичъ и говоритъ: «Здравствуй, батюшка!» Тотъ обрадовáлся, Ванюшкѣ на бѣлую грудь бросался, съ Ванюшкой цѣловался. «Охъ да ладно, Ванюшка, что пріѣхалъ на свою сторонушку!» Тутъ и сказкѣ конецъ, сказалъ ее молодецъ и намъ молодцамъ по стаканчику пивца, за окончанье сказки по рюмочкѣ винца.

(Записано отъ Абрама Новопольцева, въ селѣ Новиковкѣ, Самарск. губ. Ставропольск. уѣзда).

5.

Купецкій сынъ и царева дочь.

Жилъ былъ купецъ. Были они двое, мужъ съ женой и м е ж д у и х ъ былъ одинъ сынъ. Померъ купецъ и остался сынъ у него мла́дый. Имѣнья много—дѣвать некуды. Купецкій сынъ вы́зросъ порядочно и говоритъ матери: «Мамынька, не осталось ли послѣ тятеньки деньжонокъ?» «Осталось, сынокъ». «Да ка сотенку, я пойду на базаръ, не куплю ли чего?» Мать дала ему сотню. «На», говоритъ,—«коли можешь!» Онъ и пошелъ на базаръ. До базару не дошелъ—тащитъ мужикъ кота, на посуду бить. «Куды ты кота, дяденька, тащишь?» «На посуду смѣнять». «Продай лучше мнѣ, что возьмешь?» Тотъ нарочно и говоритъ (видитъ что онъ глупый): «Дай сто рублей?» «На!» Положилъ кота въ пазуху и пошелъ домой. Приноситъ матери. «Мамынька, посмотри ка я чего купилъ»,

«Сколько ты его далъ?» «Сто рублей». «Да на́што тебѣ, сынокъ, его?» «Да пущай, мамынька, живетъ». На другой базаръ еще сто рублей проситъ. Мать еще дала. Пошелъ на базаръ ведетъ мужикъ кобеля давить. Спрашиваетъ его купецкій сынъ: «Куды ты, мужикъ, кобеля ведешь?» «Удавить», говоритъ. Чѣмъ давить, продай лучше мнѣ?» «Купи, давай сто рублей!» Далъ онъ ему сто рублей, взялъ кобеля и за веревочку домой повелъ. «Мамынька, посмотри ка я что купилъ». «Что далъ?» «Сто рублей». «На́што тебѣ, сыночекъ?» «Да пущай для двора хорошъ онъ». Въ третій разъ еще сто рублей проситъ. Мать опять дала. Идетъ на базаръ видитъ, что жидъ на плечахъ мертваго человѣка тащитъ. «Куды ты, жидъ, человѣка несешь?» «Въ яму бросить». «Продай мнѣ!» «Купи». «Что возьмешь?» «Сто рублей». «На!» Взялъ и понесъ его домой. Приноситъ домой, говоритъ матери: «Мамынька, я человѣка мертваго купилъ». «Да на́ что тебѣ, сынокъ?» «Вотъ я пойду на базаръ, гробъ ему куплю, да его скоронію». Гробъ купилъ, его скоронилъ и поминки сдѣлалъ. Три дня прошло, онъ и говоритъ матери: «Мамынька, надо трехдённы поминки сдѣлать». Сдѣлали поминки, обѣденку отслужили и его помянули. Прошло время шесть недѣль. «Мамынька, надо поминки сдѣлать: шесть недѣль прошло!» «Надо, сынокъ». Сдѣлали поминки, обѣденку отслужили и помянули. «Мамынька, да ка еще сотенку!» Мать дала. Онъ опять на базаръ пошелъ. Бѣгатъ по гумну мужикъ съ рычагомъ, бьетъ змѣю превеличáющу. Онъ и бѣжитъ къ нему на гумно. «Что ты, мужикъ, бѣгашь? Чего ты тутъ съ палкой дѣлашь?» «Уди́, глупый сынъ! Змѣю бью». Онъ его за палку пымалъ: «Стой! Стой! Не бей! Продай мнѣ ее!» «Купи, глупый!» «А много ли возьмешь?» «Сто рублей». Деньги купецкій сынъ выкинулъ, змѣю взялъ, въ пазуху посадилъ и домой принесъ, пополу пустилъ—она и ползаетъ. «Мамынька, посмотри ка чего я купилъ!» Мать взглянула, ужаснулась: «Ахъ, глупый, каку страсть купилъ! Куды ты ее дѣнешь?» «А пущай, мамынька, живетъ!» Вотъ змѣя у нихъ въ дому зимовала; пришла красная весна. Змѣя зоветъ купецкаго сына съ собой, подойдетъ къ нему, за ножку его потеребитъ и сама къ порогу ползетъ. Купецкій сынъ думаетъ: что змѣя дѣлаетъ? А его змѣя съ собой зоветъ. Вотъ онъ и говоритъ матери: «Я змѣю, мамынька, пущу и самъ съ ней пойду!» Змѣя то

поползла, его съ собой взяла. Ползетъ, да за ножку его потеребливатъ. И дополэла змѣя до превеликаго провалу. Въ ямѣ этой видимо невидимо гадины. Змѣя и говоритъ ему человѣческимъ гласомъ: «Вотъ ты, купецкій сынъ, встань тутъ, постой!» Онъ остановился, а она въ нòру мырнула и скоро изъ норы обратилась, тащитъ въ зубахъ золотой перстень. И говоритъ ему змѣя: «А на вотъ тебѣ, купецкій сынъ, отъ меня дорогой гостинецъ, за то что ты отвелъ меня отъ смерти». Онъ взялъ да на пальчикъ надѣлъ. «А вотъ что, купецкій сынъ, какъ пойдешь дорогой, да захочешь попить погулять, скинь съ правой руки златъ перстень да скажи: «вóицъ ты мой вóицъ, златъ перстень! Въ этомъ перстнѣ тридцать три молодца, подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ, подъ одну черную бровь. Выдьте всѣ сюда!» Онъ такъ и сдѣлалъ. Тридцать три молодца выходили, тридцать три стола выносили, наставили пойла медвѝны и ѣства сàхарны. Вотъ купецкій сынъ наѣлся, напился какъ ему нужно; тридцать три молодца и говорятъ ему: «Что прикажешь, хозяинъ, работать?» «Перстень, скройся!» На пальчикъ надѣлъ, домой пошелъ. Приходитъ къ матери родной, кажетъ ей перстень дорогòй. «Мамынька, мнѣ вотъ змѣя подарила, покорми ка, мамынька, меня!» «Я и печку то, сынокъ, съ годъ не топила: тебя долго не было». «Ну дава ка сядимъ, да посидимъ». Скинулъ золотой перстень и сказалъ: «вòицъ мой вòицъ, золòтъ перстень! Выдьте всѣ сюда!» Тридцать три молодца выходили и подчивали его съ мамынькой. «Перстень, скройся!» И пропало все. «А что, мамынька, не осталось ли еще съ сотенку?» «Есть еще, сынокъ». «Да ка я пойду въ городъ на ярманку торговать». Взялъ и пошелъ далеко. Шелъ по дорожкѣ и пришла еще дорожка. Повстрѣчался ему человѣкъ и говоритъ: «Куды идешь добрый молодецъ, купецкій сынъ?» «А вотъ, въ городъ торговать». «Возьми ка меня, айда вмѣстѣ: и я туды. А много ли у тебя, купецкій сынъ, денегъ?» «Сто рублей!» «Ну и у меня сто рублей. Давай сложимся, да давай крестами помѣнямся, побратàмся!» Вотъ помѣнялись крестами и побратались. Купецкій сынъ сталъ большой братъ, а тотъ меньшой, и пошли въ инный городъ, на ярманку. Приходятъ въ городъ, ночку ночевали, товару не купили, а зачѣмъ пришли все этого нѣтъ: товары плохіе, дорогіе.

Вотъ въ ефтомъ городѣ царь кличъ прокликалъ, что выдавалъ онъ за троихъ жениховъ дочь свою въ замужество; обвѣнчаютъ, на л о ж у положатъ—молодая жива, а молодой—отъ—мертвый. И прокликалъ царь кличъ кто согласенъ ее замужъ взять, все хочетъ тому царство свое отдать. Купецкому сыну малый братъ и говоритъ: «Пойдемъ, братъ, съ тобой! Не дастъ ли намъ Богъ? Айда ка я тебя женю: ты по больше меня!» Было народу нѣсколько, никто не соглашался: смерти боялся. Добры мо́лодцы пошли и говоритъ малый братъ большому: «Иди ка, братецъ, впередъ, да мотри меня не забывай, почаще поминай! Былъ бы я живъ будешь ты женатъ». Выходитъ купецкій сынъ впередъ. У царя было не пиво варить не вино курить: впрягли тройку въ к о л ё с о ч к у, во Божью церкву повезли, обвѣнчали и къ царю помчали. Положили ихъ на ложу дружка съ поддружьемъ и сваха съ подсвашьемъ, а малый то его братъ ш и г ъ да ш и г ъ къ нему тихонько. Дружко то съ поддружьемъ, сваха то съ подсвашьемъ куды слѣдуетъ ушли; осталось ихъ тутъ три лица. Вотъ купецкій то сынъ, онъ царской дочери обрадова́лся и на ложу ложился. Подошелъ къ нему его малый братъ: «А что, братецъ, знать ты меня забылъ?» «Да, братецъ, вѣдь воля то не моя!» «Лежишь ты съ женой, а удй ка, Богъ съ тобой! Я лучше съ ней полежу!» А молодая то жена, какъ все равно стоитъ на путѣ волкъ, такъ она спитъ, крѣпко разиня ротъ. Малый братъ съ ней, лежитъ, а о б р у ч ё в н ы й мужъ глядитъ что тутъ будетъ. Малый братъ легъ да ее обнялъ. Она спитъ, ничего не чуетъ, растворились ея сахàрныя уста, вылѣзаетъ изъ гортани лютый змѣй, высовываетъ голову на вершокъ. Увидалъ же малый братъ и немножко поворотился, отъ лица ея отвернулся. Высунулъ лютый змѣй на четверть башку и смотритъ какъ ея мужъ лежитъ; а мужъ то не съ ней лежитъ онъ на печкѣ сидитъ, а тутъ братъ лежитъ, думу думатъ, «П о м о ж и́ Боже какъ избавить мнѣ свово брата съ законною женой». А змѣй кадыкъ выпущаетъ еще дальше. Меньшой братъ отворачивается отъ жены еще больше. Змѣй то вѣдь незнаетъ кто съ ней л е ж а е т ъ. Протянулъ онъ долгую шею, а купецкаго сына малый то братъ да на отмашь змѣя цопъ да цопъ, да о̀бъ полъ грохъ да грохъ. Крѣпко убилъ и въ подлавку положилъ и сказалъ большому брату: «Ну ка братецъ, иди сюды, да и спи съ

Богомъ! Я то живъ и ты будешь живъ, и сдѣлай съ своей молодой женой какъ должно быть и что́ слѣдуетъ. Затѣмъ прощай! Не забудь малаго брата на поднятіи съ подклѣта!» Тотчасъ ту минуту является дружка съ поддружьемъ, подходятъ къ дверямъ гдѣ молодые проклажаются и говоритъ дружка: «А Господи Іисусе Христе, Сынъ Божій, помилуй насъ!» Въ комнатѣ молитву принимали, въ два голоса аминь отдавали и дружку проздравляли.

Дружка больно обрадова́лся, съ молодыми цѣловался и пошелъ къ господину царю домохозяину и говоритъ: «Многая лѣтъ! Многая лѣтъ! А тому дѣлу прошло тридцать лѣтъ. Три лица законныхъ мужьевъ кончались, черезъ четвертое лице жена возновля́лась; я пришелъ аминь сотворилъ, въ два голоса мнѣ аминь отдали». Царю было нужно идти молодыхъ подымать и проздравить. Тутъ была стрѣльба, тутъ мы пили и гуляли. Молодыхъ подняли, съ законнымъ бракомъ проздравили. То то была попойка! Ведутъ съ ложи молодыхъ къ царю на крыльцо и на царское лице. Царь обрадова́лся, за Спасителя образъ хватался и благословилъ новобрачныхъ своихъ дѣтей. Тутъ они гуляли, три дня другъ друга не знали. Говоритъ купецкій сынъ: «Охъ, Ваше царское Величество, мой батюшка тесть, я вашъ зять, а гдѣ же мнѣ малаго брата взять?» Царь и говоритъ: «А дѣ знаешь тутъ и возьми! Я его николи не видалъ и не знаю чей такой». Является къ нимъ малый братъ, проздравляетъ: «Здравствуй, большакъ! А какъ ты здоровъ?» «Вашими молитвами; какъ вы такъ и мы». Пили тутъ, гуляли, три ночки ночевали. Малый братъ и говоритъ: «А не пора ли намъ, братъ, домой, къ матери родной?» Отвѣчаетъ царскій зять: «Охъ, братъ малый, а пойдемъ ка мы съ тобой и молоду́ возьмемъ». Отвѣчаетъ тесть: «Вотъ, зятюшка, на каретуу бы тебѣ надо сѣсть. У насъ три каретушки готовы и кони запряжены». «А вотъ, братецъ, говоритъ малый братъ, пойдемъ да пѣшкомъ! Бери ка молоду свою жену за рученьку!» Тесть съ тещей испугались, за дочь хватались. «Охъ ты батюшка тесть, сказалъ купецкій сынъ, нельзя ли тебѣ на стулъ сѣсть, а насъ благословить и на родину проводить? Пожалуйте въ гости въ такомъ часу. Прощайте!...» Испекли имъ три яйца и пошли они въ путь дорогу. Вотъ шли да шли; царева-то дочь, человѣкъ то нѣжный, пѣшкомъ больно изустала, и говоритъ малый братъ: «А вотъ мы,

сестрица, дойдемъ до водицы, хлѣбца то закусимъ, а водицы испьемъ». Шли путемъ дорогой, до озера дошли. Молодица и говоритъ: «Охъ, милый мужъ, охъ, братъ родимый! Не могу идти и ногъ тащить! Надо отдохнуть». Они у озера отдохнули, испили водицы; малый братъ и говоритъ: «Подъ этой березой лягте отдохнуть!» Они постель постлали и отдыхать легли. Подходитъ къ нимъ малый братъ. Молодица крѣпко спитъ и разинула ротъ. Малый братъ большаку и говоритъ: «Встань, братъ, да уйди, на меня погляди!» Взялъ малый братъ вострый ножъ, разрѣзалъ у молодицы бѣлу грудь и досталъ до ретива сердца; распахнулъ ея бѣлу грудь на обѣ сто́роны. Поползли изъ нея змѣи и ужи. Малый братъ изъ ея чрева гадину рукой выгребалъ, ея чрево морской водой вымывалъ, шелково́ю ниткой зашивалъ, святымъ духомъ покрывалъ; она встала да и говоритъ: «Какъ я нынче во снѣ холодную воду пила!» Малый братъ и говоритъ: «Погляди ка тутъ что?» Онъ нагребъ изъ ея чрева превеличающую ко́пну гаду. «А гдѣ, говоритъ, мой большой братъ?» Является большой братъ. «Вотъ теперь, братецъ, чистая твоя жена: она тебѣ Богомъ создана!» Встали и пошли. Шли они горами и прошли они быстрыми рѣками, дошли до темнаго лѣсу. Въ темный лѣсъ—повёртышекъ небольшая тропочка. Пошли по ней. Тутъ стоялъ разбойничій домъ. Вотъ пришли ко двору, отворили ворота—и нѣтъ никого; одна старая старуха. Малый братъ и говоритъ: «О старая дура, вотъ тебѣ будетъ худо! Скажи намъ гдѣ у васъ казна? Гдѣ у васъ кони и повозки?» Старуха испугалась, схватила ключи, отперла подвалы и показала конюшни. «Вотъ вамъ подвалы съ деньгами, вотъ вамъ конюшни съ конями, вотъ вамъ колёски съ колесами!» Малый братъ и говоритъ: «Ну ка, братецъ, казны бери!» «Ты бери, братецъ: у меня дома много». Вотъ они казны насыпали, впрягли тройку, поѣхали домой. Ѣхали путемъ-дорогой и сёлками и просёлками. Во пе́рво село пріѣхали, больно прытко проѣхали и съ лѣваго боку пристежная лошадка шибко бѣжала, землю ногами на обѣ сто́роны кидала, всю деревню пескомъ заметала. Какъ проѣхали третьимъ то селомъ, корневая бѣжитъ, только земля дрожитъ, по улицѣ проѣхать нельзя. Пріѣхалъ купецкій сынъ на то мѣсто гдѣ у нихъ было свиданье, дѣ они шли съ братомъ, когда крестами мѣнялись и это мѣсто они

съ нимъ распрощались. Вотъ большой братъ и говоритъ: «А пожалуйста, братецъ, ко мнѣ въ гости! Ко мнѣ тесть скоро пріѣдетъ». Отвѣчаетъ малый братъ: «А вотъ, братецъ, ко мнѣ въ гости жаловайте!» «А гдѣ мнѣ къ тебѣ придти? Кто ты такой?» «А помнишь ли ты, братецъ? Я—того человѣка душа, котораго ты на базарѣ покупалъ и сырой землѣ предалъ! Прощай!» Только они тутъ другъ друга и видѣли. Вотъ купецкій сынъ поѣхалъ домой, къ матери родной. Матушка ихъ встрѣчала, во сахарныя уста цѣловала. Поѣхалъ ихъ батюшка тесть къ нимъ въ гости погулять, ихаго имѣнья посмотрѣть. Пріѣхалъ въ первое село, гдѣ зять проѣхалъ. Рабочихъ людей многое множество землю копаютъ, на всѣ стороны кидаютъ. Говоритъ царь: «Что это такое? Великая буря прошла?» Міряне и говорятъ: «Это не буря прошла, а проѣхалъ купецкій сынъ на тройкѣ вороныхъ коней». Поѣхалъ царь дальше, доѣзжаетъ до другаго села и многое множество рабочихъ людей землю копаютъ, избы отрываютъ. Говоритъ царь: «Что это за великая буря прошла?» «Нѣтъ это не буря прошла, а проѣхалъ купецкій сынъ на тройкѣ вороныхъ коней». Поѣхалъ царь въ третье село; доѣхалъ и нельзя по улицѣ ѣхать: какъ въ холодное время—великіе ныркй, ямами все. Спрашиваетъ царь: «Что это такое?» «Это купецкій сынъ проѣхалъ на тройкѣ вороныхъ коней».

Пріѣзжаетъ царь къ купецкому сыну. Зять съ дочерью встрѣчаютъ, за бѣлыя руки принимаютъ, за дубовый столъ сажаютъ и водкой угощаютъ. Попили да погуляли трое суточекъ. Царь и говоритъ: «Вотъ зятюшка, будетъ да и прощай! Напредки меня не оставляй!» И уѣхалъ. Купецкій сынъ остался съ молодой женой, стали жить да быть и добро наживать, худо проживать и стали торговлей заниматься. Купецкаго сына жена припоила мужа пьянаго и говоритъ: «Охъ ты, мужъ, милый мужъ, а да ка съ правой то руки золотой перстенекъ, хоть на одинъ часокъ!» Пьяный мужъ и говоритъ: «Ты не знашь что съ нимъ сдѣлать!» Она крѣпко нарядилась, на кровать спать съ нимъ легла, крѣпко цѣловала и къ сердечушку туго прижимала, словами облазнѣла. «Охъ, милый мужъ, скажи-ка мнѣ про свой перстенекъ!» Онъ разумомъ то не собрался и ляпъ-ляпъ, какъ корова на лубокъ. «Этотъ перстенекъ, жена, дорогъ». Скидаетъ купецкій сынъ съ правой руки золотъ перстень и говоритъ: «О ты вдоицъ, ты

мой вóицъ, златъ перстень! Угости ка насъ съ молодой женой! Выдьте тридцать три молодца сюда!» Вышли тридцать три молодца, въ одинъ голосъ, въ одинъ волосъ, въ одну черную бровь, вынесли тридцать три стола. «Извольте кушать, что вамъ угодно!» Напились, наѣлись. Купецкій сынъ и говоритъ: «Перстень, скройся!» И легъ съ женой спать. И эта молодая жена украсть сноровила у него перстень. Сняла съ правой его руки, вышла на высокъ крылецъ и сказала: «Вòицъ мой, вòицъ, золотъ перстень и т. д.». Вышли тридцать три молодца, въ одинъ волосъ, въ одинъ голосъ, въ одну черную бровь, вынесли тридцать три стола и т. д. «Что молодица, прикажешь работать?» «Отвезите меня къ родителю батюшкѣ!» Они взяли, подхватили и сейчасъ тамъ.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается. Купецкій сынъ проснулся—хозяюшки нѣтъ и перстенька то не было. Не весело ему: повѣсилъ буйну голову ниже могучихъ своихъ плечъ, съ тоски съ горя не знаетъ гдѣ лечь. Говоритъ ему мать: «Что, сынокъ, не веселъ, буйну голову повѣсилъ?» «Молодой жены нѣтъ при мнѣ». Дни два проходитъ и нѣтъ жены. Говоритъ купецкій сынъ: «Охъ да знать улетѣла на свою сторону! Видно дѣлать нечего, пропала!» Купленый котъ сидитъ да и глядитъ ему въ ротъ. «А что ты, милый хозяинъ, больно не веселъ?» «Хозяйка пропала». «Надо похлопотать; вскричать надо кобеля», говоритъ котъ гласомъ человѣческимъ. Поманилъ хозяинъ кобеля. Кобель подбѣжалъ и хвостомъ вертитъ. Котъ и говоритъ кобелю: «А что, вотъ кобель, нашъ хозяинъ въ печали, говорить съ нами не можетъ, пойдемъ ка его женку искать, а не женку искать—перстенекъ доставать. Онъ насъ отъ смерти отвелъ». Кобель и говоритъ: «Айда-ка побѣжимъ!» Побѣжали, къ купецкаго сына тестю прибѣжали и увидали тамъ молодицу. Котъ и говоритъ кобелю: «Ты, кобель, живи на дворѣ, а я пойду проберусь въ избу, недобьюсь ли перстня». Котъ является въ избу и смотритъ жена: «А гляди», говоритъ,—«котъ то! На запяткахъ видно съ нами пріѣхалъ». Вотъ котъ-умная голова около нея мрн! мрн! мрн! ходитъ кругъ ея, ласкается, лапки на шейку покладываетъ, хвостикомъ передъ лицомъ поматываетъ. Приходитъ темная ночь, ложится молодица спать и съ рученьки перстень скидаетъ, въ ротъ беретъ, зубами прижимаетъ. Котъ глядитъ. «Ну да дай срокъ, злодѣйка, я тебѣ

на с . . . въ шапку-то!» Легла злодѣйка спать, котъ на постель сѣлъ. Только она глаза защурила, котокъ п р и п р а в и л ъ свой хвостокъ да по губамъ то и провелъ. И говоритъ молодица: «Тьфу, проклятый!» Перстенекъ изо рту-то т р ѝ н ь к ъ! Котъ его поддѣлъ и на носъ надѣлъ; никого не ждалъ и изъ комнаты убѣжалъ. Говоритъ молодица: «Дѣвка служанка, подыми перстень!» Служанка огонекъ з а с в ѣ ч а̀ л а, искала—нѣтъ. Котъ выбѣжалъ изъ хаты и кричитъ: «Кобель!» «Здѣсь!» «Я перстень досталъ!» И полетѣли куды надо имъ, прямыми путями-дорогами. Бѣгли бѣгли много ли, мало ли, долго́ ли коротко́ ли, и такъ добѣгли, что и идти некуды: превеличающая передъ ними рѣка. Добѣгли до рѣки, и говоритъ котъ кобелю: «Ну давай, поплывемъ черезъ рѣку, я перстенекъ понесу». А кобель и говоритъ: «Ты упустишь! Да-ка я понесу». Вотъ они сохватились драться. На бережку дрались и перстень въ воду упустили. Сидитъ кобель, больно плачетъ. «Что́ ты, проклятый котъ, сдѣлалъ? Что́ ты мнѣ его не отдалъ? Я бы его на ушко́ надѣлъ». Котъ и говоритъ: «Да вѣдь не ты его доставалъ, а я. Ночуемъ, кобель, ночку!» Ночку на рѣкѣ ночевали. Пріѣзжаютъ молодые рыболовы, въ рѣчку неводы бросили, рыбицы много п ы м а л и, много рыбицы пымали и всю ее распластали. А вотъ господинъ котъ сидитъ на бережкѣ-то да ноготочкомъ кишечки поретъ, а въ кишечкахъ-то смотритъ и перстенекъ нашелъ: его рыбица сглотила. Поддѣлъ его котокъ въ ротокъ и полетѣлъ какъ ясный соколокъ, а кобель не бѣжитъ—на берегу лежитъ. Подбѣжалъ котъ къ кобелю: «О да, братъ же кобель, перстенекъ то я нашелъ!»

Приходятъ домой, принесли купецкому сыну перстенекъ. Купецкій сынъ не знатъ чѣмъ ихъ напоить, накормить, не знаетъ гдѣ ихъ спать положить; беретъ отъ нихъ золо́тъ перстенёкъ и говоритъ: «Да спасибо вамъ, господа товарищи! Нынѣшній день я при радости!» Надѣлъ купецкій сынъ перстень на правую рученьку и говоритъ: «Вѡицъ мой вѡицъ золо́тъ перстень и т. д.». «Что прикажете?» «Прошу я васъ, чтобы заутро жена здѣсь была!» Зоренька не занялась—они ее доставили, и сталъ купецкій сынъ съ ней жить да быть. Вотъ и сказочкѣ конецъ, ее сказалъ молодецъ. Намъ молодцамъ по рюмочкѣ винца, по стаканчику пивца, а на

закуску хлѣба ломоть. Взялъ да и будетъ. Охъ да погожу; это бросимъ, но́во начнемъ. Я тамъ былъ и пр.

(Со словъ Абрама Новопольцева, село Новиковка, Ставроп. у. Самарск. губ.).

6.

Ума много, а денегъ нѣтъ.

Ходилъ парень по базару да и говоритъ: «У меня ума много, только денегъ нѣтъ». А на встрѣчу ему купецъ старичекъ. «Ты что братецъ, ходишь?» «Да вотъ что: въ головѣ у меня ума нѣ-с к о л ь к о, только денегъ нѣтъ, а то я своимъ умомъ могъ бы не знай что сработать!» Купецъ и говоритъ: «У меня имѣнья много, имѣньемъ повелѣвать некому: старъ. Что же, братецъ, коли у тебя ума много—не пойдешь ли ко мнѣ въ зятья?» «Можно», говоритъ. Повѣнчалъ купецъ парня на своей дочери. Зять и проситъ у тестя тридцать рублей денегъ—торговать. Тесть выдалъ ему деньги, пошелъ онъ на базаръ и купилъ всѣ дрова и гонитъ ихъ къ оврагу сваливать. Прикащики п р о ч і е смѣются: «Ну, нажилъ себѣ старикъ зятя! Ума много: дрова въ оврагъ валитъ!» Купецъ тесть и говоритъ имъ: «А что вамъ за дѣло? Деньги онъ не ваши тратитъ, а мои». Зять подходитъ къ тестю, опять тридцать рублей проситъ. Тесть опять выдаетъ. Купилъ зять на эти деньги еще дровъ и опять въ оврагъ свалилъ. Въ третій разъ опять зять тридцать рублей проситъ. Тесть и въ этотъ разъ далъ. «Теперь, батюшка, дайте мнѣ десять рублей на небольшую потребность!» Онъ и десять выдалъ.

На эти десять рублей нанялъ зять работниковъ двадцать-пять человѣкъ и повелъ ихъ къ оврагу, гдѣ дрова. «Ну, братцы, соберите мнѣ эти дрова въ кучу и потомъ зажгите!» Они дрова сожгли и зо́лу въ кучу смели, оправили. Прочіе купцы нагрузили барки хлѣбомъ въ иныя земли, а купеческій сынъ подогналъ барку къ оврагу золы нагружать. Прикащики опять смѣются надъ нимъ: «Тамъ,

золы-то видно нѣтъ въ чужеземныхъ-то земляхъ!» Поѣхали они съ хлѣбомъ въ нерусское королевство, а этотъ съ золой. Пріѣзжаютъ. Купцы навязали казать королю узлы хлѣба, а онъ—узелъ золы. Котòры хлѣбъ-то привезли, смѣняли его на товары. Нерусскій король говоритъ: «Вотъ что, нѣтъ ли у васъ такого человѣка? У насъ изъ моря выходитъ змѣй треглавый; не побѣдитъ ли кто его?» Купцовъ зять взялся его побѣдить; спросилъ двадцать-пять человѣкъ работниковъ и семь лошадей. «Гдѣ же», спрашиваетъ, «змѣй въ городъ всходитъ, по какой дорогѣ?» О н ъ (царь) ему показалъ дорогу. Купцовъ зять и говоритъ: «Ну, братцы работники-выгружайте на дорогу мою золу, а вы водой поливайте, на лошадяхъ ее возите»! Только они третью долю золы выгрузили, выходитъ змѣй изъ моря. Прошелъ онъ по золѣ сто саженъ и задохнулся, и зàчалъ дрягаться, б о т à т ь с я и изъ себя зачалъ рыгать и вы́рыгалъ изъ себя драгоцѣнный камень. Купцовъ зять отсѣкъ ему одноё голову и живаго въ море пустилъ. Работникамъ на прогулъ денегъ далъ и говоритъ имъ: «Братцы товарищи, завтра опять та же работа будетъ».

На другое утро то же сдѣлали, что вчера. Только что выгрузили золы и полили дорогу, змѣй во второй разъ вышелъ, зачалъ бота́ться, дрягаться и вырыгалъ изъ себя другой драгоцѣнный камень. Зять взялъ камни въ карманъ, ссѣкъ ему вторую голову и отпустилъ въ море живаго. «Завтра, братцы»,—говоритъ работникамъ, «выгрузите всю золу изъ судна». На утро они все это сдѣлали. Змѣй въ третій разъ не далеко отъ берега прошелъ, зачалъ ботаться, дрягаться и третій камень вы́рыгалъ. Зять купцовъ ссѣкъ ему остальную голову, камень себѣ взялъ. Доложилъ нерусскому королю, что змѣя побѣдилъ. За эту службу король выдалъ ему пудовку золота. Онъ и говоритъ: «Ваше к о р о л е в с т в о! Мнѣ твое золото не нужно! Дайте мнѣ столько же работниковъ судно каленными кирпичами нагрузить!» Прикащики насмѣхаются, что онъ денегъ не беретъ. «Дуракъ», говорятъ,—«чистый!» Товарищи его нагрузили красныхъ товаровъ, а онъ—каленыхъ кирпичей, и отправились они въ свое жительство. Доѣхали до половины пути. У купцова зятя стало съ кирпичами судно тонуть. Онъ и проситъ товарищей: «Облегчите судно! Возьмите по сотенкѣ!» Они взяли. Его судно пошло легко. Ѣхали еще нѣсколько времени. Прикащики для смѣху

кирпичи въ воду покидали. Пріѣхали въ свой градъ и пошли губернатору товары казать; а купеческій зять взялъ раскололъ драгоцѣнный камень на три части, врѣзалъ въ каленые кирпичи, завязалъ въ платокъ и понесъ тоже губернатору казать. Пришелъ подъ сумерки, развернулъ платокъ, и осіяло у него въ палатахъ ровно двѣнадцать свѣчъ. И онъ этому дѣлу ужастился. Говоритъ купеческій зять губернатору: «Я вотъ такихъ кирпичей привезъ цѣлое судно, а оно у меня чуть не потонуло. Просилъ я своихъ товарищей меня облегчить, а они надсмѣялись и покидали всѣ мои кирпичи въ воду». Губернаторъ и говоритъ ему: «Всѣ ли такіе?» «Всѣ, ваше превосходительство!» «Нука принеси еще!» Онъ пошелъ и во второй разъ принесъ. «Принеси ка въ третій разъ!» Онъ и въ третій принесъ. Губернаторъ повѣрилъ. «Ну что же мнѣ, ваше превосходительство, съ товарищами дѣлать? Вѣдь они мнѣ изъянъ сдѣлали. Вещи эти дорогія». «Точно», говоритъ губернаторъ,—ихъ на свѣтѣ мало. Вотъ что: отбери у нихъ все имѣнье и возьми себѣ!» И отобрали по его приказу все имѣнье купцову зятю.

(Абрамъ Новопольцевъ).

7.

Торбочка-самобранка.

Служилъ солдатъ въ Санктъ-Петербургѣ лѣтъ двѣнадцать, и опредѣлили его въ ундеръ-офицеры. Стали выпускать солдата на побывку. А у царя была дочь и бѣгала неизвѣстно куды. Сколь царь ни старался узнать куды она бѣгаетъ—не могъ. Знахарей призывалъ, все толку нѣтъ. Отпустили ундера домой; пришелъ онъ пробылъ сколько надо—пора ворочаться. Пошелъ назадъ и привелось болото обходить. «Дай», думаетъ,—перейду!» Идетъ болотомъ и видитъ: трое лѣшихъ дерутся. Онъ и говоритъ имъ: «Богъ помочь вамъ драться! Изъ зачего дѣло то?» «Ахъ, служивый, разсуди насъ, мы тебя давно ждали! Нашли мы три вещи: скороходъ-сапоги, шапку невидимку и торбочку-самобранку. Не знаемъ

какъ раздѣлить». Солдатъ и говоритъ: «Ладно, вотъ я изъ казеннаго ружья выстрѣлю, кто пулю въ болотѣ найдетъ скорѣе, тотъ двѣ вещи получитъ». Взялъ, выстрѣлилъ. Лѣшіе кинулись за пулей, а онъ надѣлъ сапоги, шапку невидимку и сказалъ: «Торбочка! Со мной!» И ушелъ отъ нихъ въ Петербургъ, пока они пулю искали.

Солдатъ идетъ и думаетъ: «Теперь я царску дочь укараулю». Пошелъ къ ротному; тотъ прогналъ: «Что ты», говоритъ,—на вѣрну смерть пойдешь!» Онъ—къ батальонному, и тотъ прогналъ. Онъ—къ полковнику—тотъ царю доложилъ. Царь призвалъ солдата. «Можешь?» «Могу ваше величество!» «Ну, на тебѣ три дни сроку! Кути!» Пошелъ солдатъ на базаръ, погулялъ, вернулся къ царю трезвый. «Что, погулялъ?» «Погулялъ-съ, ваше величество!» «Что же не пьянъ?». «А служба-то, ваше величество?» «Ну, ладно». Отвелъ ему комнату рядомъ съ дочерней. Черезъ хрустальную дверь все видно, значитъ, на кровать къ ней. Подали солдату самоваръ и водки, и прислугу дали. Только царска дочь идетъ мимо его комнаты вечеромъ и говоритъ: «Дайте служивому двѣнадцать бутылокъ столовой водки!» Принесли. Солдать не столь пьетъ, сколько въ торбочку льетъ. Легъ, свалился, притворился пьянымъ, на карачкахъ ползатъ. Уложили его на кровать. Онъ однимъ глазомъ сквозь дверь смотритъ. Вотъ царска дочь подошла къ нему, п о л а̀ п а л а, а онъ сопитъ какъ пьяный. Пошла она въ свою комнату, позвонила. Явился человѣкъ. «Принеси мнѣ двѣнадцать паръ башмаковъ!» Явились двѣнадцать паръ башмаковъ: одни—на̀ ноги, а остальные въ салфетку. Взяла ихъ подъ мышку, открыла подъ кроватью западню и въ нее ушла. Солдатъ надѣлъ сапоги-скороходы, шапку-невидимку и—за ней. Она башмаки сноситъ, броситъ, други надѣнетъ, бѣжитъ. Солдатъ—за ней, не отстаетъ: «Торбочка, собирай башмаки!» И приходятъ въ Мѣдный садъ. Солдатъ ду́матъ: «Надо хоть яблочко сорвать». Подошелъ къ прекрасному дереву, цопъ яблоко. Вдругъ зазвенѣли струны, въ бубны ударили, началась тревога. Дочь царская думаетъ: «Если дальше пойду—узнаютъ, куды я хожу. И съ чего такая тревога?» Взяла и воротилась. Всю дюжину износила.

Солдатъ прежде ея бросился въ постель и опять спитъ. На другой день опять солдата угостить вздумала царская дочь: послала ему двадцать-пять бутылокъ заграничной наливки. Онъ вы-

лилъ девять бутылокъ въ торбу и притворился, что пьянъ. Ночью опять въ хрустальную дверь смотритъ. Вотъ царская дочь подошла къ нему, видитъ, что онъ спитъ, зазвенѣла въ пружину. Вышелъ человѣкъ и принесъ по ея приказу двадцать-пять паръ башмаковъ. Она взяла одну пару, надѣла, остальные—въ узелъ, и ушла. Солдатъ за ней. Приходятъ оба въ Серебряный садъ. Захотѣлось солдату хоть яблоко сорвать. Цопъ два въ карманъ! Струны зазвенѣли; царская дочь испугалась: «Пожалуй поймаютъ меня, узнаютъ куда бѣгаю. Дай ворочусь!» А пробѣжала она двадцать-четыре тысячи верстъ. Вернулась назадъ, послѣднюю пару надѣла и дома, а солдатъ прежде нея залегъ. На третье утро принесли ей сорокъ-пять паръ, и прибѣжали они съ солдатомъ въ Золотой садъ. Онъ опять яблоко цопъ въ карманъ. Струны зазвенѣли, царская дочь испугалась, побѣжала домой, а солдатъ прежде нея вернулся, опять завалился спать. На другой день царская дочь ему еще вина прислала; а онъ притворился, что спитъ крѣпко. Выпросилъ солдатъ у царя четвертую ночь. Какъ ночь пришла—онъ опять за ней. А царская дочь велѣла себѣ принести семьдесятъ-пять паръ башмаковъ. Пробѣжали они Мѣдный садъ, пробѣжали Серебряный садъ, пробѣжали Золотой садъ, приходятъ къ огненному морю и на немъ стоитъ огненная колесница. Она сѣла въ нее, и онъ за ней прыгъ: «Трогай, бѣлоногой! На дворѣ не поздно!» Дочь царская дивится, кто это такой. Переѣхали на ту сторону, выходитъ человѣкъ и сводитъ царскую дочь за руки. «Пойдемте ко мнѣ, душенька, въ домъ!» А домъ стоитъ съ золотой крышей, невдалекѣ. Вотъ и солдатъ за ними. Первая комната,—зала, богато изукрашена. Показалъ этотъ самый человѣкъ перву комнату. Та дивуется. Повелъ въ слѣдующую, въ одёжную. Солдатъ и говоритъ, какъ они вышли: «Торбочка, забирай!» Та и забрала. Прошли одёжную, вошли въ посудную. «Вотъ тутъ у меня, душечка, золотая посуда». Солдатъ опять, какъ они въ разливную вошли, говоритъ: «Торбочка, забирай!» Та только стѣны оставила, все по порядку забрала, и послѣднюю спальную и тоё. «Что это» говоритъ царская дочь,—«когда я садилась на колёску, кто-то сказалъ: Трогай, бѣлоногой! На дворѣ не поздно?» «Это тебѣ, душенька, помстилось. Пора намъ вѣнчаться! Завтра приходи обвѣнчаемся». Царская дочь ему и говоритъ: «Можетъ я завтра не опоздаю. Какой-то

солдатъ пьяница приставленъ меня караулить». Вышла къ колёскѣ, солдатъ — съ нею, и отправились: «Трогай, бѣлоногой! На дворѣ не рано!» А тотъ человѣкъ, значитъ, пошелъ въ домъ, видитъ: нѣтъ ничего, однѣ стѣны; обернулся шестиглавымъ змѣемъ и кинулся въ погоню, да огнемъ его опалило. Вышелъ онъ на балхонъ, ударился объ землю и р а с ч и б с я. А царская дочь износила всѣ башмаки, надѣла послѣднюю пару, торопится домой. Солдатъ прежде нея завалился, спитъ. Утромъ его не будятъ; часовъ въ двѣнадцать присылаютъ за нимъ генерала, идти къ царю. Приходитъ солдатъ къ царю; тотъ спрашиваетъ: «Что укараулилъ?» «Укараулилъ. Позвольте мнѣ очистить во дворцѣ пять комнатъ!» Очистили. «Велите с е н а т о р о в ъ собрать!» Собрали. И сталъ онъ разказывать: «Въ первый разъ дошелъ я до Мѣднаго сада». «А что бы яблочко принести?» спросилъ царь. «Извольте, ваше величество!» Взялъ и подаетъ мѣдное яблоко. «Во вторую ночь былъ я въ Серебряномъ саду». А что бы яблочко принести?». «Извольте, ваше величество». И подалъ серебряное яблоко. «Въ третью ночь былъ въ Золотомъ саду». «А чтобы оттуда яблочко не взять?». «Извольте». Подалъ золотое яблоко. «На четвертую ночь проѣхалъ я на огненной колёскѣ, черезъ огненное море. Эй, торбочка, вынимай!». И полѣзли изъ торбочки ковры, посуда, одёжа, все, что̀ за̀ моремъ у того змѣя было. «Ну, солдатъ», сказалъ царь,—правда твоя: укараулилъ. Что-же бы ты теперь съ моей дочерью сдѣлалъ?». «Да что? Велите, ваше величество повѣсить, такъ повѣшу, разстрѣлять—разстрѣляю, а велите жениться — женюсь». «Ну такъ женись, солдатъ!» сказалъ царь. Онъ и женился.

Я тамъ былъ; у меня по усамъ-то капъ капъ, а ему вонъ одинъ . . . . .

(С. Новиковка, Самарск. губ. Ставроп. у.)

8.

Про Илью Муромца.

Илья Муромецъ тридцать лѣтъ безногій сидѣлъ. Отецъ его помочь сдѣлалъ, чищобу чистить, пива наварилъ. Онъ чищобу возлѣ Оки чистилъ, а къ Ильѣ двое нищихъ пришли и говорятъ: «Милостыньку христа ради, Илюшенька!» Илья отвѣчатъ: «Эхъ, нища братія! Я тридцать лѣтъ недвижимый сижу, безъ ногъ!» «Попытайся, не встанешь ли?» Онъ зачалъ пытаться, и всталъ Илюша на́ ноги, (Богъ часъ ему далъ), подалъ нищимъ милостыню, нацѣдилъ ведерко пивца. Ни́щи и говорятъ: «Илюша, ну-ка впередъ самъ выпей!» Тотъ взялъ за ушки́ ведро и выпилъ все его. Пошелъ, другое нацѣдилъ. Поднесъ нищимъ стаканомъ. Ни́щи выпили и спрашиваютъ: «Ну, что, Илюшенька, какую въ себѣ чаешь силу?» «Да я чаю теперь въ себѣ вотъ какую силу: если бы была въ небѣ скоба́, а въ землѣ другая, я бы ихъ вмѣстѣ», баитъ,—«свелъ; а если бы столбъ былъ отъ земли до́ неба, то я бы своей силой весь бѣлый свѣтъ поворотилъ». Ну ни́щи и и говорятъ: «Сходи, третье нацѣди!» Онъ нацѣдилъ. «Выпей-ка!» Онъ за́ уши ведро взялъ и сталъ пить черезъ край. Только половину выпилъ. Ни́щи и говорятъ: «Ну, теперь, Илюшенька, какую силу въ себѣ чаешь?» «Прошла теперь: половины прежней нѣтъ». «Ну», баютъ,—«будетъ съ тебя».

Взялъ Илюшенька сорокоушу-бочку, навязалъ на веревку, положилъ на плечо и пошелъ къ отцу на чищобу. Идетъ дорогой, а отцовы работники говорятъ: «Твой Илюша идетъ!» Подходитъ Илюшенька къ отцу и говоритъ: «Богъ помочь вамъ съ работниками работать!» «Добро жаловать, сынокъ!» «Ну, батюшка, на те пообѣдайте, выпейте вотъ пивца!» Сѣли обѣдать, и сталъ онъ послѣ самъ чищобу чистить. Какъ возьметъ дубъ какой бы ни былъ за вершину, такъ и выдеретъ и́зъ корню, безъ топора. И закидалъ лѣсомъ всю Оку. Подошелъ къ отцу: «Вставайте, вода потоплятъ: запрудилъ всю рѣку!» Тотъ поглядѣлъ и видитъ Илюшину работу. «Ну», говоритъ,—«Илюшенька, ты видно мнѣ не кор-

милецъ: ступай куда знашь! Д а р у ю тебѣ лошадь». Лошадь эту Илюша двѣнадцать мѣсяцевъ кормилъ; осѣдлалъ ее, поѣхалъ Муромскими лѣсами. Въ этихъ лѣсахъ былъ Соловей-разбойникъ, свистомъ глушилъ. Не было ни ходу, н и ѣ з д у. Сталъ Соловей свистать, а Илья пымалъ его и поѣхалъ въ нерусско королевство. Пріѣзжаетъ туда. Т о т ъ и спрашиватъ: «Гдѣ ты, Илья, ѣхалъ, какими дорогами?» «Муромскимъ лѣсомъ». «Тутъ Соловей-разбойникъ былъ, не давалъ ѣзду, глушилъ свистомъ?» «Я», бантъ, «его пымалъ». «Ну-ка, покажи какой онъ?» Онъ показалъ. «Заставь—«его свиснуть!» Онъ заставилъ. Тотъ какъ свиснулъ, все королевство попадало. Разсвистался, хотѣлъ Илью Муромца оглушить, и не уймешь его. Илья посадилъ Соловья на ладонь, другой пріударилъ и убилъ его.

(Абрамъ Новопольцевъ).

9.

Пустой барабанъ.

Жилъ былъ солдатъ, и былъ онъ горькій пьяница. Одинъ разъ денегъ у него не было, онъ и пропилъ казенныя деньги, да и думаетъ: «Что же я буду дѣлать? Безъ казенныхъ вещей мнѣ дѣлать нечего». Пока онъ это думалъ, вдругъ всталъ передъ нимъ Т р о ш к а н а о д н о й н о ж к ѣ и говоритъ: «Чѣмъ топиться да давиться, лучше бѣжимъ куда-нибудь!» И пошли они. Шли лѣскомъ; вдругъ имъ кричитъ женскій голосъ: «Оглянись! Зачѣмъ ты меня покинулъ? Возьми меня и будешь счастливъ!» Солдатъ оглянулся—никого невидать, а голосъ все кричитъ: «Подойди къ дереву, сломи съ него вѣточку!» Онъ послушался, подошелъ къ дереву, сломилъ вѣточку и пошелъ. Шелъ, шелъ, долго ли коротко ли,—скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается—отъ вѣтки ему никакой нѣтъ пользы. Взялъ онъ ее, бросилъ да и ушелъ. Вѣточка опять кричитъ: «Зачѣмъ ты меня бросилъ, одноё оставилъ?» Солдатъ оглянулся и видитъ: стоитъ дѣвица неопи-

санной красоты и говоритъ ему: «Женись на мнѣ: ты счастливъ будешь!» Вернулся солдатъ. Какъ такую красавицу не взять, а самъ думаетъ: «Ну какъ она меня обманетъ?» «Вернемся домой!» проситъ красная дѣвица. Вернулись, пришли въ городъ. Солдатъ проситъ у царя позволенья жениться. Дали ему позволенье, женился солдатъ; и зачали царю говорить, что у солдата жена красавица, что ему не подобаетъ такую жену имѣть. Царь ее позвалъ, осмотрѣлъ и увидалъ, что она на самомъ дѣлѣ красавица. И сталъ царь придумывать, куда бы послать солдата, а жену его себѣ взять. И придумали придворные, чтобъ заставить солдата въ одну ночь соборъ выстроить. «Конечное дѣло, онъ этого сдѣлать не сможетъ, тогда вы можете его казнить, а жену взять себѣ». Призвалъ царь солдата, сказалъ ему. Приходитъ солдатъ домой невеселый. Жена его спрашиваетъ: «Что съ тобой? Отчего ты такъ скученъ?» Онъ и говоритъ женѣ причину. «И.... батюшка лягъ, не починься, ни о чемъ не кручинься: утромъ встанешь рано, все будетъ Богомъ право!»

Пришелъ вечеръ. Она вышла на крыльцо, крикнула, гаркнула своимъ громкимъ голосомъ своихъ придворныхъ и велѣла, чтобы къ утру былъ соборъ. Утромъ будитъ мужа рано, а соборъ ужъ готовъ. Посылаетъ она его въ соборъ. Онъ пошелъ туда и сталъ кое-гдѣ гвоздики приколачивать. Царь проснулся, выходитъ изъ дворца и видитъ: соборъ готовъ. «Что будешь дѣлать? Солдата казнить нельзя». Сталъ опять думу думать что̀ бы ему еще приказать и придумалъ, чтобы вкругъ дворца была рѣчка, на той рѣчкѣ корабли. Приходитъ солдатикъ къ женѣ и говоритъ. «И.... батюшка, лягъ, не починься, ни о чемъ не кручинься: встанешь рано, все будетъ Богомъ право!» Утромъ будитъ мужа рано. Все ужъ готово. Царь проснулся, вышелъ изъ дворца, видитъ—рѣка, а по рѣкѣ корабли плаваютъ. Послѣ того придворные надумали послать солдата туда не знай куда, принести того, незнай чего. Солдатъ пошелъ и разсмѣялся: «Какой вздоръ придумали придворные: жена и не такія диковинныя дѣла дѣлала. Это ей и плевка не будетъ стоить». Приходитъ домой; жена его спрашиваетъ, зачѣмъ его еще звали. Онъ смѣется и говоритъ зачѣмъ. Жена призадумалась. «То, что̀ было, все еще службишка, а теперь будетъ ужь служба». Стала она его собирать въ дальній путь и

говоритъ: «Незнаю, увижу ли тебя. Если пойдешь, то кто бы ни попался, всѣхъ спрашивай: не знаетъ ли кто гдѣ эти вещи взять и куда идти».

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Идетъ солдатъ и день, и два, приходитъ въ заповѣдные луга и видитъ, что двое лежатъ, а возлѣ нихъ два коня. Подошелъ онъ къ нимъ съ почтеніемъ, и т у т ъ лежатъ два ж а н д а р м а (sic). «Не знате ли, гдѣ идти туда не знай куда, принести того, не знай чего?» Ж а н д а р м ы ему отвѣчали: «Еслибы ты былъ намъ не родня, то мы бы сейчасъ разорвали на клочки, но такъ какъ ты женатъ на нашей племянницѣ, мы тебя не тронемъ, а сказать ничего не скажемъ. Иди ты дальше, т а м ъ придешь въ лѣсъ; въ лѣсу келья, и въ этой кельѣ живетъ старуха. Эта старуха тебѣ теща; ты и спроси ее». Поклонился солдатъ и пошелъ путемъ дорогой. Приходитъ въ лѣсъ, входитъ въ избушку; т у т ъ лежитъ страшная старуха и кричитъ: «У, у прежде русскаго духу и слыхомъ не слыхать, а теперь русскимъ духомъ пахнетъ!» Солдатъ испугался и на силу могъ проговорить: «Сударыня баушка, вѣдь ты мнѣ мать!» Услыхала это старуха, обрадовалась, вскочила. «Батюшка зятюшка, откуда ты? Куда идешь?» «Сударыня матушка, не знаешь ли?» «Не знаю, зятюшка, мой другъ; однако спрошу». Вышла изъ кельи, сѣла на конёкъ и начала кричать громкимъ голосомъ: «Сбирайтеся, слетайтеся, с п о л ч а й т е с я!» Всѣ гады, птицы и звѣри всѣ слеталися, сползалися. Сошлись всѣ гадины, и спрашиваетъ ихъ старуха, не знаютъ ли они, куда идти, какія вещи дѣлать. Всѣ сказали, что не знаютъ, только одна старая лягушка, хромая чуть-чуть ползетъ. Старуха на нее и закричала: «Ползи скорѣй, старая!» Приползла лягушка и говоритъ: «Дайте мнѣ отдохнуть, такъ я скажу». Старуха и говоритъ лягушкѣ: «Ты возьми м о в о зятя и доведи туда, не знай куда». А лягушка чуть-чуть ползетъ. Солдатъ взялъ ее на руки и понесъ, только бы дорогу указала. И привела она его къ большому болоту, оборотила солдата соломинкой, взяла ее въ ротъ и нырнула въ болото. И видитъ солдатъ въ болотѣ зáмокъ, ужъ такой з à м о к ъ, что и разказать нельзя. Лягушка его туда проводила и сказала, чтобы онъ спрятался и слушалъ кто чтó будетъ говорить. Ходилъ, ходилъ солдатъ по зáмку; комнаты отличныя, а никого нѣтъ. Спрятался онъ за печку, въ тёмно

мѣсто. Приходитъ ночь, пріѣзжаютъ въ замокъ тѣ самые жандармы, которыхъ онъ видѣлъ въ заповѣдныихъ лугахъ. «Фу, Боже мой, какъ мы устали! Афонюшка, дай намъ ужинать: мы уже и ѣсть захотѣли». Откуда ни взялся столъ и все готово. Солдатъ дивится, откуда это, а ѣсть хочется ему, да выдти боится. Жандармы поѣли и легли спать, а потомъ ушли, сказали: «Афонюшка, убери все!» Солдатъ сидѣлъ, сидѣлъ, и ѣсть ему хочется. «Дай, думаетъ, попрошу, не дастъ ли и мнѣ Афонюшка поѣсть?» И закричалъ: «Афонюшка, дай мнѣ поѣсть!» Все явилось; наѣлся солдатъ, повеселѣлъ и сталъ его спрашивать: «Кто ты такой, Афонюшка?» «А ты кто?» спрашиваетъ Афонюшка солдата. Тотъ сказалъ, а Афонюшка ему въ отвѣтъ: «Я—слуга-невидимка». И подружились, чтобы уйти имъ вмѣстѣ изъ болота. Афонюшка оборотился гусемъ, а солдатъ—сухой травой. Гусь взялъ ее въ ротъ и вышелъ изъ болота, и пришли они къ морю. На берегу корабельщики ждутъ корабля, и не то что однѣ сутки, а нѣсколько, и провизіи у нихъ нѣтъ никакой. Подходитъ солдатъ, спрашиваетъ, что они дѣлаютъ; тѣ и говорятъ, что они ждутъ корабля. «Дай-ка, Афонюшка, стулъ! Я больно усталъ». Стулъ подали, солдатъ сѣлъ. Позвалъ солдатъ Афонюшку и накормилъ всѣхъ. Корабельщики дивятся, какъ это; никого нѣтъ, а онъ все кричитъ Афонюшку, и ему все подается. И просятъ его корабельщики, чтобъ онъ продалъ имъ Афонюшку. Солдатъ говоритъ, что продажнаго у него нѣтъ. Они хотѣли ему дать сколько хочетъ денегъ, солдатъ не бралъ. Афонюшка на ухо ему и шепчетъ: «Продай меня и возьми за это пустой барабанъ, а иначе не продавай». Кто говоритъ отдадимъ, кто—нѣтъ; однако согласились отдать за Афонюшку пустой барабанъ. Афонюшка опять солдату на ухо шепчетъ: «Возьми барабанъ, я опять у тебя буду». Солдатъ взялъ пустой барабанъ, и пошелъ путемъ дорогой. Шелъ много ли, мало ли и вздумалъ про себя: «Охъ, что то мой Афонюшка? Я уже и поѣсть хочу!» Афонюшка и отвѣчаетъ ему: «Я здѣсь, товарищъ!» И накормилъ его. Солдату захотѣлось узнать, къ чему служитъ пустой барабанъ, и говоритъ: «Афонюшка, я бы поглядѣлъ что это». Афонюшка и говоритъ: «Ударь по немъ разъ!» Солдатъ ударилъ въ барабанъ, и изъ него полѣзло войскова, что и глазами не окинешь. Полное поле стало войскова. Солдатъ испугался и давай кричать: «Афо-

нюшка, спрячь ты ихъ!» Афонюшка велѣлъ опять ударить, и все пропало. Опять пошли въ путь дорогу; приходятъ въ свое царство. Прежде солдатъ прошелъ домой, жену увидать, да не тутъ то было: жены ужъ нѣтъ, она у царя въ палатахъ. Пошелъ солдатъ во дворецъ, велѣлъ о себѣ доложить царю: пришелъ молъ тотъ, что ходилъ туда, не знай куда; принесъ того, не знай чего. А самъ и говоритъ: «Афонюшка, да ка мнѣ стульчикъ: я больно усталъ; посижу, пока царю докладываютъ». Царю доложили. Царь испугался и велѣлъ солдату завтра придти. Солдатъ говоритъ, что онъ отвѣта сейчасъ хочетъ. Его гонятъ, солдатъ не йдетъ. Вышелъ солдатъ въ дверь, ударилъ въ барабанъ, и полѣзло войско, смѣты нѣтъ.... Царь увидалъ это, велѣлъ къ нему жену вывести, чтобъ онъ ее взялъ и съ собой увелъ. Получилъ солдатъ жену, ударилъ въ барабанъ—все опять пропало. Тогда царь простилъ солдата, подарилъ ему отличный домъ, просилъ, чтобы когда будетъ приступать къ городу непріятель, то чтобы его войско царю защитой было. Солдатъ отвѣчалъ, что его войско, всегда когда нужно—готово будетъ.

(Записано отъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой).

10.

Казакъ и принцъ.

Ѣхали казаки; у однаго конь п р и т у п ѣ л ъ. Онъ и говоритъ: «Ступайте, братцы, а я свово добраго коня выкормлю и нагоню васъ». Выкормилъ свово добраго коня, сѣлъ и поѣхалъ. Оглянулся назадъ, видитъ—стогъ загорѣлся. На стогу сидитъ дѣвица, такая красавица, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, и кричитъ ему: «Вольный казакъ, сыми меня со стогу!» «Какже мнѣ васъ, красная дѣвица, снять, когда вы кругомъ въ пламени?» «У васъ», говоритъ,—«сабля долгая, протяните ее, я къ вамъ слѣзу». Онъ обратился назадъ, протянулъ саблю; она слѣзла по ней и стала змѣей. Обвилась эта змѣя округъ его шеи. «Вези же меня», гово-

ритъ,—«въ Волвянóе царство! Если же не отвезешь туда, такъ я у тебя буду вѣкъ на шеѣ». Онъ думалъ, думалъ: «Гдѣ же мнѣ Оловянóе царство найти?» Взялъ, сѣлъ и поѣхалъ. Заѣзжаетъ въ деревню, входитъ въ кабакъ и проситъ у цѣловальника косушку водки. Цѣловальникъ подалъ ему косушку и смотритъ солдату на шею. «Что это у тебя, казакъ, на шеѣ за змѣя?» «А вотъ, говоритъ,—«велитъ везти мнѣ себя въ Оловянóе царство. Не знате ли гдѣ оно?» «Нѣту, я самъ не знаю, а вотъ поѣзжайте въ это селенье, зайдите къ моему брату въ кабакъ, можетъ онъ знаетъ». Казакъ выѣхалъ изъ кабака; мало ли, много ли ѣхалъ, доѣзжаетъ до другого села. Вошелъ въ кабакъ, проситъ косушку водки. Цѣловальникъ подалъ ему косушку и смотритъ ему на шею: «Что это у тебя, казакъ, на шеѣ за змѣя?» «А вотъ», говоритъ,—«велитъ везти себя въ Оловянóе царство. Не знате ли гдѣ оно?» «Не знаю. Поѣзжай къ третьему брату, въ городъ. Тамъ на Большой улицѣ, на правой рукѣ трактиръ есть. Взойдите и спросите пару чаю, а я письмо напишу. Если спросятъ, на чтó вамъ пару чаю, то вы скажите, что это не ваше дѣло, и потребуйте самаго хозяина». Казакъ выѣхалъ изъ села, пріѣхалъ въ городъ и спросилъ у половыхъ въ трактирѣ пару чаю. Тѣ и говорятъ: «На чтó тебѣ пару чаю, когда ты одинъ?» «Не ваше», говоритъ,—«дѣло!» Подали ему пару чаю, а онъ хозяина спросилъ. Приходитъ хозяинъ; казакъ ему письмо даетъ въ руки. Онъ читаетъ и говоритъ: «Ну, солдатикъ, какъ бы я принялъ брата, такъ и васъ приму. Подайте же вы, половые, полштофъ мнѣ водки!» И стали они водку пить, и увидалъ хозяинъ змѣю. «Что это у тебя, солдатикъ, на шеѣ за змѣя?» «Да вотъ велитъ везти въ Ловянóе царство, а гдѣ оно? Не знате ли?» «Я», говоритъ хозяинъ,—«хоть въ немъ не былъ, а мимо проѣзжалъ. Выѣдете изъ города, на правую руку дорогой и поѣзжайте». Онъ, напимшись чаю, сѣлъ на коня и поѣхалъ вонъ изъ городу. Смотритъ: на право—дорога. Ѣхалъ онъ близко ли, долго ли, доѣзжаетъ до Ловянаго царства; слѣзъ съ добраго коня, втыкаетъ штыкъ въ землю и привязываетъ коня за штыкъ, а на штыкъ шашку вѣшаетъ. Вошелъ въ Ловянóе царство, глядь—на шеѣ змѣи нѣту. Взошелъ въ домъ, въ немъ никого нѣтъ, кричалъ громкимъ голосомъ, никто голосу не отдавалъ. Ходилъ, ходилъ и въ одномъ шкапу нашелъ всякіихъ закусковъ

и напитковъ. Напился, наѣлся и закатился́ на трои суточки спать. Проснулся и говоритъ: «Опохмѣлюсь, отыщу своего добраго коня! Кажись я трои сутки спалъ». Опохмѣлился и опять закатился́ на́ трои сутки спать. Проснулся, говоритъ: «Кажись шестеро сутокъ спалъ, а конь не ѣвши. Дай посмотрю!» Вышелъ, ходилъ, ходилъ—не могъ найти. «Дай пойду съ горя загуляю еще!» Опять опохмѣлился и на́ трои сутки спать завалился. Стало девятеро сутокъ. «Сколько здѣсь ни пей, ни ѣшь, а надо домой!» Вышелъ—стоитъ хижина. «Нѣтъ ли», думаетъ,—«въ ней мово добраго коня?» Взошелъ и видитъ: конь его ѣстъ бѣлоярову пшеницу; шашка и штыкъ на стѣнкѣ, и водичка у коня налитая. «Дай», говоритъ,—«еще пойду съ радости загуляю!» И загулялъ, закатился еще на́ трое сутокъ спать. «Сколько здѣсь ни пей, ни ѣшь, а домой надо!» Пилъ двѣнадцать сутокъ, а въ домѣ не знай что. Вышелъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Оглянулся назадъ, и стоятъ три дѣвицы, возлѣ Ловяна́го царства, красоты необыкновенной. Кричатъ ему: «Военный казакъ! Пилъ, ѣлъ ты тутъ двѣнадцать сутокъ, а никого не поблагодарилъ!» «Кого же мнѣ благодарить, когда васъ въ домѣ никого нѣтъ? Ну, благодарю васъ, красныя дѣвицы!» Онѣ ему и говорятъ: «Военный казакъ, воротись къ намъ!» Онъ вернулся и благодаритъ: «Спасибо, красныя дѣвицы!» Большая сестра даетъ ему кисетикъ и говоритъ: «А на что же тебѣ этотъ кисетикъ?» «А я, говоритъ, курю трубку и имѣю табачокъ, да и трешникъ могу въ него положить». «Нѣтъ», говоритъ, — «это не для того; а когда ты гдѣ чего закушишь, или что на тебя будетъ (напа́да), возьми его, тряхни, и вылетитъ изъ него золото». Серѐдня дала шашку: «На что тебѣ, военный казакъ, шашка?» Да шашкой я отбиться могу, красная дѣвица». «Это», говоритъ,—«вѣрно». Меньша́я дала рубашку. «На что тебѣ она, военный казакъ?» «А вотъ какъ загрязнится, я домой пріѣду, надѣну чистую и къ обѣднѣ пойду». «Это не для этого, а когда ежели битва будетъ — надѣнь эту рубашку и подвяжи шашку: никакая тебя сила не возьметъ». Онъ сѣлъ и поѣхалъ. Доѣзжаетъ къ одному дому и видитъ: кругомъ колья, а на́ каждомъ колу человѣчья голова. На воротахъ подписано: «Что́ хошь пей, ѣшь, только денежки заплати». На одномъ колу одной головы не хватало. Въѣхалъ онъ въ домъ, слѣзъ съ коня и говоритъ, чтобы убрали его коня и за́дали овса·

«Я за все заплачу». Пилъ и ѣлъ онъ здѣсь три года, на четвертый годъ сталъ расчитываться съ хозяиномъ. «Дайте мнѣ три фуры быковъ!» Слуги доложили. Хозяинъ велѣлъ подать, на́ смѣхъ, думаетъ себѣ: «Не заплатитъ, такъ прямо на́ колъ». Подали ему фуры съ быками; онъ всталъ на накле́ску, тряхнулъ кисетъ за уголокъ и насыпалъ полны фуры, такъ что золото покатилось съ фуръ на землю. «Дайте мнѣ гребло!» Ему дали; онъ сгребъ по накле́ски вровень. «Что́», говоритъ,—«въ фурахъ, то хозяину, а что́ на полу—то половымъ за услугу». Половые обрадовались. «Сколько мы у хозяина служимъ, а столько ещѐ не заслуживали» И благодарятъ солдата. «Выведите мнѣ добраго коня!» Ему коня вывели и на рукахъ его въ сѣдло посадили. Сѣлъ казакъ и поѣхалъ себѣ, и опосле́ его хозяинъ и говоритъ: «Ахъ, хозяйка, сколько у него денегъ! Отдадимъ за него дочь!» И послали половаго спросить его—что онъ женатый или холостой. Тотъ спросилъ «Я», отвѣчаетъ,—«холостой». «Хозяинъ васъ обратиться просить». Казакъ вернулся назадъ. Хозяинъ и говоритъ: «Что, возьмешь мою дочь замужъ?» «Можно» говоритъ. А дочь-то жила съ принцемъ изъ Девяти девятаго царства, и пишетъ принцъ: «Готовь силы больше; если же не приготовишь, то я всю твою силу пройду и самаго изрублю». Онъ испугался, не знатъ что́ дѣлать, и тужитъ, обыймя голову. Зять вошелъ. «Что тужите, папашенька? Нечего, говоритъ тужить!» Вдругъ принецъ гонитъ страшную силу. Казакъ надѣлъ рубаху, надѣлъ шашку и выѣхалъ къ нимъ на вольность; всеѣ ихъ силу порубилъ и принца изъ сѣдла вышибъ. Тотъ прощенья запросилъ. Онъ его простилъ «Первая», говоритъ,—«вина прощается, а вторая—никогда!»

Принцъ пишетъ къ его женѣ: «Милѐночекъ, спросите чѣмъ онъ хитѐръ у васъ». Мужъ ей, когда она спросила его, и говоритъ: «У бабы волосъ дологъ, а умъ коротòкъ». Вовторительно принцъ пишетъ: «Готовься! Силы еще больше пригоню!» Гонитъ силу страшную. Царь испугался, не знатъ что дѣлать и, тужитъ, обыймя голову. Зять вошелъ: «Что тужите, папашенька? Нечего тужить!» Надѣлъ свою рубаху и шашку, выѣхалъ на вольность, всеѣ силу порубилъ и принца изъ сѣдла вышибъ. Тотъ сталъ прощенья просить, онъ простилъ. Пишетъ принцъ къ его женѣ опять: «Спроси, милѐнокъ, чѣмъ твой мужъ хитѐръ». Та спро-

сила; мужъ и говоритъ: «Кабы не эта шашка да рубашка, меня плохая бы курица сшибла». Она изготовила такую же шашку и рубашку, повѣсила на стѣнку, а эти отправила принцу. Пишетъ принцъ: «Выѣзжай воевать одинъ на одинъ!» Казакъ надѣлъ рубашку и шашку поддѣлъ, выѣхалъ; только конь и споткнись. «Что», говоритъ,—«ты, ненасытная кляча, спотыкаешься?» Принцъ вышибъ казака изъ сѣдла и сталъ казакъ прощенья просить. «Прости ты меня! Кажись я два раза прощалъ... Изрубите лучше меня на мелки части, положите въ кулекъ и привяжите лошади за хвостъ, пусть по широкому полю размычетъ». Изрубилъ принцъ казака и склалъ въ кулекъ, и привязалъ къ конскому хвосту. Конь ходилъ, ходилъ по полю и зашелъ туда, гдѣ бѣлоярову пшеницу ѣлъ. Подошелъ къ дворцу, заржалъ. Услыхали три дѣвицы и говорятъ: «Это нашъ братецъ!» Вышли, а онъ изрубленъ. Перемыли его кости, сложили и спрыснули живой водой и мертвой. Онъ и всталъ. «Эхъ, какъ я долго спалъ!» «Вѣкъ бы тебѣ, братецъ, спать, кабы не мы. Какъ же бабѣ поддался?» Большая сестра и говоритъ: «Есть у меня одна штука: если сядешь, будешь вѣкъ сидѣть; уснешь—вѣкъ спать будешь». И дала она ему крестикъ, что нигдѣ не ложиться и не садиться. «Прямо иди въ село; спросишься у богатаго мужика—онъ не пуститъ ночевать; спросишься у хохла—тотъ пуститъ, и вели ты ему себя будить за крестикъ». Пришелъ казакъ въ село, хохолъ ночевать его пустилъ. Послѣ ужина легъ казакъ въ ясли спать и говоритъ хохлу: «Когда на базаръ поѣдешь, буди меня за крестикъ!» Поѣхалъ хохолъ на базаръ съ женой, и забыли про него. Пріѣхали съ базару. «Хозяйка, разбуди солдатика-то!» Та будила, не разбудила, думала, что померъ. Хохолъ бѣжитъ, испугался: «Не задушила ли», думаетъ,—«она его». Трясъ, трясъ, задѣлъ за крестикъ, и сталъ казакъ конемъ—грива серебряная, хвостъ золотой! «Ахъ, хозяйка, сплетемъ убрать, поведемъ на базаръ!» Привели на базаръ, тамъ и оцѣнить не могутъ. Сказали принцу. Принцъ выѣхалъ и далъ имъ этотъ дворъ(?), гдѣ казакъ жилъ, и обвѣнчался. «Вотъ», говоритъ,—«вамъ злато, серебро и самовары!» (А хохлы не понимали что это: «Эва сколь рукомойниковъ-то!» говорятъ). Коня принецъ себѣ взялъ, постановилъ въ конюшнѣ и дѣвушку къ нему приставилъ.

Вздумалъ принецъ къ братьямъ съѣздить, коня показать. Жена и смотритъ за нёмъ. Идетъ старуха. «Куды», говоритъ,—«вашъ супругъ поѣхалъ?» «Да къ братьямъ коня показать». «Это», говоритъ,—«не конь, а вашъ прежній мужъ». Она велѣла коня воротить. Принецъ назадъ вернулся. «Что?» спрашиваетъ. «Да мнѣ, милёнокъ, сонъ не хорошій приснился. Если этого коня не зарѣжешь и его шкурой мнѣ диванъ не обобьешь—я жива не буду». Дѣвушка вошла къ коню и плачетъ. «Что ты, красная дѣвица, плачешь? Если меня будутъ рѣзать, ты подойди ко мнѣ со слезьми, и какъ первая кровь брызнетъ, тебѣ на платье, ты его скинь и зарой въ саду». Вывели коня рѣзать. Она такъ и сдѣлала, какъ конь говорилъ. Отъ платья въ саду яблонька уродилась: яблочко золотое, листочекъ серебряный, листочекъ золотой. Приставили дѣвицу яблоньку стеречь. Принецъ нарвалъ яблокъ и повезъ братьямъ показать. Жена смотритъ ему вслѣдъ, и идетъ старуха. «Куда это твой супругъ поѣхалъ?» «Да вотъ братьямъ яблочки отъ яблони повезъ казать». «Это», говоритъ,—«не яблоня, а твой прежній мужъ». Она его и воротила назадъ да и говоритъ: «Сонъ мнѣ дурной снился. Сруби ты эту яблоню; не срубишь если и стулъ съ креслами не сдѣлашь, мнѣ живой не быть». Дѣвица опять плачетъ, заливается. Яблоня ей и говоритъ: «Когда меня будутъ рубить, и первая щепка отлетитъ, возьмите и бросьте ее въ озеро». Пришли яблоню рубить; дѣвица такъ и сдѣлала, какъ ей говорила яблоня: бросила щепку въ озеро, и обратилась она въ селезня: перушко серебряное и перушко золотое.

Принецъ увидалъ въ саду селезня и сталъ его ловить; скинулъ шашку и рубашку, и залѣзъ въ воду, а жена домой ушла. Селезень завелъ его далеко въ воду, по грудь; нырнулъ между ногъ ударился объ землю, сталъ опять казакомъ и надѣлъ его шашку и рубашку. «Коли хочешь», говоритъ,—«такъ такъ тони, а то сюда вылазяй: я тебя изрублю!» Принецъ потонулъ въ озерѣ. Казакъ взошелъ въ домъ, изрубилъ принцесу и обвѣнчался на этой на горничной. Съѣздилъ къ дѣвицамъ, поблагодарилъ, что онѣ его отъ смерти отвели, и сталъ жить да поживать.

(Отъ дворника Алексѣя, въ Симбирскѣ).

11.

Волкъ-Мѣдный Лобъ.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ было государствѣ, не въ нашемъ королевствѣ, царь охотой занимался, и заплутался онъ въ лѣсу. Дѣтей у него не было, только двое съ царицей жили. Царица была брюхата. Плуталъ онъ мѣсяцъ, и два и три, и безъ него жена родить собралась и родила сына. Царь проплуталъ, охоту никакую не поималъ; ѣдетъ путемъ—дорогой и встрѣтилъ Волка Мѣдный Лобъ; вынулъ ружье и цѣлится въ него; хлопнулъ—и мимо, да хоть и попалъ да не убилъ. Волкъ, Мѣдный Лобъ разинулъ ротъ и бѣжитъ къ нему. «А теперь то я тебя съѣмъ!» Царь говоритъ: «Не ѣшь, Волкъ Мѣдный Лобъ!» «Нѣтъ, не разстанусь, съѣмъ! Отдай чего дома не знаешь—не буду ѣсть». Царь согласился. Ну, хорошо. Пріѣзжаетъ царь домой, а жена сына ему родила. Подноситъ царица сына къ царю. «На», говоритъ,—«поняньчай, тятенька!» Говоритъ царь со слезами: «Онъ не нашъ!» «Чей же?» «Я отдамъ его Волку Мѣдному Лбу». Волкъ приходитъ и спрашиваетъ: «Ваше величество, подайте мнѣ чего дома вы знаете!» «Погоди, Волкъ Мѣдный Лобъ, дай мнѣ сына ростить до двѣнадцати лѣтъ: я хоть полюбуюсь на него». Ну, Волкъ-Мѣдный Лобъ согласился подождать. Прошло двѣнадцать лѣтъ; царь выстроилъ себѣ огромный подвалъ и спрятался въ немъ, и завалили его тамъ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ приходитъ Волкъ-Мѣдный Лобъ; а въ домѣ нѣтъ никого, одна старушка. «Баушка, гдѣ царь съ царицей?» «Я не знаю». «Сказывай, а то съѣмъ!» «Возьми вонъ кочергу, брось ее, она тебѣ скажетъ, гдѣ они!» Волкъ Мѣдный Лобъ кинулъ кочергу; кочерга и встала на этимъ мѣстѣ гдѣ они. Волкъ Мѣдный Лобъ давай рыть да копать, и дорылся. «А, вы здѣся!» Взялъ мальчика и понесъ. Унесъ въ темный лѣсъ; тамъ у него дѣушка была двѣнадцати лѣтъ и домикъ выстроенъ. Сталъ онъ имъ корму таскать, заготовилъ на день, на два. Черезъ два дни пища подошла, Волкъ Мѣдный Лобъ пошелъ опять промышлять и говоритъ имъ: «Не ходите, сидите: я вамъ корму принесу!»

Летитъ превеличающій воронъ: «Каркъ, каркъ, Иванъ царевичъ! Каркъ, каркъ, красная дѣвица! Садитесь на меня, я васъ довезу!». «И... и..», говорятъ,—«гдѣ тебѣ довезти?» «Садитесь!» Они сѣли и полетѣли. Волкъ Мѣдный Лобъ прибѣжалъ и пищи имъ принесъ. Ихъ въ домѣ нѣту. Чуетъ Волкъ Мѣдный Лобъ, что воронъ ихъ унесъ; ударился объ землю и пустилъ въ небо огненно пла́менье и догналъ этимъ пла̀меньемъ ворона, и подпалилъ ему крылья. Воронъ на землю упалъ, а онъ ихъ всѣхъ троихъ забралъ. Привелъ въ свою келью и говоритъ: «Сидите теперь трое, ѣшьте, а я за пищей пойду». И ушелъ. Они трое на заваленкѣ сидятъ, плачутъ. Летитъ со̀колъ и говоритъ: «Что вы плачете?» «Вотъ насъ Волкъ Мѣдный Лобъ домой не пускаетъ». «Садитесь на меня, я васъ домой увезу!» Отвѣчаетъ Иванъ царевичъ: «Гдѣ тебѣ? Насъ воронъ и то не унесъ». «Садись!» Сѣли и полетѣли шибко. Волкъ Мѣдный Лобъ пришелъ, видитъ: никого нѣтъ; ударился о̀бъ землю, распустилъ пламя по́ небу и опалилъ соколу крылья. Упалъ соколъ, стало четверо. Сидятъ. Волкъ Мѣдный Лобъ всѣхъ кормитъ, а ничего надъ ними не дѣлатъ. На̀ утро опять за пищей пошелъ. Бѣжитъ быкъ. Они на заваленкѣ сидятъ, плачутъ. «Что, Иванъ царевичъ, плачешь?» «Какъ не плакать? Насъ Волкъ Мѣдный Лобъ не пускатъ». «Садитесь, я васъ увезу!» «Гдѣ ужъ вамъ? Насъ воронъ не унесъ, и соколъ не унесъ, а тебѣ, быку гдѣ убѣжать!» «Садитесь, знай!» Сѣли всѣ четверо и поѣхали. Пришелъ Волкъ Мѣдный Лобъ—опять нѣтъ дома никого. Взвернулся, встряхнулся и побѣжалъ. Такъ бѣжитъ, лишь земля дрожитъ. Быкъ учуялъ, что земля дрожитъ—остановился, «Ахъ», говоритъ,—«Иванъ царевичъ, догонятъ!» Отдохнулъ да еще примахнулъ; усталъ, опять сталъ. «Ахъ, Иванъ царевичъ, усталъ я! Догонятъ! Слѣзай съ меня, бери ножикъ, обрѣжь у меня шкуру на шеѣ и на ногахъ, бери за хвостъ и тащи долой!» Иванъ царевичъ слѣзъ, обрѣзалъ шкуру, дернулъ за хвостъ и шкуру содралъ. Это дѣло было близъ моря. Быкъ и говоритъ: Бросайте эту шкуру на̀ море, плывите на ту сторону!» Вотъ они бросили шкуру на̀ море и отплыли. Не успѣли они десяти саженъ отплыть, Волкъ Мѣдный Лобъ ужъ у берега. Кидался, метался, просилъ ихъ воротиться, а они взяли и у́плыли.

Стало дѣвицѣ Волка жаль; начала она смущать Ивана царе-

вача: «Пойдемъ, воротимся!» Онъ не согласился. Переплыли на ту сторону, приплыли въ берегу, а Волкъ Мѣдный Лобъ тоскуетъ объ нихъ, жалѣетъ. Шли они вдоль бережку и стоитъ избенка. Взошли въ нее, Богу помолились, старушкѣ поклонились. «Ва, ба, Иванъ царевичъ, здорово!» «Здорово, баушка!» «Какъ вы сюда попали?» Онъ разказалъ. «А, знаю», говоритъ,—«Волкъ Мѣдный Лобъ мнѣ братъ». Иванъ царевичъ обрóбѣлъ. Пожили они тутъ немножко; старушка и говоритъ: «Вамъ здѣсь не житье. Еще подальше келейка стоитъ, тамъ живите. Я вамъ отъ скуки дамъ К у т ы́ ш к у да Мурлышку» (кота да кошку). Вотъ Иванъ царевичъ сталъ съ семьей: воронъ съ нимъ, соколъ, Кутышка да Мурлышка. Ушли въ другую келью и ночевали тамъ ночку. Поутру встали; Иванъ царевичъ на охоту сбирается; соколъ и воронъ, и Кутышка, и Мурлышка всѣ съ нимъ. Набилъ д и ч а̀ т и н ы нѣсколько; принесъ, стали ужинъ варить. Наѣлись и спать полегли. Ночь п е р е с п а́ л и. Иванъ царевичъ опять на охоту пошелъ, а красная дѣвица, его родна́ сестрица, раскинула бычью шкуру и маршъ на ту сторону. Переплыла на ту сторону, и нашла Волка Мѣдный Лобъ и перевезла его на шкурѣ къ себѣ. Хотятъ они Ивана царевича извести. Вотъ, только онъ къ ней переплылъ, идетъ Иванъ царевичъ съ охоты. Волкъ Мѣдный Лобъ заметался, закидался, Ивана царевича испугался, ударился о̀бъ землю и оборотился булавкой, и воткнула о н а его въ стѣну. Пришелъ Иванъ царевичъ и говоритъ: «Сестрица, сбери-ка намъ пообѣдать». Кутышка, Мурлышка и обѣдать не садятся—бѣгаютъ по избѣ, по стѣнамъ машутъ, ногтями полъ царапаютъ, бросаются на стѣну. Иванъ царевичъ и говоритъ: «Что это, сестрица, у насъ?» «Не знаю», говоритъ. Легли, опять ночь проспали; по̀ утру на охоту пошли. Приходятъ съ охоты—имъ и пообѣдать нечего. Научилъ ее Волкъ Мѣдный Лобъ: «Захворай», говоритъ,—«и пошли его въ такое-то мѣсто: тамъ есть волчица, чтобы онъ ее нашелъ; вели ее подоить и молока принести, да лепешекъ н а п е ч и́. Лепешекъ намѣситъ, наѣшься и будешь здорова; а онъ пойдетъ волчицу доить—она его разорветъ».

Приходитъ Иванъ царевичъ съ охоты, она лежитъ крѣпко больна́ и поѣсть нечего. Онъ и такъ и сякъ спрашиватъ: «Что ты, сестрица?» «Я», говоритъ,—«больна. Сходи къ волчицѣ, надои мнѣ молока, да принеси мнѣ!» Иванъ царевичъ взялъ о р у д і ю

свою и пошелъ, и нашелъ волчицу подъ корягой; лежитъ, дѣтей кормитъ. Онъ прицѣлился, брякъ ее изъ ружья, и попалъ въ ухо. Волчица говоритъ ему: «Что ты, Иванъ царевичъ, на што меня оглушилъ, унесъ у меня вѣку? Я тебѣ и безъ этого дамъ молока. Давай посуду—надою!» Иванъ царевичъ подставилъ кувшинчикъ, она и надоила, и заткнула. «Ступай, неси! Да на вотъ тебѣ въ гостинцы нѣтъ лучшаго моего волченка!» И сказала волчица волченку: «Служи, какъ мнѣ служилъ!» Пошелъ Иванъ царевичъ, куды ему нужно, приходитъ домой. Волкъ Мѣдный Лобъ въ окошко смотритъ, видитъ, что Иванъ царевичъ молоко несетъ. А дѣвица лежитъ, хвораетъ. Видитъ Волкъ Мѣдный Лобъ, что дѣло плохо, ударился объ землю, оборотился иголкой. Она опять въ стѣну его воткнула. Кутышка да Мурлышка бѣгаютъ шумомъ по избѣ, нюхаютъ. Дѣвица вылила молоко на полъ, лепешки не затѣяла; опять лежитъ, стонетъ. Иванъ царевичъ ласкается къ ней, ходитъ за ней, не знаетъ чѣмъ лѣчить. Она не хвораетъ, а только зло умышляетъ. «Братецъ», говоритъ,—«это лѣкарство мнѣ неугодно». Научилъ ее Волкъ Мѣдный Лобъ сказать: «Пошли его въ лѣсъ, чтобы нашелъ медвѣжиху и подоилъ бы ее». Красная дѣвица и говоритъ: «Иванъ царевичъ, поди добейся мнѣ медвѣжьяго молока!» Тотъ пошелъ въ лѣсъ съ своей охотой. Приходитъ въ темный лѣсъ и нашелъ тамъ берлогъ, гдѣ медвѣжиха лежитъ; прицѣлился, брякъ въ ухо. Та и говоритъ ему: «Зачѣмъ ты мнѣ, Иванъ царевичъ, вѣку убавилъ: я тебѣ и такъ дамъ!» Нацѣдила ему молока и дала что ни есть лучшаго медвѣженка.

Принесъ Иванъ царевичъ медвѣжьяго молока, а дѣвица все больная лежитъ, стонетъ. Волкъ Мѣдный Лобъ научилъ ее послать Ивана царевича къ львицѣ, добыть у нея молока. Иванъ царевичъ взялъ свою охоту, поѣхалъ. Увидалъ львицу въ лѣсу, брякъ въ нее изъ ружья и угодилъ въ ухо. Львица и говоритъ: «За что ты мнѣ, Иванъ царевичъ, вѣку убавилъ? Я тебѣ молока и такъ дамъ!» Нацѣдила ему въ кувшинъ молока и дала что ни есть лучшаго львёнка. Привезъ Иванъ царевичъ дѣвицѣ львинаго молока. Волкъ Мѣдный Лобъ видитъ, что его ничѣмъ не возьмешь и научаетъ дѣвицу: «Пошли его за семь верстъ, тамъ есть чортова мельница, пускай онъ съ нея достанетъ пыли. Скажи ему, если изъ той пыли

намѣситъ лепешекъ, ты здорова будешь. Въ этой чортовой мельницѣ семь дверей желѣзныхъ, онъ пойдетъ туда, самъ выйдетъ, а охоту тамъ оставитъ». Не столь его, сколько охоты, знашь, боится.

Иванъ царевичъ отправился туды, пришелъ на чортову мельницу; всѣ двери на ней растворёны. Иванъ царевичъ пыли намёлъ и охоту за собой завелъ. Пошелъ съ пылью назадъ, двери за нимъ и затворились, охота за дверями осталась. Одинъ соколъ съ вороном на верху, на мельницѣ сидятъ. Пошелъ Иванъ царевичъ къ сестрѣ, приходитъ; встрѣчаетъ его Волкъ Мѣдный Лобъ и говоритъ: «А, голубчикъ, теперь ты ко мнѣ попался! Топи п е р в а́ баню: будешь помягче, а то не угрызешь!» Иванъ царевичъ истопилъ баню, самъ горько плачетъ. Волкъ Мѣдный Лобъ пришелъ къ нему: «Топи скорѣе! Ѣсть хочу!» Онъ топитъ и плачетъ; а его охота помыка́ется по мельницѣ, работаютъ шумо́мъ, двери ломаютъ. Мишка ломатъ, только трескъ идетъ. Черный воронъ прилетаетъ къ Ивану царевичу и говоритъ: «Потерпи немножко: три двери прогрызли». Обратился назадъ, къ охотѣ. «Поскорѣе», говоритъ,— старайтесь! Послѣднія наши минуты!» Полетѣлъ соколъ къ Ивану царевичу, а онъ ужъ и баню истопилъ. «Повременѝ малость: остальну дверь ломаютъ!» Вотъ Волкъ Мѣдный Лобъ всходитъ въ баню, велитъ ему рубаху скидать: парить хочетъ. Соколъ у с м о т р и́ л ъ и понесся къ охотѣ. Охота на встрѣчу летитъ: всѣ двери прогрызли, Кутышка съ Мурлышкой всѣхъ впереди, а толстопятый Мишка бѣжитъ—земля дрожитъ. Волкъ Мѣдный Лобъ и говоритъ Ивану царевичу: «Лѣзь на поло́къ!» А Иванъ царевичъ ему говоритъ: «Погляди черезъ порогъ! Что тамъ есть?» Онъ обернулся: Кутышка да Мурлышка — прямо за глаза; толстопятый Мишка началъ ворочать, только шерсть летитъ! Изорвали Волка на мелки части. Входитъ Иванъ царевичъ къ своей сестрѣ: «Долго ли», говоритъ,—«будешь мучить меня?» Она пала на колѣни, проситъ прощенья. Онъ прощенья ея не принималъ, взялъ, вывезъ ее въ темный лѣсъ, подвѣсилъ ее за лѣсину вверхъ ногами, нажёгъ котелъ жару и подставилъ ей подъ голову. Жечь то ее не жжетъ, а жаромъ-то беретъ. Самъ пошелъ куды надо. Много ли, мало ли шелъ, дошелъ до избенки. Въ ней старуха живетъ. «Какже бы», говоритъ Иванъ царевичъ,—«мнѣ здѣсь отдохнуть и гдѣ бы мнѣ охоту свою въ холодокъ запереть?» «Вонъ—въ конюшню». Заперъ

Иванъ царевичъ охоту въ конюшню, а самъ въ келью вошелъ. «Сбери-ка, баушка, мнѣ чего-нибудь поѣсть!» Она его покормила, что у ней случилóсь. У него такъ сердце закипѣло: жалко сестру стало, и говоритъ: «Ну, баушка, я ворочусь; дѣльце есть». «Ты туды пойдешь да и не придешь?» «Если меня живаго не будетъ, такъ тебѣ въ дверь кровь нальется. Выпускай тогда мою охоту». Пошелъ къ сестрѣ—виситъ она верхъ ногами на соснѣ и проситъ прощенья: «Не буду», говоритъ, — «ни впредь, ни послѣ!» Вотъ онъ ее отвязалъ и съ дерева снялъ. «Ну, сестрица, вины я на тебѣ не ищу, только впредь ничего не дѣлай! Пойдемъ со мной». Шла она шла, да послѣ Волка зубъ и нашла, въ пазуху спрятала. Шли, шли путемъ дорогой, на Ивана царевича дремá напала; легъ онъ отдохнуть и говоритъ: «Поищи-ка въ головѣ!» Вотъ она стала въ головушкѣ искать, а въ ухо ему стала волчій зубъ совать. Какъ въ ухо засунула, такъ онъ и умеръ. Къ баушкѣ кровь, какъ вода, льется; его охота изъ конюшни рвется, что ихова хозяина въ домѣ нѣтъ и нé живъ. Выпустила ихъ баушка изъ конюшни, и полетѣли они въ путь дорогу. Иванъ царевичъ лежитъ на дорогѣ мертвый. Кутышка да Мурлышка давай возлѣ него шарить, искать, и нашли у него въ ухѣ волчій зубъ. Кутышка-Мурлышка медвѣдю и говоритъ: «Тащи превеличающій камень и ложись за него, а ты, левъ, за медвѣдя ложись, а ты, волкъ, за льва; воронъ, садись на древо; соколъ—на другое!» Всѣ сѣли по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ. Кутышка-Мурлышка зачалъ шевырять и вытащилъ зубъ изъ уха. Иванъ царевичъ проснулся на всѣ четыре стороны оглянулся. «Ахъ, да какъ я крѣпко спалъ!» Кутышка-Мурлышка кричитъ своихъ товарищевъ: «Вставай, ребята! Хозяинъ живъ!» Всѣ встали, зубъ подъ камень положили и завалили. А сестра-то въ лѣсу спряталась. Иванъ царевичъ и говоритъ своей охотѣ: «А подите, постарайтесь, найдите мнѣ своего недруга!» Пошли они ее пó лѣсу искать, нашли подъ корягой, подхватили и къ Ивану царевичу потащили. Привели. Иванъ царевичъ въ мелки части ее изрубилъ и сказалъ: «Вотъ вамъ охота, мясо!» Пошли кто куды, знатъ. Разстались, распрощались и по темному лѣсу разбрылялись.

(Абрамъ Новопольцевъ).

12.

Трехъ-сынъ.

Поѣхалъ мужъ съ женой въ лѣсъ по грибы, съ робенкомъ; нашли много грибовъ, стали сбирать да въ кучу класть, хозяйка мужу и говоритъ: «Сложь его подъ сосенку, а то лошадь свернетъ да его убьетъ». Они грибовъ наломали много и потеряли лошадь съ робенкомъ. Пришли домой—лошадь дома, а робенка нѣтъ. Сдѣлали они тревогу, что робенка потеряли. На утро ходилъ народъ искать; то мѣсто, гдѣ они грибы брали, нашли, а робенка нѣтъ, пропалъ. А въ этомъ дремучемъ лѣсу трудились трое труженики старцы и заслышали они робячій голосъ (вячитъ). Они шли, шли, дошли и взяли его. Видятъ—мальчикъ. Принесли его въ свою землянку и думаютъ, какъ назвать. Одинъ говоритъ: «По мнѣ». Другой говоритъ: «По мнѣ». И третій—то же. Рѣшили они такъ: «Будь онъ Трехъ-сынъ». Кормили его, обували и одѣвали; стало ему восьмнадцать лѣтъ, и думаютъ старцы: «Что намъ его въ лѣсу держать? Надо его проводить куды слѣдуетъ: онъ уже въ совершенномъ разумѣ сталъ». И говорятъ ему труженики: «Ступай вотъ по этой тропочкѣ, выйдешь куды слѣдуетъ, пойдешь путемъ дорожкой; стоитъ тамъ привязанный конь; сядь на него и поѣзжай!» Трехъ-сынъ со стариками распрощался, собрался въ дорогу. Шелъ, шелъ, доходитъ до коня. Любо дорого посмотрѣть! Сѣлъ на добра коня и поѣхалъ. Ѣхалъ долго ли, много ли—лежитъ на дорогѣ платочекъ отличный-хорошъ; слѣзъ съ коня, взялъ его, конь ему и говоритъ: «Ай! Трехъ-сынъ, не бери платѣнце: худо тебѣ будетъ!» Онъ его не послушался, положилъ находку въ карманъ и дальше поѣхалъ.

Лежитъ на дорогѣ павлинье перо; онъ и на него прельстился. «Ахъ, перушко хорошо! Пописать можно чего!» Слѣзъ и поднялъ. Конь ему и говоритъ: «Охъ, Трехъ-сынъ, не бери его: худо будетъ!» Тотъ не слушалъ, поѣхалъ дальше и видитъ: листъ бумаги лежитъ. «Ахъ, штучка-то надобна», говоритъ,—«быть можe, письменцо написать!» Конь ему и говоритъ: «Охъ, Трехъ-сынъ, не бери: худо будетъ!» Онъ и на этотъ разъ не послушался. Пріѣзжаютъ въ городъ, прямо на царскій дворъ, и докладываютъ царю, что

желаетъ такой-то человѣкъ гдѣ бы послужить. Царь его взялъ къ себѣ, въ ученье отдалъ и спросилъ: «Какъ тебя звать?» «Я», говоритъ,—«Трёхъ-сынъ». Отдали его на конюшню ко конюхамъ. Коня онъ своего въ поле пустилъ; занялся крѣпко коннымъ ученьемъ и сталъ за конями ходить, гладить и кормить. Царь какъ ни посмотритъ, кони все чистые и гладкіе, а у прежнихъ—все нечистые и негладкіе. Вотъ они (прѣжни-то) на него крѣпко серчаютъ и думаютъ чего-нибудь на него нахвастать царю. Приходятъ они разъ къ нему и говорятъ: «Ваше царское величество, чѣмъ у насъ Трехъ-сынъ хвалится: я, говоритъ, знаю, отчего день красный, отчего сумрасный». Царь этому дѣлу повѣрилъ, призываетъ Трехъ-Сына. «Что, ты знаешь, отчего день красный и день сумрасный?» «Нѣту, не знаю и не говорилъ никому». «Съѣздій, дознай, а то я тебя повѣшу!» Вышелъ Трехъ-сынъ изъ городу вонъ въ зеленые луга и горько заплакалъ. Является передъ нимъ конь, на которомъ онъ пріѣхалъ. «Что, Трехъ-сынъ, больно плачешь?» «Какъ не плакать, добрый конь? Вышла великая бѣда». «Говорилъ я тебѣ: не бери полотенце—худо будетъ; ну, да садись, поѣдемъ»! Онъ сѣлъ, да и поѣхалъ. Ѣхали много ли, мало ли, долго́ ли, коротко́ ли, ѣдутъ дремучимъ лѣсомъ и бьются дубъ объ дубъ, и проѣхать имъ нельзя. «Куды, Трехъ-сынъ, ѣдешь? Скажешь—пропустимъ». «Ѣду узнать, отчего день бываетъ красный, отчего сумрасный». «Эге-ге, далеко же», говорятъ,—«ты поѣхалъ... Помяни объ насъ: мы стукамся другъ объ дружку сорокъ лѣтъ, а когда будетъ намъ вѣкъ? Поѣзжай дальше: тамъ ксажутъ!» Трехъ-сынъ дальше поѣхалъ. Ѣхали, ѣхали много ли, мало ли, доѣхали до дѣвки. Дѣвка свиней пасетъ. Свиньи ощетинились, не пускаютъ, хотятъ ихъ разорвать. «Куда, Трехъ-сынъ ѣдешь?» «Да узнать, отчего день бывать красный, отчего сумрасный». «Ну, поѣзжай», говоритъ дѣвка,—«помяни обо мнѣ: я пасу сорокъ лѣтъ; еще долго ли буду пасти? Поѣзжай, гдѣ солнышко садится; тамъ дѣушки прядутъ, прялки на небо кладутъ. У Солнышка есть сестра; Солнышко сядетъ, все ей разскажетъ». Пріѣхалъ онъ туда; приходитъ къ Солнышковой сестрѣ, сталъ ее спрашивать; она стала ему сказывать: «Не знаю», говоритъ,—«а вотъ Солнышко придетъ, сядетъ—я спрошу». «Да еще спроси: Ѣхалъ я путемъ лѣсомъ—бьются дубъ объ дубъ сорокъ лѣтъ; когда имъ бу-

детъ смѣна? Да еще дѣвка свиней пасетъ тоже сорокъ лѣтъ, и отставки ей нѣтъ». «Хорошо, спрошу. Куда же мнѣ тебя дѣть, спрятать, а то оно тебя найдетъ, сожжетъ». И взяла его въ сундукъ заперла. Солнышко с ѣ л о и слушаетъ: «Русскимъ духомъ пахнетъ! Кто нибудь есть у тебя?» «И-и, Красное Солнышко, ты по вольному свѣту ходишь, русскаго духу наимался. У меня никого нѣтъ. Разкажи-ка: въ дремучемъ лѣсу два дуба сорокъ лѣтъ бьются, кто ихъ смѣнитъ?» «Трехъ-сынъ проѣдетъ, смѣнитъ». «Почему онъ двоихъ смѣнитъ?» «А вотъ почему: ч т о онъ проѣдетъ перва до дѣвки; станетъ она его спрашивать, поминалъ ли обо мнѣ; если онъ сорокъ саженъ проѣдетъ дальше за нее, да скажетъ, кто смѣнитъ, то свиньи его не догонятъ. И дубы—все равно». «А отчего день красный, отчего сумрасный?» «А вотъ отчего: морская есть за тридевять земель б о г о р о д и ц а (sic); выходитъ она за русскаго царя замужъ. Когда она въ морѣ сидитъ—красный день бываетъ, когда наружу выходитъ—тотъ день сумрасный».

Пришло время Солнцу опять на свое мѣсто всходить; пошло онъ, куда слѣдуетъ; а Трехъ-сынъ, разузнавши дѣло, сѣлъ на добраго коня и поѣхалъ. Доѣхалъ до дѣвки, она и спрашиваетъ: «Что, Трехъ-сынъ, поминалъ ли обо мнѣ? Говори, а то не пропущу!» «Разкажу», говоритъ,—«пропусти только меня за сорокъ саженъ!» Свиньи отъ дороги отошли; онъ отъѣхалъ на сорокъ саженъ и говоритъ: «Трехъ-сынъ тебя смѣнитъ!» Ударилъ коня и полетѣлъ. Свиньи гнались, гнались и не догнали. Пріѣхалъ къ дубамъ, тѣ опять спрашиваютъ; онъ имъ и говоритъ: «Скажу, только пустите меня за сорокъ саженъ». Сорокъ саженъ проѣхалъ и говоритъ: «Трехъ сынъ смѣнитъ!» Ударилъ своего коня и полетѣлъ. Дубы вырвались съ корнемъ вонъ найда за нимъ кувыркомъ. Гнались, гнались, а не догнали. Пріѣзжаетъ Трехъ-сынъ къ царю во дворецъ, сталъ ему разказывать, отчего день красный, отчего сумрасный, коня опять пустилъ въ зеленые луга, а самъ на конюшню поступилъ. Дни два проходитъ, конюхи опять думаютъ какъ бы на него нахвастать; приходятъ къ царю и говорятъ: «Трехъ-сынъ хочетъ достать морскую богородицу!» Призываетъ царь Трехъ-сына. «Ты хвалишься, что можешь достать морскую богородицу?» «Знать ничего не знаю». «Если не сослужишь мнѣ эту службу, сейчасъ повѣшу!» Трехъ-сынъ опять пошелъ

въ зеленые луга; ходитъ и плачетъ. Конь является къ нему. «Что больно плачешь?» «Да вотъ, конёчекъ, посылаетъ меня царь достать морскую богородицу». «Говорилъ я тебѣ: не бери павлинье перо—худо будетъ. Ну поди сходи къ царю и закажи сорокъ паръ башмаковъ!» Трехъ-сынъ пошелъ къ царю, приказалъ нашить сорокъ паръ башмаковъ. У царя около одной ночи все поспѣло. Башмаки Трехъ-сынъ собра́лъ и въ сумочку поклалъ. Сѣлъ и поѣхалъ. Ѣхалъ горами, долами, темными лѣсами; уѣхалъ за тридевять земель въ десятое царство, подъѣхалъ къ синему морю и завелъ базаръ: сталъ башмаками торговать. Конь ему и говоритъ: «Мотри, не плошай! Скоро она къ тебѣ выйдетъ, будетъ башмаки покупа́ть, а я буду въ оврагѣ лежать. Какъ она будетъ башмаки торговать, ты тутъ ее лови и меня кричи!» Вотъ онъ расклалъ товаръ и торгуетъ, одинъ разъединый. Выходитъ морская богородица; стала башмаки торговать, онъ ее цопъ да цопъ! «Конёчекъ, сюда! Теперь она моя!» Конёчекъ подбѣжалъ, въ мѣшокъ ее засовалъ. Товаръ побросали и поѣхали. Пріѣзжаютъ къ царю. Такъ радъ былъ ей царь, бѣда! Хочетъ онъ съ ней обвѣнчаться, а морская богородица и говоритъ: «Я съ тобой вѣнчаться не могу: у меня нѣтъ подвѣнечнаго перстня: у меня перстень въ морѣ. Тамъ есть камень, подъ камнемъ сундукъ, въ сундукѣ—перстень. Достань, тогда повѣнчаюсь». Царь думатъ: кого посылать? Опять Трехъ-сына. «Поѣзжай, доставай и перстень!» Онъ горько заплакалъ: «Я не могу достать». «Сейчасъ повѣшу, если не поѣдешь!» Пошелъ Трехъ-сынъ въ зеленые луга и ходитъ, горько плачетъ. Является конёкъ. «О чемъ плачешь?» «Какъ мнѣ не плакать? Царь велѣлъ мнѣ и́зъ моря перстень достать». «Говорилъ я тебѣ: не бери листъ бумаги—худо будетъ, ну да садись на меня, поѣдемъ!» Поѣхали на́ море; конёкъ и говоритъ: «На бережкѣ рыбакъ сидитъ; поди сядь за него, чтобъ онъ тебя невидалъ. Онъ пе́рву рыбку выудитъ, на́ берегъ выкинетъ—весь годъ ей сытъ; ты ее возьми, да и не отдавай ему. Достань мнѣ, скажи, перстень морской богородицы, тогда рыбку отдамъ!» Онъ такъ и сдѣлалъ. Поймалъ рыбакъ рыбку, онъ взялъ ее да и не отдаетъ: «Достань и́зъ моря перстень, тогда отдамъ!» Рыбакъ бултыхъ въ море, поднялъ камень и досталъ перстень. Трехъ-сынъ сѣлъ на коня и поѣхалъ назадъ. Привезъ перстень; царь встрѣтилъ его, а морская бого-

родица и говоритъ: «Трехъ-сынъ, не отдавай царю перстень! Я завтра вамъ обоимъ велю въ котлахъ искупаться; тебѣ—въ смолѣ, а ему—въ молокѣ, въ бѣломъ кипяткѣ!...» Повелъ Трехъ-сынъ конька въ зеленые луга. Конь и говоритъ: «Ну, Трехъ-сынъ, завтра на тебя бѣда! Не забудь меня. Будешь купаться въ смолѣ, а царь — въ молокѣ, только вскричи: Э, гдѣ мой добрый конь? Распрощуся съ тобой: прысну въ котелъ правою ноздрей—вылетитъ вся смола; изъ лѣвой ноздри пущу дыму—не увидитъ никто».

На утро подвѣсили котлы и наклали подъ нихъ дровъ, вскипятили смолы и молока. «Ну, женихи, купайтеся въ котлахъ! Кто искупатся, тотъ мой мужъ!» Трехъ-сынъ и говоритъ: «Ваше царское величество, искупайтесь прежде, а мнѣ не надо». Морская богородица и говоритъ: «А кто меня доставалъ, тотъ и вѣнчаться со мной будетъ». Трехъ-сынъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Эхъ, добрый конь, погибаю!» Конь подбѣжалъ, громкимъ голосомъ заржалъ, фыркнулъ правою ноздрей—вся смола вылетѣла; изъ лѣвой ноздри дымъ пошелъ. Выкупался въ смолѣ добрый молодецъ, сталъ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Царь въ молоко махнулъ и теперь тамъ. Тутъ Трехъ-сынъ не пиво варить, не вино курить, сейчасъ да и за свадьбу. Обвѣнчали и въ палаты помчали; стали жить да быть.

(Абрамъ Новопольцевъ).

13.

Козья Шкура.

У однаго царя былъ косякъ лошадей. Кобыла одна, какъ жеребиться, такъ изъ табуна вонъ выходила и приходила всегда безъ жеребенка. Подошло ей время третьимъ жеребиться; вотъ сынъ и просится у отца караулить кобылу. «Пусти, батюшка!» «Гдѣ тебѣ укараулить кобылу?» «А можетъ статься, и укараулю». Осѣдлалъ коня и поѣхалъ въ косякъ кобылу караулить. Кобыла

начала поглядывать: бѣжать захотѣла. Конь ему и говоритъ: «Мотри, добрый молодецъ, побѣжитъ, такъ меня пускай; она ѣсть остановится, и ты меня ѣсть пусти!» Кобыла поднялась, много ли, мало ли скакала, доскакала до камышу и брякнулась въ камышъ и стала жеребиться. Конь и говоритъ: «Добрый молодецъ, поди, какъ только изъ прохода появится жеребенокъ, держи его за уши!» Только что жеребенокъ высунулся изъ прохода, онъ его за уши и схватилъ. Пошелъ онъ его мыкать по лѣсамъ, по рѣкамъ, по болотамъ и назадъ опять принесъ. И встали всѣ три жеребца врядъ: одинъ хорошъ, другой лучше, а третій еще лучше. И говорятъ они ему: «Добрый молодецъ, возьми изъ насъ только по волосу, а насъ пусти: мы тебѣ еще пригодимся!» Царскій сынъ взялъ у нихъ по волосу, завязалъ въ разные узлы, а ихъ пустилъ. Подходитъ его конь (а кобыла ужъ въ косякѣ) и не везетъ. «Станешь меня орѣховыми ядрами кормить—такъ повезу, а то нѣтъ». «Буду кормить, вези только!» Пріѣзжаетъ въ домъ, говоритъ отцу. Нечего дѣлать, надо ядрами орѣховыми кормить; а у него была жена (мачиха ему), ей и досадно кажется жеребца орѣхами кормить. Она возьми да и захворай. Сколько лѣкарёвъ ни привозили—никто вылѣчить не могъ. И говоритъ она своему мужу: «Заколите вотъ этого жеребца, выньте изъ него сердце и вылѣчите меня!» Ей, вишь, сгубить хочется. А сынъ ходитъ въ училище; учиться пойдетъ—къ коню зайдетъ; изъ училища—опять къ нему. Жеребецъ ему и говоритъ: «Ну, добрый молодецъ, меня колоть хотятъ; какъ станутъ меня обрáтывать, я заржу—стекла вылетятъ изъ училища, гдѣ ты учишься; а если валить станутъ, такъ бѣги проворнѣй: съ училища верхъ слетитъ, а я безъ тебя еще недамся». Обратали жеребца, повалили; царскій сынъ прибѣжалъ и говоритъ: «Батюшка, дай мнѣ на немъ въ остáльный разъ хоть дворомъ проѣхать!» Сѣлъ прокатиться отъ стѣны до стѣны, взвился и перемахнулъ черезъ стѣну. Уѣхалъ изъ царства, долго ли мало ли ѣхалъ, только попалъ въ другую землю. Коня царскій сынъ пустилъ, самъ козью шкуру на себя надѣлъ и пошелъ. Попалъ въ царскій садъ, а его старикъ караулитъ. Онъ къ нему въ дѣти и пошелъ. И присылаетъ тýтошный царь за яблоками въ садъ. «Нарвите мнѣ къ обѣду яблоковъ»! А царскій сынъ и говоритъ старику: «Посто-ка, тятенька, я самъ дамъ»! Одно далъ красно,

другó—половина гнилая, а третье все гнилое. Царь съ гостями и сталъ думать, къ чему такія яблоки принесены. Въ сенатъ царь ходилъ, и то не разсудилъ. Подходитъ самая малая дочь и говоритъ: «Вотъ что, батюшка: крàсно то яблоко это мои крáсны года, а гниловатое—это середней дочери года (время проходитъ), а совсѣмъ гнилое—вовсе время проходитъ у старшей дочери». Царь и отдалъ старшую дочь за начальника, середнюю тоже за чиновника, а младшую за Козью Шкуру. Женились, да пиры и пошли. Царь столуетъ съ тѣми зятьями, а Козью Шкуру не пускаетъ къ себѣ, особенну горницу отвелъ. Младшая дочь плакать начала. И случилось такъ, что на царя воинство пошло. Поѣхалъ царь съ двумя зятьями на войну, а младшая-то подошла и проситъ: «Дайте, батюшка, моему то каку-нибудь лошаденку выѣхать поглядѣть». «На, возьми», говоритъ,—«водовозку!» Сѣлъ царевый сынъ лицемъ къ хвосту, да ладонью погонятъ. Заѣхалъ въ лѣсокъ, за кустокъ, козью шкуру скинулъ, лошадь отпустилъ и вынулъ одинъ волосъ (перваго жеребца). Явился передъ нимъ конь ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Выѣхалъ онъ на немъ къ войску и не столько руками побилъ, сколько конемъ подавилъ. Царь и говоритъ: «Добрый мòлодецъ, милости просимъ ко мнѣ чай пить»! «Угожу, такъ пріѣду, а не угожу, такъ не пріѣду». Поѣхалъ назадъ, коня пустилъ, козью шкуру надѣлъ, волосъ въ узелъ завязалъ и на водовозкѣ домой вернулся. «Какъ разосплюсь, если увидишь что, не сказывай»! Ну, значитъ у него козья шкура и заворотилась: царскую одежу и видно. Жена обрадовалась. На второй день царь опять зятьевъ беретъ, а этого опять нѣтъ. Младшая дочь у отца проситъ: «Батюшка, дай моему-то лошадь какую-нибудь!» «Да вонъ водовозка-то, бери!» Поѣхалъ опять царскій сынъ на водовозкѣ; заѣхалъ въ кустокъ и вынулъ изъ узла волосокъ середняго жеребца. Явился конь ни вздумать, ни взгадать, ниперомъ написать и покатилъ. Съ эстолько руками не побилъ, сколько конемъ подавилъ. Царь опять зоветъ: «Добрый молодецъ, милости прошу ко мнѣ чай пить!» «Коли угожу, такъ пріѣду, а не угожу — не пріѣду».

Пріѣхалъ, спать легъ и говоритъ женѣ: «Смотри, если я разосплюсь, ты что увидишь—не сказывай»! У него козья шкура и

того больше заворотилась. Жена пуще повеселѣла. Прошла ночь; царь уѣхалъ съ зятьями на войну. Она идетъ къ матери и говоритъ: «Матушка, попроси моему-то лошадь!» Дали ему опять водовозку. Заѣхалъ онъ за кустокъ, снялъ козью шкуру и взялъ волосокъ отъ третьяго жеребца. Всталъ передъ нимъ картина— не жеребецъ, и самъ онъ сталъ молодчина, кровь съ молокомъ. Столько руками не побилъ, сколько конемъ подавилъ. Царь опять его зоветъ: «Добрый молодецъ, просимъ милости обѣдать ко мнѣ!» «Ладно», говоритъ,—«обѣдать пріѣду». А женѣ сказалъ передъ отъѣздомъ: «Ты смотри, встрѣчай меня, какъ пріѣду! Я не въ такомъ образѣ-то вернусь». Царь пріѣхалъ, сготовили обѣдъ, ждутъ добраго молодца. Ѣдетъ молодецъ. Царь выходитъ и встрѣчаетъ, за руки въ горницу ведетъ. Какъ вошелъ, такъ жена на шею ему и кинулась. Царь отецъ и говоритъ ей: «Дура», говоритъ,—«что ты на чужихъ-то кидаешься? Ты бы въ ту пору такого мужа выбирала!» «Батюшка», говоритъ младшая дочь,— «это мой мужъ и есть!» Царь отдалъ тогда ему свое царство, а тѣ зятья ступай по своимъ мѣстамъ.

(Записано отъ воротника Алексѣя съ Озёрки, Самарск. губ. Ставропольск. уѣзда).

14.

Окаменѣлое царство.

Былъ у купца сынъ и задумалъ онъ въ службу идти. Пишетъ оттуда: «Вышелъ я офицеромъ, пришлите три чысячи рублей денегъ». Купецъ послалъ. Вторительно сынъ пишетъ: «Я вышелъ генераломъ, пришлите двѣнадцать лошадей дышленныхъ и хорошій екипажъ, чтобы одной шерсти и росту, и кучеръ въ кучера, и фалéторъ въ фалéтора». Отецъ послалъ и самъ поѣхалъ къ сыну. Пріѣзжаетъ, спрашиваетъ. «Такого», говорятъ,— «генерала нѣтъ, а есть солдатикъ, такъ онъ», говорятъ,—«г.....мъ». А онъ и въ правду г.....мъ. Отецъ взялъ да и отдалъ двѣнадцать лошадей настоящему генералу: «А ему», говоритъ,—«напи-

шите волчій билетъ». Тремъ солдатамъ его написали и пустили куда хотятъ.

Ходили они, ходили; застигла ночь, и ночевали они подъ межой. Утромъ встали, пошли — видятъ дворецъ, и кругомъ каменная стража стоитъ. Вошли, а внутри все окаменѣлые люди! Кто стоитъ, кто сидитъ, кто смѣется, кто пальцемъ указываетъ. Въ шкапу они нашли закусокъ, наѣлись, напились, а солдатъ г.....ъ нашелъ такую книгу, по которой можно ихъ отчитать. Ночь читаетъ. Въ полночь вышли три дѣвицы черныя, въ шерсти. «Ну, молодецъ, пострадалъ ты одну ночь, пострадай еще двѣ!» По утру онъ товарищей разбудилъ, легъ спать, а они въ карты занимаются. Ночь приходитъ—они ложатся, а онъ—за книгу. Въ полночь три дѣвицы вышли на половину бѣлыя. «Пострадай, молодецъ, послѣднюю ночь!» Онъ всталъ, разбудилъ товарищей; тѣ въ карты зачали играть, а онъ спать легъ. На третью ночь сталъ читать; видитъ — въ полуночь три дѣвицы вышли, всѣ бѣлыя. «Благодарю, молодецъ, мы васъ не оставимъ»!

Поутру государыня этого царства (одна изъ трехъ-то), говоритъ: «Я на тебѣ повѣнчаюсь». Повѣнчались; а двѣ другихъ за его товарищей вышли. Сталъ солдатъ у жены къ отцу проситься и поѣхалъ въ колескѣ, въ государской одежѣ. Заѣхалъ дорогой въ кабакъ, пропилъ все, обулся въ лаптишки и пріѣхалъ къ отцу. «Не надо ли вамъ», говоритъ,—«ваше степенство, пастуха?» «Да, козъ надо попасти». «Ладно», говоритъ. Наняли его козъ пасти. Пасетъ. Вечеромъ гонитъ онъ ихъ мимо балкона и играетъ въ дудку, а козы пляшутъ. Купецъ глядитъ съ балкону и говоритъ: «Вотъ такъ пастухъ!» А царица была хитрая: узнала, что мужъ пропился, заѣхала въ кабакъ, выкупила его одежу и пріѣхала къ его отцу. Встрѣтилъ ее купецъ и радъ царицѣ. Вечеромъ пастухъ гонитъ козъ, и козы подъ дудку пляшутъ. Царица по приглашенію этого купца вышла на балконъ взглянуть, расхохотнулась и сказала: «Это мой мужъ! Былъ», спрашиваетъ,—«у васъ сынъ?» «Былъ; я его въ солдаты отдалъ. Пишетъ онъ первый разъ ко мнѣ: я, говоритъ, вышелъ въ офицеры, пришлите мнѣ три тысячи рублей денегъ. Я послалъ. Во второй разъ пишетъ: вышелъ я, говоритъ, въ генералы, пришлите мнѣ двѣнадцать лошадей дышленныхъ и хорошій екипажъ,

чтобы одной шерсти и росту, и кучеръ въ кучера и фале́торъ въ фале́тора! Я послалъ и самъ слѣдомъ поѣхалъ. Пріѣзжаю; мнѣ говорятъ, что такаго генерала нѣтъ, а есть солдатикъ, въ г.....хъ служитъ. Я и велѣлъ ему написать волчій билетъ. Гдѣ онъ теперь, Богъ его знаетъ». Царица и говоритъ купцу: «Пришлите этаго пастушка ко мнѣ!» Тотъ пришелъ. Она его обрядила въ особой комнатѣ и сѣла рядомъ; стукнула въ стѣну: «Войдите теперь! Можно!» Купецъ вошелъ и видитъ двоихъ. «Узнали пастуха-то?» «Нѣтъ». «Это», говоритъ,—«вашъ сынъ, а я—дочь». Купецъ удивился. Она ему все и разказала. Купецъ сдѣлалъ балъ и былъ радъ, что сынъ его царемъ вышелъ.

(Отъ дворника Алексѣя, въ Симбирскѣ).

15.

Ѳома Богатый.

Жилъ былъ Ѳома Богатый: ни скинуть ни надѣть у него не было, а постлать не заводилъ. Приходитъ къ нему Лиса. «Что ты, Ѳома Богатый, чай тебѣ жениться хочется?» «Когда не хотѣться, да у меня», говоритъ,—«только котъ да кобель; кто за меня пойдетъ?» «Я у купца», говоритъ Лиса,—«дочь усватаю!» Вотъ Лиса невѣсту сватать полетѣла и хвостомъ завертѣла. А по описи онъ былъ Ѳома Богатый, славущій. Купецъ позавидовалъ богатству, захотѣлъ жениха поглядѣть; а онъ оборосъ какъ шутъ. Лиса и говоритъ Ѳомѣ Богатому: «Ахъ, Ѳома, надо тебя обмыть и волосы на тебѣ подстричь, ѣхать невѣсту глядѣть». «А въ чемъ я поѣду глядѣть-то?» (Онъ весь тутъ раздѣвши). Лиса говоритъ: «Надѣйся на меня! Я тебя одѣну! Побѣгу базаромъ, а ты въ лавкахъ одежку цопъ да цопъ». Вотъ Лисица, красная дѣвица, базаромъ полетѣла, только хвостикомъ завертѣла; а Ѳома Богатый въ одной лавкѣ сертучокъ сцопалъ, въ другой картузикъ слизалъ; въ третью лавку забѣжалъ, сапожки со скрипомъ досталъ. «Ну», говоритъ,—«спасибо, Лиса, тонерь можно и

сватьбу заводить». Поѣхали глядѣть невѣсту. Былъ онъ бѣднякъ, а лицомъ былъ хорошовитъ: губы по осмётку, а носъ какъ башмакъ. Посмотрѝли невѣсту; женихъ невѣстѣ показался, а жениху невѣста показалась. У купца не пиво варить и не вино курить, сейчасъ да и за сватьбу. Сегодня ихъ обвѣнчали, а завтра къ Ѳомѣ помчали. А у Ѳомы ни кола, ни двора. Собиралъ купецъ своихъ родныхъ къ Ѳомѣ Богатому погулять, домъ его, имѣнье посмотрѣть. Лиса нахвалила, что у него пять табуновъ: есть табунъ конный, есть табунъ рогатый, есть стадо овечье, да стадо гусѝно, да есть стадо пырѝно, да есть стадо курѝно. Вотъ поѣхали. А въ селеньи, гдѣ Ѳома жилъ, жили Змѣй Горынычъ съ Змѣей Горыновной. Эти стада были ѝхи, а Лиса нахвастала, что—они Ѳомы Богатаго. Гóрные идутъ горновать, а Лиса къ Змѣю Горынычу побѣжала и къ Змѣѣ Горыновнѣ, велѣла имъ изъ дому убираться. «Ѣдетъ къ вамъ въ домъ Царь Громъ и Царица Молонья! Царь убьетъ, а Царица сожжетъ!» Змѣй съ Змѣей отвѣчаютъ: «А куды же намъ дѣваться?» «Лѣзьте въ гнилую колоду!» Змѣй Горынычъ и Змѣя Горыновна убрались, а Лисынька въ чисто поле полетѣла. Подбѣгаетъ къ конныхъ пастухамъ: «Пастушкѝ-дружкѝ, чье конное стадо пасете?» «Змѣя Горыныча и Змѣи Горыновны». «Охъ вы, пастушкѝ-дружкѝ, не говорите такъ! Говорите: Ѳомы, молъ, Богатаго: ѣдетъ царь Громъ и царица Моланья, Царь убьетъ, а Царица спалитъ!» Побѣжала къ коровьимъ пастухамъ: «Пастушки-дружки, чье коровье стадо пасете?» «Змѣя Горыныча и Змѣи Горыновны». «Охъ вы, пастушкѝ-дружкѝ, не говорите такъ: Говорите, что Ѳомы Богатаго! Ѣдетъ Царь Громъ и Царица Моланья, Царь убьетъ, а Царица спалитъ!»

Вотъ ѣдетъ купецъ и доѣхалъ до коннаго стада: «Чье стадо?» «Ѳомы Богатаго». Доѣзжаетъ до коровьяго стада, спрашиваетъ: «Чье?» «Ѳомы Богатаго». Пріѣхалъ купецъ съ гостями въ огромный домъ, гдѣ Змѣй Горынычъ съ Змѣей Горыновной жилъ, и сталъ пить, гулять. Напились всѣ хмѣльные, пошли пó двору. Лиса подвела ихъ къ колодѣ и говоритъ: «Нельзя ли эту колоду разстрѣлять?» Вотъ они колоду разстрѣляли и Змѣя Горыныча съ Змѣей Горыновной убили. Всѣ имѣнье Ѳомѣ Богатому досталось. Поѣхали горные домой, а Ѳома сталъ жить да поживать,

всѣ стада сталъ себѣ загонять и о г р о м н ы й сдѣлался богатѣй. Прошла сватьба; приходитъ Лиса. «Дома ли Ѳома Богатый?» «Дома». «Я тебя, Ѳома, женила, я тебя домомъ надѣлила. Дай мнѣ овечку!» Далъ онъ ей овечку. На утро Лиса опять идетъ. «Дома Ѳома Богатый?» «Дома». «Я тебя, Ѳома, женила, я тебя домомъ надѣлила. Дай мнѣ гуська!» Онъ ей гуська далъ. Лиса зачала кажній день ходить, доняла его всѣмъ. Ѳома и говоритъ: «Чай будетъ, Лиса, ходить? Я не буду тебя ничѣмъ дарить. Ну ка, Сѣрка, держи ее!» Сѣрка и полетѣлъ за Лисой. Не поспѣла только поимать—Лиса ширкъ въ нору и сидитъ. Сѣрка—у норы и глядитъ въ нее. Лиса и спрашиваетъ: «Глазыньки, вы что̀ дѣлали?» «Глядѣли, какъ бы но́ру намъ увидать, Лисыньку бы собакѣ не п ы м а т ь». «А вы, ноженьки, что дѣлали?» «А мы бѣжали, чтобы Лису собаки не догнали». «А ты, хвостикъ, что дѣлалъ?» «А я по́полу тащѝлся (грубо таково̀ говоритъ), чтобы собаки Лису догнали и пымали». «Ахъ, ты несъ лисій хвостъ! Вотъ взять, да тебя собакамъ отдать!» Взяла да и высунула въ нору то, и говоритъ: «А на-те вамъ, собаки, в а м ъ лисій хвостъ». Сѣрка за хвостъ цопъ и разорвалъ Лису. Ѳома Богатый сталъ себѣ жить да поживать, худо проживать, а добро наживать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

16.

Иванъ Агичъ и Василиса Васильевна.

Жилъ былъ старикъ со старухой; у нихъ было три дочери. Случился наборъ большой, всѣхъ мужиковъ сплошь, б е з ъ о б х о́ д у: и стараго и молодаго; и пришлось старику въ солдаты идти. Пришелъ старикъ вечеркомъ домой, сидитъ да и горюетъ. «А вотъ, дѣвки, кабы вы были робята, вы за меня бы хоть въ солдаты пошли». Большая дочь и говоритъ: «Благослови меня, батюшка!» Онъ благословилъ: «Поѣзжай, какъ можешь!» Она сѣла

верхомъ да и поѣхала. Отецъ оборотился волкомъ, забѣжалъ ей впередъ да и бѣжитъ. Она увидала, что волкъ бѣжитъ, айда дра́ла назадъ. Не то, что воевать — волка и то испугалась. Пріѣхала домой, отецъ и спрашиваетъ ее: «Что на службу не поѣхала?» И-и, тятенька, меня было волкъ съѣлъ!» Другая дочь говоритъ: «Давай, батюшка, я поѣду!» «Поѣзжай», говоритъ,—«коли можешь!» Она сѣла и поѣхала. Онъ обернулся волкомъ, забѣжалъ ей впередъ, да и бѣжитъ. Она увидала, что волкъ бѣжитъ, айда дра́ла назадъ. Пріѣхала домой, отецъ и спрашиваетъ ее: «Что на службу не поѣхала?» «И-и, тятенька, меня было волкъ съѣлъ!» Малая дочь и говоритъ: «Я поѣду, батюшка, а то гдѣ имъ!» «Ладно, поѣзжай!» Сѣла и поѣхала. Отецъ ей встрѣчь опять волкомъ забѣжалъ. Она волка увидѣла, прицѣлилась изъ ружья, хлопъ въ правый глазъ прямо! Поѣхала на службу; опредѣлилась въ полкъ и такъ служила, какъ надо. Любила она больно заморскіихъ голубей; у ней товарищъ, тоже солдатъ былъ, Иванъ Агичъ, Ягой Бабѣ сынъ, а ее звали Василиса Васильевна. Въ полку она себя Васильемъ Васильевичемъ звала. Жила она на квартирѣ у Ягой Бабѣ; не могъ ее никто узнать, что она дѣвка, только Ягая Баба узнала. Мало ли, много ли служила, пришла ей отставка, отправилась домой. Довелось плыть ей черезъ Волгу; распростились они съ товарищемъ, Иваномъ Агичемъ. Перевезъ онъ ее черезъ Волгу и такъ крѣпко жаль ему; а черезъ Волгу мѣсто было узкое. Онъ смотритъ на нее и низко ей кланятся и отвѣчаетъ она ему: «Эхъ, Иванъ Агичъ, не умѣлъ красну дѣвицу ловить!» Скинула платье-то по этихъ поръ, да титьки-то ему и кажетъ. «Вотъ онѣ», говоритъ,—«гдѣ!»

Ягая Баба сыну и говоритъ: «Я говорила тебѣ, что дѣвка». А она домой пошла, къ батюшкѣ своему. Всѣ ей были рады: и отецъ, и всѣ. Сбирается она съ отцемъ на базаръ; отецъ и спрашиваетъ: «Чего тебѣ, доченька, купить?» «А пойдемъ, нѣтъ ли заморскихъ голубчиковъ?» А Иванъ-то Агичъ надѣлъ другую одежду, да троечку и поима́лъ; носитъ да продаетъ. Она увидала и говоритъ: «Тятенька, купи мнѣ голубчиковъ!» Купили и домой привезли. Стали гулять; день гуляли и два. Она двоихъ голубковъ накормила, а третьему-то не досталось. А онъ сидитъ, голодный-то, да воркуетъ: «Вуркӯ, вуркӯ, Василиса Васильевна,

унесу къ Ивану Ягичу!» А двое сытыхъ поютъ: «Урку, урку, Василиса Васильевна, не унесемъ къ Ивану Ягичу!» На другой день одного только накормила, двоихъ голодныхъ оставила. Двое воркуютъ: «Вурку, вурку, Василиса Васильевна, унесемъ къ Ивану Ягичу!» А третій-то воркуетъ: «Вурку, вурку, Василиса Васильевна, не унесу къ Ивану Ягичу!» На третій день и остальнаго не накормила. Они встали ночью, взвились да и утащили ее т у д ы. Хвать, проснулась—лежитъ у Ивана Ягича на перинѣ, и крѣпко заплакала, что въ нерусскую землю попала. Не пиво варить, не вино курить—за свадьбу. Стали жить да быть и другъ дружку крѣпко любить. А Ягая Баба ее не любитъ и хочетъ ее извести: посылаетъ ее коровъ доить, а у нихъ коровы-то медвѣди. «Поди же, б...ь, подой коровъ!» Она пришла къ мужу, горько плачетъ. «Что ты, Василиса Васильевна, больно плачешь?» Она и говоритъ ему: «Вѣдь у васъ коровы-то медвѣди, съѣдятъ они меня! Матушка доить меня посылатъ». «Возьми ты, жена, вёдры и поставь, а сама на лѣсину влѣзь, да и кричи: Буренушки, чернаушки, придите, подойтеся! Онѣ придутъ и сами подоятся». Она пошла въ лѣсъ, поставила вёдры и влѣзла на лѣсину, кричитъ: «Буренушки, чернаушки, подойтеся!» Тѣ прибѣжали и полны вёдры надоили; и опять въ лѣсъ ушли. Она слѣзла съ д р е в а, взяла вёдры, домой пошла. Приноситъ домой. «На, мамынька, убери!» Ягая Баба и говоритъ: «Ахъ, песъ! Это онъ научилъ». На утро гусямъ мѣсить заставляетъ, а гуси-то были змѣи. Она горько плачетъ. Научаетъ ее мужъ: «Замѣси въ корытѣ и кричи: Тиженьки, тижиньки! А сама влѣзь на повѣть. Они сами придутъ, нажрутся». Она такъ и сдѣлала. Заставляетъ Ягая Баба курамъ замѣсить, а куры—ужи. Идетъ она къ мужу, плачетъ. Тотъ ее научилъ. «Кричи», говоритъ,—«ти ти, ти ти! А сама на повѣть залѣзь. Онѣ придутъ, нажрутся». Она такъ и сдѣлала, пришла къ Ягой Бабѣ, никто ее не съѣлъ.

Отъ Ягой Бабы версты на три ея сестра жила, тожe Ягая Баба. И пишетъ она къ сестрѣ письмо, чтобы та съѣла молодку, какъ она за бёрдомъ придетъ. Призываетъ она сноху: «Ступай къ моей сестрѣ за бёрдомъ!» Она крѣпко заплакала и говоритъ мужу: «Прощай, я живая оттоль не приду»! Онъ говоритъ: «Не бойся ничего: я научу. В о п е р в ы х ъ у двора тамъ колодецъ бу-

детъ тебя водой плескать—ты возьми крюкъ, да съ молитвой наложь. Къ воротамъ подойдешь, не отворишь—возьми скоромнаго масла, подмажь ворота, они пропустятъ. Взойдешь ты въ избу, будетъ тебя вѣникъ хлестать — ты его подъ порогъ съ молитвой положь; есть у ней заморскіе коты, будутъ тебя сарáпать—ты ветчинки возьми, дай имъ по кусочку; есть у ней три дочери; будутъ тебя колоть деревянными иглами, а ты возьми дай имъ по желѣзной».

Вотъ она пошла; подходитъ ко двору. Колодецъ плещетъ, не даетъ проходу. Она взяла крюкъ и съ молитвой положила. Подошла къ воротамъ—они не пускаютъ; она ихъ маслицемъ подмазала. Взошла въ избу, сталъ ее вѣникъ хлестать—она его подъ порогъ съ молитвой положила; стали ее заморскіе коты сарапать—она имъ по кусочку ветчинки дала; дочери стали деревянными иглами ее колоть—она имъ желѣзныхъ дала: онѣ и пустили. Какъ только Ягая Баба завидѣла ее, такъ въ подполъ полѣзла зубы точить, а ей велѣла ткать. Дочери замѣсто ея и посадили за̀ станъ заморскаго кота; бердочко ей отдали и домой проводили. Ягая Баба точётъ да поговариватъ: «Точёшь ли, точёшь ли, племянницка?» А заморской котъ ей отвѣчаетъ: «Току, току, тетушка!» А она думатъ, что племянница точётъ, а инъ-то заморской котъ. Вылѣзла и спрашиватъ: «Гдѣ племянница?» «Ушла домой!» Начала Ягая Баба дочерей бить, зачѣмъ пу́стили. Тѣ говорятъ: «Мы вѣкъ у тебя живемъ, деревянными иглами шьемъ, а она намъ по желѣзной дала. Накинулась Ягая Баба на котовъ. Тѣ и говорятъ: «Мы вѣкъ у тебя живемъ, и куска мяса не видали, а она намъ ветчинки дала!» Накинулась на вѣникъ, а онъ ей и говоритъ: «Вѣкъ у тебя зря валяюсь, а она меня съ молитвой подъ порогъ положила» Подбѣжала къ воротамъ, а тѣ и говорятъ: «Вѣкъ мы тебѣ служимъ, скрипимъ, ты на насъ и водой не плеснула, а она пришла, маслицемъ подмазала». Набросилась Ягая Баба на колодецъ, а онъ ей говоритъ: «Какъ тебѣ служу, ничего отъ тебя не вижу, а она пришла, крюкъ съ молитвой наложила». Ягая Баба и отступилась. Сноха принесла свекрови бёрдо, ничѣмъ невредима. Крѣпко Ягая Баба на сына серчала, что онъ жену научаетъ. «Не будемъ, матушка», говоритъ сынъ,—«жить съ тобой!» Бросили

ее ночью и убѣжали. Убѣжали не знай куды и теперь не знай гдѣ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

17.

Спящая дѣвица.

Жили были два брата. У одного было два сына, а у другаго сынъ да дочь. Первый побѣднѣе былъ и занимался хлѣбопашествомъ, а второй—побогаче, торговалъ. Нынче купилъ рублей на десятокъ, а на тотъ годъ побольше. Расторговался шибко. Самъ сбирается на ярманку въ Нижній, а дочку дома оставилъ. Братъ брату и наказываетъ: «Ну, братецъ, похаживай къ намъ, посматривай». Вотъ сталъ онъ похаживать, сталъ посматривать и сталъ дѣвушку одолѣвать. Она ему не поддалась и прямо изъ дому по шеѣ выгнала. Дядя сейчасъ къ брату письмо написалъ, что его дочь живетъ здѣсь непостоянно, занялась худыми дѣлами, разные банкеты(?). Отецъ письмо прочиталъ и говоритъ сыну: «Сынокъ, деньги выходятъ всѣ; поѣзжай домой къ сестрѣ, деньги у ней возьми, а ее зарѣжь; лёкую, печенку и сердце ко мнѣ представь!» Сынъ думаетъ: за что зарѣзать? Поѣхалъ. Пріѣзжаетъ домой: сестра рада, встрѣчаетъ его, горько плачетъ. «Оставили», говоритъ,—«здѣсь меня на большое пострамленіе». Братъ спрашиваетъ: «Кто же тебя здѣсь сстрамилъ?» «Жить нельзя: одинъ дядя донялъ». Онъ и говоритъ: «Сестра, батюшка, приказалъ тебя зарѣзать». «За что?» «Дядя письмо прислалъ, что ты живешь здѣсь непостоянно». Она горько заплакала, во слезахъ слово промолвила: «Эхъ, братъ», говоритъ,—«родимый, распросите всѣхъ добрыхъ людей, какъ я жила». Братъ и говоритъ: «Ну, сестрица моя, подай мнѣ деньги!» Она ему отдала. «Ну, сестрица, испеки сорокъ печей калачей, да поѣдемъ: я тебя въ темный лѣсъ отвезу. Живи вѣкъ тамъ; батюшка, приказалъ зарѣзать тебя; я не буду». Напекла она калачей, и отвезъ ее братъ въ темный

лѣсъ, въ превеличающій оврагъ. Устроила она тамъ себѣ хижинку и теперь тамъ живетъ. А братъ къ отцу уѣхалъ. Была у нихъ маленька собаченка; онъ собаченку зарѣзалъ, вынулъ сердце и печенку и повезъ къ отцу. Привезъ; тотъ и спрашиваетъ: «Что, зарѣзалъ?» «Зарѣзалъ». «Давай сердце и печенку!» Онъ ему подалъ. Тотъ бултыхъ ихъ въ Волгу. Сталъ купецъ торговать, а дѣвушка въ оврагѣ горюетъ; и пища у нея вся вышла. Пошла по зеленому лѣсу гулять и нашла середи лѣсу огромный домъ, весь тёсомъ загороженъ. Взошла къ воротамъ, отворила ихъ, походила, походила по двору: нѣтъ никого. Взошла въ особую комнаточку, сѣла и затворилась. Вотъ пріѣхали разбойники съ разбою, ходятъ и видятъ, что кто-то былъ. Искали, искали—не найдутъ. Стали они говорить: «Если добрый молодецъ, выходи—братцемъ будешь; если старая старушка—будешь матушкой; если красная дѣвица—будешь намъ сестрица!» Она услыхала и выходитъ къ нимъ. Они сидятъ за столомъ, чай кушаютъ и водочку пьютъ. Они ей весьма обрадовались; было ихъ двѣнадцать разбойниковъ, тринадцатый атаманъ. Они другъ дружку всѣ пригнали къ божбѣ, чтобы всѣмъ ея слушаться: «Если она помретъ, то мы должны другъ друга убить». Стали жить вмѣстѣ и допустили ее до всего. Она про нихъ стряпала, и разрядили они ее въ разную одежду, какъ все равно барыню, и любо на нее посмотрѣть. Пошелъ изъ того села, изъ котораго она, охотникъ и заплутался; попалъ въ этотъ домъ. Пристигла его темна ночь. Разбойники были на разбоѣ. Онъ ночевать остался; дѣвица его напоила, накормила и отъ темной ночи прйзрила. На утро встали, позавтракали, и домой его проводила. Приходитъ онъ домой; спрашиваютъ домашніе: «Гдѣ ты былъ?» Онъ разказалъ: «Живетъ», говоритъ,—«въ такомъ-то лѣсу дѣвица; тамъ я и былъ». Дядя услыхалъ, сталъ охотника распрашивать, гдѣ бы ее найти. Онъ ему разказалъ. Дядя браду̀ и волоса обрилъ и пошелъ туды. Нашелъ онъ старуху колдунью, попросилъ нельзя ли племяницу какъ уморить. Она дала ему мертвую рубашку. «На понесай къ ней да ей и отдай! Она тебя не узнаетъ. Вотъ, молъ, это тебѣ матушка на̀ смерть рубашку прислала». Онъ взялъ и пошелъ. Приходитъ въ зеленый лѣсъ, нашелъ этотъ домъ, ночевать просится. Въ ефто время разбойниковъ дома не случилось. Она

спрашиватъ: «Чей ты? Откуда?» «Я», говоритъ,—«изъ того села, отколѣ ты сама была. На вотъ тебѣ, матушка рубашку на̀ смерть прислала». Она рубашку принимала, его въ лицо не узнала; напоила, накормила, со двора проводила. Какъ ушелъ, она и вздумала рубашку помѣрять. Надѣла, легла да и умерла. Разбойники вернулись домой. До этого пріѣзжали, и она къ нимъ выбѣгала и ворота отворяла, а теперь встрѣтить некому: она мёртва. Взъѣхали разбойники на дворъ, да и ахнули. «Ахъ, братцы, у насъ дома нездорово! Мотри, нашей сестрицы вжи́вѣ нѣтъ!» Взошли въ свою горницу: она лежитъ мёртва. Они сошлись, поплакали. А она не умерла, только обмерла.

Стали они думать, куды ее дѣвать, гдѣ ее закопать. Стали гробъ дѣлать. Слили ей гробъ серебряный, крышечку золотомъ у б и л и; поставили превеличающихъ четыре столба и сдѣлали тамъ к р о в а т к у; положили дѣвицу въ гробъ и поставили его на кроватку, будто скоронили. Сошлись въ горницу. «Давайте, братцы», говорятъ,—«руки умывать, да свою сестрицу поминать, и будемъ сами помирать!» Зарядили всѣ ружья и убили всѣ сами себя. Вся ихъ ж и с т ь кончилась.

Царскій сынъ поѣхалъ на охоту и подъѣхалъ къ э т о м у дивному дому. Домъ не очень дивный, а устроена больно дивно бесѣдка. Тѣмъ дивна, что высока̀ и раскрашёна хорошо. Смотритъ и дивится онъ: что̀ такое это? Наверхъ—лѣсенка. Онъ влѣзъ и видитъ: золотая гробница; въ гробницѣ—красная дѣвица. Онъ крышечку открылъ, она лежитъ какъ живая, и р у м я̀ н и ц а играетъ въ лицѣ. Такая лежитъ красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Онъ вынулъ ее изъ гроба, привязалъ на сѣдло и поѣхалъ съ ней домой. Пріѣхалъ ночнымъ бытомъ, тихонько. Устроена у него была особая с п а̀ л ь н а, онъ ее на кроватку, во спа́льну и положилъ; спитъ съ ней съ мертвой ка́жну ночь и день на нее любуется. Такъ сталъ о ней тосковать, плакать, изъ лица сталъ пропадать, что отецъ съ матерью стали примѣчать за нимъ, что онъ не веселъ. «Что ты, сыночекъ, не веселъ больно?» Онъ не сказываетъ. Стали за нимъ примѣчать куды днемъ ходитъ. Все—въ спа̀льну. Спрашиваютъ отецъ съ матерью: «Что это ты все въ спа̀льну ходишь? Кто тамъ у тебя?» «Нѣту никого». И спальну запирать сталъ. Отецъ съ матерью го-

ворятъ: «Отопри намъ!» Отперъ онъ имъ. Посмотрѣли: лежитъ мертвая дѣвица. Они индо обезпамятѣли. «Гдѣ ты ее взялъ?» «Въ такеемъ мѣстѣ», говоритъ, — «въ лѣсу нашелъ». И стали они его глупаго журить: «Что ты дѣлашь? Что ты мертваго человѣка жалѣшь? Надо его предать къ землѣ». Сдѣлали ей гробъ и стали ее обмывать и другую одежу надѣвать. Какъ стару одежу скинули а, такъ она стала жива. Они ее нарядили, снова ее окрестили и съ нимъ обвѣнчали. Стали они жить да быть, худо проживать, а добро наживать. Долго ли мало ли пожили, ей захотѣлось на родину побывать: стала она его къ роднымъ звать. Ему ѣхать нельзя; она стала проситься. Онъ отпустилъ, посадилъ ее на проходъ и далъ ей провожатаго. Ѣхали, ѣхали провожатый сталъ ее притѣснять къ худому дѣлу, чтобы сдѣлать съ ней сйни минякй (?), а то давай сдѣламъ шўлъ да гинѐ (?). Она не соглашалась. Пристали они на пристань; она и говоритъ: «Я больно до вѣтру хочу!» Ушла да ушла. Ушла въ лѣсъ—хвать ее нѣтъ. Провожатый ну искать; говоритъ хозяину прохода: «Стой! Царица пропала!» Хозяинъ спрашиваетъ: «Куды же она дѣлась?» «Вотъ тутъ-то», говоритъ, — «ушла до вѣтру». Народу на проходѣ было нѣсколько; пошли по лѣсу искать. А она нашла превеличающее дуплё и залѣзла въ него. Много разъ они мимо проходили, а не нашли. Тѣмъ и дѣло кончилось. Кому она на руки была отдана, тотъ обратно отправился. Пріѣзжаетъ къ царю и сказываетъ, что пропала царица. Сталъ царь его выспрашивать: «Какъ это ты не видалъ?» «Сказала, что до вѣтру пойдетъ и теперь тамъ».

Какъ народъ изъ лѣсу убрался, идетъ второй проходъ. Она подала царскій знàменъ; проходъ остановился, отстегнули легку лодку и прямо на берегъ. Посадили ее въ легкую лодку и—на проходъ. Она и говоритъ: «Хозяинъ, доставъ меня до такого-то мѣста» (гдѣ она рождёна). Тотъ ее доставилъ. Она прибыла туды, нарядилась въ мужскую одежду, остригла волосà по мужскому; а отецъ ея шибко торгуетъ. У ея отца идетъ балъ, что и чортъ не спозналъ. Всѣ пьютъ, гуляютъ, и онъ къ нимъ пришелъ. Они сидятъ, какъ мы съ тобой, водочку попиваютъ, дрема ихъ одолѣваетъ. Восходитъ молодецъ: «Миръ вамъ, гостямъ, на бесѣдѣ!» «Просимъ милости, добрый молодецъ!» «Что вы сидите, водку пьете,

а ничего не говорите? Должно быть вы спать хотите? Поднесите водочки стаканъ, я шуточки пошучу!» Они спрашиваютъ: «А ты чей такой?» «А вотъ я изъ Помрѣськина сказывальщикъ». «Ахъ, братъ, разкажи ка намъ, да хорошеньку». «Ну, братцы, я вамъ скажу сказку. Слушать да не смѣяться, а кто знаетъ—не переговаривать! Кто будетъ переговаривать, тому буду по плюхѣ давать!» Они подписку дали, что не будутъ, онъ и сталъ имъ сказку разказывать:

«Жили два брата; у одного было два сына, у другаго сынъ да дочь. Одинъ братъ шибко хорошо торговалъ, собрался разъ на ярманку, а дочь дома оставилъ и наказываетъ брату: «Ну, братецъ, похаживай къ намъ да посматривай». Дядя сталъ похаживать и зачалъ дѣвицу одолѣвать.....» «Врешь», говоритъ,—«дуракъ!» закричалъ дядя (а онъ тутъ былъ). Молодецъ подошелъ къ нему да въ ухо! Дядя промолчалъ, только затылокъ почесалъ. Сталъ молодецъ опять сказку сказывать: «А братъ, что на ярманкѣ былъ, этого дѣла не зналъ, прислалъ своего сына, чтобы у дѣвушки деньги отобрать, а ее зарѣзать и сердце съ печенью представить къ отцу. Братъ сестру пожалѣлъ, зарѣзалъ собаку и послалъ въ Нижній, а сестру въ лѣсъ отвезъ. Отецъ и говоритъ на это: «Не правда, молодецъ!» Молодецъ засучилъ кулакъ да и говоритъ: «Ну, батюшка, и тебѣ бы надо дать плюху, подлѣ ухy, да законъ не велитъ! Я—дочь твоя!» Съ отцемъ она тутъ спозналась и дочкой ему называлась.

Стали разговаривать что было и какъ; дядю изъ горницы выгнали въ шею. Молодецъ и говоритъ: «Спасибо тебѣ, братецъ, не заставилъ ты меня умирать, а заставилъ по вольному свѣту погулять. Я по вольному свѣту гуляла, добра себѣ много принимала. Поѣдемте, тятенька, со мной!» «А куды? Ты можe серчаешь на меня?» «Я, тятенька, вѣдь вышла замужъ за царскаго сына!» И разказала ему все. Они сѣли на проходъ, да всей семьей и туды. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Прошло три года. Приплыли они на свое мѣсто, къ царю во дворецъ. Мужъ ее сейчасъ узналъ. «Гдѣ была, голубушка?» «Я, милый другъ, горя много приняла и злодѣя видала и волоса свои подстригала, ночевала въ темномъ лѣсу, въ дуплѣ». Сталъ ее мужъ выспрашивать, отчего въ дуплѣ ночевала. «А меня твой посланникъ донялъ.

Я на худы дѣла не согласилась, въ темный лѣсъ ушла, въ дуплѣ ночевала, потомъ къ отцу поѣхала своихъ повидать. Вотъ — мой батюшка, а это родной братъ!» И стали всѣ жить вмѣстѣ да богатѣть. Я тамъ былъ, да медъ пиво пилъ, по усамъ-то текло, да въ ротъ не попало.

(Абрамъ Новопольцевъ).

18.

Оклеветанная жена.

Жили два именитые купца; у одного было два сына, у другаго одинъ. Торговали они хорошо, робята стали на возрастѣ; переженили они ихъ, и вышло между ихъ неудовольствіе, стали они дѣлиться. Раздѣлились. Стали всякъ себѣ торговать (отцы-то). У того, у котораго былъ одинъ сынъ, сталъ парень на возрастѣ, и стали искать за него невѣсту. Найдутъ дѣвушку—матери хороша, отцу не хороша; отецъ найдетъ невѣсту—жениху не кажется. Запрегъ молодецъ себѣ лошадку и поѣхалъ версты на три, на четыре отъ своево жительства, въ воскресный день къ обѣднѣ; не обѣдню постоять, а невѣсту себѣ посмотрѣть. Подъѣхалъ къ цéркови, и идетъ красная дѣвица, несетъ ведро водицы. Онъ взглянулъ на нее и прельстился. «Дай испить мнѣ водицы, красная дѣвица!» Дѣвица остановилась и дала водицы испить. Онъ водицы испилъ, поблагодарилъ дѣвицу и вынимаетъ ей деньги. Дѣвица не беретъ. Онъ взялъ да вслѣдъ ей и бросилъ. Дѣвица ведра отнесла и думаетъ себѣ: «А что я, глупая, деньги не взяла?» Воротилась и взяла ихъ Дома сказываетъ: «Вотъ деньги нашла!» Послѣ обѣдни купеческій сынъ пошелъ сватать и усваталъ. Поѣхалъ до двора, пріѣзжаетъ домой. Отецъ съ матерью его спрашиваютъ: «Гдѣ былъ, сыночекъ?» «У батюшки хрёстнаго чайку испилъ». На другой разъ опять пошелъ. Пріѣхалъ къ своей невѣстѣ и говоритъ: «Въ это время будь готова!» Дали ей казны, сготовили свáтьбу. Пріѣхалъ онъ домой. «Нынче бы надо», говоритъ,—«за невѣстой сбираться!» Отецъ

сейчасъ вдругъ схватилъ и умеръ. Невѣста родныхъ созвала; нынче ждать, завтра ждать: жениха нѣтъ. Сдѣлалъ сынъ по отцѣ поминочки. Прошло шесть недѣль, онъ поѣхалъ къ невѣстѣ. Невѣста больна лежитъ. «Ты», говоритъ,—«надо мной надсмѣялся». Женихъ отвѣчаетъ тестю съ тещей: «Нареченный мой батюшка тесть и матушка теща, несчастіе у меня случилось: батюшка померъ. За утро опять насъ ждите, пріѣдемъ и невѣсту увеземъ». Пріѣзжаетъ купеческій сынъ домой: мать померла. Поплакалъ, поплакалъ, опять не до свадьбы дѣло: сталъ мать коронить. Черезъ шесть недѣль опять къ невѣстѣ поѣхалъ, взялъ ее и увезъ. Обвѣнчались и гулять начали, и некогда ему было сродниковъ сбирать. Стали поживать и стали больше того торговать. Молодая жена и говоритъ ему: «Пойдемъ, я погляжу на твое заведенье». Онъ много прикащиковъ держалъ. Они всѣ товары распродали, безъ дѣла гуляютъ, лавки заперли: торговать нечѣмъ. Приходитъ къ нему батюшка крестный. «А что, сыночекъ, на што у тебя прикащикамъ гулять? Надо товару добывать!» Отвѣчаетъ купеческій сынъ: «Я, батюшка, человѣкъ младъ, а съ казной что дѣлать не знаю». «Возьми прикащика съ собой, а то брата двоюроднаго попроси». Призвалъ онъ брата: «Пойдемъ», говоритъ,—«въ Нижній за товаромъ!» «Пожалуй, пойдемъ». Позвалъ его въ гости, чайкомъ угостилъ графы́нчикъ водки выпили. Говоритъ ему двоюродный братъ: «А дава-ка, братъ, еще графы́нчикъ!» Купеческій сынъ пошелъ за водочкой; двоюродный братъ сидитъ съ молодицей, чаекъ попиваетъ. Онъ съ ней поигралъ, за титечки ее трепалъ; ей эта игра не показалась, она его въ беремя сохватила и въ дверь вытолкала. Ему стало совѣстно, онъ и ушелъ. Купеческій сынъ говоритъ: «Братецъ, погоди!» А тому совѣстно стало: «Хмѣлёнъ», говоритъ,—«я; на утро приду!» Вотъ она съ этого разу сдѣлалась больна и не можетъ ногъ таскать и головы поднять. Онъ и такъ и сякъ ее, а она все больна. Проситъ ворожейку. Была тутъ старуха-большое брюхо, а двоюродный братъ сказалъ старухѣ: «Поди узнай, что у нея на тѣлѣ есть!» А у ней были двѣ примѣты: на правомъ плечѣ была родина, да на лѣвой бедрѣ по пяти пальцевъ (оттискъ). «Снимешь старуха съ нея подвѣнечный перстень, буду тебя до жизни вѣку поить и кормить». Приходитъ старуха къ молодицѣ. «Знать ты больна?» «Нездорова. Не знашь ли чѣмъ полѣчить?» «Надо тебѣ баньку

истопить, въ теплую воду положить». Купеческій сынъ говоритъ: «Служанки, истопите баню!» Тѣ истопили. Пошли они въ нее. Стала старуха мыть и править, приговаривать и парить. «Нѣтъ ли на тебѣ чего серебрянаго? Скинь!». Она перстень скинула, положила на лавочку и крѣпко заснула. Старуха взяла перстенёкъ, проводила молодицу домой; стало ей полегче и выздоровѣла. Братъ двоюродный и спрашиваетъ у баушки: «Что дозналась что ли какія на тѣлѣ примѣты?» «На правомъ плечѣ родина, да на лѣвой бедрѣ по пяти пàльцыевъ, а вотъ тебѣ и перстень!» Молодица хватилась перстня и говоритъ мужу: «Подвѣнечный-то перстень я въ банѣ оставила!» Пошли въ баню, не нашли. Купеческій сынъ и говоритъ: «Поѣду въ Нижній, лучше того куплю, только бы ты была жива». Пропалъ перстень (Перстень-то не пропалъ, а онъ нà руки напалъ). Собрались они съ двоюроднымъ братомъ ѣхать, товару покупать, а двоюродный-то ѣдетъ не товару покупать, а его разорять. Вотъ впрягли и поѣхали. Недалеко отъѣхали, явился въ другой городъ. Взошли они въ трактиръ, селяночку заказали, бутылочку выпивали, да и другу покупали. А вѣдь хорошо тому водку пить, кто разуму не пропиватъ; а они разумъ то и потеряли: водки напились да раздрались. Меньшой-то братъ и говоритъ: «А, братецъ, сердце у меня болитъ!». А большой-то говоритъ: «Объ чемъ оно у тебя болитъ? Чай объ деревенщинѣ скучился, о б...и-то, объ женѣ о своей?» Тутъ дѣло было при кампаніи, при хорошіихъ людяхъ, при дворянахъ, при купцахъ. Дворяне и купцы говорятъ: «Какъ ты можешь чужую жену б....ю назвать?» «Она мнѣ б...ь!» Мужъ и говоритъ: «Послушайте, честные господа, можетъ ли что онъ у нея на тѣлѣ знать? Когда она ему б...ь, такъ пускай разкажетъ, какія у ней на тѣлѣ родины! Лишаюсь всего имѣнья и всей своей жизни! Разкажи!» Двоюродный братъ говоритъ: «Извольте, я всю правду, господа, вамъ разкажу, что она мнѣ дѣйствительно б...ь: на правомъ плечѣ у ней пять пальцевъ родина, да на лѣвой бедрѣ; перстень подвѣнечный ея у меня, и подарила его мнѣ она же, а свому мужу сказала, что потерянъ въ банѣ». Тутъ ихъ руки разняли и у молодца все обобрали.

Добрый молодецъ пріѣзжаетъ домой, не говоря женѣ словъ. «Поѣдемъ», говоритъ. «А куды поѣдемъ?» «А куды глаза глядятъ. Ничего ты не узнаешь!» Посадилъ и поѣхалъ. Ѣхалъ

лѣсомъ день и два, не пимши, не ѣмши; ѣхалъ недѣлю и двѣ, и уѣхалъ Богъ его знаетъ куды, во дремучіе лѣса, ни выдти, ни выѣхать. «Прощай жена!» говоритъ,—«ты мнѣ не жена, я тебѣ не мужъ; ты куды знаешь иди, а я куды знаю пойду».

И ходила жена по дремучіимъ лѣсамъ, по крутыимъ по горамъ, плакала и рыдала, горя много принимала, платкомъ слезы утирала, въ дремучемъ лѣсу темныя ночи не спа́ла. Выходила женка на чистое поле, на дику́ю степь, на незна́мую; ничего на ней не видно, только старичекъ стадо пасетъ. Подходитъ она къ дѣдушкѣ, говоритъ со слезами: «Родимый дѣдушка, будь мнѣ родной батюшка, обмѣни мнѣ одежду свою, не стыдись. Скидай одежу мою надѣвай на себя, а мнѣ свою давай и подстриги меня по мужскому». Старикъ снялъ съ нея одёжу и надѣлъ на нее свою и въ кружало подстригъ. Пошла она въ городъ. Такой бравый изъ нея молодецъ сталъ, что не вздумать, не взгадать и перомъ не написать. Приходитъ мальчикъ въ трактиръ и говоритъ: «А подайка селяночку!» «А какую же тебѣ?» «Да хоть на сковородѣ въ водѣ; да водки графинчикъ подай!» Трактирщикъ всего подалъ; молодчикъ пьетъ и закусаватъ. «Ну-ка, хозяинъ, пожалуй-ко мнѣ игроковъ!» Подходятъ игроки; стали играть, она начала плясать. Сама пляшетъ, рукой машетъ, приговариваетъ: «Эхъ, горе ты, горе мое, а кручина-то моя въ темномъ лѣсу долго была!» Взяла скрипку, зачала играть. По ея игрѣ никто плясать не можетъ. Хозяинъ прельстился и спрашиваетъ: «Чей, молодецъ такой?» «Я —бродяга». «Наймись ко мнѣ въ трактиръ?» «Пожалуй.» «Сколько въ мѣсяцъ возьмешь?» «Сколько дадите.» И остался онъ тутъ жить. Жилъ недѣлю и двѣ, пріѣзжаетъ изъ полка отставной полковникъ; заѣхалъ въ трактиръ погулять, трактирщика повидать, игроковъ послушать. «Давай, трактирщикъ, хорошихъ игроковъ и плясуновъ!» Хозяинъ подставляетъ первымъ приста́ло молодца. «Хорошо играетъ, еще лучше того пляшетъ; плясать хорошъ, изъ лица лучше того пригожъ!» И прельстился отставной полковникъ на него и спрашиваетъ: «Чей? Откуда такой?» «Я—бродяга!» «Поди ко мнѣ въ деньщики: я тебя до дѣла доведу!» «Хорошо», говоритъ. Требуетъ полковникъ трактирщика: «Поди сюда! Сколько за обѣдъ и за плясуновъ?» «Двадцать-пять рублей». Полковникъ деньги вынималъ, трактирщику отдавалъ. «Чей маль-

чикъ у тебя?» Онъ туды-сюды: не знатъ какъ сказать. «Давайка билетъ!» Хозяинъ говоритъ: «Онъ бродяга». Полковникъ призвалъ мальчика. «Поѣдемъ со мной». «Поѣдемте». «А сколько время здѣсь проживаешь?» «Столько-то». «Сколько за работу платили?» «Ни копѣйки». «Поди-ка, хозяинъ, сюда! Раздѣлайте мальчика! За какую онъ цѣну жилъ?» «Безъ ряды». «Сколько ты, мальчикъ, хочешь?» «Сколько пожалуетъ хозяинъ». «Бери двадцать-пять рублей». Мальчикъ получилъ денежки и уѣхалъ въ полкъ. Привезъ его полковникъ, назвалъ его юнкаремъ, отдалъ подъ крѣпкое ученье. Такъ она крѣпко училась, старалась, годъ поучилась—произвели ее въ ундеры; черезъ скорое время—въ фетьфебели и дальше и больше, чинъ за чиномъ, и черезъ семь лѣтъ дослужилась до полковника. Надъ полковниками былъ полковникъ! При смотрѣ царскомъ ни одинъ полкъ такъ честь не отдавалъ, какъ ея полкъ. Она подаетъ къ царю лично прошеніе, чтобы отпустить ее на три мѣсяца въ отпускъ. Было это дѣло осеннимъ врéменъ, какъ молодыихъ некрутовъ приняли. Царь прошеніе ея не принялъ, отослалъ назадъ. «Тогда тебя уволю, когда наборъ примешь!» Приняли наборъ, новобраныхъ солдатъ пригнали и стали раздѣлять по полкамъ. Разставили молодыхъ солдатъ въ ширинку. Полковники ходятъ и разбираютъ и по росту, и по лицу—кого куды. Полковникъ увидалъ своего мужа, который въ лѣсъ ее завезъ. Онъ въ охотники нанялся, только по росту и виду въ ея полкъ не попалъ. Сталъ полковникъ просить, чтобы его къ нему въ полкъ перевели. Его перевели. Какъ онъ поступилъ, такъ онъ сейчасъ его къ себѣ въ деньщики взялъ и приказалъ учить его какъ можно строже и на каждую ночь къ нему въ ночные приходить. День—на ученьи, ночь—къ полковнику. Входитъ въ его комнату при всей своей ночной амуниціи; тотъ его принимаетъ, мунйцу съ него скидаетъ, наливаетъ стаканъ водки и даетъ ему плюху, и спать велитъ. На утро приходитъ на ученье, товарищи и спрашиваютъ: «Что ты у него дѣлалъ?» «Ничего не дѣлалъ: стаканъ водки выпилъ, закуски далъ да большую плюху», говоритъ,—«больно закатилъ». И день, и два такъ онъ дѣлалъ, и съ недѣлю. Полковникъ (она-то, стало быть) подаетъ лично царю просьбу, что желательно съѣздить на побывку. Царь ублаготворяетъ его на побывку, на три мѣсяца. Онъ на-

нимаетъ тройку ямскихъ лошадей и беретъ своего мужа въ деньщики. Поѣхали въ само то мѣсто, отколь оба. Пріѣзжаютъ въ городъ, прямо къ губернатору. «Дайте на три мѣсяца намъ фатéру!» На нимъ одежа какъ жаръ горитъ: при формѣ, палéты и прочее. «Гдѣ же вамъ фатеру?» Полковникъ показываетъ на свой домъ, а въ немъ жилъ двоюродный братъ ея. Велѣлъ полковникъ выслать изъ него всѣхъ, чтобы ни души не было. Заѣхали на квартéру, наняли отставныхъ солдатъ сторожóвъ, чтобы никто не могъ близко ко двору подойти. На утро является губернаторъ. «А что, господинъ губернаторъ, сберите старичковъ, которые по старше, чья эта квартера? Кто ей прежде былъ хозяинъ?» Губернаторъ созвалъ всѣхъ старéлыихъ людей. Прошло дѣла вѣдь двадцать-пять лѣтъ, того прежняго губернатора давно нѣтъ. И сталъ полковникъ стариковъ выспрашивать: «А что, гдѣ этому дому хозя́вы? Кѣмъ онъ устроенъ?» «Вотъ таковымъ-то», говорятъ,—«купцомъ». «А дѣ же купецъ?» «Померъ». «Кто же послѣ его остался?» «Сынъ его». «А сынъ его гдѣ?» «Онъ женился да и пропалъ». «По какому случаю?» «Да онъ въ Нижній на ярманку поѣхалъ съ двоюроднымъ братомъ, да заѣхалъ въ трактиръ погулять; немножко погуляли да много наговня́ли: онъ имѣнье-то свое и прогулялъ тутъ». «Хоть онъ и много наговнялъ, все же дайте мнѣ знать, съ кѣмъ онъ гулялъ». Старики отвѣчаютъ: «Призовите его двоюроднаго брата и спросите!» Призвали брата, стали спрашивать: «По какому случаю ты въ его домѣ живешь?» «Проспорилъ онъ мнѣ его». Все дѣло полковникъ разузналъ, на бумагу записалъ и въ путь-дорожку собрался, на царскую службу. Пріѣзжаетъ; прослужилъ трое сутки, подаетъ царю лично просьбу: «Не хочу служить, а пожалуйте мнѣ отставку». Самъ царь лично пріѣхалъ, на лицо къ себѣ призывалъ и сталъ спрашивать его: «Что мнѣ не служишь?» Полковникъ говоритъ ему: «Послужилъ, да и будетъ, а теперича не хочу!» Царь ему и говоритъ: «Я съ тебя голову сыму, а въ отпускъ не отпущу!» «Не могу служить, ваше величество!» «Отчего?» «Я — женщина». Царь этому дѣлу удивился. Полковникъ, не стыдясь его, солдатскую одёжу скидалъ и свои груди ему показалъ. Царь наградилъ ее великимъ награжденіемъ и велѣлъ отправить ее отъ этого мѣста куда надо,

на почтовы́хъ. Полковникъ попросилъ себѣ на дорогу деньщика. Царь говоритъ: «Любаго бери!»

Она любыихъ не выбирала, а своего мужа только доставала. Взяла его; наняли почтовы́хъ, сѣли да и поѣхали. Пріѣхали домой, пришли къ губернатору, чтобы онъ велѣлъ чужихъ людей изъ дому выслать. Тотъ велѣлъ. Стали они въ своемъ дому жить да поживать. Приходитъ вечерокъ; она велѣла деньщику коней убрать и въ комнату идти. Онъ идетъ и опасается: «Ахъ, какъ будто такъ не ладно! Мотри, опять будетъ плюхами кормить». Призвала́ его къ себѣ, окошки закрыли и дверь заперли. Поставилъ полковникъ самоварчикъ, налилъ полковникъ графынь водочки. «Нука, садись, деньщикъ, выпьемъ!» Деньщикъ не садится: крѣпко боится. «Теперь не въ полку: бить-то не буду, мы съ тобой дома: отставные». Сѣли, стали чаекъ кушать. «Передъ чаемъ плохой», говоритъ,—«дворянишка и то водочки выпиваетъ». По стаканчику выпили, да по другому, да и по третьему выпили. Полковникъ и говоритъ: «А что, деньщикъ, чей ты, откуда?» Деньщикъ думаетъ себѣ: «Какъ бы ему сказать?» (Онъ хорошо знаетъ, да разказать не смѣетъ, что домой пріѣхалъ). «Я—здѣшній». «Чай знашь чей это домикъ?» Деньщикъ затылокъ почесалъ и въ носу пальцемъ пошевырялъ. «Это домъ мой». «На что ты его промоталъ?» «Я поѣхалъ въ Нижній на ярманку за товаромъ съ двоюроднымъ братомъ; заѣхалъ въ трактиръ...» И разказалъ ему все. «А жена у тебя гдѣ?» «А Богъ ее знатъ! Я завезъ ее въ лѣсъ дремучій и бросилъ. Я думаю давно и живой нѣтъ». «Зачѣмъ въ лѣсъ завезъ?» «Отъ совѣсти людей», говоритъ. «А самъ куды пошелъ?» «Я шлялся и въ охотники нанялся». «А чать тебѣ ее нѣсколько жалко?» «Когда же не жалко». «Чай бы ты ее узналъ». «Въ лицо не знай узнаю ли, а по примѣтамъ узналъ бы». Скинулъ полковникъ съ себя всю одежду и нагишемъ остался. Оборотился къ нему спиной; «Погляди-ка, я не жена ли твоя?» Онъ посмотрѣлъ, у ней на спинѣ примѣты-то всѣ, а спереди-то не переродилось. «Ну что, жена я твоя иль нѣтъ?» «По родинамъ жена». «Садись: давай теперь водку пить, да по прежнему другъ дружку любить!» Водочки напились и на постельку забрались; поцѣловались да обнялось. Проспамши темную ночь, дожили до свѣтлаго дня и отправились къ губернатору, чтобы собралъ величающую сходку. Не

поспѣли этого дѣла закончить, отъ царя указъ поступаетъ губернатору, что кто жилъ въ эфтимъ домѣ до третьяго колѣна рѣшить ихъ жизни. Полковникъ одёжу скинулъ и на мужа надѣлъ. И сталъ онъ отставной полковникъ, а она бабой осталась. Я ее видѣлъ вотъ недавно: какъ жать ѣздилъ, такъ пить заходилъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

19.

Царская собака.

Жилъ былъ старикъ со старухой, и у нихъ единый сынъ былъ. Вздумали они его женить, усватали ему невѣсту, сыграли сватьбу На первомъ случаѣ поѣхали они въ гости, а жена у него была колдунья; жила она съ другомъ, а мужа не любила. Пріѣхали они къ тестю, она взяла его тамъ да собакой и оборотила. Вотъ онъ залаялъ и побѣжалъ. Прибѣжалъ къ отцу съ матерью: «Бавъ, бавъ!» около двора. Пріѣзжаетъ домой одна жена; отецъ съ матерью и спрашиваетъ: «Гдѣ у тебя мужъ?» «Кабы онъ у васъ путный былъ, а то напился да убѣжалъ не знай куда». Отецъ съ матерью поплакали, а кобель-то все на дворѣ живетъ. Вотъ старикъ возьметъ чебачйну, да его чебачиной, а тотъ все терпитъ. Жилъ онъ недѣлю и двѣ—никто куска хлѣба не кинетъ: взялъ да и убѣжалъ въ поле. Поле за̀ поле, дальше да дальше, и присталъ въ полѣ къ пастуху. Вотъ пастухъ ей весьма радъ: самъ на боку лежитъ, а собака стадо пасетъ. И смотрятъ мужики со стороны, спрашиваютъ пастуха: «Гдѣ такую собаку взялъ? Словно ученая». «Въ полѣ пристала». Вошелъ пастухъ въ кабакъ и съ мужиками разговоромъ занялся про нее. Они говорятъ: «Что ты въ кабакѣ пастухъ гуляешь? А кто у тебя стадо пасетъ?» «Пасетъ стадо собака». Они не вѣрятъ. «Давайте спорить объ десяти рубляхъ! Ступайте въ поле, поймайте ягненка. Если она дастъ, то я вамъ десять рублей отвѣчаю, а не дастъ—вы отвѣтите». Пошли; хотѣли поймать ягненка, она ихъ всѣхъ перекусала. Му-

жикъ десять рублей получилъ. Самъ пастухъ въ кабакѣ гуляетъ, а собака стадо домой пригоняетъ. Любилъ ее пастухъ, кормилъ ее тѣмъ, что̀ самъ ѣлъ.

Случилось у царя великое диво: какъ царица родить, лягутъ рожаница съ баушкой спать, а ребенка ни живаго, ни мертваго нѣтъ. Двоихъ родила, и оба пропали. Вотъ царь разослалъ по всей землѣ объявленіе, кто можетъ спасти младенца. Нѣтъ таковыихъ людей, никто не выискивается. Изъ крестьянъ приходятъ къ царю и сказываютъ: «Есть у такого-то пастуха собака; она можетъ у васъ ребенка сохранить». Царь спрашиваетъ: «Гдѣ же его мнѣ найти?» Мужикъ разказалъ. Онъ послалъ за нимъ и за собакой. Нашли ихъ и повезли къ царю. Привозятъ; пастуха привозятъ и собаку приводятъ. Царь ему и говоритъ: «Господинъ пастухъ, продай мнѣ эту собаку и скажи, гдѣ ее взялъ». Тотъ говоритъ: «Въ полѣ ко мнѣ пристала». «Сколько возьмешь за нее?» «Я не могу ее вамъ продать, а могу такъ въ придàно отдать». Царь собаку взялъ, а пастуху на дорогу листъ бумаги написалъ, чтобы въ каждомъ кабакѣ ему гулять безъ денегъ, что въ него влѣзетъ. Пошелъ пастухъ домой и сейчасъ стадо пасетъ.

Царица стала на взнóсахъ; привели баушку, и родила она мальчика. Царь и сказалъ баушкѣ: «Къ рожаницѣ пойдешь и собаку съ собой возьмешь!» Баушка взяла ее съ собой. Богъ имъ робеночка далъ; обмыли они его, въ зыбочку положили, сами отдохнуть легли, и такъ отдохнули, что крѣпко уснули. А собачка подъ лавочкой лежитъ, она ничего не спитъ, во всѣ глазыньки глядитъ. Пришла темная ночь и глухая полунóчь, вдругъ шасть къ нимъ волкъ; выставилъ окно и лѣзетъ въ него, прямо—за зыбочку. Собачка его за ляшечки, да и ну-ну-ну рвать, не даетъ ему бѣжать. Она порядочно ему ляшки нарвала, а онъ ее больше того изорвалъ. Изъ собаки кровь ключемъ бѣжитъ, а волкъ середи полу лежитъ. Вотъ собака схватила волка въ беремя и выкинула его въ окно. Прошла темная ночь. Утромъ встала баушка, глядитъ: робеночекъ цѣлъ, а собака лежитъ вся въ кровѣ. Приходитъ къ нимъ царь, спрашиваетъ: «Что, живы ли вы?» Баушка отвѣчаетъ: «Живы мы, здоровы, и робенокъ слава Богу!» Вотъ собачка бóльно больна, лежитъ въ растяжку: крѣпко съ нимъ устала. Царь поманилъ ее за собой, самъ въ сенóтъ пошелъ. «Господа»,

говоритъ,—«сенатòры, собака мнѣ много заслужила; чѣмъ вы ее будете жаловать?» Тѣ думали, думали и ни одинъ ничего не придумалъ чѣмъ собаку жаловать. Одинъ и говоритъ: «Давайте, нашьемъ на нее золотую нашивку на шею и подпишемъ, что она царская собака». Вотъ собачка ходила и долго проходила, и вздумала уйти на родину. Побѣгла̀ да побѣгла̀; прибѣжала къ отцу. Царь хватился—собаки нѣту, и разослалъ вездѣ приказанія, что кто царскую собаку найдетъ и къ нему представитъ, если старый—до ж и з н и п е́ н с е ю будетъ получать, если мла̀дый—до вы̀расту будетъ поить-кормить; если въ совершенныхъ годахъ—отъ солдатства избавитъ. Вотъ собака къ отцу прибѣжала, а жена-то какъ завидѣла, такъ и узнала, что мужъ пришелъ. Она съ другомъ жила. Другъ увидалъ собаку и говоритъ: «Ахъ, милашка, это собака царская! Царь милость явилъ меня отъ солдатства избавить, я къ нему ее отведу». Жена и говоритъ: «Полно, глупый, это не собака, а это мужъ мой». Она поймала эту собаку, ударила ее о̀бъ землю; онъ и сталъ воробей; зачиликалъ да полетѣлъ. Улетѣлъ на рѣчку, просца поклевалъ и водички ѝспилъ, съ воробушками ночевать въ р ы г у полетѣлъ и сидитъ тамъ. Этой рыги хозяинъ посылаетъ двоихъ дѣтей: «Ступайте, ребята, въ рыгѣ воробьи клюютъ конопли; дырочки всѣ закройте: завтра воробушковъ пойдемъ ловить». Робята пошли въ рыгу и дырочки заткнули. Приходитъ утро. Хозяинъ пришелъ на гумно воробушковъ ловить. Всѣхъ воробушковъ изъ рыги выпустилъ, одного поимали. Попалъ онъ сердешный въ руки, натерпится му̀ки. Поималъ его хозяинъ, принесъ домой; наточилъ вострый ножъ и отрѣзалъ ему голову ударилъ его объ сыру землю, и сталъ онъ такой же человѣкъ, какъ прежде былъ. И смотритъ на хозяина: «А, спасибо тебѣ, хозяинъ, что не зарѣзалъ». «Тебѣ спасибо, что ты меня въ домѣ поималъ, порядочно ты мнѣ», говоритъ,—«г о р я ч к и - т и н а р в а л ъ, какъ за робенкомъ-то я лѣзъ. Я теперь тебя вижу. Когда я въ царскій домъ за робенкомъ то приходилъ, ты меня хоть изгрызъ, да въ окошко выкинулъ. Кабы не кинулъ, я бы тутъ всю ночь пролежалъ; пришелъ бы царь и меня бы убилъ. Робятки вотъ это у меня—ца̀рски дѣти оба. На-ка вотъ тебѣ прутикъ и ступай домой. Хозяйка твоя съ дру́гомъ на постели: жену-то ударь», говоритъ,—

«разъ, а друга то два разъ: ты будь, жена, кобыла, а ты, другъ, будь меренокъ! Впряги въ соху да пахать и поѣзжай!»

Онъ такъ и сдѣлалъ. Сказка вся и сказывать нельзя.

(Абрамъ Новопольцевъ).

20.

Дѣвушка Снѣжурочка.

Жилъ былъ старикъ со старухой. Не было у нихъ дѣтей ни единаго. Вотъ они пошли зимой на дворъ; выпалъ молодой снѣгъ. Они нажали бѣлаго снѣгу комъ, положили его въ ступу и сдѣлали дѣвушку Снѣжурочку, отличну красавицу. Вотъ она росла не по днямъ, а по часамъ, и выросла такъ великолѣпно; и шабрёнки были у ней ближнія дѣвушки, маненьки. Приходятъ шабрёнки къ старику со старухой. «Дѣдушка и баушка, пустите дѣвочку Снѣжурочку съ нами по ягоды!» «Возьмите, да не потеряйте!» Ну и пошли въ лѣсъ по ягодки. Всѣ дѣвушки домой пришли, а вѣдь она была безтолкова: въ лѣсу заплуталась, и теперь тамъ. Напала на нее Яга Баба и унесла домой; заставила ребенка качать. Вотъ она его качаетъ да приговариваетъ:

А баю, баю, баю!
Шелудякъ, пестякъ!

Услыхала его мать, стала дѣвушку ругать. «А не такъ, б...ь, качашь и не такъ слова говоришь! А вотъ какъ говори:

А баю, баю, баю!
Вотъ боярскій сынъ!
На ноженькѣ—сапожки,
На рученькѣ—перстенекъ!

Онъ и уснулъ. Она вышла на завалинку, сидитъ и поплакиваетъ дѣвушка Снѣжурочка во тёмномъ лѣсу.

Гонится овечье стадо. Подбѣгаетъ къ завалинкѣ баранъ. «Бя, дѣвушка Снѣжурочка, что ты горько плачешь?» «Какъ мнѣ, баранъ, не плакать: меня Яга Баба домой не пускатъ!» «Садись

на меня, я тебя домой увезу!» Она сѣла. Вотъ баранъ бѣжитъ да больно часто сикаетъ, а его Яга Баба догоняетъ. Барана Яга Баба догнала и дѣвушку Снѣжурочку отняла. Привела домой, заставила опять дитю качать. Вотъ она его качаетъ да приговариваетъ:

А баю, баю, баю!
Шелудякъ, пестякъ!

Услыхала Яга Баба, стала дѣвушку бранить. «Не такъ, б...ь, качашь и не такъ слова говоришь! А вотъ какъ говори:

А баю, баю, баю!
Вотъ боярскій сынъ!
На ноженькѣ сапожокъ,
На рученькѣ перстенекъ!

Онъ и уснулъ. Дѣвушка Снѣжурочка на завалинкѣ сидитъ и поплакиваетъ. Гонится бычиное стадо. Черный быкъ къ ней подбѣгаетъ. «Что, дѣвушка Снѣжурочка, плачешь?» «Какъ мнѣ, Черняюшка, не плакать: я одна разъединая дочь у батюшки и у матушки, и то меня Яга Баба домой не пускатъ». «Садись-ка на меня!» «Э, гдѣ тебѣ? Меня баранъ и тотъ не довезъ». «Я увезу, только ж..у мнѣ соломой заткни». Дѣвушка Снѣжурочка на бычка села, ж..у соломкой заткнула. Бычекъ бѣжитъ, только земля дрожитъ. Яга Баба хватилась, дѣвушки Снѣжурочки нѣту, Сѣла на желѣзную ступу, да желѣзнымъ пестомъ погонятъ, гонитъ, гонитъ, приговариваетъ: «Гòлонъ, гòлонъ, голынчачъ, голынчачъ!» Бычка догнала, хотѣла дѣвушку снять, а Черняюшка дѣвушкѣ наказалъ: «Какъ она будетъ тебя сымать, ты ж..у мнѣ ототкни: я буду ей въ глаза дристать!» Яга Баба быка догнала, хотѣла Снѣжурочку отнять, а вотъ дѣвушка Снѣжурочка быку ж..у ототкнула... Окатилъ Ягу бычекъ съ головы до ногъ и глаза ей залѣпилъ и въ три шеи проводилъ. Пріѣхала Снѣжурочка къ отцу съ матерью, стала съ ними жить.

(Абрамъ Новопольцевъ).

21.

Чудесная дудка.

Жилъ былъ старикъ со старухой. У нихъ было три дочери. Поѣхалъ отецъ на базаръ и говоритъ: «Дочери мои умны, дочери мои разумны, чего мнѣ вамъ купить?» Большая говоритъ: «Купи мнѣ платочекъ». Середня говоритъ: «Купи мнѣ рукавчики!» А меньшая говоритъ: «Купи мнѣ красненькій кубчикъ». Поѣхалъ отецъ на базаръ, купилъ большой дочери платочекъ, середней—рукавчики, а третьей дочери—красненькій кубчикъ. Приходитъ теплое лѣто, поспѣли въ бору ягодки; сбираются всѣ три дочери по ягодки. Берутъ двѣ старшихъ по блюдечку, а малая взяла красненькій кубчикъ. Пошли; набрали по посудкѣ. У большой-то ѣсть нельзя, у середней-то въ ротъ не возьмешь—подавишься, да прочь уйдешь, а у малой-то любёхонько, больно краснёхонько. Разъ сходили, во второй пошли. Вотъ большая-то сестра средней и говоритъ: «Давай-ка, сестрица, малую ту сестру убьемъ, ягодки себѣ возьмемъ!» Убили и скоронили; кубчикъ разбили, а красныя ягодки домой понесли. Тятенька спрашиваетъ: «Гдѣ же у васъ малая сестра?» Сказываютъ онѣ, что въ лѣсу далеко ушла. Нынче ждать да пождать, безъ вѣсти пропала и топѣря нѣтъ. Нельзя ей домой придти: въ землѣ зарытая лежитъ; на могилѣ дягилёкъ растетъ, на вершиночкѣ цвѣточекъ цвѣтетъ.

Той большой дорогой идетъ баринъ-дворянинъ, на цвѣточекъ поглядѣлъ, слѣзъ съ повозки и срѣзалъ цвѣточекъ, сдѣлалъ изъ него дудочку, взыгралъ на ней; полились у него изъ глазъ слезы; не дудочка дудитъ, дѣвица словами говоритъ:

Ты пыграй, ты пыграй,
Родной дяденька!
Не ты меня погубилъ,
Не ты меня потерялъ:
Погубили, потеряли
Двѣ сестры родимыихъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли

За красныя ягодки
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ к у б ц а з е л е н а г о!

Баринъ изумился. «На-ка, кучеръ, поиграй!» Сталъ кучеръ играть; дудочка стала громче кричать:

Ты пыграй, ты пыграй,
Родной дяденька!
Не ты меня погубилъ,
Не ты меня потерялъ:
Погубили, потеряли
Двѣ сестры родимыихъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягодки
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленаго!

Сѣли, поѣхали. Пріѣхали въ село, подъѣхали ко двору. «Хозяинъ, пусти ночевать!» Хозяинъ ихъ ночевать пустилъ, въѣхали они, убрали коней, взошли въ горницу. Стали ужинъ собирать, поужинали. Проѣзжій и говоритъ: «А послѣ хлѣба-соли нельзя ли, хозяинъ, въ дудочку поиграть?» «Поиграй», говоритъ. Вотъ баринъ и заигралъ:

Ты пыграй, ты пыграй,
Родной дяденька!
Не ты меня погубилъ,
Не ты меня потерялъ:
Погубили, потеряли
Двѣ сестры родимыихъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягодки
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленаго!

И даетъ дудочку хозяину. «На, поиграй!» Хозяинъ взялъ и сталъ играть:

Ты пыграй, ты пыграй,
Родной тятенька!
Не ты меня погубилъ,

Не ты меня потерялъ:
Погубили, потеряли
Двѣ сестры родимыихъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягодки
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленаго!

Думаетъ онъ себѣ: «Что такое?» «На-ка, старуха, поиграй!» Что-то я не разслушалъ». Старуха взяла дудочку, стала играть:

Ты пыиграй, ты пыиграй,
Родна матушка!
Не ты меня погубила,
Не ты меня потеряла:
Погубили, потеряли
Двѣ сестры родимыихъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягодки
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленаго!

Былъ у нихъ одинъ сынъ. «На-ка, сынокъ, поиграй!» Сталъ сынокъ играть; дудочка и говоритъ:

Ты пыиграй, ты пыиграй,
Родной братенко!
Не ты меня погубилъ,
Не ты меня потерялъ:
Погубили, потеряли,
Двѣ сестры родимыихъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягодки
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленаго!

Братъ отдалъ дудочку большой сестрѣ. «На-ка, сестрица, поиграй!» Дудочка и запѣла:

Ты пыиграй, ты пыиграй,
Родна сестрица!

А ты меня погубила,
А ты меня потеряла
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягодки
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленаго!

Отецъ и говоритъ: «Ну-ка, дайте средней-то!» Дудочка опять запѣла:

Ты пыиграй, ты пыиграй,
Родна сестрица!
А ты меня погубила,
А ты меня потеряла
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягодки
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленаго!

Отецъ взялъ ножичекъ и разрѣзалъ дудочку, а она тамъ сидитъ, живая. Онъ на утро всталъ, двухъ дочеревъ на ворота посадилъ, изъ ружья разстрѣлялъ, а съ этой сталъ жить да быть.

(Абрамъ Новопольцевъ).

22.

Уточка Золотой хохолокъ.

Жилъ былъ одинъ человѣкъ, ружейникъ, съ хозяйкой. Жили они богато. Хозяйка у ружейника была распутная: съ купцомъ водилась. Мужъ ея по ночамъ сѣти ставилъ, а днемъ съ ружьемъ ходилъ. Разставилъ онъ на ночь три сѣти; по утру всталъ, смотрѣть пошелъ. Въ одной нѣтъ ничего, въ другой нѣтъ ничего; въ третью посмотрѣлъ: видитъ — уточка Золотой хохолъ и на лбу подпись: «Кто съѣстъ головку, тотъ будетъ купецъ, а кто сердечко

съѣстъ, тотъ будетъ царь». Принесъ онъ ее въ домъ и отдалъ хозяйкѣ на сбереженье; позавтракалъ и пошелъ съ ружьемъ. А у нихъ въ училищѣ было два мальчика, лѣтъ по двѣнадцаты, и у нихъ былъ поваръ нанятой.

Полюбовникъ купецъ пришелъ, хозяйка ему обрадовалась и говоритъ: «Ахъ, милый мой, какую птицу хозяинъ пымалъ!». Купецъ говоритъ: «Покажи какая!» Она показала. Купецъ прочелъ и говоритъ: «Вотъ что: кабы ты ее мнѣ зарѣзала, вѣкъ бы съ тобой не раздружились!» «Какъ же», говоритъ,—«мнѣ вѣдь хозяинъ строго наказалъ ее блюсти?» «Вырвалась, скажи, да улетѣла, повѣсу тебѣ за это не будетъ. Ну, поваръ, зарѣжь ее, ожарь!» Поваръ зарѣзалъ, ожарилъ ее. Покуда уточка жарилась, купецъ домой ушелъ, замѣшкался тамъ, а робята пришли. «Дай, поваръ, намъ поѣсть!» Онъ одному далъ сердечко, другому головку. Робята поѣли, побѣжали на дворъ играть. Купецъ пришелъ. «Поваръ», кричитъ,—«давай жаркое-то!». Подали жаркое. «А гдѣ головка съ сердечкомъ?» «Да робятамъ отдалъ». «Ну, такъ мнѣ это не нужно». «Зарѣжь-ка», говоритъ,—«робятъ, вынь изъ нихъ сердца а то брошу!» (Это онъ хозяйкѣ-то и говоритъ). Та задумалась. «Ну, поваръ, зарѣжь моихъ робятъ, пускай будетъ по его!» А поваръ добрый былъ и говоритъ робятамъ: «Идите съ Богомъ!» Зарѣзалъ кутятъ, а тѣ ушли въ лѣсъ.

Много ли, мало ли шли, пріустали; на островѣ черныхъ ягодъ нашли; наѣлись и нарвали. Смотрятъ на себя, и стали они какъ скотина въ шерсти. Пошли лѣсомъ дальше, нашли красныхъ ягодъ. Поѣли и этихъ. Съ этихъ ягодъ стали они еще лучше, чѣмъ до этого были. Взяли и красныхъ въ запасъ; дошли до царскаго дворца, начали ягоды продавать. Царевна высылаетъ служанку за ягодами, денегъ съ ней выслала. «Продайте!» «Мы», говоритъ,—«за деньги не продаемъ, а такъ дадимъ. Вышлите самоё царевну» Царевна вышла. Они ей красныхъ ягодъ не казали, а черныя ей понравились. Она заплатила деньги, и скорымъ бытомъ пошли они въ другое село, верстъ за тридцать въ сторону. Покуда царевна шла, все ѣла по ягодкѣ и сдѣлалась въ шерстѣ, подобно скотинѣ. Ея и не узнали. Никакіе лѣкаря царевну не могли излѣчить. Государь указы послалъ: «кто мою дочь излѣчитъ, за того замужъ отдамъ». Робята услыхали и пишутъ во дворецъ: «Ежели

вы», говоритъ,—«сдѣлате Божеску правду, то мы вылѣчимъ. Мы вотъ тамъ-то живемъ». Императоръ посылаетъ къ нимъ. Привезли. Они велѣли истопить царевнѣ баню и въ баню ее взяли. Тамъ они съ ней вымылись и дали ей красныхъ ягодъ; все съ нея и спало. Дочь излѣчили, привели во дворецъ. Царь отдалъ ее за старшаго, а второму возлѣ дворца купеческій домъ выстроилъ. Пожили они и поѣхали домой. Пріѣхали въ село не по мужицки, а въ каретѣ, и спрашиваютъ: «Гдѣ этто мужикъ ружейникъ жилъ? Онъ птицей занимался... Намъ птицу бы надо». Имъ показываютъ: «Вонъ дѣ!» «Они прежде, слышно, жили хорошо?» «Да», говорятъ имъ,—«и поваръ у нихъ былъ, да два мальчика безъ вѣсти пропали: жена у мужика этого распутничала, съ купцомъ водилась». Подъѣхали къ своему дому, кричатъ подъ окошко: «Ружейникъ здѣсь?» «Здѣсь». «Есть нонче что ли?» «Нѣтъ, батюшка, я мало нонче занимаюсь этимъ». Вышелъ отецъ, спрашиватъ: «Вы откудова?» Они дальше да больше. «Да, родимы, у меня вотъ два мальчика пропали». И сталъ про жену разказывать. Мать-то видно дѣтей признала, отошла въ другую комнату и удавилась. Старикъ смотритъ, а она мертвая. Поглядѣлъ онъ на робятъ, призналъ и говоритъ: «Ахъ, батюшки вы мои, не мои ли вы дѣтки?» «Да, батюшка, твои, а матушка насъ зарѣзать хотѣла; пущай виситъ! Взяли и увезли отца съ собой.

23.

Оборотень.

Жилъ былъ старикъ со старухой. Былъ у нихъ одинъ сынъ, и вздумали они его женить; поѣхали въ иное село и невѣсту нашли и женили. Зятя теща больно не любила: пріѣхалъ тотъ съ женой къ нимъ на праздникъ, она его волкомъ и оборотила. Оборотила волкомъ и пустила въ чистó поле. Жена утромъ хватилась—мужа нѣту, и не знаетъ гдѣ взять. Поѣхала она домой къ

родной мужниной матушкѣ. Пріѣзжаетъ. Отецъ и спрашиваетъ у невѣстки: «Гдѣ сыночекъ нашъ, а твой-то муженекъ? Отвѣчала невѣстка съ горькими слезами: «А онъ пропалъ». И живутъ трое сиротами. Обращенный же волкъ влѣзетъ къ нимъ на сарай и лежитъ да лежитъ, громко воетъ, и сусѣды на него глядятъ, хотятъ убить. Онъ повылъ да и въ лѣсъ побѣжалъ; встрѣчаетъ волковъ и побѣжалъ съ ними врядъ. Вотъ русскіе волки въ чистомъ полѣ ѣдятъ скотинушку и ему оставляютъ; а онъ понюхаетъ да и прочь пойдетъ; потому прочь пойдетъ, что зубъ не беретъ. Вотъ случилась у нашего царя великая война. Волки собрались и говорятъ: «Айда-те-ка, братцы, туда!» Собрались и пошли, къ богатому мужику на зады зашли. У богатаго мужика собачка строга, на цѣпѣ была привязаная; громкимъ голосомъ покрикивала, волкамъ приговаривала: «Охъ вы, рыкающіе звѣри волки, счастливые вы! Я въ младыихъ лѣтахъ знала бы что съ вами дѣлала. Вотъ собачка кутеночкомъ была. Вы ступайте-ка туда, куда вздумали идти, а нельзя ли оттоль въ гости ко мнѣ зайдти? Я въ силушку взойду, васъ по гумну разгоню!» Сходили волки, гдѣ у нашего царя собиралася война. Были тутъ да и побывали, поглядѣли и назадъ пошли, и къ кутеночку зашли. Вотъ увидѣла ихъ собачка да съ сердцемъ вскричала: «Охъ вы, волки да сѣрые волки, счастливые волки, мой хозяинъ крѣпко спитъ!»

Хозяинъ ото сна пробуждался и больно собачкѣ дивовался, что она крѣпко лаетъ, приговариваетъ: «Вотъ кабы вышелъ ко мнѣ хозяинъ», говоритъ собачка волкамъ,—«да и спустилъ бы меня съ цѣпи, знала бы я съ вами что подѣлала!» Хозяинъ вышелъ, отвязалъ собачку, отворилъ воротички и пустилъ ее на гумно. Собака начала ихъ хватать, не поспѣютъ они изъ снѣгу махать. Какъ котораго цопнетъ, и убьетъ. Вотъ одну половину побила, а другу разогнала. Хватила собачка обрачёнаго волка, хватила да легонько и бросила да ушла. Вернулась домой. Пришла красная весна, поѣхали мужички во чистоѣ поле пашенку пахать, а обращеный волкъ пошелъ по полю гулять. По полю гуляетъ, на силу ноги таскаетъ, и говоритъ: «Ахъ, господа, да кабы кто меня убилъ». Идетъ путемъ-дорогой: пашетъ въ чистомъ полѣ дьячекъ, у него голенькій бочокъ. Дьячекъ и говоритъ: «Охъ ты, сѣренькій волчокъ, подь-ка сюда: я тебя въ одно мѣсто пошлю!» Сѣрый волкъ и ду-

маетъ: «Да онъ не дастъ ли мнѣ тычокъ? Пойду къ нему». Волчекъ идетъ, унывно завываетъ, себѣ смерти дожидаетъ. Дьячекъ его взялъ, да ударилъ разокъ: «Да будетъ тебѣ, удалый молодецъ, по полю гулять и гладомъ помирать; пора тебѣ идти домой къ своей матери родной!» Оборотилъ его дьячекъ мужичкомъ, и какъ былъ молодецъ. Власа́ его до пять; на пальца́хъ ногти по три четверти; идетъ къ своему батюшкѣ домой, и испугался его батюшка родной. И говоритъ: «А что это, гдѣ ты былъ, сынокъ?» Вотъ сынокъ его горько заплакалъ и говоритъ: «Охъ батюшка родной, я волкомъ былъ». «А кто тебя оборотилъ?» «Злодѣйка теща». Старичекъ ударилъ во сполóгъ, а сына въ церкву поволокъ. Всѣ сбѣжалися, на его страшно дивовалися и спрашиваютъ: «Кто тебя такъ обернулъ?» Отвѣчалъ молодецъ: «Вотъ кто: злодѣйка теща! Волкомъ оборотила, во чисто́ поле пустила, а спасибо дьячку, голенькому бочку: онъ меня воскресилъ, на вольный свѣтъ пустилъ».

Ста́ры старики, пожилы́е мужики собрались да и пошли къ его тещѣ. Взяли ее, поимали, на столбу ее разстрѣляли и въ яму закопали. А онъ съ хозяйкой сталъ по прежнему жить да быть.

(Абрамъ Новопольцевъ).

24.

Тига-мельникъ.

Въ одномъ селѣ жилъ помѣщичій крестьянинъ на мельницѣ, звали его Ти́гой, а фамилья Мельниковъ. Отъ роду ему было семнадцать лѣтъ. Когда былъ живъ отецъ, и жили они на мельницѣ у барина, хватало имъ пищи, и всѣ нужды исправляли. Померъ отецъ; что́ осталось, сынъ все прожилъ. Разъ легъ Тига на́ печь и думаетъ: «Чѣмъ я буду кормиться? Воровать боюсь, работать лѣнюсь, а ѣсть хочется». Дожилъ до воскреснаго дня и пошелъ въ городъ на базаръ; надѣлъ худенькій кафтанишко и отцовъ малахай. Идетъ красными рядами; напротивъ лавочки всталъ,

стряхнулся, припрыгнулъ и говоритъ: «Эхъ, потягался бы, да не съ кѣмъ!» И пошелъ дальше. Вернулся опять, дошелъ до этаго мѣста, всталъ, встряхнулся, припрыгнулъ и говоритъ: «Эхъ, потягался бы да не съ кѣмъ!» Въ одной лавочкѣ два брата краснымъ товаромъ торговали и говорятъ: «А что, не взять ли его въ работники годовъ на десять?» «Можно. Мы его кликнемъ какъ вернется». Возвратился Тига, всталъ, встряхнулся, припрыгнулъ и говоритъ: «Эхъ, потягался бы да не съ кѣмъ!» «Поди-ка сюда, молодецъ! Ты чей?» «Я вотъ Митрія мельника сынъ». «Знаемъ очень хорошо». «А меня Тигой зовутъ». «Знаемъ, знаемъ твово отца; проходя назадъ тому лѣтъ десять, твой отецъ тысячу рублей занималъ у насъ». «Да», отвѣчалъ Тига. «Такъ нельзя ли ихъ отдать или заработать?» «Что же, я могу заработать, только такъ не пойду, а пойдемте въ нижній земскій судъ распишемся». Обрадовались лавочники: «Пойдемъ!» Взяли Тигу, приходятъ, кланяются судьямъ, что вотъ такой-то занималъ тысячу рублей десять лѣтъ тому назадъ, желаемъ молъ этого мужика взять, чтобы онъ ихъ заработалъ; одѣнемъ его и обуемъ: «Ну, какъ же, братецъ», говорятъ судьи:—«ты желаешь заработать?» «Господа судьи», говоритъ Тига,—«позвольте мнѣ слово молвить. Я съ удовольствіемъ бы заработалъ, да вѣдь вы видите я въ чемъ. Мой отецъ занималъ десять лѣтъ назадъ, и они брали процентъ по двѣсти рублей въ годъ. За что же я буду имъ работать? Я отъ процентовъ разорился». Судьи разсудили такъ, что лавочники виноваты остались: должны они тысячу рублей Тигѣ выплатить. Заспорили лавочники, что денегъ отцу Тигиному не давали; а судьи говорятъ: «Судъ не глупитъ!» Приказали деньги принести сейчасъ; за смѣхъ надъ судомъ—по двадцати-пяти розогъ въ ж..у лавочникамъ. Вскричали полицейскихъ и выдрали. Бѣгутъ оба лавочника изъ суда и горько плачутъ. «Вотъ, братъ, не сообразились мы!» Идетъ встрѣчу барышня. «Что вы плачете?» «Да вотъ нарвались на Тигу, мельникова сына». «Это мужъ мой; погодите, я ворочу все. Пойдемте со мной! Онъ бродяга, прохвостъ». Приходитъ женщина въ нижній земскій судъ, раскланялась судьямъ и плачетъ сама: «Это мой мужъ. За что вы купцовъ обидѣли? Онъ пьяница, мотыга». Судьи говорятъ: «Тига, это твоя жена?» «Моя! Сейчасъ только вижу». «Ну,зачѣмъ же ты ее согналъ?» «Я ея не согонялъ,

господа судьи;—«она связалась съ помѣщикомъ и бросила меня. Она у меня унесла денегъ семьсотъ рублей и на семьсотъ рублей одёжи; потому я и остался видите въ чемъ». Судьи приказали послать въ ея домъ и запечатать сундуки, узнать, правду ли онъ говоритъ. Полицейскіе запечатали. Судьи пришли и все нашли что̀ Тига говорилъ. «Ну, какъ же ты мужа бросила и столько у него унесла? Вороти все!» Она стала отказываться. «Какой это мой мужъ? Онъ померъ, мой-то мужъ». Судъ и говоритъ: «Нѣтъ, голубушка, судъ не любитъ шутить. Отдай!» За смѣхъ с у д а—пятьдесятъ розогъ въ ж . . у. Отобрали у ней деньги и одежу, и Тигѣ отдали. Онъ двѣсти рублей тутъ за хлопоты израсходовалъ, а полторы тысячи рублей ему осталось. Пришелъ домой и думаетъ: «Ну, вотъ ни съ чего Богъ далъ мнѣ денегъ!» Завелъ небольшую лавочку, сталъ торговать и расторговался, такъ что краснаго товару лавку завелъ и заторговалъ какъ богатый купецъ. Сидитъ и думаетъ: «Вотъ я жилъ въ бѣдности и ни съ чего пью-ѣмъ готово, ношу припасёно и не работаю». Мать видитъ, что онъ расторговался: «Время», говоритъ,—«сынокъ, тебѣ жениться». «Что же, мамынька, время». Сталъ невѣсту сватать, на самомъ концѣ села въ кельенкѣ у вдовы дочь. Вдова съ радостью отдаетъ за него; невѣста тоже согласна. Черезъ нѣсколько в р е м я далъ онъ имъ денегъ с о б р а т ь сватьбу. Бѣдная вдова собрала какъ надо, и въ праздникъ пирушку сдѣлали, и обвѣнчался Тига. Жили они в л ю б ѣ съ женой нѣсколько время; только замѣчаетъ Тига, что чай жена съ нимъ пьетъ, а ни обѣдать, ни ужинать не садится.

Въ страдное время собрались прикащики къ его лавкѣ, говорятъ: «Ну что, Тига, ты влюбѣ съ женой живешь? Ничего не замѣчаешь?» «Ничего, только не обѣдаетъ, не ужинаетъ». «Ты вотъ что̀ сдѣлай: приди домой вечеромъ пораньше, скажи: собирай ужинать! Если не сядетъ—ложись, только не спи, а смотри за нею!»

Пришелъ Тига домой: «Собирай ужинать!» Та собрала. «Садись!» «Нѣтъ, я недавно чай пила, не хочу». Онъ поужиналъ. «Стели постель!» Постлала̀. Онъ легъ спать и смотритъ. Она легла съ н ё м ъ, полежала, п о л а̀ п а л а его руками, ч т о онъ спитъ; тихо слѣзла и—на дворъ. Онъ—за нею. Тамъ ихъ одиннадцать сестеръ. Выкопали покойника, разрѣзали по куску и говорятъ между собой: «Что ея долго нѣтъ?» Она и бѣжитъ. «А ты скорѣе!» Онъ уви-

далъ это дѣло, на немъ волосы встали дыбомъ. Она подошла къ нимъ; ей кусокъ человѣчьяго мяса подали, и давай ѣсть. Онъ прибѣгъ домой, легъ и уснулъ. Она пришла, вымыла въ роту и легла съ нёмъ. Утромъ Тига ушелъ въ лавку, молчитъ. Не приходилъ чай пить вплоть до обѣда. Пришелъ обѣдать. Собрала она ему. «Садись, хозяйка!» «Недавно обѣдала», говоритъ. «Эхъ, хозяйка, неужто мертвое тѣло лучше этой пищи?» Скрыгнула она зубами, побѣжала въ чуланъ, нахватала какой-то воды, подбѣжала и прыснула на него: «Не быть тебѣ молодцемъ, быть тебѣ желтымъ кобелемъ!» Взвернулся Тига желтымъ кобелемъ. Она взяла ухватъ и выгнала его на улицу. Собаки увидали и давай его рвать. Забился Тига подъ житницы и лежитъ тамъ. Разъ утромъ пошелъ народъ на базаръ, и онъ съ нимъ бѣжитъ. Пробѣгалъ мимо красныхъ рядовъ, одинъ лавочникъ крикнулъ: «Желтый, желтый!» Онъ виляетъ хвостомъ. Его прикормили калачемъ, и пріучился онъ къ лавкѣ этого торговца. Жила у него собака долго, и кормилъ онъ ее хорошо. Приходитъ разъ теща кобеля и торгуетъ товару на рубль серебра. Набрала́ и подаетъ деньги, а онъ (рубль-то) фальшивый серебряный. «Тетенька, гдѣ взяла, туды и отнеси». «Мнѣ такіе-то дали». «Ну, отнеси. Вотъ у меня желтый и то узнаетъ». Торговецъ положилъ настоящій и фальшивый. «Желтый, который лучше?» Кобель лапой настоящій и указалъ. Теща въ кобелѣ зята узнала и говоритъ ему тихо: «Приди вечеромъ ко мнѣ». Кобель ушелъ, когда хозяина въ лавкѣ не было: прибѣжалъ къ своей тещѣ. Теща нахватала воды, брызнула и сказала: «Не быт тебѣ кобелемъ, быть тебѣ добрымъ молодцемъ!» Обратился онъ въ молодца. «Ну вотъ, быть бы тебѣ кобелемъ, кабы не я!» Тотъ поблагодарилъ. Она и говоритъ: «Не зѣвай, а то она тебя еще сгубитъ. Иди утромъ и гляди, когда она на задній дворъ пойдетъ убираться. Ты скорѣе—въ хату, гдѣ у ней кувшинъ воды стоитъ; нахватай ее въ ротъ и брызни на нее, да и скажи: Не быть тебѣ молодицей, а быть сивой кобылицей!» Онъ такъ и сдѣлалъ: оборотилъ ее сивой кобылицей, обратàлъ, сѣдло подвязалъ, сѣлъ и поѣхалъ. Ѣздилъ на ней въ Казань, изъ Казани въ Рязань, изъ Рязани въ Астрахань, изъ Астрахани въ Самару и домой. Въ четыре часа четыре губѐрни объѣздилъ. И давай ее гонять по своему селу. Вышелъ богатѣющій купецъ и

смотритъ на него. Проѣзжаетъ Тига мимо него. «Тига, подъѣдь сюда на минутку!» Онъ подвернулъ лошадь. «Чего угодно, купецъ?» «За что̀ такъ мучаешь лошадь, что съ нея потъ и кровь даже льетъ?» «Если вамъ это разказывать, такъ долго будетъ». «Пойдемте, пожалуйста, до горницы, разкажите», сказалъ купецъ. Тига слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ верегѣ и пошелъ въ горницу. Налилъ купецъ стаканъ водки и просилъ Тигу разказать. «Ну, для тебя разкажу». И разказалъ все что̀ было, съ самаго начала. Купецъ и говоритъ: «Ну, когда такъ, такъ гоняй, братъ, веселѣе!» Отъ утра и до обѣда онъ на ней ѣздилъ; подъѣхалъ къ кузницѣ и говоритъ кузнецу: «Подкуй мнѣ кобылу!» «Сейчасъ». «А сколько возьмешь?» «Двадцать-пять копѣекъ съ ноги». Отомкнулъ запоры, ввелъ въ станокъ. Кобыла таýрится, а кузнецъ, озорникъ, зашелъ сзади, да запоромъ-то сокъ! Пошла кобыла въ станокъ, ее сейчасъ на лямки. Подковали кобылу, привели домой. Нахваталъ Тига воды, брызнулъ на нее. «Не быть тебѣ сивой кобылицей, а быть тебѣ доброй молодицей!» И стала передъ нёмъ дѣвица—и руки, и ноги въ подковахъ. Сказкѣ конецъ, и я молодецъ.

(Записано въ Симбирскѣ, отъ дворника Алексѣя).

25.

Морока.

Нѣкоторый солдатикъ служилъ на службѣ двадцать-пять лѣтъ; за двадцать-пять лѣтъ получилъ отставку. Двадцать-пять лѣтъ служилъ, царя въ глаза не видалъ. Получилъ отставку и пошелъ домой. Выходитъ изъ городу и думаетъ себѣ: «Что я за дуракъ за солдатъ: двадцать-пять лѣтъ служилъ, царя не видалъ! Спросятъ меня домашніе про царя, чего я имъ скажу?» Взялъ, оборотился и пошелъ въ городъ опять. Идетъ на лицо прямо къ царскому дворцу. Останавливаютъ его сторожа: «Куды, землякъ, идешь?» «А вотъ, царя, землякъ, посмотрѣть: двадцать-пять лѣтъ

служилъ, царя въ глаза не видалъ. Извольте ему доложить». Приближенные царю доложили. Царь велѣлъ позвать солдата на лицо. Солдатъ приходитъ къ царю на лицо, честь ему воздаетъ. Царь говоритъ: «Здравствуй, землякъ!» «Здравія желаю, ваше царское величество!» «Чего вамъ нужно?» «Лицо ваше посмотрѣть: двадцать-пять лѣтъ прослужилъ, васъ въ лицо не видалъ». Становитъ ему царь стулъ и сажаетъ его въ стулъ, и говоритъ: «Посиди, солдатъ, на стулѣ, покóль тебя черти не вздули!» Сѣлъ солдатъ и сидитъ. Царь и говоритъ: «А что, солдатъ, загануý я тебѣ загадку!» Загадулъ царь солдату загадку: «А сколько, солдатикъ, свѣтъ великъ?» «А не очень, ваше царское величество, свѣтъ великъ: въ двадцать-пять часовъ солнышко кругомъ обходитъ». Царь сказалъ: «Правда, солдатъ, а вотъ я еще загануý: сколько отъ земли дó неба высоты?» «Не очень, ваше царское величество, отъ земли дò неба высоко: тамъ стучитъ, здѣсь слышно». «Правда. А еще тебѣ я третью загануý: а сколько морская глубина глубока?» Солдатъ и говоритъ: «Ну, ваше царское величество, тамъ не извѣстно: у насъ былъ дѣдъ семидесяти лѣтъ, ушелъ на тотъ свѣтъ и топèрь его нѣтъ». «Правда, солдатъ», сказалъ царь. Вынимаетъ царь солдату въ награжденье двадцать-пять рублей. Солдатъ получилъ ихъ и прямо въ трактиръ. Сутки погулялъ, десять золотыхъ прогулялъ. «Вотъ», говоритъ солдатъ трактирщику,—«на тебѣ мой четвертной билетъ, я пойду тебѣ золота добывать». Пошелъ на базаръ, купилъ на три копѣйки красную морковь, сдѣлалъ десять золотыхъ, приноситъ и отдаетъ. «Извольте, сударь!» Онъ золото принялъ, четвертной билетъ назадъ отдалъ, а золото въ шкатулочку положилъ. Вотъ господину трактирщику захотѣлось золото поглядѣть; хвать—морковные кружки! Беретъ онъ солдата за шиворотъ и тащитъ къ царю на лицо. Морковные кружки въ карманъ поклалъ; приходитъ къ царю на лицо, произноситъ на солдата жалобу, что онъ прогулялъ у него десять золотыхъ, отдалъ десять морковныхъ кружковъ. Говоритъ солдатъ: «Ваше царское величество, велите ему показать, чѣмъ я раздѣлàлся». Трактирщикъ вынимаетъ изъ кармана—какъ волото изъ чекану! «Видите, ваше царское величество, чѣмъ я раздѣлался». «Молодецъ-солдатъ, сядь-ка, побесѣдуй со мной, а вы, трактирщикъ, можете отправиться». Сказалъ царь солдату: «Ну-

ка, солдатикъ, пошути надо мной шутку, да лёгоньку!» «Могу, ваше царское величество! Сядьте на диванъ, посмотрите, который часъ». «Первый въ начйнѣ». Вдругъ дверь у-у-ухъ!! Полна комната воды. Затопило царя на диванѣ по шейку. Царь ударился изъ дому бѣжать. И на дворѣ-то ему вплавь. Домъ у него былъ трюетажный и лѣстница на всѣ етажи; онъ забрался туды, и покрыла матушка полая вода всѣ темные лѣса. Сидитъ на конёчкѣ, захлёбывается. Является передъ нимъ лодочка. Бряхъ въ лодку! И поднялся вѣтеръ, и айда—его унесло Богъ знатъ куды! Стала вода пропадать и пропала, и стало сухо. Остался царь на землѣ и не знатъ гдѣ. И такъ крѣпко поѣсть захотѣлъ. Идетъ старушка съ булочками. «Пожалуй, баушка, сюды, продай-ка за три копѣйки булочку!» Она подходитъ, ему подноситъ. «Охъ, ваше царское величество, булочки-то больно жестки, а вотъ ночевочки-то на-те подержйте, я вамъ мяконькихъ принесу». Ночёвки царь держитъ; является къ нему солдатъ квартальный, фамилія Борисовъ, и говоритъ: «Чего ты тутъ держишь?» «Вотъ булочки». «Ну-ка, я посмотрю». Поглядѣлъ—человѣчьи головы. Квартальный его цопъ—въ часть. Предали его суду. Завтра—на окружный судъ. Обсудили его на годъ въ острогъ; послѣ того наказать девяносто разъ и навѣчно въ каторгу. «Охъ», сказалъ царь,—«вотъ же да солдатъ! Что онъ сдѣлалъ надо мной!» Въ теченіи время подъѣзжаютъ сейчасъ къ острогу, посадили его задомъ напередъ и повезли на шафотъ. Одежду съ него скинули, на кобылу его привязали, и подходитъ палачъ, беретъ онъ двухвостный кнутъ, какъ размахнулся да фòркнулъ, да сказалъ: «Разъ!»—онъ въ превелику закричалъ: «А, батюшки!»

Приближенные стояли у дверей, испугались, побѣжали въ горницу, смотрятъ: солдатъ сидитъ въ стулѣ, царь сидитъ на диванѣ. «Ну, да спасибо тебѣ, солдатъ, пошутилъ ты надо мной хорошо». Говоритъ ему солдатъ: «Посмотрите-ка, ваше царское величество, въ какѣимъ часу мы съ тобой сѣли». Царь думалъ, что время-то годъ прошло, а всего одинъ часъ. Написалъ царь своерўшное письмо—за насмѣшку ему волчій билетъ, нигдѣ чтобъ его не держать. Взялъ солдатикъ и пошелъ. Приходитъ въ деревню; тутъ народъ стоитъ кучей. Солдатъ и говоритъ: «Миръ вашему стоянью; пустите ночевать». Одинъ старичекъ говоритъ: «Пой-

демъ ко мнѣ. Да не умѣшь ли ты сказки сказывать?» «Можно, дѣдушка, и сказать». «Ну-ка, скажи!» «А что тебѣ одному сказывать? Чай у тебя есть семейка?» «Есть два сынка, двѣ невѣстки». «А вотъ то и хорошо: когда они прійдутъ въ хату, всѣ и послушаютъ». Сошлись всѣ въ хату, сѣли да и поужинали; и легли дѣдушка съ солдатомъ на полàтки. Дѣдушка и говоритъ: «Ну-ка, солдатикъ, скажи сказку!» «А вотъ невѣстки сидятъ: я сказки-то вѣдь помàтерно сказываю». Старикъ и крикнулъ: «Невѣстки, живо спать!» Невѣстки постельки постлали и спать легли. «Ну, солдатикъ, скажи теперь!» «А чего я тебѣ скажу: посмотри-ка кто мы? Ты то медвѣдь, да и я то медвѣдь». Старикъ пощупалъ: «И самъ то медвѣдь, и солдатъ то медвѣдь». «Нечего намъ съ тобой», говоритъ солдатъ,—«на полатяхъ лежать, надо въ лѣсъ бѣжать. А мотри, дѣдушка, въ лѣсъ убѣжимъ, тамъ насъ охотники убьютъ. Если тебя, дѣдушка, убьютъ, такъ я черезъ тебя перекувыркнусь, а если меня убьютъ, ты черезъ меня. Будемъ оба живы». Прибѣжали въ лѣсъ; являются охотники, грохъ въ солдата, и убили его. Старикъ стоитъ въ лѣсу, смотритъ. «Что же я буду дѣлать?» думаетъ старикъ; «вѣдь онъ мнѣ сказалъ перекувыркнуться». Махнулъ черезъ него, да грохъ на полъ, и закричалъ превеликіимъ голосомъ: «А, батюшки, убился!» Невѣстки огонекъ вздули, подняли его съ полу. Онъ думатъ, что въ лѣсу, анъ съ полатей брякнулся и расшибся весь. Старикъ всталъ да и говоритъ: «Выгоньте его, злодѣя: убилъ онъ совсѣмъ меня!» Солдатъ всталъ и ушелъ, куды знаетъ, а старикъ и топерь помираетъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

26.

Шурыпа.

Жилъ старичекъ, не великъ—съ кулачекъ, и ходилъ онъ въ кабачекъ. Рукавички зà поясомъ, а другѣ то ищетъ. У этого старичка было три сынка. Старичекъ былъ порядочный: онъ раз-

умомъ былъ недовольный, разсудокъ былъ хорошъ. Былъ неурожай: хлѣбъ убываетъ и денегъ не пребываетъ. Три сыночка по улицѣ играютъ, своему тятенькѣ припенту не пригоняютъ. И говоритъ отецъ дѣтямъ: «Охъ вы, дѣти умны, хоть бы одинъ изъ васъ пришелъ ко мнѣ на часъ!» Приходитъ большакъ тотчасъ. «Здравствуй, батюшка, пришелъ до васъ. Вы меня благословите, въ путь дорогу проводите, да деньжонками наградите». Старикъ и говоритъ: «А что, сынокъ, пойдемъ деньги проживать, или больше наживать». Сынъ ему говоритъ: «Я, батюшка, не деньги проживать, а больше наживать. Да-ка сотенку на дорожку, на ассигнаціи сто рублей!» Вотъ отецъ вынулъ, въ путь дорогу сына отправилъ. Тотъ взялъ и пошелъ. Идетъ путемъ дорогой, является отецъ духовный. «Здравствуй, свѣтъ! Я вижу у тебя и ума-то нѣтъ. Ты куды же идешь? Деньги что ли добывать, или послѣдни проживать?» «Я пошелъ, батюшка, не деньги проживать, а работушку работать, чѣрну пашенку пахать». Попъ и говоритъ: «Бросимъ мы пашенку пахать: прошла красна весна, пришла холодная зима; вотъ молотить да стукъ—тутъ и хлѣбецъ вдругъ. Наймись-ка, сватъ, въ работники. У меня работа лёгка. Вотъ разкажу тебѣ: у меня то на гумнѣ овинчикъ насадить, той же ночь обмолотить, привезти во дворецъ; смелешь—будешь молодецъ! Плата сто рублей, а не исправишь мое дѣло, сто рублей съ тебя». Онъ разумомъ не собрался, на работу собирался. Трое сутокъ работалъ, сто рублей растерялъ. Пришелъ домой пѣшкомъ съ худымъ мѣшкомъ. Увидалъ его отецъ. «Охъ, да охъ», говоритъ,—«что сынокъ? Цѣлы-ли денежки?» «Денежки я, тятенька, растерялъ, а самъ по міру сбиралъ. Вотъ да и бросимъ, погодимъ». Старикъ говоритъ: «А нѣтъ ли новенькаго чего?» Второй сынъ, умная голова, пришелъ со двора. «Ужъ ты, батюшка родной, есть ли денежки съ тобой?» «Есть да немножко: одна сотенка». Сынъ и говоритъ: «Дака мнѣ». Отецъ говоритъ: «Вѣдь ты, сынокъ, глупъ: не можешь деньги наживать». «Охъ да, батюшка, попытка не шутка, вотъ да не ваши—своё». Взялъ деньги и пошелъ. На встрѣчу—опять отецъ духовный. «А вотъ, свѣтъ, куды держишь слѣдъ?» «Помѣсячно въ работники наняться». Попъ и говоритъ: «Наймись ко мнѣ, свѣтъ... Одинъ овинъ обмолотить, на меленкѣ смолоть и мучку около ночи въ амбаръ свезти. Цѣна вотъ тебѣ сто рублей.

Не исправишь—съ тебя сто рублей...» Середній согласился. Ночь прожилъ и работы не исполнилъ. Попъ съ него взыскалъ сто рублей и съ двора его столкалъ. Приходитъ домой и нагъ и босъ, и голодный, и холодный. Отецъ ему и говоритъ: «Безумная голова, знать, ты далеко была. Ты пошелъ наживать, не хотѣлъ послѣдне проживать...» Средній сынъ ему и говоритъ: «Да и будетъ, тятенька, помолчи». Приходитъ малый братъ и говоритъ тятенькѣ: «Нѣтъ ли послѣдней сотенки?» Отецъ говоритъ: «Есть, сыночекъ, масляный блиночекъ, ясёнъ соколокъ! Ты послѣдни проживешь». Малый и говоритъ: «Я буду проживать, а васъ не буду позабывать». Взялъ сотенку и пошелъ. Тѣмъ же путемъ дорогой идетъ, и дѣ его братья ходили и деньги растеряли. Пошелъ дорогой лытать, ихи деньги собирать. Идетъ на встрѣчу попъ. «Куды идешь, свѣтъ?» «Въ работники наниматься». «Наймись, свѣтъ, ко мнѣ!». «Пожалуй, батюшка». «Вѣдь у меня работа-то лёгка». «Чего дѣлать-то?» «Кругъ ночи овинъ насадить, обмолотить на рушнòй мельницѣ, смолотую муку въ амбаръ ссыпать; за работу сто рублей, не исправишь—съ тебя сто рублей». «А если я сработаю, нà ночь работы не хватитъ, такъ съ васъ сто рублей?» «Ну, хорошо». Вотъ приходитъ къ попу. «Ну-ка, батюшка, гдѣ мнѣ гумно?» Отводитъ ему попъ величающій подёнокъ и большой овинъ. «Вотъ тебѣ, работникъ, гумно и овинъ». Работникъ запрёгъ лошадушку и растворилъ ворота, выпустилъ скотину и подпустилъ къ подёнку. Она такъ трèсла, всѣ снопы домой унесла, и осталось два-четыре. Работникъ взялъ ихъ и потащилъ въ овинъ: четыре угла—во всѣ четыре по снопу, насадилъ и сейчасъ обмолотилъ. Приходитъ къ попу. «Ужъ ты, батюшка, да-ка мнѣ лошадку хорóшу, а то всю работу брошу». Попъ и говоритъ: «Что̀ хочешь, то и бери, да рожь-то смели». Работникъ пошелъ, запрёгъ сивенькаго, хрóменькаго меренишка въ изло̀маны санишки, взялъ худенькій положишко, пошелъ рожь насыпать и говоритъ попу: «Батюшка, да-ка большую-то пудовку, съ которой ты на Рождество ходишь». «Тутъ на крыльцѣ, работникъ». Взялъ онъ да и понесъ. Наложилъ въ санки землицы, наверхъ положилъ пологъ, а на него три пудовки ржи насыпалъ и поѣхалъ. Вернулся къ попу. Сивенькій хромой-то меренишко крѣпко хромаетъ, ничего не знаетъ, а работникъ одной рукой придà рживаетъ, голосомъ

покрикиваетъ: «Ну-ка, сивенькій, вези, а ты, батюшка, въ окошечко гляди!» Попъ обрадовался, кинулся къ окну: работникъ-то больно хорошъ, скоро, живо возъ привезъ. «Вези-ка во дворъ, помѣрямъ!» Работникъ былъ не плохъ, ну да ему разумъ-то далъ Богъ: онъ взялъ мѣру съ собой, оборотилъ ее вверхъ дномъ, насыпалъ ровно; сдѣлалъ въ грѣбло и говоритъ: «Батюшка, считайте! Двадцать т у полныхъ, а пѐрва-то не полна̀». Попъ говоритъ: «Какъ знашь, такъ и дѣлай, свѣтъ». Работникъ уменъ: пошелъ на мельницу, засыпа̀лъ, дырочку рукавомъ затыка̀лъ и въ санки готовой муки насыпа̀лъ. Полночь пришла, работникъ къ попу съ мукой пріѣхалъ. «Ну, долговязый песъ, дава̀й разчетъ! Овинъ ночью насадилъ, обмолотилъ, на мельницѣ смололъ и тебѣ привезъ». Попъ говоритъ: «Охъ, свѣтъ, любишь или нѣтъ? Еще свѣту нѣтъ, сходи-ка, работникъ, въ келейку, вонъ тамъ у меня с т а л о в ѣ р ъ, онъ на исповѣди тридцать лѣтъ не былъ. Я заплачу̀, только притащи».

Пришелъ работникъ въ келейку, хвать—а тамъ чортъ. Онъ цопъ его за̀ косы, да и попёръ изъ б а н и ти, и претъ къ попу въ избу. Попадья-то: «Ай, ай, ай! Нѣтъ, пусти, работникъ, его въ конюшню: теперь нѐколи. Онъ его — въ конюшню. Заперъ, приходитъ къ попу. «Батюшка, дай разчетъ! Не хочу работать. Ты на ночь меня нанималъ овинъ обмолотить и смолоть; я дѣло кончилъ». Попъ говоритъ: «Работникъ, пособи пожалуйста: у меня вотъ овчѝшки убѣжали». «Куды еще, долговязый песъ?» «Вотъ тутъ недалечко, въ ко́лочекъ». «Да-ка конопель: овецъ безъ кнута-то не загонишь». Взялъ конопель, свилъ кнутъ, долгій какъ тяжъ, и пошелъ куды нужно. Смотритъ: бѣгутъ в о л к ъ п о в о л к у, вдругъ десятокъ. Онъ ихъ грохъ кнутомъ; они испугались, къ попову двору помчались. Попадья испугалась: «Ахъ, батюшки, попъ, что это? Вотъ д ѣ смерть-то наша! Волковъ пригналъ! Куды дѣнемся?» Попъ кричитъ въ окно: «Пущай ихъ, работникъ, на волю: стричь нѐколи». Работникъ говоритъ: «Врешь, батюшка, хоть одну оставлю». Цопъ, что ни есть лучшаго, крупнаго волка и посадилъ его къ чорту, въ конюшню. Приходитъ къ попу: «Давай разчетъ! Не хочу работа̀ть». Попъ говоритъ: «Работникъ, потерпи до зари: мелкихъ денегъ нѣтъ. Сходи за буренкой: она не ночевала, въ лѣсу видно осталась». «Дѣ она?» «Вотъ тутъ въ лѣсу, не доёна,

ушла». Работникъ пошелъ. Онъ думалъ буренка, а и н ъ медвѣдь. Цопъ его кнутомъ, захватилъ за шею и поперъ къ попу, тащитъ. Попъ смотритъ: «Попадья, батюшки, медвѣдя тащитъ!» Втащилъ на дворъ. «Матушка, дой!» «Охъ, работникъ, пусти его, пущай погулятъ». «Ну нѣтъ, не пущу, а въ конюшню посажу». И медвѣдя заперъ. «Давай разчетъ! Зорька занялась». Попъ и говоритъ: «Вотъ что: свари-ка кашицы, позавтракамъ, да разчитамся. Въ кашицу-то положь-ка п е́ р ш у, да и л у к ш у, да с о л ё н у». «Ладно, батюшка, сварю». Развелъ на таганѣ огонекъ, заварилъ кашицу; подбѣжалъ поповъ сынъ Пирка, онъ его цопъ да и бултыхъ въ котелъ. Была у попа дочь Лушка; попъ-отъ велѣлъ класть луку, а работникъ думалъ Лушку. Онъ и ее—туды. Попъ сказалъ: «положи соли», велѣлъ сдѣлать солёну, а работникъ думалъ Олёну. Онъ и Олену—туды. Сварилъ и протвѣдалъ. Поспѣла; приходитъ къ попу: «Ну-ка, дава-ка завтракать, да давай разчетъ!» Сѣли завтракать. Попъ говоритъ: «Попадья, скричи ребятишекъ! Пирку кричи, Лушку да Олену кричи!» «Что за чортъ у тебя за Пирка, за Лушка? Они всѣ въ котлѣ. Вѣдь ты мнѣ сказалъ: положи Першу да Лукшу, да Солёну...» «Эхъ озорникъ! Я тебѣ говорилъ положить перцу, луку да соли». «Да чортъ ли тебя зналъ? А я всѣхъ ихъ собралъ, въ котелъ поклалъ. Давай разчетъ!» Дѣлать нечего, сѣли да позавтракали. Стали попъ съ попадьей думу думать, какъ съ работникомъ разчитаться. А работникъ кричитъ: «Попъ, давай разчетъ!» «Охъ, работникъ, денегъ-то нѣтъ». «Ну, ну, ну! Денегъ нѣтъ... Я тебѣ дамъ!» «Пожалуйста, работникъ, сдѣлай милость, съѣзди къ царю. Я ему пять пудовокъ золота давалъ взаймы. Если привезешь, всѣ твои будутъ». «Обманешь, попъ!» «Нѣтъ, не обману, работникъ».

Вотъ работникъ запрёгъ медвѣдя въ корень, чорта—въ пристёжку, волка въ другую, самъ сѣлъ на козлы и понесся! Безъ допроса, безъ докладу — прямо къ царю. Царскіе слуги его пріостановили и говорятъ: «Что за невѣжа?» Онъ прямо къ царю; цопъ его за воротъ! Царь испугался, не знатъ чего говоритъ. «Отдай пять пудовокъ золота попо́выхъ!» Думалъ, думалъ царь и говоритъ: «А что», говоритъ,—«г о с п о д и н ъ, не умѣешь ли? У меня дочь нездорова: п р и к а ч н у л с я налётный дьяволъ. Не можете ли вы ее отходить и поповыхъ пять мѣръ золота получить? Еще

своихъ вамъ пять мѣръ даю. Кто ты самъ таковъ?» «Я—Шурыпа. Ведите меня къ ней! Гдѣ она у васъ?» Привели къ ней, а онъ на ней верхомъ сидитъ. Какъ Шурыпа въ комнату вошелъ, сгрёбъ чорта за долгіе волосы, стащилъ, да и ну-ну-ну! Волосы ему всѣ выдралъ, столкалъ съ постели и самъ съ ней лёгъ. Лежитъ. Чортъ передъ нимъ стоитъ и говоритъ: «Шу-ры-па, да пусти меня, я хоть ее поцѣлую!» «Уйди, чортъ, убью!» «Да я хоть погляжу». Скочилъ Шурыпа, да за нимъ. Онъ—въ дверь и убѣжалъ къ дѣдушкѣ. «Что, какъ дѣла?» спросилъ дѣдушка. «Совсѣмъ, дѣдушка, моя; да какой-то Шурыпа пріѣхалъ и съ постели меня согналъ». «Ну», говоритъ дѣдушка, — «поди, согласись съ нимъ подраться по три разъ. Кто передъ кѣмъ потерпитъ, того и дѣвка». Побѣжалъ чертенокъ къ Шурыпѣ. «Шуры-па!» «Что, чортъ?» «Вотъ что дѣдушка сказалъ». «Что онъ, старый песъ, тебѣ сказалъ тамъ?» «Давай по три разъ подеремся; кто кого обидитъ?» «Ты, чортъ, спятишься; я вытерплю». «Нѣтъ, Шурыпа, я не спячусь». «Ну, давай, завтра приходи!» «Чортъ убѣжалъ, а Шурыпа велѣлъ, чтобы были чѣмъ свѣтъ три шляпы желѣзныхъ ему на голову, и чтобы кулакъ на руку, десяти фунтовой, желѣзный. Чѣмъ свѣтъ у царя все готово. Три шляпы желѣзныхъ принесли и кулакъ желѣзный. Шурыпа кулакъ взялъ и на руку надѣлъ, а три шляпы на голову. Лежитъ себѣ. Бѣжитъ чортъ. «Шурыпа, давай драться!» «Давай, да чтобы не пятиться!» «Давай конѝться, Шурыпа, кому прежде кого бить». Досталось чорту Шурыпу бить. Шурыпа слѣзъ съ кроватки, всталъ и стоитъ какъ пенёкъ. Чортъ развернулся да и стукъ! Шурыпа стоитъ невредимъ. Разъ ударилъ. «Эхъ, Шурыпа, какъ я руку-то отшибъ!» «Ну, ну, бей, чортъ, еще больнѣе!» Тотъ его крѣпко три раза ударилъ. «Ну-ка, чортъ, стой! Теперь я запалю». Поднялъ кулакъ, да какъ цопнетъ, чортъ индо повернулся и говоритъ: «Шу-ры-па, а ты тихонько; больно ты дерешься!» Шурыпа развернулся, въ другой-то разъ еще больнѣй запулѝлъ. Чортъ айда драла. Шурыпа за нимъ. «Стой, стой! Куды? Ты меня три разъ, а я тебя одинъ!»

Чортъ прибѣжалъ къ дѣдушкѣ: «Дѣдушка, онъ мнѣ голову разшибъ! Гдѣ мнѣ съ нимъ драться?» «Поди», сказалъ дѣдушка,— «поиграй съ нимъ до трехъ разъ чехардой-ѣздой». Является

чортъ къ Шурыпѣ: «Шу-ры-па!» «Ты что, чортъ, еще?» «Да вотъ что̀ дѣдушка сказалъ». «Что̀ еще онъ тамъ, старый песъ?» «Давай до трехъ разъ чехардой-ѣздой поиграмъ!» «Врешь, чортъ, не вытерпишь! За тобой плюха пропала». «Нѣтъ, вытерплю, Шурыпа!» «Ну, давай! Черезъ часикъ зайди!» Чортъ ушелъ, а Шурыпа приказалъ содрать три вола дудкой со всѣми четырьмя ногами и велѣлъ Шурыпа сдѣлать желѣзныя перчатки съ вострыми когтями. Царь распорядился; исправили дѣло, принесли. Чортъ приходитъ, Шурыпа и говоритъ: «Ну, что же ты пришелъ?» «Давай, поиграмъ что ли?» «Не вытерпишь, чортъ! На тебѣ еще плюха осталась, а коли теперь останется, такъ мотри, что̀ будетъ! Ну-ка, поконѝмся!» Стали конѝться, опять чорту досталось на Шурыпу прыгать. Шурыпа надѣлъ на себя три шкуры, сталъ къ стѣнкѣ и протянулся. «Ну-ка, чортъ, прыгай, да мотри руками ти хлопай!» Вотъ чортъ разъ прыгнулъ и въ ладоши похлопалъ, и когти въ шкуру запустилъ, и шкуру всю содралъ. (Чортъ-то не узналъ: онъ думалъ, что Шурыпина шкура-то, а инъ бычья). Онъ три раза махалъ, всѣ три шкуры снялъ. «Ну-ка, чортъ, ты посто-ка теперь!» Вотъ чортъ стоитъ да назадъ поглядываетъ. Шурыпа надѣлъ перчатки желѣзныя, прыгнулъ, всадилъ въ чорта когти, выдернулъ да похлопалъ—такъ изъ чорта индо кровь полила. «А ты, Шу-ры-па, ти-хонь-ко!» «Стой, стой, не мотайся! Я терпѣлъ». Прыгнулъ, захлопалъ: «Разъ!» Разбѣжался да два, и такъ всадилъ, что чортъ упалъ, изъ избы безъ памяти побѣжалъ. Вотъ Шурыпа—за нимъ. «Постой, постой, чортъ! Плюха то за тобой осталась, и прыжокъ-отъ пропалъ! Ну, придешь—я тебѣ дамъ!» Чортъ къ дѣдушкѣ убѣжалъ, всѣ страсти разказалъ, «Да, дѣдинька, онъ два раза-то прыгнулъ и шкуру-то всю снялъ, и до мяса-то досталъ. Погляди-ка, кровь течетъ. Я не пойду».

Шурыпа легъ, съ царёвой дочерью полёживатъ. Вотъ чортъ думалъ, думалъ, опять пошелъ. А царская дочь могла по горенкѣ гулять. Чортъ приходитъ. Шурыпа приказалъ сдѣлать такого человѣка съ прòволоками, чтобъ были желѣзные клещи и молоты, и стоялъ бы какъ живой, разиня ротъ, и могъ бы сжать, а мòлотами бить. Чортъ пришелъ и спрашиваетъ: «Это кто?» «Это дѣдушка мой». «Да что онъ, Шурыпа, ротъ-то разинулъ?» «Да онъ надъ тобой смѣется, чортъ!» «Шурыпа, я ему въ ротъ-то нас..у да и

домой уйду». «Обманешь не уйдешь?» «Нѣтъ, уйду, Шурыпа». «Ну, иди ближе, с...!» Вотъ чортъ къ нему подошелъ, онъ его цопъ да и ну-ну-ну! Клещами-то его сжалъ, молотами-то сокъ, сокъ, сокъ! Онъ айда съ нимъ бѣжать. Онъ его не пускатъ, да стукъ, стукъ! И до тѣхъ поръ стукалъ, что чортъ чуть идетъ къ Шурыпѣ и старичка этого тащитъ. «Шу-ры-па! Пусти Христа ради, Богъ съ тобой и съ дѣвкой! До жизни вѣку не прійду!» Отпустилъ его Шурыпа; онъ, какъ мо́лонья, затопился. Такъ побѣжалъ, свой омутъ не узналъ. Въ чистѝ поле убѣжалъ и теперь тамъ бѣгатъ.

Шурыпа съ дѣвкой полежалъ и побѣжалъ къ царю. «Живо пять пудовокъ попова золота! Живо!» Царь глядитъ, и дочери-то не радъ. «Сейчасъ, сейчасъ, Шурыпа!» Насы́пали ему пять пудовокъ золота, попова до́лга. Принялъ Шурыпа и говоритъ: «За работу пять пудовокъ! Живо!» Царь насыпалъ ему десять пудовокъ и проводилъ со двора. Вотъ Шурыпа запрёгъ медвѣдя въ корень, шута въ пристёжку, а волка въ другую, сѣлъ на ко́злы и понесся. Пріѣзжаетъ къ попу. «Батюшка, долгъ принимайте отъ царя!» Попадья-то хны-хны-хны, а попъ-то тыръ-тыръ-тыръ! «Батюшка, не бойся! Оба будемъ богаты». Насыпалъ попу пять и себѣ пять; самъ пошелъ домой и попа оставилъ, да и говоритъ: «Батюшка, прощай, я домой пойду». «Богъ съ тобой!» И сказка вся, и сказывать нельзя.

(Абрамъ Новопольцевъ).

27.

Ванюшка дурачекъ.

Жили были три брата родныихъ, два-то умныхъ, а третій дуракъ; двое-то женаты, а Ванюшка холостой. Ходятъ умные братья за охотою, ловятъ лисицъ, окуницъ и черныихъ соболицъ, а Ванюшка дурачекъ на печкѣ лежитъ, на клубокъ сопли мота́тъ. Вотъ и говорятъ братья: «А, дуракъ ты, дурацка стать! Что на печѣ все лежишь, да на клубокъ только сопли мота̀шь? Поди, дуракъ,

на гумно: тамъ сейчасъ лиса прошла. Вырой-ка ямку глубокую, попадетъ она тебѣ». Пошелъ же Ванюшка дуракъ на гумно погулять, лисьихъ слѣдиковъ поискать. Вырылъ глубокую яму и соломой ее покрылъ; пришелъ домой, лежитъ на печѣ, сопли на клубокъ мотàтъ. Полежалъ, полежалъ, на гумно побѣжалъ: въ ямѣ мамынька сидитъ. Онъ и говоритъ: «А, вотъ лисынька попала!» Да и ну ее колотить. Поглядѣлъ да и говоритъ: «Да это мàтуска!» Вотъ онъ ясный соколòкъ, мать домой поволокъ; брякъ въ конникъ! Залѣзъ на печку, лежитъ. Приходятъ съ охоты братцы родные, приходятъ да не приносятъ. Дуракъ и говоритъ: «А сто, братцы, нѣтъ видно ницевó?» Большой отвѣчаетъ: «Лежи, дурацка стать! А ты чего поималъ?» «Мнѣ лисиньку Богъ далъ». Вотъ братцы больно обрадовáлись, на печку лѣзть собирались: «Покажика, братъ, намъ лисыньку!» «Поглядите: она въ конницкѣ лезьтъ». Вотъ братья конникъ открыли, а тамъ—матушка. «Эхъ ты, дуракъ, дурацкая твоя стать! Вѣдь это мамынька!» «Да, а цортъ ли ей велѣлъ? Я думалъ сто лисынька». «Куды же ты ее дѣнешь?» «А сто вамъ, братцы, за дѣло? Куды знаю, туды и дѣваю».

Вотъ дуракъ былъ не плохъ: посадилъ мать на салазочки да и повезъ. Ѣдетъ большой дорогой, мостомъ. Ѣдетъ дворянинъ, онъ съ кучеромъ, не одинъ, и кричитъ: «Дуракъ, вправо!» А дуракъ говоритъ: «И такъ, сударь, прямо!» Взялъ да салазочки подъ санки шыркъ! Баринъ ее и задавилъ. Дуракъ кричитъ: «А, судари, судари, с в е й к у (женку) утопили!» Вотъ баринъ ему и говоритъ: «А ты, дуракъ, не кричи! Лучше нà съ меня деньги получи». Подставилъ ему дуракъ большую шляпу; онъ ему полнý ее накаталъ, а с в е й к у-то въ воду столкалъ. Сталъ правъ молодецъ и пошелъ себѣ домой; лежитъ на печи и на клубокъ сопли мотàтъ, часто денежки считатъ: копѣйка да грошъ, и стоитъ ребромъ. Приходятъ его братцы родимые домой. Вотъ приходятъ, ничего не приносятъ. Дуракъ имъ и говоритъ: «Сто зе, братцы, видно у васъ пусто? А у меня на пецкѣ-то густо!» Братья и говорятъ: «Ну-ка что тебя?» «А вотъ деньги!» Поглядѣли братцы да у ж á х н у л и с ь: «А дѣ же ты, дуракъ, дурацка стать, взялъ?» «Эхъ да, братцы, матуску продàлъ!» «А скажи, какъ ты ее продавалъ?» Вотъ онъ и говоритъ: «Да многимъ такъ отдавалъ, а сто зе вамъ за дѣло?» «Да и мы, дуракъ, женъ-то убьемъ!» «А вотъ я какъ матуску продàлъ: по-

ѣхалъ за большымъ селомъ, да и крицалъ да крицалъ: А с у д а̀ по мертвую! А судà по мертвую! А бѣгутъ да бѣгутъ, да все денески несутъ». Вотъ два братца родные стукъ да стукъ своихъ женъ. Они такъ-то постучали, имъ головушки проломали, да и въ салазочки поклàли, во большò селеньице помчали; громко больно во поселеньицѣ кричали: «Сюды, по мертву, да сюды по мертву!» Народу много н а б ѣ ж а л и с ь, женкамъ мертвымъ дивовались. Вотъ да и ну-ка ихъ тутъ трясти, чуть было имъ только домой донести. И такъ-то ихъ потрясли, чуть домой они пришли. Вотъ и говорятъ братья: «Охъ ты, дуракъ, дурàцка стать! Что ты намъ сказалъ? Больно много навралъ». «Да и цортъ ли вамъ велѣлъ?» Лежитъ да полеживаетъ, сопли на клубокъ поматываетъ. Лежалъ, лежалъ да и говоритъ: «Давайте-ка, братцы, пецъ дѣлить». «Охъ, дуракъ ты, дурацка стать! Ты у насъ женъ-то отня́лъ, да и матушку-то продàлъ! Чего тебѣ еще печь-то мотать? На чемъ ты, дуракъ, будешь лежать?» «А сто вамъ, братцы, за дѣло? Я не буду на пецкѣ лезà̀ть, а буду свою долю продавать». Вотъ дуракъ печку разломалъ, на три кучки расклалъ. «Я», говоритъ,—«это—Пецкѣ, это—Кузькѣ, это—Ванькѣ дурацку́». Насыпалъ дуракъ кирпичей, поѣхалъ на базаръ продавать и сталъ деньги наживать. Онъ не дуракъ, онъ былъ родомъ такъ. Кирпичи въ санки поклалъ, полотенцемъ увязалъ, съ товарами рядомъ вставалъ. Подходятъ господа купцы. «Охъ, да Ванюшка Иванъ, ты не нашъ ли обманъ? Изволь товары открывать, намъ купцамъ продавать». Ванюшка и говоритъ: «Не угодно ли вамъ закрытый покупать?» Одинъ купецъ подходитъ и другаго подводитъ. «Охъ ты, Ванюшка, развяжи, товаръ-то намъ покажи!» Ванюшка товаръ не кажетъ и говоритъ: «А дава-ка возъ нà возъ мѣнять». Купецъ подходитъ, товарища подводитъ. «Охъ, братъ, что въ возу́ тяжело? Что тутъ, Ванюшка, лежитъ?» «Дорогіе камни. Не угодно ли вамъ на красный товаръ мѣнять? А не будешь ли, господинъ купецъ, послѣ Ванюшкѣ пенять?» «Ну, Ванюшка, ошибку въ ф а́ л ь ш у не ставятъ. Давай, смѣнямъ повозку на повозку, лошадку на лошадку». Вотъ какъ! Ванюшка смѣнялъ, сѣлъ да и полетѣлъ. Стали купцы развязывать, не знаютъ куды печь дѣвать, стали горе горевать. Пошли по́ міру. Вотъ Ванюшка дурачекъ больно обрадовàлся, краснымъ товаромъ лавочкой расклался. Это бросимъ—новенько начнемъ. Пришли брат-

цы его родные. «Охъ ты братецъ ты нашъ братъ, охъ ты Ванюшка дурачекъ! Гдѣ же ты товаръ взялъ такъ?» «А сто вамъ за дѣло? Кирпицыки промоталъ, купчишковъ надувалъ». Братья и говорятъ: «А скажи какъ ты ихъ продалъ». «Я перва́ ихъ на деньги смѣнялъ, а на деньги товару покупалъ; ѣхалъ по улицѣ, денески называлъ». «А какъ ты кричалъ-то?» «А вотъ я такъ крицалъ: да судà по пецынѣ! Тудà по пецынѣ! Идутъ да тасцатъ, идутъ да тасцатъ».

Братья и давай кирпичи насыпать, да по улицѣ продавать. Ѣздятъ да кричатъ: «Вотъ сюды по п е ч и н у ш к у!» Выбѣжали люди и больно ихъ прибили. Пріѣзжаютъ братья домой; сидятъ да горе горюютъ и говорятъ: «Охъ ты дуракъ, дурацкая стать твоя! Долго ли ты будешь надъ нами озоровать?» «А цортъ ли вамъ велѣлъ?» Лежатъ братцы умники да думаютъ. Одинъ другому и говоритъ: «А дава-ка, братецъ, домъ бросать, пойдемъ во зеленый лѣсъ гулять, да на сушимъ-ка, братецъ, с у х а р ь к о̀ в ъ аржаны́хъ да мане́нько, п о ш е н ѝ ш н ы х ъ-то да по больше». За угломъ дуракъ стоитъ и слушаетъ что братья говорятъ. Они неладно говорятъ: въ путь дорогу бѣжать хотятъ. Дуракъ и говоритъ дурацкой-то своей головѣ: «Ну да зе я имъ въ сапку-то нас..у!» Запримѣтилъ дуракъ гдѣ у нихъ сухарики стоятъ и думаетъ: «Да-ка я надъ ними посуцу̀: сухариковъ-то убавлю, а въ мѣсо̀къ-то самъ лягу». Убавилъ сухариковъ, легъ въ мѣшокъ. Приходятъ умные братья и говорятъ другъ другу: «Айда-ка, братъ, бери мѣшокъ съ сухарями ти, а я то возьму другой». Взяли да и побѣжали, а дурака-то въ домѣ бросали. А дуракъ-то не дома лежитъ, онъ, дуракъ въ мѣшкѣ лежитъ и за ними бѣжитъ. Бѣжитъ да кричитъ: «Ви́-и-и-зу! Ви́-и-и-зу!» Одинъ братъ и говоритъ: «А вѣдь дурацкая-то стать за нами бѣжитъ!» Ну-ка они бѣжать еще прытче. А дуракъ-то не бѣжитъ, а за плечами лежитъ, да кричитъ еще г р о м ч ѣ е: «Д а охъ д а вѝзу! Вѝзу!» Они его испугались, на разныя дороги кидались и кричатъ: «Гдѣ ты-ы?!». «Дѣ я?» «А дуракъ дѣ?» Одинъ братъ говоритъ: «За нами бѣжитъ! Дава-ка, братецъ, отдохнемъ». Другой говоритъ: «У меня силушки нѣтъ (дуракъ-то знашь на немъ). Что-то у меня, братецъ, въ мѣшкѣ-то тяжело! Дава-ка посидимъ, да огонька разведемъ, да кашѝчки заваримъ». Вотъ взяли, огонька расклали, кашѝчку-то

за варили. Большой-то братъ развязалъ и малому указалъ. «Я, братецъ, оржаные, а ты пшенѝчны-то развяжи!» Пшенѝчны сухари братъ развязалъ и съ испугу сухари-то не узналъ. Цопъ да цопъ рукой, а онъ тутъ то и тутъ! Дуракъ и говоритъ: «Тихонько, брàтицъ! Волосы выдересъ!» Умный-то братъ говоритъ: «Ахъ ты дуракъ, дурацка стать твоя, замучалъ ты меня!» «Да цортъ ли тебѣ велѣлъ? А будетъ ци, братцы, говорѝцъ; давайти-касыцу варѝцъ!» Сварили кашѝчки; вдругъ является къ нимъ Ягая баба и прыгаетъ вокругъ ихъ на одной ногѣ. Дуракъ говоритъ: «А мотри же, Ягая баба, не попади въ цàсу, не то остàльну ногу выдерну!» Она прыгала, прыгала и въ чашу попала. Онъ—дёргъ, и остáльну ногу выдернулъ; осталась Ягая баба безъ ноги.

Стоитъ славное древо, древо елевое. Дуракъ и говоритъ: «А нéколи, братцы, нынце намъ спàцъ, а вотъ-то взяцъ на ели постоя́цъ, по цысто́му полю поглядѣцъ!» Они взяли, на ель влѣзли и сейчасъ тамъ сидятъ. Полѣзъ дуракъ на древо и ногу съ собой взялъ. Это бросимъ, хоро́шенько друго́ начнемъ. Тутъ была сорòжка, и говоритъ дураку: «Вотъ дуракъ, сиди-ка, на всѣ сто̀роны гляди-ка увидишь кто придетъ и тебѣ будетъ что». Дуракъ и говоритъ: «Уди, скверная птица, отойди, ногу выдерну!» Сорока полетѣла и хвостомъ завертѣла и тотчасъ чуть мнѣ не выколола глазъ. Приходитъ къ ели самъ разбойникъ; огонька развелъ, трубочку покурилъ, по стаканчику водочки выпивалъ и разбойничьимъ громкимъ голосомъ закричалъ: «Воръ по вору, вдругъ десятокъ!» Набѣжало и считать нельзя. Начали кашѝцу варить; сварили да похлёбываютъ. Дуракъ на лѣси́нѣ сидитъ, поглядываетъ, съ братьями рѣчь разговариваетъ. «Охъ да зе, братцы, какъ я с.... то хоцу!» Большой-то говоритъ: «Да с.., дуракъ, мнѣ въ карманъ!» А онъ: «Ну, братѝцъ, замо́цысъ». Средній говоритъ: «Да, дура́цка стать, с.. ко мнѣ въ шляпу!» «Замоцысъ, братицъ! Я имъ буду въ цàску сикать!» И началъ въ чашку имъ сикать. Атаманъ и говоритъ: «Бо-о-ожья роса! Боо-о-жья роса!» И они сейчасъ хлебаютъ, ничего не знаютъ.

Вотъ дуракъ вы..... я, си́дитъ на лѣсинѣ поглядываетъ, на разбойниковъ посматриваетъ, и говоритъ: «Охъ да зе, братцы, какъ я с.... то хоцу!» Большой братъ говоритъ: «Дурацка стать, с... мнѣ въ карманъ!» «Охъ, братицъ, вѣдь замарàсъ карманъ-отъ».

Середній говоритъ: «Охъ да дурацка стать, на.... мнѣ въ варежку». «Охъ да, братицъ, вариску замарàсъ, а послѣ куды ты ее дѣвàсъ? А вотъ да я имъ въ цасу то и на....!» Вотъ дуракъ да и ну-ну-ну! Сидятъ разбойники да поглядываютъ. Атаманъ говоритъ: «Вотъ, ребята, а у ели мы сидѣли; съ ели èлевы шишки летятъ!» Дуракъ доржалъ на древѣ Ягой бабы ногу и говоритъ: «О, да вить, братцы, я усталъ, я ногу-то бросу!» Большой говоритъ: «Охъ да, братъ, ты насъ сгубишь! Да ка я подоржу?» Дуракъ говоритъ: «Братицъ, устàнисъ!» Середній говоритъ: «Да хоть да-ка, братишка, я подоржу!» «Куды тибѣ, братицъ, къ лòсади клесцами Яги бабы ногу дорзать. Хомутѣ-то тѣсенъ; а вотъ я ее гряну прямо въ яму! Вотъ да развернулся дуракъ да и бацъ въ чашу, и раздробилъ иху кашу, глàзыньки имъ залѣпилъ, и разбѣжались разбойники кто куды знатъ. Остался главный атаманъ. Вотъ дуракъ братьямъ и говоритъ: «А вотъ, братцы, на древѣ посидите, на меня поглядите: я къ нему слѣзу!» Взялъ да и прыгѝть! Прыгнулъ и говоритъ: «Хлѣбъ да соль, добрый молодецъ!» Отвѣчаетъ разбойникъ: «Садись ка со мной кашúцу хлебать.» Дуракъ говоритъ: «О, да покорми ка позáлуста!-Поѝсть, то больно я хоцу, да вотъ и ну-ну-ну умывать. А посто-ка», говоритъ,—«братицъ! У тибя на языцкѣ-то волосокъ?» Онъ не исправилъ свое дѣло и не понялъ чтò дуракъ говоритъ, и тотъ часъ разинулъ ротъ. Беретъ дуракъ ножичекъ и вотъ да вотъ ширкъ да ширкъ ему! Дуракъ волосокъ-отъ снялъ и язычекъ себѣ взялъ; разбойникъ-отъ побѣжалъ и громко зазѣвалъ: «Охъ да не великъ телелѝкъ!». А хотѣлъ крикнуть: «Одинъ человѣкъ!» Его товарищи голосъ услыхали, а словъ не разобрали. Онъ имъ кричитъ: «одинъ человѣкъ!» а они думаютъ: «не одинъ человѣкъ!» Ещедальше убѣжали и другъ дружку растеряли. Сидитъ дуракъ подъ елью и говоритъ: «Охъ, братцы, слежайте-ка сюда, будетъ озоровать, пойдемте-ка вмѣстѣ воровать!» Слѣзли, пошли, да и опять домой пришли. Приходятъ домой, дуракъ и говоритъ: «Дава те-ка, братцы, лѝземъ такъ» (въ холодной-то избѣ). А большой-то говоритъ: «Давате-ка, братцы, спать: приходитъ ночь, некуды бѣжать!» Взяли да и легли. Середній-то братъ былъ умнѝкъ, большому и говоритъ: «Давà-ка, братецъ, дурака-то утопимъ!» Онъ хорошенько брату не сказалъ, а дуракъ то скоро узналъ, что утопить хотятъ.

Онъ вѣдь не дуракъ, онъ былъ родомъ такъ. Пошелъ дуракъ на гумно, взялъ подхватилъ превеликій ржаной снопъ; взялъ его нарядилъ и мужичкомъ сдѣлалъ, на полатки положилъ и спать братьевъ проводилъ, а самъ изъ села вонъ побѣжалъ. Братья родные встали, думу подумали и одинъ другому рѣчь в ы г о в о р и в а л ъ: «Вѣдь дуракъ то на полатяхъ!» Они думали дуракъ, а тамъ лежитъ аржаной снопъ т а к ъ. Шапочка надѣта дуракова на снопѣ, варежечки—на рукахъ и вотъ какъ дуракъ лежитъ! Вотъ они его цопъ цопъ, да съ нимъ бѣжать, да въ проло́убочку совать. Онъ подъ ледъ-то пошелъ да и буръ-буръ-буръ. Большой и говоритъ: «А слава ти Господи, братецъ, хоть дурака-то утопили!» Они такъ думаютъ себѣ что это дуракъ, а тутъ было такъ: въ его-то одёжѣ снопъ лежалъ, а дуракъ въ чисто поле убѣжалъ. У дурака-то была шляпа моя; вотъ дуракъ-то взялъ большую кучу н. . . . . да моей шляпой покрылъ, да сидитъ, да сидитъ. Ѣдетъ дворянинъ съ кучеромъ. Говоритъ дворянинъ: «Уди́, дуракъ, задавлю! Что ты тутъ сидишь?» «Вотъ пицузечку, сударь, пымалъ!» Коней баринъ остановилъ и говоритъ кучеру: «Поди, кучеръ, съ мѣста его столкни, пичужечку отыми!» Дуракъ говоритъ:« Вотъ я васъ, баринъ, не знаю! Куперъ упуститъ?» Баринъ слѣзъ, подбѣжалъ. Дуракъ бросилъ, побѣжалъ къ лошадямъ, сѣлъ на тройку, перекстя́лся и полетѣлъ. Баринъ подбѣжалъ, шляпу снялъ, цопъ да цопъ рукой: онъ думалъ тутъ пичужечка съ м у к о̀ й (!), а тутъ толстое г. . . ., какъ осиново бревно. А дуракъ-то ужъ давно дома. У него всего много: сундукъ съ деньга̀ми, кони съ хомутами. Говоритъ дуракъ: «Топерь я купецъ!» Подходятъ къ нему братье родные, умные разумные, дураку низко кланяются. «А здорово, братецъ, господинъ купецъ! Гдѣ ты взялъ тройку лошадей?» «А въ пролубоцкѣ, на пруду. Когда вы меня совали и подъ ледъ толкали, тогда я сказалъ: буръ буръ буръ! а вотъ тро̀ицка бу̀роцекъто и тутъ!» Большой-то говоритъ: «Айда-ка, братецъ, туда и сунька меня!» Вотъ онъ его взялъ, подхватилъ и въ пролубку потащилъ. Сунулъ его, а онъ: буръ буръ буръ! А второй-то стоитъ, громкимъ голосомъ кричитъ: «Ну ка да пожалуйста, братецъ, меня п о с к о р ѣ!» Онъ взялъ, да по Божьей милости и того бултыхъ. Вотъ этой сказочки конецъ, сказывалъ молодецъ. Я тамъ былъ, медъ пиво пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

(Абрамъ Новопольцевъ.)

28.

Братецъ Пѣганушка.

Жилъ купецъ; у него жена была неродѝха, и эта жена любила жида, и хотѣлось этому купцу, чтобы жена родила. И сказалъ ему кто-то, что въ такихъ-то земляхъ есть яблокъ на яблонѣ; если достанешь, то жена двойни родитъ. Сходилъ онъ въ иныя земли, досталъ этотъ яблокъ, пріѣхалъ и отдалъ его женѣ, а самъ пошелъ торговать по базарамъ. Разрѣзала яблокъ жена на́ двое, половину сама съѣла, а другую любезной кобылѣ. Онѣ вмѣстѣ забрюхатѣли и родили вмѣстѣ, и кобыла и баба. Она принесла себѣ Ванюшку, а кобыла—Пѣганушку. Братья они по яблоку родились. Вотъ Ванюшка сталъ ходить на ученье, а отецъ-въ торговлѣ. Ванюшка пойдетъ на ученье, зайдетъ къ Пѣганушкѣ, братцу. Разъ идетъ съ ученья и забѣгъ къ нему. Стоитъ тотъ половина въ крови. «Вотъ говоритъ, что: жидъ припасъ про тебя банюшку. Поди къ матери и скажи, что у тебя въ рубахѣ русска вошь завелась, а въ банѣ-то ту же рубашку стàру надѣнь, а то жидъ наговорилъ на чѝсту-то.» Приходитъ онъ къ матери. «Мамынька баитъ, не припасена ли банюшка?» «Припасена, Ванюшка!» Вотъ онъ побѣжалъ въ баню, вымылся, надѣлъ стàру рубашку и бѣжитъ на встрѣчу, а мать бѣлу на встрѣчу несла. Мать—въ избу; онъ—къ Пѣганушкѣ. «Что, говоритъ, Ванюшка, не уморили тебя въ банюшкѣ?» «Нѣтъ, Пѣганушка.» «Ну, теперь тебя въ чаю́ уморятъ: жидъ яду въ него наклалъ. Войди въ избу, возьми чашку и споткнись: послѣ не уморятъ». Пришелъ Ванюшка въ избу, проситъ чаю. Взялъ да и расшибъ чашку. «Ну, прости, мамынька!» Пошелъ на ученье, зашелъ къ Пѣганушкѣ. Матери и вздумалось жеребенка зарѣзать (жидъ захотѣлъ). Зашелъ Ванюшка къ Пѣганушкѣ, а тотъ и говоритъ: «Мать твоя жеребячьяго мяса захотѣла, меня рѣзать хотятъ». «Я скажу ей что у насъ есть осòбы жеребята». «Зарѣжь другаго жеребенка, а завтра отецъ твой въ расплохъ пріѣдетъ мать жида въ особу комнату запретъ. Скорѣ говоритъ, съ ученья приходи. Скажи, чтобы онъ тебѣ приказалъ Пѣганушку осѣдлать, да передъ крыльцемъ поѣздить.» Бѣжитъ

Ванюшка, а на встрѣчу—отецъ, и спрашиваетъ: «Цѣлы ли лошади?» «Цѣлы, а пѣгій лучше всѣхъ». Тотъ говоритъ: «Шерсть не хороша». «Прикажите», говоритъ Ванюшка,—«осѣдлать, я передъ крыльцемъ проѣду». «Хорошо», говоритъ. А она съ верхняго двуетажа увидала мужа и спрятала жида. Ванюшка выѣхалъ изъ конюшни и говоритъ: «Хорошъ?» «Хорошъ». «А у твоей жены, у моей матери жидъ въ комнатѣ запертъ. Раскачай, да брось его изъ окошка!» Такъ и уѣхалъ Ванюшка изъ дому, бросилъ ихъ всѣхъ.

(Записано отъ крестьянина Василья Авдѣева. С. Новиковка, Самарской губ. Ставроп. уѣзда.)

29.

Волкъ и стариковы дочери.

Поѣхалъ дѣдушка пахать; у дѣдушки было три дочки. «Я пойду», говоритъ дѣдушка,—«во чистò поле пахать и безъ хлѣба работàть; а вы хлѣбца испеките, да ко мнѣ принесите». Дочка и говоритъ: «Дѣ намъ, тятенька, тебя найти?» «А пойду на загонъ, въ одну трошку стружки буду стружить». Ѣдетъ старикъ и стружечки струживàтъ, а волкъ на свою тропу таскатъ. Посылаетъ большая дочь да меньшу́ю сестру: «Поди-ка отнеси батюшкѣ кусокъ». Та взяла понесла и говоритъ: «Сестра родна, дѣ мнѣ батюшку найти, куды хлѣбецъ принести?» «Онъ ѣдетъ да ѣдетъ, въ одну тропочку стружки струживàтъ». Взяла она пошла и къ волку въ но́ру зашла. Волкъ пришелъ и говоритъ: «Эхъ, каку-у мнѣ жену-то Богъ далъ!» Она испугалась и сѣла въ уголокъ. Вечеромъ старикъ говоритъ: «Что вы, дочки, хлѣба не принесли?» Большая и говоритъ: «Меньшая дочь къ вамъ хлѣба понесла и домой-то не пришла». По утру всталъ старикъ, запрёгъ лошадь, поѣхалъ бороновàть, и говоритъ: «О, вы, дочки мои умны, разумны, придите въ поле! Хлѣба мнѣ принесите». «Батюшка родной, возьми-ка насъ съ собой: хлѣбъ-то мы тебѣ испечемъ, а дѣ же мы тебя найдемъ?» «Вотъ я поѣхалъ вчерась, въ одну тропу стружки стружилъ,

а нынче пойду, буду въ двѣ стружить». Ѣдетъ старикъ, въ двѣ тропы стружки стружитъ, а волкъ на свою тропу таскатъ. Вторая дочь пошла, не нашла отца, къ волку въ нору попала и тамъ сидитъ. Сидятъ у волка въ норѣ двѣ сестрицы родныхъ. Пришелъ волчокъ, пожилой мужичекъ и говоритъ: «О го! го! го! Вотъ двѣ жены Богъ далъ!» Вечерокъ время пришло, собрался старикъ домой. Не позавтракалъ, не пообѣдалъ, съ горя пѣсенку поетъ. Столько пѣсенъ не поетъ, сколько слезы проливаетъ. Пріѣзжаетъ домой, спрашиваетъ: «Охъ дочь моя мила, дочь моя умна, дочь моя разумна, что ты хлѣба не несла и сама ко мнѣ не пришла?» Дочь отвѣчаетъ: «Охъ ты батюшка родной, я вчерась посылала меньшую-то сестру, а нынче испекла пирожокъ и вторую дочь послала. Пирожокъ она понесла и домой-то не пришла». «Охъ», говоритъ старикъ,—«да знать несчастье мое: глупыхъ посылашь; а вотъ нынче въ три тропы буду стружки стружить». Старикъ въ три тропы стружки стружитъ, а волкъ на свою тропу таскатъ. Пошла большая дочь, хлѣба понесла, стружечки нашла и въ волчую нору взошла. Пришелъ сѣрый волчокъ и говоритъ: «О го! го! го! Вотъ три же-н-ы-ы!» Сталъ съ ними жить да поживать, а норочку зарывать. Большая сестра и говоритъ: «Му-у-жъ! Отнеси-ка батюшкѣ гостинчикъ, я испеку пирожокъ!» Вотъ она не испекла пирожокъ, а завязала малую дочь въ мѣшокъ, положила ему за горбокъ. «Охъ ты, сѣрый волчокъ, понеси-ка мому батюшкѣ гостинчикъ». Сѣрый волчокъ подхватилъ и понесъ. Идетъ да идетъ, да приговариваетъ: «А вотъ сѣсть, сѣсть на пенёкъ! А вотъ съѣсть съѣсть пирожокъ!» А дѣвица отвѣчаетъ въ мѣшкѣ: «Не сади-ись, не сади-сь на пенёкъ, не ѣ-шь, не ѣшь пирожокъ! Понеси мому батюшкѣ гостинчикъ!» «Эге-ге, жена, гдѣ ты слышишь?» Принесъ къ тестеву двору, тутъ его собаки и приняли и хамъ, хамъ за нимъ! Прибѣжалъ волкъ и говоритъ: «Жена!» «Что, сѣрый волкъ?» «То-то какъ меня шурья въ гости-то звали!» «Что ты у нихъ, хозяинъ, не ночевалъ?» «Я тамъ шаровары ти потерялъ». Наутро жена и говоритъ: «Сѣрый волчокъ, отнеси мому батюшкѣ нынче гостинчикъ!» «Давай!» Она пирогъ-отъ не испекла, а вторую сестру въ мѣшокъ поволокла. «На-ка, отнеси пирожокъ!» Волкъ понесъ; идетъ да приговариваетъ: «А вотъ сѣсть сѣсть на пенёкъ! А вотъ съѣсть съѣсть

пирожокъ!» А дѣвица отвѣчаетъ въ мѣшкѣ: «Не сади-ись, не сади-ись на пенёкъ, не ѣ-шь, не ѣ-шь пирожокъ!» «Эге, жена, гдѣ ты слышишь?» Дошелъ волкъ до тѣстева двора, скокъ черезъ заборъ; собаки и давай его рвать: чуть живой прибѣжалъ. «Тутъ-то, жена, какъ меня шурья ти въ гости звали, и голяшки всѣ изорвали!» «Вотъ, завтра, сѣрый волкъ, батюшкѣ гостинчикъ отъ меня отнеси, да ночуй у нихъ». Она сама сѣла въ мѣшокъ, да и сидитъ себѣ, а волкъ-старичокъ цопнулъ и поволокъ. Принесъ къ тестю. Собаки приняли его рвать, онъ не знатъ, куды бѣжать. Онѣ его догнали, на мелки куски изорвали и по полю растаскали. Сталъ старикъ съ дочками жить, добра наживать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

30.

Конь, сумка и дубиночка.

Жилъ былъ старикъ со старухой, у нихъ было три сына: двоето умныхъ, а третій Ванюшка дуракъ. Посѣяли они десятину гороху. Уродился горохъ отлично хорошъ и стручковъ на нимъ было множество. Повадился на горохъ летать привеличающій журавь. Вотъ старикъ ходитъ на горохъ, все горохъ выщелу́каный, одни пустые стручки. Приходитъ домой и говоритъ дѣтямъ: «Робята, кто-то у насъ горохъ поѣдаетъ». Посылаетъ большаго сына покараулить ночку. Тотъ пришелъ, стручечковъ поѣлъ, всю ночь проспалъ. Журавь прилетѣлъ, наклевался и улетѣлъ. На другую ночь другаго сына посылаетъ. И этотъ не укараулилъ. Ванюшка и говоритъ, дурачекъ: «Дѣ имъ, батюшка, укараулить? Я пойду, такъ укараулю!» Пошелъ на горохъ, натеребилъ превеличающее беремя гороху и самъ горохомъ покрылся. Нащелукалъ горсть, изъ-подъ гороху руку вотъ такъ высунулъ и доржитъ горохъ въ горсти. Онъ былъ не дуракъ. Вотъ журавь прилетѣлъ, увидалъ у него горохъ въ рукѣ и зачалъ изъ руки клевать. Онъ его за носъ цопъ! И пымалъ. И попёръ его къ отцу. Претъ его черезъ плечо, ноги по землѣ тащатся. Вотъ журавь рвался, рвал-

ся, не вырвется: здо́рово прётъ. И сталъ онъ ему говорить: «Ванюшка, пусти меня, а наутро, вотъ въ это мѣсто въ гости приди». Ванюшка журавля пу̀стилъ. Наутро говоритъ: «Батюшка, я журавля пыма̀лъ!» «Да, дурацка стать, куды ты его дѣва̀лъ?» «Опять пу̀стилъ. Я къ нему нынче въ гости пойду». Отправился и пошелъ. Шелъ, шелъ путемъ дорогой; стоитъ на дорогѣ избушка, на куричьей голяшкѣ повёртывается. Ванюшка и говоритъ: «Избушка, избушка, встань ко мнѣ передо́мъ, къ лѣсу задо́мъ!» Избушка стала. Онъ взошелъ въ нее, Богу помолился, (въ избенкѣ— дѣдушка съ ба́шкой) имъ поклонился. «Дѣдушка съ баушкой, пусти́те ночевать!» «Ночуй, другъ!» Ночевалъ, тёмну ноченьку проспа̀лъ; поутру̀ всталъ, опять пошелъ. На дорогѣ встрѣчаетъ его жура̀вь и въ гости зоветъ. Напоилъ, накормилъ и домой проводилъ. Далъ жура̀вь ему на дорогу лошадку и говоритъ: «Ванюшка, не говори дорогой: к о н ь п о с . . . !» «Ладно, не буду». Ѣхалъ, ѣхалъ и думаетъ: «А что же это онъ не велѣлъ сказывать, что к о н ь п о с . . . ?» Слѣзъ да и говоритъ: «Конь, пос...!» Тотъ и сталъ валить зла̀томъ и сѐребромъ. «Конь перестань!» Конь пересталъ и деньги въ ж... забра̀лъ. Доходитъ до дѣдушки съ баушкой. «Пустите ночевать!» Пустили. Ложится дурачекъ спать и говоритъ: «Не говорите, дѣдушка съ баушкой ночью: конь пос...!» «Нѣту, не станемъ». Старикъ со старухой ночью встали, огонька вздули и говорятъ: «Что же намъ онъ не велѣлъ сказывать, что к о н ь п о с . . . !» Старикъ и сказалъ: «Конь, пос. .!» Конь навалилъ имъ съ копну сѣнную денегъ. Они взяли ихъ, убрали и лошадку спрятали; а дураку свою дали клячёнку. Дуракъ поутру всталъ, сѣлъ и поѣхалъ. Ѣдетъ къ свому двору и кричитъ: «Батюшка и братцы! Метите дворъ, стелите коверъ!» Самъ сидитъ верхомъ на конѣ и говоритъ: «Конь, пос...!» Конь навалилъ кучу г....ъ, рѣшетомъ не покроешь. Отецъ сгрёбъ дурака за̀ волосы и ну таскать. «Эхъ ты, дурацка стать, коверъ-отъ замаралъ!» Дуракъ и говоритъ: «Ахъ, жу̀рынька, обманулъ!» И опять къ нему пошелъ. Приходитъ къ нему. «Ты, говоритъ, жу̀рынька, меня обманулъ!» «Чѣмъ?» «Лошадку плохую далъ». «На вотъ тебѣ, дуракъ, еще гостинчикъ, на тебѣ сумку; коли поѣсть захочешь, скажи: «В ы д ь и з ъ с у м к и!» Онъ шелъ, шелъ дорогой и захотѣлось ему поѣсть. «Выдь изъ сумки!» Вышли изъ сумки

тридцать три молодца, вынесли тридцать три стола и наставили ѣствовъ сахàрныхъ, наставили пойловъ медвяныхъ. «Извольте кушать! Сколько угодно!» Дуракъ напился, наѣлся и говоритъ: «Сумка, скройся!» И пошелъ. Приходитъ опять къ дѣдушкѣ съ баушкой. «Дѣдушка съ баушкой, пустите ночевать!» «Иди, не спрося!» Легъ онъ спать и говоритъ: «Дѣдушка съ баушкой, не говорите: выдь изъ сумки!» А сумку на полàвочникъ положилъ. Вотъ дуракъ уснулъ крѣпко. Старикъ съ старухой встали и говорятъ: «Выдь изъ сумки!» Вышли тридцать три молодца, вынесли тридцать три стола и наставили ѣствовъ сахàрныхъ, пойловъ медвяныхъ. «Извольте кушать! Сколько угодно!» Они сейчасъ сумку другу̀ сшили и на это мѣсто положили. Пошелъ Иванъ до дворовъ. Приходитъ домой. Семья на гумнѣ молотитъ, мать избу топитъ: молотильщикамъ завтракъ варитъ. Кричитъ дуракъ: «Матушка, заливай огонь!» «Наштó, дурацка стать? Молотильщики придутъ, чего завтракать будутъ?» «Я накормлю». Пришли молотильщики, говорятъ: «Матушка, дай позавтракать!» Мать говоритъ: «Нечего: дуракъ огонь зàлилъ». «Садитесь, братцы», говоритъ дуракъ, — «накормлю!» Вынулъ сумку изъ пазухи. «Выдь изъ сумки!» Нѣтъ никого. Вотъ его тутъ и ну ну ну дуть опять. Хлопъ дуракъ сумку òбъ столъ, самъ во походъ пошелъ; на журавля осерчалъ. «Ахъ, пойду, говоритъ, голову отрублю! Другой разъ обманулъ!» Приходитъ къ журавлю: «Ты, говоритъ, другой разъ обманулъ». «На тебѣ, дуракъ, третій гостинчикъ». Далъ ему дубиночку. «Иди дорогой, да не говори: «Дубиночка, помели!» Шелъ дуракъ дорогой и думаетъ: «Что это онъ не велѣлъ сказывать: «дубиночка помели?» И сказалъ. Вотъ дубиночка стала молоть мукою и крупой, намолола цѣлую кучу. «Дубиночка, перестань!» Она и перестала; и муку̀ опять поклàла. Ванюшка опять пошелъ, къ дѣдушкѣ съ баушкой зашелъ. «Пустите, дѣдушка съ баушкой ночевать!» «Иди, не спросясь». Взошелъ, дубиночку подъ лавочку положилъ. Ложится спать и говоритъ: «Дѣдушка съ баушкой, не говорите, что дубиночка помели». «Нѣтъ, не станемъ». Дуракъ заснулъ. Старикъ съ старухой встали, огонь вздули, взяли дубиночку, вышли въ сѣни и сказали: «Дубиночка, помели!» Вотъ она и начала ихъ щепàть. Они не знаютъ куды бѣжать. Старику-то рыло въ кровь разбила, а старухѣ затылокъ проломила. Ста-

рикъ съ старухой не дуро́мъ кричатъ. Ванюшка услыхалъ, въ сѣни выбѣгалъ. «Ну-ка, дубиночка, да прибавь!» Она айда еще пуще: изъ ж... у нихъ полетѣла гу̀ща. Старикъ кричитъ: «Ванюшка, уйми! Отдамъ тебѣ коня!» Старуха кричитъ: «Ванюшка, уйми! Отдамъ твою сумку!» Ванюшка крикнулъ: «Дубиночка перестань!» Дубиночка перестала, чуть живыхъ ихъ пустила. Они отдали ему коня и сумку. Ванюшка сѣлъ да и поѣхалъ. Сумочку везетъ, а дубиночку въ рукахъ несетъ. Пріѣхалъ ко двору. «А вотъ, братцы, метите дворы, стелите ковры!» Тѣ говорятъ: «Опять, дуракъ, этакъ?» Разостлали ковры. Дуракъ сказалъ: «Ну-ка конь, пос...!» Конь на.... и зла̀та и сѐребра дѣвать некуда! Деньги убрали, а конька въ конюшню прибрали. Говоритъ Ванюшка: «Айдате-ка, братцы, позàвтракамъ! Ну-ка, выдь изъ сумки!» Вышло изъ сумки тридцать три молодца, подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ и подъ одну черную бровь; вынесли тридцать три стола, разостлали скатерти бра́ны, наставили ѣствы сахàрны, пойла медвяны: «Просимъ покорно кушать!» Напились, наѣлись; гдѣ сидѣли тутъ и свалились. Дуракъ и говоритъ: «Сумка, скройся!» Она скрылась. «Айдате-ка, братцы, въ амбаръ дубиночку понесемъ!» Пришелъ въ амбаръ: «Дубиночка, помели!» Она намолола и муки и крупы—дѣвать некуда. Они разжились, разбылѝсь, разбогатѣлись; сумочки пошѝли, кошелѝ поплели, на базаръ побрелѝ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

31.

Кузька воръ.

Жилъ былъ Кузька воръ. Баринъ и говоритъ: «Кузька, укради у меня собаку! Дамъ, если украдешь, сто рублей». Кузька говоритъ: «Украду». «Какъ ты украдешь? Вѣдь она злая». «Это», говоритъ,—«мое дѣло, а не ваше». Приходитъ Кузька домой и говоритъ: «Мать, сшей мнѣ мѣшокъ такой-то вотъ длины, такой-то ширины». Мать сшила ему. Онъ пошелъ. Приходитъ къ воротамъ;

взялъ да и приколотилъ мѣшокъ подъ подворотню, широко растопырилъ, а самъ отошелъ. Собака молчитъ, не чуетъ. Лукнулъ черезъ ворота камень, она и учуяла, бѣжитъ. Разбѣжалась да прямо въ мѣшокъ и попала. Кузька оторвалъ мѣшокъ и убѣжалъ съ нимъ домой. Баринъ поутру встаетъ, собаки нѣтъ. «Ступайте, говоритъ, слуги, призовите Кузьку!» Тѣ пошли. «Кузька дома?» «Дома». «Собака у тебя?» «У меня». «Иди къ барину!» Приходитъ, собаку приноситъ. Баринъ ему сто рублей отдалъ и говоритъ: «Украдешь у меня еще жеребца?» «Украду». «Да какъ ты украдешь? Вѣдь у меня его четверо людей караулятъ: одинъ верхомъ, другой за поводъ будетъ держать, третій — за хвостъ, четвертый — въ дверяхъ». «Это дѣло мое», говоритъ Кузька воръ;— «украду». Вотъ баринъ уснулъ. Кузька приходитъ въ его хоромы, одѣлся въ баринову одёжу, взялъ четверть водки, выходитъ вечеромъ на крыльцо и кричитъ: «Ребята! Кузька не былъ?» «Не былъ-съ». «Идите, по р ю м у́ ш е ч к ѣ выпейте». Они выпили. Напоилъ ихъ пьяныхъ Кузька, они и повалились. Пришелъ онъ, взялъ жеребца и увелъ; замѣсто его мя́лицу поставилъ; одного-то верхомъ на нее посадилъ, другому-то веревку далъ, за ручку привязалъ, третій такъ валя́тся, а четвертый пьяный у дверей лежитъ. Баринъ поутру приходитъ, кричитъ: «Робята, робята!» Они спятъ себѣ; добудились на силу. «Гдѣ жеребецъ?» Нѣтъ жеребца: проспали. «Зачѣмъ вы насъ, баринъ, виномъ поили?» «Когда?» «А вчера?» «Призвать Кузьку!» Призываютъ. Пріѣзжаетъ Кузька на барскомъ жеребцѣ; получилъ отъ барина сто рублей. Послѣ баринъ и говоритъ: «А вотъ что: укради у меня деньги». «Ладно, говоритъ Кузька». «Какъ ты украдешь? Вѣдь онѣ у меня въ головахъ и люди будутъ ихъ с т е р е ч ѝ день и ночь». «Дѣло мое, украду». Пошелъ Кузька на кладбище, вырылъ онъ тамъ мертвеца, притащилъ его и мертвыми руками царапаетъ въ окошко. Проснулся баринъ. «Стой! Это Кузька!» А Кузька открылъ окошко да и сунулъ мертвеца въ комнату. Сейчасъ ему баринъ голову на́прочь и отрубилъ. «Ну, говоритъ, это видно не жеребца воровать, Попался! Пойдемте его хоронить», говоритъ. Пошли мертвеца зарывать. Кузька вбѣжалъ въ горницу и говоритъ: «Барыня, поймали! Пожалуйте барину деньги—раздѣлаться!» Та испугалась, да всѣ деньги и отдала, всю шкатулку. Онъ ее и унесъ. «Теперь

схоронили, больше не будетъ воровать», говоритъ баринъ. Утромъ встаютъ—денегъ нѣтъ. «Ахъ, мотри мы не его срубили!» Посылаютъ къ Кузькѣ. «Дома Кузька?» «Дома». «Иди къ барину». Приходитъ Кузька и деньги приноситъ, получаетъ сто рублей. «Укради», говоритъ ему баринъ,—«мою барыню». «Ладно, украду». «Да какъ же ты ее украдешь? Я всегда съ ней». «Дѣло это не ваше, украду». Сшилъ Кузька чучелу, вылитаго себя, въ бѣлую одёжу одѣлъ и повѣсилъ на кустъ, а самъ за другой кустъ спрятался. Баринъ и ѣдетъ на тройкѣ съ барыней; проѣзжаетъ мимо куста, видитъ, что Кузька на немъ виситъ. «Стой! Вотъ гдѣ Кузька-то! Видно его порѣшили. Пойдемъ, кучеръ, хоть надъ мертвымъ помудруемъ». Стали они чучелу бить да дергать, а Кузька выскочилъ тѣмъ временемъ изъ-за куста, палъ на козла и ускакалъ вмѣстѣ съ барыней. Взялъ онъ послѣ эту барыню и промоталъ: чертямъ продалъ. Баринъ посылаетъ къ Кузькѣ людей. Тѣ спрашиваютъ: «Кузька дома?» «Дома». «Барыня у тебя?» «Нѣтъ: я ее чертямъ продалъ». «Ступай, выкупи!» Пошелъ Кузька выкупать. Приходитъ къ озеру. Выбѣгаетъ чертенокъ. «Ты что, Кузька?» «Давайте барыню назадъ!» Чертенокъ—къ водяному. «Дѣдинька», говоритъ, — «барыню назадъ просятъ». Водяной и говоритъ: «Кто изъ васъ гирю выше вскинетъ, тому и барыню». Чертенокъ вышелъ изъ озера и говоритъ Кузькѣ: «Давай вотъ эту гирю кто выше вскинетъ, тому и барыню». «Ладно, кидай!» Чертенокъ кинулъ высоко, высоко: гиря упала, въ землю вся ушла, однѣ ушки остались. «Ну ты теперь кидай, Кузька!» Кузька взялъ за ушки, силы-то нѣтъ выдернуть, вотъ онъ глядитъ на облако и говоритъ: «Вонъ тамъ дядя мой живетъ, кузнецъ, во-о-нъ дверь-то растворёна... На что нибудь годится ему». Чертенку жаль стало гири, схватилъ ее да маршъ къ дѣдушкѣ. «Дѣдинька, дѣдинька! Онъ хочетъ ее къ дядѣ кузнецу за облака закинуть». «А вотъ спасибо, что унесъ», говоритъ. — «Подите теперь въ перегонки: кто кого перегонитъ, тому и барыню». Кузька и запримѣтилъ тѣмъ временемъ зайца подъ кустомъ. Чертенокъ выбѣжалъ изъ озера да и говоритъ: «Давай въ перегонки! Кто кого перегонитъ, тому и барыню». «Ладно. Эхъ ты», говоритъ Кузька,—«куда тебѣ? У меня есть маленькій малютка, въ пеленкахъ еще лежитъ, и то ты его не перегонишь!» «Укажи, пойдемъ». Идетъ; только, не доходя до

куста, кинулъ Кузька камешкомъ. Заяцъ какъ прыснетъ и пошелъ... Чертенокъ ему кричитъ: «Постой! Постой! Сверстаемся! Сравняемся!» А тотъ еще пуще жаритъ. Такъ и не догналъ. Воротился въ озеро, говоритъ: «Дѣдинька, у него есть маленькій малютка, такъ и того не догонишь, а куда его догнать». «Ну теперь кто изъ васъ кого поборетъ?» Выбѣжалъ чертенокъ и говоритъ: «Давай бороться! Кто поборетъ, тому и барыня». «Эхъ», говоритъ Кузька, — «у меня есть дѣдъ семидесяти семи лѣтъ и зубовъ-то нѣтъ, и тотъ тебя изломаетъ». «Пойдемъ, укажи!» Вотъ Кузька и привелъ его къ медвѣдю. Подошелъ чертенокъ къ медвѣдю и говоритъ: «Дѣдушка, а дѣдушка! Ну-ка давай бороться». А медвѣдь только знай сопитъ себѣ. Кузька-то и говоритъ чертенку: «Онъ вѣдь такъ-то не борется, а ты его подъ бока потычь!» Тотъ и давай тыкать. Медвѣдь давай чертенка ломать; до той степени ломалъ, что мочи у чертенка не стало: вылѣзъ изъ-подъ медвѣдя, да въ озеро. «Дѣдинька», говоритъ,—«я насилу вырвался: у него есть дѣдъ семидесяти семи лѣтъ и зубовъ нѣтъ, такъ и тотъ такъ меня изломалъ, что бѣда, а куда съ нимъ!» «Ну», говоритъ водяной,—«теперь кто изъ васъ б о л ь н ѣ е свиснетъ, тому и барыня достанется». «Ну свищи ты!» говоритъ Кузька. Чертенокъ свиснулъ, индо съ дубу листъ посыпался. «Ну, Кузька, теперь ты свисни!» А вотъ что, чортъ, ты сядь къ озеру ногами, а глаза-то завяжи, а то выкатятся». Чертенокъ такъ и сдѣлалъ. Кузька размахнулся, да какъ свиснетъ чертенка по башкѣ, тотъ прямо—въ озеро, и искры изъ глазъ посыпались. Нечего дѣлать, выводитъ ему изъ озера барыню. Вернулся Кузька домой. «Вотъ вамъ, баринъ, и барыня». Баринъ ему опять—сто рублей. Сошелся послѣ того Кузька съ дядей. «Давай вмѣстѣ воровать!» «Давай». А кто у насъ будетъ большой?» «А вотъ кто изъ-подъ вороны яйца вынетъ, такъ, чтобы та не слыхала, тотъ и будетъ большой». Вотъ дядя и полѣзъ на дерево, а Кузька—за нимъ, и вырѣзалъ у него подошвы. Тотъ слѣзъ. «Что, дядя, вынулъ?» «Вынулъ». «А гдѣ у тебя подошвы?» «Ну», говоритъ, Кузька, — «будь ты большой, коли такъ». Пошли они воровать. Нашелъ Кузька красненькій сапожокъ, взялъ въ него нага́дилъ, да на дорогѣ и поставилъ. Ѣдутъ мясники, купили быка на мясо. Видятъ мясники: сапогъ стоитъ. «А, говорятъ, постой! Сапогъ нашелъ!» Сунулись

къ нему, а тамъ дерьмо. Бросили. «Кабы», говорятъ, — «другой такой былъ, ну ничего, а то что, куда его?» Вотъ Кузька забѣжалъ впередъ и опять этотъ сапогъ на дорогѣ поставилъ. Доѣхали мясники до него, видятъ: другой сапогъ. Привернули лошадь, пошли назадъ за первымъ. Кузька тѣмъ временемъ быка отвязалъ, голову отрѣзалъ и во ржавицу затискалъ вмѣстѣ съ веревкой, только конецъ на берегъ выпустилъ. Мясники вернулись, хвать — быка нѣтъ. А Кузька сидитъ подъ кустомъ и мычитъ. «Бынѐюшка! Бынѐюшка!» Искали, искали и нашли веревку; потащили—голова! И стали между себя говорить: «Чего тащить-то? Шея оторвалась, а быкъ-то видно во ржавицѣ утонулъ. Поѣдемъ домой!» Только они уѣхали, Кузькѣ и захотѣлось кожу отъ дяди утаить. Вотъ онъ выломилъ два большихъ прута и давай по шкурѣ задувать. «Батюшки, братцы, не одинъ я, съ дядей! Батюшки, братцы, не одинъ я, съ дядей!» Дядя услыхалъ да и убѣжалъ. Кузька шкуру одинъ и продалъ.

(Со словъ воротника Алексѣя въ с. Озеркахъ, Самарской губ. Ставроп. у.).

32.

Шутъ Максимка.

Въ одномъ селѣ жилъ попъ съ попадьей; у нихъ было двѣ дочери дѣвушки и сынъ женатый, тоже попъ. Вотъ разъ стараго попа не было дома, и приходитъ мужичекъ, просится ночевать. Его пустили. Влѣзъ онъ на полати, лежитъ да смотритъ, что въ комнатѣ дѣлается. Приходитъ старикъ съ поминокъ, приноситъ денегъ сорокъ алтынъ и положилъ эти деньги подъ образа! Сѣли ужинать, ему жена и говоритъ: «Попъ, къ намъ пришелъ мужичекъ ночевать, я тебѣ забыла сказать». Позвали и мужичка ужинать. Слѣзъ онъ съ полатей и сѣлъ въ передній уголъ, за столъ; досталъ отъ образовъ книгу, сталъ смотрѣть, а держитъ ее вверхъ ногами. Попъ его спрашиваетъ: «Видно ты грамотный?» «Да, знаю», говоритъ,—«кое что». Поужинали, легли спать. Молодой попъ и го-

воритъ женѣ: «Повязывай, попадья, голову на ночь, а то у меня волоса долгіе, а у тебя тоже; если мы перепутаемся, я тебя прибью». Уснули; а мужичекъ не спитъ: вышелъ тихонько на дворъ, увидалъ тамъ трехгодовалаго бычка, вернулся въ горницу, взялъ ножъ и зарѣзалъ его. Требушину положилъ между старымъ попомъ и попадьей, а кишки—между дѣвушками, а молодого попа связалъ съ женой волосами. Вотъ старая попадья проснулась и слышитъ что это возлѣ нея скверное лежитъ. Будитъ попа. «Попъ, а попъ! Ты видно на поминкахъ-то блинами объѣлся!» «Что ты, попадья? Это ты видно, а не я». Пока они перекорялись—проснулись дочери; видятъ, что возлѣ нихъ что-то неладно; одна другой и говоритъ: «Сестра, это ты родила?» «Нѣтъ, говоритъ другая, не я, а ты!» Поднялся шумъ и проснулся молодой попъ; хотѣлъ было онъ встать, анъ нельзя: связанъ волосами съ женой. Началъ онъ ее бить да приговаривать: «Говорилъ тебѣ—повязывайся, а ты не слушала! Такъ вотъ же тебѣ!» Вздули огня, глядь а мужика то нѣтъ. Вышли на дворъ, а бычка какъ не бывало. Тутъ и увидали, что это его штуки. «Быть это шуту Максимкѣ!» говоритъ старый попъ. Пошелъ искать, а его и слѣдъ простылъ. А шутъ Максимка идетъ лѣсами и на плечахъ стягъ говядины. На встрѣчу ему идутъ воры-разбойники; украли себѣ невѣсту. Увидѣли его: «А, шутъ Максимка, здорово! Гдѣ ты говядину взялъ?» «Да вотъ за лѣскомъ выпала г о в я ж ь я т у ч а, мяса видимо невидимо. У меня лошади нѣтъ, я только стягъ взялъ, а у васъ свадьба—такъ надо мяса то. Поѣзжайте, наберете много!» Воры оставили невѣсту одну на лошади, а сами за говядиной поѣхали. Шутъ Максимка подбѣжалъ къ невѣстѣ и спрашиваетъ: «Волей ты ѣдешь, или не волей?» «Какой тутъ волей, когда меня украли», отвѣтила дѣвушка. «Ну такъ сымай съ себя все одѣянье, одѣнься въ мое, а я—въ твое; я сяду здѣсь, а ты домой бѣги!» Такъ и сдѣлали. Шутъ Максимка покрылся фатой и сидитъ. Воротились разбойники съ пустыми руками, бранятъ Максимку на чемъ свѣтъ. Спрашиваютъ невѣсту, куда онъ пошелъ; та только рукой махнула. «Ну еслибъ онъ намъ попался, мы бы его живого не оставили!» А догонять Максимку некогда: боятся, чтобъ и за ними не было погони. Поѣхали, обвѣнчались въ первомъ селѣ, пріѣхали домой; молодыхъ положили на подклѣть и заперли. Только что заперли, молодая и говоритъ мужу: «Выпусти

меня: я хочу до вѣтру». «Куды же тебя я выпушу, когда мы заперты?» «Да куды хошь! Я хочу, вотъ тебѣ и сказъ!» Сколько ни бился съ ней мужъ, принуждёнъ былъ поднять въ полу доску, а подъ поломъ были овцы. Привязалъ онъ ее на кушакъ, спустилъ внизъ и говоритъ: «Когда кончишь, потряси за кушакъ, я тебя подыму». «Ладно» говоритъ шутъ Максимка. Спустился, взялъ барана и привязалъ его за рога поясомъ, а самъ нашелъ дверь да и убѣжалъ. Вотъ молодой ждетъ жену, когда она за кушакъ потянетъ. Слышитъ, что тянутъ—онъ и началъ подымать, а баранъ благимъ матомъ кричитъ. Услыхали, отперли молодаго, спрашиваютъ, что случилось. Онъ и разсказалъ. «Быть это шуту Максимкѣ! Ну не сдобровать ему!» Начали искать и, конечное дѣло, не нашли. А шутъ Максимка прибѣжалъ въ лѣсъ. Идетъ лѣсомъ и видитъ, что мужикъ ѣдетъ въ телѣгѣ. Взялъ тутъ шутъ Максимка сапогъ, сдѣлалъ въ него что надо и поставилъ на дорогу, а самъ въ кусты спрятался и смотритъ что будетъ. Подъѣхалъ мужикъ, видитъ: сапогъ хорошъ, да полонъ накладёнъ. «Что, думаетъ, его брать? Кабы два такъ другое дѣло». Проѣхалъ мимо. Шутъ Максимка, не будь глупъ, схватилъ сапогъ, забѣжалъ впередъ стороной и поставилъ его опять на дорогу. Видитъ мужикъ, что другой сапогъ; оставилъ лошадь съ телѣгой и пошелъ назадъ, за первымъ сапогомъ; а шутъ Максимка сѣлъ на лошадь, да и былъ таковъ. Пріѣхалъ на пчельникъ, залѣзъ въ самый большой пустой пенёкъ и сидитъ тамъ. На пчельникъ въ это время пришли два вора и пробуютъ, который пенёкъ тяжеле. Въ которомъ шутъ Максимка сидитъ, тяжеле всѣхъ. Взяли они его и пошли. Идутъ дорогой, а шутъ Максимка нѣтъ нѣтъ да свиснетъ въ пенькѣ то; а они думаютъ, что за ними погоня. Подошли къ рѣчкѣ, поставили пенёкъ и стали купаться. Шутъ Максимка выскочилъ изъ пенька, да какъ закричитъ: «Васъ-то мнѣ и надо было!» Воры испугались, выскочили изъ рѣчки, да такъ нагіе и убѣжали; оставили на берегу и платье и деньги, которыя съ ними были. Шутъ Максимка все взялъ и валяй дальше. Пріѣхалъ на базаръ въ городъ, купилъ возъ овса и поставилъ къ нему лошаденку; а самъ ходитъ кругъ ея да охорашиваетъ. Взялъ мелкаго серебра, натолкалъ ей въ ж... Видитъ, три купца идутъ. Подходятъ къ нему и говорятъ: «Что это ты такую дрянную лошаденку кормишь ов-

сомъ?» «Кому дрянно, а мнѣ хорошо» говоритъ шутъ Максимка, и зачалъ ее трепать по спинѣ. Изъ н е я и посыпались деньги. Онъ только подбираетъ да въ карманъ кладетъ. Дивятся купцы. «Неужто, шутъ Максимка, твоя лошаденка деньгами ходитъ?» Вы чай не слѣпые, сами видите?» «Продай намъ». «Пожалуй». «Ты что за нее хочешь?» «Триста рублей». Сложились купцы по сту рублей, отдали деньги, повели лошадь. Уговорились, чтобы поочереди брать ее къ себѣ. Взялъ первый купецъ, поставилъ къ себѣ въ конюшню, постлалъ ковры и овса насыпалъ вволю. Приходитъ черезъ ночь и видитъ, что кромѣ дерьма ничего нѣтъ. Приходитъ другой купецъ за лошадью и спрашиваетъ: «Ну что, братъ, много денегъ?» «Столь денегъ, что дѣвать некуда». Такъ у нихъ у всѣхъ кромѣ дерьма ничего не с л у ч и л о с ь. Приходитъ послѣдній купецъ и говоритъ: «У меня вѣдь денегъ то нѣтъ!» «Да и у насъ тоже нѣтъ». «Пойдемте шута Максимку бранить, зачѣмъ онъ насъ обманулъ». А шутъ Максимка знаетъ, что къ нему придутъ черезъ три дня; взялъ пузырь, налилъ его кровью и говоритъ женѣ: «Подвяжи его подъ руку и сядь въ чуланъ. Придутъ купцы, будутъ меня спрашивать, ты тоже выдь и брани меня. Я возьму ножикъ, кольну тебя въ пузырь—ты упади. Тогда я сниму со стѣны плеть и буду тебя бить да приговаривать: «Плетка ж и в и л к а, живи мою жену!» Ты вскочи и уйди въ чуланъ». Такъ и сдѣлали. Купцы пришли, увидали, что плетка такія чудеса дѣлаетъ. «Сколько стоитъ?» «Полтараста рублей». «На». Пришли домой, жены имъ что то не такъ отвѣтили, они ихъ хвать ножомъ; тѣ и умерли. Сколько ни стегали купцы своихъ женъ—ничего не подѣлали. Взвыли. Шутъ Максимка знаетъ, что ему плохо будетъ, вырылъ себѣ на кладбищѣ *) яму, покрылъ ее досками, а сверху земли насыпалъ. Взялъ онъ съ собой жару и жигало, а женѣ велѣлъ плакать и говорить, что она его схоронила. Приходятъ купцы, спрашиваютъ, гдѣ шутъ Максимка. «Мы за нимъ пришли, зашить его въ кулекъ да въ воду бросить: онъ у насъ женъ перерѣзалъ». Жена плачетъ да и говоритъ имъ, что только сегодня его схоронила. «Ну скажи, гдѣ его могила!

*) Варіантъ: на дворѣ.

мы на нее хоть ..... Все легче будетъ». Пошли на могилу; только было одинъ сѣлъ, шутъ Максимка раскалилъ жига̀ло то, да какъ кольнетъ его въ ж...! Тотъ вскочилъ. «Какъ, братцы, что то жутко!» Со всѣми онъ тоже продѣлалъ. «Вретъ», говорятъ купцы,—«это въ могилѣ то шутъ Максимка сидитъ, онъ живъ! Отроемъ его, вытащимъ да—въ куль!» Вытащили шута Максимку, некуда ему дѣваться. Зашили его въ куль, пришли къ рѣкѣ; а на ней проруби не было. Пошли за пѣшнёй, а Максимку оставили. Вотъ шутъ Максимка и слышитъ, что на тройкѣ баринъ ѣдетъ. Опъ и ну кричать: «Батюшка, везутъ на воеводство, а я ни судить, ни рядить не умѣю!» «Стой! кричитъ баринъ. Что за крикъ?» Посылаетъ слугу узнать. Тотъ видитъ, что въ кулѣ человѣкъ; сказываетъ барину, что вотъ де этого человѣка на воеводство везутъ, а онъ судить не умѣетъ. «Я умѣю! Зашейте меня!» Зашили барина, а шутъ Максимка человѣка пустилъ на всѣ четыре стороны, самъ сѣлъ въ сани, заѣхалъ за кусты и смотритъ что будетъ. Приходятъ купцы, прорубили прорубь и бросили барина. Говорятъ межъ собой: «На силу то избавились отъ этого разбойника! Теперь онъ насъ не надуетъ больше!» Только что отошли шаговъ десять, слышатъ, что сзади кто то кричитъ: «Берегись! Па—ди!» Обертываются—шутъ Максимка! «Ты откуда?» «Откуда? Чай вы слышали, какъ меня бросили въ прорубь, я кричалъ: бу̀рыхъ! бу̀рыхъ! Вотъ выбралъ тройку, будетъ съ меня. Тамъ еще много осталось». «Шутъ Максимка, толкни насъ!» «Пожалуй, такъ и быть я сдѣлаю». Столкнулъ ихъ всѣхъ въ воду б у р ы х ъ ловить, пріѣхалъ домой, да и сталъ себѣ жить да поживать, добро наживать, а худо то проживать.

(Отъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой).

33.

Мизинчикъ.

Жилъ старикъ со старухой. Пошелъ старикъ бо̀рону оправлять на дворъ, отрубилъ себѣ палецъ (мизинецъ) и взялъ его въ тря-

пицу завернулъ, и положилъ въ печурку. Старуха блины пекла. Старикъ позавтракалъ и поѣхалъ пахать, а старуха печетъ блины, а сама тужитъ. «Ахъ», говоритъ,—«поѣхалъ онъ пахать и хлѣба не взялъ, некому въ поле хлѣба отвезти!» Мизинчикъ человѣкомъ сталъ да и говоритъ: «Матушка, помажь маслицемъ блиновъ, я тятенькѣ въ поле отнесу». Она обёртывается, а человѣка не видитъ. «Кто это говоритъ?» «Я—тятенькинъ мизинецъ и сдѣлался человѣкомъ!» Старуха намазала блиновъ, въ кошель положила; онъ и понесъ блины на пашню. До его загона дошелъ, стоитъ на межѣ, а въ травѣ его не видать. Кричитъ: «Тятенька! Ступай поѣшь, а я попашу!» Тотъ обертывается и думаетъ: «Что за тятенька? У меня сына не было». Видитъ—на межѣ кошель; подошелъ. «Ахъ, батюшка мой, что ты за человѣкъ?» «Я», говоритъ,—«твой мизинецъ». «Да какъ ты человѣкомъ сдѣлался?» «Да такъ же», говоритъ.—«Поѣшь, а я попашу». Мизинчикъ сѣлъ на лавочку, на соху и пашетъ, а тотъ обѣдать. Ѣдутъ господа. «Хлѣбъ да соль тебѣ, старичекъ!» «Подите, добро жаловать, ко мнѣ обѣдать!» «Что же ты, старичекъ, самъ обѣдашь, а лошадь одна, безъ человѣка пашетъ?» «Нѣтъ, у меня человѣкъ есть». «Да гдѣ же?» Мизинчикъ всталъ на спину лошади и говоритъ: «Вотъ я какой, господа!» Господа удивились. «Продай намъ его!» «Себѣ нужно, господа». Мизинчикъ подошелъ и говоритъ: «Продай меня, батюшка, я отъ нихъ уйду, только деньги получи за меня». «Что возьмешь за него, старичекъ?» «Пятьсотъ рублей». Сторговали и купили Мизинчика. Баринъ его въ карманъ посадилъ и повезъ домой. У него въ карманѣ деньги были. Онъ разодралъ карманъ, да деньги на дорогу выкидалъ и самъ ушелъ. Собралъ деньги, къ отцу пришелъ. Баринъ пріѣхалъ домой и говоритъ: «Какую я штуку привезъ! Маленькаго человѣка купилъ». «Ну-ка покажите-ка!» Полѣзъ въ карманъ, а тамъ ни человѣка, ни денегъ нѣтъ.

Мизинчика отецъ нарядилъ и стали они этими деньгами жить. Вышелъ онъ вечеромъ на улицу; идутъ два разбойника къ попу быка рѣзать: Онъ и говоритъ: «Куды вы, братцы, идете?» «А тебѣ, что за дѣло?» «Какъ, что за дѣло? Я отъ васъ не отстану». «Да ты кто? Къ попу идемъ». «Возьмите меня въ товарищи». «Ну, айда!» Подошли къ поповымъ воротамъ, тюркнулись въ ворота—заперты. «Какъ же быть-то?» (большіе говорятъ), а Мизинчикъ го-

воритъ: «Только бы дырочку найти. Я пролѣзу». Нашелъ дырочку, пролѣзъ и отперъ ворота. «Идите», говоритъ громкимъ голосомъ. «Ахъ, дуракъ, услышатъ!» «Нѣтъ, небось!» Пришли. «Какого быка то рѣзать? Бураго или чернаго?» кричитъ. «А ты тихонько, услышатъ». «Нѣтъ. Ну, давайте бураго рѣзать: онъ получше. Ножикъ-то взяли?» «Нѣту, говорятъ». «Шли вы быка рѣзать, а ножа не взяли!» «Забыли». «Ну постóте, я къ попу въ избу схожу за ножемъ». «Ахъ, сукинъ сынъ, да вѣдь услышатъ!» «Нѣтъ». Пошелъ въ избу, помолился Богу. «Здорово живете! Гдѣ у васъ ножикъ-то, хозява?» Попадья услыхала. «Попъ! Кто-то у насъ ножикъ спрàшиватъ». «Померещилось тебѣ». «Нѣтъ». «Ну вздуй огня, погляди». Вздули, освѣтили, а Мизинчикъ сѣлъ подъ вѣникъ и глядитъ; видитъ ножъ на брусу лежитъ. Вотъ они огонь погасили, онъ ножъ взялъ и ушелъ. Зарѣзали быка. Куды кожу дѣвать? «Постоте, я видѣлъ, гдѣ попъ съ попадьей спитъ, я ихъ кожей одѣну». Понесъ кожу, одѣлъ попа съ попадьей. Куды требушину дѣть? «Погоди, я видѣлъ, гдѣ у попа дочери спятъ, между нихъ положу». Положилъ требушину между дѣвокъ. «Куды, баютъ, гузённую кишку дѣть?» «Я», говоритъ, — «видѣлъ дьячковъ, ихъ коса съ косой свяжу». Пошелъ и связалъ. «А куды намъ пузырь дѣвать?» «Я знаю, гдѣ старая старуха спитъ, ей къ роту привяжу». Тѣ харчь раздѣлили и ушли. Дѣвки проснулись и говорятъ между себя: «Ты видно родила?» «Нѣтъ, я не гуляла. Это ты видно». Разбранились шибко. Проснулся одинъ дьячекъ, повернулся, тащитъ зà косу другаго. Зачали браниться: «Ты меня, такъ тащишь?» «Нѣтъ ты!» «Дуй огонь, старая хрѣновка! Что у насъ?» Начала старуха дуть огонь; дуетъ, дуетъ, пузырь надуетъ, не вздуетъ. Надула пузырь, онъ и лопнулъ. Вздула огонь; попадья встала и говоритъ попу: «Вотъ, попъ, говорила я тебѣ, что ножикъ спрашиваютъ; вотъ у насъ быка и зарѣзали».

(Абрамъ Новопольцевъ).

34.

Медвѣжій сынъ.

Медвѣдь мужнюю жену въ берлогу затащилъ и мальчика съ ней прижилъ; меду ей таскалъ, всего, въ берлогу-то. Только мальчикъ выросъ и захотѣлось ему изъ берлоги вонъ, къ людямъ: стало ему жить тóмно. Оброс мальчикъ до половины шерстью. Медвѣдь его не пускаетъ. Вотъ онъ отъ него вырвался да бѣжать. Медвѣдь догналъ и давай они съ нимъ деревьями драться, корнями ворочать другъ дружку. Медвѣдь зашибъ сына, а медвѣжій сынъ выдернулъ дубъ и убилъ медвѣдя, а съ матерью убѣжалъ. Прибѣжалъ въ свое село, сталъ съ робятами играть. Кого за̀ руку схватитъ — рука долой; кого за́ голову — голова долой. Міръ и говоритъ: «Тебѣ съ нами жить нельзя, мы вышлемъ». И надумали послѣ, что у нихъ въ одной мельницѣ чертей много. Коли медвѣжій сынъ выведетъ ихъ, тогда пусть живетъ. Онъ отправился на мельницу; пришла полно̀чь, видитъ — черти всѣ колеса облѣпили. Онъ и давай ихъ ломомъ бить. Всѣхъ избилъ, до самаго сатаны дошелъ. Тотъ и говоритъ: «На тебѣ злà та, только оставь!» Онъ взялъ злà та, насыпалъ и пошелъ домой; деньги матери отдалъ и опять его міръ принялъ.

(Слышано въ Симбирскѣ).

35.

Чортъ Гришка.

Идетъ бѣдный молодецъ. Тридцать лѣтъ прòжилъ и все не женатъ, и думаетъ себѣ: «Ахъ, да хоть бы меня чортъ женилъ!» Вотъ является передъ нимъ чортъ Гришка. «А что тебѣ, добрый мóлодецъ, чего нужно?» «Да вотъ жениться хочу». «Айда, я тебя женю». И пошли съ нимъ. Чортъ Гришка и говоритъ: «Ступай домой, вари пиво и чего у тебя нѣтъ, скажи только: Ахъ, гдѣ-то

мой братецъ Гришка?» Пришелъ молодецъ домой; у него не было матери и подумать съ нимъ некому, а жениться хочется. Посидѣлъ да и думаетъ: «Гдѣ-то мой братецъ Гришка?» «Я, братъ, здѣсь!» «Хочу пиво варить, да нѣ изъ чего». Гришка солоду несетъ, муки везетъ. Солоду принесъ и муки привезъ, наварили пива, сдѣлали всѣмъ диво. Гришка и говоритъ: «Айда ка, братъ, въ омутъ за невѣстой!» Подводитъ братецъ Гришка къ черному омуту и говоритъ: «Садись на меня да мырнемъ!» Бултыхъ! Сидитъ красная дѣвица; Гришка и говоритъ: «Возьми-ка, братъ, красную дѣвицу, проклянёную. Когда въ баню мать пошла, тогда дочку прокляла. Садись на меня, я тебя женю!» Вотъ онъ подхватилъ дѣвушку, сѣлъ на Гришку да и поѣхалъ. Пріѣхалъ на вольный свѣтъ, красну дѣвицу привезъ. Красная дѣвица изъ хорошаго была дома, утомлёная, проклянёная, а чортъ ее изъ воды взялъ и молодчику отдалъ. Ихъ обвѣнчали, къ молодому въ домъ помчали. У молодаго дома нѣтъ ничего и сказалъ молодой: «А гдѣ-то мой братецъ Гришка?» «Я здѣсь». «Братецъ, гостей подчивать нечѣмъ». Гришка пошелъ, отъ богатаго мужика всего принесъ: и чашки, плошки, и шалфетки на столѣ. Пришли женки изъ богатаго дому глядѣть; одна и говоритъ: «Ахъ, невѣстка, да шалфетка-то моя!» Вотъ Гришка на брусу сидитъ и говоритъ: «А вотъ это не бѣда, что она твоя; а шалфетка-то твоя, да и дочка-то твоя. Ты въ баньку ту пошла и дочку прокляла, а сама безъ памяти домой побрела. Это твоя дочка». Она больно молодушка, обрадовàлась, за молодыхъ больно хваталась. «А что ты», говоритъ молодица,—«добрый мòлодецъ, гдѣ ты шалфетку эту взялъ, а невѣсту гдѣ укралъ?» «Я не укралъ, а мнѣ братъ Гришка далъ». А братъ Гришка на брусу сидитъ, онъ и въ трубочку куритъ. «А что, тетенька, о чемъ болишь, о чемъ заботишься? Вѣдь шалфетка-то твоя, и блюдья ти твоѐ, и стаканчики твоѐ, да и дочь-то твоя! Она изъ воды прибрела. Какъ ты въ баню-то пошла, дочь то прокляла, еще она мàненька была». Вотъ она слезами залилась, за доченьку схватàлась. Доченька испугалась, отъ матери убѣжала, къ мужу подбѣжала. «Охъ мужъ, мой мужъ, я не знаю, какъ быть и кого мнѣ любить: не знай мамыньку, не знай тебя». Отвѣчаетъ молодецъ: «А гдѣ Гришка, братецъ мой?» Сидитъ Гришка на брусу, онъ и трубку куритъ. «Я здѣсь. А вотъ

будь твоя жена! Тутъ и теща-то была, и рюмочки пила, свою дочку пропила. Будетъ, братъ, да и прощай! Живи, не тужи!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

36.

Вавило и Арина.

Мужъ былъ Вавило, жена была Арина, работать больно лѣнива. Послали ее жать, нажала снопъ и три горсти и закатилась спать. Приходитъ домой, свёкоръ спрашиваетъ: «Много ли, Арина, нажала?» «Три кучи». Они думали — три копны. На другой день то же самое: нажала снопъ и три горсти, и закатилась спать. Спрашиваетъ свёкоръ: «Много ли, Арина, нажала?» «Три кучи». «Съ чего бы столько?» На третій день послали и свёкоръ пошелъ поглядѣть. Нажала Арина одинъ снопъ и двѣ горсти, и закатилась спать. Свёкоръ пошелъ домой, взялъ ножницы и остригъ ей голову. Приходитъ Арина домой и говоритъ: «Я-то—я, да голова-то не моя: кто-то остригъ. Я-то жена Арина, а мужъ-то у меня Вавило». Послѣ того вскорѣ померъ отецъ; въ бѣдномъ состояніи сталъ Вавило жить и по́ міру ходить. Въ одно время пошелъ въ другое село; никто куска не подалъ, голодный весь день былъ. Пристигаетъ тёмна ночь; пошелъ онъ домой и заплакалъ горько. «Что буду дѣлать? Самъ голоденъ и дѣти тоже. Дай хоть сѣнца изъ стога пожую!» Подошелъ къ стогу, выдернулъ клочекъ, вывалился пребольшущій пирогъ. «Ахъ, Господи, что такое? Нѣтъ, это я дѣтямъ понесу». Зашелъ съ другаго боку, захватилъ побольше клочекъ, пребольшущая куча золота вывалилась. «Что я буду дѣлать? Если я домой принесу—жена расхвастается и баринъ меня забьетъ, что я столько денегъ нашелъ». Взялъ деньжонокъ нѣсколько, пошелъ на мельницу, купилъ гречу́шной муки, принесъ домой и сказалъ женѣ, чтобы блиновъ напекла. «Вотъ», говоритъ, — «гречушной му́чки насбиралъ». Самъ на базаръ пошелъ, накупилъ соленыхъ судаковъ. Гдѣ ѣхать имъ къ этому стогу, разбилъ барскихъ скирдовъ три—четыре и насо-

валъ этихъ судаковъ рылами туда и оттуда. Попался ему мертвый поросенокъ, онъ засунулъ его въ мерёжку и сунулъ въ озеро. Зашелъ къ попу и просилъ его козла на колокольню посадить, чтобы онъ кричалъ и звонилъ.

Пришелъ домой. «Ну что, напекла? «Вотъ растопляю печку, укисли». «Пеки скорѣ!» Пока пекла, свѣтать стало и она пошла убираться; а онъ укралъ у ней раствору, вышелъ въ поле и давай тѣсто по дорогѣ бросать. Пришелъ домой и говоритъ: «Знашь что? Только не сказывай!» «Лопни глáзыньки не скажу!» «Я вѣдь кладъ нашелъ!» «Что ты?» «Право». Позавтракали. Запрегъ Вавило лошадь, взялъ пологъ и пудовку, поѣхали за деньгáми. Какъ выѣхали, она увидѣла на дорогѣ тѣсто. «Хозяинъ, что это?» «Это кисельная гроза шла». Отъѣхали—увидала блинъ. «Старикъ, это блинъ! Возьми его! Что это, старикъ?» «Э, дура, это кисельная гроза была, а это блинная туча». Доѣхали до скирдовъ. «Гляди-ка, старикъ, солёны судаки!» «Эка диковина? Они завсегда такъ озорничаютъ; соленые судаки скирды разбиваютъ». Ѣдутъ мимо озера. «Старуха, нѣтъ ли мерёжъ, рыбки не попало ли?» Вынулъ мерёжу, а тамъ поросенокъ. «Гляди-ко, поросенокъ-то задохнулся». «Это что это?» «Да тутъ всегда поросята попадаютъ». «Вотъ, старикъ, мы купимъ мерёжъ, да будемъ ставить, всегда свинина будетъ». Подъѣхали къ стогу, насыпали деньги. Ѣхать домой рано; остановились на лугахъ лошадь покормить. Солнце стало закатàться, запрягли лошадь, поѣхали домой. Ѣдутъ мимо церкви и козелъ привязанный оретъ и звонитъ. Она спрашиватъ: «Что это, старикъ?» «Развѣ не знашь? Нашего барина черти дерутъ». «Ужь теперь его не будетъ?» «Нѣту».

Не поспѣла Арина ссыпать деньги, побѣжала въ шабры и расхвасталась, что кладъ нашли. Только ей мало вѣрили. Черезъ нѣсколько время дошла вѣсть до барина. Призвалъ онъ Арину, сталъ спрашивать: «Ну что, кладъ нашли?» «Нашли». «Призвать Вавилу!» Пришелъ Вавило. «Вотъ твоя жена говоритъ, что кладъ нашли вы?» «Да спросите ее, какъ нашли, она на свою голову наорётъ». Стала она сказывать: «Когда мы за деньгàми поѣхали, только выѣхали изъ пóльныхъ воротъ, все кисель да кисель: кисельная гроза шла; а тамъ дальше все блины да блины. Я сбирала все; а потомъ до вашихъ скирдъ доѣхали,

судаки три—четыре скирды въ ло-о-скъ разбили. Я ихъ беремя цѣло набрала. До озера доѣхали, а въ мерёжу-то поросенокъ зимнякъ, такой жирный ввалился. Тутъ всегда они попадаютъ, Насыпали деньги, еще ѣхать рано, покормили лошадь, поѣхали мимо церкви... Есть, баринъ, словечко, да боюсь сказать...» «Говори!» «Въ то время, значитъ, вашу милость на колокольнѣ-то черти драли». «Меня?» «Да, васъ». «Конюха! На конюшню!» Крикнулъ баринъ. Сейчасъ ей полторастá розогъ влѣпили. Оправился мужикъ черезъ свою хитрость и зажилъ богато.

(С. Новиковка, Самарск. губ., Ставроп. у.).

37.

Елевы шашки.

Жили были два брата, одинъ богатый, другой бѣдный. Богатый братъ свиней покупалъ, свининой торговалъ, возилъ въ Мóскву и большіе барыши получалъ. Пришлось разъ, повезъ свинину и ни по чемъ не берутъ. Привезъ ее всю назадъ. У богатаго брата было три сына. Пріѣхалъ онъ изъ Москвы, дѣти спрашиваютъ: «Что, какъ, батюшка, дѣла т и?» «Свинина, говоритъ, нынче, робята, ни почемъ» (А этого торговца мясника самъ царь зналъ). Вотъ наутро бѣдный братъ приходитъ къ богатому и спрашиваетъ его: «Что слышно въ Москвѣ?» «Ничего не слыхать», сердито таковò ему братъ отвѣчаетъ. «А почемъ, братъ, свинина?» «Свинина ни почемъ». «А что же въ Москвѣ дорого?» И сказалъ братъ ему нá смѣхъ: «Елевы ш á ш к и (шишки) въ Москвѣ больно дороги». Б ѣ д н ѣ ю щ і й братъ приходитъ домой и говоритъ хозяйкѣ своей: «Хозяйка, свинина, братъ сказываетъ, въ Москвѣ ни по чемъ, а ѣлевы шашки больно дòроги. Айда, возокъ наберемъ!» (А они отъ Москвы жили въ двадцати верстахъ). Поѣхали въ лѣсъ и набрали возъ. Онъ былъ бѣдный: поѣхалъ въ Москву совсѣмъ р а з д ѣ в ш и, что я же. Пріѣхалъ въ нее утромъ и такъ холоднò. Стоитъ, весь посинѣлъ, съ шашками на базарѣ. Никто не подходитъ и не торгуетъ, потому братъ нá-смѣхъ сказалъ. Вотъ идетъ базаромъ

самъ царь, посмотрѣть что на базарѣ есть, и говоритъ: «Мужичокъ, что это ты привезъ?» «Елевы шашки». «А по чемъ ихъ продаешь?» «Никто не торгуетъ». «На что же ты ихъ привезъ?» «Да меня братъ смутилъ». «Кто тебѣ братъ?» «Вотъ такой то», говоритъ. Былъ здѣсь съ свининой, свинину не продалъ, всю домой привезъ. Я спросилъ: почемъ свинина въ Москвѣ, онъ сказалъ ни по чемъ, а шашки елевы дороги». Царь и говоритъ: «Я твоего брата хорошо знаю. Ну, погоди, шашки ты всѣ распродашь. Мотри, продавай по рублю за шашку! Въ часъ всѣ у тебя разберутъ». Пріѣзжаетъ царь домой и послалъ по всѣмъ господамъ, и купцамъ, и богатымъ мужикамъ, чтобы всѣ шли къ царю въ гости и кажній бы несъ елеву шашку. Приказъ получили и думаютъ гдѣ шашки взять. Одинъ другому разказываетъ: «А вотъ тебѣ: на базарѣ ихъ возъ стоитъ». Побѣжали на базаръ, весь возъ расхватали. Полны сани мужикъ денегъ наклалъ. Приходятъ всѣ къ царю и приносятъ шашки. Шашки онъ принимаетъ и въ чехаусъ ихъ валитъ (не надо никуды). Вотъ мужичокъ шашечки продалъ, пошелъ полушубочекъ купилъ, зашелъ, стаканчикъ водочки выпилъ; сѣлъ да и домой поѣхалъ. Пріѣхалъ домой, встрѣчаетъ его жена и спрашиваетъ: «Что, старикъ, какъ дѣла?» «Слава Богу, хозяйка, рубь за шашку взялъ. Теперь казны привезъ, дѣтямъ не прожить». А богатый братъ въ дырочку слушаетъ, да и кричитъ его: «Подь ка сюда! Что какъ твои шашки?» «Рубь за шашку, говоритъ, взялъ». Тотъ побѣжалъ къ своимъ дѣтямъ, запрягли трехъ лошадей, поѣхали, набрали три воза; поѣхали въ Москву съ шашками. Стали на базарѣ, стоятъ. Прежде вся Москва знала, что онъ свининой торговалъ, и говорятъ ему: «Что ты дерьма то вывезъ? Что свинины не привезъ?» «Свинина, говоритъ, ни почёмъ, очень шашки здѣсь дороги: братъ рубь за шашку продавалъ». Идетъ самъ царь и подходитъ къ нему. «Что ты дерьма привезъ?» «Нѣту, нынче, ваше царское величество, шашки здѣсь дороги». Царь только головкой помоталъ и пошелъ домой. Послалъ царь на базаръ двоихъ казаковъ съ плетями и велѣлъ имъ всыпать пріѣзжимъ тремъ мужикамъ по сотнѣ каждому, за то, чтобы дерьма въ городъ не возили. Казаки пріѣхали на базаръ и начали богатаго брата лупить плетьми. Такъ его отдули, чуть живаго пустили; и шашки всѣ раскидали.

Пріѣхалъ домой весь избитый, какъ песъ, и такъ брата ругаетъ; а братъ и говоритъ: «А чортъ ли тебѣ велѣлъ? Ты бы г..... не торговалъ, а свинину бы продавалъ»: Съ тѣмъ и кончилось.

(Абрамъ Новопольцевъ).

38.

Кобель и жена.

Жили были мужъ съ женой; имѣли пчельникъ порядочный, и была у нихъ устроена келья. По пчельнику ходилъ на цѣпѣ превеличающая собака-кобель. И повадился къ нимъ на пчельникъ лиходѣй и портилъ у нихъ пеньки. Нынче пріѣдутъ—попорченный и завтра тоже. Семьи у нихъ не было, жили мужъ съ женой. И говоритъ онъ женѣ: «У насъ блудитъ кто-то. Пойдемъка, ночуемъ на пчельникѣ съ тобой». Собрались и поѣхали, лошадку въ конюшню заперли, сами легли спать. Является къ нимъ на пчельникъ человѣкъ молодой и подходитъ къ улью, открывàтъ должею; хозяинъ смотритъ и говоритъ: «Хозяйка, я къ нему слѣзу». Слѣзъ хозяинъ къ плуту, который пчелъ гадитъ, взялъ его зà воротъ и стали драться. Такъ стали крѣпко драться, что хозяинъ не сможетъ ладить; и совсѣмъ онъ его задушилъ. «Хозяйка, помоги!» «Кто кого осилитъ, къ тому и пойду». Хозяинъ говоритъ: «Э, каналья, хоть кобеля-то съ-цѣпи спусти!» Кобель шибко съ цѣпи рвется, не оторвется. Жалко ему хозяина, что его злодѣй обижаетъ. Вдругъ кобель крѣпко рванулся и цѣпь перешибъ, и прямо отбѣжалъ къ мошеннику, взялъ его за воротъ и стащилъ съ хозяина. Хватилъ его кобель за горло и удушилъ. Хозяинъ вытащилъ его изъ пчельника и бросилъ въ лѣсъ. Поѣхали мужъ съ женой домой. У него жена была съ чужой стороны взята. Пришла осень, у его жены отца сдѣлался престольный праздникъ, и поѣхали они къ тестю. Хозяинъ и кобеля съ собой взялъ. Пріѣхали къ тестю въ гости; тесть ему крѣпко радъ: гостей встрѣчáтъ, лошадушку убралъ, а зятя съ дочкой къ себѣ

въ горницу забралъ и водочкой сталъ угощать. Теща про зятя пирогъ поставила, да и говоритъ: «Сядь да покушай, меня послушай!» Зятюшка сидитъ за столомъ винца выпиватъ, а еще пирожокъ не ломатъ. Взялъ вострый ножъ въ руки и разрѣзалъ пирожекъ пополамъ, понесъ кобелю. Самъ не закусилъ, перва̀ кобелю пропустилъ. Теща матушка по горенкѣ погуливаетъ, косо на зятя поглядываетъ. Зять видитъ, что она на него осерьѣала: ей полпирога жалко стало, что онъ собакѣ отдалъ. Теща подходитъ къ старику. «А спроси-ка, говоритъ, старикъ, зятя своѐ, на̀што онъ собакѣ пирогъ отнесъ; не для собаки пирогъ поставленъ и не для зятя, а для дитяти». Сталъ зять тестю говорить: «Что, батюшка тесть и матушка теща, что вы мнѣ не рады, али вамъ пирога жалко? Я у васъ половину пирога взялъ и собакѣ отдалъ. Это не собака, а другъ мой: онъ меня отъ смерти отвелъ». Тесть спрашиваетъ: «Скажи-ка мнѣ, какъ онъ тебя отъ смерти отвелъ?» «Вотъ, батюшка я тебѣ всю правду скажу, что у насъ съ хозяйкой случилось. У насъ поблудѝли на пчельникѣ, повадился злодѣй. Вотъ, батюшка и матушка, крѣпко мнѣ пчелъ жалко стало, я и говорю хозяйкѣ и вашей дочкѣ, что пойду этаго злодѣя пыма̀ю. Слѣзъ къ злодѣю и сталъ съ нимъ крѣпко драться онъ меня осиливатъ. Я кричу: «Хозяйка, хозяйка! Помоги манéнечко: смерть моя! А она, каналья, говоритъ: «Кто кого осплитъ, къ тому и пойду». Онъ меня чуть не задушилъ; я кричу: «Хозяйка, спусти хоть кобеля-то!» Она не помогла и кобеля не спустила. «Кобель рвался, рвался и съ цѣпи сорвался; прямо взялъ злодѣя за шиворотъ и стащилъ съ меня. Я тутъ его убилъ и со пчельника стащилъ. Вотъ за то я, батюшка, и полпирога кобелю отрѣзалъ». Тесть и говоритъ: «Это, зять, ничего».

Ночку погуляли, поутру рано вставали; хозяинъ и говоритъ дочери (что пріѣхала-то): «Ступай, дочка, истопи баню: мы съ зятемъ попаримся». Она истопила, пришла домой. «Батюшка, ступайте въ баню». Тесть зятю говоритъ: «Зять, ступай въ баню». «Нѣтъ, пойдемъ вмѣстѣ». «Вотъ тебѣ! У тебя жена есть». Тесть далъ зятю шо̀лковъ поясъ. «На, зять, это для дочери гостинецъ. Ты дай ей память, чтобы она тебя не выдавала: обмакни его въ щелокъ; дочь придетъ (жена твоя), ну за эту причину только два разъ-ударь ее вдоль спины, а самъ домой иди». Зять собрался

въ баню и поясокъ взялъ. Отецъ замужней дочери говоритъ: «Ступай съ мужемъ въ баню-то». Она ничего не сказала, а сердце то, знаешь, бо́литъ. «Ступай ты, тятенька». «Я послѣ васъ, дочка, пойду». Молодица пошла въ баню, взошла, раздѣлась; добрый молодѐцъ взялъ въ руки шелко́вый п о я с ѐ ц ъ, обмакнулъ въ горячую воду и ударилъ ее вдоль спины два разъ, она и свалилась какъ разъ и т о п е р ь въ банѣ безъ памяти лежитъ. Зять изъ бани пришелъ, а дочки изъ бани нѣтъ. Вотъ теща въ баню бѣжитъ, а дочка безъ памяти лежитъ. Тесть съ зятемъ гуляли, водочку выпивали. Приходитъ теща изъ зеленой рощи. «Старикъ! Зять дочку убилъ, ее душу погубилъ!» Старикъ говоритъ: «Полно, баба, говорить, пустыя слова т в о р и т ь! Онъ ее не билъ, онъ ей ума давàлъ; они жить лучше станутъ, да добра наживать, а худо то проживать».

(Абрамъ Новопольцевъ).

39.

Баринъ-кузнецъ.

Баринъ одинъ кузнецу позавидовалъ. «Живешь ты», говоритъ,— «живешь, еще когда-то урожай будетъ и денегъ дождешься, а кузнецъ молоткомъ постучитъ и—съ деньгами». Дай кузницу заведу». Завелъ кузницу; лакею велѣлъ мѣхи́ раздувать. Стоитъ, ждетъ закащиковъ. Ѣдетъ мужикъ мимо, шины заказать хочетъ на всѣ четыре колеса (весь станъ). «Эй, мужикъ, стой! Заѣзжай сюда!» Тотъ подъѣхалъ. «Тебѣ что?» «Да вотъ, баринъ, шины надо на весь станъ». «Ладно, сейчасъ, подожди!» «А сколько будетъ стоить?» «Да полтораста́ рублей надобы взять, ну да чтобы народъ привадить, сто всего возьму». «Ладно». Сталъ баринъ огонь разводить, лакей—въ мѣхи́ дуть; взялъ желѣзо, давай его ковать, а ковать-то не умѣетъ. Все сжегъ. «Ну», говоритъ мужичокъ,—«не выйдетъ тебѣ не то что весь станокъ, а развѣ одинъ ш и н о к ъ». «Ну, ладно», говоритъ,—«шино̀къ такъ шино̀къ». Ковалъ, ковалъ баринъ и говоритъ: «Ну, мужичокъ, не выйдетъ и одинъ шино̀къ, а выйдетъ

ли нѣтъ ли сошничекъ». «Ну ладно, говоритъ мужичокъ, хоть сошничекъ». Постучалъ баринъ молоткомъ, еще желѣза испортилъ много и говоритъ: «Ну, мужичекъ, не выйдетъ и сошничекъ, а дай Богъ чтобы вышелъ кочедычекъ». «Ну хоть кочедычекъ», говоритъ мужикъ. Только у барина и на кочедычекъ желѣза не хватило: все сжегъ. Поработалъ, поработалъ и говоритъ: «Ну, мужичекъ, не выйдетъ и кочедычекъ, а выйдетъ одинъ шичокъ». (Когда желѣзо раскаленное въ воду опустить, такъ оно шикнетъ). «Ладно, говоритъ, мужикъ, сколько же вамъ?» «Да вѣдь я тебѣ, дуракъ, говорилъ что сто». «Со мной сейчасъ нѣтъ, я за деньгами пойду». И ушелъ. А баринъ и говоритъ лакею: «Ты, когда онъ придетъ съ деньгами то, стой да приговаривай: прибавь, молъ, прибавь!» «Хорошо», говоритъ. Вотъ мужикъ захватилъ дома плеть, пришелъ въ кузницу и давай барина жарить, а лакей стоитъ да приговариваетъ: «Прибавь еще! Прибавь еще!» Отжарилъ и ушелъ Баринъ накинулся на лакея: «Что ты, подлецъ? Я тебѣ приказывалъ, если онъ денегъ принесетъ, говорить это, а ты видишь, меня бьютъ, а орешь: «Прибавь еще!» Приколотилъ баринъ лакея, кузницу разломалъ и не сталъ больше браться за кузнечное ремесло, да завидовать кузнецу.

(Записано въ Симбирскѣ).

40.

Спинка и брюшко.

Жилъ былъ баринъ. У него было два лакея, одинъ-то Спинка, а другой Брюшко. Вотъ у барина пропали перстень и унесли его слуги. Баринъ и говоритъ: «Вы, слуги, украли?» Они говорятъ: «Нѣтъ». Была на селѣ ворожейка; баринъ посылаетъ за ней, не узнать-ли, кто перстень взялъ. А она была его крестьянка. И говоритъ баринъ баушкѣ: «Погадай, кто укралъ перстень! Если отгадаешь, вотъ тебѣ сто рублей, а не узнаешь—сто плетей!» Баушкѣ нельзя не ворожить (баринъ вѣдь). «Пожалуйте мнѣ», говоритъ,—«баринъ, о т х о ж у горницу: мнѣ при людяхъ ворожить

нельзя». Баринъ отвелъ ее въ особую комнату и приказалъ убить ворону и зажарить про нее. Если узнатъ что ворона, такъ узнатъ и перстень гдѣ, а не узнатъ, такъ сожретъ. Ворону убили и зажарили, и въ особу комнату ее отправили. Ворону на столъ передъ ней поставили; баринъ стоитъ, подчиватъ, а она сидитъ, да поверху глядитъ и говоритъ: «Эхъ, говоритъ, залетѣла ворона въ барскіе хоромы!» Баринъ говоритъ повару: «Убери это кушанье (узнала!)». А она себя вороной называла, потому ей фамплія была Ворона. Сказала баушка барину: «Ступай, я буду гадать». А Спинка и Брюшко стоятъ у дверки. Что будетъ баушка говорить? Баушка и говоритъ, пустыя слова творитъ: «Охо-хо-хо!» Ей баринъ то, знашь, посулилъ сто плетей. «Дѣлать нечего, видно надо, говоритъ, гадать. Что будетъ спинкѣ то и брюшку!» А дворовыто люди у дверки стояли, думаютъ, что про нихъ говорятъ. Они тихохонько дверку отворяли, ворожейку къ себѣ кричали и говорятъ: «Баушка, перстень-то вѣдь у насъ. Не сказывай барину на насъ! Мы сейчасъ его пырину отдадимъ; перстень пыринъ сглотнетъ. Ты скажи барину, что напрасно, молъ, клеплете Спинку и Брюшко, они перстень не знаютъ. Вы перстень потеряли; у васъ его пыринъ сглотнулъ,—зарѣжьте, молъ, его!» Такъ и сдѣлали. Зарѣзали пырина и перстень нашли. Баушка отгадала и перстень барину отдала. А ей хорошо гадать: они сами разсказали!

(Абрамъ Новопольцевъ).

41.

Баринъ и мужикъ.

Жилъ былъ мужикъ; имѣлъ у себя много овецъ. Зимнимъ временемъ большущая овца объягнилась и взялъ онъ ее съ двора въ избу, съ ягненочкомъ. Приходитъ вечеръ; ѣдетъ баринъ, попросился къ нему ночевать. Подошелъ подъ окошко и спрашиваетъ: «Мужичекъ, пусти ночевать!» «А не будете ночью озоровать?» «Помилуй! Намъ бы только гдѣ темну ночку проспать». «Заѣзжай, баринъ!» Взъѣхалъ баринъ съ кучеромъ на дворъ. Кучеръ убираетъ лошадей, а баринъ въ домъ пошелъ. На баринѣ былъ

огромный волчій тулупъ. Взошелъ въ хату, Богу помолился, хозяевамъ поклонился: «Здорово живете, хозяинъ съ хозяюшкой!» «Добро жаловать, господинъ!» Сѣлъ баринъ на лавочку. Овца волчій тулупъ увидала и глядитъ на барина; сама глядитъ, а ногой-то топъ, и разъ, да и два, да и до трехъ. Баринъ говоритъ: «А что, мужичекъ, овца ногой тòпаетъ?» «Она думаетъ: ты волкъ; слышитъ волчій духъ. Она у меня волковъ ловитъ; вотъ нынѣшнюю зиму съ десятокъ пымала». Ахъ, дорого бы я за нее далъ! Не продажна ли она? Для дороги мнѣ она хороша». «Продажна, да дорогà». «Эхъ, мужичекъ, да не дороже денегъ; у барина хватитъ». «Пожалуй, уважить можно». «А сколько она стòитъ?» «Пять сотъ рублей». «Помилуй, много! Возьми три сотенки». Ну, мужикъ согласился, продалъ. Баринъ ночь переночевалъ, на зорькѣ всталъ и въ путь собрался; хозяину три сотенки отдалъ и овечку взялъ, посадилъ въ санки и поѣхалъ. Ѣдетъ. Идутъ встрѣчу три волка. Вотъ овца увидала волковъ, такъ и прыгаетъ на саняхъ, сама черезъ наклѐску сикàетъ. Баринъ говоритъ кучеру: «Надо пускать: вишь она какъ раззадорилась!... Сейчасъ пымàтъ». (А она боится). Кучеръ и говоритъ: «Постой немножечко, сударь, она раззадорится». Сверстàлись волки съ ними ровно. Баринъ выпустилъ овцу; овца испугалась волковъ, въ лѣсъ полетѣла, коротким хвостомъ завертѣла. Какъ волки за ней залили́сь, только снѣгъ раздува́тся, а кучеръ за ней собира̀тся. Поколѣ лошадушку выпрягалъ, въ погонь за овцей скакалъ, волки овцу пымали и шкуру съ нея содрали, сами въ лѣсъ убѣжали. Кучеръ подскакалъ—овца на боку лежитъ, а ея шкура содранà лежитъ. Подъѣзжаетъ къ барину. Баринъ его спрашиваетъ: «Не видалъ ли чего?» «Ахъ, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкамъ не поддалась!» Мужичекъ три сотенки получилъ, сидитъ теперь барину сказочки разсказываетъ, а три сотенки въ карманѣ лежатъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

42.

Мужикъ и попъ.

Жилъ мужъ съ женой; мужъ старый, жена — молода̀; она его и не любила никогда. Ѣдетъ старикъ по дрова, беретъ топоръ да ружье; дрова порубливаетъ и птичку пострѣливаетъ. Сходится съ товарищами; они надъ нимъ смѣются, подсмѣиваются. «А вѣдь ты что думашь, старикъ, вѣдь она вотъ этаго-то любитъ. Ты завтра поѣзжай-ка въ лѣсъ, она его въ гости зазоветъ и яицъ ему напечетъ». Мужъ запрёгъ лошадку, поѣхалъ въ чисто́ поле гулять; заѣхалъ въ лѣсокъ дровъ порубить. Дрова онъ не рубилъ, самъ себя сгубилъ: защурился (нарòшно) да слѣпой поѣхалъ. Подъѣхалъ ко двору и говоритъ: «Ужь ты женушка жена, жена, барыня моя, отвори-ка ворота! Я крѣпко ослѣпъ: не вижу себѣ слѣдъ». Жена выбѣжала, отворила, старика встрѣтила, лошадь выпрягла, мужа въ горницу ввела и посадила на̀ печь. Угощала она своего друга, яички испекла. Кокъ да кокъ! А слѣпой-то старикъ увидалъ. Онъ слѣпой-то не слѣпой, онъ защуривши сидитъ, съ нею рѣчи говоритъ: «Хо-зяй-ка! Подай-ка на крюку-то вонъ р у ж е й ц о-то». «Что ты съ нимъ, слѣпой, сдѣлашь? Не тро́гъ, виситъ». «Дай, я хоть слѣпой-то погляжу, хоть о́щупомъ-то посмотрю». Вотъ съ умомъ-то она не собралась, взяла ружье, на печку понесла, старику въ руки дала. Старикъ-отъ цопъ, цопъ въ мужика-то хлопъ, хлопъ! Друга-то и убилъ. Взялъ стволину-то, да и говоритъ: «Друга твово убилъ и тебя сразу убью!» Молодица испугалась, старику на бѣлую грудь бросалась, со старикомъ цѣловалась. Вотъ и говоритъ старикъ ей: «Будетъ, брось, помолчи!» Взяли да и молчали, въ сарай мужика помчали. «Куды ты, мужъ, дѣнешь?» «Не твое дѣло!»

Пришла темная ночь, онъ взялъ да его и поволо́къ. Приходитъ къ попову двору, къ широкимъ воротамъ. Поставилъ мужикъ мертвеца къ поповымъ воротамъ, а самъ подъ окно: «Батюшка священникъ, свѣтъ, пойдемъ ко мнѣ: у меня есть старый дѣдъ, исповѣдывать его надо». «Когда твой старый дѣдъ умретъ, такъ завтра скоронимъ». Полежалъ, да полежалъ отецъ духовный, попадья и говоритъ: «У воротъ кто-то стоитъ». Попъ-то скоро со-

бирался, къ дѣдушкѣ сряжался. Вышелъ къ широкимъ воротамъ— стоитъ мужикъ. Попъ ворота отворилъ, а онъ ему въ ноги упалъ. Сталъ подымать, не подыметъ, на ноги не поставитъ, а онъ мертвый да убитый. Попъ-отъ испугался и назадъ убѣжалъ. Говоритъ попадьѣ: «Бѣда! Мужикъ-то за мной приходилъ, звалъ меня съ собой, поклонился въ ноги да и умеръ. Куды намъ его дѣть? Надо убрать, въ солому завязать». Взяли его, въ солому завязали, а старикъ-то за уголкомъ стоитъ. Какъ попъ-то понесъ мертвеца, старикъ цопъ попа! «А, батюшка, ты такъ людей-то бьешь!» Попъ испугался, за живаго мужика хватался. «Не кричи, не кричи! Что угодно съ меня возьми!» И говоритъ старикъ: «А сколько, батька, дашь? Я его приберу». Взялъ съ попа сто рублей и мужика въ воду убралъ, а съ деньгами въ кабачекъ гулять пошелъ и къ своей женѣ пришелъ. Она и спитъ да спитъ, онъ и пьяный напился и на печку забрался. Вотъ и сказочкѣ конецъ. Сказка вся и сказывать нельзя.

(Абрамъ Новопольцевъ).

43.

Попъ и дьяконъ.

Жилъ былъ попъ да дьяконъ. Приходъ бѣдный былъ: не́ во что ни обуться, ни одѣться и въ голова́ положить нечего. Вотъ и придумали они, гдѣ бы на сапожнишки добиться. Дьяконъ говоритъ: «Дава-ка, попъ, я буду воровать, а ты будешь ворожить». Попъ и говоритъ: «Чего будешь воровать?» «Лошадей. Въ лѣсъ буду ихъ прятать; ты будешь деньги брать, про лошадей разсказывать». Вотъ дьяконъ пошелъ ношнымъ бытомъ, троечку спёръ и въ оврагъ ихъ отпёръ. «Ну, попъ, я троечку спёръ и въ оврагъ отвелъ. Пришлю къ тебѣ мужиковъ, ты будешь гадать, по черной книгѣ читать, по сотнѣ рублей денегъ брать. Чуръ, деньги пополамъ!» Вотъ дьяконъ увидалъ мужиковъ, у которыхъ лошадь укралъ, и разсказалъ имъ все. «Идите къ попу: онъ вамъ про лошадей погада́тъ». Мужики обрадовались, скорёхонько къ

попу собирались. «Охъ, ты, батюшка, отецъ духовный, ты видишь свѣтъ; не знашь ли, гдѣ лошадей нашихъ слѣдъ?» «Ничего, друзья, не знаю, развѣ въ черну книгу погадаю — все узнаю. Придите на утрò». Пришли они на утрò, сказалъ попъ: «Ну, мужички, ваши лошади въ лѣсу; дорогу только я вамъ не скажу: дайте сотенку рублей!» «Сотенку дадимъ, только путь-дорогу разкажи, до коней насъ доведи». Мужики сотенку вынимали, алшному попу въ руки давали. Сотенку попъ взялъ, про лошадей имъ разсказалъ. «Идите въ поле; лошади въ ровѣ стоятъ, аржану соломушку ѣдятъ». Мужики въ поле пошли и лошадушекъ нашли. Завтра праздникъ воскресенье, къ обѣденкѣ донъ-донъ. Вотъ пришли добрые люди къ обѣденкѣ, стали Богу молиться, Христу Спасу поклониться. Обѣденка отошла; дьяконъ листъ бумаги беретъ, нову проповѣдь читатъ. «А послушайте, міряне, что я вамъ буду читать! У насъ приходъ-отъ бѣ-ѣ-дный, кормиться намъ не-чѣ-мъ; дьяконъ собирал-ся лошадей во-ро-вать, а попу-то велѣлъ во-ро-жить. Слышите ли, міряне? Не всѣ ли вы съ дырами? И спёръ дьяконъ трой-ку ло-ша-де-ей, отвелъ въ о-врагъ, по-пу то ска-за-а-лъ; онъ въ черной книгѣ у-зна-а-лъ, а съ мужиковъ сотню рублей взя-лъ и про лошадей раз-казалъ»... А попъ-то и говоритъ: «Сказалъ, ду-р-а-акъ, ду-р-а-акъ дьяконъ, не во всѣ лю-ди бя-кай, знай ты да я! И обѣдня, братіе, вся-я!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

44.

Про Вятчанъ.

Жили были Вятчане, хлѣбали .... со щами и вздумали церкву скласть, Богу помолиться, русскому Спасу поклониться... Сдѣлали церкву какъ надо и стали плести колоко́лъ; сплели изъ лыкъ превеличающій колоколъ и втащили его на колокольню, подвѣсили какъ должно быть. Одного выбрали ловкаго позвонить. А что лышный колоколъ значитъ? Языкъ привязали — дубовою палку и

говорятъ: «Вотъ это будетъ звоня́лка». Вотъ онъ залѣзъ да и ударилъ въ лышный колоколъ; а у него голосъ щелыкъ-перелы́къ. Вятчанинъ и говоритъ: «Малъ колоко́лъ, онъ проситъ еще сто лыкъ». Сняли, да еще сто лыкъ наплели. Потащили на колокольню, онъ и не лѣзетъ. Сняли его, въ аржаную солому зарыли и огнемъ спалили. Старый сожгли, маненькій новый сплели, пепломъ помаза́ли и съ маленькимъ колоколомъ всѣ на церкву лаза́ли. Зазвонили въ новый колоколъ. Вотъ онъ звоняетъ: «А щелыкъ-перелыкъ!» Еще не надо сто лыкъ. Вотъ Вятчане и говорятъ: «Хорошій колоколъ!»... Поѣхали въ поле, черну пашенку пахали, огромное поле засѣвали. Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; озимное засѣвали, зимушку безъ работушки лежали. Весна матушка пришла, озимь частая взошла; тепло лѣто пришло, аржаное поле въ ходъ пошло; матушка рожь уросла, время жать пришло. Ѣхалъ русскій мужичокъ, нажалъ русскимъ серьпомъ одинъ снопъ, серьпъ на него положилъ. (А Вятчане серьпами рожь не жнутъ: шильями колютъ, по одной соломинѣ). Вотъ они въ чисто́ поле пошли, во чистомъ полѣ, во ржахъ русскій серьпъ нашли и говорятъ: «Сто это? Червякъ!» Сошлись и ну кричать: «А сто это, братцы, на нàсыемъ поли за червякъ проявился и ро́съ на́су погрысъ?» Одинъ былъ у нихъ изъ ловкихъ. «А постойте-ка, я возьму дубину́, да его сразу убью!» Взялъ дубину́, да его по черену то брякъ! (Думалъ, что червякъ, а инъ это русскій серьпъ). Онъ далеко вверхъ полетѣлъ и къ Вятчанину на шею сѣлъ, къ Ивану дурачку. Иванушка кричитъ: «Червякъ сею грызетъ!» Вотъ одинъ изъ нихъ бѣжитъ, громкимъ голосомъ кричитъ: «А постойте-ка постойте, онъ его съѣстъ! Я тихо́хоцко его сыму». За черенъ схваталъ и вдругъ потащилъ, у Вятчанина шею отхватилъ. Они всѣ испугались, изъ поля убѣжали, своей ржи не жали, и говорятъ: «А бѣгите-ка въ Вя́тченскій городецъ, бейте въ лышный колоколе́цъ! А сто это на нàсыемъ поли за червякъ проявился? Ро́съ на́су подъѣдаетъ и людей поѣдаетъ: Ваньку съѣлъ!» Одинъ и говоритъ: «А цортъ его знаетъ! Не знай онъ въ полѣ ти съ головой былъ, не знай нѣтъ. А идите къ баускѣ Догада́ихѣ». Побѣжали къ баушкѣ Догадаихѣ. «А бауска Догадаиха, погадайка про Ваньку, сто онъ вецоръ съ головой былъ али безъ головы?» Баушка Догадаиха говоритъ: «А

вецоръ онъ у меня былъ, кисель ѣлъ, бородой трясъ, а я головы не догадалась». «Ну вотъ сто, музыцкій, давайте ка попа искать». Вотъ пошли двое путемъ-дорогой, попадается имъ мужичокъ; спрашиваютъ его Вятчане: «А куды музыцокъ, идёсъ?» «Да вотъ, куды въ работники наняться». «А вотъ, наймись ка къ намъ въ попы». «Пожалуй». Они взяли и повели его въ свою Вятку. Эти были отъ обчества ходокй; собрали сходку и наняли его въ попы. Это было въ старинны года, тогда и работа была не дорога: за сто рублей въ годъ. Позвонили въ лышный колоколъ и сошлись всѣ къ обѣднѣ. Онъ сходилъ въ лѣсъ, набралъ березовыхъ книгъ, всталъ середь церкви и сказалъ: «Слушайте, Вятчане, буду вамъ читать!» «Цытай, бацка!» «А Вят-ча-не ду-ра-ки-и наняли мужика въ по-пы, сто рублей въ го-о-дъ! Онъ грамотѣ не умѣ-и-тъ, пошелъ въ лѣсъ, набралъ бе-ре-зо-выхъ ко-жу-у-ръ! Ничего онъ не зна-а-тъ и вотъ то грамотникъ чи-та-атъ!.. Что, Вятчане, хорошо ли?» «Хоросо, хоросо, бацка!» Кланяются ему. «Ну, ступайте обѣдать!» И пошли всѣ обѣдать.

Идутъ дорогой и говорятъ: «Ай, бацка хороса! Опѣдню то польно скоро слузылъ!» Шли, шли отъ обѣдни: «Айдате, братцы, на капакъ, съ радости выпьемъ! Бацка хоросъ попался!» Взошли въ кабакъ, подали цѣловальнику по гривнѣ. Онъ имъ налилъ по грошовому стакану. Вышли изъ кабаку, пошли домой обѣдать и говорятъ: «Тутъ то, пратъ, ты ничего не знасъ? Вѣдь цѣловальникъ испукался: мы ему отдали по гривенной, а онъ намъ далъ по гросовой».

(Абрамъ Новопольцевъ).

45.

Мордвинъ и заяцъ.

Одинъ Мордвинъ пошелъ на охоту и увидалъ зайца; увидалъ да и думаетъ: «Вотъ я этого зайца убью, продамъ, на вырученыя деньги землю куплю, домъ выстрою, крестьянъ заведу, бурмистра; выйду на крыльцо и крикну: «Староста!» Только онъ это крикнулъ,

заяцъ и убѣжалъ. Не стало ни зайца, ни земли, ни дома, ни бурмистра—остался одинъ мордвинъ. «Эхъ», говоритъ,—«кабы зналъ, лучше бы я въ него выпалилъ!» И пошелъ Мордвинъ домой съ пустыми руками.

(Записано въ Симбирскѣ).

46.

О НѢМЦѢ.

Жилъ-былъ Нѣмецъ, по пятницамъ скоромно ѣлъ. Въ городѣ базаръ былъ въ пятницу; на базаръ говядины никто не вывезъ. Нѣмецъ посылаетъ кучера. «Кутчеръ, ступай на базаръ, купи молока и говядины!» Кучеръ пошелъ на базаръ; молока, говядины не нашелъ—приходитъ къ Нѣмцу, ничего не приноситъ. Нѣмецъ спрашиваетъ: «Кутчеръ, што принесъ говядины и молока?» «Нѣту, сударь». «А што не купилъ?» «Нынче пятница: не продаютъ». «Какой шутъ пятница? Што за пятница?» «Пятница-съ». «Какая она?» Кучеръ былъ ловкій и шутливый. «Тамъ пятница», говоритъ,—«на базарѣ». «Поди полошь лошадь въ оглобли, поѣдемъ на базаръ: я ей тамъ пятницу!» Кучеръ вывелъ лошадь изъ конюшни, связалъ всѣ четыре ноги и положилъ лошадь въ оглобли. Лошадь лежитъ связана въ оглобляхъ. Нѣмецъ идетъ, глядитъ. «Што ты, туракъ, тѣлашь?» «Вѣдь вы велѣли, сударь, въ оглобли положить; я положилъ, она лежитъ». «Туракъ! Я баилъ солошить, на верхъ кривой палька полошить». Кучеръ заложилъ, сѣли и поѣхали на базаръ. И спрашиваетъ Нѣмецъ: «Кдѣ пятница?» А по базару мужикъ медвѣдя ведетъ. «Вонъ, сударь, Пятница-то идетъ!» Нѣмецъ соскочилъ съ дрожекъ, подошелъ къ Пятницѣ и хлесть ее по̀ уху. «Воть, плять, Пятница! Что не таёшь молоко да ковядины?» Вотъ медвѣдь вцѣпился его ломать; всего изломалъ, чуть живого пустилъ. Нѣмецъ кричитъ: «Кутчеръ, отыми пошалуста! Сломала всего!» Кучеръ отнялъ, поѣхали домой. Летитъ встрѣчу имъ черный жукъ и ревётъ: «У-у-у!» Нѣмецъ увидалъ жука. «Это, кутчеръ, што?» «Жучка», говоритъ,—«той Пятницѣ-то м н у ч к а». Нѣ-

мецъ слѣзъ съ дрожковъ, да и кланяется ей, всталъ на колѣнки. «Сказы баушкѣ поклонъ! Не буду въ пятницу ѣсть молоко». На силу стоитъ: медвѣдь всего исковеркалъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

47.

Дошлый баринъ.

Ѣхалъ разъ дорогой съ кучеромъ помѣщикъ, а помѣщикъ то изъ дошлыхъ былъ; и увидалъ на дорогѣ змѣю, взялъ ее, велѣлъ въ котелъ воды налить, развести огонь и кинулъ змѣю въ воду. Сварилъ изъ нея первую уху, вылилъ кипятокъ на траву—вся трава словно выгорѣла. Во второй разъ сварилъ и опять вылилъ—трава поблекла; сварилъ въ третій разъ и оставилъ простыть, а кучеру наказалъ не трогать. Только кучеръ и думаетъ: «Что это баринъ заказалъ ее трогать? Дай попробую!» Хлебнулъ ложки три и испугался: слышитъ кругомъ него всѣ травы заговорили, и цвѣты, и деревья; каждая трава о своемъ лопочетъ. «Что за диковина?» Поѣхали лѣсомъ, только онъ это слушаетъ, а такъ маленькая травка стоитъ на опушкѣ, кланяется да и говоритъ: «А я отъ ки-и-лы, а я отъ ки-и-лы!» Ему смѣшно показалось, онъ и засмѣялся. Помѣщикъ спрашиваетъ: «Ты уху ѣлъ?» «Нѣтъ-съ». «Чего жъ ты смѣешься?» «Да такъ-съ». «Ну, а не помнишь ли, какъ эту траву зовутъ, вотъ полынь словно?» «Чернобыльникъ, сударь». Какъ сказалъ: «чернобыльникъ», такъ точно все рукой сняло: опять въ лѣсу тихо и ни деревья, ни трава не говорятъ.

(Отъ Полуэктова, въ Симбирскѣ).

48.

Баринъ, пѣтухъ и жо́рновы.

Жилъ-былъ старикъ со старухой; у нихъ былъ кочетокъ, золотой гребешокъ. Рылся онъ на завàленкѣ и вырылъ жо́рновы; кричитъ: «Дѣдушка, дѣдушка! Я вырылъ жо́рновы!» Старикъ выбѣжалъ, обрадовался, захватилъ и въ избу потащилъ. Стали молоть. Ѣхалъ проѣзжающій баринъ, попросился къ нимъ ночевать и увидалъ эти жо́рновы. «Продайте мнѣ ихъ!» Старикъ не продаетъ. Вотъ они легли спать, по утру ищутъ жернововъ, нѣту жернововъ. Кочетокъ и говоритъ: «Дѣдушка, я пойду жо́рновы искать».—«Ступай». И пошелъ кочетокъ искать жо́рновы. Идетъ путемъ-дорогой, на встрѣчу лиса. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, куды идешь?» «Къ барину за жерновами». «Возьми меня!» «Полѣзай въ ж..., пойдемъ!». Лиса ширкъ пѣтуху въ ж.... Пошли дальше. Попадается волкъ. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, куды идешь?» «Къ барину за жерновами». «Возьми меня!» «Полѣзай въ ж..., пойдемъ!». И этого туды же. Пошли дальше. Идетъ медвѣдь. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ куды идешь?» «Къ барину, за жерновами». «Возьми меня!» «Полѣзай въ ж..., пойдемъ!» И этого туды же; троихъ спряталъ. Дошолъ до барскаго двора, вскочилъ на ворота. «Кукареку, баринъ! Подай мои жо́рновы!» Баринъ услыхалъ, увидалъ пѣтуха въ окошко. «Слуга, поймай его, посàдь въ гусиный хлѣвъ: они его тамъ защиплютъ». Бросили его къ гусямъ. Онъ и говоритъ: «Лиса, полѣзай изъ ж..., души гусей!» Лиса гусятинки налупилась и убѣжала. Онъ опять на ворота сѣлъ. «Кукареку, баринъ! Подай мои жо́рновы!» «Слуга», говоритъ баринъ,—«брось его къ коровамъ да къ быкамъ: они его замнутъ». Бросили его къ коровамъ. «Ну-ка, сѣрый волкъ, полѣзай-ка, учи ихъ!» Сѣрый волкъ вылѣзъ изъ ж..., всѣхъ покололъ. Пѣтухъ опять на ворота. «Кукареку, баринъ! Подай мои жо́рновы!» «Слуга, поймай, брось его къ конямъ!» Бросили пѣтуха къ конямъ. «Ну-ка, Мишка, поди поломай шишки!» Мишка вылѣзъ изъ ж..., всѣхъ коней поломалъ и въ лѣсъ ушелъ. Пѣтухъ-опять на ворота. «Баринъ, баринъ, подай мои жо́рновы!». Баринъ говоритъ слугѣ: «Поимай его опять!» Слуга поималъ и спрàшиватъ: «Куды его дѣвать? Онъ разорилъ насъ въ разоръ, всю скотину

перевелъ». «Брось его въ колодецъ!» Бросили его въ колодецъ, пѣтушокъ и говоритъ: «Пей, ж . . . , воду! Пей, ж . . . , воду!» Выпила всю, и колодецъ весь вышелъ. Самъ опять сѣлъ на воротà, кричитъ: «Баринъ, баринъ, подай мои жòрновы!» Баринъ говоритъ: «Ахъ, ты такой сякой! Что это за пѣтухъ?! Куды его дѣть?» Пымалъ пѣтуха слуга и загорись у мужика овинъ. «Слуга, брось его въ огонь!» Слуга бросилъ. Пѣтухъ сидитъ на жердочкѣ да и говоритъ: «Заливай, ж . . . , огонь!» Весь овинъ ж . . . . залилъ, самъ на ворота сѣлъ, еще шибче закричалъ: «Баринъ, баринъ, кукареку! Подай мои жòрновы!» Баринъ говоритъ: «Кучеръ, поимай да заколи его!» Кучеръ поималъ и голову отрубилъ. Баринъ ощипалъ и зажарилъ пѣтуха, и съѣлъ, а самъ с . . . . захотѣлъ. Сидитъ, с . . . . . , а пѣтухъ голову то оттоль высунулъ: «Кукареку, баринъ, отдай мои жòрновы!» Баринъ испугался, кричитъ кучера: «Поди сюда! Пѣтухъ въ ж . . . кричитъ! Я присяду, а ты возьми саблю, сруби ему голову». Кучеръ хотѣлъ пѣтуха по головѣ, да барина по ж . . . и разсѣкъ по поламъ. «Ахъ кучеръ . . . , да и съ жерновами-то! Отдай ему!» Отдали пѣтуху жòрновы и понесъ онъ ихъ домой. Къ дѣдушкѣ приходитъ, жòрновы приноситъ. «На-ка тебѣ», говоритъ,—«дѣдушка, жòрновы!» И опять стали молоть, и теперь мелютъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

49.

Пѣтухъ и бобокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой; пѣтушокъ у нихъ на заваленкѣ рылся и вырылъ бобокъ; хотѣлъ сглонýть и подавился. Подавился и растянулся, лежитъ, не дышúтъ. Хозяюшка къ нему бѣжитъ, спрашиваетъ: «Что ты, пѣтухъ, лежишь, не дышишь?» «Бобкомъ», говоритъ,—«подавился». «Поди къ коровѣ, попроси маслица». Пошла она къ коровѣ. «Корова, дай мнѣ масла! Кочетъ лежитъ, не дышúтъ, бобкомъ подавился». Корова говоритъ: «Поди къ косцамъ, попроси сѣна». Приходитъ она къ косцамъ. «Косцы, дайте мнѣ сѣна! Сѣна—коровѣ, корова дастъ

масла, масло—кочету, кочетъ лежитъ, не дышитъ, бобкомъ подавился». Косцы ей говорятъ: «Ступай къ п е ч е ѣ, попроси калачей». Приходитъ хозяюшка къ печеѣ. «Печея, печея! Дай мнѣ п е р ѣ п е ч у калачей! Калачи—косцамъ; косцы дадутъ сѣна; сѣно—коровѣ, корова дастъ масла; масло—кочету, кочетъ лежитъ не дышитъ, бобкомъ подавился». Печея посылаетъ ее къ дровосѣкамъ—дровъ попросить. Приходитъ хозяюшка къ дровосѣкамъ: «Дровосѣки, дайте дровъ! Дрова—печеѣ; печея дастъ калачей; калачи—косцамъ; косцы дадутъ сѣно; сѣно—коровѣ; корова дастъ масла; масло—кочету; кочетъ лежитъ не дышитъ, бобкомъ подавился». Дровосѣки посылаютъ ее къ кузнецу попросить топоровъ: имъ дрова не чѣмъ рубить. Пошла хозяюшка къ кузнецу. «Кузнецъ, дай мнѣ топора! Топоръ — дровосѣкамъ; дровосѣки дадутъ дровъ; дрова — печеѣ; печея дастъ калачей; калачи—косцамъ; косцы дадутъ сѣна; сѣно—коровѣ; корова дастъ масла; масло—кочету, кочетъ лежитъ, не дышитъ, бобкомъ подавился». «У меня», говоритъ кузнецъ,— «нѣтъ, а новый нечѣмъ сдѣлать: углей нѣтъ. Ступай въ лѣсъ, наруби сосновыхъ дровъ и нажги у г л ё в ъ». Хозяйка съѣздила въ лѣсъ и привезла дровъ, и нажгла углёвъ. Понесла угли кузнецу. Кузнецъ далъ топоръ; пошла къ дровосѣкамъ—дровосѣки дали дровъ; дрова понесла печеѣ—печея дала калачей; калачи понесла косцамъ—косцы дали сѣна; сѣно понесла коровѣ—корова дала масла; масло понесла кочету—кочетъ сглотнулъ и бобокъ проглотилъ, и громко запѣлъ: «Кукурику! На заваленкѣ сижу, лапотки плету, кочедыкъ потерялъ, денежку нашелъ, дѣвушку купилъ, платочекъ ей подарилъ!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

50.

Курочка Татарушка.

Жили старикъ да старушка; была у нихъ курочка Татарушка. Снесла она яичко черно, пестро п б а г р о в и с т о; положили они его въ клѣти на полку, на пряменьку на соломку. Кошечка прыгнула,

хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла. Старикъ-отъ заплакалъ, старуха з а р ю м и л а; избу затопили, двери растворили, жòрновы замололи. Идетъ баба пó воду и говоритъ дѣдушкѣ: «Что, дѣдушка, плачешь?» «Не знашь, доченька, мово горя великаго?» «Какое у тебя горе?» «У меня была едина курочка Татарýшечка, снесла одно мнѣ яичко черно, пестро и багрòвисто; кошечка прыгнула, хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла; я то заплакалъ, старуха зарюмила, избу затопили, двери растворили, жòрновы замололи».

Начала баба съ печали ведра колоть. Приходитъ дьячекъ, спрашиваетъ: «Что ты, дѣдушка, плачешь?» «Ты не знашь мово горя великаго?» «Какое твое горе великое?» «Вотъ вѣдь была у меня едина курочка Татарýшечка, снесла яичко черно, пестро и багрòвисто; кошечка прыгнула, хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла; я то заплакалъ, старуха зарюмила, избу затопили, двери растворили, жòрновы замололи, баба шла за водой, стала ведра колоть».. Дьячекъ побѣжалъ и началъ съ печали дѣдушкиной колоколы бить. Бѣжитъ дьяконъ. «Что ты, дуракъ, дѣлашь, колоколы бьешь?» Дьячекъ говоритъ: «Ты не знашь нашего горя великаго: вотъ тутъ у дѣдушки была едина курочка Татарýшечка, снесла она яичко черно, пестрò и багрòвисто; кошечка прыгнула, хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла; старикъ-отъ заплакалъ, старуха-то зарюмила, избу затопили, двери растворили, жòрновы замололи; баба шла за водой, стала ведра колоть, а я колоколы бью!» А дьяконъ говоритъ: «Я съ горя дѣдушкина всѣ книги изорву!»

Идетъ попъ, подходитъ къ дьячку: «Что, дьячекъ, дѣлашь?» «Ты, батюшка, не бай, не говори,—ты не знашь нашего горя великаго. У дѣдушки была едина курочка Татарýшечка, снесла она яйцо черно, пестро и багрòвисто; кошечка прыгнула, хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла; старикъ-отъ заплакалъ, старуха зарюмила, избу затопили, двери растворили, жòрновы замололи; баба шла за водой, стала ведра колоть, я колоколы бью, а отецъ дьяконъ книги рветъ!»

Началъ попъ ихъ лупить, сколько влѣзетъ, дьячка-то дубиной, дьякона-то вязиной. Попъ былъ разумной, и сказкѣ конецъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

51.

Быкъ, баранъ, гусь, пѣтухъ и волкъ.

Жилъ былъ старикъ со старухой, и у нихъ былъ быкъ, былъ баранъ, гусь и пѣтухъ. Пришла холодная зима, такъ крѣпко заморозило: всѣмъ имъ подъ сараемъ лежать холодно. Вотъ быкъ пошелъ къ барану. «Баранъ, баранъ, айда избу рубить!» «Да, пойду я избу рубить? Я лучше у хозяина подъ сараемъ пролежу». Пошелъ быкъ къ гусю. «Гусь, пойдемъ избу рубить!» Нѣтъ, не пойду; я лучше у хозяина на одной ногѣ подъ сараемъ простою». Пошелъ быкъ къ пѣтуху. «Пѣтухъ, пѣтухъ! Айда избу рубить!» «Нѣтъ, я лучше у хозяина на нашéстѣ просижу». Звалъ, звалъ быкъ—никто нейдетъ, и пошелъ, и срубилъ избу одинъ, на волчьей тропѣ, и печку склалъ. Затопилъ, полёживать передъ печкой, п о г р ѣ в а е т с я. На утро еще сильнѣе морозъ. Барана морозъ такъ пробралъ, побѣжалъ онъ въ лѣсъ, къ быку, подбѣжалъ къ избѣ. «Бя! Бя! Быкъ! Быкъ! Пусти меня въ избу!» «Я тебя звалъ, ты хотѣлъ у хозяина на соломѣ пролежать». «Осерчаю, говоритъ баранъ, всѣ углы распыряю!» Быкъ подумалъ, подумалъ: «Безъ угловъ изба будетъ холодна... Ну, иди!» Баранъ вбѣжалъ, передъ печкой на лавочку легъ. Малость погодя, гусь летитъ. «Гагакъ! Гагакъ! Быкъ, пусти меня въ избу!» «Я тебя звалъ, ты хотѣлъ у хозяина на одной ногѣ стоять—тамъ и стой!» «Мохъ весь изъ стѣнъ вытереблю!» «Ну, иди и ты». Гусь прямо на судну лавочку въ чуланъ; посиживаетъ. Летитъ пѣтухъ. «Кукурику, быкъ! Пусти меня въ избу!» «Я тебя звалъ—ты хотѣлъ у хозяина на нашестахъ просидѣть... Тамъ и сиди!» «Если не пустишь—съ н а с т о й к и землю всю срою!» «Ну, ступай!» Пѣтухъ влетѣлъ, прямо на брусъ; сидитъ на брусу.

Идутъ волки, остановились и испугались. Что на ихней тропѣ за изба? Кто въ ней живетъ—не знай. Стали кониться кому въ нее идти; досталось самому с т а р ѣ ю щ е м у волку. Волкъ взошелъ, всталъ у порожку. Вотъ быкъ какъ вскочилъ, скосился, да рогами то его къ стѣнѣ то и приперъ; а баранъ разбѣжится, да бацъ, да бацъ его по бокамъ-то; а гусь-то его все щипкомъ да за задъ, весь задъ ему въ кровь изорвалъ; а пѣтухъ бѣгатъ по

брусу да и кричитъ: «А вотъ какъ да кудàкъ, да подайте сюда! Здѣсь у меня ножѝщи, здѣсь у меня и ужѝщи, здѣсь я его зарѣжу, здѣсь я его подвѣшу!»

Вотъ волкъ кое-какъ вырвался и—айда бѣжать къ своимъ товарищамъ. Къ нимъ подбѣжалъ, еще дальше убѣжалъ. Они кричатъ: «Братъ, братъ! Постой, постой!» А онъ бѣжитъ, кровью д.....: съ испугу его больно пронесло. Остановился волкъ и сталъ имъ разсказывать что̀ съ нимъ было: «Вошелъ я въ избенку, всталъ я у порожку, вскочилъ мужичище, въ черныемъ чепанѝщѣ да меня ухватомъ-то къ стѣнѣ-ти и приперъ, а помéнѣ того мужичишка, въ сѣренькомъ чепанишкѣ, да все меня обухомъ-то, да по бокамъ то! А еще поменѣ того, въ бѣленькомъ камзо̀лишкѣ, все меня щипцами да за .... то, а еще поменѣ того, въ красненькомъ халатишкѣ, бѣгаетъ по брусу да и кричитъ: «А вотъ какъ да кудакъ, да подайте сюда! Здѣсь у меня ножѝщи, здѣсь у меня и ужѝщи, здѣсь я его зарѣжу, здѣсь я его подвѣшу!» Кабы они меня ему по́дали—онъ зарѣзалъ бы меня тамъ и повѣсилъ!»

Бросили волки эту со̀кму и не стали тутъ ходить; а тѣ жить въ избѣ остáлись.

(Абрамъ Новопольцевъ).

52.

Лиса и Кутафей Иванычъ.

Жила была лиса, при бесѣдѣ краса. Такая была при бесѣдѣ красота, ходила въ деревню и обгадила ворота̀; пошла по гуменью гулять, Кутафея Иваныча поискать. Кутафей Иванычъ идетъ, на плечахъ саблю несетъ, хочетъ лисыньку срубить, ея душу погубить. Лиса его въ гости позвала, Кутафеемъ назвала. «Ба-ба-ба! Кутафей Иванычъ! Пойдемъ ко мнѣ, мо́же, не будешь мнѣ голову рубить». «Пойдемъ, пойдемъ, Лиса! (грубо таково говоритъ). Ты, лисица, ты недавно, лисья красота, обгадила ворота̀». Охъ, куманекъ, Кутафей Иванычъ, вы полноте меня

стыдить: я честная лисица, хорошаго отца красная дѣвица. Я по̀ лѣсу гуляла, бѣлыхъ зайчиковъ ловила, Кутафей Иваныча въ гости зыва̀ла. Постряпать хочу, Кутафей Иванычъ! Да пожалуйте, баринъ, въ гости». «Завтра при-и-ду!»

Лиса въ лѣсъ побѣжала, нашла косаго зайца. «Песъ! Косой заяцъ! Кутафей Иванычъ завтра въ гости придетъ ко мнѣ, палачомъ тебѣ голову снесетъ! Приходите его глядѣть». «Приду лисица, краснa дѣвица» (тонкимъ голоскомъ говоритъ). Побѣжала к волку. «Красноглазый песъ, сѣрый волкъ! Не знашь мово горя?» «Что у тебя, подруга, за горе?» «Кутафей Иванычъ въ гости идетъ, чѣмъ его подчивать? Поди, тащи, волкъ, овцу!» Волкъ пошелъ, овцу поймалъ, къ лисьей норѣ принесъ. «На, подруга, жарь?» Лиса захватила, въ нору потащила; зажарила—побѣжала къ медвѣдю. «Мишка, толстопятый песъ, что лежишь?» «Ты что, кума? (басомъ). «Кутафей Иванычъ въ гости идетъ! Подчивать нечѣмъ. Поди теленка достань!» «Я пойду принесу; да дѣ мнѣ его поглядѣть то?» «Приходи къ моей норѣ: онъ у меня будетъ на дворѣ, а теленка не принесешь—палачо̀мъ голову снесетъ!» Медвѣдь теленка къ лисьей норѣ принесъ. На утро лиса исправила Кутафей Иванычу обѣдъ и сказала волку: «Ты, волкъ, лѣзь на березу, а ты, медвѣдь,—на сосну; а ты, косой заяцъ,—подъ корягу». Имъ мѣста развела и Кутафей Иванычу стряпни припасла. Пошла на гумно за Кутафей Иванычемъ и нашла его тамъ. «Ба-ба-ба, Кутафей Иванычъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости». «Пойдемъ, лисица!» Пошли. Привела лиса его къ норѣ, а волкъ на березѣ сидитъ, а медвѣдь на соснѣ, и крѣпко спитъ. Сидитъ на соснѣ и видится ему во снѣ: Кутафей Иванычъ идетъ, палачомъ голову снесетъ. Кутафей Иванычъ пришелъ, лиса его угощать стала: вытащила ему овцу, положила подъ березу; вытащила теленка, положила подъ со̀сну и повела: «Кутафей Иванычъ, поку—шайте!» Кутафей Иванычъ за̀чалъ умывать овцу, а лиса стала волку кричать: «Слушай, волкъ, что Кутафей Иванычъ будетъ говорить!» (А вѣдь кошка все: «ма̀у, ма̀у!», а волкъ думаетъ: мало, мало!) Кутафей Иванычъ овечку поѣлъ и теленка захотѣлъ. Теленка ѣстъ да мурнычетъ: «Ма̀у, ма̀у!» А медвѣдь слу̀шатъ. «Мало», думаетъ,—«принесъ». А косой заяцъ подъ корягой лежитъ и хочется ему поглядѣть, какой у него палачъ.

(А это у него хвостъ). Вотъ онъ, значитъ, подъ корягой лежитъ, скукòжился, и хочется ему поглядѣть сколько онъ великъ; поворотился, прутья зашевелились, а Кутафей Иванычъ думалъ мышь, да лапами подъ корягу тыкъ, а заяцъ изъ-подъ коряги-ти прыгъ! Кутафей Иванычъ зайца испугался, да на березу, а волкъ-то думалъ, что онъ его идетъ ѣсть, съ березы-то прыгнулъ да убился. Кутафей Иванычъ съ березы-ти да на сòсну, а медвѣдь съ нея прыгнулъ и голову сломилъ. Котóры подохли, а прòчи разбѣжались. Сказкѣ—конецъ; ее сказалъ молодецъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

53.

Лиса и соловей.

Жилъ былъ старикъ со старухой, у нихъ не было лошади—одинъ котъ. Вотъ у нихъ дровъ и не стало. Старуха говоритъ: «Старикъ, дровъ нѣтъ». «Какъ же быть?», «Какъ быть,—впряги кота въ рѣшето да и поѣзжай». Старикъ запрёгъ кота въ рѣшето и поѣхалъ по дрова. Ѣхалъ, ѣхалъ лѣсомъ, попадается ему заяцъ. «Дѣдушка, а дѣдушка! Куда ѣдешь?» «Въ лѣсъ». «Зачѣмъ?» «По дрова». «Посади и меня!» «Куда я тебя посажу? Лошаденки у меня манѐнько, тележонки тѣсненько». «Я, говоритъ, хоть въ уголокъ». «Ну, садись!» Посадилъ, поѣхали. Ѣхали, ѣхали, попадается лиса. «Дѣдушка, дѣдушка, куда ѣдешь?» «Въ лѣсъ по дрова». «Посади и меня!» «Куда я тебя посажу? У меня лошаденки манѐнько, тележонки тѣсненько, да еще», говоритъ,—«заяцъ вонъ тутъ прижался». «А хоть», говоритъ,—«возлѣ него». «Ну, садись!» Опять ѣхали, ѣхали; попадается волкъ. «Дѣдушка, дѣдушка, куда ѣдешь?» «Въ лѣсъ по дрова». «Посади и меня!» «Куда я тебя дѣну? У меня лошадёнки маненько, тележонки тѣснѐнько, да вотъ заяцъ съ лисой». «Я, хоть», говоритъ,—«возлѣ кумы-то». «Ну, садись!» Поѣхали. Ѣхали лѣсомъ, попадается медвѣдь. «Дѣдушка, дѣдушка, посади меня!»

«Куда я тебя посажу? Ты видишь у меня тележо́нка полна». «Я хоть», говоритъ,—«на копы́лъ ж....» «Ну, садись!» Поѣхали. Только волкъ съ медвѣдемъ и переговариваются: «Тамъ», говорятъ,—«въ лѣсу у насъ есть сходбище». Испугался старикъ, запримѣтилъ яму и шепнулъ коту въ ухо: «Ты»,—говоритъ, «черезъ эту яму махни, рѣшето въ яму то и упадетъ—они и вылетятъ». Ну, котъ везъ, везъ, черезъ яму махнулъ—они всѣ четверо остались въ ямѣ. День сидятъ и два сидятъ—жрать нечего. Сидѣли, сидѣли, да и говорятъ: «Давайте голосомъ тянуть; кто не дотянетъ того разорвемъ». «Ладно». Стали тянуть; тянули, тянули—заяцъ и не дотянулъ, и давай они его полыскàть; разорвали, а лиса косточки подъ себя. Вотъ опять проголодались они, опять говорятъ: «Давайте голосомъ тянуть, кто не дотянетъ того разорвемъ. «Тянули, тянули—волкъ и не дотянулъ. Разорвали волка. А лиса косточки все подъ себя собираетъ. Ну, малость погодя, опять голодны сидятъ. Лиса грызетъ сидитъ косточки изъ подъ себя, а медвѣдь и спрашиваетъ: «Кума, а кума! Чего ты грызешь?» «Глазъ себѣ, куманекъ, выцарапнула да хру́паю». Медвѣдь царапъ себѣ одинъ глазъ. «Кума», говоритъ,—«больно!» «Ну, кумъ, бо́льно—дѣло невольно: ѣсть хочется». Вотъ лиса сидитъ, да грызетъ косточки, а медвѣдь опять спрашиваетъ: «Кума, а кума! Чего ты хру́пашь?» «Да вотъ, куманекъ, другой глазъ выцарапала, хрупаю». Медвѣдь и оста́льный глазъ себѣ вырвалъ. Лиса опять сидитъ, косточки изъ-подъ себя таскаетъ, да грызетъ. Медвѣдь слышитъ и спрашиваетъ: «Кума, чего ты это все хру́пашь?» «Брюшко, куманекъ, распорола, да кишечки таскаю». Медвѣдь, съ голоду, царапъ себѣ брюхо и тутъ же подохъ. Лиса и давай его ѣсть. Ѣла, ѣла, только летитъ надъ ямой соловей, вить гнѣздо на березѣ хочетъ. Лиса и кричитъ ему: «Эй, соловей! Гнѣздо не вѣй: разорю!» (А чего разорю—въ ямѣ сидитъ, вылѣзть не можетъ) «Ты вытащи», говоритъ,—«меня, напой, накорми, да надсмѣшку насмѣши, да летать выучи!» Соловей согласился: натаскалъ въ яму дрязгу, вытащилъ лису. «Ну, накорми меня, соловей!» Вотъ и ѣдетъ баба съ пирогами и съ пивомъ, на́ помочь везетъ. Соловей сѣлъ на дугу и распѣваетъ. Ба́ба увидала, хотѣла убить и лукнула въ соловья палкой; въ него то не попала, а угодила въ дугу. Дуга то вылетѣла, лошадь и убѣжала: выпряглась. Баба пошла за ло-

шадью. Лиса пироги повытаскала, пиво пустила на дорогу, напилась, наѣлась. «Ну, теперь пойдемъ», говоритъ соловью,—«надсмѣшку насмѣшй!» Соловей полетѣлъ на гумно, а лиса за нимъ побѣжала. На гумнѣ молотятъ три сына: двое то умныхъ, а третій дуракъ, а отецъ у нихъ лысый. Вотъ соловей-то и сѣлъ ему на лысину. Дуракъ увидалъ и говоритъ: «Батюшка, батюшка, постой, я соловья убью!» Размахнулся цѣпомъ, да по̀лбу отца-то. Отца убилъ, а соловей улетѣлъ. Лиса видѣла—разсмѣялась. «Ну», говоритъ,—«теперь летать меня выучи!» Взялъ соловей лису подъ крыло и взвился съ ней. Высоко взлетѣлъ и спрашиваетъ: «Ладно что ли?» Она и говоритъ: «Нѣтъ, выше, выше!» Онъ взвился еще выше. «Ладно что ли?» «Еще выше!» «Ну теперь ладно?» «Ладно. Пускай!» Онъ лису-то и пустилъ. Лиса летитъ, да и говоритъ: «Дай Богъ на стогъ! Дай Богъ на стогъ!» Упала какъ разъ на пенёкъ, да и убилась.

(Абрамъ Новопольцевъ).

54.

Лиса и журавь.

Жила была лиса. Вотъ пришла осень, жу̀рынька облинялъ и нечѣмъ ему летать; пришлось зимовать. Захватила его холодная зима, и померзаетъ. Увидала его лѝсынька и говоритъ: «Ахъ, журынька, мерзнешь!» «Мерзну, лисынька». «Пойдемъ ко мнѣ въ нору, прокормлю я тебя всю зиму, только выучи меня весной летать». «Выучу, лисынька». Журынька отправился въ но̀ру и жилъ всю зиму. Пришла красная весна, начали мужички въ полѣ пахать, а лисынька зоветъ журыньку по дико́й степѣ летать. И говоритъ журынька: «Холодно, лисынька!» Весна стала теплая, крѣпко поправился жу̀рынька. Лиса и говоритъ: «А не пора ли намъ съ тобой, журынька, полетать?» «Пора, лисынька. Ну-ка, айда-ка, садись на меня!» Сѣла лиса на журавля; тотъ высоко возвился̀ и говоритъ: «Что, лисынька, не будетъ ли?» «Нѣту, журынька, мало; а вотъ еще то, говоритъ, до черненькой-то туч-

ки, и тутъ будемъ мы въ кучкѣ». И добрался журынька до черной тучки и сказалъ лисынькѣ: «Да будетъ?» «Ну будетъ, журынька, прощай!» Вотъ лиса на низъ полетѣла и хвостикомъ завертѣла, а онъ неправитъ. Вотъ мужичекъ тутъ бороновалъ, а ее вверху-то увидалъ, да борону-то вверхъ зубьями обращалъ. А вотъ и сказала лиса: «А дай Богъ мнѣ попасть на стогъ!» А мужикъ-то сказалъ, лису вверху увидалъ: «А дай Богъ да на борону!» Она на стогъ-то не попала, а на борону-то упала, и жисть тутъ свою скончала, да и говоритъ: «Охъ журынька, к..... сынъ!» (А ужь его не видать: онъ улетѣлъ.) «А не выучилъ ты меня, злодѣй, летать, а заставилъ злою смертью помирать!» Охъ да тутъ и свернулась лиса. Мужикъ ее въ мѣшечекъ оболокъ и въ кабакъ ее поволокъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

55.

Коза Тарата.

Жилъ былъ попъ, имѣлъ много у себя козъ и держалъ работника. Пришла весна, попъ и говоритъ: «Работникъ, погоняй козъ пасти, да хорошенько накорми!» Работникъ погналъ; пасъ день по горамъ, по доламъ, по темнымъ лѣсамъ. Пришло время домой гнать. Восходятъ козы въ ворота, а попъ выходитъ на крыльцо и спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?
Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Отвѣчаютъ козы попу:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,

Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

Одна коза и говоритъ:

Я не сы̀та, я не пья̀на:
Я по горкамъ не ходила,
Ковылочку не щипала,
Осинушки не глодала,
Подъ березкой не лежала!

Попъ прицѣлился—хлопъ работника, и убилъ. Былъ у попа одинъ сынъ; на утро сына посылаетъ. Сынъ погналъ; пасъ день по горамъ, по доламъ, по темнымъ лѣсамъ. Пришло время домой гнать. Восходятъ козы въ ворота, попъ и спрашиваетъ:

Вы ко̀зыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?
Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Козы отвѣчаютъ:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

Одна коза говоритъ:

Я не сы̀та, я не пьяна:
Я по горкамъ не ходила,
Ковылочку не щипала,
Осинушки не глодала,
Подъ березкой не лежала!

И сына убилъ. Была у него одна дочь; посылатъ онъ на третій день ее козъ пасти. Вотъ она погнала; пасла день по горамъ, по доламъ и по темнымъ лѣсамъ. Пришло время домой гнать. Восходятъ козы въ ворота, попъ и спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Козы отвѣчаютъ:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

А одна коза говоритъ:

Я не сыта, я не пьяна:
Я по горкамъ не ходила,
Ковылочку не щипала,
Осинушки не глодала,
Подъ березкой не лежала!

Попъ и дочь зашибъ. На четвертый день посылаетъ попадью. Та пасла козъ весь день по горамъ, по доламъ и по темнымъ лѣсамъ. Пришло время домой гнать. Восходятъ козы въ ворота, попъ спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?
Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Козы отвѣчаютъ:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

А одна коза говоритъ:

Я—не сы—та, я не пья—на!
Я по гор—камъ не хо—ди—ла,
Ковы—лочку не щи—па—ла,

Осинушки не гло—да—ла,
Подъ бе—резкой не ле—жа—ла!

И попадьѣ тоже было. На пятый день попъ самъ погналъ. Пасъ весь день по горамъ, по доламъ, по темнымъ лѣсамъ; зашелъ впередъ и спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?
Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Козы отвѣчаютъ:

Мы и сыты, мы и пьяны;
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

А одна коза все свое:

Я не сы—та, я не пья—на:
Я по горкамъ не хо—ди—ла,
Ковылочку не щи—па—ла,
Осинушки не гло—да—ла,
Подъ бе—резкой не ле—жа—ла!

Попъ козу поймалъ и половину бока ободралъ. Она вырвалась и убѣжала въ поле, къ суслику въ нòру. Сусликъ испугался, изъ норы убѣжалъ, ночь наружи пролежалъ. Сидитъ, плачетъ. Идетъ косой заяцъ. «Что, сусликъ, плачешь?.. «Кто-то въ норѣ есть». Подходитъ заяцъ къ норѣ. «Кто у суслика въ норѣ?» «Я—ко-за тарата̀, полбока о б д р а т а̀, выскочу, косой несъ, оста̀льный глазъ выхвачу!» Заяцъ айда дра̀ла въ лѣсъ. Идетъ волкъ. «Что, сусликъ, плачешь?» «Кто-то въ норѣ есть». Подходитъ волкъ къ норѣ. «Кто у суслика въ норѣ?» «Я—коза тарата̀, полбока обдрата̀, вотъ я выскочу, глаза тебѣ выхвачу!» Волкъ дра̀ла въ лѣсъ: испугался. Идетъ медвѣдь. «Что, сусликъ, плачешь?» «Кто-то въ норѣ есть». Подходитъ медвѣдь къ норѣ, спрашиваетъ: «Кто тамъ?» «Я—коза тарата̀, полбока обдрата̀. Вотъ я выскочу, глаза

тебѣ выхвачу!» Медвѣдь испугался, въ лѣсъ убѣгъ. Ползетъ ежъ. «Что сусликъ, плачешь?» «Да кто-то въ норѣ есть». Подползъ ежъ къ норѣ, спрашиваетъ: «Кто тамъ?» «Я—коза тарата, полбока обдрата, вотъ я выскочу, тебѣ глаза выхвачу!» А ежъ свернулся камышкомъ и туды,—кубарёмъ. Какъ разъ попалъ ей колюшками ти въ голый бокъ! Коза вылѣзла изъ норы и въ лѣсъ убѣжала.

(Абрамъ Новопольцевъ).

56.

Байка про тетерева.

Захотѣлъ тетеревъ домъ строить. Подумалъ, подумалъ: топора нѣтъ, кузнеца нѣтъ,—топоръ сдѣлать не кому, не кому выстроить тетереву домишко. «Что же мнѣ, думаетъ, домъ заводить? Одна то ночь никуды не идетъ!» Бултыхъ въ снѣгъ! Въ снѣгу ночку ночевалъ, по утру рано вставалъ, по вольному свѣту полеталъ, громко шибко покричалъ, товарищевъ поискалъ. Спустился на землю, свидѣлся съ товарищемъ. Они тутъ поиграли, носомъ изъ носу слюнку принимали, по кусточкамъ бродили, мѣстечки искали, гнѣздышки свивали, яичушки сносили и дѣтокъ выводили. Съ дѣтками они во чисто поле ходили, дѣтокъ мошками кормили, на вольный свѣтъ выводили и по вольному свѣту летали и опять зимой въ снѣгу ночевали. «А одна то ночь съ дѣтями никуда неидетъ (куда ни шла)! Чѣмъ намъ домъ заводить, лучше на березынькахъ сидѣть, въ чисто поле глядѣть, красну в ё с н у ю встрѣчать, ш ў л д а р ъ б ў л д а р ы кричать!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

57.

Блоха и муха.

Жила въ деревнѣ блоха, въ маѣ мѣсяцѣ; отправляется блоха въ іюнѣ мѣсяцѣ въ городъ; встрѣчается блохѣ муха и говоритъ: «Что, барыня блоха, гдѣ ты свою жисть провела?» «О, злодѣйка муха, въ несчастной сторонѣ, въ деревнѣ». «Что, тебѣ, барышня, не показалось жить въ деревнѣ?» «Время прошло, злодѣйка». «Какое же, барышня, время? «Красна весна прошла. Весной утѣшеніе имѣла, а теперь больна сдѣлалась». «Отчего больна, скажи?» «Когда была красная весна, я щекотила всѣхъ сряду, а теперь пришло теплое лѣто; въ тепломъ лѣтѣ мужички усталые; одинъ легъ, да и задавилъ меня». Муха и говоритъ: «А что ты въ городѣ найдешь? Я сейчасъ изъ городу». «О, муха, ты дура! Я пойду къ барину, я лягу на мягкую постель, тутъ буду кормиться; а какъ я была въ деревнѣ—мужичекъ-отъ день-отъ пожалъ, а меня, блошеньку, на доскѣ прижалъ». Муха и говоритъ: «На што онъ тебя прижалъ?» «Онъ, мой батенька, больно усталъ, а я пойду къ барину на мягкую постелю. Ну теперь, муха, ты про свое обстоятельство скажи, для чего въ деревню идешь?» «Я въ городу-то, барышня, замерла, не ѣмши». «Нашто, поганая? Тебя видно жить-то не пускаютъ?» «Помилуйте, у васъ въ деревнѣ остается въ домѣ и старый и малый; вотъ у старушки маленьки робятишки, а тутъ-то мнѣ и хорошо: накладетъ она кашки съ молочкомъ,—вотъ, барышня, я тутъ половинщица!» «Правда твоя», говоритъ блоха,—«ступай съ Богомъ!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

58.

Левъ, щука и человѣкъ.

На рѣкѣ разъ левъ со щукой разговаривалъ, а человѣкъ стоялъ пододаль и слушалъ. Только щука увидала человѣка и ушла

въ воду. Левъ ее послѣ спрашиваетъ:» «Чего ты ушла въ воду?». «Человѣка увидала». «Ну, такъ что же?» «Да онъ хитрый». «Что за человѣкъ?»—говоритъ левъ. «Подай мнѣ, говоритъ, его я съѣмъ!» Пошелъ человѣка искать. Идетъ на встрѣчу мальчикъ. «Ты человѣкъ?» «Нѣтъ, какой я человѣкъ? Я мальчикъ. Еще когда буду человѣкомъ-то». Левъ прошелъ мимо. Попадается старикъ. «Ты человѣкъ?» «Нѣтъ, батюшка левъ, какой я теперь человѣкъ? Былъ когда-то человѣкомъ». И этого не тронулъ. «Что, говоритъ, за диковина, не найдешь человѣка нигдѣ!» Попадается солдатъ, при ружьѣ и при саблѣ. «Ты человѣкъ?» «Человѣкъ». «Ну, я тебя съѣмъ!» «А ты погоди», говоритъ солдатъ,—«отойди отъ меня, я къ тебѣ самъ въ пасть-то и кинусь. Раскрой ее!» Левъ отошелъ, раскрылъ пасть; солдатъ намѣтился, да какъ б у ц н е т ъ въ нее, потомъ подбѣжалъ да саблей ухо у льва отсѣкъ. Тотъ—бѣжку. Прибѣгаетъ къ рѣкѣ; выплыла щука, спрашиваетъ: «Ну что?» «Да что», говоритъ,—«д ѣ й с т в и т е л ь н о хитёръ! Сразу-то я его и не нашелъ: то говоритъ, что былъ человѣкомъ, то горилъ, что еще будетъ, а какъ нашелъ, такъ и не обрадовался. Онъ мнѣ велѣлъ отойти да пасть раскрыть, потомъ какъ плюнетъ мнѣ въ нее, и сейчасъ жжетъ, все внутри выжгло, а послѣ высунулъ языкъ, да ухо мнѣ и слизнулъ!» «То-то же, я тебѣ говорила!» сказала щука.

(Записано въ Симбирскѣ).

59.

Зло зломъ платится.

Однажды случилóсь — попалъ волкъ въ капканъ, а мужичекъ переходитъ изъ села до села съ мѣшкомъ. С е й ч а с ъ волкъ его повстрѣчалъ, да и говоритъ: «С о х р а н и, пожалуйста меня!» С т а р и к ъ и говоритъ: «Отойди, волкъ, прочь отъ меня! Я тебя боюсь: ты сгубúшь меня!» «Нѣту, говоритъ, не трóну, только сохрани отъ охотниковъ». А по чистому полю верхами охотнички рыщутъ, капканнаго волка ищутъ. А мужикъ значúтъ и говоритъ волку: «Да какъ я тебя сохраню?» «Да чай, есть что-нибудь у

тебя?» «Одинъ мѣшокъ только». «Ну, посади въ мѣшокъ!» Старикъ расправилъ мѣшокъ, волкъ бултыхъ въ мѣшокъ, залѣзъ, да и сидитъ въ немъ; а старикъ подлѣ лежитъ. Котóры же охотники по чистому полю рыскали, сѣраго волка искали, подъѣзжаютъ къ старику. «Миръ твому сидѣнью, дѣдъ! Не соври: тебѣ семьдесятъ лѣтъ, у тебя ужъ и зубовъ нѣтъ. Не ты ли поималъ капканнаго волка?» Отвѣчаетъ старикъ: «Э-и-дрýги, дѣ мнѣ сѣраго волка поймать? Я—стáръ человѣкъ». «Да не видалъ ли, дѣдушка? Онъ у насъ съ капканомъ ушелъ». «Нѣту», говоритъ старикъ, и проводилъ ихъ обратно. Охотнички поѣхали, куды имъ слѣдуетъ. Волкъ спрашиваетъ старика: «А что уѣхали моѐ непріятели?» «Уѣхали, сѣрый волкъ!» «Ну, выпущай топерь меня!» Мужикъ развязалъ мѣшокъ; волкъ всталъ, обернулся на всѣ на четыре стóроны и сказалъ: «Нѣту никого! Я тебя, дѣдушка, съѣмъ!» Старикъ говоритъ: «Да, сѣрый волкъ, эдакъ видно добро-то добромъ платится! А добры люди такъ не дѣлаютъ: а кто кому сдѣлаетъ добро, то добро добромъ платятъ; кто сдѣлаетъ зло — то зломъ платятъ. Пойдемъ, волкъ, путемъ дорогой, и будемъ спрашивать кто намъ попадется, какихъ бы ни было, до трехъ лицъ». Волкъ согласился; идутъ путемъ дорогой. Ходитъ старая кобыла на озимяхъ и не можетъ травы достать и не можетъ посѣянной озими сорвать. Говоритъ старикъ: «А скажи-ка намъ, старая кобыла, ты знать Бога забыла, добро добромъ платится, или зло зломъ?» Отвѣчаетъ старая кобыла: «Эхъ, старикъ, старикъ! Нашелъ ты нынче — добро добромъ платится! Я у хозяина двадцать лѣтъ жила, десять жеребенковъ принесла, и то онъ меня подъ сараемъ не доржалъ — въ чистое поле согналъ». Волкъ и говоритъ старику: «Слышишь, дѣдушка, что кобыла говоритъ? Я тебя съѣмъ! Добро добромъ не платится». «Пойдемъ, волкъ, дальше, до второй встрѣчи!» Вотъ пошли, старую собаку нашли. Подходятъ къ собакѣ. Сказалъ старикъ: «Что ты, старая собака, лежишь, больно громко скалúшь. Добро добромъ платится, или зло зломъ?» «Э-ихъ, говоритъ, нашелъ ты добро добромъ платится! Я хозяйскій домъ десять лѣтъ стерегла, вотъ я остарѣла, ходить не могу — онъ меня въ поле заморозить вывезъ». Волкъ и говоритъ старику: «Неправда твоя, старикъ! Съѣмъ я тебя!» «Ну, пойдемъ, волкъ, подальше!» Пошли. Попадается имъ на встрѣчу лисынька.

И эта лиса — при бесѣдѣ краса! Старикъ и говоритъ: «Лисынька, скажи всее правду, не утай грѣха: добро добромъ платится, или зло зломъ?» Лиса говоритъ: «Нѣту, добро добромъ платится». Старикъ и говоритъ: «Вотъ я волку сдѣлалъ добро, а онъ меня хочетъ съѣсть». «А какое же добро?» спросила лиса. «Онъ попалъ въ капканъ — охотнички бы его догнали и тутъ же бы его поимали, а я его сберегъ». «Какъ же это? Куды ты его дѣлъ?» «Въ мѣшокъ вотъ въ этотъ посадилъ». «Какъ ты съ него сладилъ?» Волкъ и отвѣчаетъ лисѣ: «Онъ растопырилъ мѣшокъ, я туды и влѣзъ». «Ну-ка попытай—я погляжу; тогда и съѣшь». «Дѣдушка, расправь-ка мѣшокъ!» Дѣдушка расправилъ мѣшокъ. «Ну-ка лѣзь! Какъ ты влѣзешь?» Волкъ влѣзъ въ мѣшокъ. «Ну-ка, дѣдушка, стряхни мѣшокъ-то хорошенько!» Старикъ поднялъ мѣшокъ, конецъ веревкой завязалъ. Была у старика палочка небольшая, какъ въ силу старику поднять. «Ну-ка», говоритъ,—«дѣдушка, ну-ну-ну! Палочкой-то его!» Вотъ старикъ и ну-ну-ну его, а лиса кругомъ бѣгаетъ да приговариваетъ: «А путемъ, путемъ, дѣдушка, хорошенько! Вотъ тутъ да по мордѣ!» Вотъ старикъ больно обрадова́лся, вдругъ развернулся — лису-то по мордѣ досталъ, волка-то добилъ, а лису-то до́ смерти убилъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

60.

Конекъ горбу́нокъ.

Жилъ былъ старикъ со старушкой. У нихъ было три сына: большой былъ Микòленька, а второй сынокъ Петинька, а третій—Иванушка дурачекъ. Занимались они хлѣбопашествомъ, посѣяли въ полѣ пшеничку десятинку, при большой дорогѣ. Пшеничка очень хороша: растетъ, разстилается, колосокъ изъ нея выбивается. Повадилась въ пшеницу неизвѣстная какая скотина, либо звѣрь какой, пшеничку мнетъ и колосья рветъ. Вотъ этотъ же старичекъ пріѣхалъ пшеничку посмотрѣть — пшеничка помятая и колосья порва́тые. Пріѣзжаетъ домой, сказываетъ сво-

ѣ м ъ дѣтямъ: «А вотъ, ребяты, пшеничка очень у насъ хороша, только кто-то ее больно мнетъ и колосья рветъ; надо ее караулить». Ну, сыновья ему говорили: «Надо, батюшка, покараулить». И стали они конúться, кому достанется прежде караулить, въ поле нужно будетъ идти, т а м ъ ночевать и всю темну ночь не спать. Д о с т а л а с ь п е р в а я н о ч ь и д т и сыну Миколенькѣ. Онъ беретъ вилы и топоръ, отправляется въ поле, въ дозоръ. Онъ далеко не бѣжалъ: у с у с ѣ д а подъ заборомъ пролежалъ. Бѣлая заря занялась и онъ домой собрался. Восходитъ на крыльцо, беретъ за кольцо: «С в ѣ т ъ т ѣ л и! (?) Отпирайте караульному двери!» «Свѣтъ тѣ ли» услыхали, двери отпирали, караульнаго пущали. Спрашиваютъ его: «Не видалъ ли въ полѣ, Микóленька, кого?» (Да д ѣ же Миколенька увидитъ? Онъ въ полѣ не бывалъ и пшеницу не видалъ, а у сусѣда подъ заборомъ пролежалъ). Вотъ хозяинъ старичекъ запрегъ лошадушку и поѣхалъ скоро въ поле. Смотритъ—утромъ по росѣ помята пшеница. Пріѣзжаетъ домой и говоритъ: «Ахъ, Миколенька, ты проспалъ! Очень пшеничка помята».—Приходитъ вторая ночь. Т а к ж е Петинька сынокъ беретъ вилы и топоръ, отправляется въ поле, въ дозоръ. Онъ далеко не бѣжалъ: у сусѣда на сушúлахъ пролежалъ и т. д.

По утру отецъ п р о ѣ з ж а е т ъ въ поле—болѣе того поле помято. Пріѣхалъ домой и говоритъ: «Петя, ты знать вовсе не былъ? Еще болѣ помято!» Вотъ Ванюшка дурачекъ лежитъ на п е ч ѣ, сопли на клубокъ мотáтъ, и говоритъ: «Развѣ вотъ я, батюшка, пойду, такъ укараулю». Отецъ и говоритъ: «Дѣ тебѣ, глупому, укараулить! Умные т и проспали, ничего не видали, а тебѣ ужъ и вовсе не видать». Какъ пришелъ поздній вечеръ, Ванюшка слѣзъ съ печú, подходитъ къ столу, не умàливатъ никому, взялъ хлѣба каравай, отрѣзалъ кругъ каравая ломоть и пошелъ во чистóе поле. Сидитъ за кустомъ, управляется съ ломтемъ (к р у ж и́ т ъ е г о). И вдругъ на пшеницѣ о с ь я́ и л о: прибѣгаетъ кобылица-л а т ы н ѝ ц а. Вотъ онъ къ ней ближе и ближе, ползкомъ да ползкомъ. Она пшеницу мнетъ и колосья рветъ, а Ванюшка поближе ползетъ — цопъ ее за гриву! С к о ч и л ъ на нее верхомъ, садится къ головѣ спиной, а къ хвосту лицемъ; лѣвой рукой поймáлъ за хвостъ, а правою рукой бьетъ по крутымъ бедрамъ. Вотъ эта же кобылица по полю летала, шибко прыгала и бѣжала: хотѣлось

Ванюшку съ себя уронить и до́ смерти его убить. Нѣтъ, Ванюшка сидитъ ни въ чемъ невредимъ. Сколько ни рыскала — остановилась, Иванушкѣ покорилась. Иванушка слѣзъ, обралъ и домой повелъ. Шла, шла кобылица за Иванушкой дурачкомъ и стала ему говорить: «Пусти, Иванушка, меня: я тебѣ подарю два коня какова́ я сама, а третьяго коня дамъ ма́ненькаго». Ванюшка и говоритъ: «Обманешь!» «Нѣтъ, только меня пусти—сейчасъ они передъ тобой явятся». Онъ подумалъ, да и пу́стилъ. Вотъ кобылица полетѣла, хвостомъ завертѣла. Вдругъ являются два коня — любо на нихъ посмотрѣть и не можно ничѣмъ ихъ оцѣнить; третій съ ними конекъ стоитъ маненькій: самъ шестъ вершковъ вышиной, а уши три аршина долино́й.

Ванюшка сидѣлъ за кустомъ и управлялся съ ломтемъ, привязалъ этихъ коней къ кусту, пошелъ къ батюшкѣ домой. Пришелъ къ батюшкѣ домой, спросилъ его отецъ: «А что, Ванюшка, не видалъ ли кого?» Ванюшка запрыгалъ. «Эхъ, батюшка, я пымалъ тройку коней!» Братья смотрятъ на него и спрашиваютъ: «А дѣ Иванъ, они?» «У куста привязаны». Пошелъ Ванюшка позавтракать. Поколѣ онъ завтракалъ, братья въ поле побѣжали, коней пару украли; сѣли и поѣхали въ Китай-городъ, на ярманку продавать. Оставили ему только маненькаго коня. Ванюшка говоритъ отцу: «Пойдемъ, батюшка, за конями». Пошли Ваня съ своимъ батюшкой, пришли — у куста нѣтъ коней, одинъ только маненькій конекъ стоитъ. Ванюшка такъ какъ разсерчалъ, плакалъ и рыдалъ. «И кто этихъ коней укралъ?» Онъ ихъ больно ругалъ. Маненькій же конекъ горбунокъ говоритъ Ванюшкѣ: «Не ругай, Ваня! Твоѐхъ коней увели братья твоѐ родные — тебѣ грѣхъ будетъ!» Маненькій конекъ говоритъ: «Аида, садись на меня! Въ погонь мы погонимъ, на дорогѣ ихъ догонимъ!» Сѣлъ Ванюшка на конька, полетѣли по большой дорогѣ, — не поспѣетъ Ваня версты считать, и догнали ихъ на большой дорогѣ, и Ванюшка закричалъ: «Стойте, воры! Не ваши кони! Зачѣмъ вы у меня ихъ украли?» Братья тѣ были разумны, говорятъ ему: «Мы, Ванюшка, коней не украли, а такъ ихъ взяли, ведемъ ихъ въ Китай городъ продавать. Коней, братецъ, продадимъ, а денежки батюшкѣ отдадимъ». Ванюшка ругаться пересталъ и сѣли вмѣстѣ, поѣхали. Пристигла ихъ на дорогѣ темная ночь. Вотъ имъ

нужно ночевать; говорятъ между себя: «Надо бы, братцы, намъ огонька поискать!» Смотрятъ на всѣ четыре стороны — отъ дороги въ сторонѣ огонекъ виднѣется. Ванюшка и говоритъ: «Поѣзжай, Миколай, за огнемъ! Хоть кашицу сваримъ». Тотъ сѣлъ и поѣхалъ. Ѣздилъ, ѣздилъ — назадъ пріѣхалъ, огня не нашелъ. Второй братъ поѣхалъ и этотъ не нашелъ. Ванюшка сѣлъ на конька и поѣхалъ самъ за огнемъ. Подъѣзжаетъ къ огоньку, а тутъ не огонь горитъ, а жаръ птицы перо лежитъ. Ванюшка слѣзъ съ маненькаго коня, беретъ перо и кладетъ въ пазуху. Конекъ горбунокъ говоритъ Ванѣ: «Не бери это перо: отъ этаго пера вели́ка будетъ бѣда!» Ванюшкѣ перо б о л ь н о показалось — онъ взялъ его и поѣхалъ; на то мѣсто пріѣхалъ, да хвать — мѣсто знать! Братья опять уѣхали, к р а̀ д у ч и. Онъ сѣлъ и полетѣлъ за ними въ погонь. Догналъ ихъ въ Китай-городѣ. Они видятъ — дѣло плохо, думаютъ себѣ: это вѣдь городъ—онъ дуракъ насъ свяжетъ и въ кутузку посадитъ». Вывели коней на базаръ; ч е л э̀ к ъ з а ч е л э к а, Ванюшку бросали, а сами убѣжали. Ванюшка маненькаго коня отвелъ на квартеру, а этихъ вывелъ на базаръ продавать. Подходятъ къ нему покупатели, спрашиваютъ его: «Что, молодецъ, кони твоѐ?» «Моѐ». «Ты что за нихъ просишь?» «Семь коробовъ обновъ». Они думаютъ, думаютъ: к а к ѐ х ъ обновъ? Если хорошихъ, такъ вѣдь много надо. Никто не могъ этихъ коней оцѣнить и никто не могъ купить. Пошли, доложили К и т а й с к о м у царю, что вотъ у насъ, на конной площади вывелъ молодецъ пару коней, не можетъ ч т о за нихъ взять, а мы не можемъ ч е г о дать. Царь велѣлъ кучеру лошадушку заложить; кучеръ заложилъ, батюшка царь оболокся́, на конную площадь понесся́. Ванюшка стоитъ съ конями, о т п р у к и в а в а е т ъ и кнутикомъ похлопываетъ. Подъѣзжаетъ къ нему царь. «Что, молодецъ, кони твоѐ?» «Моѐ, сударь». «Что за нихъ просишь?» У него была худенька ш л ы ч ё н к а; онъ въ деньгахъ счету не зналъ, одно сказалъ: (Поставилъ, знашь, на землю, въ ямочку худеньку свою шлыченку). «А вотъ, царское Величество, насыпьте мнѣ ее полну золота». Царь приказалъ насыпать; Ванюшка денежки бралъ, коней царю отдавалъ. Ванюшка в ъ п и с ь м о денежки положилъ, на свою сторону къ батюшкѣ услалъ. Вотъ царь приводитъ коней, отдаетъ конюхамъ. Они и конюховъ не принимаютъ: кусаютъ и

лягаютъ, и близко къ себѣ не подпускаютъ. Ну эта скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается — прошло день и два. Кони воды не пивали и корму не ѣдали. Докладываютъ царю конюхи его: «Ваше царское величество, кони корму не ѣдаютъ и насъ къ себѣ не подпускаютъ». Царь и говоритъ имъ: «Какъ же съ этимъ дѣломъ быть? Надо стараго хозяина искать и спросить чѣмъ намъ ихъ кормить». Пошли, стараго хозяина въ кабачкѣ нашли: винцо попиваетъ и каблучокъ на бочокъ. Взяли его за руки подхватили, во дворецъ къ царю потащили. Вышелъ царь къ нему на лице, спрашиваетъ: «А чѣмъ же намъ, Ванюшка, будетъ вашихъ коней кормить? Они насъ не знаютъ и близко насъ не подпускаютъ». Ванюшка всталъ и въ конюшенку пошелъ. Взошелъ — они громкимъ голосомъ заржали, потому что Ванюшку увидали. Ванюшка погладилъ ихъ и попоилъ, и корму далъ. Они такъ кормъ ѣдятъ, а ни на кого вовсе не глядятъ. Ванюшка около ихъ ходитъ тихохочко и гладитъ, и чиститъ ихъ, и такъ они скорымъ временъ перемѣнились. Вотъ царь призываетъ своéхъ старинныхъ конюховъ. «Что же вы, братцы, не умѣте какъ Ванюшкиныхъ коней кормить, не умѣете за ними ходить?» Вотъ царь Ванюшку призвалъ и все ему разказалъ. «Будь ты, Ванюшка, у мень за всѣми конями ходить и за старыми конюхами глядѣть». Какъ приходитъ темная ночь, всѣ конюхи зажигаютъ сальныя свѣчи, въ конюшенки идутъ новы. Ванюшка огня не беретъ, свѣту не имѣетъ; взойдетъ въ конюшенку, вынетъ изъ карману жаръ птицы перо — вся конюшенка въ огнѣ горитъ. Коней напоитъ, накормитъ, выгладитъ и почиститъ. По утру на широкое подворье выводитъ, только его кони стеклянѣются, а у старыхъ конюховъ всѣ кони въ грязѣ заваляются. Вотъ выходитъ батюшка царь коней посмотрѣть; Ванюшку благодаритъ, а старыихъ конюховъ по шеѣ колотитъ: они не стараются. И такъ старые конюхи на Ваню больно серчали и думаютъ себѣ: «Огня не беретъ, свѣту не имѣетъ. Какъ онъ ночью за конями ходитъ?» Въ ночное время Ванюшка въ конюшенку ночевать забрался, воткнулъ перышко въ стѣнку—какъ все равно огонь горитъ; а старые конюха въ дырочку глядятъ.

По утру встали, пошли къ царю, все ему разказали: «нашъ де новый конюхъ нынче съ нами погулялъ и кой чего много намъ

разказалъ, что у него есть жаръ птицы перо, да я», говоритъ,—«не то что перо, хвалится и самоё достать». Тотъ же часъ посланника царь посылаетъ, на лице Ванюшку приводятъ; царь и говоритъ: «Ну-ка, Ванюшка, гдѣ у тебя перо?» «У меня, ваше царское величество, нѣту». «Какъ!? Конюхи мнѣ разказали — ты въ конюшенку ходишь, свѣчекъ не берешь и огня не имѣешь; съ чѣмъ же ты за конями ходишь?» Наднёсъ саблю вóстру и хочетъ ему голову срубить. «Если не отдашь это перо—то голову долой, а отдашь—преставлю старшимъ конюхомъ!» Ванюшка вынулъ перо изъ пазухи и подалъ царю въ бѣлыя руки. Царь перо взялъ, а Ванѣ стаканъ водки наливалъ и говоритъ: «Какъ же ты, Ваня, вотъ этимъ конюхамъ, когда водку выпивалъ, имъ слова выпускалъ, что не то что это перо, ты и самою хотѣлъ достать?» Ванюшка клялся и божился: «Я въ кабакѣ съ ними не бывалъ и водки съ ними не пивалъ, и ничего не говорилъ. Не знаю, что и за птица есть». Ванюшка былъ одинъ, а конюховъ было много. Они всѣ въ голосъ закричали: «Говорилъ, ваше царское величество!» Царь на него сó страхомъ закричалъ и говоритъ: «За утрó достань; а то съ живаго голову срублю!» Ванюшка горько заплакалъ; идетъ въ конюшенку горько плачетъ, а конекъ-горбунокъ: «Что», говоритъ,—«не веселъ, Ваня, буйну голову повѣсилъ?» «Эхъ, какая бѣда на меня, конёчекъ! Велитъ царь достать самоё жаръ птицу!» Конь и говоритъ: «А вотъ то то же, Ваня! Я тебѣ говорилъ не бери это перо: отъ этого пера велúка будетъ бѣда. Садись ка на меня да бери мѣшокъ. «Онъ сѣлъ на конька; конекъ залился, какъ птица, увезъ Ваню во дремучій лѣсъ далече. Во дремучіемъ лѣсу была обширная поляна и середи полянѝ стояло одно древо и около этого древа трава была умятая и утолóчена. Вотъ же этотъ конекъ сталъ Ванѣ разказывать: «Вотъ я, Ванюшка, тутъ встану, а ты вотъ тутъ сиди, всю темную ночь гляди — и нѣсколько жаровъ-птицъ на эту поляну слетятся и посядутъ всѣ на это древо, и вся поляна какъ загорится. Ты сиди, не устрашися. Вотъ онѣ на древѣ посидятъ и нà землю спустятся и будутъ играть; поиграютъ и лягутъ спать — ты тутъ сейчасъ цопъ-царапъ да и въ мѣшокъ! И какъ можно крѣпче держи, и какъ поимаешь—меня кричи». Вотъ Ванюшка выслушалъ наказъ. Пришла темная ночь, птичка по птичкѣ стали лѣтать и налетѣло

ихъ множество. Вотъ онѣ на древо всѣ посѣли; какъ всѣ слетѣлись и стали играть, наигрались—легли спать. Ванюшка тихохочко ползкомъ подползъ, одну цопнулъ, да и въ мѣшокъ.—Она, э т а к а я си́льна, его съ мѣшкомъ по полянѣ возитъ. Ванюшка закричалъ: «Конекъ горбунокъ! Поималъ, да не удержу́!» Конекъ горбунокъ передъ нимъ я в л я е т с я: «Садись на меня!» Ванюшка сѣлъ, а конекъ полетѣлъ. Прилетѣлъ въ царство, конька въ конюшенку поставилъ; а царь темны ноченьки не спитъ, на всѣ на четыре стороны во подзорную трубу глядитъ. Ванюшка на утро идетъ и въ мѣшкѣ жаръ-птицу несетъ. Онъ отъ него гостинецъ принималъ и водочкой угощалъ, и старымъ конюхамъ сказалъ: «А что вы у меня живете какъ свиньи, только хлѣбъ ѣдите?!» И велѣлъ Ванюшкѣ быть надъ всѣми нàбольшимъ. В о т ъ отъ него было имъ жить жутко: онъ ихъ л у п и л ъ, чѣмъ ни попало.

Царь нѣсколько силы своей потерялъ (невѣсту доставалъ). За тридевять земель, во д е с я т ы е м ъ царствѣ есть Алена Прекрасна, и такъ онъ ее ж е л а̀ и л ъ за себя з а м у ж ъ взять—только день и ночь о ней и думаетъ. Вотъ эти старые конюхи собрались, пошли къ царю, докладываютъ, что вашъ новый конюхъ бывъ съ нами въ т р а к т и р ѣ и расхвалился: хочетъ вамъ достать Алену Прекрасну. Ну царь сейчасъ призываетъ Ваню. «Какъ, Ванюшка, ты хочешь достать мнѣ Алену Прекрасну? Еслѝ бы ты мнѣ ее досталъ, я бы тебѣ половину царства далъ. П е р в о е м ѣ с т о—подлѣ меня живи, а второе мѣсто—на супротивъ меня, а третье мѣсто—гдѣ тебѣ угодно. И казну дамъ несмѣтную; а если не достанешь, то съ живаго голову сыму!» Ванюшка и говоритъ: «Знать ничего не могу». Царь говоритъ, чтобы заутро было сдѣлано. Ванюшка не веселъ, буйную голову повѣсилъ. Идетъ въ конюшенку, горько плачетъ. Конекъ горбунокъ спрашиваетъ его: «Что ты, Ванюшка, не веселъ, буину голову повѣсилъ ниже могучихъ своихъ плечъ?» Онъ такъ плачетъ, не можетъ во слезахъ промолвить. «Велѣлъ царь мнѣ Алену Прекрасну достать». «То-то вотъ, Ваня, я тебѣ говорилъ: не бери это перо: отъ этаго пера велика будетъ бѣда. Это еще не бѣда, а бѣда в п е р е д ѣ. Ложись спи, а на утро къ царю иди и вели ему тридевять паръ сшить разныхъ б а ш м а к ъ, и вели ему накупить три разъ по девять бутылокъ разныихъ хмѣльныихъ пой-

ловъ. Ванюшка пошелъ, царю доложилъ. У царя черезъ часъ все поспѣло. Ванюшку приводятъ и Ванюшкѣ башмачки отдаютъ. Башмачки бери, а бутылочки въ кошелекъ клади! Сѣлъ Ванюшка на коня, да и полетѣлъ. Его конекъ горбунокъ всѣ горы долы перепрыгивалъ, темные лѣса между ногъ пускалъ (а ноги то какъ у ежа). Если бы на порядочномъ конѣ-было ѣхать три года, а онъ на маненькомъ доѣхалъ въ три часа и пріѣхалъ къ синему морю. Черезъ эстó море мосту не бываетъ, а за моремъ Елена Прекрасна живетъ. И онъ дѣ она переѣзжаетъ на легкой лодкѣ въ луговую сторону гулять, онъ къ этимъ мѣстамъ подъѣзжалъ, полáточку разставлялъ тонкаго бѣлаго полотна. Полаточка такъ бѣлѣется какъ бѣлый снѣгъ. Разные башмачки какъ алые цвѣты цвѣтутъ; разные напиточки разставилъ въ полаткѣ на полочки—духàми все сине море покрыло (вонъ составы ти какѣ составилъ!), а конька за полаточку поставилъ. Вотъ вдругъ вѣтерокъ потянулъ на ту сторону синяго моря, какъ Алена Прекрасна вдоль синяго моря вышла погулять и видитъ—полаточка на той сторонѣ бѣлѣется, и такъ смотритъ, какъ въ ея лугахъ словно цвѣты расцвѣли. Какъ цвѣтутъ цвѣты лазоревые, а изъ нихъ духи малиновые. Закричала своимъ громкимъ голосомъ приближеннаго слугу, сѣли въ легку лодочку, да и поѣхали; на тоё сторону переѣхали, подходятъ ко полаточкѣ. Она думала—цвѣты цвѣтутъ, а раскрашенные башмачки висятъ; отъ бутылочекъ всякими духами опахиваетъ. Она Ванюшку не узнала, за купца его почитала, башмачки у него покупала; при покупочкѣ бутылочку съ Ваней разной водочки выпивала и такъ головушкой зашатала, словечушко ему сказала: «А ты, незнамый купецъ, добрый молодецъ, угости еще меня и поѣдемъ со мной ко мнѣ на ту сторону, домой». Вотъ Ванюшка, будь недуренъ, бутылочку покрѣпче вынимàлъ, вотъ стаканчикъ-то полнѣ наливалъ, самъ повсей выпивалъ, да и сказалъ: «Охъ да дà-ка съ горя выпью!» А Аленѣ Прекрасной другой наливалъ. Елена Прекрасна какъ второй стаканчикъ выпивала—и ручками замотала и не знатъ чего дѣлать. А конекъ говоритъ, за полаткою стоитъ: «А вотъ у бабѣ ти волосъ то дологъ, а умъ то коротокъ! Мотри, Ванюшка, самому тебѣ разинѣ бы въ ротъ

не взъѣхало!» Ванюшка скоро догадался, какъ за хмѣльную Елену сохватался да и цопъ въ мѣшокъ!

Ванюшка Елену посадилъ въ мѣшокъ, сѣлъ на коня да и возвился какъ ясёнъ соколокъ—и слѣдъ ея простылъ! Полетѣлъ добрый молодецъ; пріѣзжаетъ къ батюшкѣ къ своему царю. Царь обрадовался, къ Еленѣ на шею бросался, съ Еленой цѣловался. У насъ не пиво варить, не вино курить—сейчасъ и за свадебку. Вотъ Елена Прекрасна его къ себѣ близко не подпускала, рѣчь ему одну сказала: «Нѣтъ, царь, не должна я съ тобой вѣнчаться: я украдена. У меня нѣту подвѣнечнаго платья. Съѣздій, привези мнѣ его, тогда обвѣнчаюсь». (А ужъ дѣ же ему ѣхать? Онъ за вороты то боится). Отвѣчаетъ батюшка царь: «А куды же я поѣду? Дѣ его найду?» «Кто меня досталъ, тотъ и платье мое привезетъ». Сейчасъ царь призываетъ Ванюшку дурачка. Ванюшка отдыхаетъ въ конюшенкѣ съ устатку, ничего не знаетъ. Привели къ царю. «Ванюшка, сослужи мнѣ службу, а не службу—дружбу: съѣздій, нареченной моей невѣстѣ привези платье!» «Батюшка царь, я не знаю гдѣ взять». Алена Прекрасна Ванюшкѣ все разказала: «Ступай, говоритъ, къ тому синему морю, гдѣ ты меня поималъ, тамъ середи моря, на днѣ стоитъ сундукъ; въ сундукѣ платье лежитъ. Отопри и возьми, тогда я буду вѣнчаться». Царь со страхомъ на него закричалъ: «Живо чтобы достать! Съ живаго голову сниму!» Ванюшка горько заплакалъ: въ конюшенку идетъ, въ три ряда слезы бѣгутъ. Конекъ горбунокъ спрашиватъ его: «Что, Ваня, горько плачешь?» «Большая бѣда на меня!» «Какая бѣда?» «Елена Прекрасна приказала достать платье подвѣнечно». «То-то, Ваня, сказалъ конекъ, я тебѣ говорилъ: не бери это перо и т. д. Ладно, ложись спи: дѣло будетъ исправно». Ваня легъ, не спитъ—изъ глазъ слезы льютъ. Конекъ горбунокъ черезъ скорое время подходитъ и говоритъ: «Будетъ, Ванюшка, спать! Пора вставать, намъ съ тобой ѣхать горе горевать!» Сѣлъ, да полетѣлъ добрый молодецъ. Гдѣ его полаточка стояла, тутъ только пепелóкъ повѣвáтъ. Подъѣхали къ синему морю; сказалъ конекъ горбунокъ: «Ванюшка, защурься! Сиди крѣпше!» Мырнулъ конекъ въ море, на самое дно и дошли до сундука; открыли его, платье вынули, въ узолокъ завязали. Сѣлъ добрый молодецъ, да и полетѣлъ. Скоро сказка сказывается и т. д. Про-

шло дѣло три года. Пріѣхали къ царю, поставилъ Ванюшка своего конька въ конюшенку—самъ пошелъ къ царю; они сидятъ съ Аленой Прекрасной, чаекъ кушаютъ, передъ чайкомъ водочки попиваютъ. Ванюшка пришелъ, цвѣтно платьице принесъ; Аленѣ Прекрасной подалъ, а царь Ванюшку по головушкѣ погладилъ и не знатъ чѣмъ его жаловать. Посылаетъ Ваню въ конюшенки новы́ коней заложить: хочется съ Еленой покататься, дабы скорехонько обвѣнчаться. Алена же Прекрасна царю говоритъ: «Изъ васъ изъ двоихъ будетъ одинъ мой женихъ». Приказала царю развести посереди широкаго двора огонь и навѣсить три котла; въ первый налить смолы, а во второй—молока, а въ третій котелъ—простой воды и вскипятить всѣ три котла, да и сказала Елена Прекрасна: «Вотъ кто въ эвтихъ котлахъ искупатся—тотъ мой женихъ будетъ!» Ванюшка горько плакалъ: купаться не желаетъ и невѣсту не беретъ, а она ему отвѣчаетъ: «Ты ѣздилъ и страдалъ—я быть мо́же твоя буду». А батюшка царь, у него ноженьки дрожатъ и думаетъ: «Какже можно въ вару искупаться?».

Она заставила ихъ покориться кому прежде лѣзть. Досталось прежде мырять Ванюшкѣ дурачку. Ванюшка дурачекъ горько заплакалъ и говоритъ Аленѣ Прекрасной: «Я вотъ пойду схожу къ коньку горбунку, распрощусь и въ ножки поклонюсь, и отпущу его на сву сторону домой». Пришелъ Ванюшка къ коньку горбунку, горько плачетъ, во слезахъ своего конька не видитъ. «Что, Ваня, плачешь?» «Большая на меня бѣда! Сейчасъ кончится жизнь моя: заставляютъ меня въ трехъ котлахъ купаться: въ кипячей смолѣ, въ молокѣ и въ вару». «Ну, я бы только былъ живъ, а ты будешь живой. Иди, я—за тобой. Безъ опаски мыряй! Я въ смолу лѣвую ногу обмакну—холоду пущу, въ молоко правую макну—льду́шечку пущу, а въ варъ фыркну ноздрями—полонъ снѣгу будетъ». Ванюшка подошелъ къ котламъ—Елена Прекрасна стоитъ съ царемъ, на краю. Царь дожидается, когда Ванюшка мырнетъ. Ванюшка перекстился—бултыхъ въ смолу! Весь, какъ головяшка, оттоль вымырнулъ, черный! Какъ въ молочко мырнулъ—побѣлѣе сталъ, а водой обмылся, сталъ добрый молодецъ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Вотъ Елена Прекрасна посылаетъ царя: «Мыряй за нимъ!» Онъ думаетъ себѣ:

«Ванюшка мырялъ и мнѣ надо». Какъ въ смолу мырнулъ и теперь тамъ сидитъ. Они съ Ванюшкой обвѣнчались, стали жить да быть, больше худа проживать, дѣтей наживать. И сказкѣ весь конецъ тутъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

61.

Про Кота Безсмертнаго и Марью Еридьевну.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь и у него былъ одинъ сынъ разъединый—Иванъ Царевичъ. И вырось онъ въ совершенные года и вздумалъ жениться. Таковыихъ королѣвновъ за него не находилось. И были у него прислуги генералы, генеральскія были отличныя дѣушки, няньки и мамки всякія были и ходатайствовали они за нимъ, и по зеленымъ садамъ разгуливались съ нимъ, и такъ было имъ охота за него замужъ которой-нибудь да выдти. Ну какъ эти дѣушки ему не нравились.

За тридевять земель, въ десятыемъ въ дальнемъ царствѣ была царская дочь, Марья Еридьевна, и такъ была она отъ лица отличная красавица, что не вздумать, не взгадать. Иванъ царевичъ посылаетъ къ ней письмо и проситъ ее за себя въ замужество. Она отъ него письмо принимала и обратно ему посылала, и замужъ за него была идти согласна; только что очень далече. Пишетъ обратное письмо и прописываетъ въ письмѣ, чтобы ждалъ меня Иванъ царевичъ, я пріѣду за него въ замужество и со всѣми съ няньками, съ сѣнными дѣушками, вотъ такой-то день и въ эвтемъ часу, чтобы онъ не спалъ и при край моря, на бережкѣ бы стоялъ. Иванъ же царевичъ письмо ея принималъ и самъ себѣ прочиталъ; ни день, ни ночь не спалъ—на бережкѣ стоялъ, Марью Еридьевну ждалъ. Всѣ эти часы, дни и минуты проходятъ, на него тоска находитъ; голова у него кружится и сонъ лѣзетъ въ глаза. Всходитъ онъ въ зеленый садъ, дѣ

его сѣнны дѣушки гуляли и заставилъ одну сѣнную дѣушку въ головушкѣ поискать. Стала она искать, воткнула къ нему булавочку и словно онъ уснулъ, какъ умеръ. Какъ уснулъ, и Марья Ерідьевна является тотъ часъ. Стали его будить, стали трыкать—онъ какъ мертвый спитъ; а его сѣнна дѣушка сонъ на него напустила, что бы онъ ее замужъ взялъ, а Марью Ерідьевну бы оставилъ. Вотъ Марья Ерідьевна въ музыки играла и своѐхъ сѣнныхъ дѣушекъ плясать заставляла; Ивана царевича за ноги и за руки брали, будили, торыкàли и вверхъ его кидали. И какъ мертвый! Она сѣла на проходъ и была да нѣтъ! Отколь пріѣхала и назадъ туды поѣхала. Вотъ же эта сѣнна дѣушка булавочку изъ головушки вынимала, ото сна Ивана царевича разбуждала. Спрашиваетъ онъ ее: «А что не была ли Марья Ерідьевна?» «Вонъ проходъ-то бѣжитъ! Была, да назадъ уѣхала и больно на тебя осерчала, а только быдто ты ее обманулъ». Онъ на это не взиралъ, самъ вдоль по бережку побѣжалъ; увидалъ ея проходъ, гаркнулъ громкимъ голосомъ. Она только махнула рукой. «А здорово да и прощай!» Сѣла, да и поѣхала. Поклонилась только, да и квитъ дѣло. Обращается Иванъ царевичъ домой плакать и думать, и такъ горюетъ, въ тоску-печаль дался. И думаетъ, какъ бы къ ней, въ ея царство идти, какъ бы ее тамъ найти. Ну найти ее очень мудрено: она далече, въ нерусской землѣ. Вотъ пошелъ же Иванъ царевичъ къ кузнецамъ-мастерамъ. «Сдѣлайте мнѣ, господа кузнецы, трое сапоги желѣзны и три шляпы желѣзны, да еще сдѣлайте три просвирки желѣзныхъ!» Вотъ Ивану царевичу кузнецы это все исправили; приходитъ Иванъ царевичъ къ отцу съ матерью, во дворецъ, на высокій крылецъ: «Батюшка съ матушкой! Благословите меня!» Они спрашиваютъ его: «А куды же ты вздумалъ, глупое дитё?» «Да пойду, батюшка и матушка, Марью Ерадьевну искать». «Ну, Богъ тебя благословитъ!» Онъ Богу помолился, съ отцемъ съ матерью распростился, желѣзные сапоги обулъ, а двое за плеча привязалъ, и шляпу желѣзную надѣлъ, а прочее въ сумочку клалъ. И пошелъ добрый молодецъ. Шелъ путемъ дорогой долго ли, мало ли, долгó ли, коротко ли шелъ, сапоги желѣзные износилъ и подожокъ изломалъ, и просвирочку съѣлъ. Другіе надѣлъ еще дальше пошелъ. Дошелъ до избенки. Стоитъ избушка,

на куричьей голяшкѣ повѐртывается. Онъ сказалъ: «Избушка, избушка! встань ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задóмъ!» Избушка встала. Онъ взошелъ въ нее—лежитъ Ягая баба, ноги изъ угла въ уголъ; носъ желѣзный въ потолокъ уперся, у ней титьки черезъ грядки висятъ, маненьки робятки посóвываютъ. Онъ взошелъ, Богу помолился, Ягой бабѣ поклонился. Говоритъ ему Ягая баба: «Что это у насъ? Прежде русскаго духу слыхóмъ не слыхано и видóмъ не видано, а вотъ нынче русскій духъ въ устахъ я в и т с я и въ глаза мечется! Ба! ба! ба! Иванъ царевичъ! Что ты, отъ дѣла лытàшь, или больше себѣ дѣло пытàшь?» »Эхъ, родима баушка, я отъ дѣла не лытаю, дѣла больше себѣ пытаю». «Куда же ты идешь?» «Да вотъ Марью Ериддьевну ищу». «На что тебѣ?» «Да жениться хочу». «Эге-ге, Иванъ царевичъ! Далеко тебѣ до нея! Я и сама про нее не знаю, а ступай еще столько, со сколько ты прошелъ—тамъ есть моя бóльшая сестра; она хорошо про нее знаетъ и тебѣ разкажетъ». Добрый молодецъ съ Ягой бабой распростился и пошелъ, обувочку опять перемѣнилъ (двое сапоги износилъ). Долго ли, мало ли шелъ, до второй Ягой бабы дошелъ. (Тутъ повтореніе). «Знаю, говоритъ Ягая баба, знаю, Иванъ царевичъ, гдѣ Марья Ериддьевна живетъ. Ну, мудрено ее тебѣ найти и взять! Она вышла за К о т а Безсмертнаго замужъ. Ступай еще съ э с т о л ь, сколь ты прошелъ». Разказала ему, гдѣ ее найти; въ т а к é е м ъ то чистомъ полѣ. Вотъ Иванъ царевичъ Ягую бабу поблагодарилъ и обулся въ послѣдніе сапоги и надѣлъ послѣднюю шляпу. Пошелъ дальше. Просвирочку остàльную доѣдаетъ и съѣлъ онъ всѣ три просвирочки. С и л ы н е с т я г à ю т ъ идти. Идетъ путемъ дорогой—стоитъ лѣсина; на лѣсинѣ сидитъ ворона на гнѣздѣ, съ маленькими воронятками. Вотъ онъ подошелъ къ этой д е р е в ѝ н ѣ и говоритъ себѣ: «А вотъ влѣзу». И сказалъ: «Ворона, ворона, я тебя съѣмъ съ воронятами!» Ворона отвѣтила: «Не ѣшь, Иванъ царевичъ! Я тебѣ сама пригожусь». Онъ подумалъ: «Ахъ, да я вѣдь на чужой сторонѣ». Дай брошу! Пошелъ дальше. Идетъ—лежитъ на дорогѣ, на соломѣ сука со щенятами. Онъ взялъ щ е н ё н к а и говоритъ: «Собака, я съ голоду помираю. Я тебя съѣмъ и со щенятами!» Та и говоритъ: «Не ѣшь, Иванъ царевичъ! Я тебѣ еще пригожусь». Иванъ царевичъ бросилъ и дальше пошелъ. Идетъ вдоль рѣчки—у бережёчка плаваетъ щу-

ка со щурѧтами. Иванъ царевичъ на нее глядитъ. «А вотъ, говоритъ, я тебя, щука, поймаю и съѣмъ со щурѧтами!» Щука и говоритъ: «Не ѣшь, Иванъ царевичъ! Я тебѣ пригожусь». И эту пу́стилъ; пошелъ дальше. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ушелъ добрый молодецъ прикрай свѣту, въ самый конецъ и завидѣлъ въ чистомъ полѣ преогромнѣющій домъ, дѣ Марья Еридьевна живетъ за Котомъ за Безсмертнымъ. Подошелъ къ дому, взошелъ въ него—Марья Еридьевна одна разъедина сидитъ пошиваетъ. Вдругъ взглянула, отворилась дверь и какъ у ней въ комнатѣ осіяло какъ огонь—Иванъ царевичъ взошелъ! Она больно обрадова̀лась, а больше того испугалась; бросилась ему на бѣлу́ю грудь, обняла и въ сахарныя уста поцѣловала и горько плакала. «Ахъ ты, милый мой Иванъ царевичъ! Какъ это ты сюда зашелъ? Или тебя чернòй воронъ подъ крыломъ принесъ? Или тебя добрый конь во сѣдлѣ привезъ?» «Я добрый молодецъ самъ пѣшкомъ пришелъ». Вотъ они сѣли и поплакали. Марья Еридьевна и говоритъ: «Тебѣ, Иванъ царевичъ, живому не быть. Куды мнѣ тебя дѣть? Вотъ Котъ Безсмертный сейчасъ придетъ, тебя живаго не пуститъ». Вотъ думала, думала—былъ у ней превеличающій съ одежей сундукъ; одежу она выложила и его въ сундукъ заперла, и покрыла одежей.

Является Котъ Безсмертный, подымаетъ морду, ходитъ, да и нюхаетъ вездѣ. «А что это, Марья Еридьевна, у тебя больно русскимъ духомъ пахнетъ?» Марья Еридьевна ему отвѣчаетъ: «И-и-и, Котъ Безсмертный, ты по вольному-то свѣту шатался, русскаго духу наймался». Вотъ Котъ Безсмертный на ея слова не взиралъ: и нюхалъ и искалъ. Подошелъ къ сундуку: «Отпирай! Кто у тебя тутъ?» Сейчасъ Марья Еридьевна отперла;—онъ взялъ его и вытащилъ, вывелъ изъ дому въ чисто поле, изрубилъ его на мелки куски и раскидалъ по чистому полю. Отколь ни взялась собака съ своими дѣтьми; она и давай бѣгать и всѣ куски собирать, и стала ихъ приставлять. Составила его, какъ онъ былъ, сбѣгала въ горы, принесла живой и мертвой воды; спрыснула прежде мертвой водой—срослось его все тѣло, какъ было; спрысну́ла его живой водицей—онъ всталъ, встряхнулся, и какъ былъ, пошелъ, да и сказалъ: «Какъ я долго спалъ!» Собака и говоритъ: «Да, кабы не я, ты бы и на-вѣчно спалъ». Онъ ей и говоритъ: «Спасибо тебѣ!» А самъ

въ домъ къ Марьѣ Ридьевнѣ пошелъ. Пришелъ къ ней—Кота Безсмертнаго нѣтъ: ушелъ по вольному свѣту гулять. Увидала его Марья Ридьевна, да и обезпамятила. «Что это такое? Какъ ты живъ сталъ?» Опять сѣли и поплакали. Иванъ царевичъ говоритъ: «Ты напой его пьянаго, да спроси, дѣ у него смерть, а я покáмѣсть уйду въ чисто поле». Вотъ онъ ушелъ; приходитъ Котъ Безсмертный домой и говоритъ: «Да-ка, Марья Ридьевна, мнѣ испить». Она подаетъ ему пойла пьянаго. Онъ какъ ковшичекъ выпилъ, у него же тотъ часъ зашумѣло въ головѣ, и говоритъ: «Ахъ, Марья Ридьевна, превосходное пойло! Да-ка еще!» Она—еще, посильнѣе. У него въ глазахъ индо туманъ сталъ и сѣлъ, повалился—лежитъ. Она и спрашиваетъ его: «Котъ Безсмертный! А дѣ у тебя смерть?» Онъ и говоритъ ей: «А нàшто тебѣ?» «Да я помолюсь, чтобы ты здоровъ былъ». «У кошки въ ж . . ѣ». Вотъ Марья Ридьевна поставила кошку на окошко и молится. Котъ лежитъ и разсмѣхнулся: «Ха, ха, ха! Нѣтъ, Марья Ридьевна, моя смерть подъ порогомъ, въ вѣникѣ вонъ». Марья Ридьевна взяла и вѣникъ съ полу подняла, стала Богу молиться. Котъ лежитъ, улыбается и говоритъ: «Моя смерть, Марья Ридьевна, въ чистомъ полѣ, въ широкіемъ раздольи. Стоитъ бѣлая береза; подъ березой зарытъ сундукъ, въ сундукѣ—утка, а въ уткѣ—яйцо; въ яйцѣ—моя смерть. Кто его достанетъ и разобьетъ, тогда я умру». Вотъ она отобрала отъ него эти рѣчи. Прошла темная ночь; на утро Котъ Безсмертный всталъ, по вольному свѣту гулять пошелъ, а Иванъ царевичъ къ ней чай кушать пришелъ. Она стала разказывать ему: вотъ, дескать, гдѣ его смерть. Иванъ царевичъ пошелъ въ чѝсто поле, въ широкое раздолье и нашелъ бѣлую березу. Сталъ рыть и копать, смерти Кота Безсмертнаго искать. Онъ сталъ землю копать, а Котъ пересталъ по вольному свѣту гулять, сталъ на постели лежать. Говоритъ Марьѣ Ридьевнѣ: «Кто-то мою смерть трогаетъ: очень мнѣ тяжело!» Дорылся Иванъ царевичъ до сундучка—онъ крѣпко сталъ нездоровъ, и говоритъ: «Ахъ, да кто-то мою смерть трогаетъ!» Открылъ Иванъ царевичъ сундукъ—уточка изъ него и улетѣла. Коту Безсмертному полегче стало. Отколь ни взялась ворона съ воронятами, уточку подхватила, къ Ивану царевичу потащила. Опять Коту Безсмертному тяжело стало. Иванъ царевичъ

уточку принималъ и головку отрубалъ, и яичко изъ нея вынималъ. Котъ Безсмертный совсѣмъ помираетъ. Вынулъ Иванъ царевичъ яичко—оно все въ кровѣ.—«Дай пойду помою!» Пошелъ на рѣчку помыть, вымылъ да и упустилъ.—Котъ Безсмертный отдохнулъ. Отколь ни взялась щука, цопнула своѣмъ широкимъ носомъ, высунула голову: «На вотъ, Иванъ царевичъ, за твою добродѣтель, что меня не тронулъ». Иванъ царевичъ яичко взялъ, къ Марьѣ Еридьевнѣ въ домъ пошелъ. Котъ лежитъ и дѣ-дѣ дохнётъ. Яичко Иванъ царевичъ въ дому разбилъ.Котъ Безсмертный смерть себѣ получилъ.

И такъ, Марья Еридьевна обрадовàлась, на шею ему бросалась; Кота Безсмертнаго бросила и уѣхали къ Ивану царевичу въ его царство. Пріѣхали—не пиво варить, не вино курить—веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Стали пить, гулять, веселиться. Бѣды какъ гуляли! Прочіе пили ковшомъ, а я—рѣшетомъ; по бородѣ-то текло, да и въ ротъ не попало.

(Абрамъ Новополыцевъ).

62.

Про царскіихъ мастеровъ.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, не въ нашемъ королевствѣ, жилъ былъ великій царь, имѣлъ онъ у себя двоихъ мастеровыхъ людей: первый, скажемъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, а второй, скажемъ, былъ столàрь. Вотъ работали царю вещи и на кажнее утро являлись къ нему, кто сколь чего сдѣлатъ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ явится: «Я вотъ столько сдѣлалъ», а столарь явится: «Я вотъ сколько». Въ иное время сошлись они оба вмѣстѣ и немножечко были подъ шумкомъ. Пришли къ царю нá вѣсти и завели межъ собой крупный разговоръ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ говоритъ столарю: «А вѣдь меня, братъ, царь-то лучше любитъ: я золотыя вещи дѣлаю!» А столарь-то ему упредилъ и такія же слова говорилъ: «Да изъ золота дуракъ сдѣлатъ: золото и такъ хорошо; а ты сдѣлай-ка изъ дерева да хорошее издѣліе! Вотъ тогда не знай,

кого царь-то полюбитъ». Золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ, что меня царь лучше любитъ, а столарь-то сказалъ: «Врешь! меня лучше любитъ!» Покричали, покричали, въ кучку собрались, да и подрались. Царь услыхалъ въ колидорѣ шумъ и спросилъ: «Что это?» Тутъ ихъ взяли сторожа, взяли, подхватили и къ царю потащили. Царь сталъ ихъ спрашивать: «Что вы у меня шумите?» Они думали, думали и говорятъ: «Кого ты насъ, батюшка царь, лучше возлюбляешь?» «Ну, кто сдѣлатъ мнѣ лучшую вещь—того лучше и любить буду». Золотыхъ дѣлъ мастеръ вернулся въ свою слесарню и сталъ думать, чего бы получше сдѣлать. Одинъ говоритъ то, а другой-отъ свое (ученики-то то-есть). А вотъ изъ молодыхъ былъ робятъ ученикъ его; онъ молодой изъ робятъ, ну больно на работу тароватъ—подумаилъ, да и сказалъ: «А вотъ, господинъ хозяинъ, прелестную штуку я вздумалъ: давай-ка золотаго сольемъ селезня—будетъ по водѣ плавать и по царскому двору летать». Столарь пришелъ въ свою столарню, сѣлъ за столъ невеселъ, буйну голову повѣсилъ и думаетъ: а каку превосходную штуку да получше сдѣлать царю? Призываетъ учениковъ своихъ: «Вотъ, ребята подумайте, чего бы намъ сдѣлать изъ дерева получше да въ гостинецъ царю нести?» Всѣ они думали и не вздумали, и сказали: «Чего мы—изъ дерева? Лучше сдѣламъ изъ золота: золото и такъ хорошо». Одинъ былъ мальчикъ, онъ на ученье поступилъ семнадцати лѣтъ, и тотъ же часъ сказалъ: «Вотъ, дяденька хозяинъ, дава́-ка сдѣламъ крылышки, чтобы на проволокахъ могли летать, по вольному свѣту полытать». Вотъ стали перышки тесать и на про́волоку надѣвать. Крылышки тесали, на провлоку надѣвали, дали въ руки хозяину. Хозяинъ раздѣлся, подвязалъ крылья, въ накидку надѣлъ солдатскую шинель—онъ и пошелъ молодецъ въ царскій дворецъ. Пришелъ во дворецъ, смѣло взошелъ къ царю на крылецъ и стоитъ дожидается. Приходитъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, приноситъ золотое издѣлье. Докладываютъ царю: «Пришли мастера къ вамъ, принесли вамъ гостинецъ». Выходитъ царь на крыльцо: «Здравствуй, дѣти!» «Здравія желаемъ, ваше царское величество!» «А что же пришли?» «Пришли». «Принесли?» «Принесли». Золотыхъ дѣлъ мастеръ говоритъ: «Да, ваше царское величество, а вотъ въ этотъ же пересѣкъ прикажите натаскать воды!» И какъ разъ, въ тотъ же часъ налили въ пере-

сѣкъ воды. Золотыихъ дѣлъ мастеръ по́лу раскрылъ, изъ полы селезня золотаго вынулъ, пустилъ на́ воду, въ пересѣкъ. Вотъ селезень поплавалъ, да полетѣлъ и по п р о́ в о л к ѣ въ пересѣкъ прилетѣлъ. И тутъ была молодая царица, ногами затопала, руками захлопала! «А не можетъ такъ быть! Онъ не можетъ изъ золота летать! Живаго селезня вы́золотилъ!» Золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «Ваше царское величество! Не прикажѝте казнить вѣшать— прикажите слово молвить! Можно его разобрать и опять онъ можетъ по воздуху летать». Царь сказалъ: «А спасибо тебѣ, золотыхъ дѣлъ мастеръ! О т л и ч н о х о р о ш о! А что ты, столарь сдѣлалъ?» Столарь говоритъ: «Ваше царское величество! Прикажите на самомъ высокіемъ е т а ж ѹ два окна открыть!» Два окна открывали, вотъ же столарь шинель сбросилъ и полетѣлъ на верхній етажъ. Влетѣлъ въ одно окошко, въ друго́ вылетѣлъ и спустился опять на тотъ ж е крылецъ, д ѣ прежде стоялъ. Вотъ ихъ батюшка царь поблагодарилъ и водочкой угостилъ, и домой проводилъ, и сказалъ: «О бѣ́ х ъ васъ люблю!» Вещи ихъ отобралъ; они пошли нѐсолоно хлебали. Слитаго селезня царица принимала, въ шкатулочку запирала, а батюшка царь крылышки бралъ, въ сундукъ запиралъ. У нашего батюшки царя былъ единый сынъ; онъ крылышки подобралъ, подвязалъ, взвился, да и полетѣлъ, и далеко улетѣлъ въ инную землю. Крылышки подъ пазухи подвязалъ и пошелъ городомъ гулять, и никто его не могъ узнать. Идетъ базарнымъ т о л к у н о̀ м ъ—на него глядятъ торговцы молодцы. «Чей такой,» спрашиваютъ его,—«удалый молодецъ?» Смотрятъ и видятъ, что онъ роду хорошаго и рѣчь у м ѝ л ь н а я, хоро́ша. «Я—дальній». К а к ъ одинъ именитый богатый купецъ д ѣ т е й с е б ѣ н е и м ѣ е т ъ, а большимъ капиталомъ владѣетъ: «Пожалуйте, молодецъ, сюда! Вотъ чайку мы съ тобой покушамъ, а другъ отъ дружки хорошихъ словъ послушамъ. Чей ты такой?» «Я— бродяга!» Эти онъ его слова не принимаетъ, въ работнички его нанимаетъ. Въ работнички онъ на годъ нанялся и торгуетъ хорошо. Всѣ купцы его знаютъ, за хорошаго прикащика почитаютъ. Покупатели къ нему валятъ—онъ не поспѣетъ имъ товару отпускать. Вотъ его хозяинъ въ лавочкѣ сидитъ, любуется, на него глядитъ. «Ахъ да молодецъ продавецъ! Поди-ка въ дѣточки ко мнѣ!» И стали они вмѣстѣ жить и богатство наживать.

Вотъ въ о́в т е м ъ же городу, да у иннаго царя была доченька одна, неоцѣненной красоты, только разумомъ слаба. На базаръ она пошла, къ молодому прикащику въ лавочку зашла, да и сказала: «Прикащикъ молодой! Проводи меня домой!» Прикащикъ смотритъ и говоритъ: «Хорòша барышня! Не могу тебя проводить домой, а если желаете меня видѣть у себя, такъ окно откройте». Вотъ тоё же ночь, во глухую полуночь мальчикъ крылышки подъ себя п о д ш м у́ р и л ъ, в о з в и́ л с я и полетѣлъ; къ окошечку подлетѣлъ и влетѣлъ въ него. И тутъ они пили, гуляли, въ карточки играли, волòцкіе орѣшки разбивали, кожу́рочки въ окошечко кидали. Ну, скоро сказка сказывается да не скоро дѣло дѣлается—в р е м я прошло много. И т а к ъ к а к ъ эта в е л ь м о ж а—царская дочь, она съ нимъ забрюхатила; и прочіе такъ говорятъ, что у нашего батюшки царя дочь брюхата. Дошли рѣчи до царя. Царица-то зна́тъ, а царю-то не докладываютъ. Вотъ царь потребовалъ двоихъ дохторовъ, главнаго да ученика. Вотъ царица, б у д ь н е д у р н о, дохтора-то задарила, а ученику-то и рюмочку не поднесла. Вотъ ее д о̀ х т у р ъ пощупалъ и похваталъ, царю и сказалъ: «Она молодой человѣкъ; оттого она толстѣетъ, что въ пору всходитъ». (Да какой же шутъ въ пору всходитъ, а послѣдню половину ходитъ!) А вотъ дохтуръ съ ученикомъ шли домой, забрались въ кабакъ, выпили на пятакъ; выпивши, домой собрались, а дорогой раздрались. Дохтуръ ученика свалилъ, морду ему наколотилъ. Ученикъ на него серчалъ, къ батюшкѣ царю побѣжалъ и говоритъ: «Я, батюшка царь—до васъ. Ваша дочка не толстѣетъ, а послѣднюю половину брюхатая ходитъ. Я и преступника укажу». Батюшка царь согласился. «Дѣ же онъ?» «Ла̀зятъ въ окно». О н ъ сдѣлалъ клею изъ яду, изъ зелья; можетъ на колѣнки при́стать и отъ шароваровъ лоскутья оторвать, и сказалъ царю: «Завтра поимаемъ!» Дочкѣ не сказали; окошко открыли, ядомъ-зельемъ намазали. Онъ, добрый молодецъ, во глухую полуночь подлетаетъ к о окну; постучалъ въ него—открыла она ему немножко. Влѣзъ въ окно, поцѣловалъ ее три разъ и туго къ сердцу прижималъ, да и говоритъ: «Здорово да и прощай! Мнѣ нынче не досугъ проклажаться: на ярманку надо сейчасъ ѣхать». И улетѣлъ. День бѣла̀ заря началась—царь дохтурова ученика призвалъ. Ученикъ открылъ ему окошечко, показалъ два лоскуточка. «Вотъ, батюшка

царь, можете искать и куды хотите, можете дѣвать!» Вотъ царь въ рогъ заигралъ, въ цынбалы забилъ, всѣхъ на дворъ призывалъ, шароварчики со всѣхъ скидалъ; виноватаго искалъ. Добраго молодца тотъ разъ не было у крыльца. Вотъ же наконецъ послѣ всѣхъ идетъ этотъ удалый молодецъ: у сертучка полки раздуваются, а на шароварахъ дырочки виднѣются. Его взяли подхватили, на висѣлицу потащили. Царь приказалъ свою взять дочь, рядомъ поставить и удавить съ нимъ вмѣстѣ. Сдѣлали петли шелковыя, лѣстницы высокія; взвели ихъ на высокую лѣсенку. Добрый молодецъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Батюшка царь! Не прикажите казнить вѣшать, прикажите слово молвить, передъ остàношнымъ концемъ намъ съ вельможей проститься!» Тотъ сначала не позволилъ, ну а подкупленые склонили.

Онъ вельможу цѣловалъ, туго къ сердцу прижималъ; крылышки расправлялъ и возвился полетѣлъ. Вотъ сказалъ же батюшка царь: «Заряжайте сорокъ пушекъ, стрѣляйте въ нихъ!» А отъ него только дымъ столбомъ. Прилетѣлъ къ батюшкѣ во дворецъ и живетъ съ супругой молодецъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

63.

Про царя и про кузнеца.

Царица доржала пригулочку. Пошла въ садъ погулять, а у кузнеца кузнечиха забрюхатѣла и пошла вдаль рѣчки погулять, пьяницу кузнеца поискать. А царица по саду гуляла, друга искала. Находила себѣ друга и подъ скрытное мѣсто скрывались и вóточкой забавлялись. У царицы была служанка. Отъ царя они скрывались. И этотъ юношъ заведенъ былъ въ чревѣ и сказалъ: «Хорошо», говоритъ, — «дѣлате — кроете вора пò ворѣ!» А царица слышитъ, чтò онъ речетъ въ чревѣ, и сколько она его во чревѣ не носила, а видѣть его не желала, и думала себѣ. Высчитавши свои недѣли (они люди

учёны: знаютъ въ кое время зарождены и въ како время родится) и сказала: «Хотя мнѣ родиться, да онъ мнѣ не годится». Желаетъ къ себѣ баушку повитуху. Тѣ дни и часы и минуты и родила она себѣ сына, речевшаго во чревѣ: воръ то по́ ворѣ, а б.... по́ б...и! Проситъ царица баушку. «Баушка старуха, въ городѣ народу много—нѣтъ ли гдѣ родящаго мальчика? Не приходилъ ли кто къ тебѣ? Не призывалъ ли прежде меня на повой?» Сказала ей баушка: «Звали меня къ кузнецу, кузнечёнка повивать». Говоритъ царица: «Нѣсколько даю я тебѣ злата и серебра—отнеси моего царёнка, смѣняй его на кузнечёнка». Баушка деньги не брала и власти съ нея не сняла; царёночка взяла, къ кузнецу въ домъ понесла и сказала кузнечихѣ: «Кузнечиха, кузнечиха! Давай смѣнямъ на царёнка. Не сказывай кузнецу и не сказывай царю. Если не смѣняешь, то жива не будешь: съ тебя голову сымутъ, а батюшка царь во всѣхъ насъ волёнъ: что захочетъ, то и дѣлаетъ, хочетъ казнить, хочетъ миловать. Ну если смѣняшь—на свѣтъ пуститъ». Кузнечиха кузнеченка баушкѣ отдала, а цареночка приняла. Стала его поить и кормить хлѣбцемъ да квасомъ. Онъ ѣлъ хлѣбъ, пилъ квасъ и выросъ заразъ. Не по днямъ росъ, а по часамъ. У кузнеца обмѣненный его сынъ не по днямъ—по часамъ растетъ и выросъ онъ неоцѣненной красоты: не вздумать, не взгадать, и не можно перомъ написать. А царская баушка кузнечёнка царицѣ принесла и также кузнечёнокъ у царя растетъ не по днямъ-по часамъ, въ совершенномъ разумѣ кузнецъ.

Выросъ у царя сынъ новорожденный одинъ разъединый. Запрегъ онъ себя пролёточку. Батюшка царь поѣхалъ вдоль моря погулять съ своимъ сыномъ, гдѣ бы устроить карабельную пристань, вдоль по матушкѣ по Волгѣ (sic). Тутъ расли красные лѣса, и также былъ у кузнеца единый и прошеный сынъ, одинъ какъ порохъ въ глазѣ, и такъ кузнецъ сына лелѣялъ, какъ на блюдечкѣ яичко. Запрёгъ кузнецъ трюно́гоньку лошаденку и поѣхалъ погулять. Взъѣхали въ дремучій лѣсъ подлѣ синяго моря и говоритъ сынъ: «Эхъ, папашенька, а вотъ бы здѣсь намъ устроить корабельную пристань!» Такъ онъ тутъ крѣпко смотрѣлъ и близко царя громкимъ голосомъ кричалъ, а царь съ своимъ сыномъ да ѣхалъ тутъ мимо. Царскій сынъ и говоритъ:

«А вотъ бы, папашенька, тутъ бы вотъ намъ кузницу съ тобой устроить! Этотъ лѣсъ вотъ повалять, да на уголья пережечь. Превосходное мѣсто!» Ну, они такъ съѣхались—кузнецъ и царь; и кузнецъ весьма радъ своему сыну, а царь болѣ того радъ. И думаетъ царь: «Что такое?» Вдругъ на память пришло: «Непремѣнно это мой сынъ! Обмѣняли они мнѣ его». Ну, узнать ему нельзя. Думаетъ, что̀ надъ кузнецомъ сдѣлать. Вотъ этотъ царёнокъ выросъ лѣтъ семи или девяти; съ князенецкими и съ боярскими дѣтьми какъ пойдетъ вдоль синяго моря да и скажетъ: «Робя́ты, а вотъ больно лягушки кричатъ! Уймите ихъ, скажите: лягушки, перестань кричать!» Они всѣ кричатъ, зѣваютъ, а лягушекъ кричать не унимаютъ. Кузнецовъ сынъ и говоритъ: «Погоди, ребята,—я скричу!» И закричалъ: «Лягушки, перестань!» Лягушки всѣ перестали.

Въ это же время пошли они въ лѣсъ погулять и сказалъ кузнецовъ сынъ: «А вотъ, ребята, лѣсъ стоитъ прямо; а кричите: лѣсъ, наклонись!» Они кричали, кричали—ни одинъ кустъ не наклонился. Сказалъ кузнецовъ сынъ: «Лѣсъ, наклонись!» Лѣсъ весь наклонился. И пошли всѣ по домамъ и сказываютъ поговорочку про кузнецова сына своимъ отцамъ, что онъ мудрецъ и хитрецъ. Царь и говоритъ: «Это не кузнецовъ сынъ, а это непремѣнно мой». Вотъ же этотъ батюшка царь призываетъ своего кузнеца. «Господинъ», говоритъ,—«кузнецъ, я слышалъ у тебя есть сынъ хитрецъ». Кузнецъ ничего на это не отвѣчалъ, а только промолчалъ. «На-ка тебѣ, кузнецъ, печеныхъ двадцать яицъ, чтобы вылупились двадцать цыплятъ». Онъ ихъ забралъ и въ чепанишечко, въ подолъ поклалъ. Приходитъ домой, сѣлъ съ кузнечихою своей и горько плачутъ, что имъ далъ батюшка царь двадцать печеныхъ яицъ и вывести клушкѣ изъ нихъ двадцать живыхъ цыплятъ. Сидятъ, горюютъ, плачутъ. Въ этотъ часъ сына у нихъ дома не случилось. Приходитъ онъ. «Что вы, батюшка, не веселы?» «Какже, сынокъ не плакать? Вотъ далъ мнѣ царь двадцать печеныхъ яицъ и велѣлъ посадить клушку, вывести двадцать цыплятъ!» Сынъ и говоритъ: «Бей да ѣшь! Больше ничего не будетъ». Печёны яица разбивали и съ квасомъ ихъ хлебали.

Черезъ нѣкоторое время царь требуетъ кузнеца чтобы тотъ

шелъ къ царю и несъ живыихъ цыплятъ. Кузнецъ больше того заплакалъ. Сынъ говоритъ ему: «А поди-ка, тятенька, тащи-ка гусиное лукошко; скинь-ка портки да садись въ него!» Сѣлъ кузнецъ, сидитъ да посиживаетъ. Отъ царя приходитъ второй пòсланникъ; постучалъ къ окно: «Дома ли кузнецъ?» Сынъ отвѣчаетъ: «Дома». «Живо къ царю пусть идетъ!» Кузнецовъ сынъ говоритъ: «Не время ему; скажи царю: онъ на яйцахъ сидитъ, выводитъ цыплятъ». Тотъ не знатъ чего ему сказать, — ушелъ назадъ. Батюшка царь опрашиваетъ пòсланника своегò: «Видѣлъ ли ты его?» «Видѣлъ. Онъ на яицахъ сидитъ». «Ахъ, глупый ты человѣкъ! Да развѣ можетъ человѣкъ на яйцахъ сидѣть?» «Кузнецовъ сынъ мнѣ сказалъ: изъ печеныхъ яицъ никогда цыплята не выводятся». Царь говоритъ: «О, это сыновнины мудрости, а не кузнецовы!» Сказалъ царь сò страхомъ: «Чтобы живо шелъ!» Кузнецъ оболокся́ и къ царю поволокся́. Пришелъ. «Здравствуйте, ваше царское величество!» «А что, кузнецъ, гдѣ яйца?» «Побилъ да поѣлъ, а самъ на яицахъ сидѣлъ». «Ну», сказалъ царь,— «это сыновнины мудрости. На́ тебѣ пудовку проса, пересчитай— сколько тутъ зеренъ!» Кузнецъ насыпалъ въ мѣшокъ, поднялъ и поплелся домой. Пришелъ домой и горько плачетъ. Сынъ спрашиваетъ: «Что плачешь, батюшка?» «Вотъ царь далъ пудовку проса́ и велѣлъ пересчитать». «Матушка, ставь въ печь, толки просо да вари кашу. Больше ничего не будетъ». Кузнецовъ сынъ принесъ превеличающую лутошку, изрѣзалъ ее въ мелкія пису́льки и сказалъ: «На, батюшка, тащи къ царю! Скажи ему: сколько на этой лутошкѣ писулекъ, столько въ пудовкѣ просѝнъ». Царь долго считалъ и на палкѣ счетъ потерялъ. Что́ онъ не могъ пересчитать, и кузнецъ не считалъ: просо истолокъ, кашку варилъ, своего сына кормилъ. Въ третій разъ призываетъ кузнеца великій царь. Приходитъ кузнецъ. «Здравствуйте ваше царское величество!» «Здравствуй, господинъ кузнецъ! На-ка вотъ бычка, чтобъ онъ утелился у тебя». Кузнецъ обралъ быка за рога и приводитъ его домой, мимо гòренки новòй и по дорожкѣ столбовой. Привелъ домой, сидитъ плачетъ, рыдаетъ, сына милаго дожидаетъ. Сынъ приходитъ. «Что ты плачешь?» «Какъ мнѣ не плакать? Далъ царь бычка, чтобъ онъ отелился!» Сынъ и говоритъ: «Рѣжь да ѣшь, батюшка! Больше ничего не будетъ». Кузнецъ

бычка зарѣзалъ, шкурку снялъ и подъ себя постлалъ. На утро рано кузнецовъ сынъ сказалъ: «Истопи-ка, мамынька, баню, да не жарко, да иди, батюшка, поскорѣе; ложись на полòкъ повеселѣе! Вотъ только что крячи́ да никого не кричи: скоро самъ царь придетъ, будетъ тебя спрашивать. А вотъ онъ будетъ спрашивать, а мы ему будемъ сказывать. Гдѣ кузнецъ? А мы скажемъ: Въ банѣ, на полкѣ. Чего онъ тамъ дѣлаетъ? Родить хочетъ. Скажетъ батюшка царь: Ахъ глупый кузнецовъ сынъ, да развѣ мужики родятъ? А мы ему скажемъ: Да развѣ быки телятся?».

Кузнечиха рано встала, затопила баню не жарко, кузнеца въ баню отвела, положила на полòкъ. Вотъ кузнецъ-то лежитъ да крячи́тъ и никого не кричитъ. Въ тотъ же часъ пришелъ царь батюшка въ кузнецовъ дворецъ, на высокій крылецъ; восходитъ въ высокъ терёмъ—тутъ ни пе́чи, ни окновъ, посиживатъ одинъ кузнецовъ сынъ середи избы на стулѣ, (да немножко онъ боится, чтобы его черти не вздули). «А гдѣ же кузнецъ?» «Онъ—въ банѣ, на полкѣ». «Чего дѣлать?» «Родить хочетъ...» «Ахъ, глупый, да развѣ мужики ро́дятъ?» Отвѣчаетъ кузнецовъ сынъ: «Да развѣ быки, батюшка царь, телятся?» Больше царю разговаривать нечего. «Скажи», сказалъ царь,—«своему батюшкѣ кузнецу, чтобы на утро ко мнѣ явился; ѣхалъ бы ни путемъ, ни дорогой, ни пѣшкомъ, ни на лошади, не нагъ и не въ платьѣ, всталъ бы ни на улицѣ, ни на дворѣ и велъ бы за собой друга и недруга». Кузнецовъ сынъ и говоритъ: «Все будетъ исправно на утро». Какъ зоренька занялась, онъ отцу и говоритъ: «Бери, батюшка, вилы и топоръ, отправляйся къ царю въ дозоръ ни пѣшкомъ, ни на лошади,—сядь верхомъ на козла; поди укради худой вя́терь, рубашенку скидай—худой вятерь на себя надѣвай. Ѣдь ни путемъ, ни дорогой—поѣзжай колесницей; встань ни на дворѣ, ни на улицѣ—передними ногами черезъ подворотню, а задними ногами за воро́тню, да помани за собой собачку. Ко двору то подъѣзжашь, кнутомъ собачку ударишь—она отбѣжитъ—будетъ не́другъ; хлѣбцемъ поманишь—она тотъ же другъ. Да поймай, батюшка, голубку. Когда выйдетъ царь тебя встрѣчать, ты скажи: Я привезъ гостинчика ни вамъ и ни себѣ! Ну-ка, скажетъ, я погляжу. Изъ пазушки ее вынимай и на волю

пускай». Кузнецъ все это дѣло исправилъ; собрался и къ царю понесся. Всталъ между воротъ—докладываютъ царю, что кузнецъ пріѣхалъ. Батюшка царь вышелъ, только головкой помоталъ. «Ахъ, это мого сына мудрости! Должно быть у него не кузнечёнокъ, а мой сынъ, царёнокъ». Кузнецъ и говоритъ: «А вотъ, батюшка царь, у меня есть гостинчикъ—ни тебѣ и ни себѣ!» Царь-то и не знатъ. «Какой же?» «Подойди-ка, изволь принять!» Царь руку протянулъ. Онъ вынулъ изъ пазухи гостинчикъ и выпустилъ на волю. «Ну», сказалъ царь кузнецу,—«молодецъ твой сынъ, кузнецъ! Поѣзжай домой!» Пріѣхалъ кузнецъ домой; сынъ встрѣчаетъ его: «Что, батюшка, дѣло исправно?» «Все исправно, сынокъ». Сынъ и говоритъ: «Здорово, батюшка, да и прощай! Ты мнѣ не отецъ, я тебѣ не сынъ!» И пошелъ куды знаетъ. Послѣ царь кузнеца опять призвалъ, спрашиваетъ: «Гдѣ, кузнецъ, твой сынъ?» »Пропалъ, батюшка царь!» Вотъ царь слилъ золотую карету и послалъ по вольному свѣту. И сказалъ по́сланникамъ: «Кто эту карету оцѣнитъ—тотъ сынъ мой. Поймать и ко мнѣ доставить!»

По́сланники поѣхали л ы т а т ь, царскаго сына искать. Ѣхали путемъ дорогой, чистымъ полемъ, и пасетъ пастушекъ стадо. Подъѣхали. Онъ сидитъ на б е с ѣ д ѣ и ѣстъ хлѣбъ и вшей бьетъ. По́сланники спрашиваютъ его: «Что ты дѣлаешь?» «Старинку убавляю, а новинки прибавляю, а съ недругами управляюсь». «А что́ карета сто́итъ?» У пастуха былъ хлѣба кусочекъ, онъ и говоритъ: «Она этого кусочка не сто́итъ». И съѣлъ. Они сѣли въ карету и поѣхали къ царю. Пріѣхали, докладываютъ, что никто кареты не оцѣнилъ, только пастухъ оцѣнилъ, сказалъ, что кусочка хлѣба не сто́итъ. «А вотъ, глупые, она хлѣба не стоитъ; всего стоитъ, а его—нѣтъ!»

Тѣмъ все и кончилось.

(Абрамъ Новопольцевъ).

64.

Учитель и ученикъ.

Жили были старикъ со старухой и жили они близь города, на Волгѣ, и у нихъ былъ одинъ сынъ. Они были въ престарѣлыихъ лѣтахъ и думаютъ себѣ какъ бы къ чему сына пріучить, чтобы онъ имъ былъ кормилецъ. За Волгой, въ городѣ такой былъ мастеровой человѣкъ, училъ разнымъ язы́камъ и разнымъ издѣльямъ, и по всячески можетъ онъ оборотиться. Обучалъ онъ молодыхъ людей—ребятъ, бралъ ихъ отъ отцовъ матерей на три года. Если три года онъ поучится, и потомъ если отецъ или мать пріѣдетъ, узнаетъ черезъ три года—можетъ назадъ взять, а не можетъ узнать—въ п о́ л ь з ю остается учителя. Старикъ со старухой думали, да и вздумали отдать сына п о д ъ у ч е н ь е. Старуха говоритъ: «Три года не тридцать лѣтъ, чтобы его не узнать». А в о т ъ посадилъ въ лодочку старикъ своего́ сына, да и отвезъ въ городъ отдалъ подъ ученье и съ тѣмъ договоромъ, чтобы его всему обучить, безплатно на три года и назадъ его черезъ три года взять, коли узнаетъ.

Отвезъ. Прошло трехлѣтіе, пришло время ѣ́хать за сыномъ. Старуха старику наказываетъ: «А вотъ же, старикъ, завтра три года минетъ; надо будетъ за сынкомъ ѣхать». Ему было бы з а̀ в т р е ѣхать, а онъ на нынѣшню ночь, во глухую полуночь является къ нимъ (сынъ-то). Пришелъ, Богу помолился, батюшкѣ съ матушкой поклонился, да и говоритъ: «Батюшка, пріѣзжай завтра за мной! Не узнаешь ты меня. Насъ у него двѣнадцать молодцевъ, какъ ясныхъ соколовъ; мы всѣ подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ и подъ одну черну бровь. А вотъ слушай, что́ я буду говорить. Какъ онъ на насъ, двѣнадцать молодцевъ, надѣнетъ одёжу, на всѣхъ ра̀вну и поставитъ рядомъ—тебѣ меня не узнать; да вотъ слушай же, батюшка: онъ меня поставитъ съ праваго боку, к р а йнаго—ты прямо цопъ да цопъ, скажи ему: Это сынъ мой! А вотъ ты тутъ сплошашь да прозѣвашь; онъ меня у тебя отниметъ, ссунетъ меня д а и скажетъ: А, робята, п е р е б ѣ г и с ь! Второй разъ разставитъ насъ, поставитъ меня съ лѣваго боку

втораго. А вотъ бери и крѣпче держи. Если онъ у тебя отниметъ, то навѣки пропаду». И съ тѣмъ полетѣлъ добрый молодецъ, куды ему слѣдуетъ. А вотъ былъ учитель-то хорошъ, а онъ получше его. Какъ вотъ на утро день бѣла̀ заря, а старушенька всее темну ночь не спала. Поутру рано вставала, келейку топила, старику завтракъ варила, старика разбудила. «А что спишь, старикъ, на печѣ? День, бѣлая зоря на дворѣ! Вотъ у меня и завтракъ про тебя на столѣ. Встань-ка, Богу помолись, на всѣ на четыре стороны углянѝсь, да вотъ и съ Богомъ за сынкомъ. А вотъ ротъ-то не разѣвай, а разинѣ бы въ ротъ не взъѣхали». Старикъ Богу помолился, сѣлъ да позавтракалъ, сѣлъ въ лодочку, залилѝсь̀, а на Волгѣ горючьми слезьми залился̀. Пріѣхалъ старикъ въ городъ, пошелъ въ гору, въ самую по̀лдню̀ю пору. Пришелъ на учебное широко подворье, смотритъ, поглядываетъ. Тутъ хозяинъ выбѣгаетъ, а вотъ дѣдушку за бѣлыя руки принимаетъ, да вотъ, какъ меня, на сундукъ его сажаетъ. «Знать, дѣдушка, за сынкомъ пріѣхалъ?» «Да, батюшка. Покажи-ка мнѣ его!» Сейчасъ учитель вывелъ двѣнадцать молодцевъ, разставилъ ихъ всѣхъ въ ширѝнку, надѣлъ на нихъ одежду всю какъ на одномъ, да и говоритъ старику: «А вотъ, дѣдушка сѣдой, есть ли сто рублей съ тобой? Выбирай, который твой!» Гдѣ ему узнать? По сыновнинымъ словамъ только сталъ разбирать. Подошелъ къ правому фланку, да и цопъ цопъ крайнаго! Учитель и говоритъ: «Ахъ да, говоритъ, ты плутъ! Сдѣлалъ!» Выхватилъ у него изъ рукъ и закричалъ своимъ громкимъ голосомъ: «Сбѣгитесь, робята, въ кругъ! «Ребята толпились, кру́гомъ собирались, да еще врозь разбѣгались. Во второй разъ учитель сказалъ: «Становитесь какъ были, всѣ подрядъ! Ну-ка, дѣдушка, выбирай!» Старикъ походилъ и кругомъ на всѣхъ посмотрѣлъ—какъ всѣ сыновья его! Вотъ зашелъ слѣва да и цопъ его! «Вотъ мой сынъ!» Его сохваталъ и туго къ сердцу прижалъ. Учитель старика обижаетъ, сына у него отнимаетъ. Ученикъ и говоритъ: «А брось да и будетъ!» Взялъ старикъ сынка за ручку да и—на Волгу. Сѣли въ легкую лодочку, сѣли да за Волгу и поѣхали. Вотъ старикъ весьма былъ больно радъ, въ лодочку сына сажалъ, въ сахàрны уста цѣловалъ. Середи Волги доѣхали и летятъ сѣрые гуси съ святой Руси, летятъ да и гагахъ! гагахъ! А старикъ на гусей глядитъ, съ сыномъ слова гово-

ритъ: «А вотъ, сынъ мой милый, скажи-ка мнѣ, а что̀ гуси ти летятъ, чего же они промежъ себя говорятъ?» Отвѣчаетъ сынъ: «Да вѣдь я, батюшка, не знаю». «Для чего же ты, другъ, учился, три года во ученьи пребывалъ? Какъ же ты не знаешь, что гуси говорятъ?» «Батюшка, тебѣ ихъ рѣчь не покажется». «А что̀ они говорятъ? Насъ только здѣсь съ тобой двое». Сынъ и говоритъ: «Они вотъ что̀ говорятъ: когда мы пріѣдемъ съ тобой домой и будемъ въ горенкѣ во новòй, а матушка будетъ мнѣ на руки поливать, а ты будешь передо мной съ полотенцемъ стоять». Старику эта рѣчь не понрáвилась и говоритъ: «Рàзи ты, сынокъ, баринъ мой, а ништо я—слуга твой?» Тихохочко подобрался, да съ Божьей помощью бултыхъ его въ Волгу—и говоритъ: «Вотъ я и буду съ полотенцемъ для тебя стоять! Да я лучше по̀ міру буду сбирать». И утопилъ сына, а самъ поѣхалъ дальше. А вотъ эта старая старуха, большое ея брюхо, тёмну ночку не спала, дорогá гостя ждала, сына милаго свого. Тотъ же часъ и старикъ Тарасъ является какъ разъ, горькимъ сиротой. Старуха старика увидала, заплакала; старикъ-отъ зарюмилъ, избу затопили, двери растворили и у нихъ жерновы замололи. «А вотъ», сказала старуха, — «что, старый, ты сына знать свогó не узналъ и наказъ его не исполнялъ?» Вотъ старикъ изъ лица померзѣлъ, на это промолчалъ. Сказала старуха: «А что ты, старый болванъ, промолчалъ, про могó сынка ничего мнѣ не сказалъ? Знать ты его не узналъ?» Старикъ вздохнулъ тяжело, со слезами отвѣтилъ: «Охъ, старуха, узналъ». «Куды ты его дѣвалъ?» «Въ Волгу ссовалъ». «Нàшто ты это, старикъ?» «Погоди маненько—я тебѣ разкажу» (тутъ слѣдуетъ повтореніе разсказа). «Ну ужь нечего дѣлать, старикъ; по міру будемъ ходить». И теперь по̀ міру ходятъ.

А тотъ добрый молодецъ оборотился рыбкой да ершомъ и отправился на ту сторону, дѣ онъ былъ, пребывалъ. Подплылъ къ бережку, выкинулся на бережокъ и сталъ молоденькій паренекъ. Вдоль бережку гулять пошелъ. Какъ при Волгѣ да на бережкѣ, квечеру́ поздно келейку нашелъ, ночевать зашелъ въ нее, а тутъ живетъ старикъ со старушкой. Онъ взошелъ, Богу помолился, хозяевамъ поклонился и говоритъ: «Здорово живете, дѣдушка съ баушкой!» Ну, вотъ старики сказали: «Добро жаловать, удàлый молодецъ!» «Пустите меня ночевать». «Добро жаловать! Мы доб-

рымъ людямъ рады». Вотъ посидѣли, другъ на дружку поглядѣли, легли спать и сказалъ добрый молодецъ: «А вотъ, дѣдушка съ баушкой, мнѣ ў т р е м ъ завтра нужно будетъ рано вставать, за ф а т ѣ р у вамъ отдавать—отдать-то и ничего, а в о т ъ въ плетневыхъ вашихъ сѣняхъ и утромъ рано на зорѣ будетъ конь стоять. Можете вести на базаръ да за денежки продать». Старикъ со старухой не спятъ ночь. Какъ зо́ренька занялась, а старушка на дворъ собралась. Поглядѣла — въ сѣняхъ стоитъ си́венькій конекъ, не промолвитъ стоитъ. Старуха увидала, скоро въ келейку побѣжала, старика разбудила. «Ахъ, старый ты мужъ, сѣдая твоя борода! Погляди-ка что у насъ на дворѣ! Сивенькой конекъ. Бери-ка, да веди, продай его!» Старичекъ взялъ добраго коня и повелъ на базаръ.

А этотъ же п л у т е ц ъ, учитель-молодецъ, онъ это все знаетъ, что мальчикъ и с п р а в л я е т ъ. Онъ его ждалъ дожидался и скоро за коня хватался, и говоритъ: «Куды, дѣдушка, лошадку ведешь?» «На базаръ продавать». «Продай-ка мнѣ». «Купи, батюшка». «А сколько возьмешь?» «Сотенку рублей, другъ». Онъ сотенку вынималъ, а тотъ ему лошадку отдавалъ. Вотъ этотъ же учитель жеребчика беретъ и къ себѣ на дворъ ведетъ, привязываетъ ко столбу его ко верейному, ко колечушку серебряному, да и закричалъ громкимъ голосомъ: «А вотъ, ребята молодцы, подойдите-ка сюды!» Робятушки изъ училища выходили, подошли къ хозяину и говорятъ: «Что прикажешь, хозяинъ, работать?» «А вотъ стоятъ вязовыя дрова; берите по с в и с т у́ (по плахѣ), да идите ко мнѣ сюды. Да ну-ка жеребчика по бокамъ! До тѣхъ поръ его бейте, только до̀ смерти не убейте!» Для того его учитель билъ, чтобы онъ молодчикомъ былъ. Не жеребчика учитель купилъ, а своего мастера. Ну ребятамъ было его бить жалко: они ничего не знали, жеребцомъ его с о ч и т а л и, не думали что человѣкъ. Они больно его били и такъ онъ кольцами вилсѧ, отъ столба оторвался, яснымъ соколомъ в о з в и л с я. Добрый молодецъ — яснымъ соколомъ, а хозяинъ за нимъ — ястребомъ. Хочетъ ястребъ сокола поймать, а соко̀лъ можетъ по соколиному летать. Середь матушки Волги оборотился ершомъ да въ Волгу, и погуливаетъ по ней. Учитель—за нимъ щукой, плаваетъ за нимъ въ погонь, хочетъ его догнать, хочетъ поймать. Вотъ щука ершу и говоритъ: «Ершъ, ершъ, ершъ, поцѣлуй щуку въ рыльце!»

Отвѣчаетъ ершъ щукѣ: «Да ты щука же востра! Поимай-ка ерша да съ хвоста!» Ну, онъ ее по матушкѣ Волгѣ поводилъ да не ѣдчи оголодилъ. Сколь не мучилась, ерша не поимала, и отправилась чуть жива щука домой и чуть дошла до горенки до новой. Ершъ былъ прохожая рыба, былъ онъ вездѣ: и въ городѣ, и въ Казани, да еще былъ въ Кандалѣ на базарѣ. Его продаютъ въ хвалѣ, а ѣдятъ въ честѣ. Вотъ этотъ ершъ и уплылъ въ иныя стороны, далече, въ незнамое царство, подплываетъ къ царскіимъ мостамъ, и тутъ же царская дочь ходитъ по зорямъ умывается. Подплылъ ершъ къ мосткамъ, развернулъ свой гребешокъ и самъ вышелъ на бережокъ—легъ на мостки, оборотился золотымъ перстенькомъ. Приходитъ царская дочь, да пожалуй что во глухую полуночь, смотритъ и глядитъ: очень въ глазахъ сьяетъ. Это не угонёкъ сьяетъ, а перстенекъ сверкаетъ. Перстенекъ дѣушка брала и домой побрела; и смотритъ, куды бы его дѣвать, и думаетъ себѣ: кабы не потерять! Лучше на пальчикъ надѣть. Ходитъ день, гуляетъ, а на перстенекъ частёхонько взираетъ. Онъ день—на рукѣ перстенькомъ, а ночь—на постели молодцемъ. И вотъ же такъ черезъ сколько время учитель узналъ что въ такой-то землѣ, въ такимъ-то царствѣ царская дочь нашла перстень. Пріѣзжаетъ ко царю и докладываетъ. (Ну, онъ былъ славѫщій еретикъ, что всѣ его иностранцы знали, за колдуна почитали) Сказалъ учитель: «Ваше царское величество, я до вашей милости. Въ такое-то время изъ такого-то бёгъ я мѣста на проходѣ, обронилъ я у васъ на мосткахъ перстень. Перстенекъ ваша дочка нашла; прошу я васъ: отдайте мнѣ его.» Призываетъ царь свою дочь, спрашиваетъ ее: «Дочь моя, дочь моя разумна, ты нашла перстенекъ; хозяинъ выискался. Отдай его!» Очень было ей отдать жалко. Не перстенекъ жалко—съ молодцемъ разстаться жалко. Прекрàснѣющая дѣвица ногами затопала, руками захлопала, да и сказала: «Этого не было да и не будетъ! Не отдамъ!» Учитель сказалъ: »Перстень не отдашь—вольный свѣтъ потеряшь!»

Время день продолжали, пришла темная ночь. Вотъ они лежатъ—добрый молодецъ и дѣвица, лежатъ на постелькѣ, да разговариваютъ. «Красная дѣвица, тебѣ перстнемъ не владать, а ты можешь колдуну отдать. Ну, мотри помни, не забудь:

будешь скидовать его, не давай въ руки. Ударь объ каменный полъ, я разсыплюсь на всѣ мелки части—малѣющая крупинка подкатится къ твоему стулу—топни ногой и зажми эту крупинку». Вотъ по утру рано призвали ее къ отцу, стали отымать у нея перстень. Она въ руки имъ не давала, на полъ бросила, на мелкіе куски разбила. Учитель же оборотился ястребомъ да и ну клевать да клевать, золотаго перстня крошечки сбирать. Всѣ крупинки собралъ и сказалъ: «А, попался мнѣ!» И думаетъ, что съѣлъ его. А онъ помудренѣй его: онъ подъ ногой лежитъ, да вонъ изъ горенки не бѣжитъ. Учитель распростился, да ушелъ. Она ножку подняла и крошечку взяла. Опять сталъ день — перстенькомъ, а ночь—добрымъ молодцемъ. Послѣ того приходитъ дочь къ батюшкѣ царю и говоритъ: «Я замужъ хочу!» Царь и говоритъ: «Дочь моя умна, дочь моя разумна, гдѣ же ты себѣ суженаго прибрѣла?» «На мосткахъ нашла!» Протягаетъ бѣлую руку и показываетъ судьбу свою: «А вотъ этотъ перстенекъ, батюшка, день-то я его на рукѣ ношу, а ночь съ молодцемъ на постели лежу». Вотъ веселымъ пиркомъ да и за свадьбу. Запрягли пару лошадей, повезли ихъ къ вѣнцу, не сказали отцу. Обвѣнчали, препоручили доброму молодцу царскую власть. Онъ сталъ царемъ исправлять, по губѣрніямъ газеты раздавать. Посылаетъ первый газетъ, гдѣ отецъ съ матерью живетъ: старые неимущіе старики шли бы къ царю: въ такѣмъ мѣстѣ новый царь безродныхъ стариковъ обуваетъ и одѣваетъ, поитъ и кормитъ. Вотъ его же отецъ съ матерью эти газеты принимали и для себя ихъ читали. Старикъ и говоритъ старухѣ: «Пойдемъ, старуха, туды, покамѣсть въ ногахъ сила есть!» Собрались да и пошли. Пришли къ новому царю. Приходятъ во дворецъ, встаютъ на самый конецъ. Царю доложили: «Явились странники».

Они думаютъ: онъ ихъ не узнаетъ, а онъ ихъ за отца съ матерью почитаетъ. Приказалъ ихъ позвать и гдѣ самъ живетъ, мѣсто дать. Вотъ старикъ со старухой ночку ночевали, поутру рано вставали, умылись, Богу помолились и новому царю поклонились. Вотъ мать-то стала новому царю на руки воды поливать, а дѣдушка съ полотенцемъ сталъ стоять. Не утерпѣлъ новый царь и говоритъ: «А вотъ, батюшка и матушка, правда моя случилòсь: вотъ матушка мнѣ стала на руки поливать, а ты сталъ, батюшка,

съ полотенцемъ стоять!» Старикъ больно обрадовался, на шею ему бросался и сказалъ: «Да развѣ это ты, сынокъ?» Онъ улыбнулся и при свиданіи съ отцемъ съ матерью разсмѣхнулся. «А ты, батюшка, думалъ, что я утонулъ? Я вѣдь не пропалъ—на хорошее мѣсто напалъ.» Стали жить да быть; худое-то проживать, а добрато наживать. Я тамъ былъ и пр.

(Абрамъ Новопольцевъ).

65.

Ванюшка и Аннушка.

Жилъ былъ старикъ со старухой. У старика старуха померла и ноги въ стѣну уперла. Ее хотятъ коронить, а она встаетъ изъ гробу, лѣзетъ на колокольню звонить. На это на нее не взирали, тотъ же часъ въ землю зарывали. Осталось у старика двое малыхъ юношевъ: сынокъ Ванюшка и дочка Аннушка. Вотъ на послѣдъ этотъ старикъ женился и прижилъ со второй женой троихъ сыновьевъ и трёхъ дочерей. Мачиха не любила неродныихъ дѣтей. Свои дѣушки что напрядутъ зимніимъ временъ—то весной выткутъ. Дѣушки свои—весной ткать, а неродной она дочери не даетъ весной ткать — посылаетъ въ поле стадо пасти. И Ванюшка и Аннушка пасутъ въ полѣ стадо, плачутъ, рыдаютъ, свою мамыньку поминаютъ. А вотъ же неродная ея мать называетъ ее б.... «Ты, б...., можешь въ полѣ ткать!» Она возьметъ пятйнку въ поле, повѣситъ на сучекъ и заплачетъ горько. У ней былъ въ стадѣ быкъ и заманила она его: «Быняюшка, чернеюшка! Прибѣги и притеки и въ коробочку клади!» А быняйка бѣжитъ, точётъ и прядетъ, и въ коробочку кладетъ. Какъ вечеръ, Аннушка стадо гонитъ домой и вытканное цвѣтное платье несетъ тоже домой. Эта же неродная ея мать спрашиваетъ ее: «Гдѣ ты очень хорошо ткала, и скоро много наткала?» «Въ темныемъ лѣсу, подъ березкой». Вотъ мачиха стала надъ ней подозрѣвать, сказала неродная мать своимъ роднымъ дочерямъ: «Вотъ вы, курвы, вотъ вы, б...., видите, какъ ваша неродная

сестра безъ стану точётъ, а вы на̀ станѣ да не умѣете!» И бьетъ ихъ да колотитъ. Онѣ стали за сестрой на второй день подсматривать, какъ она ткетъ. Мачиха стала ее со стадомъ провожать; даетъ пряжи клубокъ да еще нитокъ мотокъ. «А вотъ на, изъ этой пряжи чтобы было выткано, а ниточками с о ш ѝ т о!» Она эти вещи брала, да только плакала сама. Погнала скотину въ поле, пустила въ лѣсъ, въ широко раздолье; повѣсила пряжу на сучекъ и размотала нитокъ мотокъ, сѣла подъ кустокъ—сама голосомъ завыла, полились слезы изъ глазъ. И сказала: «А бынеюшка, чернеюшка! Прибѣги и притеки, и сотки мнѣ, и спряди!» Бынеюшка бѣжитъ, лишь земля подъ нимъ дрожитъ; самъ точётъ и прядетъ, подъ кустокъ въ кучку кладетъ, а неродная ея мать смотритъ и з д а л я́: «А, вонъ она какъ прядетъ! Это вонъ кто у ней...» Пошла домой, а дочка Аннушка сама стадо гонитъ, а тка́но-пря̀дено за собой тащитъ. «На» говоритъ,—«матушка! Что́ вы мнѣ приказали, я все сдѣлала». Ну, мачиха принимала и въ свой сундукъ запирала и сказала старику: «Заколи, старикъ, чернаго этого быка, чтобы не было́ у насъ его». Старикъ говоритъ: «Да вѣдь этотъ быкъ, старуха, не нашъ: я его отдалъ Аннушкѣ и сынку Ванюшкѣ». Сказала старуха: «Жить на свѣтѣ не могу! Сейчасъ заколи!» Старикъ взялъ ножикъ и закололъ быка ч е р н е ю ш к у. Съ быка шкуру снялъ, а мясо въ кадушку поклалъ. Стоитъ дочка Аннушка, говоритъ своему́ батюшкѣ: «Родимый мой батюшка, отдай мнѣ послѣ чернеюшки хоть кишечки его!» «Возьми!» Вотъ Аннушка кишечки собрала, вышла на улицу, у своей горенки, подъ переднимъ уголкомъ ихъ зарыла и н а п о с л ѣ̀ д ъ т о г о выростала изъ этихъ изъ бычиныихъ кишекъ преогромная яблоня, и нѣсколько стало родиться на ней яблоковъ. И т а к ъ к а к ъ ея отецъ жилъ въ хорошемъ достаткѣ: дворъ его былъ при большой дорогѣ и нѣсколько заѣзжало къ нему всякихъ людей, кто пожелаетъ яблочко сорвать, никто съ яблони не можетъ достать. Кто подойдетъ къ яблонкѣ, того она сучками захлыщетъ. Только и подходила къ ней кра́сна дѣушка Аннушка. Аннушка какъ къ ней подойдетъ, яблонка на̀ землю падетъ, она яблоко сорветъ.

Въ нѣкоторое времи ѣхалъ баринъ въ молодыихъ лѣтахъ, заѣхалъ на эту ф̀атерку отдохнуть и лошадей покормить, и захо-

тѣлось ему яблочка закусить, какъ этой Аннушки въ домѣ не случилóсь. Вотъ этотъ же баринъ посылаетъ старика: «Поди, дѣдушка, достань мнѣ яблока закусить». Пошелъ старикъ въ садъ гулять, хотѣлъ яблочко сорвать. Нѣтъ, никакъ невозможно. И у него было три дочери (отъ второй жены); посылатъ первую дочь. Нѣтъ, она не достала; посылáтъ вторую — эту вовсе захлыстала; послали третью — и эта не достала. Приходитъ дочка Аннушка. Сказалъ отецъ: «Дочка Аннушка! Вотъ барину захотѣлось яблочка—поди достань!» Аннушка пошла и къ яблонкѣ подошла. Яблонка наклонилась, стоитъ не шелóхнется. Она яблочковъ нарвала, домой побрела. Вотъ баринъ издаля́ на нее смотритъ и дивуется этому дѣлу. И такъ какъ баринъ былъ неженимыихъ лѣтъ, и сталъ говорить: «Дяденька и тетенька! Это вамъ дочь родная или нѣтъ?» «Мнѣ не родная», отвѣтила мачиха, «старику—родная». «Отдайте ее замужъ за меня!» Вотъ мачиха—очень ее не любила и тотъ же часъ за́-мужъ проводила. Ну, барину не пиво варить, не вино курить—тотчасъ да и за свадьбу—и тутъ же обвѣнчались. Вотъ попы ихъ обвѣнчали, гулять начинали. Пили, гуляли недѣлю безъ просыпу у Аннушкинова отца и прогулявши время, собирается баринъ домой, выходитъ изъ горенки изъ новóй. Старуха и думаетъ: «Вотъ я ее провожу — и сама въ садъ гулять пойду». Какъ баринъ запрёгъ парочку лошадей, сѣли да и поѣхали, и братца Ванюшку съ собой взяли. Какъ только съѣхали со двора, тотъ же часъ и яблонка на запятки къ нимъ пристала и на дворѣ у нихъ ея не стало. Пріѣзжаетъ баринъ домой и садъ развелъ огромнѣйшій, и погуливаетъ съ Аннушкой въ саду, а у него въ сосѣдяхъ Ягая баба жила. Вотъ были у ней двѣ дочери отличныхъ хорошіихъ и этихъ же баринъ прежде хотѣлъ одну за себя взять. Эти дѣвушки барыню новую (его жену) не взлюбили, кажній день къ ней ходили и хочется, чтобы какъ нибудь этого Ванюшку сгубить и Аннушку извести, а Ягой бабѣ — свою дочь за барина отдать. Онѣ истопили баню. Эта же Ягая баба наклала козлинаго сала, да и поставила въ банѣ, въ горшечекъ: какъ баринъ съ барыней пошли, въ банькѣ помылись, и барыня перстенекъ въ банькѣ забыла. Пришла изъ баньки: «Братецъ Ванюшка, сходи-ка въ баньку: тамъ колечко я забыла. Да не лижи козлинаго сала!» сказала Аннушка. Ванюшка

пошелъ въ баню, да и думаетъ стоитъ: «А что же сестрица мнѣ не велѣла лизать козлинаго сала? Дай лизну!» Лизнулъ и сталъ козелокъ. Надѣлъ колечко на рожокъ, бѣжитъ домой попрыгивать, по козлиному покрикиватъ: «Бя-я, сестрица Аннушка! На тебѣ колечко!» Аннушка выбѣгала, горько заплакала: «Ахъ, глупый, не велѣла я тебѣ лизать козлинаго сала, ты не послушалъ!» И стала козелка кормить. Приходятъ Ягой бабы красны дѣушки къ барынѣ, къ Аннушкѣ, да и говорятъ: «Пойдемъ, Аннушка, на рѣчку купаться!» Пошли на рѣчку купаться—только скинули рубашечки, Ягая баба Аннушку поймала и посадила ее въ воду, привязала къ ней камень; и сидитъ на днѣ живая, съ камнемъ. Баринъ ждать пождать—Аннушки нѣтъ. И теперь въ водѣ.

День за день, недѣля за недѣлей, и сидитъ она въ водѣ живая; горючъ ее камень ко дну тянетъ, а лютые змѣи сердце сосутъ. Вотъ баринъ думалъ, думалъ и жениться задумалъ, и женился на Ягой бабѣ дочери. Эта молодая барыня и говоритъ: «Заколи, баринъ, козла: хочу козлинаго мяса». «На што колоть, глупая? Пущай живетъ». «Нѣтъ, заколи!» Ну, баринъ вздумалъ козла заколоть. Какъ сѣлъ на стульчикъ, сталъ точить ножичекъ, козелокъ подходитъ къ барину, да и говоритъ: «Баринъ, баринъ! Пусти меня на рѣчку сходить, свѣжей водицы испить, кишечки промыть!» Баринъ пустилъ. Приходитъ козелокъ къ рѣчкѣ, на бережекъ, припалъ да завопилъ:

Сестрица Ан-нушка-а!
А выдь а вы́-гля-ни-и!
Меня козла колоть хотятъ,
Точа́тъ ножи булатныи.
Кипятъ котлы нѣмецкіѣ!

Отвѣчаетъ Аннушка:

А, братецъ мой, Ванюшка!
Я рада бы выглянула:
Горючъ камень ко дну тянетъ,
Люты змѣи сердца́ сосутъ.

Выглянула къ нему по шейку. Козелокъ побѣжалъ домой. Баринъ пожалѣлъ и въ этотъ день его не закололъ. На другой же

день повторяетъ барыня: «Заколи этого козла!» Сталъ баринъ ножъ точить. Козелъ къ нему подходитъ и говоритъ: «Баринъ, баринъ, пусти меня на рѣчку» и т. д.

Побѣжалъ козелокъ на рѣчку, а баринъ взялъ веревочку да и говоритъ: куда козелокъ это ходитъ? Припалъ козелокъ къ бережку, завопилъ: «Сестрица Аннушка!» и. т. д. Выглянула къ нему Аннушка по̀ поясъ. Баринъ веревкой захватилъ и съ камнемъ поворотилъ. Взялъ Аннушку и привелъ въ свой высо̀къ терёмъ; а вторую свою жену съ тещей на в о р о̀ т ы п о с а д и л ъ изъ поганаго ружья разстрѣлялъ и мясо ихо собакамъ раскидалъ а съ Аннушкой и теперь живутъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

66.

Подмѣненая невѣста.

Имѣли дружбу купецъ съ бариномъ, постоянно другъ у дружки въ гостяхъ бывали, и это не то что сказка, а правда, быль это. У купца одинъ разъединый сынъ былъ, а у барина одна дочь. Вотъ и сталъ купецъ сватать у него дочь, и сосватались они. Н ѣ с к о л ь к о денегъ взялъ приданаго купецъ, одежды, р а з н о й р а з н о с т и в с я к о й и у этой н е в ѣ с т и была горничная дѣвушка. Онѣ съ невѣстой подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ, подъ одну черную бровь. Вотъ приходитъ время за невѣстой ѣхать. На нынѣшній бы вечеръ, сказать по крестьянски, что пріѣдетъ женихъ съ запоемъ и совсѣмъ къ вѣнцу, а эта же невѣста и тоё же ночь, недождавши запо́ю, родила ребенка. Отецъ съ матерью невѣстины стали эту дѣвушку просить горничну ч т о б ы ее въ эту же одежу нарядить и представить жениху къ вѣнцу, ч т о б ы обвѣнчаться н е н а̀ с к о л ь к о время, покамѣсть эта дочь-барышня не выздоровѣетъ, а потомъ ее чтобы смѣнить. Просили ее и обѣщались, если обвѣнча̀тся, то наградить и отца ея и мать. Дѣвушка согласилась, убоясь господъ. (Въ то время господа были вольны). Какъ господа ее напу-

гали: если не согласишься обвѣнчаться, продадимъ въ иную страну, далеко; дѣвушка согласилась—и тотъ же часъ является женихъ со сродниками и стали начинать дѣло, стали вести запой и нарядили ее, сдѣлали барышней. Женихъ сидитъ за столомъ, ничего не чуетъ, а прежняя его невѣста въ банѣ ночуетъ. Кончивши бесѣду, пріѣхали съ поѣздомъ, взяли эту дѣвушку, посадили и увезли. Привезли въ купеческій домъ, тутъ ихъ обвѣнчали и куды слѣдовать помчали. Обвѣнчавши, значитъ, положили ихъ на показанно мѣсто, н а л о ж у. Кончивши это дѣло, баринъ со сродниками пріѣхалъ попировать, и эту старую невѣсту съ собой привезли. И стало ихъ двѣ. Подмѣненая чуть что—все на дворъ отъ него уходитъ. Она, чтобы какъ изъ двери о д н а у й т и, а ее мужъ-то за ней. Она все отъ него ходитъ, уйти хочетъ все. К у п е ч е н с к і й сынъ, онъ человѣкъ не глупый, дѣло видитъ не ладно. Она билась, билась—никакъ ей смѣниться нельзя. Онъ дѣло смѣтилъ, сталъ ей говорить: «Что ты, милая моя супруга, отъ меня отбѣгаешь? Или любить меня не хочешь? У насъ своего достатку много, больше батюшки твого: пить-ѣсть есть чего и обуть, одѣть». Эта же его молода супруга видитъ дѣло плохо: онъ ее отъ себя не отпускаетъ, смѣниться ей никакъ не возможно. Тамъ сродники ш и п к о гуляютъ, винца выпиваютъ, ничего м е ж д у с е б я не знаютъ; и такъ думаютъ отецъ съ матерью, что они давно смѣнились. Н е с т е р п я с в о е г о с е р д ц а, подмѣнёная его невѣста признала себя: «Я не твоя прежняя невѣста!» Мужъ и говоритъ: «Что такое, молодая моя супруга? Не понимаю я что ты говоришь со мной». Стала она ему о т к р ы в а т ь с я в с е й п р а в д о й. «Я, говоритъ, милый другъ, подмѣнёная тебѣ!» Онъ, какъ человѣкъ умный: «Что такое?! Какъ ты подмѣнилась?» говоритъ. «Твоя прежняя невѣста, в а м ъ нужно дѣлать запой и ѣхать къ вѣнцу, а она родила. Они меня попросили, какъ я иха горнична: обвѣнчайся на время, потомъ нарядимъ тебя въ таковую же одежу и смѣнимъ какъ наша дочь выздоровѣетъ. Вотъ никакъ т о п е р ь не возможно смѣнить: вы меня не отпускаете». Купеческій сынъ спрашиваетъ ее: «А дѣ она?» (А она т о л п и т с я въ ихой толпѣ, наряженная въ одинаково платье). «А вонъ дѣ она! Гляди! Пожалуйста отпустите меня, а ее примите». Купеческій сынъ былъ роду разумнаго: на ея

эти слова не соглашался. Говоритъ ему княгиня его: «Я», говоритъ,—«крестьянская дочь, изъ бѣднаго роду: у меня братцы-то пасутъ стадо, а батюшка съ матушкой ходятъ по́ міру». Вотъ купеческій сынъ всѣ слова отъ нея отобралъ, взялъ за праву руку и повелъ гдѣ они бесѣдоваютъ. Баринъ съ барыней думали, что они обмѣнялись, съ законнымъ бракомъ ихъ проздравляли, въ сахарны уста ихъ цѣловали. Купеческій сынъ ихъ слова: «съ законнымъ бракомъ» не принималъ и въ уста ихъ не цѣловалъ—все по шеѣ да по шеѣ изъ горницы выгонялъ. Его родные не хорошо увидали, его унимали. «Что ты, милый сынъ нашъ, дѣлаешь? Знать ты не сдурился ли?» Сталъ разказывать онъ отцу съ матерью: «Эхъ, батюшка, матушка, гости намъ не родные, а гости чужіе; а мои гости въ деревнѣ, за Волгой: шурья ти пасутъ стадо, а тесть съ тещей ходятъ съ сумочками. Вотъ надо за ними послать, да съ ними погулять». Они отъ него эти слова не поняли. «Это что ты намъ, сынокъ, загадалъ, и родныхъ всѣхъ со двора согналъ?» Купецъ имъ разказалъ все: «Это, батюшка, и матушка, невѣста мнѣ подмѣнёна, а моя невѣста прежняя порòдила». «Какъ ты знаешь?» сказалъ отецъ. «Вотъ моя супруга все мнѣ разказала». Отецъ на барина больно осерчалъ и въ три шеи со двора его провожалъ, и снова свадьбу заводилъ. Купеческій же сынъ съ молодой своей женой запрягали двѣ тройки лошадей и поѣхали на родину, къ ея же къ отцу съ матерью. Пріѣзжаютъ къ ея отцу матери; у ея же у матери—рѣшетчаты ворота и непокрытая изба. Они рѣшетчаты ворота отворяли, на широкій дворъ взъѣзжали. Всѣ сродники на дворъ выбѣгали; отецъ съ матерью дочь свою признали, бросились ее цѣловать и миловать, и туго къ сердцу прижимать. А купеческій сынъ стоитъ отъ нихъ далече. Они его не узнали и за родню не почитали. Спрашиваютъ у дочери; та и говоритъ: «За вами ѣду гулять на свадьбу! Я вышла замужъ». Все имъ разказала: какъ ее обмѣняли и замужъ проводили. Отецъ съ матерью перекрестились и благодарили Бога, что поискалъ Господь бѣдную дочь нашу счастьемъ. Говоритъ же купеческій сынъ: «Богоданный мой батюшка и богоданная моя матушка! Насъ вы благословите, а меня за роднаго примите. Я—зять вашъ». Ну, они его благословили, роднымъ назвали; по

бѣдности малость погуляли. Купеческій сынъ и говоритъ: «Батюшка и матушка, поѣдемте къ намъ въ гости и возьмите что́ вамъ нужно». Отецъ говоритъ: «Мнѣ не́ въ чемъ: я совсѣмъ раздѣмши». Мать говоритъ: «Я—бо́са». Онъ на это не взиралъ и нагихъ всѣхъ съ собой забиралъ. Набралъ родныхъ на всѣ на́ три тройки полны́хъ. И поѣхали въ свой городъ. Привезъ домой и всѣхъ перва́ родныхъ своихъ какъ должно быть нарядилъ, обулъ и одѣлъ. Тогда пиръ заводилъ. Ну, и тутъ они на радостяхъ пили, гуляли, другъ дружку не знали. И все барское имѣнье, кото́ро было прида́но, все осталось обмѣнёной молодушкѣ. Они погуляли и родныхъ домой проводили. Проводили, а сами стали жить да быть, добро наживать, а худо проживать. Отца съ матерью деньга̀ми наградили и домой за Волгу проводили.

(Абрамъ Новопольцевъ.)

67.

Про нужду.

Вотъ какъ бѣдный мужичекъ, въ худенькой своей одеженкѣ, въ дрянненькой обувчёнкѣ и работаетъ въ морозъ, и рѣзко рубитъ—не нагрѣется; лице его отъ морозу разгорается. И въѣзжаетъ въ селенье баринъ, и небольше какъ двое, съ кучеромъ, и остановились. «Богъ помочь тебѣ, мужичекъ!» «А спасибо же, сударь!» «Въ какую стужу ты рубишь!» «Эхъ, сударь, нужда рубитъ». Баринъ этому дѣлу изумли́лся, спрашиваетъ кучера: «А что, кучеръ, какая это Нужда? Знаешь ли ты ее?» «Я только сейчасъ, сударь, слышу». Спрашиваетъ баринъ мужичка: «Какая же это, мужичекъ, Нужда? Охота бы мнѣ ее поглядѣть гдѣ она у тебя». Мужичекъ и говоритъ: «На что тебѣ, сударь?» «Да охота мнѣ ее поглядѣть». И въ то же время въ чистомъ полѣ, на бугринѣ, въ зимнемъ времѣ, какъ стояла со́ снѣгомъ былина. «А», сказалъ мужикъ,—«а вонъ, сударь, на бугрѣ нужда стоитъ! Вонъ она какъ отъ вѣтру шатается, и никто не догадается». Баринъ и говоритъ: «Нѣтъ ли

времечка тебѣ ее намъ указать?» «Пожалуй, можно, сударь». Сѣли на тройку лошадей и поѣхали въ чисто поле нужду глядѣть. Выѣхали они на бугрину и проѣхали эту былину, а другая-то дальше стоитъ. И указываетъ мужикъ рукой: «А вонъ, сударь, она въ сторонѣ—намъ ѣхать нельзя: снѣгъ глубокъ». «Покараулька», сказалъ баринъ,—«нашихъ тройку лошадей: я схожу, погляжу». Баринъ слѣзъ да и пошелъ, а кучеръ-то говоритъ: «Да сударь, возьмите и меня: и мнѣ охота поглядѣть». «Пойдемъ, кучеръ!» И полѣзли по снѣгу два дурака. Эту былину пройдутъ, другую найдутъ, а еще нужду не видятъ. Вотъ мужичекъ-то былъ не промахъ, выстегнулъ иху тройку лошадей, сѣлъ да и полетѣлъ. Только они его и видѣли. И не знаютъ куды уѣхалъ. Вотъ полазяли по снѣгу два дурака, тутъ ихъ постигла нужда. Оборотились этимъ слѣдомъ, на дорожку вышли, къ повозочкѣ подошли, а лошадушекъ слѣдъ простылъ. Думали, думали баринъ съ кучеромъ... Что дѣлать? Лошадей-то нѣтъ, и повозку-то бросить жалко. Говоритъ баринъ кучеру: «Впрягайся-ка, кучеръ, въ корень, а я хоть на пристёжку». Кучеръ говоритъ: Нѣтъ, вы, баринъ, посправнѣ, немножко посильнѣ; вы—въ корень, я—въ пристёжку». Ну, нечего дѣлать, запрегся баринъ въ корень. Вотъ и везутъ да везутъ; повезутъ да привстанутъ. Этотъ же мужичекъ припряталъ ихихъ лошадей, надѣлъ одёжку другу и пошелъ повстрѣчу. И говоритъ мужикъ: «Что это вы, баринъ, повозку на себѣ везете?» Баринъ сердито говоритъ: «Уди! Это нужда везетъ». «Какая же это нужда?» «Ступай вонъ тамъ въ полѣ, на бугрѣ!» А самъ везетъ да везетъ.

До села доѣхалъ, лошадей нанялъ. Пріѣхалъ домой на троечкѣ, на чужихъ. Нужду увидалъ: тройку лошадей потерялъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

68.

Про лѣшихъ и водяныхъ.

а. Въ одномъ лѣсу глухое озеро было. Въ озерѣ Водяной жилъ, а въ лѣсу Лѣшій, и жили они дружно, съ уговоромъ другъ друга

не трогать. Лѣшій выходилъ къ озеру съ Водянымъ разговоры разговаривать; вдругъ лихà бѣда попутала: разъ вышелъ изъ лѣсу медвѣдь и давай изъ озера воду пить; сомъ увидалъ, да въ рыло ему и вцѣпился. Медвѣдь вытащилъ сома на берегъ, загрызъ его и самъ померъ. Съ той поры Лѣшій раздружился съ Водянымъ и перевелъ лѣсъ выше въ гору, а озеро въ степи осталось.

(Записано въ Симбирскѣ).

б. Разъ охотникъ шелъ лѣсомъ, и привели его собаки къ норѣ, а въ нору-то эту Лѣшій дѣвицу затащилъ. Вотъ онъ подошелъ къ норѣ и кричитъ (охотникъ-то): «Кто тамъ?» «Человѣкъ». «Какой человѣкъ?» «Такой же какъ ты». «Вылазяй сюда!» «Нельзя», говоритъ,—«мнѣ: я вся ободрàная. Кинь одёжу—я вылѣзу». Охотникъ кинулъ въ нору свою одёжу, дѣвка и вышла изъ норы. (Лѣшаго въ то время въ норѣ не было).

(Записано въ Симбирскѣ).

в. Лѣшій проигранныхъ крысъ цѣлое стадо гналъ и подгоняетъ къ кабаку; (а лѣшіе на крысъ и зайцàвъ играютъ въ карты, все равно какъ мы на деньги); подогналъ и кричитъ цѣловальнику: «Отпирай, подай вина!» Тотъ сперва не далъ, потому поздняя ночь была; (они ночью перегоняютъ). Лѣшій взялъ, прѝподнялъ кабакъ за уголъ, кричитъ: «Давай четверть водки!» Тотъ испугался, поставилъ ему. Лѣшій однимъ духомъ выпилъ и деньги отдалъ, кабакъ опять какъ надо поставилъ и погналъ крысъ дальше.

г. Нашински мужики не однòва въ лѣсу Лѣшаго видали, какъ въ ночное ѣздили. Онъ мѣсячныя ночи больно любитъ: сидитъ, старикъ старый, на пенькѣ, лапти поковы́риватъ, да на мѣсяцъ погля́дыватъ. Какъ мѣсяцъ за тучку забѣжитъ, тёмно ему, знашь,—онъ подниметъ голову-то, да глухо таковó: «Свѣти, свѣ-тило», говоритъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

д. Одному мельнику сильно везло: онъ Водяному душу на срокъ продалъ и все ему съ той поры удавалось. Воду ли гдѣ остановить, поломать ли у кого на мельницѣ, все, бывало, къ нему. Онъ

по этой части знàхарь былъ. Изошелъ срокъ, приходитъ къ нему Водяной за душей. «Давай душу!» И мѣшокъ кожаный принесъ. «Полѣзай!» «Да я не умѣю. Покажи мнѣ!» Водяной съ дуру и влѣзъ въ мѣшокъ. Мельникъ, не будь глупъ, гайтаномъ шейнымъ его сверху и завязалъ, да перекрестилъ. Такъ Водяной и остался въ мѣшкѣ.

(Записано отъ Г. Н. Потанина, въ Симбирскѣ).

е. Одинъ парень купался, да и нырнулъ. Какъ нырнулъ, такъ и угодилъ прямо въ дверь и очутился въ палатахъ Водянаго. Тотъ его у себя задержалъ, говоритъ: «Живи здѣсь!» Ну, парню уйдти не куда—онъ и сталъ у него жить. Водяной его пряниками, сластями кормилъ. И заскучалъ парень; сталъ проситься домой, на побывку. Водяной говоритъ: «Хорошо, только поцѣлуй у меня колѣнку!» (Значитъ, если бы онъ ее поцѣловалъ, такъ вернулся бы безпремѣнно назадъ). Парень, не будь глупъ, взялъ, начертилъ ногтемъ на рукѣ крестъ, да за мѣсто колѣнки-то къ нему и приложился. Какъ только поцѣловалъ, схватилъ его кто-то зà ноги и выбросилъ изъ воды прямо къ его избѣ. Вернулся онъ домой: жена рада, всѣ въ удивленіи. Пропадалъ онъ три года, а ему за три дня показалось. Онъ все разказалъ; позвали попа. Сталъ попъ надъ нимъ псалтырь читать, отчитывать его. Только сталъ отчитывать, приподнялся у избы уголъ и полетѣла у парня вся нѣчисть изо рта: сталъ онъ какъ ни въ чемъ не бывало. А поцѣлуй онъ колѣнку у Водянаго, быть бы ему опять подъ водой.

(Записано въ Симбирскѣ).

ж. Одинъ мельникъ съ Водянымъ знался и отлучался по ночамъ. Вотъ работникъ и подсмотри да и спроси: «Куда ходишь?» «Да въ воду спать». «Возьми меня!» «Изволь, только пальцемъ ни на чтò не указывай». «Ладно». Пошли въ воду; работникъ подушку захватилъ. Идутъ словно не водой, а въ погребъ какой. Работникъ смотритъ, а кругомъ рыбы многое множество. Вотъ и видитъ онъ кривую щуку. Онъ возьми, да въ остàльный-то глазъ ей пальцемъ и ткни. «Что», говоритъ,—«тебѣ одноглазой жить?» Какъ ткнулъ, такъ и залила вода со всѣхъ сторонъ: на силу выплылъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

з. На рѣкѣ Свіягѣ, подъ кручей, у села Сельги есть Чортовъ омутъ. Большущіе сазаны въ немъ клевали, фунтовъ въ двадцать слишкомъ. Что у рыбакъ лесъ перервали, удилищъ переломали— пересчитать нельзя. Этотъ Чортовъ омутъ любилъ одинъ мельникъ съ ближней мельницы. Разказывали про него, что онъ съ водяными знается и лѣшими. Послѣ обѣда онъ всегда отдыхалъ на днѣ Чортова омута. Возьметъ рогожку да свой чапанъ, зайдетъ на середину омута и въ немъ потонетъ. Засыпки и набойщики сами видѣли съ лодки какъ ихъ мельникъ спитъ на днѣ, такъ какъ бы все равно дома. Выспится — наружу вылѣзетъ. Не любилъ онъ рыбакъ, которые въ этомъ омутѣ рыбу ловили и часто надъ ними подшучивалъ. Онъ знался съ водяными, и они ему помогали такія штуки отмачивать, что не приведи Богъ ихъ видѣть. Съ однимъ башмачникомъ вотъ какая притча приключилась: Передъ Спасомъ отработался онъ, снесъ товаръ въ лавку, пришелъ домой и сѣлъ обѣдать. Пришли, знакомые: «Пойдемъ», говорятъ,—«съ ночевой сазанчиковъ поудить подъ Сельгу, въ Чортовъ омутъ, или въ другу мѣсто—на Липову Яму; а то махнемъ въ Лаишевку, водочки купимъ, время проведемъ». Тотъ согласился. Порѣшили идти въ Чортовъ омутъ. Пришли закинули лески—нѣтъ клёву, да и полно. Дождались ночи; вдругъ слышатъ: удилища въ воду хлопъ, хлопъ! Подбѣжали: сазаны! Товарищамъ-то покрупнѣе достались, а башмачнику помельче. Вотъ онъ сидитъ надъ лесками, сидитъ да поджидаетъ лову, а ночь ясная такая! Взглянулъ на пойму, видитъ: человѣкъ не человѣкъ, чортъ не чортъ, а самъ Водяной бѣгаетъ по острову, что за рѣкой, за бѣлой лошадью, съ арканомъ. Горбоносый, старый старикъ, волосы до пятъ, всклочены, бородища по поясъ, глаза такъ и искрятся, словно звѣзды: то затухнутъ, то опять загорятся. Самъ такой грязный, зеленый, волосы какъ бадяга! Башмачникъ со страху обмеръ, лески изъ рукъ выпустилъ, вздохнуть боится. Лошадь у Водянаго хорошая, такъ и кружится по острову, лягается, задомъ взметываетъ, а Водяной такъ и жаритъ за ней. Бѣгала, бѣгала лошадь-то да вдругъ махнуть въ середину омута, въ саму глубь, и Водяной — за ней. Только трескъ пошелъ. Башмачникъ какъ крикнетъ недаровымъ матомъ и тутъ же памяти лишился. Послѣ опомнился — товарищито и разказываютъ, что онъ въ воду упалъ, изъ омута его они

вытащили, а послѣ какъ онъ на берегу-то лежалъ, имъ разные страхи мерещились (все мельникъ пугалъ: недаромъ онъ съ Водянымъ дружилъ). Сидѣли, сидѣли, вдругъ слышатъ: кто-то веслами плещетъ; глянули на воду: плыветъ обрубокъ не обрубокъ, а словно гробъ, легонько на водѣ покачивается. Плыветъ все ближе... Глядятъ: въ самомъ дѣлѣ гробъ, и крышка стоитъ замѣсто паруса. Встаетъ изъ гроба въ саванѣ мертвецъ, да прямо на нихъ и правитъ. Они ужь ползкомъ, на карачкахъ до стоянки-то доползли, взглянули на рѣку: крышка надъ мертвецомъ захлопнулась, а гробъ въ воду пошелъ. Съ той поры какъ Водяной пошутилъ, полно въ Чортовъ омутъ ходить за сазанами.

(Сообщено М. И. Извощиковымъ).

69.

Про бани.

а. Одна дѣвка безстрашная въ баню пошла. «Я», говоритъ,—«въ ней рубаху сошью и назадъ вернусь». Пришла въ баню, углей съ собой взяла, а то вѣдь не видать ничего. Сидитъ и раздуваетъ ихъ. А полуночное время. Начала нàскоро рубаху смѣтывать, смотритъ, а въ корчагѣ уголья маленькіе чертенята раздуваютъ и около нея бѣгаютъ. Она шьетъ себѣ, а они ужь кругомъ обступили и гвоздики въ подолъ вколачиваютъ. Вотъ она и начала помаленьку съ себя рубаху спускать съ сарафаномъ, спустила да въ сшитой рубахѣ и выскочила изъ бани. На утро взошли въ баню, а тамъ отъ сарафана одни клочья.

б. Мужъ съ женой въ баню пошли. Только мужъ помылся да и хочетъ идти, жену кличетъ, а та не хочетъ: легла на полокъ, пàрится. Вдругъ у окна чортъ закричалъ по павлиньему. Мужъ-то выбѣжалъ и вспомнилъ вдругъ про жену; бѣжитъ назадъ, а ужь его не пускаетъ нечистый-то; одну женину шкуру ему въ окошко кинулъ. «Вотъ», говоритъ,—«твоя рожа, а вотъ женина кожа!»

в. Одинъ безстрашный тоже въ баню пошелъ, да долго оттуда и нейдетъ. Пошли къ дверямъ звать его, а его не пускаютъ. Стали

въ дверь стучать, а ему только больнѣе отъ этого. Зовутъ его, а онъ и говоритъ: «Вотъ», говоритъ,—«мнѣ сейчасъ гробъ дѣлаютъ». И слышатъ снаружи, что въ банѣ пилятъ и стругаютъ, и топоромъ стучатъ. Онъ кричитъ: «Вотъ теперь», говоритъ,—«заколачиваютъ!» И слышно какъ гвозди вбиваютъ. Утромъ вошли, а онъ мертвый, въ гробу, середи бани.

(Записаны въ Симбирскѣ).

г. Стояла у насъ на Курмышкѣ (въ Симбирскемъ) баня въ саду. Осталась послѣ хозяйки умершей дочь-невѣста. Все она объ матери плакала. И пронесся слухъ, что мать къ ней по ночамъ змѣемъ летаетъ. Прилетитъ это къ полуночи и надъ трубой разсыплется. Похудѣла бѣдная, изсохла, ни съ кѣмъ не говорила и все въ полдни въ баню ходила. Стала за ней ея тетка подсматривать, зачѣмъ это Душа въ баню ходитъ. Разъ досмотрѣла и услыхала, что она съ матерью-покойницей говоритъ, и обмерла со страху. Слышитъ Душа говоритъ: «Не скажу, мамынька, никому! Я рада, что ты ко мнѣ ходишь». Тетка тихонько отошла отъ бани, а Душа вернулась въ горницу такая веселая, только блѣдная, ни кровинки въ лицѣ. «Ты, Дуня, не скрывай», сказала ей тетка,—«что видишься съ матерью, въ банѣ». Дѣвка-то взглянула на нее и закричала недаровымъ матомъ: «Ты, проклятая, меня извести хочешь, задушить хочешь!» «Ты не сердись, Дунюшка, я тебѣ съ матерью видѣться не запрещаю». Уговаривать ее принялась. Дѣвка вдругъ повеселѣла и все теткѣ разказала. Какъ только она теткѣ все разказала, въ самую полночь дѣвку въ постели мертвой нашли. Пошелъ слухъ, что Душу мать убила, и даже сама старуха-обмывальщица говорила, что на груди у Души видѣла два пятна, словно они нарисованы, точь въ точь крылья ворона, а это значитъ мать-то въ видѣ змѣя прилетала и дочь за то убила, что та теткѣ проговорилась. Самъ я этого змѣя видѣлъ, какъ онъ надъ Веригинымъ садомъ пролетѣлъ и надъ баней разсыпался. Послѣ смерти дочери домъ и садъ остались заброшены; окна въ домѣ заколочены, и никто не покупалъ, а мѣсто было хорошее. Всѣ чего-то боялись. Играли разъ въ саду днемъ ребятишки и разъ играмши распустили слухъ, что въ банѣ видѣли чертей, банныхъ анчутокъ, кикиморами что́ прозываются. Мохнаты, говорятъ, а голова-

то гола, будто у Татарчатъ; стонутъ... Стонъ въ банѣ многіе сосѣди слышали, особливо бабы да дѣвки. И пошла про баню дурная молва, и ходить садомъ ночью боятся (а черезъ садъ былъ ходъ со втораго Курмышка на первый и на Большую улицу, а Кирпичной-то улицей, знашь, дальше обходить). Прошло съ годъ время; стали о банѣ забывать. Вдругъ оказія случилась: одну дѣвушку выдавали замужъ на Курмышкѣ бѣдную нищенку за солдатика; на дѣвишникъ баню истопили, пошли дѣвки съ невѣстой мыться, р а з м ы в а т ь е й у с ы, да изъ бани-то всѣ нагишомъ и вышли въ садъ на дорогу и давай безобразничать и бѣситься: котора пляшетъ да поетъ что есть голосу п о х а б щ и н у, которы другъ на дружкѣ верхомъ ѣ з д і ю т ъ, хоркаютъ по меренячьи... Ну, ихъ смирили, перехватали, отпоили молокомъ парнымъ съ медомъ. Недѣлю хворали, все жаловались на головную боль. Думали—дѣвки бѣлены объѣлись, смотрѣли — нигдѣ не нашли; порѣшили, что это анчутки надъ ними п о д ы г р а л и. Баста съ тѣхъ поръ эту баню топить; да на ярманку кто-то и вздумай ей попользоваться. Одинъ печникъ, слышь, кутила былъ (Бубловымъ прозывался), сорви голова такой—и пошелъ въ нее первый. Поддалъ, помоталъ вѣникъ въ пару́, хвать—съ него дождикъ льетъ; взглянулъ, а онъ въ сосулькахъ! Какъ бросить вѣникъ, да съ полка и х м ы л ь нагишомъ домой; прибѣжалъ въ горницу въ чемъ мать родила, безъ стыда, безъ совѣсти. «Теперь вѣрю», говоритъ,—«у васъ черти въ банѣ-то живутъ!» «Это тебѣ попритчилось видно?» «Чего попритчилось? Шутъ съ ней и съ баней-то вашей!» И разказалъ. Сходили за его рубахой и штанами; принесли, а онѣ всѣ въ л е́ п е т к и изорваны. Такъ всѣ и ахнули. Съ той поры баню забросили, а домъ Веригиныхъ кто ни купитъ, съ годъ поживетъ—покойникъ въ семьѣ. А какъ наступитъ весна, всѣ видятъ то утромъ, то въ полдни, то вечеромъ бѣгаетъ по́ саду здоровенная нагая баба. Бросятся съ дубьемъ ее ловить,—она убѣжитъ въ баню. Ищутъ, ищутъ—нѣтъ! Такъ года четыре продолжалось. Купилъ домъ плотникъ, сломалъ онъ и домъ, и баню, все перебралъ, и съ того времени какъ рукой сняло.

(Слышано отъ симбирскаго мѣщанина Ивана Андреевича Извощикова. Сообщено М. И. Извощиковымъ).

70.

Про кабачную кикимору.

Въ одной дистанціи стоялъ кабакъ на юру близъ оврага, и оврагъ-то обсыпался, такъ что кабакъ чуть лѣпился на оврагѣ. Въ этомъ селѣ были большіе базары по понедѣльникамъ и пятницамъ, и шла въ кабакѣ большая торговля виномъ, но ни одинъ цѣловальникъ не могъ долго усидѣть въ кабакѣ: постоянно проторговывался и разорялся. То находили у нихъ недочетъ въ деньгахъ, а главное дѣло—большую усышку вина и разсыропку, такъ что въ откупной конторѣ всѣ этому дивились, и еще тому дивились, что всѣ цѣловальники разказывали, какъ ровно въ двѣнадцать часовъ кто-то у нихъ вино цѣдитъ; и когда зажигали свѣчку, то видѣли кàрбыша, который бёгъ отъ бочки и скрывался подъ поломъ, въ нору. Откупъ кому ни предлагалъ сымать кабакъ, всѣ отказывались. Даже даромъ предлагалъ кабакъ, безъ всякаго залогу, но никто не сымалъ. Предложили одному пьяницѣ и моту, и нѣсколько разъ оштрафованному и пойманному въ пріемѣ краденыхъ вещей. Онъ былъ въ крайности, потому что промотался: не имѣлъ себѣ пристанища и ходилъ изъ кабака въ кабакъ, а былъ человѣкъ семейный, очень неглупый и отчаянная голова. Онъ согласился взять кабакъ, хотя и слышалъ много страшныхъ разказовъ объ немъ. Кабакъ стоялъ заброшенъ. Въ первую ночь, когда онъ поселился въ немъ, онъ приготовилъ сальную свѣчку, спичекъ, положилъ топоръ на стойку, выпилъ полштофъ вина и легъ спать. «Ну», говоритъ,—«теперь хоть самъ чортъ приходи—никого не боюсь!» Спустя короткое время, онъ услыхалъ, что кто-то вино изъ разливной бочки цѣдитъ. Онъ быстро зажегъ свѣчку, взялъ топоръ, осмотрѣлся, подошелъ къ бочкѣ, осмотрѣлъ ее, видитъ, что она не повреждена: печати всѣ на ней цѣлы, а кранъ замѣтно полуотворенъ. Постукалъ онъ топоромъ въ бочку и по звуку опредѣлилъ, что будто вина меньше; сорвалъ печати, накинулъ мѣрникъ, видитъ, что трехъ слишкомъ ведеръ нѣтъ. Онъ удивился и выругался, какъ ему хотѣлось. «Чортъ что ли отлилъ! Покорись мнѣ! Вѣдь я чертей то не боюсь: до чортиковъ-то я разъ десять напивался. Не привыкать стать

мнѣ вашего брата видѣть!» Тутъ онъ услыхалъ подъ поломъ трескъ: стала поворачиваться половица, и стало изъ-подъ пола выростать страннаго вида дерево. Все растетъ и растетъ, р а с п р о с т р а н я ю т с я сучья, вѣтви и листы, закрываютъ почти что весь кабакъ и с к л о н я ю т с я надъ его головой! Цѣловальникъ, собравши что есть силы, взмахнулъ топоромъ рубить дерево и говоритъ: «Ну, такъ, братъ, вотъ какъ по нашему! Я тебѣ удружу!» Въ эту минуту топоръ его какъ будто во что̀ воткнулся; онъ не можетъ его сдвинуть и чувствуетъ, что какая-то могучая рука удерживаетъ топоръ. Цѣловальникъ не струсилъ. «Пусти», говоритъ,— «меня! Я знаю, что ты чортъ. Пусти! Я все таки буду рубить!» Въ это время слышитъ надъ своей головой тихій и кроткій голосъ: «Послушай, любезный, меня: не руби ты дерево! Это—я». «Да кто ты?» «Я тебѣ скажу. Ты со мной уживешься, мы будемъ съ тобой друзьями, и ты будешь счастливъ». «Да кто ты? Говори скорѣй! Пусти топоръ, я хочу выпить!» «Ну, братъ, поднеси и мнѣ!» «Да какъ я тебя поднесу, когда я тебя не вижу?» «Ты меня никогда и не увидишь, только когда съ тобой прощаться буду, можетъ покажусь». «Правду ли ты говоришь?» «Давай выпьемъ, а потомъ поговоримъ». «Ну, пусти же топоръ!» Цѣловальникъ почувствовалъ, что кто-то топоръ пустилъ; зашелъ за стойку, взялъ штофъ вина и хотѣлъ изъ него наливать,—голосъ ему и говоритъ: «Послушай, любезный, ты много теперь не пей. Для насъ довольно и полуштофа. Вонъ возьми вонъ этотъ, у котораго дѣнышко-то провѣрчено, въ томъ, братъ, вино-то хорошее, еще не испорчено». «Да какъ это ты узналъ? Я принималъ: всѣ полштофы были цѣлы....» «А ты ходилъ отпускать вино-то мужику-то, тебѣ нарочно дистаночный его и подмѣнилъ, чтобъ узнать напередъ, будешь ли ты здѣсь мошенничать». Цѣловальникъ взялъ этотъ полштофъ, посмотрѣлъ передъ свѣчкой на его дно и увидалъ, что дѣйствительно на днѣ проверчена дыра (чтобы можно отлить и впустить туда, а послѣ воскомъ залѣпить). «Ну, чортова образина, теперь я вѣрю, тебѣ что ты чортъ». «А ты не ругайся! Мы съ тобой будемъ друзьями. Ты угости лучше». Цѣловальникъ налилъ два стакана, взялъ свой и выпилъ, самъ скосился и смотритъ на другой, и видитъ: стаканъ поднялся самъ собой и такъ въ воздухъ и с п р о к и н у л с я, какъ будто кто его

пилъ, и такъ сухо, что капли не осталось, только кто-то крякнулъ. «Ну, братъ, спасибо за угощенье!» «Спасибо-то спасибо, а ты мнѣ разкажи кто ты». «Я, братъ, тебѣ разкажу. Слушай! Я—сынъ богатыхъ родителей, сынъ купеческій и проклятый еще въ утробѣ матери, и вотъ теперь скитаюсь по свѣту около тридцати лѣтъ и не нахожу себѣ пристанища. Отецъ меня проклялъ ни съ того ни съ сего, а мать поклялась своей утробой въ нечестивомъ дѣлѣ (они душу человѣческую сгубили: отравили своего роднаго брата, чтобы воспользоваться его богатствомъ). Такъ вотъ я кто такой! Теперь дальше слушай. Ты каждый день въ двѣнадцать часовъ дня и ночи ставь въ чело за заслонку по стакану вина и прѣсную, на меду лепешку. Этимъ я буду кормиться, а ты себѣ торгуй. Не бойся ни повѣренныхъ, ни дистаночныхъ, ни подсыльныхъ: я тебѣ объ нихъ буду говорить; за десять верстъ ты будешь знать, кто ѣдетъ, и кого подослали, чтобъ тебя поймать въ разливѣ вина; а теперь ложись и спи! Только, братъ, образовъ не заводи и молебновъ не служи, и какъ я отсюда уйду черезъ годъ, такъ и ты выходи, а то худо будетъ тебѣ. Слышалъ?» «Слышалъ». «Такъ и поступай!» Цѣловальникъ выпилъ еще вина и легъ. Посмотрѣлъ на дерево: оно стало меньше, все ниже и ниже, скрылось подъ поломъ, и половица опять легла на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало. Цѣловальникъ затушилъ свѣчу и заснулъ.

На другой день былъ базаръ. Онъ по утру всталъ рано и увидалъ, что у него открылась хорошая торговля, и онъ, полупьяный, цѣлый день хорошо торговалъ, ни въ чемъ не обсчитался; къ вечеру провѣрилъ выручку и смекнулъ, что торговля шла на удивленье, а что говорилъ ему проклятый, онъ все это исполнилъ, и съ этого дня цѣловальникъ сталъ торговать такъ хорошо, что всѣ его товарищи стали ему завидовать. Онъ никогда не попадался ни подъ какой штрафъ, не смотря на то, что постоянно продавалъ вино разсыропленое, и заблаговременно зналъ, кто изъ дистаночныхъ или повѣренныхъ пріѣдетъ къ нему его ревизовать. Удивлялись его аккуратности, его ловкости, его честности и больше всего тому, что цѣловальникъ хотя пилъ вино, но пьянъ не напивался. Прошелъ годъ. Наступила полночь. Цѣловальникъ по обыкновенію спалъ на стойкѣ и проснулся. Слышитъ вдругъ

голосъ: «Ну, прощай, братъ! Я ухожу. Ты завтра же откажись отъ кабака и прекрати торговлю!» «Ну чтожь, покажись мнѣ!» «Возьми ведро воды и смотри въ него!» Цѣловальникъ взялъ ведро воды, а въ другую руку свѣчку, и сталъ на воду смотрѣть. Онъ увидалъ въ ведрѣ свое лице и съ лѣваго плеча—другое лице—красиваго человѣка, среднихъ лѣтъ, черноброваго, черноглазаго, а въ щекахъ какъ будто розовые листочки врѣзаны. «Видишь ли?» «Вижу. Какой ты красавецъ!» Въ это время кто-то вздохнулъ и раздался голосъ: «Не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ». Все пропало. Въ печной трубѣ раздался страшный вопъ и плачъ. Цѣловальникъ все-таки не послушался и на другой день торговалъ по случаю базарнаго дня, и хотѣлъ еще зашибить копѣйку, не смотря на то, что въ теченіе года нажилъ мошенничествомъ и пріемомъ краденыхъ вещей до двухъ слишкомъ тысячъ. Въ этотъ же день дистаночнымъ былъ оштрафованъ на двѣсти пятьдесятъ рублей, сдалъ должность и навѣчно отказался отъ торговли виномъ; пересталъ пить, купилъ себѣ постоялый дворъ и сдѣлался набожнымъ человѣкомъ.

(Записано и сообщено М. И. Извощиковымъ.)

71.

Про змѣёвъ.

а. Когда змѣй летаетъ, его остановить можно; только—сказать: «Тпру!» Тутъ его обо всемъ спрашивать можно, и онъ правду скажетъ; а когда отпускать надо, то слѣдуетъ рубашку отъ ворота внизъ разорвать на себѣ, а иначе не улетитъ и будетъ все говорить: «Отпусти! Отпусти!» Кто этого не знаетъ, того замаетъ змѣй.

б. Разъ надъ одной избой, гдѣ вдова жила да объ мужѣ горевала, змѣй разсыпался. Вошелъ, какъ былъ при жизни—съ ружьемъ, и зайца въ рукахъ принесъ. Та обрадовалась. Стали они жить; только все она сомнѣвается, мужъ ли это; заставляла его креститься. Онъ креститься крéстится, да такъ скоро, что не услѣдишь. Святцы

давала читать—читаетъ; только вмѣсто «Богородица» читаетъ: «Чудорòдица», а вмѣсто «Іисусъ Христосъ»—«Сусъ Христосъ». Догадалась она, что не ладно, пошла къ попу. Попъ молитву ей далъ и пропалъ змѣй, не сталъ больше летать.

в. Въ селѣ Никольскомъ у бабы отъ змѣя сынъ родился, черный, съ копытами и глаза безъ вѣкъ, на выкатѣ. Мужики думали, думали, да и убили его, а послѣ въ землю зарыли.

(Записано въ Симбирскѣ отъ А. В. Чегодаева).

72.

О мертвецахъ.

а. Одного покойника по какому-то случаю на ночь въ церкви оставили. Церковь отперта была; вотъ и заберись въ нее воръ. Подошелъ онъ къ иконѣ и хотѣлъ ризу обдирать; вдругъ мертвецъ изъ гроба поднялся, взялъ вора за плечи, отвелъ отъ иконы и опять лёгъ. Воръ испугался. Прошло мало ли, много ли времени, онъ—опять къ иконѣ. Мертвецъ опять всталъ и еще разъ отвелъ. Такъ до трехъ разъ. Подъ конецъ воръ пошелъ къ попу и во всемъ покаялся.

(Слышано отъ Г. Н. Потанина).

б. У одного мужика была двухглавая собака. Вотъ разъ онъ ѣхалъ ночью мимо умёта, завернулъ въ него, а хозяева знакомые были. Вошелъ въ умётъ, никого въ немъ нѣтъ. Что за диковина? А собака на дворѣ осталась. Развелъ мужикъ въ печи огонь, похаживаетъ по избѣ, дожидается хозяевъ. Только заглянулъ подъ печку, а подъ ней кто-то бѣлый лежитъ. Онъ сметилъ, что это мертвецъ. «Вѣрно», думаетъ,—«онъ всѣхъ хозяевъ поѣлъ, а теперь мой чередъ насталъ». Вышелъ изъ умёта, собаку впустилъ въ избу, а самъ на лошадь, да домой. Не успѣлъ и съ версту отъѣхать, смотритъ: собака за нимъ бѣжитъ, а за ней слѣдомъ — мертвецъ. Собака его изъ умёта въ окошко выгнала, а до этого, когда мертвецъ подъ печкой проснулся и вылѣзъ, дралась съ нимъ.

Добѣжала собака до мужико́ва обоза и сѣла на заднюю лошадь. Мертвецъ добѣжалъ; она прыгъ съ лошади, давай опять драться, а мужикъ впередъ гонитъ. Подралась, опять на заднюю лошадь поспѣла. Мертвецъ догоняетъ. Она и вдруго́рядь съ нимъ сцѣпилась, отогнала. Въ третій разъ сцѣпились они драться. Доѣхалъ мужикъ до перекрестка, мертвецу шабашъ: ходу нѣтъ, потому доро́ги крестъ на̀ крестъ. Побѣжалъ онъ назадъ да и грозится «Ну», говоритъ,—«мужикъ, счастливъ твой Богъ, что у тебя такая собака, а то бы тебѣ живому не быть!»

в. За однимъ мужикомъ съ кладбища мертвецъ гнался въ полѣ. Мужикъ на силу доѣхалъ до деревни, да въ чужую избу и метнулся, а въ ней огонекъ свѣтилъ. Забѣжалъ въ чужую избу и лёгъ на печь; а въ избѣ, на столѣ другой мертвецъ лежалъ. Всѣ давно спали, только спустя нѣсколько времени, въ избу черезъ окно ворвался другой мертвецъ, что̀ за мужикомъ гнался, и давай съ этимъ мертвецомъ драться. Дрались, дрались; пропѣли пѣтухи,—одинъ въ окно выпрыгнулъ, а другой на столъ лёгъ. Утромъ мужикъ разказалъ что́ за̀ ночь видѣлъ, какъ мертвецы дрались, и какъ покойникъ поднимался со стола, а послѣ опять лёгъ. Взглянули, а онъ лежитъ то не по вчерашнему: въ крови, платье изорвано, и не на спинѣ. Всѣ признались, что онъ у нихъ колдунъ былъ; взяли похоронили его; въ задъ осиновый колъ заколотили, пятки подрѣзали, да щетиной присыпали, чтобы послѣ смерти зря не шатался, да добрыхъ людей не пугалъ. Ну, послѣ этого переста̀лъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

г. Жилъ былъ старикъ со старушкой, и у нихъ было три сына. Старикъ сталъ помирать и ноги въ стѣну упирать и громкимъ голосомъ кричать, сыновьевъ своихъ сзывать: «Сыновья мои умны, сыновья мои разумны, я сталъ помирать, н о если я помру, то̀ сами меня не короните, а что́ ни дайте, да кого нибудь наймите». И тотъ же часъ кончился. Сыновья сошлись и думаютъ: а кого бы нибудь да нанять, да кому бы нибудь скоронить отдать. И тотъ же часъ и какъ разъ я в л я е т с я солдатъ. Сказалъ солдатъ: «Миръ вамъ, ребята! А что вы стоите да думаете?» «Вотъ стоимъ мы», сказали ребята,—«думаемъ: померъ у насъ батюшка, не приказалъ

намъ самимъ коронить, а что́ ни дать да нанять, скоронить его отдать». Солдатикъ и говоритъ имъ: «А что̀ мнѣ дадите, скорону я его?» «А что̀ угодно возьми, только скорони». «Тройку лошадей со упряжкою!» То сыновья думали и на томъ согласилися. «Только пожалуйста скорони!» Солдатъ и говоритъ: «А дѣ лежитъ онъ у васъ? Скоронимъ его сейчасъ!» Приводятъ его въ комнатку, дѣ отецъ мертвый лежитъ. Лежитъ стирикъ въ превеличающемъ гробу. Походилъ солдатъ кругъ гроба и сказалъ: «Запрягайте тройку лошадей со упряжкою своей!» Вотъ ребятки собрались, тройку лошадей впрягли, положили гробъ на телегу и повезли его въ кузницу. Солдатикъ сѣлъ на гробъ верхомъ, подъѣзжаетъ къ кузницѣ. «Господинъ кузнецъ, разводи-ка огонекъ, навари мнѣ конецъ! А набей-ка», говоритъ,—«на гробъ три обруча большихъ!» Кузнецъ тотчасъ и какъ разъ развелъ огонекъ и наколотилъ три обруча толстыихъ, большихъ и заклепалъ имъ конецъ. Солдатъ былъ молодецъ, сѣлъ на гробъ верхомъ и полетѣлъ на троечкѣ въ путь-дорожку, въ большой лѣсъ. Доѣзжаетъ вплоть до́ лѣсу; поздно вечеромъ случило́сь: приходитъ глухая полуно́чь — лошадушки его стали потѣть, а колёса стали скрипѣть. Какъ пришла глухая полуно́чь, лошадушки его стали, а колеса къ землѣ пристали, а обручья съ гробъ долой слѣзали; тотъ же мертвецъ показалъ свой живой образецъ. Солдатъ видитъ дѣло плохо. Стоитъ въ лѣсу, при край дороги—три бѣлыхъ березы; солдатъ спрыгнулъ съ телеги и влѣзъ на березу. Мертвецъ кричитъ громкимъ голосомъ: «А дѣ же ты, солдатъ?» «Я—здѣсь», говоритъ,—«сижу на березѣ». Подбѣгаетъ мертвецъ къ березѣ и давай грызть березу. Березу подгрызъ — она свалилась; солдатъ на вторую перепрыгнулъ. Какъ береза свалилась, подбѣгаетъ мертвецъ къ вершинѣ; думаетъ: солдатъ тутъ упалъ. На вершинѣ пошевырялъ и солдата не видалъ. Сказываетъ мертвецъ: «Да дѣ же ты, солдатъ?» «На другой березѣ». Онъ другую — сталъ и другую подгрызъ. Другая повалилась — солдатъ на третью перелѣзъ. Мертвецъ бросился ко второй вершинѣ и думаетъ, что солдатъ тутъ лежитъ, а солдатъ на третьей березѣ сидитъ. И этимъ дѣло кончилось. Глухая полуночь прошла; кочета̀ запѣли, святъ духъ по́ земли пошелъ, а нечистый духъ скрозь землю прошелъ, а мертвецъ во гробъ взошелъ и лежитъ какъ спитъ. Солдатикъ съ березки слѣ-

залъ, гробъ крышкой закрывалъ и веревкой завязалъ; тройку лошадей въ селенье назадъ о б р а ч а̀ л ъ, опять къ кузницѣ подъѣзжалъ. «Господинъ кузнецъ, сдѣлай-ка обручики поздоро́вше! Заклепай пожалуйста покрѣпше!» Кузнецъ тотчасъ самые здоровые сдѣлалъ обручи и з д о́ р о в о ихъ заклепалъ, и солдатикъ оборотилъ с в о е х ъ тройку лошадей и опять полетѣлъ. Ну, это скоро только сказка сказывается, а это не скоро дѣло дѣлается. Ужь э т о на другую ночь пришлось. Ѣдетъ солдатикъ дремучимъ лѣсомъ, и вдругъ кони его п р и́ т у п ѣ л и. Прихватывать его глухая полуночь, и прежде соскочилъ съ ногъ желѣзный обручекъ, потомъ крышка хлопъ долой. Солдатъ и с п у ж а л с я, на лошадку на пристежную верхомъ бросался. Выходитъ мертвецъ изъ гроба и спрашиватъ: «Солдатъ дѣ?» «Здѣсь, сижу на л о ш а д ѣ». Съ лѣваго бока пристяжную лошадку мертвецъ съѣлъ. Солдатикъ на вторую перепрыгнулъ. Спрашиваетъ мертвый старикъ: «Ты, солдатъ, дѣ?« «Сижу на второй лошадѣ». «Ахъ, п р о т а к а я мать! Тебя нигдѣ не найдешь!» Кочеты запѣли, мертвецъ брякъ въ гробъ и лежитъ, какъ мертвый спитъ. Солдатъ видитъ: дѣло плохо—ни день ни ночь не спитъ и въ лѣсъ дальше везетъ и дальше, и дальше, и опять его п р и х в а т и л а темная ночь. Мертвецъ встаетъ изъ гроба; солдатъ видитъ: дѣло плохо, бросатся на корневую лошадь и ѣдетъ. Мертвецъ кричитъ: «Солдатъ, ты дѣ?» «На корневой л о ш а д ѣ!» «Ну, теперь же доберусь!» И началъ лупить съ хвоста, и лупитъ до гривы. Шкуру лупитъ, мясо жретъ, а солдата къ себѣ ждетъ. А солдатъ былъ прозваньемъ Ло́ха, а видитъ плохо; скидовалъ одёжку и бросалъ ее на дорожку, а самъ бѣгомъ а й д а̀ д а а й д а̀ по дорогѣ! Мертвецъ лошадку ободралъ и спрашиватъ: «Ты, солдатъ, дѣ?» Хвать, только одно мѣсто знать. Солдатикъ айда да айда по дорожкѣ. Ну, этотъ мертвецъ былъ не п р о с т е́ ц ъ — колдунъ и е р е т н и́ к ъ, горькій пьяница: понюхалъ его слѣдочки и айда да айда! Солдатъ бѣжитъ прытко, лишь только пятки въ задъ утыкаются; остановится да послушаетъ, какъ мертвецъ бѣжитъ — вся земля дрожитъ. Солдатъ видитъ впередѣ огонекъ и бѣжитъ да бѣжитъ—индо изъ глазъ слезы льютъ. Мертвецъ его догоняетъ и к р ѣ п к о ему п р и г р а ж и в а е т ъ: «Да не уйдешь, солдатъ! Съ живаго шкуру сдеру! Живаго не пущу!» Къ огоньку солдатъ подбѣгаетъ: тутъ келейка стоитъ.

Въ кельѣ огонекъ горитъ, а на мертвой лавкѣ гробъ стоитъ; во гробу второй мертвецъ лежитъ. Солдатикъ мыкъ въ дверь! Подъ порогомъ-то въ избѣ превеличающій кобель лежитъ, подъ названіемъ собака. Вдругъ кочеты запѣли, мертвецъ и говоритъ: «Ну, да помни же, вши́вая гу́ба, да не забудь, какъ по тройкѣ лошадей берутъ!» И тутъ же провалился скрозь землю, верхъ ногами прошелъ. А солдатикъ въ избенкѣ стоитъ, свѣту вольнаго ждетъ. Какъ день разсвѣтало, солдатъ вышелъ изъ келейки и не знаетъ куды идти, что дѣлать. Дѣ онъ бёгъ — дорога травой заросла и нельзя ни пройти, ни проѣхать. И стоитъ, думаетъ: «Что я, дуракъ, сдѣлалъ? Не жилось мнѣ на вольномъ свѣту. Куды сейчасъ пойду?» Обратился опять въ эту келью и рѣшился тутъ ночевать. Легъ себѣ на печку, и пришла темная ночь. Солдатъ темную ночь не спитъ, во всѣ глàзыньки глядитъ. Какъ пришла глухая полночь, встаетъ мертвецъ, зубами скре́хчетъ, слюнями прыщетъ. «Эхъ, солдатикъ, теперь ты мнѣ попался! Мяса наѣмся и крови твоей напьюсь!» И сейчасъ солдатъ лежитъ не живой, не мертвый. «Простите», говоритъ солдатикъ,—«мои сроднички! Мнѣ сейчасъ живому не быть». И лѣзетъ мертвый человѣкъ къ солдату нà печь. Преогромный кобель вскочилъ и цопъ да цопъ мертвеца! Взялъ его за шиворотъ и давай драться, какъ съ собакой. До тѣхъ поръ дрались, индо оба въ кровь изорвались. А солдатъ на печи сидитъ и не живъ, не мертвый. Кочеты запѣли и мертвецъ въ гробъ убрался. И вдругъ разсвѣтало. Собака опять на пре́жне мѣсто легла, гдѣ лежала, и солдатикъ выходитъ вонъ изъ келейки, и вдругъ ему показалось, гдѣ онъ бѣжалъ прежде—дорожкой, и ударился по ней бѣжать. Выбѣжалъ на чистое поле и набѣжалъ на мертвыихъ лошадей. «Слава те Богу! Закажу теперь дѣтямъ и вну́чатамъ тройку лошадей не брать и мертвыхъ людей не коронить!» Отправился домой и въ своемъ домѣ сталъ жить да быть и лошадушекъ своéхъ добывать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

д. Шли путемъ дорогою два солдата, а прямо противъ нихъ—мазà́рки; имъ и надо идти черезъ мазà́рки. Пошли. Одинъ солдатъ и увидалъ свѣжу, разрыту могилу, и говоритъ свому товарищу: «Погоди маленько, вонъ у часовни постой — я схожу по-

смотрю, что̀ тамъ въ могилѣ-то есть». А товарищъ зналъ, что онъ дока, пошелъ къ часовнѣ, а тотъ — къ могилѣ. Взялъ да въ нее и легъ. А была самая полно̀чь — двѣнадцать какъ есть часовъ. Легъ въ могилу-то и лежитъ. Вдругъ приходитъ мертвецъ и смотритъ въ могилу, да и говоритъ: «Кто тамъ? Пусти меня!» «Я— солдатъ. Не пущу!» «Пусти, пожалуйста!» «Пущу, только скажи, гдѣ ты былъ?» Мертвецъ маялся, маялся, видитъ дѣло плохо: скоро запоютъ кочета̀, и говоритъ: «На сва̀дьбѣ». «Что̀ ты тамъ дѣлалъ?» «Всѣхъ гостей и молодыхъ, и что ни на есть въ домѣ живыхъ уморилъ». «Ну, теперь ты мнѣ еще скажи: какъ ихъ воскресить?» «Вотъ какъ: какъ только ты меня пустишь въ мо́гилу и я брошусь, и если ты успѣшь оторвать въ это время у меня клокъ савана, то этимъ клокомъ всѣхъ мертвыхъ окури: они воскреснутъ». «Ладно, ложись!» Солдатъ всталъ, сталъ вылѣзать изъ могилы, а мертвецъ бросился со всего ро́змаху въ нее. Солдатъ-то, не будь промахъ, цопъ царапъ за саванъ, да клокъ и выдралъ. Взялъ его, положилъ въ карманъ и пошелъ въ село, а могила вдругъ вся завалилась, какъ быть стала могилой. Пришелъ солдатъ въ село, идетъ мимо дома и слышитъ в о п ъ. (Ну, знашь, у кого отецъ умеръ, у кого мать, у кого сестра—и вопятъ). Солдатъ спрашиватъ: «Что это за вопъ?» Ему говорятъ: «Свадьба была, всѣ на свадьбѣ-то и умерли, всѣ теперь покойники». «Хотите», говоритъ солдатъ,— «всѣхъ воскрешу?» «Да можешь ли ты это сдѣлать?» «Могу. Что дадите?» «Двѣсти рублей дадимъ, только воскреси!» «Извольте, православные, давайте деньги за̀ руки!» Дали. Солдатъ взялъ клокъ савана, положилъ въ черепокъ, окурилъ съ молитвой покойниковъ — тѣ всѣ и воскресли; говорятъ: «Какъ мы долго спали!» «Спали бы», имъ говорятъ,— «кабы не солдатъ». Отдали солдату деньги двѣсти рублей, напоили, накормили его всѣмъ, чего душа желаетъ: и медомъ, и кашей, и блинами; а послѣ пораздумались да придрался къ солдату: «Мотри», говорятъ —«это дѣло ты сдѣлалъ—уморилъ то ихъ! Ты помраченье имъ сдѣлалъ?» «Нѣтъ, братцы, не я!» Къ нему вплотну́ю мужики пристали. «Нѣтъ, братъ, ты!» «Нѣтъ, не я, а вотъ пойдемте на мазарки, разройте-ка эту могилу и посмотрите цѣлъ ли у покойника саванъ. Я у него оторвалъ клокъ отъ савана да имъ всѣхъ и окурилъ: они и ожили». Разрыли могилу, глядятъ, а покойникъ внизъ

лицемъ въ могилѣ-то лежитъ и клокъ савана оторванъ. Тогда солдату мужики повѣрили и отпустили его, а то было придирку къ нему имѣли и деньги хотѣли отнять. Мертвеца вырыли, осиновый колъ ему вколотили въ задъ и зарыли во врагѣ, гдѣ падаль валятъ.

(Слышано въ Ставропольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Новиковкѣ; записано и сообщено Мих. Ив. Извощиковымъ).

е. Разъ дѣвки вмѣстѣ съ парнями устроили вечеринку сообща́, пригласили родныхъ, знакомыхъ, да не всѣхъ. На вечеринкѣ-то дѣвки между собой и разсорились; однѣ-то, знашь, своихъ парней больше пригласили, что̀ любы имъ были, а другихъ не пригласили, которы любы были другимъ, ну, и вышла промежъ ихъ к а т а в а́ с і я. Ну, бѣсы этому и рады—и давай ихъ сердца разжигать. Гдѣ бы имъ Бога вспомнить, а на святкахъ до Бога ли? Пѣсни да плясъ на умѣ, одно веселье, х и́ х и н ь к и да смѣшки́. Однѣ дѣвки своимъ парнямъ больше пѣсни поютъ, а другія—своимъ; а парни больше пьютъ и дѣвокъ п о д ч и в а ю т ъ. Какъ подпили, пошло веселье, только стонъ стоитъ! Вотъ однѣ дѣвки и придумали: тихонько одѣлись, отправились на кладбище, да изъ общей могилы вынули двухъ мертвецовъ, завернули въ рогожи и на своихъ ко́сахъ приволокли ихъ на вечеръ, да за печкой и поставили, а сами какъ ни въ чемъ не бывало раздѣлись, вошли въ горницу, будто выходили за ворота гадать. А въ это время дѣвченка сидѣла на печкѣ и видѣла ихъ всѣ проказы и испугалась, с е р д е́ ш н а я, мертвецовъ-то, молчитъ, въ уголокъ прижалась. Страшно, знашь. Дѣвки вошли въ горницу, посмѣиваются, а гости веселятся (имъ не въ догадъ, что̀ тамъ за печкой творится). Мертвецы стали ужь пошевеливаться и переговариваютъ между собой: «Что ты, братъ, разогрѣва́шься что ли?» «Разогрѣваюсь, братъ». «И я, братъ, разогрѣваюсь». Дѣвченка на печкѣ не пикнетъ, а гости на вечеринкѣ орутъ пѣсни, пляшутъ—куды те! Дымъ коромысломъ! Въ полночь тѣ дѣвки, что̀ мертвецовъ принесли, и говорятъ другимъ: «Спойте нашимъ молодцамъ обоимъ пѣсенку, да повеселѣе, плясовую!» Какъ запѣли дѣвки пѣсни, мертвецы сдѣлались всѣ огненны, какъ г о р я́ щ и головни, языки высунули, и изъ р о т у у нихъ пламя и жупелъ пошелъ, а у заду-то стали помахивать собачьи хвосты. Какъ ихъ въ пѣснѣ-то стали величать, какъ они изъ запечки-то

выскочатъ, да—въ горницу, да среди гостей и давай плясать, и кривляться, и ломаться, и кувыркаться, да гостей лягать, пламенемъ да жупеломъ ихъ палить, да за бороды, да за́ косы ну ихъ рвать. Всѣ вдругъ испугались, к у д а т е и хмѣль вонъ, и ноги подкосились: кто гдѣ стоялъ или сидѣлъ, такъ тутъ ничкомъ и грохнулся; а мертвецы пляшутъ, такъ что половицы вонъ изъ полу летятъ, столы и посуда прыгаютъ, все летитъ въ дребезги да въ черепки. Плясали, плясали до пѣтуховъ; какъ пѣтухъ пропѣлъ, такъ они сквозь землю въ тартарары, въ т р е и с п о д н ю ю и провалились, индо земля застонала, а тутъ сдѣлалась у р в и́ н а (сама бездонная): дна не достанешь. По утру пришелъ народъ, смотритъ а гости лежатъ: кто безъ головы, кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ языка, кто безъ бороды, кто безъ косы—всѣ мертвы; только дѣвченку успѣли откачать, что на печкѣ сидѣла да мертвецовъ-то видѣла. Она всю эту оказію и разказала.

(Со словъ симбирской мѣщанки Екатерины Григорьевны Извощиковой. Записано и сообщено М. И. Извощиковымъ).

73.

О вѣдьмѣ.

Въ Кіевъ двѣ богомолки шли; пристала къ нимъ третья: голосъ словно мужичій, все словно съ дубу рветъ, ни разу въ дорогѣ не перекрестилась. Шли, шли, стали къ одному монастырю подходить. Оглянулись богомолки, а она (товарка-то) въ землю грязнуть начала: что ни ступитъ, то дальше уходитъ, и ушла по́ поясъ. Попросила она за попомъ сходить и покаялась попу въ страшныхъ грѣхахъ. «Я», говоритъ,—«людей портила, дѣтей вымаривала и мѣсяцъ не одинъ разъ скрадывала». Въ одномъ грѣхѣ раскаяться языкъ у ней не повернулся. Попъ прослушалъ вѣдьму, отступился, не разрѣшилъ ей грѣхи. «Будь», говоритъ,—«ты отнынѣ и до́ вѣку анафема про́клята!» Какъ сказалъ, она и пошла сквозь землю съ гуломъ, съ шумомъ. На томъ мѣстѣ голый камень оказался, проклято́е мѣсто стало.

(Записано отъ П. С. Полуэктова, въ Симбирскѣ).

74.

Про пчеляковъ.

а. Если во время причастія спрятать Тѣло Христово во рту и не проглатывать, а послѣ положить его въ пенёкъ, такъ пчелы водиться будутъ. Если разломать и посмотрѣть, то увидишь въ пенькѣ маленькій восковой алтарикъ, цѣлую церковку изъ воску, а на верху—кусочекъ причастія. Только не надо смотрѣть.

б. Одинъ пчелякъ богато жилъ: пчелы у него всегда роились, ни у кого въ окру́гѣ столько пеньковъ не было. Пришло ему время умирать, онъ и говоритъ сыновьямъ: «Ведите начатое дѣло, только одного пенька не трогайте!» (А у него въ деревѣ одинъ былъ сдѣланъ большущій, и онъ самъ его не трогалъ). Послѣ его смерти сыновья жили хорошо, только и надумай они посмотрѣть, что̀ за пенёкъ; взяли да и открыли. «Что, думаютъ, тамъ?» Какъ открыли, такъ всѣ пчелы со всего пчельника свились кучей и улетѣли. Пенекъ-то этотъ видно съ заклятіемъ былъ.

в. Жилъ былъ одинъ пчелякъ, и столько у него пчелъ было, на удивленіе! Тысячи три пеньковъ стояло, а лошади не водились. Жилъ въ одномъ съ нимъ селѣ мужикъ, лошевòдъ, лошади отличныя у него были, а пчелы не водились. Вотъ разъ пчелякъ и спрашиваетъ у мужика: «Скажи, почему у тебя лошадямъ водъ, а у меня нѣтъ?» А тотъ говоритъ: «Скажи ты мнѣ, почему у тебя пчелы, а у меня нѣтъ пчелъ, тогда и я скажу тебѣ». Перекорялись, перекорялись, пчелякъ и говоритъ: «Изволь, я тебѣ скажу». (А извѣстное дѣло, если у кого пчелъ такая пропасть, такъ это не спро́ста). Вотъ привелъ его къ себѣ на пчельникъ въ избенку; взялъ положилъ меду полную тарелку и сунулъ ее въ подпѐчекъ. И выползла оттуда огромная лягушка, съѣла весь медъ до чиста и опять все назадъ отрыгнула. Пчеловодъ и говоритъ: «Съѣшь этотъ медъ!» Мужикъ испугался и говоритъ: «Нѣтъ, я не буду ѣсть!» Тотъ было ножъ выхватилъ, заколоть мужика хотѣлъ. «Ну, пойдемъ, говоритъ лошеводъ,— «я теперь тебѣ скажу, отчего у меня лошадямъ водъ». Привелъ пчеляка къ своему гумну и говоритъ:

«Оттого у меня лошадямъ водъ, что я ихъ кормлю вотъ чѣмъ: по десяти фунтовъ муки замѣшиваю, да полъ мѣры овса даю». «Такъ это я и безъ тебя знаю», говоритъ колдунъ,—«зналъ бы, такъ не сказалъ бы тебѣ о пчелахъ. Еще бы лошади не водились, если ихъ кормить!» «А ты какъ же», говоритъ мужикъ,—«думалъ, что не кормя можно?» Разсердился колдунъ да видитъ дѣлать нечего; просилъ про то, что̀ видѣлъ никому не болтать, и ушелъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

75.

Про Ивановъ цвѣтъ.

Одинъ парень пошелъ Ивановъ цвѣтъ искать, на Ивана на Купалу. Скралъ гдѣ-то Евангеліе, взялъ простыню и пришелъ въ лѣсъ, на поляну. Три круга очертилъ, разостлалъ простыню, прочелъ молитвы, и ровно въ полночь расцвѣлъ папортникъ, какъ звѣздочка, и стали эти цвѣтки на простыню падать. Онъ поднялъ ихъ и завязалъ въ узелъ, а самъ читаетъ молитвы. Только откуда ни возьмись медвѣди, начальство, буря поднялась... Парень все не выпускаетъ, читаетъ себѣ знай. Потомъ видитъ: разсвѣта̀ло и солнце взошло, онъ всталъ и пошелъ. Шелъ, шелъ, а узелокъ въ рукѣ держитъ. Вдругъ слышитъ—позади кто-то ѣдетъ; оглянулся: катитъ въ красной рубахѣ, прямо на него; налетѣлъ, да какъ ударитъ со всего маху—онъ и выронилъ узелокъ. Смотритъ: опять ночь, какъ была, и нѣтъ у него ничего.

(Записано въ Симбирскѣ).

76.

Про церкви.

а. Шелъ разъ мужикъ ночью и видитъ: церковь стоитъ, освѣщена, и въ церкви служба идетъ. Двери растворены, онъ вошелъ

и сталъ молиться; только глядитъ, а у попа и у причта лица какія-то не подходящія. «Нечисто что-то», думаетъ себѣ. Сталъ мужикъ къ дверямъ пятиться, задомъ. А это были нечистые. Увидали они мужика, кинулись за нимъ изъ церкви. Глядятъ нечистые: изъ церкви назадъ ни одного слѣда нѣтъ, а только въ церковь. Поискали, поискали, да и бросили.

б. Въ былые годы, когда мать ребенка засыпàла, ее вмѣстѣ съ мужемъ на ночь въ церковь ставили, епитимью накладывали. Попъ мѣломъ кругъ обводилъ, запиралъ церковь, а утромъ, на свѣту, выпускалъ. Вотъ разъ поставили двоихъ, мужа съ женой. Попъ ушелъ. Нечистые всячески старались достать ихъ: крючками закидывали; ну, не могутъ, потому что за кругомъ стоятъ. Въ одну ночь и придумали нечистые: сдѣлали на дворѣ свѣтлый день. Мужъ съ женой обрадовались, что разсвѣтало; вдругъ слышатъ: дверь отпирается, и попъ кличетъ ихъ «Что же вы нейдете? Выходите!» Они вышли изъ круга, опять стала ночь, и р а с т а щ и л и ихъ нечистые.

(Записано въ Симбирскѣ, отъ А. В. Чегодаева).

77.

Про самоубійцу.

Шелъ разъ бурлакъ за Волгой, изъ Лыковщины (Пензенской губ.), шелъ, да и думаетъ: «Чего я здѣсь шатаюсь? Хоть бы лѣшій какой пришелъ, да меня отсюда домой доставилъ!» Только сказалъ, подлетаетъ тройка лихихъ коней съ кучеромъ. Бурлакъ сѣлъ и понесся какъ вѣтеръ. Триста верстъ пролетѣлъ въ одну минуту, а кучеръ сидитъ, да только покрикиваетъ: «Ну-ка, ну-ка, попадья, р а с п а т р о н ь-ка! Ну-ка, ну-ка, попадья, распатронь-ка меня!» Домчалъ бурлака домой; онъ разказалъ все; а у нихъ незадолго до этого попадья повѣсилась: онъ, значитъ, на ней ѣздилъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

78.

О фармазонскихъ деньгахъ.

Пошелъ одинъ парень доставать фармазонскія деньги и разказывалъ послѣ. «Шелъ я», говоритъ,—«три года, пришелъ къ избушкѣ. Вхожу—старикъ на печи лежитъ. Я и говорю ему, зачѣмъ пришелъ. «Хорошо, говоритъ, поди возьми на три рубля водки и копѣечку сдачи принеси!» Пошелъ я, купилъ на три рубля водки, копѣечку сдачи взялъ; пришелъ назадъ—и водка есть, и деньги три рубля всѣ въ карманѣ. «Ну, теперь», говоритъ старикъ,—«пойдемъ въ нашу церкву, помолимся». Привелъ меня въ темную, безъ оконъ избу; середи избы чанъ стоитъ, и кругомъ сальныя свѣчи горятъ; фармазоны по стѣнкамъ молятся. Вдругъ изъ стѣны и вылѣзаетъ мохнатый да сѣдой. «Чего вамъ», говоритъ,—«надо? Коли денегъ, такъ на-те, берите!» И насыпалъ фармазонскихъ денегъ цѣлую кучу. Стали фармазоны меня въ свою вѣру склонять. «Дай», говорятъ»,—мы тебѣ изъ мизинца кровь пустимъ и этой кровью патрéтъ напишемъ. Гдѣ бы ты ни былъ, мы тебя найдемъ и если въ этотъ патрéтъ выстрѣлимъ—ты умрешь тоё же минуту». Ну, я не дался; взялъ да съ тѣми тремя рублями и бѣжалъ. Зашелъ, на рубль купилъ водки; сунулся я дорогой въ карманъ, а тамъ не прибавилось: два рубля замѣсто трехъ. И шелъ я, братцы мои, оттудова три года, насилу домой добрался».

(Записано въ Симбирскѣ).

79.

Мужикъ и чортъ.

Мужикъ у чорта денегъ просилъ; ну тотъ далъ взаймы. «Когда же отдашь?» «Да я тебѣ душу отдамъ». «Когдаже къ тебѣ придти?» «Да черезъ три года». Пришелъ чортъ черезъ три года. «Ну, давай, мужикъ, душу!» «Погоди, дай пообѣдаю». Пообѣдалъ. «Ну, какъ же будемъ душу вынимать?» «Она сама выйдетъ, погоди». Вылѣзъ изъ-за стола, потянулся, да какъ п..... «На, лови!» Чортъ

руки растопырилъ и диву дался—что это у него за душа: вкругъ носу вьется, а въ руки не дается. «Ну, у меня другой», говоритъ,—«нѣтъ. Ступай!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

80.

Солдатъ и чортъ.

Стоялъ солдатъ на часахъ и захотѣлось ему на родинѣ побывать. «Хоть бы», говоритъ,—«чортъ меня туды снесъ!» А онъ и тутъ какъ тутъ. «Ты», говоритъ,—«меня звалъ?» «Звалъ». «Изволь, говоритъ,—«давай въ обмѣнъ душу!» «А какже я службу брошу, какъ съ часовъ сойду?» «Да я за тебя постою». Рѣшили такъ, что солдатъ годъ на родинѣ проживетъ, а чортъ все время прослужитъ на службѣ. «Ну, скидавай!» «Солдатъ все съ себя скинулъ и не успѣлъ опомниться, какъ дома очутился. А чортъ на часахъ стоитъ. Подходитъ генералъ и видитъ, что все у него по формѣ, одно нѣтъ: не крестъ на крестъ ремни на груди, и всѣ на одномъ плечѣ. «Это что?» Чортъ и такъ и сякъ, не можетъ надѣть. Тотъ его въ зубы, а послѣ—порку. И пороли чорта каждый день. Такъ—хорошій солдатъ всѣмъ, а ремни все на одномъ плечѣ. «Что съ этимъ солдатомъ», говоритъ начальство,—«сдѣлалось? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало въ исправности». Пороли чорта весь годъ. Изошелъ годъ, приходитъ солдатъ смѣнять чорта. Тотъ и про душу забылъ: какъ завидѣлъ, все съ себя долой. «Ну, васъ», говоритъ,—«съ вашей и службой-то солдатской! Какъ это вы терпите?» И убѣжалъ.

(Записано отъ П. С. Полуэктова, въ Симбирскѣ).

81.

Кузнецъ и чортъ.

Жилъ былъ кузнецъ, молодой парень, и работать былъ гораздъ, и водочку любилъ выпивать, и деньги могъ добывать. Какъ при-

детъ въ кузницу, положитъ на наковольню уголь, ударитъ молоткомъ и говоритъ: «Хлопъ, да чорта въ лобъ!» Кажній день все хлопъ чорта въ лобъ; весь ему разбилъ. Такъ чорту досадно, что хочется ему кузнеца поимать. Вотъ у кузнеца дѣтей не было, онъ взялъ да ему мальчишку и привелъ, и отдалъ ему въ дѣти. Росъ онъ (чертенокъ-то) не по днямъ, а по часамъ и выросъ большой. Кузнецъ его поитъ, кормитъ, какъ роднаго; а все какъ ни придетъ, все уголь на наковольню кладетъ, все хлопъ чорта въ лобъ. Вотъ этотъ чертенокъ такой сталъ мастеръ, лучше отца. Е щ е подъѣзжаетъ с е й ч а с ъ къ кузницѣ д ь я́ в ы л ъ на тройкѣ и привезъ с т а р ѣ л а г о самаго, чуть по́лзатъ, дьявыла. Тащитъ его въ кузницу передѣлывать молодымъ. «Передѣлай», говоритъ,—«мнѣ этого старика молодымъ! Сколько хочешь бери!» «Нѣтъ, я не могу». Сынъ и говоритъ: «Тятенька, я могу». Сейчасъ велѣлъ отцу привезти кадушку воды. Кузнецъ привезъ. Сынъ ввалилъ дьявыла въ горнъ, раскалилъ его какъ огненнаго, ввалилъ на наковальню и началъ молоткомъ дуть. Жарилъ, жарилъ, бултыхъ его въ кадушку! Лѣзетъ онъ оттоль такой-то молодчина! Сатана денегъ имъ нѣсколько далъ и увезъ молодаго назадъ. Сынъ и говоритъ: «Что, тятенька, выучился старыхъ молодыми передѣлывать?» «Не мудрено, сынокъ». «Я пое́ду», говоритъ сынъ,—«на базаръ. Если привезутъ опять стараго дьявыла, ты его передѣлай». Ушелъ изъ кузницы и пропалъ. На тройкѣ опять дьявылъ летитъ, везетъ старѣющаго дьявыла. «Передѣлай, кузнецъ, его! Одного передѣлали, передѣлай и мого́. Бери что́ хочешь!» Кузнецъ самъ дьявыла тащить не можетъ, разогрѣлъ пудовку углей и говоритъ: «Тащи его въ горнъ!» Дьявылъ вташилъ и брякнулъ его въ горнъ. Дьявылъ зѣва́тъ: его жжетъ. Кузнецъ сожегъ дьявыла и кости прямо въ кадушку. Дожидались, дожидались, а онъ оттолѣ не вылѣза́тъ. Набѣгло́ дьявыло́въ и нѣсколько; подхватили кузнеца и потащили, да и говорятъ: «А, теперь-то ты намъ попался! Вотъ теперь не станешь говорить: хлопъ чорта въ лобъ!» Взяли и бултыхъ его въ воду. И утонулъ кузнецъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

82.

Чортъ и козелъ.

Богъ человѣка по своему образу и подобію создалъ, и чортъ тоже захотѣлъ сдѣлать: н а п и с а л ъ и вдунулъ свой духъ. Выскочилъ козелъ рогатый—чортъ его испугался и попятился отъ козла. Съ тѣхъ поръ онъ и боится его. Вотъ почему въ конюшняхъ козла держатъ, и на коноводныхъ тоже, гдѣ бывало паръ до ста лошадей, всегда козла держали. Онъ—чортовъ двойникъ.

(Записано отъ П. С. Полуэктова, въ Симбирскѣ).

83.

Какъ чортъ ангеломъ сталъ.

У чертей старшіе есть и младшіе. Первые приказанія отдаютъ, а вторые исполняютъ. Вотъ разъ чертенку дали приказъ пакость какую-то сдѣлать, а онъ и не исполнилъ. Ну, ему сейчасъ подъ желѣзные прутья должно́ воротиться. Испугался онъ и давай Бога молить: «Господи, коли ты меня отъ желѣзныхъ прутьевъ избавишь, никогда пакостничать не буду!» Богъ его и не оставилъ: спряталъ чертенка въ церкви, подъ плащаницу. Черти его и не могли найти, бросили искать. Сталъ послѣ этого чортъ ангеломъ и возрадовались и на небѣ, и на землѣ.

(Записано въ Симбирскѣ).

84.

А н г е л ъ.

Жили мужъ съ женой; жена забрюхатѣла и родила двойни, двухъ мальчиковъ. Господь призвалъ ангела. «А н г е л ь, полетай, вынь изъ этой жёнки душу!» Ангель прилетѣлъ къ женщинѣ, по-

леталъ, полеталъ, жалко вынуть душу: двое мальчиковъ родились, куды юноши дѣнутся? Опять къ Господу полетѣлъ. Прилетаетъ ко Господу, спрашиваетъ его Го́споди: «А что, ангель Господень, вынулъ душу изъ женщины?» Отвѣчаетъ ангель: «Нѣту, Господи!» «Что́ ты не вынулъ?» «Пожалѣлъ, Господи: она двойни родила; чѣмъ они безъ нея будутъ кормиться?» Опять Господь посылаетъ его: «Ступай, ангель, вынь!» Опять ангель Господень полетѣлъ. Она крѣпко нездорова лежитъ; они кругъ ея ползаютъ. Ангель Господень и пожалѣлъ, и опять ко Господу полетѣлъ. Спрашиваетъ его Господи: «Что, ангель, вынулъ душеньку?» «Нѣту». «Ступай на тру́дну землю, коли меня не слушаешь!» Ангелъ сошелъ на трудну землю и сказалъ Господу: «А когда я, Господи, Господи, буду на небесѣ?» «Когда ты меня на землѣ увидишь». И сослалъ Господь ангеля на трудну землю, а за юношами смерть послалъ. Юношей у матери смерть умертвила и женщину на небеса ко Господу представила, а юноши остались на землѣ, а ангель сошелъ на землю за человѣка.

Сошелъ Господень ангель на землю и присталъ въ городской мужской монастырь и такъ вѣрно служилъ, и по пѣнію былъ удивительный. Долголи, малоли послужилъ (лѣтъ двадцать будетъ), была ему полная довѣрность, за игумена всѣмъ монастыремъ повелѣвалъ, на базары ходилъ и все, что́ требуется, закупалъ. Старше его не было; былъ одинъ помощникъ, и постоянно онъ съ нимъ на базаръ ходилъ. Этому дѣлу время много прошло. Такъ крѣпко Богу онъ въ монастырѣ молился, что думать нельзя! Пошли они разъ съ помощникомъ въ монастырь, что́ надо ку́пить. Выходятъ изъ монастыря и восходятъ на протува̀ръ—идутъ два молодыхъ офицера. Ангель между ихъ проскочилъ, одного лѣвымъ локтемъ пырнулъ, а другаго—правымъ, индо они оба пошатились и на него обернулись, и говорятъ между себя: «Гляди-ка, игуменъ пьяный!» И пошли дальше; а помощникъ и говоритъ: «Что», говоритъ,—«братъ, ты дѣлашь: вѣдь это офицеры; какъ ты ихъ пыряешь?» «Да, кака бѣда! Я за нихъ-то и сейчасъ страдаю». И дальше пошли. Шли, шли и лежитъ величающій камень на дорогѣ. Игуменъ захватилъ его, грохъ въ Господень домъ, въ крышу, индо весь домъ затрясся. Послушникъ его и думаетъ: «Что это онъ?» «Пойдемъ-ка съ тобой въ обжорный рядъ, манёшечко

закусимъ!» Въ обжорный рядъ не пошли, а въ трактиръ зашли и сказали хозяину: «Сдѣлай намъ селянку!» Хозяинъ селянку устроилъ. Только было они сѣли трапе́зовать, и сидятъ въ трактирѣ два мужичка. Они годъ вмѣстѣ работали и дѣлятъ деньги по правдѣ: «Это—тебѣ рубь, это, братъ, мнѣ рубь!» Крѣпко работали, не облыгали: лишняго не берутъ при дѣлежѣ. А промежь ихъ самъ Господь сидитъ. Ангель Господень его тутъ и увидалъ, и селянку не потреблялъ. Пришелъ въ монастырь; приходитъ и подручный и сталъ жалобу произносить, кто въ монастырѣ преосвященнаго больше. «Я», говоритъ,—«съ нимъ на базаръ не пойду на утро». «А что?» «Нельзя: онъ озорничатъ». Ангель и говоритъ: «А чего я съозоровалъ?» Помощникъ и сказалъ ему: «А зачѣмъ ты офицеровъ растолкалъ?» «Да, каки офицеры-то, бѣда! Я вотъ, ангель Господній, да за нихъ тридцать лѣтъ страдаю: на землѣ живу. Они—отъ женщины. Меня Господь два разъ посылалъ изъ ихой матери душу вынуть; я изъ ихой мамыньки душу не вынималъ: ихъ пожалѣлъ, да черезъ нихъ тридцать лѣтъ страдаю. Они остались малые, а теперь въ ученье вышли». «А вотъ тутъ мимо дому-то шли, ты камень-то зачѣмъ бросилъ?» «Тутъ на дому-то дьявылъ сидитъ, я дьявыла расчибъ». «А что вотъ въ трактирѣ ты селянку-то заказалъ, ты деньги-то отдалъ, а селянку-то не хлебалъ?» «Тутъ нельзя мнѣ хлебать, тутъ два мужика работали годъ вмѣстѣ и дѣлятъ деньги по правдѣ, а промежь ихъ самъ Господь сидитъ, а вѣдь я ангель Господній, вотъ за этихъ мальчиковъ страдаю!»

Они этому дѣлу не вѣрятъ. Игуменъ говоритъ: «Начинайте обѣдню служить!» Какъ иже херувимъ запѣли, онъ хорошо запѣлъ, крылышками захлопалъ и на тотъ свѣтъ полетѣлъ. Только они его и видѣли.

(Абрамъ Новопольцевъ).

85.

Богатый и бѣдный братъ.

Жили два брата родные: одинъ бѣдный, другой богатый. У богатаго дѣтей не было, а у бѣднаго множество и малъ ма́ла меньше,

и пить-ѣсть нечего. Сдѣлался богатый имянинникъ и всѣхъ богачёвъ созвалъ и не знатъ чѣмъ ихъ угощать, а своего брата бѣднаго забылъ и говоритъ бѣднаго брата жена: «Старикъ», говоритъ,—«поди къ брату-то, хоть попроси на имянины-то кусочекъ». «Охъ, хозяюшка, не смѣю, у него гости». Ребятишки плачутъ неутѣшно: трое сутки не ѣмши сидятъ и говорятъ: «Тятенька, поди Христа ради!» И пошелъ старикъ къ брату; взошелъ, Богу помолился, во первыихъ гостямъ поклонъ, во вторыихъ—брату. «Здорово, братецъ!» Братъ его увидалъ, слезно его принималъ. «Охъ, прости Христа ради! Я про тебя и забылъ. Гости, любящи, раздвиньтесь вы изъ переду: я брата впередъ посажу, онъ пообѣдатъ». Бѣдный и говоритъ: «Охъ, братъ, куды мнѣ садиться! У меня дѣти трои сутки не ѣмши. Дай-ка мнѣ лошадь, въ деревнѣ по̀ міру съѣздить, посбирать». «Поди, бери любую». Тотъ запрёгъ и поѣхалъ. Отъ свово села съ версту отъѣхалъ, лошадь упала и умерла. Онъ санки на себѣ привезъ. Приходитъ къ женѣ, къ малымъ дѣтямъ и горько плачетъ: «Что ты, мужъ, плачешь?» «Эхъ, хозяйка, лошадь-то у меня пала!» «Да иди къ брату и скажи, что вотъ тутъ лошадь твоя померла». Пошелъ онъ опять къ богатому брату, со слезами. Еще у богатаго брата кампанія не кончилась. Приходитъ, говоритъ и плачетъ. «Что ты, братъ плачешь?» «Какъ мнѣ не плакать? Вотъ у меня на этомъ мѣстѣ твоя лошадь пала!» «Братецъ, умерла не твоя, а моя; поди возьми, запряги другу̀ да и поѣдь!» Онъ запрёгъ другу и поѣхалъ. Она до ефтова мѣста доѣхала и пала. Онъ горячѣе того заплакалъ и сани повезъ на себѣ. Санки привезъ и къ старухѣ приходитъ, горько плачетъ. Спрашиваетъ старуха: «Что плачешь?» «Охъ, старуха, и другая лошадь-то умерла!» «Ну, опять иди къ брату, что̀ будетъ». Приходитъ къ брату; еще кампанія не кончилась. Палъ бѣдный на колѣни, еще того слезнѣй плачетъ. «Что ты, братъ, больно плачешь?» Какъ же мнѣ не плакать? Передъ Богомъ я согрѣшилъ и тебя разорилъ: вѣдь и друга-то умерла!» «Богъ мнѣ далъ, Богъ и взялъ! Поди запряги-ка третью, любую, да поѣзжай съ Богомъ!» Онъ впрёгъ, сѣлъ да и поѣхалъ, и такъ тихонько ѣдетъ: боится, кабы и эта не умерла. То мѣсто проѣхалъ и поѣхалъ дальше. Догоняетъ его мальчикъ и говоритъ: «Куды ѣдешь, дѣдушка?» «Да вотъ по̀ міру посбирать, малыхъ дѣтей покормить»,

«Возьми меня съ собой!» «Эхъ, мальчикъ, я боюсь: ужъ я двухъ уморилъ, ка-бы и эта не умерла, вѣдь чужая она». «Ну, Господь дастъ, не умретъ, поѣдемъ!» Сѣли и поѣхали; пріѣхали въ другое село. Пристигла ихъ темна ночь; вечеркомъ подъѣхали къ богатѣющему дому. Мальчикъ и говоритъ: «Дѣдушка, попросись вотъ тутъ ночевать». Онъ подошелъ подъ окно и говоритъ: «Хозя́ушка, пустите нищихъ ночевать!» Хозяинъ отвѣчаетъ: «Гинь отъ окна!» Старикъ пошелъ. Мальчикъ спрашиваетъ: «А что хозяинъ, дѣдушка, говоритъ?» «Гинь отъ окна!» «Поди-ка еще разъ сходи!» Подходитъ дѣдушка. «Хозяинушка, пусти Христа ради, ночевать!» «Гиньте вы, проклятые ни́щи!» Опять старикъ пошелъ. Мальчикъ его спрашиваетъ: «А что, дѣдушка, богатый мужикъ тебѣ сказалъ?» «Гиньте, говоритъ, проклятые прочь!» «А поди-ка», говоритъ,—«въ третій разъ! Теперь пуститъ». Тотъ подошелъ. «Хри́ста ради, при́зри отъ темной ночи!» «Взъѣдьте», говоритъ,— «окаянные!» Отворили имъ, они взъѣхали; лошадь выпрягли, въ избу взошли, на палатки влѣзли. Сошлось семейство хозяйско и стали ужинать, а ихъ не сажаютъ. Мальчикъ и говоритъ дѣдушкѣ: «Дѣдушка, я ѣсть хочу!» «Ну, что же? Не сажаютъ вѣдь». «Проси, дѣдушка, кусочекъ на полати-то?» Дѣдушка и говоритъ: «Хозяинъ, подай милостыню, Христа ради, намъ на полати!» «Экъ, вы проголодались? поспе́тете, налопа(е)тесь!» Они замолчали. Мальчикъ полежалъ и говоритъ старику: «Дѣдушка, проси-ка: я больно ѣсть-то хочу.» Старикъ говоритъ: «Хозяинъ, подай кусокъ Христа ради:» «Отрѣжьте имъ, псамъ!» Отрѣзалъ хозяинъ кусокъ хлѣба и кинулъ на полати кидкомъ. «На-те, чтобъ вамъ подавиться, про́клятые!» Дѣдушка взялъ кусочекъ и мальчику подалъ. Мальчикъ говоритъ: «Ѣшь, дѣдушка я не хочу!» Дѣдушка поѣлъ и сытъ сталъ. Хозя́вы поужинали и спать легли; ворота замкомъ заперли. Дѣдушка уснулъ; мальчикъ разбудилъ его: «Дѣдушка, впрягай-ка, да айда-ка!» «Какъ мы поѣдемъ? Встанемъ—они насъ изобьютъ!» «А вотъ, дѣдушка, мы уѣдемъ, они и не услышатъ». «Да ворота-ти, сыночекъ, заперты». «А небось, дѣдушка, ворота-ти отопрутся». Дѣдушка пошелъ, запрегъ и говоритъ мальчику: «Поѣдемъ!» Вотъ отперлись они, со двора съѣхали, а хозяинъ не слышитъ. Чуть поспѣли со двора съѣхать, и весь домъ провалился скрозь землю, и все строенье, и весь скотъ, и сдѣлалось огромное прова́лище. Старикъ и го-

воритъ: «Ахъ, мальчикъ, я варежки-то забылъ въ печуркѣ!» «Бери», говоритъ,—«печь-то стоитъ». Онъ побѣжалъ: кругомъ яма, а печь стоитъ. Онъ варежки взялъ и печь туды пошла. Приходитъ дѣдушка къ мальчику и сказываетъ: «Ну, домъ провалился скрозь землю; чуть мы поспѣли уѣхать съ тобой! Одна печь осталась». Мальчикъ и говоритъ: «А то-то вотъ, дѣдушка, кабы не варюжки твои, и печь-то-бы тамъ была!» Ѣхали-ѣхали путемъ дорогой; дѣдушка обернулся: нѣтъ мальчика. Посмотрѣлъ: у своей околицы стоитъ и хлѣба возъ везетъ. Пріѣхалъ домой и хлѣбъ привезъ, и дѣтей накормилъ, а лошадку брату отдалъ. Съ нимъ это самъ Господь былъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

86.

Марко Богатый.

Жилъ былъ Марко Богатый, имѣлъ у себя имѣнья нѣсколько. Сыновьевъ у него не было, одна была дочь, и столько было казны, что̀ счету не зналъ. Казной хотѣлъ онъ отъ свово̀ двора на двадцать пять верстъ на вершокъ усыпать. Вотъ у него заводы разные были. Легъ онъ разъ уснуть и видится ему во сновидѣніи, что «жди, Марко Богатый, вотъ въ такомъ-то часу придетъ къ тебѣ въ гости самъ Господь и Миколай угодникъ». Онъ наутро всталъ и думаетъ сидитъ, и разказываетъ своей женѣ и дочери. Устлалъ на двадцать пять верстъ отъ своно двора разными сукнами дорогу, гдѣ Богу пройти. Вотъ подходятъ двое нищихъ, старички. Лапти у нихъ въ грязѣ, одежёнка худенька и шлёпъ, шлёпъ по красному сукну въ ворота, гдѣ Марко Богатый сидитъ въ стулѣ, дожидатся Бога. Подходятъ, кланяются Марку Богатому: «Миръ твому сидѣнью, Марко Богатый! Пусти насъ ночевать!» Марко на нихъ осерчалъ, повсячески ихъ обругалъ. «Эхъ», говоритъ,—«несетъ васъ лукавый съ грязными-то ногами, въ лаптищахъ-то. Я», говоритъ,—«жду Бога, а вы тутъ грязните. Ступайте въ задни ворота, въ задней избѣ ночуйте!» Пошли они въ задню избу и легли. Пришла глухая полуно̀чь; лежатъ они на печкѣ и съ ними одна скотница, жен-

щина. Вдругъ къ окошку является, говоритъ гласомъ человѣческимъ. Молитву сотворили, они аминь отдали. «Здѣсь», говоритъ,— «Господи почивалъ?» «Здѣсь», говорятъ. На што тебѣ?» «А вотъ, Господи, въ такомъ-то селеньи родила женщина мальчика. Какимъ его счастьемъ, Господи, надѣлишь?» «Марки богатаго», говоритъ,— «имѣньемъ. Выростетъ и будетъ владàть». Нищіе ушли середь ночи. Женщина на утро встаетъ и Маркѣ Богатому докладываетъ. «Марко Богатый, не жди Бога: Богъ нынче ночевалъ въ въ задней избѣ». «Какъ это такъ?» «А два-то старичка приходили; одинъ-то самъ Господь, а другой Миколай угодникъ». «Гдѣ они?» «Ушли не знай куды». «Почему ты знаешь, что Богъ?» «Въ глухую, говоритъ,—«полуночь является подъ окошко, человѣческимъ гласомъ молитву сотворилъ; они аминь ему отдали. «Господи», спрашиваетъ,— «здѣсь почивалъ?» «Здѣсь. На што тебѣ?» «А вотъ, Господи, въ такомъ-то селеньи родила женщина мальчика, какимъ его счастьемъ, Господи, надѣлишь?» «Марки Богатаго», говоритъ,— «имѣньемъ; выростетъ и будетъ имъ владать».

Марко Богатый тотъ же часъ запрёгъ пару лошадей и туды прямо, въ то селенье. Пріѣхалъ, доискался этой женщины. Жили они бѣднò, и у нихъ робятишекъ много; онъ и сталъ говорить: «Хозяинъ съ хозяйкой, продайте вотъ этого мальчика!» Они не продаютъ. Онъ сталъ уговаривать: «Что же вамъ не продать? Вы знаете у меня имѣнья сколько; своихъ дѣтей нѣту. Я стану кормить и поить его вмѣсто дѣтища, а у васъ еще много останется. Я и васъ чѣмъ угодно надѣлю». Они согласились и продàли; продàли и Маркѣ отдàли. Дѣло было зимой; Марко Богатый положилъ его въ свою повозку и поѣхалъ. Доѣхалъ дò лѣсу и говоритъ: «Кучеръ, отнеси мальчика этого въ лѣсъ, брось его въ снѣгъ. Вотъ ему и Марки Богатаго имѣнье!» Кучеръ отнесъ и бросилъ его въ снѣгъ. Тоё же минуту дохнулъ теплый воздухъ, кругъ его снѣгъ растаялъ, и онъ лежитъ, ничего не думаетъ: тепло ему. А Марко домой уѣхалъ.

Этой же дорогой два товарища купца ѣдутъ, Маркѣ Богатому долгъ денегъ везутъ и товару вновь забрать и слышатъ,—въ лѣсу младенецъ плачетъ. Они остановились и слушаютъ. Побѣжали туды. «Знать кака-нибудь дѣвка бросила!» Прибѣжали—вкругъ его трава выросла, и цвѣтки цвѣтутъ, а снѣгу по колѣнки. Удивляются

этому дѣлу. «Это», говорятъ,—«младенецъ святой». Захватили его и—въ повозку къ себѣ. Ѣдутъ дорогой, да и разговорились между себя. Ихъ два товарища: одинъ больно именитый богатый, а другой-то бѣдный. У богатаго тоже дѣтей нѣтъ, а у бѣднаго дѣти есть. Богатый и проситъ бѣднаго: «Отдай мнѣ его!» Тотъ не отдаетъ, не поступляетъ. «А пущай онъ будетъ у насъ вмѣстный!» И говорятъ между себя: «Его надобно покрѣпче одѣть и не вносить къ Маркѣ Богатому; а если внесемъ въ домъ къ нему, у него сыновей нѣту, онъ у насъ его отыметъ». Пріѣхали къ Маркѣ Богатому, остановились ночевать. Онъ ихъ встрѣтилъ, сготовилъ для нихъ самоваръ; стали чай пить. Изъ-за чаю по перемѣнкамъ и тотъ, и другой они выбѣгали: боялись, какъ бы онъ у нихъ въ повозкѣ, въ зимнее время, не замерзъ. Марко Богатый сталъ ихъ выспрашивать: «А что, друзья, вы часто на дворъ ходите? Али у васъ въ повозкѣ клажа какая дорогая есть? Вы чать меня знаете, не первый разъ пріѣхали: у насъ на дворѣ всегда караульщики. Будь у васъ въ повозкѣ и нѣсколько денегъ—никто не возьметъ. Скажите, что у васъ тамъ лежитъ». Имъ сказать не хочется. Онъ ихъ дѣнялъ. Ну, они думали, думали и сказали: «Въ такіемъ-то мѣстѣ мы нашли мальчика; снѣгъ по колѣни лежитъ, а кругъ его трава растетъ, и цвѣты цвѣтутъ. Мы его взяли, онъ въ повозкѣ лежитъ».

Марко Богатый догадался, распросилъ ихъ: «Гдѣ вы его взяли?» «Тамъ-то», говорятъ. Марко Богатый и думаетъ себѣ: «Ахъ, самый это онъ!» «Ну, господа купцы, отдайте мнѣ его! У меня дѣтей нѣту, мнѣ мальчика нужно». Они не отдаютъ. Онъ имъ говорить сталъ: «Если не отдадите, я у васъ деньги отберу, а товару вамъ не накладу; а отдадите — я на васъ долгъ весь прощу и товару по возу накладу». Они взяли, да и отдали. Онъ его взялъ и сталъ кормить. Кормилъ, а лихо на него думалъ. Выростилъ его большаго и все думаетъ, какъ бы его извести. Мальчикъ на все былъ ловкій и старательный; старается, вездѣ досматриваетъ, въ родѣ прикащика. Призываетъ Марко Богатый своѐ назва̀наго сына. «Сынъ мой назва̀нный, знать ты у меня хозяинъ будешь. Ступай, я тебя пошлю за тридевять земель, въ десятое царство. Тамъ есть Идо̀лище; ступай и спроси его, сколько у меня казны: я не могу сосчитать». (Ну, а туды ужь кто ни пойдетъ, оттоль назадъ не при-

детъ: о н ъ кажняго тамъ съѣстъ). Собрался онъ и пошелъ пѣшкомъ. Шелъ много ли, мало ли, долго̀ ли, коротко ли, дошелъ до̀ моря, и на̀ морѣ перевощикъ перевозитъ людей безъ денегъ. Подходитъ онъ къ нему. «Господинъ перевощикъ, перевези на ту сторону!» «А куды ты идешь?» «Въ такое-то мѣсто, къ Идо̀лищу». «Ахъ, братъ любезный, я такихъ-то людей давно ищу! Помяни-ка ему обо мнѣ». Я», говоритъ,—«перевожу черезъ море тридцать лѣтъ, безъ денегъ, у меня на рукахъ и мяса нѣтъ, однѣ кости; по костямъ кровь ключемъ бѣжитъ. Спроси-ка кто меня смѣнитъ?» «Ладно, спрошу». Переѣхалъ и пошелъ. Идетъ путемъ, большой дорогой — стоитъ столбъ: насыпана золотая казна отъ земли и до неба. Подошелъ и п о с м о т р и л ъ на него; казна и говоритъ человѣческимъ гласомъ: «А куды тебя, добрый молодецъ, Богъ несетъ?» «Въ такое-то мѣсто, къ Идо̀лищу; узнать хочетъ Марко Богатый, сколько у него денегъ». «Помяни-ка Идо́лищу обо мнѣ, кому я достанусь?» «Ладно», говоритъ. Шелъ, шелъ, дошелъ до дому, до Идо̀лища. Идо̀лища дома не случилòсь: улетѣлъ по вольному свѣту летать, ж и в к о́ м ъ людей глотать. Жилъ онъ съ одной съ матерью. Ну, взошелъ онъ въ горницу, Богу помолился и баушкѣ поклонился. Баушка увидала его. «А что это прежде у насъ русскаго духа слыхо́мъ не слыхано и видо̀мъ не ви́дано, а нынче русскій духъ въ у с т а х ъ я в ѝ т с я, въ глазахъ мечется? А что, добрый молодецъ, отъ дѣла ли лытаешь, али дѣло пыта̀шь?» «Я отъ дѣла, баушка, не лытаю, а себѣ больше дѣла пытаю». «Куды ты идешь?» «Къ Идо̀лищу». «Что тебѣ онъ нуженъ?» «Да спросить его прислалъ меня Марко Богатый, сколько у него казны». Мать Идо́лища отвѣчаетъ: «Охъ, другъ, онъ тебя съѣстъ! Тебя Марко Богатый для этого и прислалъ. Развѣ я спрошу, тебя жалѣя, а то онъ тебя съѣстъ!» Онъ упалъ на колѣнки и въ ноги поклонился ей. «Родима баушка, не заставь злой смертью помереть! Я присланъ сюды по неволѣ». «Ну, другъ, я, говоритъ, не заставлю тебя горе мыкать: я сама спрошу». «Да еще, баушка, потрудись спроси: переѣзжалъ я черезъ такое-то море; перевощикъ перевозитъ тридцать лѣтъ... Кто его смѣнитъ». «Я спрошу». «Да еще, баушка, спроси: шелъ я путемъ—дорогой — стоитъ столбъ казны, отъ земли и до неба. Кому она достанется?» «Не знаю только, добрый молодецъ, куды мнѣ тебя дѣть, чтобъ онъ тебя не нашелъ». З а в а л и л а его подъ перину. Является Идо́-

лище и нюхаетъ вездѣ. Прилетѣлъ голодный, не с г л о т и л ъ никого, и спрашиватъ: «Мамынька, кто-нибудь у тебя есть: русскимъ духомъ пахнетъ». «Ты по вольному свѣту леталъ и тамъ русскаго духу наимался! Чай ты испить хочешь, сыночекъ?» «Пожалуй-ка», говоритъ,—«мамынька!» Она подала ему пьяныхъ к à п л е й, и такъ ему показалось! Сталъ онъ хмѣльный и говоритъ: «Мамынька, да нѣтъ ли еще?» Она еще стаканчикъ ему подала и порядочно его в з я л о.

Стала мать спрашивать: «А что, сыночекъ, я тебя спрошу»... «Что, мамынька?» «Черезъ тако́-то море перевозитъ перевощикъ тридцать лѣтъ, кто его смѣнитъ?» «А на что̀ тебѣ, мамынька?» «Да такъ, хочется узнать». «Его смѣнитъ Марко богатый». «Да еще, сыночекъ, скажи мнѣ: у Марки богатаго сколько казны?» «Да что тебѣ, мамынька, нужно?» «Да узнать хочется». «Я и то не могу ее считать. Онъ можетъ казной отъ свого́ жительства на всѣ на четыре стороны, на двадцать-пять верстъ золотомъ усыпать». «Да еще вотъ, сыночекъ, скажи: на такой-то путинѣ есть казны столбъ отъ земли и до неба. Эта казна кому достанется?« Онъ улыбнулся, «Ну, матушка, эта казна достанется... У Марки Богатаго есть», говоритъ,—«пріёмышъ; она ему достанется». Взялъ да и опять полетѣлъ куды знàтъ. Она перину отвалила, мальчика разбудила. «Что, слышалъ что́ Идо́лище сказывалъ?» «Слышалъ, баушка». «Ну, ступай домой!» И пошелъ онъ домой. Доходитъ до столба; столбъ и спрашиваетъ: «Спросилъ ли мальчикъ обо мнѣ?» «Спрашивалъ». «Кому я достанусь?» «Пріемышу Марки Богатаго». Вдругъ столбъ тррр! и разсыпался въ кучу. «Вотъ», говоритъ,—«я казна твоя теперь!» Онъ казну не бралъ, только руками ее помѣшалъ, и теперь она лежитъ въ кучкѣ, д о в р е м я. Пошелъ дальше; подходитъ къ морю. Перевощикъ я в л я е т с я къ нему: «Что, добрый молодецъ, спрашивалъ Идо̀лище: кто меня смѣнитъ?» «Спрашивалъ». «Кто же?» «Марко Богатый». Приходитъ къ Маркѣ Богатому. Марко Богатый индо обезпà мятѣлъ, что идетъ онъ живъ; спрашиваетъ: «Что, сходилъ?» «Сходилъ, тятенька». «Что, нашелъ Идо̀лище? Спросилъ сколько казны у меня?» «Спросилъ». «Много ли?» Да на всѣ на четыре сто̀роны, на двадцать-пять верстъ можете усыпать на вершокъ». «Ну, это вѣрно». Переночевали одну ночь и поѣхали въ иную землю за товаромъ. Накупили что̀ слѣдуетъ. О н ъ нагрузилъ

товаръ по Волгѣ и пріёмыша съ товаромъ проводилъ. Написалъ письмо, запечаталъ и говоритъ: «На хозяйкѣ моей и дочкѣ письмо (поклонъ-то́, ись)!» Онъ завернулъ въ платочекъ, положилъ въ пазуху и поѣхалъ по Волгѣ. Причалились они къ берегу и стали обѣдъ варить. Съ рабочими людями онъ вышелъ вдоль Волги, по бережку поразгуляться. Пасетъ старичекъ стадо и кричитъ его: «Подь-ка молодецъ, ко мнѣ!» Онъ подошелъ. «Ну-ка, вынь что у тебя въ пàзухи-ти!» «Да, тятенька на родину письмо написалъ». «Да-ка мнѣ я почитаю!» «Да какъ можно? А запечатать-то кто?» «Я опять запечатаю». Онъ вынулъ изъ пазухи и далъ. Старикъ взялъ его и на мелки части изорвалъ и другое ему написалъ; завернулъ въ платочекъ и отдалъ. «Ступай съ Богомъ!»

Приплылъ онъ въ свое жительство, товаръ изъ расшѝвы выгрузилъ и поклалъ на мѣсто. Вынимаетъ письмо изъ пазухи. «Извольте, мамынька, вотъ вамъ тятенька письмо прислалъ». Распечáтовала и стала читать. Въ письмѣ написано Марки Богатаго рукой, чтобы не дожидаючи меня, этого пріёмыша съ дочерью обвѣнчать. Мать призвала дóчь и говоритъ: «Вотъ отецъ письмо прислалъ!» Она грамотѣ знала, прочитала. «Ну», говоритъ,—«если тятенька приказалъ, такъ нужно это дѣло сдѣлать». Сейчасъ не пиво варить, не вино курить: пиво наварёно, вино накурёно—за свадьбу. Повезли въ церковь и обвѣнчали; положили ихъ на ложу. Морко Богатый какъ разъ тутъ. «Жена, гдѣ пріемышъ?» «Да мы ихъ сейчасъ на подклѣтяхъ положили!» «Что такое это?» говоритъ. «Я обвѣнчала на дочери его». Онъ, нестерпя своего сердца, прямо ей въ глаза плюнулъ. «Что ты, дура, дѣлаешь?» Она вынула письмо, подала ему. Онъ поглядѣлъ: рука-то его. А въ прежнемъ-то письмѣ, которое старикъ изорвалъ, написалъ, чтобы проводить пріемыша на сальный заводъ ночнымъ бытомъ и налить котлы горячаго сала и котлы всѣ раскрыть, а его ночью послать за рабочими посмотрѣть. Онъ на сальномъ заводѣ не бывалъ, какъ пойдетъ, такъ, думаетъ, и утонетъ: не знаетъ гдѣ пройти. А это дѣло все пастухъ (Миколай угодникъ) сдѣлалъ.

Съ ложа ихъ подняли и начали гулять. Зять тестю и говоритъ: «Ну, батюшка», говоритъ,—«у тебя казны много, а мнѣ Богъ далъ еще болѣ!» Марко Богатый захапистый былъ. «А гдѣ же», говоритъ,—«она?» Запрягли три пары, да и поѣхали. Доѣзжаютъ до

е ф т а г о моря, гдѣ перевощикъ перевозитъ. Перевощикъ ихъ посадилъ и за казной перевезъ. Они казну насыпали и поѣхали назадъ; подъѣзжаютъ къ перевощику, перевощикъ ихъ дожидается. Перевезъ ихъ на свою сто́рону; зять казну выгрузилъ, а Марко Богатый остался, перевощика смѣнилъ—и теперь перевозитъ тамъ. И смерть его тутъ постигла, а имѣніе все досталось его зятю и сталъ онъ имъ владать, жить да быть, да добро наживать, а худо-то проживать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

87.

Работникъ.

Жилъ мужъ съ женой, были люди бѣдные, погорѣлые, и нечѣмъ имъ кормиться. Дѣтей у нихъ не было. Мужъ женѣ и говоритъ разъ: «Ну хозяйка, оставайся, а я пойду въ работники». «Ступай съ Богомъ!» Пошелъ мужикъ куды глаза глядятъ. Долго ли, мало ли шелъ, встрѣчается ему человѣкъ: Куда идешь, удалый молодецъ?» «Да вотъ въ работники наняться». «А на сколько в р е м я?» «На годъ». «А что возьмешь съ меня? «Да п а с к у на Свѣтло Христово Воскресенье отдайте мнѣ за работу!» «Мало». «Ну, два проживу, только отдайте». «Нѣтъ, мало». «Ну, дѣдушка, три года проживу, только в п о л нѣ отдай!» И согласились на трехъ лѣтахъ за паску жить. Служилъ работникъ вѣрно: куды ни пошли, всѣ дѣла справлятъ; прослужилъ три года. Пришла Паска; хозяинъ па̀ску на столъ поставилъ и говоритъ работнику: «Ну, работникъ, сядемъ, поѣдимъ, да расчитамся!» «Ну, нѣтъ, я не согласенъ съ тобой па̀ску ѣсть!» Свернулъ ее въ столе́шникъ и въ пазуху положилъ. И сказалъ ему хозяинъ: «Ну, другъ, когда отъ меня пойдешь домой и п р и с т ѝ ж е т ъ тебя тёмна ночь, тутъ ты не ночуй, гдѣ мужъ старъ, жена молода́; а ночуешь, да чего увидишь—доржи; а не удоржишь—оторви; домой приди, возьми въ руки, подыми да не упусти». На дорогу работнику хозяинъ пирожокъ далъ; тотъ и его въ сумку положилъ и пошелъ путемъ дорогой. Шелъ, шелъ, и захотѣлось ему разговѣться. Разостлалъ и сѣлъ на землю; только

хотѣлъ укусить, и является Миколай угодникъ и говоритъ: «Ангель тебѣ за трапезой, добрый молодецъ! Покорми-ка меня». «Кто ты такой?» «Я—Миколай угодникъ». «О», говоритъ,—«ты за деньги», говоритъ,—«все Бога-то молишь, кто тебѣ свѣчку купитъ. Я тебѣ не дамъ». Миколаю угоднику не далъ и самъ пищи не принялъ; въ пазуху положилъ и пошелъ путемъ дорогой. Шелъ и усталъ, и поѣсть захотѣлъ. «Да-ка разверну, да разговѣюсь». Развернулъ и разостлалъ, и перекстился. Не поспѣлъ укусить, является къ нему старичекъ и говоритъ: «Ангель тебѣ за трапезой, добрый молодецъ!» «Да спасетъ тебя Господь!» сказалъ добрый молодецъ. «Гдѣ ты былъ, другъ?» «А вотъ, дѣдушка, жилъ у хозяина, въ работникахъ работа́лъ, три года за па́ску; вотъ домой иду, хозяйкѣ тащу». «Дава-ка сядемъ, да поѣдимъ». «Ты кто, дѣдушка?» «Я—самъ Господь». «Эхъ, Господи, я тебѣ паской разговѣться не дамъ: ты не по правдѣ дѣлашь. Немножко которыихъ больно богатыхъ, а которыихъ бѣдныхъ...» Завернулъ, въ пазуху положилъ и опять пошелъ. Шелъ и крѣпко поѣсть захотѣлъ. «Ну, надо разговѣться». Не успѣлъ куска отломить, является къ нему старушка и говоритъ: «Ангель тебѣ за трапезой, добрый молодецъ!» «Добро жаловать, баушка, ко мнѣ разговѣться». «Гдѣ ты, другъ, былъ?» «Въ такомъ-то»,—«говоритъ, мѣстѣ, три года за паску въ работникахъ работалъ; паску получилъ, а самъ не разговлялся». «А что ты долго не разговлялся?» «Да вотъ что: сѣлъ я разъ разговляться, подходитъ ко мнѣ святой отецъ Никóла и садится со мной разговляться. Я ему, баушка, вѣдь не далъ». «А на̀ што ты ему не далъ?» «Онъ за копѣечну свѣчку вѣдь работа̀етъ, а кто ему свѣчку не купитъ, онъ за того не молится. Второй разъ я, баушка, сѣлъ—опять приходитъ старичекъ, проситъ паски, разговѣться; Я спросилъ: ты, дѣдушка, кто? Ну дѣдушка сказалъ мнѣ хорошо: я, говоритъ,—Господь. Ну, я Бога прогнѣвалъ, не хорошо передъ Богомъ сказалъ: Ты, Господи, говорю,—насъ всѣхъ не ровняешь: которыхъ больно дѣлаешь бѣдныхъ, которыхъ богатыхъ. Взялъ я положилъ паску въ пазуху и ушелъ. А ты, баушка, кто?» «Я, другъ, смерть твоя». «Ну, давай баушка разговѣмся! Ты—смерть, человѣкъ справедливый: ты не берешь ни злата, ни серебра, не оставляешь ни царей, ни сильныхъ могучихъ боватырей—всѣхъ моришь. Вотъ они съ ней сѣли, да и разговѣлись. Смерть и го-

воритъ: «Хошь я и смерть твоя, да иди куды путь лежитъ». Онъ и пошелъ. Пристигла его тёмна ночь близко села ночевать; постучалъ подъ окно. «Хозяюшки, дома ли?» Отвѣчаетъ женка: «Дома». «Пустите, Христа ради, ночевать!» «Добро жаловать, батюшка». «Взошелъ, Богу помолился и хозяину съ хозяйкой поклонился. Сѣли да поужинали. Вспомнилъ добрый молодецъ что ему хозяинъ-то наказывалъ. «Ахъ, думаетъ, не велѣлъ мнѣ хозяинъ ночевать гдѣ мужъ старъ, жена молода». Полежалъ на печкѣ съ вечера, взялъ да тихонько (у нихъ стѣна-то была на прогаръ) вышелъ и подъ стѣнку легъ. Является къ женкѣ молодецъ и говоритъ: «А гдѣ твой мужъ? Давай его убьемъ! Его-то я убью, а тебя замужъ возьму». Женка говоритъ: «Да вѣдь нельзя, милый: у меня ночлéщикъ, а старъ-то мужъ спитъ на печкѣ». «То-то и хорошо убить. Скажи, что ночлещикъ убилъ». Взялъ да и убилъ старика и самъ на прогаръ побѣжалъ; а ночлещикъ его поймалъ, да у него отъ шароваръ лоскуточекъ оторвалъ, и легъ спать. Молода жена вытаращила глаза, бѣжитъ по широкой улицѣ и кричитъ: «Батюшки, караулъ! Ночлещикъ мужа убилъ!» Ударили во сполохъ, сошлось народу страсть. Сталъ день—бѣлая заря, а ночлещикъ спитъ подъ стѣной. Старика мужа жена лиходѣиха была: ночлещика увидала, всѣмъ мірянамъ разказала: «Вотъ кто убилъ!» (А онъ и въ избѣ-то не былъ). Ночлещика взяли, ноженьки въ желѣзы сковали и подъ судъ его отдали. Пріѣзжаютъ изъ его села люди и смотрятъ на него, и хочется имъ его взять, и говорятъ: «Что у васъ?» «Сей человѣкъ у такой-то женки мужа убилъ!» Отвѣчаютъ проѣзжающіе люди: «Это нашъ человѣкъ; онъ былъ нашъ, да не сейчасъ: давно ушелъ». Сѣли да и поѣхали. А ночлещикъ судьямъ и говоритъ: «А вы послушайте, стары старички, пожилые мужички, я ли его убилъ. Я вамъ найду кто!» Старики говорятъ: «Мы тебя отпускаемъ, подавай виновника». «Идите въ конецъ и нарядите ко мнѣ стараго и малаго, молодаго и бывалаго, кто въ чемъ лежитъ, проклажается, ничего себѣ не чàется». Старики распорядились, взяли послали, кажняго изъ дому брали, все виновника искали. Идетъ же добрый молодецъ въ новомъ чапанѣ; онъ всѣмъ хорошъ, да клина-то нѣтъ. Говоритъ ночлещикъ: «Вотъ, старики, къ вамъ виновникъ идетъ!» Вынимаетъ отъ его чапанý клинъ. Тѣ взяли и приложили. Тутъ виновникъ сознался,

съ ночлещикомъ распрощался. «Иди, ночлещикъ, куды идешь, а я убилъ человѣка, да и буду страдать». Добрый молодецъ ушелъ куды ему надо. Приходитъ домой, подходитъ къ своему дому, просится ночевать у своей законной жены. Его жена не узнала, ночевать не пускала, охъ, дѣдушкой его называла». «Я бы и рада тебя пустила, да боюсь: дома одна». «Эхъ другъ свѣтъ, я тебя не трону; при́зри отъ темной ночи меня!» «Да поди же, добро жаловать! Ночуй». Взошелъ онъ, Богу помолился, хозяюшкѣ поклонился, а сумочку съ пирожкомъ въ сѣняхъ оставилъ. Повечеряло. Сѣли да поужинали; она на лавочкѣ сидитъ и въ окошечко смотритъ. Онъ легъ на печку и на нее поглядываетъ. Вдругъ колёсочка застучала, пріѣхали къ ней два добрые молодца, ясные сокола́. Прихожій молодецъ лежитъ на печи, посматриваетъ. Убрали добрыихъ коней и взошли въ избу, и чайку покушали и водочки выпили. Сѣли три лица и поужинали, и говорятъ: «А кто на печкѣ такой?» «Это прохожій человѣкъ». А не хочетъ ли онъ поѣсть?» «Я его покормила». «Да позови-ка его. Хоть водочки испьётъ, покрѣпче уснетъ». «А подь-ка, дѣдушка, къ намъ сюда! Выпей-ка стаканчикъ водочки на сонъ грядущій». Онъ стаканъ водки выпилъ, въ подлавкѣ топорикъ увидалъ и опять на печку легъ. Легъ да лежитъ. Молодица со столика убрала и постели постлала. Одинъ-то лёгъ къ стѣнкѣ, а другой-отъ съ краѐшку. Легли и уснули. Прохожій молодецъ съ печки слѣзъ, взялъ топоръ и сказалъ: «Это дружья́ ея, да-ка я имъ головы порублю!» Поднялъ да и подумалъ: «Ахъ, мнѣ что хозяинъ-то сказалъ: придешь ты домой, въ руки возьмешь, подымешь, да не упусти... Да-ка топорикъ, думаетъ, на мѣсто положу». Положилъ топорикъ подъ лавку, легъ на печку и сейчасъ спитъ.

Хозяйка встала рано по утру, затопила нову горенку, молодчиковъ разбуждала и угостила чаемъ, водкой; съ печки ночлещика позвала: «Поди-ка, прохожій, съ нами хлѣба-соли покушай и насъ послушай». Онъ слѣзъ, умылся, Богу помолился и имъ поклонился и стаканъ водки выпилъ. Вотъ онъ и говоритъ: (Добрые молодцы въ путь отправились; остались они съ женой двое). «А что, женка, въ какѐмъ ты видѣ живешь, съ кѣмъ ты вѣкъ продолжаешь?» «Какъ видишь, такъ и вѣкъ продолжаю». «А дѣ у тебя законный мужъ?» «Ушелъ онъ на годъ

въ работники, и теперь его нѣтъ». «А сколько тому врéмю лѣтъ, какъ его нѣтъ?» «Да я и не знаю». «А это чьѐ такѐ?» «А вотъ кто: я съ мужемъ жила десять лѣтъ, ни одного дѣтища не родила; онъ ушелъ въ работники на одинъ годъ, оставилъ меня беременной, я послѣ него родила двойни». «Добрый молодецъ слушаетъ. «Вотъ они вы́растили у меня двое; имъ по двадцати лѣтъ». «А куды они поѣхали?» «Да три версты на базаръ краснымъ товаромъ торговать». «Какъ вы живете?» «Слава Богу». «Ну, а скоро ли ребятки будутъ?» «Да не больше какъ черезъ часъ». Не поспѣли словъ разговорить, они являются. Сѣли за столъ, и говоритъ имъ прихожій человѣкъ: «Не родня ли я вамъ?« Отвѣчаетъ ему жена: «Нѣтъ, ты не мужъ мой, а дѣдушка мнѣ». «По лѣтамъ тридцать лѣтъ въ работникахъ поживи-ка, такъ будешь старъ. Я мужъ твой!» Вотъ они ему обрадовались, крѣпко цѣловались. «Ты», говоритъ, — «нашъ тятенька!» Сѣли да погуляли, другъ дружку проздравляли, его съ приходомъ, а тятенька ихъ—съ торговлей. «Подите-ка: у меня въ сѣнкахъ есть сумочка, а въ сумочкѣ пирожокъ». Они пошли да принесли, положили на столъ, разрѣзали, а въ нимъ пять тысячъ рублевъ! Стали тутъ они жить да поживать, добра-то себѣ наживать, а худо-то проживать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

88.

Кузнецъ и Миколай угодникъ.

Хорошъ больно былъ для міру кузнецъ: въ кузницѣ работалъ, за работу ни съ кого не бралъ, кто что дастъ только. И узнали его бѣдны люди и чужестранные стали ѣздить. Миколай угодникъ пришелъ исповѣдывать его: «Что», говоритъ,—«кузнецъ, какъ ты работашь, за какую работу что берешь?» «Кто чего дастъ». Какая это твоя работа! Пойдемъ со мной: я лѣкарь. Пойдемъ народъ лѣчить; денегъ больше добьемся». Пошли. Шли они путемъ дорогой и взяли на дорогу кошель съ хлѣбомъ (по кусочку) и вздумали въ лѣсу сѣсть отдохнуть, закусить. Миколай угодникъ

свой хлѣбъ не съѣлъ, въ кошель назадъ положилъ, а кузнецъ весь съѣлъ и хлѣбъ Миколая угодника вмѣстный, и кошель бросилъ, да легъ уснуть. Миколай угодникъ подходитъ къ нему, разбудилъ и спрашиваетъ: «Гдѣ», говоритъ,—«кошель?» «Не знаю». «Гдѣ хлѣбъ?» «Мотри заяцъ съѣлъ». «Ну, кузнецъ, пойдемъ къ морю: за́ моремъ царь; у него дочь хворатъ; мы ее вылѣчимъ». Дошли они до́ моря—лодокъ нѣтъ. Ай да по водѣ какъ по землѣ. Середь моря зашли, и Миколай угодникъ говоритъ: «Кузнецъ, ты съѣлъ мою долю». «Нѣтъ». Сталъ кузнецъ по колѣна въ водѣ. «Не ты?» «Нѣтъ». «Ну, подемъ въ городъ!» Пришли въ лавку и сказались, что лѣкаря, нѣтъ ли больныхъ гдѣ. Дали дознаніе, что у царя три года дочь хвораетъ, никто не могъ вылѣчить. Царь разыскалъ пришлыхъ людей, въ домъ взялъ. «Можете вылечить дочь—денегъ сколько угодно берите!» Миколай угодникъ и кузнецъ сказали: «Можемъ, за утро здра́ва будетъ, за одну ночь. Отведи намъ особу комнату на ночь и изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды». Отвелъ имъ царь комнату, принесъ воды, и они двое съ дѣвкой хво́рой остались. Миколай угодникъ разрѣзалъ ее на́ четверо, куски разложилъ, водой перемылъ и сложилъ; водой спрыснулъ—здра́ва стала. Кузнецъ на него все глядѣлъ, учился. Потомъ, утромъ встали; пришелъ отецъ съ матерью. «Живы ли?» «Живы». «Ну, слава Богу!» Взялъ царь ихъ въ домъ и угостилъ, и открылъ имъ сундукъ съ мѣдью, потомъ другой—съ золотомъ; отрылъ третій—съ бумажками (все казалось мало). «Что», спрашиваетъ Миколая угодника,—«доволенъ деньгами?» «Доволенъ», говоритъ,—«доволенъ». «И я доволенъ». Зашли они въ лавочку, купили шесть кренделёвъ и вышли къ Волгѣ; сѣли на берегу отдохнуть. Миколай угодникъ говоритъ кузнецу: «Отдохнемъ и закусимъ кренделёвъ». Кузнецъ три кренделя съѣлъ; Миколай угодникъ одинъ съѣлъ, а два оставилъ. Пошелъ разгуляться; пришелъ, разбудилъ и спрашиваетъ кузнеца: «Гдѣ кренделя́?» «Мотри въ воду укатились; ногой видно ссунулъ». (А онъ ихъ съѣлъ) «Ну пойдемъ; вотъ въ этомъ городу у купца дочь хворатъ, еще вылѣчимъ, еще больше денегъ дадутъ». Пришли въ городъ, объявили о себѣ; купецъ ихъ разыскалъ и взялъ на́ домъ дочь лечить. «Что, лѣкаря, вылѣчите мою дочь?» «Вылѣчимъ». Отведите намъ особу комнату на ночь и изъ трехъ колодцевъ принесите по ведру воды».

Онъ принесъ имъ что́ надо. Пошли они на̀ ночь въ комнату; Миколай угодникъ и говоритъ: «Видѣлъ какъ я дѣлалъ?» «Видѣлъ». «Ну дѣлай какъ я». Кузнецъ разрѣзалъ дочь, а сложить не можетъ, до солнечнаго всхода не могъ. Миколай угодникъ видитъ: дѣло кузнецово плохо,—взялъ сложилъ куски, водой спрыснулъ, и она сдѣлалась дѣвка здра́ва. Приходитъ отецъ. «Живы ли?» «Живы». «Ну, слава Богу!» Взошли въ домъ, онъ ихъ угостилъ и далъ имъ денегъ еще больше. Миколай угодникъ за деньги не б р а л с ѝ, а бралъ кузнецъ и наклалъ фунтовъ десять бумажекъ. «Довольны?» «Довольны, хозяинъ». Пошли они городомъ и зашли въ лавку, купили по куску калача и пошли въ свое село, къ Волгѣ. Миколай угодникъ говоритъ: «Давай, товарищъ, отдохнемъ: я что-то усталъ». Сѣли отдохнуть, по куску съѣли. «Давай, кузнецъ, деньги дѣлить. Я отъ тебя уйду, а ты домой ступай!» Кузнецъ началъ раскладывать на двѣ кучи и тряхнули жеребій. Тому куча и другому куча. Миколай угодникъ пошелъ поразгуляться, а кузнецъ изъ его кучи перекралъ деньги. Приходитъ Миколай угодникъ. «Что», говоритъ,—«раздѣлилъ?» «Раздѣлилъ» «По ровну́? «По ровну́». «Ты у меня мотри не укралъ ли?» «Нѣтъ». «Бери себѣ всѣ деньги, только скажи мнѣ: ты съѣлъ кусочекъ, или заяцъ?» «Я не ѣлъ твой кусокъ». Сталъ кузнецъ по колѣна въ землѣ. «Скажи, не ты ли? Деньги мнѣ не надо». «Нѣтъ». Сталъ теперь кузнецъ въ землѣ по шейку. «Когда ты не правду говоришь, такъ провались ты въ преисподню отъ меня! Ты неправду говоришь!» Кузнецъ на этомъ мѣстѣ и провалился, и деньги за нимъ пошли.

(Записано отъ Василья Авдѣева, с. Новиковка, Самарск. губ., Ставропольск. у.).

89.

Миколай угодникъ и охотники.

Жили два ш а б р а̀ охотника и ходили они за охотой. Идутъ дремучіимъ лѣсомъ, глухою тропочкой; повстрѣчался имъ старичекъ, святитель отецъ Нико́ла. Они его не узнали и за человѣка

сочитали. И говоритъ онъ имъ: «Не ходите этой тропочкой, охотнички!» «А что, дѣдушка?» «Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ превеликая змѣя и нельзя ни пройти, ни проѣхать». «Спасибо тебѣ, дѣдушка, что насъ отъ смерти отвелъ». Дѣдушка и ушелъ. Постояли охотники и подумали, и говорятъ: «А что намъ, какая вѣща змѣя! Съ нами орудія много. Дерьма-то не убить, змѣю?» И пошли. Дошли и видятъ: превеличающій бугоръ казны на тропочкѣ, и разсмѣхнулись другъ съ дружкой: «Вонъ онъ что̀, старый дуракъ, намъ сказалъ! Кабы мы не пошли, онъ бы казну-то взялъ, а теперь ее намъ не прожить». Сидятъ и думаютъ, что̀ дѣлать. Одинъ и говоритъ: «Ступай-ка домой за лошадью: мы ее на себѣ-то не донесемъ». Одинъ караулить остался, а другой за лошадью пошелъ. Который караулить остался и говоритъ тому, который домой-то пошелъ: «Ты зайди, братъ, къ хозяйкѣ къ моей, хлѣбца кусочекъ привези!» Товарищъ пошелъ домой, приходитъ къ своей женѣ и говоритъ: «Тутъ-то, жена, что намъ Богъ-то далъ!» «Чего далъ?» «Превеличающую кучу казны: намъ не прожить, да и дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ! Ну ка затопи-ка избу, замѣси прѣсную лепешку на ѣдù и на зельѣ! Я ему скажу, что его жена ему прислала». Завернула жена лепешечку на ѣдù и на зельѣ, и спекла сейчасъ. Онъ запрегъ лошадь и поѣхалъ. А товарищъ ружье зарядилъ и думаетъ: «Вотъ какъ онъ пріѣдетъ, я его хлопъ — всѣ деньги-ти моѐ, а дома скажу, что не видалъ его». Подъѣзжаетъ къ нему товарищъ; онъ прицѣлился да и хлопъ его, и убилъ. Самъ подбѣжалъ къ телѣгѣ,—прямо въ сумку; лепешечки поѣлъ и самъ умеръ. И казна тутъ осталась: съѣла змѣя обѐихъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

90.

Перегорѣлая заря.

Пахалъ мужикъ пашню, а въ это время на небѣ заря перегорала (вечеръ былъ). Вотъ попадается ему на встрѣчу старичекъ. «Скажи, мужичекъ, къ чему это заря перегораетъ?» «Да къ ненастью,

старинушка». Старичекъ (а это самъ Николай угодникъ былъ) перевелъ мужика черезъ оглоблю, оборотилъ его конемъ и началъ на немъ землю пахать. На другой день опять мужику попадается и спрашиваетъ: «Ну, къ чему заря на небѣ перегораетъ? Къ ненастью?» (А день свѣтлый стоитъ, да теплый). Тотъ и повинился, что не знаетъ. «Ну, то-то, никогда не говори къ чему».

(Записано въ Симбирскѣ).

91.

Илья Пророкъ и Миколай угодникъ.

Жилъ одинокій парень. Поѣхалъ онъ пахать, пшеницу сѣять. Разсѣялъ и пашетъ, за собой борону возитъ. Упирается концемъ въ большую дорогу — по ней идетъ Илья Пророкъ и Миколай угодникъ. Парень пашетъ и пѣсни поетъ. Илья Пророкъ и говоритъ: «Что это, Миколай, какой парень веселый?» Миколай отвѣчаетъ: «Видно лошади у него слава Богу ходятъ; нужды не имѣетъ, вотъ и поетъ». Подходятъ старики. «Богъ помочь тебѣ, добрый молодецъ!» «Подите», говоритъ,—«добро пожаловать, старички любезные, ко мнѣ!» Илья и говоритъ: «Что ты больно веселъ?» «Что мнѣ не веселиться? Лошадки ходятъ, ничего. Мнѣ больше ничего не надо, только бы батюшка Миколай угодникъ пшенички зародилъ». Пошли старики, Илья и говоритъ: «Миколай!..» «Что, Илья?» «Что это парень сказалъ? Рази ты родишь пшеницу? Вѣдь не ты, а я премудрость эту творю». «Какъ же», говоритъ Миколай,—«его судить? Онъ человѣкъ простой: онъ нашего дѣла не знаетъ». «Ну, хорошо», говоритъ,—«я ему пшеницу урожу, по колѣна будетъ, а послѣ градомъ побью». Миколай, отобравши рѣчи отъ Ильи, приходитъ къ парню въ домъ. «Я къ тебѣ». «А что?» «Пришелъ научить». «Добро жаловать, скажи что знаешь?» «Ты эту пшеницу продай». «Дѣдушка, я не знаю что̀ за нее и просить. Хороша больно пшеница: въ колѣно уродилась». «Да проси, сто рублей дадутъ за десятину». «Онъ продать ее п о с ы к н у́ л с я; сладилъ богатый ее за сто цѣлковыхъ. Прошла недѣля, взмыло тучу большую, прошла гроза

и громъ, и побило эту пшеницу градомъ. Приходитъ Миколай къ Ильѣ пророку, а тотъ и говоритъ: «Я что̀ тебѣ, Миколай, сказалъ, то и сдѣлалъ: градомъ побилъ». «Да вѣдь она не того парня: онъ ее продалъ. Ты праваго разорилъ». «Ну, ладно, у меня отъ этой градобойной пшеницы онъ двадцать сотъ нажнётъ съ десятины».

Приходитъ Миколай угодникъ къ парню и говоритъ: «Купи назадъ пшеницу-то у мужика». Парень пошелъ. «Вѣдь она больно побита». «Ничего, купи; скажи, что на кормъ скосить годится». Купилъ парень пшеницу за десять рублей десятину. Пшеница пошла и пошла, вы́жалъ онъ ее, двадцать сотъ нажалъ. Приходитъ Миколай угодникъ и Илья пророкъ. Илья и говоритъ: «Вотъ у кого я градомъ убилъ, тому и зародилъ: онъ ее и выжалъ совсѣмъ». «Ну, онъ выжалъ, да опять тотъ-же, что сѣялъ: онъ назадъ купилъ». «Ахъ», говоритъ Илья,—«ну я ему умоло́ту не дамъ въ ней». Приходитъ Миколай къ парню. «Я опять къ тебѣ. Молотить будешь, сади на овинъ да не по многу, по пяти сноповъ: въ углы по снопу поставь, пятымъ окошко заткни». Весь годъ онъ ее молотилъ и всю обмолотилъ; со снопа по пудовкѣ сходило. Миколай угодникъ приходитъ къ Ильѣ пророку. Илья пророкъ говоритъ: «Вотъ, Миколай, какъ я сказалъ, чтобы по пяти пудовокъ съ овина сходило, такъ и сдѣлалъ». «Да онъ вѣдь немного и садилъ: всего по пяти сноповъ. Такого умолоту сроду и не было: по пудовкѣ со снопа». «Ну, я ему примо́лу не дамъ, когда на мельницу повезетъ». Миколай приходитъ къ парню: «Ты», говоритъ,—«на мельницу вези всего три пудовки». Онъ повезъ, смололъ, а осталось только двѣ. Миколай угодникъ и говоритъ парню: «Ну что, пудовку Илья великій у тебя укралъ?» «Да, нѣтъ», говоритъ,—«пудовки». «Ты вотъ что̀ сдѣлай: придетъ воскресенье, испеки ты изъ этой пшеничной муки два пирога: первый пирогъ съ молитвой посади и второй—тоже. Ступай къ обѣднѣ, одинъ пирогъ положи на голову, а второй подъ пра̀ву пазуху». Пошелъ парень къ обѣднѣ, такъ и сдѣлалъ. Встрѣтился ему на дорогѣ человѣкъ, не старъ и не молодъ, и спрашиваетъ: «Куда ты, добрый молодецъ, пирожки несешь?» Онъ отвѣчаетъ: «На головѣ — батюшкѣ Ильѣ великому, а подъ правой пазухой Миколаю угоднику». Всходитъ на папѐрь и въ церкву. Илья пророкъ увидалъ. «Вонъ», говоритъ,—

«Миколай, мнѣ несетъ пирогъ на головѣ, а тебѣ подъ правой пазухой!» «Эхъ, Илья великій, ты вѣдь чиномъ-то посвыше меня—онъ тебѣ и пирогъ выше несетъ, а я—по ниже и пирогъ по ниже. А ты еще у него пудовку на мельницѣ уничтожилъ, обидѣлъ его!» «Эхъ», говоритъ,—«Миколай угодникъ, тогда горько было! Онъ такъ сдѣлалъ самъ; а теперь», говоритъ,—«онъ будетъ весь годъ двѣ пудовки брать и убывать не будетъ».

(Абрамъ Новопольцевъ).

92.

Микола Милостливый.

Вотъ Микола живетъ на землѣ и творитъ добрыя дѣла и чудеса великія. Господу каждый день и докладываютъ у обѣдни на небесахъ о дѣлахъ Миколы, а Михайла Архангелъ и Егорій находятся при Господѣ и слышатъ, что Миколѣ-то больше почету и на землѣ и на̀ небѣ, хотя ихъ Богъ тоже почитаетъ какъ и Миколу. И слышатъ: ему на землѣ два престола, а у нихъ по одному. Вотъ Михайла Архангелъ и говоритъ Егору-то храброму: «Да что же Микола-то какія дѣла такія особенныя творитъ? Дава-ка попросимся у Бога, чтобъ отпустилъ; съѣздимъ да посмотримъ, а я придумаю такую задачу, что его перешибу. «Нѣтъ, братъ, не перешибешь! Нѣтъ, вѣдь Микола-то, братъ ай ай мудёръ.

Какъ они говорили, Богъ и услыхалъ, позвалъ Михайлу и Егора храбраго и говоритъ имъ: «Съѣздите», говоритъ,—«къ Миколѣ Милостливому и другимъ святителямъ, и доложите мнѣ о ихъ дѣлахъ». Вотъ они взяли лошадей, жеребцовъ; Михаила-то—бѣлаго, а Егоръ-то—черной масти, и поѣхали на землю. Пріѣхали къ Миколѣ. Въ избушкѣ онъ ихъ не встрѣчàтъ; въѣхали на дворъ—тоже его нѣтъ... Привязали коней къ столбамъ, вошли въ избу, помолились Богу, смотрятъ—и въ избѣ его нѣтъ. Михайла и говоритъ: «Куды это дѣвался?» «Мотри, говоритъ Егоръ, чать добро какó творитъ: онъ вѣдь безустанный». Сѣли за столъ—поѣсть захотѣли. Михайла говоритъ: «Пора бы пообѣдать: съ дороги-то

я больно проморился!» «И я, братъ, хочу». Только сказали— Микола-то и входитъ; помолился Богу и говоритъ: «Здравствуйте», говоритъ,—«ангелы Божьи!» «Да какъ ты», спрашиватъ Михайло,— «насъ узналъ?» А Микола-то отвѣчатъ: «Чай», говоритъ,—«духъ-то Божій вы отъ меня не скроете! Садитесь, милости прошу». «Да ты вотъ что, Микола: что́ насъ усаживать-то? Ты насъ покорми: мы проголодались». «Да чѣмъ я васъ покормлю? Вотъ три просвирочки есть». «Да этого маленько; гдѣ намъ сытымъ быть?» «Богъ милостивъ, будемъ сыты. Погодите, схожу и принесу. Садитесь!» Сѣли они за столъ, а Микола вышелъ за просвирками. Какъ онъ вышелъ, Михайло Егору-то и говоритъ: «А я, братъ, придумалъ задачу. Ужъ онъ ее не разгадатъ!» «Нѣтъ, братъ, разгада́тъ», «Нѣтъ, не разгада́тъ!» «Ну, посмотримъ». Микола взошелъ, положилъ три просвирки, и стали закусывать. Михайло и спрашиватъ Миколу: «Гдѣ ты, Миколушка, пропадалъ это? Мы тебя дома вотъ не застали». «Да у мужичка лошадь утонула въ грязѣ, такъ я ему помогалъ лошаденку-то вытащить, да возъ съ дровами наложить». «То-то на тебѣ и рубаха-то грязновата». Въ это время вотъ Михайло-то и говоритъ Миколѣ: «А что, Микола, разгадашь ли каку тебѣ задачу загану? Ужъ ты, братъ, скоро не разга̀нешь!» «Можетъ статься». «Нѣтъ, однако попробуй!» «Отчего не попробовать?» «Ну, слушай: сдѣлай ты бѣднаго мужика богатымъ, а богатаго бѣднымъ вотъ въ этомъ селѣ, что у васъ-то тутъ есть. Сможешь ли?» «Попытаю». «Ну, братъ, прощай! Спасибо за хлѣбъ за̀ соль». «Прощайте, ангелы Божьи; только я васъ провожу со двора-то». Вышли они на крыльцо, посмотрѣли на своихъ лошадей, не разберутъ чьи это лошади. Михайло смотритъ на своего бѣлаго коня, а голова-то у него вороная, а сѣдло-то его; Егоръ смотритъ на своего воронаго коня, а рыло-то у него бѣло, а сѣдло-то, смотритъ, его. «Что за притча, братцы? Микола, а Микола! Мотри, ты это подшутилъ? Какъ это такъ? Ты, братъ, насъ безъ лошадей оставилъ!» «Какъ безъ лошадей? Вотъ разбирайтесь, чья лошадь-то». «Сзади, да по сѣдлу-то наши, да головы-то не ихъ. Мы вѣдь, братъ, теперь не разберемъ своихъ-то лошадей! Нѣтъ, ужь ты, Микола, насъ отъ этого ослобони». «Да вы сами вѣдь, ангелы Божьи, можете это сдѣлать-то?» «Нѣтъ, братъ, ужь отъ этой оказіи насъ избавь. Мы знамъ, что ты святитель великій,

только намъ чудесъ у тебя творить не подобаетъ. Когда это ты успѣлъ?» «Да вотъ, какъ пошелъ за просвирами-то, вамъ подать—подошелъ къ лошадямъ-то, отрубилъ имъ головы, одну на другую и переставилъ». «Ишь ты, братъ, какъ того... подшутилъ!» Взялъ Микола при нихъ топоръ, снова отрубилъ лошадямъ головы, переставилъ какъ слѣдуетъ, спрыснулъ съ молитвой богоявленской водицей—головы опять срослись, и лошади ожили. «Ну, братъ, спасибо тебѣ! Прощай, братъ! Мы къ тебѣ, Микола послѣ заѣдемъ. Про задачу-то не забудь!» «Ладно». И поѣхали.

Егоръ-то и говоритъ Михайлѣ: «А что, Михайло, Микола-то намъ удружилъ ловко!» «Ловко-то ловко, а задачу мою не разгадàтъ». «Нѣтъ, братъ, разгадатъ: онъ, братъ, вѣдь дóка! Онъ вѣдь старинный чудотворецъ». «Ну, нѣтъ, братъ, не разгадатъ». Вотъ они поѣхали по святителямъ, а Микола вошелъ въ избу, помолился Богу и пошелъ тутъ къ одному бѣдному мужичку. Пришелъ къ нему и говоритъ: «Богъ пóмочь!» «Да какá отъ Бога мнѣ помощь, Миколушка? Чать ты самъ знашь—отъ голоду помираю». «Богъ милостивъ! Богъ невидимо подаетъ. Я тебѣ пришелъ, посовѣтовать, слышишь. Ты поле-то засѣялъ?» «Засѣялъ». «И сосѣдъ-то твой, богачъ-то, засѣялъ. Смотри: какъ у тебя озими-то хороши будутъ, а у него подопрѣютъ, онъ будетъ у тебя покупать озимь-то, такъ ты смотри не плошай: продавай по подходящей тебѣ цѣнѣ. Больно-то не ломайся въ цѣнѣ-то, какъ онъ будетъ надбавлять: помни Бога!» «Вѣрно ли ты говоришь?» «Вѣдь ты чай меня знашь? Колѝ я тебѣ вралъ?» «Ладно послушаюсь». Какъ пришла весна-то, у бѣднаго мужика хоть глядѣть и плохіе всходы, да часты и ровны; у богатаго диво что̀ за всходы! Такъ и щетинятся, такъ и зеленѣютъ! У бѣднаго мужика идутъ чуть-чуть, да ровненько, а у богатаго такъ и кустятся. Вдругъ пошли дожди, такъ и зáлили. Идутъ день, два, недѣлю и вдругъ перестали. У богатаго не устояли: отъ силы полегли; а у бѣднаго въ ростъ пошли, всѣмъ на диво. У бѣднаго урожай большой получился; у богатаго—нѣтъ ничего. Вотъ Микола снова пришелъ къ этому бѣдному. «Богъ помочь тебѣ, дружище! Что, какъ поживашь?» «Нынѣ, слава тебѣ Господи, вздохнулъ». «Что такъ вздохнулъ хорошо?» «Эхъ, кабы Богъ милостью своей не оставилъ! Урожай-то какой! Кабы только убрать нынѣшній годъ, горевать не буду и

Богу жаловаться на нужду». Вѣдь я тебѣ всегда говорилъ: Богъ милостивъ». «Такъ-то такъ, а нужда, Микола, не свой братъ. При нуждѣ, братъ, по неволѣ волкомъ запоешь». «Не тужи: Богъ милостивъ! Только вотъ что̀, голова, я тебѣ скажу: какъ богатый-то къ тебѣ придетъ хлѣбъ покупать, ты, братъ, въ цѣнѣ-то не стой; подходящу цѣну съ него бери, а на эти деньги-то прикупи себѣ землицы-то, да посѣй, братъ, яровое. Еще при нынѣшнемъ лѣтѣ поспѣетъ; а можетъ онъ тебѣ по знакомству свою-то землю и даромъ подъ яровое отдастъ. Да онъ и знать, что ты человѣкъ-то бѣдный да семейный. У тебя вѣдь семеро по лавкамъ сидятъ». «Спасибо тебѣ, Микола, за совѣтъ, только послу́шь ты меня: не поздно-ли яровó-то сѣять?» «Съ Божью помощью валяй! Что Богъ дастъ. Прощай, братъ!» «Прощай, Миколушка, дай Богъ тебѣ добраго здоровья!»

Лишь Микола ушелъ, богатый-то къ бѣдному и приходитъ. «Продай мнѣ, дружище, хлѣбъ-то на корню!» «Изволь. Что дашь?» «Въ цѣнѣ тебя не обижу, и за пашню уплачу». Далъ онъ ему сто рублей за десятину. Бѣдный согласился. Какъ получилъ сто рублей-то, и говоритъ богатому: «Послушай, добрый человѣкъ, уступи мнѣ землицы-то, на которой ржаное-то пропало». «Что-жъ возьми!» «Что ты возьмешь за все?» «Возьми даромъ». «Спасибо тебѣ, родимый!» Вотъ бѣдный-то, взявши эту землю-то, вспахалъ да и засѣялъ яровымъ. У богатаго урожай на купленной землѣ, и у бѣднаго урожай; только у богатаго большой урожай, а у бѣднаго на такой же десятинѣ глядѣть урожай меньше. У богатаго всѣмъ хлѣбъ вышелъ: и соломой, и колосомъ, а у бѣднаго больше колосомъ да наливомъ, и стоитъ хлѣбъ, къ землѣ не клóнится. Егорій съ Михайлой и идутъ мимо полей-то, и смотрятъ. Вотъ Егорій и говоритъ: «Смотри, Михайло, и у бѣднаго урожай, и у богатаго-то». «А что?» «А все гляди меньше ростомъ-то». «А хлѣбомъ-то какъ?» «И хлѣбомъ, братъ, меньше будетъ». «Да отчего ты думашь?» «Опоздалъ, братъ, сѣвомъ-то, да дожди не во время шли». Передъ наливомъ, братъ, въ растъ, въ самый растъ». «Такъ ту такъ, знаю я—въ растъ, да молочко-то немного поприсохло у яроваго». «Да ты смотри какó зерно». «Нужды нѣтъ, да все-таки хлѣба-то мало, да и поля-то меньше у него чѣмъ у богатаго». «Смотри, братъ, а вѣдь тутъ что-нибудь Микола чудитъ!»

«Знáмо ужь Микола, а все-таки ничего противъ этого не подѣлатъ».

Наступила осень. Стали хлѣбъ убирать богатый и бѣдный. Бѣдный гдѣ возьметъ снопъ, тамъ богатый—на своей землѣ пять, шесть сноповъ. Тамъ гдѣ бѣдный возьметъ десятокъ, тотъ—втрое больше. У богатаго такъ гумно отъ хлѣба и валится, а у бѣднаго стоятъ только большія копны, не больше трехъ. Только бѣдный насилу свой хлѣбъ перевозилъ, не въ моготу даже его лошаденкѣ. Вотъ богатый и бѣдный стали строить овины; построили и думаютъ, что на другой день нужно хлѣбъ сушить. Бѣдный только лишь помолился Богу и хотѣлъ ложиться спать и задумалъ, какъ ему такой хлѣбъ сушить и сколько сноповъ класть на овинъ, слышитъ кто-то говоритъ: «Господи Іисусе Христе! Сыне Божій, помилуй насъ!» Быдто Миколинъ голосъ: «Аминь. Кто тамъ?» «Я—Микола». «Что ты, батюшка, такъ поздно меня навѣстилъ?» «Да вотъ ты молился, меня на совѣтъ призывалъ—я и пришелъ подать совѣтъ, какъ снопы-то сушить». «Ахъ, спасибо тебѣ, отецъ ты мой родной! Ужъ и самъ я объ этомъ думалъ, думалъ—ума не приложу, какъ мнѣ дѣло сдѣлать-то». «Ты вотъ что: ты сотню-то на овинъ не клади: они овинъ-то свалятъ и сгорятъ, а ты помолись Богу, въ чело—снопъ, да по бокамъ по снопу, да взадъ снопъ, крестъ на крестъ. Они у тебя весь овинъ-то и покроютъ». «Вотъ, родимый, ты меня на путь-то наставилъ. Спасибо тебѣ, а я все мекалъ, мекалъ, какъ я сто сноповъ-то положу! Никакъ, знашь, не уложу, да и силы-то у меня не хватитъ на нихъ; а по четыре-то просушишь. Знамо теперь просушу. Дай тебѣ Богъ милости за добрый совѣтъ!» «Ну, прощай, братъ!» «Прощай ты, кормилецъ мой! Дай Богъ тебѣ добраго здоровья!»

Мужикъ сейчасъ-же отправился на овинъ, помолился Богу и сталъ ставить крестомъ снопы, съ молитвой. Поставилъ четыре снопа и смотритъ диво: овинъ-то весь и покроютъ; куницѣ негдѣ клюнуть, чуть парóкъ только идетъ! А богатый ставитъ на такой-же овинъ сто сноповъ, а дымъ такъ сквозь снопы и валитъ. Посмотритъ на бѣднаго и жалѣетъ кабы онъ хлѣбъ-то у себя не испортилъ, и думаетъ: «Не торопится ли онъ хлѣбъ-то сушить? Не черезъ мѣру ли навалилъ сноповъ-то?» Вотъ пришло время—и богатый и бѣдный высушили, обмолотили хлѣбъ. Бѣдный-то дúву

дается, смотритъ на хлѣбъ, не нарадуется, благодаритъ Господа Бога: груды такія, что и не сказать, а клалъ, помнитъ, на овинъ по четыре снопа. Убралъ хлѣбъ—въ амбаръ некуда дѣвать. Продалъ остатки и разбогатѣлъ на диво; а годъ-то былъ не урожайный и голодный. А богатый собралъ и много хлѣба, да продать нельзя, только свою семью прокормить, да лошадей, да на сѣмена. Бѣдный и богатый засѣяли поля; наступилъ годъ-то неурожайный—гдѣ у нихъ хлѣба-то подопрѣли, гдѣ вымокли, гдѣ морозомъ сгубило; бѣдный-то остался съ хлѣбомъ и съ деньгами, а богатый-то чуть только себя прокормить, да денегъ-же не осталось у него ничего: все израсходовалъ на покупку хлѣба-то.

Михайло съ Егоромъ, побывавши у святителей, посмотрѣли, какъ они живутъ, какі́ дѣла творятъ, на возвратномъ пути заѣхали къ Миколѣ. Въ этотъ разъ дома застали. Пришли къ нему въ избу, помолились Богу; посадилъ онъ ихъ за столъ и сталъ угощать чѣмъ Богъ послалъ. За столомъ Михайло и говоритъ Миколѣ: «А что, Микола, мою задачу чай ты не рѣшилъ?» «Не знай какъ, посмотримъ». «Да вѣдь я проѣзжалъ полями-то, видѣлъ: у бѣднаго-то былъ урожай, да все не такой, что у богатаго-то». «Такъ-ту такъ, а ты былъ ли у него на гумнѣ-то?» «Да что мнѣ быть-то?» «Какъ что? Ты видѣлъ по сколькі́ они сушили?» «Нѣтъ». «То-то нѣтъ, голова. А ты вотъ что̀ возьми въ разумъ-то: богатый по сотнѣ на овинѣ сушилъ, а бѣдный-то по четыре снопа!» «Ой ли!» «Видитъ Богъ! Я тебѣ говорю». «Не можетъ быть!» «Вѣришь-ли Богу? Ты смотри-ка, какъ бѣдный-то живетъ». «Какъ?» «И деньги есть, и хлѣбъ есть, и почетъ есть, а тотъ корни жуетъ». «Ишь ты! Вѣрно-ли?» «Поди, посмотри!» Егоръ и говоритъ: «Я те говорилъ, Михайло, не перешибить тебѣ Миколу: онъ братъ, всяку задачу обдѣлатъ!» «Вѣрю, вѣрю! Правда твоя, Микола». «Ну ужь вотъ что̀, Микола: въ этотъ разъ ты меня перешибъ, такъ рѣши другу́ задачу. Сдѣлай милость, ужь утѣшь въ послѣдній разъ меня! Какъ, братъ, насытить жаднаго до денегъ?» «Посмотрю». «Такъ мы вотъ что̀: мы тебя снова навѣстимъ по этому случаю». «Милости прошу».

Михайло и Егоръ уѣхали, а Микола собрался въ путь; взялъ съ собой сумочку да подожо́къ и пошелъ дорогой на то село, въ которомъ жилъ попъ съ попадьей, и оба они были жа̀дны. Всего

у нихъ было вдоволь, а имъ все казалось мало. Попадья-то была еще жаднѣе попа, и говоритъ: «Что у тебя доходовъ мало?» «Да бабы мало родятъ, а то бы за родѝны, за крестины все бы былъ доходъ и ктому-жъ молебновъ мало». А попадья-то добавляетъ: «Да вотъ, и мрутъ мало, Господи! Хоть бы ты послалъ каку египетску страсть! А ты все-таки чѣмъ-нибудь займись. Что толку ты ничего не дѣлашь». И начала, и начала причитать. Такъ д о ѣ л а попа, что попъ собрался и пошелъ къ Миколѣ посовѣтоваться (зналъ, что онъ ему въ этомъ поможетъ, какъ свою супружницу ублаготворить). Вотъ попъ идетъ, а на встрѣчу ему — Микола милостивый. Попъ Миколу-то не узналъ и спрашиваетъ: «Куды ты, старче, идешь?» «Да въ городъ», говоритъ,—«иду къ богатому купцу, сына лечить. Ужъ нѣсколько лѣтъ онъ хвораетъ». « Р а з и ты это сможешь?» «Съ Божьей помощью, знамо, смогу. Хочешь и тебя этому научу, какъ людей лечить? Купецъ наградитъ ужъ что твоей дýшенькѣ хочется». «Возьми, братъ, меня съ собой!» «Пойдемъ».

Пошли они по дорогѣ; шли, шли, а все города не видно. Порядкомъ устали: попъ ужь на силу ноги тащитъ. Наступàтъ вечеръ — попъ и говоритъ Миколѣ: «Давай, старче, отдохнемъ. Я ужь усталъ, да и закусить пора». «Давай», говоритъ,—«отче, отдохнемъ». «Да какъ ты узналъ, что я попъ?» «Да по лику-то видно и по одѣянью, что ты отецъ». «Вѣрно твое слово». Дошли они до ручейка, сѣли на травку и думаютъ чего бы имъ поѣсть. Микола и говоритъ: «Вотъ у меня есть двѣ просвирочки. Давай, прежде отдохнемъ, а какъ встанемъ, и поѣдимъ, да въ дорогу отправимся». «Нѣтъ, братъ, лучше поѣдимъ». «Нѣтъ, братъ, передъ дорогой-то лучше поѣсть: на животѣ крѣпче будетъ». «И то ладно». Оба легли. Микола легъ и заснулъ, а попъ притворился, что спитъ, увидалъ, что Микола заснулъ, всталъ да тихонько обѣ просвирки-то и съѣлъ, потомъ легъ и притворился, что спитъ. Проснулся Микола, полѣзъ въ сумочку, смотритъ, а просвирокъ-то нѣтъ. «Куды это дѣвались просвирки?» «Не знаю, говоритъ попъ.—«Да были ли онѣ у тебя?» «Колѝ не быть! Были. Бываетъ же эдака жадность у людей, что обѣ съѣли, и свою, и чужую! Пойдемъ, братъ, въ путь дорогу. Дѣлать нечего! Богъ милостивъ; не умремъ—живы будемъ». «Пойдемъ, старче». А самъ попъ покрякиваетъ, схватываетъ за

животъ себя. «Пусто», говоритъ,—«на животѣ-то. Не знай ужь, какъ я дотащусь до города-то». «Айда! Богъ милостивъ!» Пошли. Кое какъ дошли до города; пришли къ купцу, попросились переночевать, какъ будто странники прохожіе, богомольцы какіе-нибудь. А купецъ съ купчихой всѣхъ странниковъ у себя пріючали, и поили, и кормили, просили ихъ помолиться о здравіи сына. И попа съ Миколой пригласили, и угостили какъ странниковъ. Микола и говоритъ купцу съ купчихой: «Я вамъ отъ Бога милость принесъ!» «Какую, дорогой ты нашъ?» «Да вотъ я пришелъ вашего сына вылѣчить». «Ой ли, родимый? Гдѣ тебѣ вылѣчить? Онъ двѣнадцать лѣтъ недвижимо лежитъ». «Эхъ, милость Божья велика! У Бога и мертвые воскресаютъ. Давайте-ка я полѣчу». Купецъ и купчиха задумались, взглянули другъ на друга. «Что жь, родимый, полѣчи; а ужъ мы казны не пожалѣмъ». «Мнѣ не надо казны, а чѣмъ наградите, я и тѣмъ буду доволенъ. Натопите-ка баню, да припасите три корыта, да воды холодной да теплой; да его и перевезите туда». «Да какъ мы его перевеземъ? до него и дотронуться нельзя: онъ весь у насъ а х о в ы й теперь». «Нич его перевезите». Послушались Миколы, сдѣлали по его. Онъ взялъ. съ собой попа и ножикъ и отправился въ баню. Затворился съ попомъ въ банѣ-то, помолился Богу и говоритъ попу: «Ну, смотри, отче: какъ я буду его лѣчить, такъ и ты дѣлай, если сумѣешь» «Ладно», говоритъ попъ. Микола взялъ ножикъ и давай купеческаго сына рѣзать всего на̀ крестъ: и голову на̀ крестъ, и грудь на̀ крестъ, и брюхо на̀ крестъ. Разрѣзалъ всего на куски, промылъ въ теплой водѣ, потомъ въ холодной, взялъ, сложилъ его въ третье корыто, какъ слѣдуетъ быть человѣку; спрыснулъ богоявленской водицей—все тѣло-то и срослось, а мертвый еще: не дышитъ. Потомъ взялъ да на него и дунулъ; значитъ, Божій духъ въ него пустилъ. Купеческій сынъ проснулся, ужь такой молодецъ, такой красавецъ, такой п и с а н ы й г л а з о́ к ъ, что и не сказать! И говоритъ: «Эхъ, какъ я долго спалъ!» «Поди, попъ, сходи за отцомъ, за матерью, проси ихъ сюда». Тѣ пришли: такъ оба и обмерли. Видятъ чудо: сынъ ихъ здоровъ! Какъ опомнились, и давай его цѣловать и отъ радости плакать; а Микола съ попомъ пошли опять въ застольную къ купцу. Отецъ съ матерью сына взяли, пригласили Миколу и попа, и давай ихъ

угощать. Попъ такъ все и жретъ, какъ помеломъ со стола мететъ, а Микола ѣстъ мало. Его угощаютъ, а Микола говоритъ: «Куды мнѣ, старику?» «А вы, кормильцы, ѣшьте до́ сыта!» Вотъ попъ набилъ брюхо и говоритъ: «Нѣтъ ужь ослобоните!» Встали изъ-за стола, помолились Богу и стали съ хозяевами прощаться. Купецъ съ купчихой сейчасъ же принесли страшѣнную чашку золота и насыпали полну сумку Миколѣ; поблагодарили его съ попомъ, а Микола и попъ купца и купчиху — за угощеніе, и пошли опять въ путь, домой.

Попъ дорогой-то и говоритъ Миколѣ: «Чать ты со мной, братъ, казной-то подѣлишься?» «Знамо дѣло, подѣлюсь». «Да давай, братъ, здѣсь раздѣлимся». «Вотъ дойдемъ до того ручейка, гдѣ отдыхали, тамъ и раздѣлимъ». «А здѣсь что?» «Да все ужъ лучше на мѣстѣ; и отдохнемъ. «Раздѣлимъ казну-то, да и разойдемся по разнымъ дорогамъ». «Ладно. Айда только поскорѣе!» «Айда, айда!» Дошли; сѣли на лужокъ. Микола высыпалъ золото и давай его дѣлить на три кучи и приговаривать: «Это—лѣкарю, это—помощнику, это—исцѣлителю, это—лѣкарю, это—помощнику, это—исцѣлителю»... и т. д. Раздѣлилъ на три кучки, а попъ все слушалъ. «Ну», говоритъ,—«отче, выбирай котору тебѣ». «Да вѣдь ты сказалъ, что раздѣлишь по́ровну? Да какъ по́ровну, когда ты раздѣлилъ на три?» «Да я раздѣлилъ по правдѣ». «Да какой», говоритъ попъ,—«правдѣ-то?» «Да вотъ смотри: это—лѣкарю, это — помощнику, а это—исцѣлителю». «Да кто-же исцѣлитель-то?» «Ты вотъ и разсуди. Коли разсудишь и куча твоя!» «Да я, знашь, молитву Богу-то читалъ, Духа-то призывалъ». «Ну, такъ и бери: значитъ она твоя». Попъ обрадовался, что получилъ много денегъ; а жаль ему стало и третьей кучи, и говоритъ Миколѣ: «Послушай, старичекъ, куда тебѣ деньги? У меня жена, родные есть — всѣмъ надо помочь»... «А коли тебѣ нужны и эти деньги, возьми и ихъ»... Попъ обрадовался; едва дышитъ и говоритъ Миколѣ: «Прощай, старче, спасибо тебѣ!» Микола ему и говоритъ: «Ну, такъ видѣлъ, какъ я лѣчилъ?» «Видѣлъ». «Сможешь ты эдакъ лечить?» «Знамо, теперь смогу. Прощай, братъ! Мнѣ некогда». «Прощай, и мнѣ ужь пора до дому». Разстались.

Микола пошелъ домой и попъ пошелъ домой. Приноситъ казну несмѣтную, высыпатъ передъ попадьей на столъ. Попадья обрадо-

валась и спрашивать его: «Какъ это ты нашелъ?» «Богъ, говоритъ, послалъ. Довольно что ли тебѣ, попадья?» «Довольно-то довольно, а все бы еще не мѣшало». «А ты, дура, и этимъ будь довольна!» «Самъ ты дуракъ, старый чортъ! Какъ захворашь самъ-то, кто будетъ за тобой ходить? А за деньги-то всякій!» «Тебѣ и этого мало?» «Знамо, мало». «Ну, я буду людей лечить». «Какъ людей лечить?» «Ужъ это мое дѣло». Попадья ушла на кухню, а тутошный крестьянинъ пришелъ въ кухню-то и говоритъ: «Матушка, нѣтъ ли у тебя какого снадобья, чѣмъ бы сына полечить?» «Да что онъ у тебя?» «Вотъ ужъ три недѣли головы не подымаетъ, умираетъ, сердечный, совсѣмъ умираетъ». «Погоди, вотъ я батюшкѣ скажу. Отецъ, отецъ, поди-ка сюда!» Попъ услыхалъ, что попадья его кричитъ, пришелъ на кухню и спрашиваетъ: «Ты что, мать, орёшь?» «Да вотъ у этого мужика-то сынъ умираетъ, такъ ты полѣчи его». «Хорошо. Поди истопи баню, я сейчасъ къ тебѣ приду». Мужикъ ушелъ топить баню; попъ взялъ ножикъ и отправился къ мужику сына лѣчить. Взялъ его въ баню, положилъ въ корыто и давай рѣзать на куски, живаго-то; а тотъ орётъ недаровымъ матомъ!

Изрѣзалъ всего, вымылъ въ теплой водѣ, потомъ въ холодной, сложилъ куски-то, взбрызнулъ богоявленской водой—хвать тѣло-то не срастается! Попъ такъ и обмеръ, руки индо затряслись. Схватилъ всю бутылку съ водой и давай его поливать, а тѣло не срастается. Бился, бился, а тѣло изрѣзано лежитъ. И давай попъ кричать: «Батюшки, помогите!» Прибѣжали и видятъ: крестьянскій сынъ весь изрѣзанный лежитъ. Спрашиваютъ попа: «Что ты, злодѣй, надѣлалъ?» «Грѣхъ», говоритъ,—«меня попуталъ». Взяли попа и по начальству отправили. И стали его судить и такъ засудили, что не тóкмо что золота у попа не осталось — ни кола и ни двора. Голѣе сталъ всякаго нищаго. Тогда и судить его бросили. Попъ съ попадьей остались рады и довольны тѣмъ, что живы остались.

Михайло Архангелъ объ этомъ узналъ. «Ну», говоритъ,—«Микола, ты перешибъ меня! Задачу обдѣлалъ какъ слѣдовать! Нѣтъ, тебѣ Микола, подобать два престола-то». Михайло съ Егоромъ поѣхали въ небеса, къ Господу Богу. Явились передъ лице Божье, Богъ и спрáшиватъ Михайлу и Егора-то: «Ну, что Микола

подѣлыватъ?» «Много Господи! Великій и мудрый онъ у тебя чудотворецъ!» «Вотъ то-то, ангелы Божьи! И вы себѣ этотъ почетъ заслужи́те».

(Сообщено М. И. Извощиковымъ).

93.

Илья пророкъ и стрѣлецъ.

Жилъ былъ стрѣлецъ и пошелъ разъ на озеро, а Илья пророкъ навелъ на озеро громовую тучу, гремитъ. Укрылся стрѣлецъ отъ грозы въ кусты и видитъ, что человѣчья голова изъ воды то покажется, то спрячется; какъ только мо̀лонья сверкнетъ—она и по̀дъ воду. Громъ ударитъ въ это мѣсто, а убить не убьетъ (въ водѣ-то). «Что это», думаетъ,—«за человѣкъ?» Дай-ка я выстрѣлю». Выпалилъ, и всплылъ на̀ воду мертвецъ. Стрѣлецъ испугался, что человѣка убилъ, и дра̀ла. Отбѣжалъ много ли мало ли, на встрѣчу старикъ, самъ Илья, идетъ. «Ты на озерѣ», спрашиваетъ,—«былъ?» «Былъ». «Ты человѣка убилъ?» «Нѣтъ». «Нѣтъ, скажи, ты убилъ?» «Нѣтъ». Не сознаётся, знаешь. «Да ты», говоритъ Илья,—«не бойся. Это ты чорта убилъ, мнѣ помогъ: я въ него метился, метился, не могъ д о х и́ т р и т ь с я громовой стрѣлой убить. На ка вотъ возьми мое ружье, а свое мнѣ дай. Изъ него, какъ завидишь такъ и бей!» Взялъ стрѣлецъ ружье и сталъ изъ него бить чего только ни завидитъ. Б а р и н а зависть и взяла. «Продай да продай ружье!» «Нѣтъ, ни за какія деньги!» «Ну, давай на споръ если меня убьешь (а баринъ колдунъ былъ)—тогда твое, а не убьешь—мое». Вотъ и сѣлъ баринъ на колокольню, гдѣ колокола висятъ. «Стрѣляй!» Тотъ выпалилъ, плечо барину р а с ч и б ъ. «Ну», говоритъ,—«ты не убилъ меня! Давай ружье!» Тотъ не даетъ. «Я,» говоритъ,—«въ тебя попалъ». «Ну», говоритъ баринъ,—«теперь въ крестъ выстрѣли, сшибешь ли?» А надъ крестомъ два голубя такъ и вьются. Вотъ стрѣлецъ приложился, бацнулъ и крестъ расчибъ весь и голубей обоихъ убилъ. Тутъ Илья его за эти дѣла слѣпымъ сдѣлалъ, а баринъ послѣ того ружье у стрѣльца себѣ взялъ и самъ сталъ изъ него бить.

(Записано въ Симбирскѣ).

94.

Про Егорія Храбраго.

Ѣхалъ разъ мужикъ лѣсомъ. Дѣло днемъ было, лѣтомъ; только вдругъ видитъ: на овцу волкъ кинулся. Овца испугалась, кинулась подъ телѣгу; волкъ испугался, убѣжалъ. Мужикъ взялъ овцу и повезъ съ собой; проѣхалъ саженъ пять отъ того мѣста, стало ни зги не видно—темная ночь. Онъ диву дался. Ѣхалъ, ѣхалъ и самъ не знаетъ куда, вдругъ видитъ огонекъ. «А», думаетъ,—«это видно гуртовщики; хоть у нихъ спрошу куда ѣхать». Подъѣзжаетъ и видитъ—костеръ разложенъ, а кругомъ волки сидятъ и съ ними самъ Егорій Храбрый; а одинъ волкъ сидитъ въ сторонкѣ, да зубами щелкаетъ. Говоритъ мужикъ, что молъ такъ и такъ, заплутался, не знаю гдѣ дорогу найти. Егорій ему и говоритъ: «Зачѣмъ», говоритъ,—«у волка овцу отнялъ?» «Да она», говоритъ мужикъ,—«ко мнѣ бросилась; мнѣ ее жаль стало». «А чѣмъ же волки-то кормиться будутъ? Вотъ эти, видишь, сытые лежатъ, а этотъ голодный, зубами щелкаетъ. Я ихъ кормлю; всѣ довольны, только одинъ жалуется. Брось ему овцу, тогда укажу дорогу. Вѣдь эта овца была волку обречена, такъ чего ты ее отнялъ?» Мужикъ взялъ и бросилъ волкамъ овцу. Какъ только бросилъ, сталъ опять ясный день и дорогу домой нашелъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

95.

Какъ купцовъ сынъ у Господа въ гостяхъ былъ.

Жилъ былъ именитый купецъ, и у него былъ одинъ разъединый сынъ. Купецъ померъ, осталась одна купчиха и такъ она нищихъ братію не любила—никогда въ комнату къ себѣ не пускала. А сынъ былъ эдакій добродушный и нищую братію принималъ; приметъ и напоитъ, накормитъ. И сдѣлала эта купчиха поминки, и созвала нѣсколько разныхъ лицъ—купцовъ и дворянъ,

а сынъ ея превеличающій сдѣлалъ столъ и созвалъ нищу братію, и подчиватъ нищу братію напаче всѣхъ гостей. Во время, старичекъ нищій восходитъ къ купчихѣ въ комнату и проситъ у ней милостыню. Она милостинку ему не подала, изъ горницы прогнала, да и сказала: «Вонъ ступай, тамъ сынъ у меня есть дуракъ: онъ всѣхъ васъ больно приниматъ, а я на васъ и глядѣть не хочу!» Онъ пошелъ въ заднюю комнату, Богу помолился, нищимъ братіямъ всѣмъ поклонился и у него, около рыла сопли, глядѣть нехорошо. Купеческій сынъ принялъ нищаго, сосчиталъ его за брата и сказалъ: «Хозяйка, утри у братца: у него рыло не хорошо». Она платенце сняла, утерла его какъ должно быть; посадилъ онъ его за столъ и сталъ подчивать. И нѣсколько было тутъ постороннихъ нищихъ.—Всѣ пообѣдали, встали, Богу помолились, за хлѣбъ за соль хозяина поблагодарили и пошли кто куды знаетъ. Старичка хозяинъ оставилъ: «Погоди, братецъ,» говоритъ,—«ты опослѣ всѣхъ пришелъ». Пищи онъ ему добавилъ и накормилъ, напоилъ его какъ слѣдуетъ, и проводилъ. Нищій ему и говоритъ: «Ко мнѣ, братецъ, въ гости приходи». «Гдѣ я тебя найду?» «Я за тобой посла пришлю». Купеческій сынъ сказалъ: «Приду».

Приходитъ время Свѣтло Христово Воскресенье; зазвонили къ заутрени. Купеческій сынъ всталъ, умылся и пошелъ къ заутрени. Говоритъ хозяйкѣ своей: «Да ка мнѣ яичекъ похристосоваться съ попомъ и съ дьякономъ и съ дьячкомъ, да еще одно дай, какой нищій попадется». Она ему четыре яичка дала. Онъ пошелъ, заутреню простоялъ и сталъ весь народъ подходить къ кресту, стали съ священникомъ христосоваться, и онъ также подошелъ и похристосовался: и съ попомъ, и съ дьякономъ, и съ дьячкомъ. Вдругъ обернулся назадъ—стоитъ нищій. Онъ его немножечко призналъ: онъ будто у него на поминкахъ былъ; подошелъ къ нему и говоритъ: «Христосъ Воскресе, дѣдушка!» «Воистину воскресъ, другъ». И вынимаетъ купеческій сынъ, и даетъ ему яичко. Пришелъ домой и говоритъ хозяйкѣ: «А вѣдь старичокъ-то, что въ гости меня звалъ, у заутрени былъ».

Можетъ быть, черезъ мало время онъ пошелъ къ обѣднѣ, въ воскресный день; шелъ прежде всѣхъ и—у святыхъ церковныхъ воротъ стоитъ осѣдланный конь, только не промолвитъ. Смирно

не стоитъ, копытомъ землю бьетъ. Вотъ онъ какъ шелъ въ церковь да и посмотрилъ на него. «Что жь это такое?» думаетъ себѣ.—«Кто же верхомъ пріѣхалъ?» Послѣ всѣхъ выходитъ отъ обѣдни и народу нѣтъ никого, а лошадка все стоитъ. Раздумалось ему: «это не за мной ли кто пріѣхалъ?» Подходитъ къ коню близёхочко — конь стоитъ смирнёхонько. Онъ взялъ его и повелъ. Привелъ къ себѣ на дворъ, пообѣдалъ въ воскресный день, да и говоритъ хозяйкѣ своей: «Это непремѣнно посланникъ за мной. Я поѣду, да пойду у матушки благословенья попрошу». Пришелъ къ ней въ комнату, Богу помолился и матушкѣ поклонился; и говоритъ: «Матушка, благослови меня!» Она не хорошими словами отвѣчала: «Куда собрался?» Онъ ей сказалъ: «А вотъ въ такое время братъ у меня въ гостяхъ бывалъ, меня въ гости звалъ». Она на него серчала, нашла эдакую щепочку, плюнула и во слѣдъ ему кинула. «На вотъ, несъ, тебѣ благословенье мое!» Онъ перекстился, поднялъ и поцѣловалъ, и въ пазуху положилъ. Сѣлъ на добра́ коня, да и поѣхалъ.

Долго ли мало ли ѣхалъ, былъ у него кусочекъ хлѣбца и захотѣлось ему закусить. Онъ взялъ сунулъ руку въ пазуху: у него тамъ мѣдный образокъ лежитъ. Онъ перекстился и взо́зрилъ на Господа. «Ахъ, Господи! Премудрости твои!» Сѣлъ и поѣхалъ. Немножечко проѣхалъ, видитъ селенье и околица, и у околицы братъ его стоитъ, дожидается его, здорòвается и низко кланяется. Онъ слѣзъ съ лошадки, въ поле ее пу́стилъ; а братъ взялъ повелъ его въ особую свою комнату. Въ этой комнатѣ разные цвѣты цвѣтутъ и пташечки сидятъ райски, пѣсенки поютъ херувимски. И сталъ братъ его подчивать и на столъ наставилъ чего онъ съ роду не видалъ. И пьетъ, ѣстъ—ничего не убываетъ. Онъ сидитъ и думаетъ: «Господи! Куды это я зашелъ?» Вотъ этотъ же братъ наставилъ ему на столъ всего множество и сказалъ: «Ты, братецъ, кушай, а я схожу въ одно мѣстечко». И говоритъ ему: «Во всѣ въ окошечки-то гляди, а вотъ въ эту перегородочку не гляди». Онъ во всѣ глядѣлъ и во всѣхъ хорошо. «Что же», говоритъ,—«мнѣ братъ не велѣлъ тутъ поглядѣть? Дай погляжу». А тутъ взглянулъ—еще всѣхъ лучше! И увидалъ: сидитъ женщина и подобное лице какъ хозяйка его. И сѣлъ опять за столъ на свое мѣсто. Братъ подошелъ къ нему и гово-

ритъ: «Что, братецъ, плохо ѣшь? Ничего не убываетъ». «Сытёхонекъ я, братецъ». «Во всѣ ли окошечки глядѣлъ?» «Наглядѣлся, братецъ». «А вѣдь вотъ въ это я тебя не велѣлъ!» «Такъ, п о о х о т и л с я, братецъ. Виноватъ, поглядѣлъ». «Ну, да горя нѣту. Что́ тамъ ты видѣлъ?» «Женщина сидитъ». «Узналъ ты ее?» «Да дѣ узнать? Только лице на хозяйку на мою похоже». «Ну пойдемъ, братецъ, мое заведенье поглядимъ». И ведетъ его въ родѣ какъ по мостику. Крикъ вездѣ, шумъ, плачутъ, котлы съ смолой кипятъ.... Этотъ же братъ идетъ впередъ, а купеческій сынъ—за нимъ. И вдругъ обернулся купеческій сынъ: превеличающій котелъ кипитъ съ смолой, и вымырнуло изъ котла его матери лицо. Онъ остановился и хотѣлъ дождаться, не вымырнетъ ли еще. А братъ ушелъ. Оглянулся—онъ далеко отъ него. «Ты что,» говоритъ,—«тамъ остался?» «Сейчасъ иду, братецъ». И такъ тихо идетъ (больно испугался). Спрашиваетъ братъ купеческаго сына: «Али увидалъ что́, братецъ?» Онъ не сказываетъ: не смѣетъ. «Ты что не сказываешь?» «Да матушка вымырнула въ котлѣ-то...» «Что же ты ее не вытащилъ?» «Я боюсь, не смѣю». Старичекъ и говоритъ: «Пойдемъ. Гдѣ ты ее видѣлъ?» Подошли къ э х т о м у котлу. Она и вымырнула. Этотъ же старичекъ: «Лови», говоритъ,—«ее!» Купеческій сынъ п ы м а̀ л ъ ее за в л а с ы и совсѣмъ было вытащилъ,—волосы въ рукахъ остались, и опять она—въ смолу.

И пошли они назадъ. Старичекъ и говоритъ: «Пойдемъ, пообѣдай, да съ Богомъ и домой ступай!» Взошли опять въ э ф т у комнату; на столѣ опять всего много. Онъ и думаетъ себѣ: «Господи, куды я зашелъ? Старичекъ напоилъ его, накормилъ, да и говоритъ ему: «Ну, братецъ, айда провожу». Онъ помолился Богу и пошелъ изъ комнаты вонъ, а волосы въ пазуху положилъ. Вышелъ онъ изъ двери, сталъ прощаться. Вотъ дѣдушка и говоритъ: «А вотъ, другъ, когда ты умрешь—вонъ это мѣсто твое будетъ (келейка-то), а въ котору я комнату тебѣ глядѣть не велѣлъ—это твоей хозяйки будетъ мѣсто. Прощай, братъ!» Онъ смотритъ: стоитъ въ своемъ селеньи, у церкви. Взозрилъ на ц е р к в у: «Ахъ, Господи, гдѣ я былъ?» Ему показалось за одинъ день. Приходитъ домой; сперва къ хозяйкѣ своей пошелъ. Хозяйка его встрѣчала и такъ рада была, здоровалась съ нимъ и кланялась ему, и говоритъ: «Ай, ай, ты долго!» «А мнѣ вѣдь не долго показалось».

«Три года вотъ ужъ прошло, какъ ты ушелъ». «Я вѣдь, хозяйка, на тёмъ свѣту былъ. Матушка здорова ли?» «Третій годъ лежитъ на мертвой постелѣ, только день и ночь тебя поминаетъ. Иди скорѣ! Не знай, живую-то застанешь ли».

Взошелъ въ ея комнату, Богу помолился; она лежитъ на кроватѣ, въ безобразіи. «Здорово, матушка!» Она взглянула; узнала его, горько заплакала и говоритъ: «Отколѣ ты, сыночекъ, упалъ? Я больно объ тебѣ скучилась». «Знать ты, матушка, больно нездорова?» «Умирать, сыночекъ, хочу». «Вотъ я принесъ штучку. Не знай тебѣ казать, не знай нѣтъ». «Покажи; я хоть погляжу». Встала, сѣла. Онъ вынулъ изъ пазухи волосы, да и кажетъ. «Погляди-ка, матушка, я что тебѣ покажу! Я вѣдь на тёмъ свѣту былъ, тебя видѣлъ. Ты въ смолѣ кипишь». Потащилъ тебя—вотъ волосы-то и оборвались». Повязана она была платочкомъ; вдругъ скинула его, хватила, а у ней голова-то гола!

Испугалась, тутъ же и померла.

(Абрамъ Новопольцевъ).

96.

О праведномъ судіѣ.

Жилъ въ одномъ селѣ праведный судія. Разъ къ одной вдовѣ заѣхалъ проѣзжій человѣкъ. Пріѣхалъ онъ на жеребцѣ, вошелъ въ избу и спрашиваетъ: «Что у тебя кобыла-то жерёба?» «Нѣтъ, батюшка». «Ну, а у меня жеребецъ-то жерёбый» говоритъ. Легъ спать. На утро баба встаетъ и видитъ: по двору жеребенокъ бѣгаетъ. Она обрадовалась и говоритъ: «Вотъ у меня кобыла-то ожеребилась!» «Какъ у тебя? Вѣдь ты вчера говорила, что у тебя кобыла не жерёба? Это моего жеребца жеребенокъ». «Нѣтъ, мой». Дальше да больше, пошелъ споръ, пошли къ правильному судіѣ. Тотъ велѣлъ выѣхать на перекрестокъ: бабѣ—на кобылѣ, а проѣзжему человѣку—на жеребцѣ. Выѣхали, стали судиться. Судья и говоритъ: «За кѣмъ жеребенокъ побѣжитъ, та лошадь и ожеребилась». Пустили жеребенка, онъ и побѣжалъ за жеребцомъ. Баба ушла домой. Проѣзжій и говоритъ судіѣ: «Спасибо, молъ, за то, что по

правдѣ разсудилъ». Тотъ его къ себѣ позвалъ. Посидѣли, потолковали. Проѣзжій и говоритъ: «Пойдемъ теперь ко мнѣ!» «Пойдемъ». Вышли изъ воротъ; праведный судія и спрашиваетъ: «Что это дома-то воютъ будто?» Проѣзжій ему и отвѣчаетъ (а это самъ Господь былъ): «Это по твоему тѣлу воютъ домашніе, а душа твоя—со мной». Вотъ, праведныхъ-то судей, выходитъ, Богъ-то къ себѣ беретъ: ему нужны.

(Сообщено въ Симбирскѣ П. П. Розановымъ).

97.

Пустынникъ и дьяволъ.

Трудился труженикъ въ пустынѣ тридцать лѣтъ. Вотъ дьяволъ слѣдилъ его сомустить какъ бы нибудь. Нѣтъ, ни такъ, ни-сякъ онъ его не уловитъ. И выдумалъ этотъ дьяволъ въ родѣ скуки подкинуть къ нему двоихъ юношевъ: мальчика и дѣвочку. Ночнымъ бытомъ и въ саму глухую полуночь всталъ старецъ Богу помолиться, за грѣхи за свои потрудиться, и слушаетъ ночнымъ бытомъ: дѣтскіихъ два голоса плачутъ у двери его. Оградясь крестомъ, онъ думаетъ: «Боже милостливый! Что такое? Два голоса юныхъ!» Сотворилъ онъ молитву и вышелъ изъ двери. И лежатъ два юношка: мальчикъ и дѣвочка. Онъ испугался: не знаетъ чего съ ними дѣлать. Подумалъ: «Куда мнѣ ихъ дѣвать?» Взялъ ихъ и внесъ къ себѣ въ хижинку; сталъ ихъ поить, кормить. Ну, они, какъ роду нечистаго духа—растутъ не по днямъ по часамъ, и выросли матѐриньки, и больно ужь большіе: лѣтъ пятнадцати и больше. Дѣвочка ужь стала разумѣть. Старецъ—Богу молиться, а она съ нимъ—играть. И стала къ худымъ дѣламъ его притѣснять. «Меня», говоритъ,—«скука обуяла!» Онъ, дьяволъ, силенъ. Старца сомутила она на худыя дѣла. Старецъ ей говоритъ: «Худы дѣла дѣлать будемъ, куды брата дѣнемъ твого?» «Давай»,—«говоритъ, его убьемъ». А дьяволъ, который ихъ подкинулъ, караулитъ это дѣло, стоитъ у двери. Дѣвушка—шутóвка и говоритъ: «Бери топоръ. Я его свалю, а ты голову от-

руби». Она его свалила, не то что свалила, а онъ самъ легъ; старецъ взялъ топоръ и отрубилъ ему голову. «А куды же мы его дѣнемъ?» «Открывай половицу въ подполъ!» Сейчасъ старецъ открылъ половицу, беретъ его въ беремя и суетъ въ подполъ. Тотъ же часъ дьяволъ отбилъ дверь и вбёгъ въ келью. Дѣвушка, назвамши его батюшкой, бросилась ему на шею и горько плачетъ. «Эхъ», говоритъ,—«родимый батюшка, какому ты озорнику насъ оставилъ! Меня замучалъ къ худымъ дѣламъ, а брату-то вонъ голову отрубилъ». Тотъ же часъ являются нѣсколько бѣсовъ, запрыгали, ногами затопали, руками захлопали и взяли, потащили труженика и сказали: «Наша душа, наша душа!» Этотъ же дьяволъ... и является тутъ старшій сатана и по головкѣ его гладилъ (дьявола-то), что сомустилъ душу святую. Говоритъ дьяволъ старцу: «Погляди-ка мнѣ черезъ лѣвое-то плечо! Я сколько лѣтъ-то ходилъ, да сколько лаптей-то проносилъ, да все-таки тебя уловилъ!» А старецъ, не убоясь его словъ, говоритъ: «Нечистый духъ, поглядика мнѣ черезъ правое-то плечо!» Тотъ поглядѣлъ:—его душеньку несутъ, «святы Боже, святы крѣпкій» поютъ.

Тутъ дьяволъ устращйлся, скрозь землю провалился.

(Абрамъ Новопольцевъ).

98.

Вавило-скоморохъ.

Было у отца три сына и вздумалъ онъ Богу потрудиться. «Дѣти», говоритъ,—«на двадцать верстъ отъ села выстройте пустыню, возите туда пищу, я буду трудиться». Они выстроили ему пустыню и возятъ ему кажній день провіянтъ. Онъ напьется, наѣстся, выйдетъ на заваленку, спитъ. Идетъ къ нему Миколай угодникъ. «Миръ твому кормному борову лежать!» Старикъ отвѣчатъ: «Я пустынникъ, я Богу молюсь». «Нѣтъ, ты въ трудъ не попадешь: напьешься, наѣшься да спать ляжешь. Ступай, въ такомъ-то городу есть Вавилоскоморохъ; если его трудъ перенесешь, будешь въ царствіи небесномъ». «Какимъ онъ трудомъ трудится, дѣдушка?» «Не знаю, гово-

ритъ,—только что слышно про него: колоколъ далеко звонитъ». Пошелъ онъ въ этотъ городъ, разыскалъ Вавилу-скомороха; подошелъ подъ окошко. У него двѣ женки, родныя сестры. «Здѣсь Вавило-скоморохъ?» «Здѣсь». Взошелъ въ избу. «Гдѣ», говоритъ,—«онъ?» «На игрищахъ играетъ». «На какихъ?» «Да у губернатора былъ онъ, тамъ скачетъ да пляшетъ». «Скоро ли онъ придетъ?» «Придетъ, какъ первы кочета споютъ, либо привезутъ». Первы кочета спѣли, Вавило пришелъ и спрашиваетъ жёнковъ своихъ, родныхъ сестеръ: «Чей это старичекъ?» «Тружельникъ отъ Бога». «Ты гдѣ былъ?» «Въ лѣсу. Мнѣ дѣти пустыню выстроили; пришелъ ко мнѣ старичекъ, разказалъ какъ ты трудишься, сюда послалъ». «Эхъ», говоритъ Вавило-скоморохъ,—«какой мой трудъ? Я только скачу да пляшу». «Я», говоритъ,—«хочу тебя попросить», говоритъ старикъ,—«какую ты пищу ѣшь?» «Моя пища: сухая крома да пустая вода. Вотъ жёнки, родныя сестры меня поятъ, кормятъ и на ложе кладутъ». «Я», говоритъ,—«хочу, Вавило-скоморохъ, твой трудъ перенести». «Не доведется этого тебѣ: тяжёлъ. Ты старикъ жирный, а я тощой». Вотъ утромъ за Вавилой пріѣзжаетъ рано человѣкъ. «Дома Вавило?» «Дома». «Пожалуйте на имянины къ такому-то». «Ступай съ Богомъ! Приду пѣшкомъ, только умоюсь, Богу помолюсь». Вотъ сѣли они съ нимъ позавтракали; женки дали кусокъ хлѣба и ему, и прихожателю. «Ну», говоритъ,—«другъ, пойдемъ на менйны!» «Пойдемъ. Скажи, Вавило, какой твой трудъ?» «Мой трудъ, только мои сапоги надѣть». Надѣлъ старикъ его сапоги, а у него тамъ вершковые гвозди. Старикъ остался у Вавилы въ дому и полны сапоги крови. Вотъ Вавило и послалъ за нимъ лошадь; повалили кормнаго борова, привезли на менйны. Гдѣ посадили на стулъ, тутъ и сидѣлъ старикъ до первыхъ кочетовъ. Вавило-скоморохъ убирается до двора. «Пойдемъ, братъ тружельникъ, въ мою хату ночевать» (а Вавило скоморохъ только скачетъ да пляшетъ, а ничего не ѣстъ). Старикъ проголодался, а съ мѣста сойти не можетъ. Пошелъ онъ съ нимъ въ хату; дошли до полпути, старикъ не можетъ идти. Вавило попросилъ человѣка довезти старика до двора. Пріѣхали они въ домъ къ Вавилѣ-скомороху. «Ну что», говоритъ,—«дѣдушка, мой трудъ хорошъ?» «Хорошъ». «А твой какъ?» «Мой», говоритъ,—«плохой: у меня полны сапоги крови. Да еще попытаю я тебя, переночую ночь; какой твой

еще трудъ», говоритъ,—«есть». Сѣли за столъ, поужинали: сухую крому дали, да теплой воды. «Ну, жйнки, разуйте насъ обѣхъ!» Онѣ разули. Вавило-скоморохъ говоритъ своимъ жинкамъ: «Я спать хочу, положите меня на ложу; за мной еще пріѣдутъ». Ложа была у Вавилы-скомороха въ сѣняхъ, на вольномъ воздухѣ. Взяли жинки его за руки, за ноги, раскачали и бросили на кровать. Старикъ—за столомъ, и глядитъ. «И мнѣ надо этакій трудъ нести, а пятки-то больно». Вотъ они взяли, положили Вавилу, волосянной одежей покрыли. Старикъ и говоритъ: «Положьте, жёнки, и меня такъ!» Вотъ онѣ его взяли за руки, за ноги и бросили, и впіялись въ него вершковы гвозди. Лежалъ онъ ночь, и налило крови много множество, а Вавило лежитъ ничего. За Вавилой пріѣхали до свѣту. Онъ говоритъ сестрамъ: «Сымите постояльца съ моей ложи! Онъ лежалъ въ родѣ камня ночь-то». Жинки взяли его и привели въ избу. «Что, дѣдушка, пойдешь со мной?» «Нѣту», говоритъ. «Что такъ?» «Ну, Вавило-скоморохъ, велпкъ твой трудъ! Тебѣ Господь велѣлъ снести и неси, а я не снесу: изъ меня вышло крови столько, что чую—не дойти десять верстъ до двора, къ дѣтямъ». Старикъ ушелъ и говоритъ: «Прощай!» «Прощай! Коли хочешь, иди со мной».

Вавило былъ у солдата въ гостяхъ; приходитъ къ нему святой ангелъ и говоритъ: «Вавило-скоморохъ», говоритъ, — за твоей «душей пришли». «Кто?» «Святы ангелы». «Я не знаю, каки святы ангелы? Я скачу все и пляшу. Каки ангелы?» «Ступай», говоритъ,— «твои жёнки сотворили тебѣ гробъ, и какъ придешь, дома и помрешь». Пришелъ онъ домой, гробъ впереди лежитъ. Сестры испугались, плачутъ. «Вавило-скоморохъ, ложись», говорятъ,—«въ гробъ!» Голубь къ нему прилетѣлъ съ святымъ ангеломъ. «Ты», говоритъ,—«голубь?» «Голубь». «Какой», говоритъ,—«ты голубь?» «Твой святой ангелъ. Тебя Богъ наградилъ, Вавило-скоморохъ; ты будешь, Вавило-скоморохъ, голубиный богъ!» Тутъ онъ и покончился.

(Записано отъ Василья Авдѣева, с. Новиковка, Самарск. г., Ставроп. у.).

99.

Рахъ разбойникъ.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ купецъ; у него жена была красавица, только не было у нихъ дѣтей. Вотъ одинъ разъ стоитъ она передъ зеркаломъ и любуется собой, да думаетъ: «Что если бы у меня родился сынъ, да такой же красавецъ, какъ и я?» Сзади ей и отвѣчаетъ голосъ: «Родится у тебя сынъ, только съ однимъ условіемъ, если ты мнѣ его отдашь, когда ему будетъ семнадцать лѣтъ!» Купчиха и думаетъ: «Какже это? Кто можетъ у меня сына отнять? Дай соглашусь, а потомъ не дамъ». И говоритъ: «Я согласна, только бы родился». Голосъ отвѣчаетъ ей: «Ты напиши мнѣ расписку своею кровью, тогда твое желанье исполнится». Она написала и съ того времени забеременѣла. Родила себѣ сына ужь такого красавца, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. И сталъ онъ рости не по днямъ, а по часамъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ. Отецъ и мать не могли на него наглядѣться и не отдавали ни въ какое ученье; только сидѣли, да глядя на него, плакали. Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, онъ и сталъ думать: «Что́ это отецъ съ матерью все глядятъ на меня да плачутъ, не отдаютъ меня ни въ какое ученье?» Сталъ онъ доспрашивать у нянекъ и мамокъ. Няньки и мамки ему и говорятъ: «Вотъ почему вашъ батюшка съ матушкой плачутъ: когда еще вы были въ брюхѣ, то они кому-то васъ отдали, и вамъ съ ними жить только до семнадцати лѣтъ». Пошелъ онъ къ отцу и матери, да и говоритъ: «Любезные мои родители, такъ какъ вы меня отдали, то дѣлать ужь нечего, слезами ничего не подѣлаешь, а благословите вы меня и отпустите въ путь-дорогу; можетъ, мнѣ и удастся какъ-нибудь взять у нечистаго рукописанье. Тогда я къ вамъ ворочусь». И стали они много плакать и горевать, но дѣлать было нечего: благословили и проводили сына въ путь дорогу. И пошелъ онъ. Идетъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; приходитъ онъ въ темный лѣсъ. Въ лѣсу стоитъ келейка. Подошелъ онъ къ келейкѣ, сотворилъ молитву: «Святые старцы, пустите въ келейку

помолиться, отъ дьявола обороняться!» «Нѣтъ, мла̀дый в ь ю́ н о ш ъ», отвѣчаетъ ему старецъ»,—я не могу тебя научить, иди къ другому. Дальше есть еще келейка; того спроси, можетъ, онъ тебя научитъ: онъ старше меня». Поблагодарилъ старца младый вьюношъ и пошелъ дальше. Во второй келейкѣ ему то же отвѣтили, велѣли идти въ третью. Приходитъ онъ къ старцу, сотворилъ молитву: «Святые старцы, пустите въ келейку помолиться, отъ дьявола обороняться!» «Войди, мла̀дый вьюношъ, я тебя научу». Онъ вошелъ. «Вотъ иди ты», говоритъ старецъ,—«по этой тропѣ, и придешь ты къ дому; старый домъ, мохомъ заросъ и хрящемъ занесенъ; тутъ ты увидишь калитку. Ты войди въ нее и спроси Раха разбойника». Поблагодарилъ старца младый вьюношъ и пошелъ по тропѣ. Пришелъ къ дому, постучалъ въ калитку. Къ нему вышла жена Раха разбойника и спрашиваетъ: «Зачѣмъ тебѣ мужа моего нужно?» Онъ отвѣчалъ: «Меня прислалъ къ нему святой старецъ. Когда я еще былъ въ брюхѣ, мать отдала меня нечистому и дала ему рукописанье своею кровью, а я у н и х ъ одинъ единый. Рахъ разбойникъ—кумъ сатанѣ, не можетъ ли онъ взять рукописанье и отдать его мнѣ?» «Охъ, мла̀дый вьюношъ, мужъ мой такихъ просьбъ не любитъ, но ужь очень мнѣ жаль тебя: больно ты молодъ! Попробую, похлопочу, можетъ что̀ и сдѣлаю». Взяла его и повела въ отдаленный покой, спрятала, чтобы мужъ не видалъ. Вотъ приходитъ Рахъ разбойникъ и говоритъ: «Что это, жена, у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?» «И, полно пожалуйста», отвѣчаетъ жена,—«самъ ты вездѣ ходишь, всего нанюхаешься, да и говоришь, что пахнетъ. Ты знаешь, что у меня никого не бываетъ». Пообѣдали они, и Рахъ разбойникъ сталъ такой веселый да ласковый. Жена улучила минуту и говоритъ: «А у меня къ тебѣ просьба есть; если ты меня любишь, то исполнишь. Я для тебя все дѣлала: и дѣтей вымаривала, и людей развращала и съ пути истиннаго сбивала; такъ и ты для меня долженъ сдѣлать удовольствіе. У одного купца родился одинъ сынъ, и того чортъ хочетъ взять; а такъ какъ тебѣ сатана кумъ, то ты можешь взять рукописанье и отдать его мла̀дому вьюношѣ». «Ну, мой другъ», говоритъ Рахъ разбойникъ,—«могу исполнить твою просьбу, пойду къ куму». Пошелъ. Приходитъ къ сатанѣ и говоритъ: «Ну, кумъ, теперь ты долженъ исполнить мою просьбу! Я для тебя все дѣлалъ: и грабилъ, и души

губилъ, дѣлалъ всякія злодѣйства, ни въ чемъ тебѣ не отказывалъ; теперь ты не откажи въ чемъ я тебя попрошу». «Все что̀ ни спросишь, я все для тебя сдѣлаю», сказалъ сатана. Рахъ разбойникъ передалъ ему въ чемъ дѣло. Вотъ сатана и велѣлъ созвать всѣхъ чертей и началъ спрашивать: у кого изъ нихъ рукописанье. Всѣ говорятъ, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ; никто не сознается, что отнялъ у купца сына. Вотъ и идетъ маленькій чертенокъ, с у г о́ р б и л с я и плачетъ: «Одна единая душа попалась ко мнѣ, и ту хотятъ отнять! У кого двѣ, три—не отнимаютъ. Ни за что̀ не отдамъ! Что̀ хотите дѣлайте!» Ужъ какъ его ни мучили, ни жгли: и въ смолѣ-то варили, и раскаленнымъ желѣзомъ палили, не отдаетъ да и только рукописанье. Думалъ, думалъ сатана, что ему дѣлать съ чертенкомъ, и придумалъ: «Положите его на кумову постель! Авось отдастъ». Какъ услыхалъ чертенокъ, что его хотятъ класть на Рахову постель, взмолился сатанѣ: «Все отдамъ, только не кладите на Рахову постель!» Взялъ Рахъ разбойникъ рукописанье и отдалъ сыну купца; тотъ поблагодарилъ и пошелъ къ отцу съ матерью. Вотъ и сталъ думать Рахъ разбойникъ: «Видно, я великій грѣшникъ: какъ ни мучили чертенка, чтобъ онъ отдалъ рукописанье, онъ не соглашался; а какъ сказали, что положатъ на мою постель, такъ сейчасъ отдалъ. Видно, страшна моя постель, видно, я грѣшнѣе всѣхъ передъ Господомъ!»

И бросилъ Рахъ разбойникъ всѣ свои богатства и жену; пошелъ къ старцу, чтобы научилъ онъ его какъ душу спасти. И говоритъ ему старецъ: «Поди ты къ сатанѣ и попроси его, чтобъ онъ велѣлъ всѣмъ чертенятамъ принести на̀ поле дровъ, и чтобы сложили они изъ нихъ костеръ, и когда костеръ будетъ готовъ, то приди ко мнѣ, я скажу тогда что дѣлать». Пошелъ Рахъ разбойникъ къ куму. Тотъ съ радостью велѣлъ натаскать дровъ. Въ одну минуту костеръ былъ готовъ. Пришелъ Рахъ разбойникъ опять къ старцу и говоритъ: «Святой старецъ, твое приказаніе я исполнилъ». Тогда старецъ пошелъ съ Рахомъ на̀ поле, поставилъ разбойника въ самую середину костра и оградилъ крестнымъ знаменіемъ, а самъ дрова зажегъ. Вотъ черти увидали, что Рахъ разбойникъ горитъ, и сбѣжались всѣ, кто съ кочергой, кто съ лопатой, кто съ топоромъ, кто съ чѣмъ. Всѣ кричатъ: «Кумъ горитъ!» Старались его вытащить, никакъ не могли. Услыхалъ шумъ сата-

на. Жаль ему кума, и спрыгнулъ онъ съ своего сѣдалища, да поздно: Рахъ разбойникъ сгорѣлъ.

И приходитъ его душа къ старцу и говоритъ: «Святой старецъ, отъ костра остались три головешки, что̀ съ ними прикажешь дѣлать?» «Вотъ на тебѣ ведёрки, иди ты за водой и поливай эти головешки до тѣхъ поръ, пока не распустятся на нихъ кусты и не расцвѣтутъ цвѣточки». И сталъ поливать головешки Рахъ разбойникъ, и поливалъ до тѣхъ поръ, пока не выбилъ тропы по колѣна. Разъ идетъ онъ съ ведерками, на тропѣ стоитъ человѣкъ; и спрашиваетъ его Рахъ разбойникъ: «Что ты за человѣкъ есть?» Тотъ и отвѣчаетъ ему: «Я затѣмъ сюда пришелъ, чтобы вашему городу сдѣлать очищеніе». «Какое же очищеніе?» «А вотъ какое съ одного конца пожечь, а съ другаго порубить!» «Какое же это очищеніе? Это погубленіе!» Взялъ Рахъ разбойникъ, поставилъ ведёрки, ударилъ человѣка коромысломъ и убилъ его. Испугался Рахъ разбойникъ и сталъ горько плакать: «Господи, сколько лѣтъ я трудился, молился, чтобы ты простилъ мои грѣхи, а теперь что̀ я сдѣлалъ? Убилъ человѣка!» Взялъ ведёрки и пошелъ поливать головешки. Приходитъ и видитъ, что на головешкахъ распустились кусточки и расцвѣли цвѣточки и некуда ему вылить воду. Пошелъ онъ къ старцу. «Святой старецъ, мнѣ не куда вылить воду: на головешкахъ распустились кусточки и расцвѣли цвѣты!» «Ну, значитъ, ты умолилъ Бога», отвѣчалъ старецъ. «Нѣтъ, святой старецъ, я еще сдѣлалъ великій грѣхъ: я убилъ человѣка. Онъ мнѣ попался на встрѣчу и говоритъ, что пришелъ сдѣлать нашему городу очищеніе: съ одного конца зажечь, а съ другаго порубить. Я ему и говорю: какое же это очищеніе—это погубленіе. Взялъ коромысло, ударилъ его и убилъ». Старецъ и говоритъ ему: «Нѣтъ, Рахъ разбойникъ, ты не человѣка убилъ, а свой самый страшный грѣхъ, и теперь ты прощенъ отъ Господа Бога!» И успокоилась въ раю душа Раха разбойника.

(Записано въ Симбирскѣ, отъ Елены Степановны Смирновой).

б. Жила была баба, вошла въ лѣта и никто ее не сталъ любить. Вотъ она и говоритъ разъ: «Ахъ, хоть бы непріятный полюбилъ!» Онъ тутъ и случился. Пошли они въ баню, сотворили

грѣхъ, потомъ онъ о т д а л и л с я. Спустя годъ она о б р ю х а т ѣ л а и родила. Ее увезли въ баню, а т о т ъ опять въ баню пришелъ и говоритъ: «Вотъ, милая моя, теперь распишемся мы съ тобой». «Какимъ же случаемъ?» «Вотъ какъ: вѣдь младенецъ половина твой, половина мой, кому кормить его вѣчно, кому на двадцать лѣтъ взять?» Мать согласилась взять его къ себѣ на двадцать лѣтъ, а тотъ навѣчно. Росписалась она; онъ ушелъ. Сынъ растетъ; и стало ему, и с ч е ч а̀ в р е м я, двадцать лѣтъ, осталось до двадцати годовъ всего двѣ недѣли. Стала мать плакать. «Что ты, матушка, плачешь?» Она и говоритъ: «Я тебя вотъ какъ прижила». «Ну когда такъ, такъ благослови меня, матушка; куды знаю, туды и пойду». Пошелъ онъ въ темные лѣса и въ лѣсу нашелъ келью. Въ этой кельѣ живетъ Рахъ разбойникъ съ двумя сестрами своими. Раха разбойника въ домѣ не случилòся: онъ былъ в ъ о т х о д ѣ. Меньшая сестра его въ этого молодца влюбилась и спрятала. Приходитъ Рахъ въ свою келью съ самимъ сатаной. Самъ сатана говоритъ: «Что это у васъ русскимъ духомъ пахнетъ?» Меньшая сестра отвѣчаетъ: «Вы вездѣ шатались, русскаго духу нанюхались, и здѣсь вамъ все имъ пахнетъ». Сатана в р е м я п о л у̀ д н я, отлучается обѣдать; Раху сестра и говоритъ: «Братецъ, у насъ есть человѣкъ; пришелъ изъ Р а с ѐ и. Попроси своего кума, чтобъ онъ его не трогалъ, пускай бы у насъ жилъ». Сатана приходитъ послѣ обѣда, Рахъ и говоритъ: «Куманёкъ, сослужи службу, а не службу—такъ у д р у ж и д р у ж б у!» А сатана говоритъ: «Въ чемъ же?» «Да вотъ изъ Расеи человѣкъ пришелъ; не трогай его, пусть у насъ живетъ». «Нѣтъ, о д н а к о», говоритъ,—«его надо на кумову баню сводить!» Взяли его, повели (а у сатаны баня—желѣзна борона и вѣникъ изъ проволокъ). Вотъ его положили на эту баню, пороли, пороли—насилу вырвался. Взялъ сатана у молодца расписку. «Вотъ», говоритъ,—«ты нашего п о к о л ѣ н і я! «(За это его и мучили).—«Послѣ того сатана отпустилъ его къ Раху. Рахъ и говоритъ: «Куманёкъ, покажи, какая у тебя кумова баня!» «Ты со мной, куманекъ, не будешь знаться». «Какже», говоритъ— это? Мы дружбы в ѣ к ъ п о̀ в ѣ к ъ не бросимъ». «Ну, айда, покажу!» Пошли лѣсомъ, горою, а по ней богородская травка растетъ. Сатана и говоритъ: «Вотъ, эта самая трава проклятая для насъ больно в е р е д н а̀!» Показалъ кумову баню;

Рахъ и удивился: «Что это», говоритъ,—«страсть какая!» Сатана остался т а́ м а, а Рахъ домой пошелъ; натеребилъ богородской травки цѣлу вязанку и взялъ весь свой домъ по горсти кругомъ этой травою обкла́лъ. Она къ нему сатану на сто саженъ не допускаетъ. Рахъ спокаялся Богу въ своихъ грѣхахъ: «Господи, не Христу бы», говоритъ,—«такъ маяться, а мнѣ, разбойнику! Я много душъ истребилъ и всяки разны разности дѣлалъ!» Господь услыхалъ и х ъ гласъ и внесъ и х ъ в с ѣ х ъ на̀ небо.

(Записано отъ Максима Кузьмина, с. Новиковки, Самарск. губ., Ставр. у.).

в. Шабёръ съ товарищемъ дружно жилъ. Товарищъ былъ богатый, а онъ бѣдный. Бѣдный то и выдумалъ: «Давай покумимся и дѣтей окстимъ!» Богатый его позвалъ въ лѣсъ погулять. «Айда, въ лѣсъ; а я пока ты въ лѣсъ пойдешь, въ кабакѣ полштофа возьму. Мы тамъ выпьемъ и разгуляемся!» Чортъ е м у и повстрѣчался въ лѣсу, кумъ еще въ кабакѣ. Сѣли они подъ осинку; вина очутился у нихъ полштофъ и кабацкій стаканъ. Они выпили это вино. «Кумъ, я тебѣ чего скажу! Ты бѣдный?» (Это чортъ-то говоритъ). «Бѣдный». «Сдѣлай съ матерью грѣхъ: у тебя въ конюшнѣ за этотъ случай бочка денегъ будетъ». Онъ пошелъ и сдѣлалъ. Приходитъ опять въ лѣсъ. «Кумъ», говоритъ,—«сдѣлай съ родной сестрой грѣхъ: у тебя другая бочка денегъ будетъ». Тотъ опять пошелъ, сдѣлалъ; приходитъ: у чорта опять полштофъ готовъ. «Кумъ, сдѣлай съ кумой грѣхъ: третья бочка въ конюшнѣ будетъ». Тотъ и съ кумой сдѣлалъ. Пришелъ въ лѣсъ опять. «Ну, что̀,—сдѣлалъ?» «Сдѣлалъ». «Ну, теперь живи: деньги есть!»

Пришелъ онъ домой. «Мама», говоритъ,—«деньги есть у насъ?» «Есть, сынокъ; до гроба не прожить намъ ихъ!» Настоящій кумъ къ нему съ виномъ изъ лѣсу идетъ. Онъ у ж а с т и́ л с я; вышелъ въ конюшню, поглядѣлъ: нѣтъ ни бочекъ, ни денегъ: все пропало. Приходитъ къ матери. «Мама, благослови меня; куды глаза глядятъ, туда и пойду», говоритъ. «Ну, Богъ съ тобой, ступай куды хочешь!»

Шелъ онъ путемъ дорогой, зашелъ къ пустыннику. Пустынникъ ему говоритъ: «Что ты, братецъ милый, отъ дѣла лыта̀ешь, или дѣла пытаешь?» «Не отъ дѣла лытаю и не дѣла пытаю, а хочу

въ своихъ грѣхахъ раскаяться. Обманулъ меня чортъ, н а м ѣ с т о кума». «Ну, другъ мой, иди по этой тропочкѣ, тамъ у меня братъ трудится; я—тридцать, а тотъ—шестьдесятъ лѣтъ. Тотъ мо́же Богу угоденъ, а я тебѣ ничего не скажу при этомъ случаѣ», говоритъ. Пришелъ къ другому пустыннику, тотъ и говоритъ: «Ну, другъ, переночуй у меня ночь». Переночевалъ онъ, и приходитъ Рахъ разбойникъ. «Ступай», говоритъ,—«н а с л ѣ д щ и к ъ (ночлещикъ), сходи, выуди рыбку на завтракъ!» Онъ пошелъ, сидѣлъ сидѣлъ, одну рыбку всего выудилъ. Вышелъ изъ хаты пустынникъ и говоритъ: «Что ты долго больно?» «Да всего одну рыбку поймалъ». «Ну», говоритъ,—«значитъ только Богъ намъ и далъ».

И вздумалъ Рахъ разбойникъ ихъ осквернить: они въ котелъ рыбку пу́стили, а онъ—свѣжины. Сѣли завтракать. «Давай», говоритъ Рахъ,—«хлѣба!» «У меня нѣтъ; коли Господь дастъ, такъ поѣмъ; а не дастъ и нѣтъ». Рахъ разбойникъ обернулся и нашелъ на лавкѣ краюшку и разрѣзалъ ее на три ро́вны части. Вотъ пустынникъ и говоритъ: «Ты», говоритъ,—«чего хлеба́шь?» «Свѣжину́». «А ты?» «Щербу». «Задѣнь-ка въ моемъ краю ложку!» говоритъ пустынникъ. Рахъ задѣлъ. Хвать, онъ щербу хлебатъ, а н а с л ѣ д щ и к ъ хлеба́тъ и то и се, не разберешь. «Я», говоритъ, Рахъ, — «грѣшникъ: души губилъ». А н а с л е д щ и к ъ говоритъ: «А я вотъ какой: съ матерью грѣхъ сдѣлалъ, съ родной сестрой, да съ кумой». Не поспѣлъ Рахъ разбойникъ изъ-за стола вылѣзти, какъ тутъ же захворалъ и померъ онъ въ пустынѣ, на солнечномъ всходѣ. За попомъ далеко ѣхать: взяли схоронили Раха. «Ступай теперь, н а с л е д щ и к ъ», говоритъ пустынникъ,—«отъ трехъ плахъ отруби три комля березовыхъ дровъ печку истопить и ступай ты въ такія мѣста, гдѣ бы тебя никто не зналъ и не вѣдалъ и о т п л а к и в а й ихъ. Если отъ нихъ о́тростп пойдутъ, приди ко мнѣ». Прошелъ годъ, сидѣлъ онъ, отплакивалъ одно полѣно. Пошли о́трости. Приходитъ къ пустыннику. «Отплакалъ?» «Отплакалъ». «Ну, другое отплакивай!» Онъ другой годъ плакалъ надъ г о р ѣ л ы ш е м ъ; приходитъ и говоритъ: «Два отплакалъ». «Ну, ступай. За третій Богу о т к а й с я, отплачь!» Сидѣлъ онъ полтора года надъ третьимъ, не могъ отплакать, и о́тростей полѣно не дало. Приходитъ къ пустыннику и говоритъ: «Не отплакалъ». «Ну, Богъ тебя простилъ въ грѣхѣ м а́ т е р н е м ъ, въ с ѐ с т р е н е м ъ,

а въ грѣхѣ съ подотстовой (?) кумой не прощатъ. Провались», говоритъ,—«окаянная душа, въ тартарары, въ треисподнюю!» Онъ послѣ того передъ нимъ окàмепѣлъ.

(Записано отъ Василья Авдѣева, с. Новиковка, Самарск. г. Ставр. у.).

г. Разбойникъ разбойничалъ много лѣтъ и вздумалъ Богу покаяться. Ходилъ, ходилъ, искалъ, искалъ—нѣтъ такого человѣка, кто бы ему разказалъ, какъ покаяться во грѣхахъ. И думаетъ себѣ: «Дай къ священнику пойду». Приходитъ къ священнику и говоритъ: «Вотъ, батюшка, я пришелъ къ тебѣ во грѣхахъ покаяться, что нѣсколько людей погубилъ. Ты меня исповѣдай и научи, какъ Богу молиться:» Священникъ говоритъ: «Нѣтъ, другъ, я не могу на тебя эпитинье положить, какъ Богу молиться. Поди къ такому то священнику». Разбойникъ вынулъ ножикъ и зарѣзалъ священника; самъ ушелъ другаго искать. Пришелъ къ другому. Священникъ на него смотритъ, индо страшно на него глядѣть: онъ при всей полной амуни́ци, и всякія у него шашки и простолѐты. Разбойникъ и говоритъ: «Вотъ», баетъ,—«пришелъ тебѣ покаяться. Исповѣдывай и причасти меня: я вотъ столько душъ погубилъ; вчера священника убилъ. Наложи на меня эпитиньё великое!» «Не могу, другъ: я больно грѣшенъ, еще не дошелъ до этого; а вотъ ступай къ этому священнику: онъ постарше насъ». Взялъ разбойникъ саблю и этому голову срубилъ. Приходитъ къ третьему и крѣпко со слезами его проситъ: «Батюшка, отецъ духовный, я пришелъ къ тебѣ въ грѣхахъ покаяться. Много я людей убилъ! Исповѣдывай и причасти меня, эпитиньё наложи!» (А самъ ходитъ не пи́мши, не ѣмши). Вотъ священникъ говоритъ: «Нѣтъ я не могу, другъ. Вотъ ступай въ такѐмъ то темномъ лѣсу есть старецъ, онъ тебя научитъ». Разбойникъ вынулъ простолѐтъ и этого убилъ, и пошелъ въ темный лѣсъ. Дошелъ до хижины. Приходитъ къ тружельнику въ келейку, палъ на колѣнки, горько заплакалъ: «Дѣдушка, наложи на меня петинье: нѣсколько я душъ погубилъ, вотъ трехъ священниковъ убилъ!» Говоритъ старецъ: «Охъ, другъ, велико надо на тебя эпитинье положить! Не знай сдо́ржишь ли. Вотъ ступай на поляну, тутъ есть стадо черныхъ овецъ, и паси ты ихъ, а когда онѣ будутъ всѣ бѣлы, тогда тебя Господь

во грѣхахъ прóститъ». Онъ такъ пасъ, что и много время, и приходитъ къ старцу. «Нѣту, дѣдушка, на силу хожу; ни одной бѣлой» Старецъ говоритъ ему: «Еще маненько попаси!» Онъ пасъ тридцать лѣтъ: ужъ чуть можетъ ногъ таскать, и вздумалъ себѣ: «Дай схожу въ лѣсъ, пошатаюсь! Пущай овцы тутъ ходятъ; чай никуды не уйдутъ». Взошелъ въ великій оврагъ, и пошелъ по врàгу, вышелъ на большу дорогу. На большой дорогѣ извощики лошадей кормятъ (превеличающій обозъ въ ярманку ѣдетъ, везутъ табакъ). Вотъ онъ всѣхъ извощиковъ порубилъ и телѣги пожёгъ; взялъ лопату и пепелъ пó вѣтру развѣялъ; пошелъ да и говоритъ: «А идти-ка, не ушли ли овцы ти?» Пришелъ: овцы всѣ до одной бѣлыя. Горько разбойникъ заплакалъ. «Ахъ, Господи, малость не попасъ, всѣ бы бѣлыя были, и Господь меня во грѣхахъ бы простилъ; а я больше еще того нагрѣшилъ!» Пошелъ къ старцу; идетъ горько плачетъ. Спрашиваетъ старецъ: «Ты что, другъ, плачешь?» «Какъ не плакать? Я пасъ тридцать лѣтъ, всѣ овцы были черны; напала на меня грусть, пошелъ я въ лѣсъ разгуляться, дошелъ до большаго врагу и пошелъ по врáгу; вышелъ на большу дорогу. На дорогѣ обозники лошадей кормятъ, ѣдутъ въ городъ на ярманку, табакъ везутъ. Я обозниковъ всѣхъ порубилъ и табакъ склалъ, весь сожегъ, и пепелъ пó вѣтру развѣялъ. Прихожу къ овцамъ— овцы всѣ бѣлы»... «А вотъ тебя Господь во грѣхахъ простилъ! Оттого и овцы побѣлѣли, что ты табаку много сожегъ. Если бы они его въ ярманку привезли, табакъ бы распродали и нѣсколько бы людей осквернили». Тутъ же разбойникъ и умеръ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

д. Одинъ разбойникъ много душъ губилъ. Стоитъ разъ въ лѣсу, возлѣ мер ваго тѣла (только что убилъ человѣка), вдругъ ему кто-то и говоритъ: «Брось это! Не хорошее дѣло людей убивать!» Обернулся, смотритъ: пустынникъ-старичекъ стоитъ. «Да я», говоритъ разбойникъ,— «ничего больше не умѣю дѣлать». «Великій грѣхъ! Спасай свою душу пока время!» говоритъ старичекъ. «Да чѣмъ же я ее спасу?» «На вотъ тебѣ два замочка!» Взялъ и продѣлъ ему по замочку въ уши, а ключи себѣ взялъ. «Поди на горы, бѣлыхъ овецъ тамъ найдешь: паси ихъ. Когда замóчки изъ ушей у тебя выпадутъ, тогда, значитъ, ты душу спасъ». Разбойникъ все такъ и

сдѣлалъ: пошелъ на̀ горы, нашелъ тамъ овецъ и сталъ ихъ пасти. О худомъ онъ вовсе забылъ и много лѣтъ пасъ, а замки все въ ушахъ. Вотъ разъ видитъ онъ, что ѣдетъ большой дорогой кулакъ купецъ, и думаетъ себѣ разбойникъ: «А что сколько этотъ купецъ изъ мужиковъ денегъ выжалъ? Всѣ на него жалуются... Рады бы всѣ деревни были, кабы его не было... Хорошо его убить!» Какъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ: купца зарѣзалъ, а деньги, которыя съ нимъ были, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ ро́здалъ. И испугался разбойникъ, что опять старый грѣхъ совершилъ: человѣка убилъ. Глянулъ себѣ подъ ноги, а замочки изъ ушей выпали, на землѣ около него лежатъ. И подошелъ къ нему старичекъ и сказалъ: «Ты не человѣка убилъ, а свой грѣхъ!»

(Записано отъ Исая Дементьева Иванова, с. Новиковка, Самарск. г. Ставр. у.).

100.

Разбойничья голова.

Пустынникъ молился Богу, трудился, и у него сынъ былъ на возрастѣ и съ нимъ трудился. Пришелъ къ этому пустыннику разбойникъ, нѣсколько казны принесъ и развалилъ ее середь полу. Старикъ вышелъ съ сыномъ на дворъ и говоритъ сыну: «Сынокъ, давай разбойника этого удавимъ! Деньги наши будутъ». «Эхъ», говоритъ,—«батюшка, мы тридцать лѣтъ съ тобой трудимся, да это дѣло дѣлать будемъ! Ты перва́ жени меня». Ну, отецъ женилъ сына, взяли къ себѣ бабу въ домъ; а разбойникъ съ деньгами у нихъ живетъ. Сынъ съ хозяйкой пошли къ своимъ побывать, за ними и катится вслѣдъ разбойничья голова, нагнала и говоритъ: «Молодецъ, айда, куда я тебя поведу!» «Нѣтъ погоди, къ своимъ схожу». «Ты сколько у своихъ пробудешь?» «Три дня». Прошли три дня, идутъ назадъ—голова опять на встрѣчу катится; повстрѣчалась и остановилась. «Ну, пойдемъ теперича со мной!» «Ну пойдемъ!» Простился съ своей хозяйкой; она домой пошла, а онъ за головой пошелъ. Катилась голова лѣсомъ, глухой дорожкой,

докатилась до кельи; взошла въ келью и парень за нею. Въ кельѣ три окна прорублены; голова и говоритъ парню: «Сиди въ кельѣ, я по с а д у погуляю; только въ эти два окошка не гляди, а въ одно гляди!» Онъ сидитъ и ду́матъ: «Почему въ тѣ голова глядѣть не велѣла? Дай погляжу!» Поглядѣлъ на всходъ солнца и увидалъ все царствіе небесно; во второе поглядѣлъ и увидалъ адъ кромѣшный: пискъ, визгъ и отецъ въ котлѣ кипитъ, такъ и мы-рѣтъ. Пожалѣвши отца, уцѣпилъ его за бороду, борода въ рукахъ осталась. Прикатилась голова въ келью и говоритъ: «Ну, что, я вѣдь не велѣла глядѣть въ окошки». «Поглядѣлъ», баитъ. «Ну, видѣлъ?» «Все видѣлъ. Укажи мнѣ какъ до отца дойти; я долго здѣсь засидѣлся». «Да», говоритъ голова,—«долго: три года сидишь». «Какъ три года?» «Да такъ, три года в р е м я прошло. Вотъ тебѣ дорога, ступай къ отцу!» Онъ приходитъ къ отцу въ келью; отецъ еще живъ, старенькій сталъ, а борода облиняла (нѣтъ). «Эхъ, батюшка, ты видно согрѣшилъ?» «А что?» «Да видно п о х и т и л ъ разбойника?» «Грѣшенъ», говоритъ,—«п о л о ж и л ъ». «Ну, батюшка, уготовлено тебѣ мѣсто».

(Абрамъ Новопольцевъ).

101.

К у п е ц ъ и Ж и д о в и н ъ.

Жилъ былъ н ѣ к о т о р ы й именитый купецъ, и былъ у него одинъ разъединый сынъ. Купецъ самъ померъ, и остался этотъ сынъ м л а̀ д ы й. Имѣнья ему много досталось. Сталъ сынъ возрастать, сталъ торговать, хлѣба покупать. Накупилъ хлѣба множество, погналъ хлѣбъ въ ину́ землю, поднялась с и л ь н ѣ ю щ а я буря, и посуду у него разломило, и хлѣбъ весь у него потонулъ. Что̀ же дѣлать? Богъ далъ, Богъ и взялъ. Взялъ еще больше казны и опять поѣхалъ, еще больше того накупилъ и опять въ расшиву нагрузилъ. Поплылъ въ иную землю; поднялась опять величающая буря и все потопила. Обратился онъ опять назадъ; пріѣзжаетъ къ матери. Та встрѣчаетъ и горько плачетъ: «Что, сынокъ, знать,

опять на тебя несчастье?» «Да, маменька, весь хлѣбъ потонулъ». «Ну, дѣлать нечего сынокъ: Богъ далъ, Богъ и взялъ. Опять дастъ». Денегъ у нихъ не стало ничего; купецкій сынъ ходитъ невеселый; хочется поторговать, а нечѣмъ. Думалъ, думалъ, пошелъ къ прочіимъ именитымъ купцамъ занять денегъ. Купцы денегъ даютъ, только поручительства спрашиваютъ. Онъ человѣкъ молодой, никто за него не поручается. И въ е́фтемъ городѣ былъ богатый Жидови́нъ и такой милостивый. Купецкій сынъ пришелъ и проситъ у него денегъ взаймы. Жидъ спрашиваетъ его: «А сколько тебѣ нужно?» «Тридцать сребренниковъ». «Ну», говоритъ жидовинъ,—«я тебѣ дамъ. Приведи мнѣ поручителя». Купецкій сынъ и говоритъ: «Я тебѣ принесу въ поручители Спасителя, русскаго Бога «(то есть, икону)». Жидо́къ говоритъ: «Уже тащи поди! Я вашему Богу повѣрю». Купецкій сынъ пошелъ, Спасителевъ образъ принесъ ему. Жидовинъ его къ мѣсту спряталъ и далъ денегъ. Онъ пошелъ, больше того хлѣба накупилъ; нагрузилъ расшиву и поѣхалъ. Пріѣхалъ въ иную землю, и тотъ же годъ былъ въ иной землѣ неурожай. Хлѣбъ онъ свой пригналъ, весь его распродалъ, барыша нѣсколько взялъ; всѣ убытки назадъ воротилъ; сѣлъ въ легкую лодку одинъ разъединый, казны насыпалъ трехведёрный боченокъ и поплылъ. Поднялась превеличающая буря, понесла его съ деньгами по Волгѣ и унесла незнай куды. Онъ видитъ дѣло плохо: лодка тонетъ; взялъ перекрестился и съ родными распростился. Беретъ въ руки боченокъ съ деньгами и пустилъ его въ воду, и говоритъ: «Спаситель міра, переправь мои деньги богатому Жидовѝну!» И понесло боченокъ Богъ знать куды, а купецкаго сына занесло въ тростникъ, какъ въ темный лѣсъ, и вынесло на бережокъ, Богъ знать гдѣ. Лодку онъ бросилъ, самъ домой пѣшкомъ пошелъ. Денегъ нѣтъ ни гроша, идетъ по́ міру сбираетъ. Приходитъ домой, къ матери. Мать его встрѣчаетъ, горько плачетъ, что его три года не было. Онъ ей сказываетъ про свое похожденіе, что́ съ нимъ было. «Что же дѣлать?» говоритъ мать,—«это Божье насланіе! Иди къ богатому Жидовѝнѣ, проси, можетъ быть онъ подождетъ». Онъ приходитъ къ нему, палъ на колѣни. Слезно плачетъ, чтобы онъ на немъ деньги подождалъ. Все ему разказалъ, куда онъ деньги дѣлъ; а богатый жидовѝна ему сказываетъ: «Нѣту», говоритъ,—«я деньги твои получилъ: русскій

Богъ мнѣ твой принесъ». «Какъ онъ тебѣ принесъ?» «Пошелъ я на̀ море, на мостки, гдѣ пристань у меня, смотрю: у мостокъ боченокъ, на боченкѣ подпись, что деньги такаго-то вотъ купецкаго сына, что онъ опустилъ ихъ въ море и сказалъ: «Спаситель міра, возьми деньги на свои руки и представь богатому Жидовинѣ». Я деньги изъ боченка получилъ и денегъ было множество». Жидовинъ только отсчиталъ свои тридцать сребреницъ (а всѣхъ денегъ было девяносто сребрениковъ), остальныя купецкому сыну отдалъ, и говоритъ: «Праведный вашъ русскій Богъ, Спаситель!» Жидъ былъ некрещеный и говоритъ купецкому сыну: «Веди меня къ священнику, крести меня: я въ вашу вѣру пойду!» Онъ повелъ его и окрестилъ. Какъ окрестился Жидовинъ, такъ и сталъ помирать. И померъ жидо́къ, имѣнье все купецкому сыну отказалъ. Купецкій сынъ сталъ въ жидко́вомъ дому жить и такъ разбогатѣлъ, что лучше всѣхъ купцовъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

102.

Злая сноха.

Жилъ купецъ. У него сынъ былъ да дочь; дочь не отда́на и сынъ холостой. Онъ помиралъ и имъ наказывалъ: «Ну, сынокъ да дочка, другъ дружки слушайтесь!» Оставилъ онъ имъ двѣ лавки съ краснымъ товаромъ; въ одной лавкѣ сидѣлъ братъ, въ другой—сестра. Вотъ братъ, спросясь сестры, пошелъ въ лавочку и нанялъ прикащика въ ея лавку (у нихъ убираться дома не кому было). Пришла нищенка мѝлостинку просить, онъ ей не подалъ и глядитъ на нее. «Кто, говоритъ, ты такая?» «Нищенская дочь». Она перекрестилась, онъ и увидѣлъ хорошій больно перстень. «Ты дѣвушка?» «Дѣвушка». «Я хочу на тебѣ обра́читься». «Вы», говоритъ,—«купецъ, а я бѣдный человѣкъ». «Это ничего, что ты бѣдный человѣкъ: я тебя обряжу; у меня одежа есть», говоритъ. Она ему перстень подала, а онъ ей въ двадцать-пять рублей платочекъ. Вечеромъ приходитъ къ сестрѣ и говоритъ: «Видѣлъ я,

сестра, дѣвицу, больно понравилась: увидалъ на ней перстень больно хорошъ! «Хочу о б р у ч и т ь с я». «Ну, братецъ, когда хочешь жениться, такъ ты мнѣ верхній е т а ж ъ оправь: вмѣстѣ съ женой твоей я жить не бу́ду». Онъ оправилъ ей домъ, верхній д в у е т а́ ж ъ и сталъ жениться. Обвѣнчался, зажилъ, а на верхнемъ двуета́жѣ онъ все съ сестрой совѣтовался; напьется съ ней на верху чайку, потомъ къ женѣ сойдетъ. Потомъ время прошло, жена забрюхатѣла и родила, и взялъ онъ въ кумовья шабра, а въ кумы родную сестру, и стала жена на него сѣтовать, что онъ съ ней живетъ.

Пришелъ вечеръ, плачетъ она н е д у р о́ м ъ: не зашелъ онъ къ ней, а прямо къ сестрѣ, чайку испилъ, посовѣтовался, потомъ къ женѣ сошелъ. «Вотъ, мужъ, ты баишь, что съ сестрой не живешь, а она на мнѣ платье разорвала, приходила, разобидѣла». На другой день пошелъ въ лавку торговать; вечеромъ домой идетъ, а жена п о м е р т в о м у плачетъ. Зашелъ къ сестрѣ, она ему говоритъ: «Что-то жена плачетъ, да неловко». Онъ сошелъ. «Вотъ», говоритъ жена,—«ты и не вѣришь, а она пришла да младенца и зарѣзала!» «Гдѣ онъ лежитъ?» «Подъ порогомъ». «Ну, дѣлать нечего». Наняли плотниковъ, сдѣлали гробокъ и схоронили. На третій день пришелъ въ лавку и приходитъ вечеръ. «Ну», говоритъ,—«мужъ, если хочешь меня живой видѣть, такъ со мной живи, а не хочешь, такъ я удавлюсь. Р ѣ ш и сестру—буду съ тобой жить».

Былъ у нихъ работникъ; вотъ онъ и велитъ работнику закладывать лошадь, ѣхать съ сестрой въ городъ. «Проѣдемъ», говоритъ,—«лѣсомъ, дубъ посмотримъ для гробовъ, надо разрѣзать». (А у самаго́ на мысляхъ сгубить ее около дуба). Пріѣхали къ дубу; онъ смѣрялъ два раза. Слѣзла сестра, смѣряла во сколько обхватовъ. «Работникъ, давай топоръ!» Сестра обняла дубъ да и обмерла; а онъ ей по локти руки обрубилъ. Сѣли на сани и уѣхали, а она у дуба осталась; налилъ изъ ея рукъ цѣлый коло́дезь крови. Опомнилась она черезъ малое время и пошла куда глаза глядятъ. Подошла она къ морю и стала просить Бога, чтобъ онъ ей лодочку далъ. Вотъ Господи с о з д а л ъ ей лодочку. Посерѣдь моря—садъ царскій и дворецъ: царь тутъ живетъ самъ. Переѣхала она въ садъ на этой лодкѣ (ее Господь перенесъ), и ходитъ солдатъ-караульщикъ по́ саду, яблоки караулитъ. Ходила она по́ саду и

не нашла она лучше одной яблони. «Господи», говоритъ,—«кабы этотъ яблочекъ отпалъ, я бы наклонилась да съѣла. Вѣтромъ отшибло его. Она его закусила и въ пазуху положила; ходитъ безрукая по саду. Солдатъ проснулся, видитъ: яблока нѣтъ; приходитъ къ царю и говоритъ: «У меня съ этой яблони яблоко украли». «Я съ тебя», говоритъ царь, — «голову сыму! Строже карауль!» Вышелъ солдатъ караулить и самъ себѣ думаетъ: «Найти бы мнѣ такого вора, я бы его прямо къ царю». Ходилъ солдатъ, ходилъ и легъ въ шалашикъ спать. Дѣвушка подошла къ нему и говоритъ: «Солдатъ, спишь?» «Сплю». «Веди меня, вора, къ царю: я украла». Солдатъ радъ, ведетъ къ царю. «Ваше величество, вотъ я вора привелъ!» Поглядѣлъ царь на дѣвку, она ему показалась только безъ рукъ жалко. Съ солдата царь голову снялъ. «Къ чему», говоритъ,—«ты яблоко не укараулилъ? Воръ самъ къ тебѣ пришелъ». А у этого царя сынъ былъ на войской. Пріѣхалъ сынъ съ войской. «Здравствуй», говоритъ,—«тятенька!» «Сынокъ, мы вора нашли, не вздумать, не взгадать, ни перомъ описать, только рукъ у дѣвки нѣтъ». Няньки и мамки за ней ходятъ. «Дайте», говоритъ,—«тятенька, я ее погляжу». Посмотрѣлъ — показалась. «Я», говоритъ.—«на ней обвѣнчаюсь!» Отъ лица ея, какъ отъ солнышка сіяетъ. Царь говоритъ: «Какая-нибудь бродяга, а ты возьмешь! Неужто не найдется другой?» Сынъ два дни не говорилъ съ отцемъ и матерью: жениться хочетъ. Отецъ съ матерью одумались и говорятъ: «Благословля́мъ, Богъ съ тобой!» Онъ жилъ съ ней много ли, мало ли, и потребовали сына въ тотъ городъ, гдѣ она жила, и царская семья съѣзжалась въ самый этотъ домъ, гдѣ братъ ея живетъ. Безъ него жена родила сына, на затылкѣ—звѣзда и на спинѣ—звѣзда; въ царской семьѣ рожденъ отъ сына отрогъ. «Если, папаша», говоритъ,—«моя жена родитъ, такъ напишите въ городъ чего родитъ.» Она родила, и отецъ ему написалъ. Письмо его попало брату со снохой и братъ прочелъ. «Надо думать, сестра пишетъ безрука. Напишемъ, жена, къ царю, что засмолить ее въ бочку и пустить по́ морю». И послалъ; а царскій сынъ не зна́тъ. Получилъ царь и говоритъ женѣ сына: «Вотъ что—тебя велятъ въ бочку засмолить». «Чѣмъ», говоритъ,—«меня засмаливать, пустите меня на волю и привяжите сына за плечи». Вышла она въ садъ и закушенное яблоко ребенку отдала; подошла къ морю и опять

стала просить: «Господи, кабы создалъ лодочку, я бы переѣхала!» Переѣхала, идетъ по бережку. Одёжа на ней хорóша; повстрѣчалъ ее Рахъ разбойникъ и ребенокъ ей рѣчитъ: «Отдай, мама, ему хорóшу-то одёжу, а дурную возьми, а то онъ насъ убьетъ». Она и говоритъ: «На», говоритъ,—«тебѣ хорошу одёжу, а плохую дай!» Она надѣла его плохую одёжу, а онъ—хорóшу. Отворотилъ у него Богъ глаза и не видалъ онъ куда они пошли.

Идутъ лѣсомъ и подходятъ къ дубу, гдѣ руки отрубили, и тутъ колòдчикъ съ водой. Легли они отдохнуть; ребенокъ игрàтъ, она уснула. Подходитъ къ нимъ въ сновидѣніи Николай угодникъ. «Мальчикъ, приставь матери лѣву руку, помочи водой—она пристанетъ!» Онъ помочилъ водой, приставилъ, она и пристала; а правую она сама приставила. Обрадовалась, пошла въ городъ и приходитъ къ лавкѣ братниной, милостыню проситъ. Братъ не узналъ, далъ три монеты, а на мальчика шапку надѣлъ «Господинъ, пустите ночевать!» «У меня», говоритъ,—«вонъ хорошій домъ есть, только у меня царская фамилія, да комната есть особая пускай». Подходитъ къ дому; братнина жена гонитъ ее: «Куда ты? У насъ царь». Братъ кричитъ женѣ: «Пусти нищенку, я ей подалъ». Пустили на квартѐру и дали ей особу комнату. Пріѣзжаетъ сынъ царёвъ съ войской и сталъ съ ея братомъ чайничать по дружески и жена тоже. Мальчикъ въ комнатѣ баловалъ, да и уронилъ яблочко; оно и покатилось пò полу. «Что это?» говоритъ царскій сынъ,—«яблоко будто не изъ такихъ садовъ?» Мальчикъ вбѣжалъ и убѣгъ назадъ съ яблокомъ. Во вторыѣ выкатилъ, вышелъ, снялъ шапку, и царёвъ сынъ увидалъ двѣ звѣзды, взялъ его на колѣнки. «Ты чьего роду?» «Я», говоритъ, царской сынъ!» У брата съ женой чашки изъ рукъ выпали. Царёва сына жена вышла и говоритъ мужу: «Ты меня безъ рукъ бралъ?» «Безъ рукъ». «У меня сейчасъ руки стали». «А гдѣ ты ихъ взяла?» «Гдѣ! Братъ отрубилъ». «Гдѣ отрубилъ?» «У дуба». «Какъ ты сюды угодила?» «Я угодила такъ: вы писали, чтобъ меня въ бочку засмолить съ сыномъ». «Я отъ отца письмо не получалъ и самъ тебѣ обратно не посылалъ». Онъ взялъ вынулъ саблю и съ снохи голову снялъ, а брата съ собой взялъ, въ свое царство.

(Записано отъ Василья Авдѣева).

103.

Старикъ и царская дочь.

Шелъ улицей парень съ своей молодой хозяйкой; на встрѣчу имъ старикъ: «Гдѣ, добрый молодецъ, ты этакую красавицу взялъ?» «Господь далъ, дѣдушка». «Можетъ ли быть? Дай-ка я помолюсь, дастъ ли?» «Дастъ и тебѣ». Старикъ годъ круглый Богу молился и просилъ Бога, и задумалъ у царя дочь сватать. Предъявляется къ царю и подходитъ къ царскимъ вратàмъ, и просится въ палаты. Часовые доложили; царь велѣлъ старику взойти. Палъ старикъ передъ царемъ на колѣнки. «Ты что, старичекъ?» «До васъ, царское величество!» «Что ты?» «Да вотъ, наслышавъ про вашу дочку, сватать пришелъ. Отдадите или нѣтъ?» «У меня не одна, а три дочери; я ихъ зá мужъ не посылаю и волю съ нихъ не сымаю. Ступай къ нимъ, въ отхожія комнатки!» Старикъ приходитъ. Царевна, большая сестра, говоритъ: «Что ты къ намъ взошелъ?» «Да вотъ сватать васъ пришелъ, пойдете или нѣтъ?» «Подумаю», говоритъ;—«вы немножко вы́дьте, въ прихо́жу». Ну, онъ вышелъ, постоялъ. Опять его требуютъ. «Ну что, царевна?» «Да, я намѣрена за тебя идти». «Какъ же?» говоритъ. «Только ты отсрочки дай съ добромъ собраться». «А сколько?» «На три года». «Это долго, царевна. Я до той поры умру. Нѣтъ, по нашему такъ: либо нынче, либо завтра свадьбу». Нѣтъ, отсрочку надо, хоть два года». «Нѣтъ». «Ну хоть на̀ годъ!» (Подается царевна) «Нѣтъ, на три недѣли у насъ, крестьянъ, дается». Ну, согласилась царевна. «Я за тебя, старинушка, просто не пойду: найди мнѣ магнитъ-камень, принеси, тогда пойду». Старикъ отвѣча́тъ: «Я не то что принести, я съ роду родовъ не видалъ». «Ну, а безъ него за тебя не пойду». «Ну, прощайте на время» говоритъ старикъ и вышелъ изъ дворца. Вышелъ въ чистое поле, стоитъ и повѐртывается на всѣ четыре сто́роны. «Ахъ», говоритъ,—«Господи даетъ мнѣ царевну, а гдѣ я магнитъ-камень найду?» Думалъ, думалъ и увидѣлъ въ одной сторонѣ темный лѣсъ и пошелъ въ него. Шелъ далеко и въ лѣсу келейка стоитъ. Онъ взошелъ въ нее и сидитъ себѣ и думаетъ: «Гдѣ я магнитъ-камень найду?» А въ избёнкѣ никого нѣтъ, толь-

ко рукомойникъ виситъ и отвѣчаетъ человѣческимъ голосомъ: «Эхъ, старикъ, выпусти меня: я тебѣ магнитъ-камень принесу!» «Ты кто таковъ?» «Я—чортъ». «Гдѣ же ты сидишь?» «Въ рукомойникѣ. Выпусти!» Онъ его выпустилъ. Чортъ разлетался съ гуся большаго и улетѣлъ; принесъ ему магнитъ-камень и летаетъ большой. «Какъ же ты теперь большой, а въ рукомойникѣ сидѣлъ? Вѣдь не пролѣзешь теперь въ него?» «Да, дѣдушка, я вѣдь маленькимъ и какимъ хошь сдѣлаюсь». Сдѣлался воробьемъ. «Ну, теперь хоша ты и пролѣзешь, а какъ же ты въ дудочку-то пролѣзешь?» «Да я мушкой сдѣлаюсь, старинушка». «Ну-ка!» Сдѣлался чортъ мушкой и полѣзъ туда. Влѣзъ; старикъ его тамъ опять и заами́нилъ, взялъ магнитъ и пошелъ къ царевнѣ. Принесъ и говоритъ: «Вотъ, царевна!» «Ну, собирайся вѣнчаться!» «Нѣтъ», говоритъ,—«царевна, у насъ вотъ случай какой вышелъ: парень Господу молился, и ему онъ жену красавицу далъ; а я молился годъ круглый, да мнѣ куды жениться? Мнѣ семьдесятъ лѣтъ. Я только Господа исповѣдалъ. Прощай!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

104.

Правда на морѣ не тонетъ.

Жили три брата, раздѣлились. Большой братъ померъ, послѣ его остался на возрастѣ сынъ. Сидѣли они въ лавочкѣ; сталъ онъ глупостями заниматься: по дѣвкамъ похаживать. Дядья на кораблях въ море торговать ѣздили; сноха и говоритъ имъ: «Возьмите племянника, что̀ онъ безъ дѣла шатается». Тѣ взяли и выѣхали въ море. Только ѣхали, ѣхали и заспорили. Племянникъ говоритъ, что правда и на̀ морѣ не тонетъ, и въ огнѣ не горитъ, а дядья говорятъ, что кри́вдой жить лучше. Видятъ: по берегу попъ идетъ (а это чортъ имъ переодѣлся); спросили попа: «Чѣмъ лучше жить:

правдой или кривдой?» Тотъ и говоритъ: «Правдой хорошо, а кривдой вдвое лучше того». «Вотъ видишь», говорятъ дядья; а племянникъ все свое говоритъ: «Нѣтъ, правда на морѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ!» Они взяли да и столкнули его въ море, а сами поѣхали.

Пріѣхали въ царство, выпалили изъ пушки, а племянникъ все за ними плылъ (за брусъ уцѣпился); вышелъ на берегъ вмѣстѣ съ ними и говоритъ: «Что, неправду я говорилъ, что правдой лучше жить, что она на морѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ?» Царь дозволилъ имъ торговать на условіи, чтобы они читали псалтырь надъ его умершей дочерью, въ церкви, по ночамъ. А она была проклята́я, и каждую ночь отецъ ей по человѣку посылалъ. Вотъ стали братья метать жеребій: выпало племяннику идти. Онъ пошелъ. По дорогѣ попадается ему старичекъ. «Ты», говоритъ,—вотъ что: возьми, я тебѣ дамъ двѣнадцать шариковъ; войдешь въ церковь, очерти вокругъ себя три раза кругъ, стань въ него, а когда она изъ-подъ плиты подымется, бросай ей по шарику». Онъ такъ и сдѣлалъ. Пришелъ, очертилъ круги, сталъ. Поднялась покойница изъ гроба и закричала: «Ахъ, батюшка, посылалъ ты мнѣ все старыхъ да скверныхъ, а теперь прислалъ молодаго, хорошаго! Вотъ я его сейчасъ съѣмъ!» Только что стала подходить, съѣсть хотѣла—онъ и кинулъ ей первый шарикъ. Она имъ занялась, катала, катала; онъ другой кинулъ. Подошла полуно́чь, кочетья вскрикова́ли — опять она подъ плиту провалилась, а онъ сталъ читать. Пришли царскіе слуги провѣдать живъ ли; слышатъ—онъ читаетъ. На другой вечеръ досталось большому дядѣ. «Племянничекъ, сходи», говоритъ,—«я тебѣ корабль отдамъ!» «Я и такъ, дяденька, схожу». Пришелъ въ церковь, очертилъ кругй, сталъ. Поднялась покойница изъ гроба и закричала: «Вотъ я тебя сейчасъ съѣмъ!». Только стала подходить, онъ ей шарикъ и кинулъ. Она занялась, катала, катала — онъ еще кинулъ. Подошла полуночь, кочетья вскриковали, она подъ плиту опять провалилась, а онъ сталъ читать. Пришли царскіе слуги провѣдать, глядятъ: онъ читаетъ, здравый и ничѣмъ невредимый.

Пришлось на третью ночь меньшо́му дядѣ; онъ и говоритъ: «Племянничекъ, ночуй за меня! Я тебѣ корабль отдамъ». «Мнѣ ничего не надо, дяденька, я и такъ схожу». Пошелъ и встрѣтилъ

опять старика: «Ну», говоритъ старикъ,—«теперь шарики брось, и какъ только она выйдетъ да кинется къ тебѣ, лови ее за̀ руку, да въ кругъ». Пошелъ онъ и причастился; вошелъ въ церковь, сталъ читать. Поднялась покойница изъ подъ плиты и кричитъ: «А», говоритъ,— «негодный, я тебя съѣмъ!» Только она вышла, да подбѣжала къ нему, онъ ее хвать за̀ руку и давай отчитывать. Утромъ приходятъ смотрятъ: они оба молятся. Царь обрадовался и говоритъ племяннику: «Ну кто умѣлъ мою дочь отчитать, умѣй и за мужъ взять!» И повѣнчали ихъ. Дядья поѣхали домой. «Дяденьки, говоритъ, предоставьте мою мать сюда!» Тѣ привезли ее.

Было у него отъ царя и царство, и войско, и все. Безъ отца скучно ему стало, а гдѣ его сыскать? Сталъ онъ подыскивать себѣ старичка. Нашелъ одного и говоритъ: «Будь мнѣ замѣсто отца!» Сѣлъ, да давай при немъ ножемъ по столу стучать. Тотъ молчитъ. «Нѣтъ», говоритъ царскій сынъ,—«я вижу ты мнѣ не можешь быть отцемъ; мнѣ другаго надо». Нашелъ другого старичка и говоритъ ему: «Будь мнѣ замѣсто роднаго отца, чтобы я тебя почитать могъ!» Взялъ какъ то при немъ ножъ и давай по столу постукивать. Тотъ увидалъ да и говоритъ: «Развѣ ты не знаешь, что ножемъ по столу стучать великій грѣхъ? Брось!» Тотъ бросилъ, да и говоритъ: «Вотъ это мнѣ настоящій отецъ».

Пошелъ разъ онъ съ женой по̀ саду разгуляться, видитъ—на встрѣчу знакомый старичекъ идетъ, тотъ самый что ему шарики давалъ. «Здравствуй, говоритъ, ну давай теперь жену пополамъ съ тобой дѣлить!» «Какъ пополамъ?» «Да такъ», говоритъ,—«вѣдь я тебѣ помогалъ ее доставать. Возьми за одну руку, а я за другую, раздѣлимъ на̀двое». Тотъ заплакалъ: жаль ему съ женой разставаться было, да дѣлать нечего. Взялъ онъ ее за одну руку, а старикъ за другую и разорвали царевну на двѣ части. Старикъ взялъ перемылъ у ней все, а въ ней всякій гадъ былъ; сложилъ и дунулъ разъ. Стала царевна совсѣмъ мертвая. Дунулъ въ другой разъ — она и встала, какъ есть живая. «Ну, вотъ теперь», говоритъ старикъ,—«ты можешь на ней жениться, сынъ мой: теперь она въ настоящемъ видѣ, а до этого въ ней гаду много было и всякой нѣчисти». Послѣ этого зажилъ онъ съ женой опять и сталъ по прежнему царствовать, а старичекъ тутъ же и́зъ виду пропалъ. Ста-

ричекъ этотъ былъ самъ Господь; онъ его и спасалъ отъ дьявольской силы. И я тамъ былъ, медъ пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Записано въ Симбирскѣ).

105.

Дорогой подожокъ.

Жилъ былъ старикъ со старухой; у нихъ былъ разъединый сынъ, и была у него собака страшная, большая, и кажный разъ онъ ее съ собой бралъ и такой казны домой натаскалъ, что и дѣвать нéкуда. Отецъ съ матерью его ругаютъ, на разбой не пускаютъ, а онъ ихъ не слушаетъ, все ходитъ. Вотъ пришлось такое время, на канунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья; люди пошли ко всéношной, а онъ добрый молодецъ — на разбой, и взялъ собачку да подожокъ и вострый ножъ; взялъ коровай бѣлаго хлѣба, полштофчикъ винца, да часть человѣчьяго варенаго мяса и пошелъ на большую дорогу. Вотъ онъ пéрву встрѣчу не пропускалъ хоть за деньги, хоть безъ денегъ, и убивалъ. Одинъ добрый молодецъ работáлъ на чужой сторонѣ, недолго работалъ: годъ цѣлый прохворалъ и идетъ, чуть ноги тащитъ. Встрѣчаетъ его разбойникъ «Стой! Я тебя зарѣжу!» «Что ты меня зарѣжешь? У меня нѣтъ ни копѣйки». «Ну, да ты первая встрѣча: безъ денегъ убью! Давай-ка вотъ сядемъ да разговѣмся». Разстилаетъ полотенце, вынимаетъ ковригу бѣлаго хлѣба, полуштофъ водки и жареную часть человѣчьяго мяса; сѣлъ да на тарелочку порѣзываетъ. «Садись-ка, поѣдимъ!» Дѣлать нечего, молодецъ сѣлъ. Вотъ разбойникъ наливаетъ стаканъ водки, наливаетъ и самъ выпиваетъ, и молодцу подаетъ. Выпили по стаканчику, да по другому наливали и пирожка закусили. Молодецъ и говоритъ: «Все-то мнѣ равно умирать; налей-ка третій». Вотъ онъ третій-то выпилъ, да и говоритъ: «Вѣдь у меня денегъ нѣтъ ни гроша». Вынимаетъ разбойникъ вострый ножъ и начинаетъ рѣзать часть жаренаго мяса; рѣжетъ да п о ё д ы в а т ъ, а добрый молодецъ хмѣльный сталъ, себѣ думаетъ: «Страшенъ сонъ да милосливъ Богъ!»

Разбойникъ взялъ ножъ и воткнулъ въ кусокъ мяса, понесъ себѣ въ ротъ; добрый молодецъ въ руку то его тыкъ, онъ тутъ и хныкъ, и свалился какъ осиновый сполъ. Собака хвостомъ завертѣла и домой полетѣла; прибѣжала и лежитъ, а добрый молодецъ взялъ его подожокъ и за ней бѣжитъ. Приходитъ въ селенье. Старикъ со старухой на краю живутъ въ окошечко у нихъ огонекъ свѣтитъ. Онъ молитву сотворилъ, сказалъ: «Пустите, Христа ради, ночевать!» Вотъ старикъ съ старухой обрадова́лись и ночевать пу́стили. Пришелъ молодецъ, помолился и имъ поклонился, а подожокъ подъ лавочку положилъ. Старуха старику и говоритъ: «Старикъ, посмотри-ка — вѣдь нашего сына подожокъ!» Старикъ подошелъ да посмотрѣлъ. «Охъ да, старуха, самый онъ!» А молодецъ на печкѣ лежитъ, крѣпко уснулъ. Старуха говоритъ: «А слава ти Господи, не поразилъ ли его Господь?» Вотъ старикъ говоритъ: «А надо, старуха, его разбудить да и распросить гдѣ онъ былъ, куды идетъ». Вотъ они его ото сна разбудили, спрашиваютъ: «Не видалъ ли кого?» «Видѣлъ я добраго молодца и такъ страсти отъ него наима́лся, а таки все въ руки не далсѧ». «А дѣ ты этотъ подожокъ, сынокъ, взялъ?» «А вотъ я мужика убилъ, все равно что ба́рдинскаго быка, и взялъ по дорогѣ». Старикъ говоритъ: «Это распутный нашъ сынъ. Какъ тебѣ Господь помогъ?» Разказалъ имъ молодецъ: «Да вотъ такъ невча̀янно попалъ, выпилъ стаканъ водки и его поималъ и прикончилъ». Старикъ со старухой больно обрадова̀лись, молиться Богу собирались. Затеплили свѣчу воскуя̀рову́ю, молятся Богу со слезами и говорятъ: «А вотъ спасибо, добрый молодецъ, что его сгубилъ; не хочешь ли, молодецъ, золоту̀ его казну взять, а намъ старикамъ ее некуда». Открыли конничекъ — полнёхонекъ казны. Поглядѣлъ, поглядѣлъ молодецъ, плюнулъ да прочь пошелъ, подожокъ взялъ да ушелъ домой. Подожокъ-отъ былъ хорошъ: въ немъ было нѣсколько казны, въ серединкѣ была дырочка (полну̀ разбойникъ ее золота насовалъ, а сверху то дырочку пробочкой заткнулъ). Вотъ добрый молодецъ подожокъ изломалъ и казну себѣ взялъ и сталъ жить да быть, и сталъ бога̀тѣть и теперь такой богатый и! и! и!

(Абрамъ Новопольцевъ).

106.

Дѣвка и разбойники.

Жилъ былъ мужикъ съ женой и дочерью; нужды не имѣлъ: казны были бочки золота. Слѣдили разбойники нѣсколько лѣтъ, какъ бы у него казну выгрузить.

Выѣхалъ разъ мужикъ на базаръ и увидѣлъ своего брата изъ другой деревни. «Здорово, братъ Антонъ!» «Здравствуй, братъ Яковъ!» «Что же ты, братъ Антонъ, ко мнѣ въ праздникъ не заѣдешь?» «Ахъ, братецъ, на кого я домъ брошу?» «У тебя дочь на возрастѣ, можетъ посидѣть, подругъ скричать». «Хорошо, подумаю». «Пріѣзжай!» «Моремъ пріѣду». Разошлись. Антонъ пріѣхалъ домой, сказалъ женѣ: «Яковъ насъ къ празднику зоветъ». А разбойникъ подъ окномъ все слышалъ. «Что же, съѣздимъ, посмотримъ». Пришелъ Покровъ, стали собираться, а разбойники все выглядывали. Дочь ихъ проводила, а сама подругъ вскричала. Въ ѐфто время разбойникъ вошелъ въ избу и на печкѣ шабровъ мальчишка лежалъ. Онъ увидалъ и испугался, а разбойникъ его испугался, что закричитъ. «Не бойся, мальчикъ, на вотъ тебѣ пряникъ, не сказывай, что я былъ въ избѣ! Я залѣзу въ подполье; если чего онѣ уронятъ, лазять не вели!» Разбойникъ залѣзъ и закрылъ самъ себя, какъ и было. Дѣвка убрала скотину, приходитъ въ домъ. Собрались подруги, вздули огонь, свѣчу зажгли и стали дѣло дѣлать: котора шьетъ, котора вязётъ. Одна шила и стала баловать: махнула рукой, у ней наперстокъ съ пальца подъ полъ и упалъ. «Подруженька, слазяй!» «Да, полѣзу я за чужимъ наперсткомъ!» Довелось хозяйкѣ лѣзть. Зажгла она свѣчку, открываетъ подполье, а мальчикъ и говоритъ: «Не лазяй въ подполъ: залѣзла казарка (красная козявка) въ казёнку!» Она не поняла и полѣзла, и нашла наперстокъ. Оборотилась назадъ со свѣчкой и увидала человѣка съ ножемъ. «Ахъ, дѣвушки, тащите меня! Мнѣ въ бокъ вступило!» Вытащили ее. «Давайте ужинать!» Стала собирать, а сама стонетъ. Поужинали, стала постель стлать на полу и подругъ укладываетъ. Погалдѣли, легли. Слышитъ дѣвка, что всѣ уснули; тихимъ манеромъ поднялась и ушла въ чуланъ, вынула воды изъ печи, обмылась и на-

рядилась какъ на смерть; вынула себѣ шашку и коцье и встала за̀ печь. Черезъ нѣсколько время слышитъ разбойникъ, что тихо, сталъ приподымать затворъ и вылѣзъ оттуда. Вздулъ разбойникъ огня, зажегъ свѣчку (отъ нея синíй огонь), обвелъ ей кругомъ дѣвокъ, вынулъ бумажку изъ кармана, развернулъ ее. Въ ней были короткія булавки; онъ каждой дѣвкѣ давай ихъ въ пятки втыкать по самую головку. Видитъ, что крѣпко спятъ—пошелъ на крыльцо, товарищей кричать. Товарищи не слышатъ. Подошелъ къ воротамъ, отперъ з а в а л ъ (поперёчну жердь), полѣзъ на повѣть ихъ кричать; а дѣвка за нимъ слѣдила. Кричать ему шибко нельзя было, онъ свисталъ. Все не слышатъ. Перелѣзъ назадъ, спустился. Дѣвка заперла ворота, взошла въ домъ и разбудила дѣвокъ, потолкала ихъ въ окно, домой, отворила на̀стежъ середне окно, поставила передъ нимъ стулъ и сѣла на него. Въ праву руку взяла шашку, а въ лѣ́ву копье, и ждетъ. Я в л я ю т с я три тройки, прямо къ воротамъ. Самый же этотъ разбойникъ т о р к ъ въ ворота — заперты. Товарищи надъ нимъ засмѣялись, что хвастался; поворотили было мимо окна, видятъ — отворено. «Стой! Это обманъ!» Разбойникъ одинъ махнулъ прямо въ окно. Дѣвка развернулась, ударила шашкой; т у̀ л о в о на̀ землю упало, голова—въ избу. За нимъ—другой. И этого поперекъ пересѣкла. Третій махнулъ, она не поспѣла шашкой ударить, копьемъ ударила, и глазъ на копьѣ вытащила. «Нѣтъ, братцы, здѣсь нечего дѣлать! Она всѣхъ насъ порубитъ. Поѣдемъ къ отцу къ матери и усва̀тамъ ее за этого криваго!» Поворотили и поѣхали въ то село, гдѣ ея родители гуляли. Разыскали, взяли водки и давай обоихъ до̀ пьяна поить, и давай въ пьяномъ видѣ сватать. Отецъ съ матерью согласились отдать за криваго к у п ц а. Усватали. Утромъ оттуда они (отецъ и мать)—на базаръ; накупили всего что надо, пріѣхали домой и говорятъ: «Ну, дочка, мы тебя за криваго купца просватали». Дочь узнала за кого и думаетъ: «Ну, должно̀ за грѣхъ такая мнѣ судьба, что двѣ души погубила». Дождались уговорнаго дня свадьбы; вечеромъ разбойники въ шабры̀ пріѣхали. Мужикъ сготовился къ свадьбѣ; дѣвишникъ велѣли дѣлать. Ведутъ свадьбу какъ надо. Утромъ у х р е с ь я н и н а отстоловали, дождались благословенья, посадили невѣсту и повезли къ вѣнцу. Ихъ обвѣнчали. Пріѣхали т у д а и дѣло дѣлаютъ порядкомъ. Посадили

молодыхъ за столъ и налили имъ с у п у съ человѣчьими руками и ногами; заставляютъ молодую ѣсть. «И тебѣ», говорятъ,—«это же будетъ!» Когда овца попала въ волчьи зубы, ѣсть некогда ей; она и не пробовала ничего. Повели на подклѣтъ и наказываютъ кривому разбойнику: «Смотри, Гришка, не гадь! Это у насъ будетъ на мѣсто поросенка!» Положили ихъ; она стала просить: «Милый, ты мнѣ законъ теперь, кто бы ты ни былъ все равно! Пусти меня отъ себя: я умру не отъ з а к о н с к и х ъ рукъ, а отъ разбойничьихъ». Кривому жаль стало такую красоту; сталъ, не въ большое окно досталъ съ двора веревку и привязалъ ее поперекъ, и пустилъ въ лѣсъ. Она развязалась и побѣжала глухими дорогами. Лѣсъ былъ ей знакомъ; выбѣжала она на большую поляну; на ней стояла огромная липа съ дупломъ. Она на липу вскарабкалась и спустилась въ дупло. Пришли разбойники съ ножами на подклѣтъ. «Офонька, гдѣ твоя жена?» Тотъ вскочилъ. «Сейчасъ здѣсь была! Я заснулъ»! «Давайте», кричатъ,—«лошадей! Спускайте собакъ! Мы по̀ слѣду ее догонимъ!» Осѣдлали коней и собакъ спу́стили. Тѣ къ липѣ привели прямо. Собаки стали лаять, а разбойники давай копьями пробивать дупло. Иныя копья доставали до тѣла, но она о х м ѣ с т ы в а л а копьё платкомъ и липа з а т я г а̀ л а е г о и знаку не давала. Избили всю липу, ничего не нашли. «Нѣтъ тутъ! Дальше убѣжала! А тутъ видно звѣрь какой проскочилъ». Поѣхали отъ липы, собаку впередъ пу̀стили. Напали они на медвѣжій слѣдъ и повели вдоль лѣсу. Въ это время дѣвка вылѣзла изъ дупла и выбѣгла на большу́ дорогу. По дорогѣ ѣхалъ бондарь съ б о ч а́ т а м и. Она стала его просить: «Дяденька, посади меня въ боченокъ, пока разбойники далеко ѣдутъ, чтобъ ихъ мои глаза не видали!» Бондарь в ы с т а в и л ъ дно и посадилъ ее въ бочку; потомъ вставилъ дно, надѣлъ обручи и привязалъ веревкой. Выѣзжаютъ изъ лѣсу разбойники. «Эй, дѣдъ, стой!» Онъ сталъ ихъ просить. «Что мнѣ, братцы, стоять?» «Не проходила ли тутъ дѣвка?» «Никого, братцы, не видалъ». «Врешь, старый хрѣнъ! Въ бочкахъ нѣтъ ли?» Кривой не пьяный былъ, подъѣхалъ, цапнулъ за этотъ самый боченокъ, гдѣ жена, и покатилъ ее подъ горку, будто нѣтъ ничего. Развалили весь возъ, не нашли. «Собирай, старый хрѣнъ! Твое счастье, что никого нѣтъ!» Сталъ онъ собирать, покатилъ ее, она

и говоритъ ему: «Какъ изъ лѣсу выѣдешь, мнѣ скажи!» Старикъ увязалъ возъ и поѣхалъ. Какъ выѣхалъ изъ лѣсу, такъ и ей сказалъ. «Ну, выпусти меня топеря». Старикъ выпустилъ, и повела она задней дорогой, къ свому дому. Въ которомъ боченкѣ сидѣла, тотъ насыпала полонъ золота. «Вотъ тебѣ, старикъ, за труды!» А сама обмыла свои раны и нарядилась въ другу́ одежду. Разбойники въ это время были у нихъ и спрашивали отца съ матерью про дочь и ругались надъ ними по разбойницки. Услыхавъ голоса, дѣвка побѣжала къ старостѣ и собрала народу съ оружіемъ; привела къ свому дому, окружили, а она со старостой и людьми—въ избу. Вошла и здоровается со всѣми. «Здравствуйте, гости! Вяжите всѣхъ, только криваго не троньте: это мужъ мой и меня отъ смерти спасъ». Тутъ пошелъ шумъ да крикъ, и одинадцать человѣкъ разбойниковъ связали и отправили въ тюрьму. Кривой остался въ дому, и она стала его просить: «Брось разбои! Денегъ у насъ много, будетъ чѣмъ жить и намъ и внукамъ!» Онъ ей отвѣтилъ, что у него отца и мать убили; а его съ собой взяли. «Вотъ я пять годовъ у нихъ былъ, по несчастному случаю. Попроси у отца пять лошадей въ разнопряжку, мы съѣздимъ за награбленнымъ добромъ и станемъ на него жить». Поѣхали вдвоемъ, забрали все, нѣсколько лошадей и коровъ захватили, а остальныхъ выпустили, и зажгли домъ. И теперь живутъ.

(С. Новиковка, Самарск. губ.,Ставропольск. у.).

107.

Разбойница.

Жилъ былъ старичекъ со старушкой. Жили они порядочно; былъ у нихъ разъединый одинъ сынъ, и задумали они его женить. Отыскали невѣсту верстъ за̀ пять отъ села, въ другомъ селеньи, у богатаго мужика. Совершили свадьбу; собралъ жениховъ отецъ храбрый поѣздъ, изобралъ дружку и поддружье и сваху съ подсватьемъ, изобралъ меньшѝхъ и большѝхъ бояръ.

Вотъ сѣли на коней да и поѣхали. Пріѣхали къ невѣстиному отцу; сѣли, погуляли, водочки выпивали и дочку съ собой забрали. Пріѣзжаютъ къ женихову отцу, къ его къ новому крыльцу. Отецъ съ матерью ихъ благословили и на ло̀жу проводили. Молодая княгиня на ложѣ не утерпѣла, больно на дворъ захотѣла. «Охъ, обручёный ты мой мужъ, пусти меня до вѣтру!» Отвѣчаетъ ей о б р у ч ё н н ы й мужъ: «Пойдемъ оба!» «Я прѝвасъ», говоритъ,— «не смѣю сѣсть довѣтру, какъ на первомъ случаѣ я къ вамъ не привыкла». Онъ ее пустилъ. Она вышла за дверку, да и ушла. Ушла далеко, въ зелену рощу. Невѣстины сродники собрались гулять; пріѣзжаютъ къ сватушкѣ погулять, а сватушка къ нимъ идетъ невѣсту искать. Молодая, стало быть, бѣжала; оттого бѣжала, зимой ржи не жа̀ла. Искали, искали день да ночь, цѣльныя сутки прочь. Они свадьбу не гуляли, а все молодицу проискали. А гдѣ ее искать, когда ушла въ лѣсъ гулять? Вотъ идетъ она лѣсомъ, скинула женску одёжу, надѣла мужскую и подговорила себѣ двѣнадцать молодцевъ-разбойничковъ; сама ходила, у купцовъ деньги отнимала. Скоро-сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Прошло д ѣ л а семь лѣтъ; вздумала она къ своему мужу побывать. Была она вооружена всякимъ орудіемъ, что было на нее страшно посмотрѣть. Пишетъ она с в о е р у ш н о е письмо, и отколь она ушла, и дѣ ея мужъ живетъ; пишетъ въ то село передать старостѣ церковному письмо, а староста бы— дѣдушкѣ-старику, изъ чьего дома она ушла. Пишетъ въ письмѣ с т р о г и м ъ в и д о м ъ, чтобы приготовилъ дѣдушка в п о л н ѣ обѣдъ: варилъ бы три ведра пива, да купилъ бы ведёрко винца, потому—самъ разбойникъ въ гости идетъ, за собой шайку ведетъ. Дѣдушка испугался. «Что такое у насъ? Сроду не было! Знать намъ живымъ не быть!» Сталъ хлопотать, собралъ обѣдъ. На утро разбоиничекъ брякъ да брякъ; со̀ страхомъ идетъ, за собой команду ведетъ. «Здравствуй, дѣдушка! Изготовилъ ли намъ, дѣдушка, обѣдъ?» Дѣдушка испугался и словами смѣшался: не знатъ, чего имъ сказать и отвѣтъ какой отдать. Налилъ бутыль водки, подалъ закуски, пивомъ угостилъ и словами у л е с т ѝ л ъ. Разбойникъ спрашиваетъ: «А гдѣ у тебя сынокъ?» «На гумно, другъ, пошелъ». «Позови-ка его!» Дѣдушка вскричалъ своего сынка: «Иди-ка домой п о с к о р ѣ́ я!» Тотъ пришелъ; разбойникъ и

говоритъ: «А поди-ка, хозяинъ, топи про насъ баню!» Молодецъ побѣжалъ, баню истопилъ. Провожаетъ разбойникъ свою команду въ баню. Его товарищи въ банькѣ вымывались и опять на квартиру собирались; пили, гуляли. Атаманъ товарищей деньгàми надѣлилъ, и кто гдѣ былъ, всѣхъ домой проводилъ; а самъ говоритъ: «Пойдемъ-ка, хозяинъ, въ баню!» Молодой парень испугался, со слезами въ баню собирался. Виситъ на крюкѹ у хозяина шелкòвая плеть; говоритъ разбойникъ: «Возьми-ка, хозяинъ, съ крюку шелкóвую плеть: пригодится въ банѣ кого-нибудь погрѣть!» Хозяинъ за плеточку хватался; отецъ съ матерью стоятъ, плачутъ. Пришли въ баню, разбойникъ и говоритъ: «Ну, хозяинъ, раздѣвайся-ка!» Тотъ раздѣлся. «Бери-ка шелкòвую плеть, нельзя ли, говоритъ, меня погрѣть?» Сталъ разбойникъ спрашивать: «А дѣ у тебя жена?» Хозяинъ говоритъ: «Была жена, да и тоё корова сожрала, а кабы не клокъ сѣна, и самаго то бы съѣла. Она у меня убѣжала давно и теперь нѣтъ». «А возьми-ка», говоритъ разбойникъ,—«плеть!» Разбойникъ всталъ передъ нимъ на колѣни и говоритъ: «Прости, хозяинъ; бей меня плетью! Дуй меня сколько тебѣ нужно: за побоями я не гонюсь. Вину мою прощай и въ милость прими!» Мужскую одёжу разбойница скинула, надѣла женску и стала какъ женщина. «Прости, милый другъ, я буду вѣчно твоя!» Молодецъ обрадовàлся и на шею ей бросался. Была у нихъ тутъ графы́нь водочки; графынь водочки выпивали и пѣсенку запѣвали. Вотъ пошли рядочкомъ къ отцу съ матерью. Молодица приходитъ, свёкру со свекровью дѣлаетъ поклонъ. «Батюшка съ матушкой, простите меня! Впредь не убѣгу, и полно да и будетъ дурить, буду вѣчно жить!» Бросила дурить и зажила.

(Абрамъ Новопольцевъ).

108.

Про постоялые дворы.

а. Ѣхали извощики, заѣхали на фатеру къ хозяину. Хозяина въ домѣ не случилóсь, была одна хозяюшка. Хозяинъ ѣздилъ на

мельницу хлѣбъ молоть. Пріѣхалъ; надо ему подъѣхать къ амбару; путь застановленъ возами. Онъ дорогу себѣ очистилъ: возъ на́ возъ поклалъ и подъѣхалъ. Ссы́палъ муку, выходитъ извощиковъ товарищъ. Дивился онъ этому дѣлу, что хозяинъ диво творитъ: четвертные воза возъ на́ возъ поклалъ. Приходитъ къ товарищамъ и разказываетъ имъ про диво, что́ у нихъ на дворѣ было. Вышли всѣ товарищи на дворъ и на это дивное дѣло глядѣли, а хозяинъ коней убираетъ. Убрамши коней, восходитъ въ горницу. «Старушка, сбери-ка поѣсть!» Старуха собрала, налила ведёрную чашку щей и подала превеличающій каравай. Каравай онъ весь изрѣзалъ и весь въ тюрю измялъ. Мало ему стало, наклалъ ведерную чашку каши и всю ее прикончилъ, и чашку убралъ. Извощики на полаткахъ лежатъ, на хозяина быстро глядятъ. Одинъ сталъ его выспрашивать: «А вотъ, дѣдушка, знать ты былъ человѣкъ, знать была въ тебѣ сила?» Отвѣчалъ ему дѣдушка: «Да, былъ я прежде человѣкъ: всѣхъ бы я васъ шестерыхъ съ двора не спустилъ и въ мелки части изрубилъ, а теперь не могу». И разказалъ имъ про свое похожденіе: «А вотъ ѣхали вы этой большой дорогой, мимо большаго моста? Я подъ этимъ мостомъ разбойникомъ сидѣлъ, да напалъ на одного на дьякона, да на дурью родню, на жеребячью; вотъ заставилъ онъ меня тюрю ѣсть! Хотѣлъ я у него деньги отнять, ударилъ его одинъ разъ, а и говоритъ мнѣ отецъ дьяконъ: «А что, дѣдушка, шутя, или въ правду?» Другой-то разъ замахнулся, да не поспѣлъ. Вылѣзаетъ дьяконъ изъ саней и становитъ меня на колѣни. «Разинь», говоритъ,—«дѣдѣшка, ротъ!» Я разинулъ; онъ у меня зубы всѣ клещами и повыдергалъ. Зубы вы́дергалъ и въ карманъ клалъ. «Прощай», говоритъ,—«да опять такъ не дѣлай!» Съ тѣмъ и домой поѣхалъ».

(Абрамъ Новопольцевъ).

б. Взъѣхалъ мужикъ на постоялый дворъ, на шестеро́мъ, спросилъ поѣсть, потомъ поужиналъ; съѣлъ много: одинъ за четверыхъ; сталъ разсчитываться. Разсчитался; всталъ въ извѣстную пору ѣхать. У старика хозяина трое сыновей, и стали они совѣщаться между себя: «Выпустимъ», говорятъ,—«его изъ деревни, да укоко́шимъ!» Отпустили его верстъ на пять, нагоняютъ. Подъѣхали. «Стой!» «Чего стоять-то? Я разсчитался съ вами». «Стой,

говорятъ тебѣ!» Одинъ сошелъ да цопъ его по спинѣ дубиной. «Да вы шутите, говоритъ, что ли?» Слѣзъ да всѣхъ троихъ дубинкой и уложилъ, а старику (онъ съ ними же былъ) и говоритъ: «А тебя и бить не стоитъ. Никогда, говоритъ, на одного не нападай, смотри!» Выволокъ его въ лѣсъ, подвелъ къ дереву, собралъ всѣ волосы въ пучокъ, да къ нагнутой березѣ и привязалъ; потомъ взялъ ножичекъ, подрѣзалъ около волосъ всю кожу и выпустилъ вѣтку изъ рукъ. Старику все съ головы-то и сняло нà прочь. Послѣ, долго спустя, проѣзжающіе увидали этого старика: сидитъ вовсе безъ волосъ. «Что», спрашиваютъ,—«это?» Онъ и покаялся въ грѣхѣ. «Проучили», говоритъ.

(Онъ же).

в. Взъѣхала на постоялый дворъ барыня съ своимъ кучеромъ, а кучеръ здоровый такой; а хозяинъ-то съ сыновьями разбойничалъ. Ворота за ними заперли, и слышитъ барыня, что они промежъ себя переговариваются. Говоритъ барыня кучеру: «Я», говоритъ,—«въ повозкѣ лучше лягу». «Нѣтъ», тотъ ей говоритъ, «не бойтесь! Въ повозкѣ я лягу, а вы ложитесь въ избѣ». Легъ онъ въ повозку; разбойники это видѣли. А онъ въ нее наложилъ одной одёжи, а самъ подъ повозку залѣзъ, ждетъ. Подошелъ ночью одинъ разбойникъ съ ножемъ и ну въ одёжу тыкать, а кучеръ выскочилъ изъ подъ повозки да какъ свиснулъ его шишкой отъ безмѣна, у того и духъ вонъ. Снялъ съ разбойника чéресъ (поясъ), всѣ деньги оттуда вынулъ, а самого за полѣнницу дровъ засунулъ и спать легъ. Утромъ хозяинъ ходитъ, да посвистываетъ: «Жучка, жучка!» «Что, хозяинъ, собачку что ли потерялъ?» «Да! Да собака-то не дорога, а ошейникъ дорогъ». И сталъ послѣ того кучеръ и съ деньгами, да и разбойника-то убилъ. Весной его только за полѣнницей нашли. Поутру встала барыня и уѣхала цѣлёхонька; а убили бы его, и ей бы живой не быть.

(Онъ же).

г. Одинъ проѣзжающій взъѣхалъ на постоялый дворъ, а хозяинъ-то его съ сыновьями разбоемъ занимался. Увидали они, что проѣзжающій лёгъ нà печь и говорятъ: «Вставай! Чего лежать-то? Твой послѣдній часъ пришелъ! Твори молитву!» А сами ножъ сидятъ точатъ. Тотъ испугался, началъ было молитву творить, вдругъ

слышитъ голосъ и стукъ въ ставень. «Эй», говоритъ,—«товарищъ, выѣзжай! Обозъ ужъ тронулся. Пора!» Разбойники испугались, стали просить, чтобы онъ молчалъ. «Мы пошутили», говоритъ,—«съ тобой: попугать хотѣли». Тотъ вышелъ, заложилъ лошадей, выѣхалъ за ворота, всю станцію проѣхалъ — нѣтъ никого ни впереди, ни позади. А это, выходитъ, онъ Миколѣ молился всегда, и его угодникъ спасъ, а то бы пропалъ парень.

(Записано въ Симбирскѣ).

д. Разъ одинъ торговецъ остановился въ деревнѣ, въ крайней избенкѣ переночевать, и слышитъ вечеромъ на дворѣ разговоры (сосѣди говорятъ хозяину): «Какой ты счастливецъ! Какого молодца-то залучилъ!» А вотъ-то онъ и отвѣчаетъ имъ: «Ахъ вы, сукины дѣти, да остановись онъ у васъ, я бы дѣпомъ и лошадей то изъ подъ навѣса перетаскалъ, а теперь суньтесь-ка ко мнѣ! Онъ у меня остановился — я ничего не возьму, и вамъ тронуть не дамъ!» Торговецъ, слыша эти рѣчи, поставилъ вору полуштофъ, а тотъ и говоритъ ему: «Не бойся, все въ сохранности будетъ: своихъ гостей мы не трогаемъ и другимъ въ обиду не даемъ».

(Тамъ же).

е. Одно село все было воровское; подо всѣмъ селомъ крытые ходы были прорыты. Въ одномъ концѣ коня украдутъ, смотришь—они въ другомъ. Вотъ разъ въ одной избѣ проѣзжую семью и стали хозяева рѣзать. Всѣхъ старшихъ перерѣзали, одна дѣвочка осталась. Прибѣжала она къ попу (къ кому же больше?) и говоритъ: «Батюшка, у насъ всѣхъ зарѣзали!» «Гдѣ?» говоритъ. «Да, вонъ въ той избѣ, гдѣ огонекъ-то свѣтится». Попъ пошелъ, подошелъ къ окошку, постучалъ и говоритъ: «Эй, Ѳедоръ, что й-то вы свиней то колете, а поросятъ распускаете? На те вотъ!»

(П. С. Полуэктовъ).

ж. Ѣздилъ нѣсколько лѣтъ краснорядецъ къ попу деревенскому, имѣлъ превеличающу дружбу съ нимъ. И прочіе разнощики къ нему ѣздили. Многихъ онъ убивалъ. Самый этотъ пріятель разъ къ нему пріѣхалъ. Попъ былъ весьма ему радъ. Пріѣхавши чаемъ его угощалъ; чаекъ попивали и послѣ того водочки выпивали. У этого же попа престаровущая старая дѣвка, его сестра, занима-

лась большiимъ разбойствомъ. Вотъ они и вздумали ихъ похитить, и начали подпаивать водочкой. Помаленьку стали выпивать да выпивать и гораздо напились пьяненьки. Вотъ какъ пришла темная ночь, самая глухая полуночь — старой дѣвкѣ ночь не спится. Разнощикъ крѣпко легъ уснулъ, а работничекъ легъ спать на дворѣ, на возу, и потомъ влѣзъ на сушило, захватилъ беремя сѣна, а въ немъ — мертвый мужикъ. Такъ испугался — изъ рукъ сѣно бросалъ и съ сушилъ долой слѣзалъ. Связалъ вязанку соломы и обрядилъ въ свою одёжу, да на свое мѣсто, на возъ и положилъ, и шапочку надѣлъ. У попа середи двора стояла кадка; онъ подъ нее залѣзъ и сидитъ.

Старая дѣвка огонь вздувала, съ саблей на дворъ выбѣгала, работника убивала (чучелу то! Цопъ его! Шапка-то и слетѣла. Думала—работникъ, а инъ чучела лежитъ.) Чучелѣ голову отрубила и въ подвалъ съ одежей его бросила; а попъ разнощика убилъ и въ подполѣ скоронилъ. Тотъ же часъ подходитъ дьячекъ. У попа огонекъ свѣтится: моютъ полъ, убираютъ кровь. «Батюшка, пора къ заутрени звонять!» «Немножечко подожди». Какъ совсѣмъ убрались, подходитъ дьячекъ второй разъ спрашиваетъ попа: «Пора, батюшка!» «Звони, свѣтъ!» Позвонивши къ заутрени, сошелся народъ. На отходѣ заутрени стали всѣ прикладываться къ кресту. — Работникъ изъ подъ кадки вылѣзъ, собрался къ заутрени. Отошла — онъ и говоритъ: «Старички, погодите немножечко, человѣкъ десятокъ». Подходитъ къ кресту, приложился къ нему. «Батюшка, благословите меня, да не какъ моró хозяина». У попа крестъ боцъ на полъ! Испугался значитъ. «Что такое?» спросили старики. Работникъ разказалъ. «Пойдемте-ка, что тамъ есть». Старики пошли; во дворѣ у попа мертвыхъ мужиковъ много нашли. Сослали попа въ Сибирь.

(Абрамъ Новопольцевъ).

3. У насъ былъ съ изстари постоялый дворъ; къ намъ взъѣзжало много разнаго народа, и я чуть-чуть помню одного краснорядца. Онъ къ намъ постоянно взъѣзжалъ, высокій такой, здоровенный мужчина, темнорусый, добрый такой: мнѣ все пряниковъ да орѣховъ давалъ. Дивный это былъ человѣкъ: набожный, бранныхъ словъ не употреблялъ никогда, хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, къ бабамъ

не ласкался, а каждую бабу все звалъ и величалъ по имени и по отечеству: старуху — бабушкой, молодую — молодушкой, а дѣвку— красной дѣвицей. Дурной кампаніи избѣгалъ, въ праздничный день, до обѣдни не торговалъ. Возилъ онъ свой товаръ на шести лошадяхъ и одинъ одинёшенекъ; при немъ работника даже не было. Деньги никогда въ шкатулку не клалъ, а возилъ серебро и мѣдь въ мѣшкахъ и ставилъ ихъ подъ образницу, на полъ, и не боялся, чтобы кто у него ихъ укралъ, или бы кто въ дорогѣ его обидѣлъ.

Вотъ съ нимъ были какія оказіи. Разъ, говорятъ, его вздумали ограбить и убить два шигонскихъ молодыхъ парня; а всѣ Шигоны славились прежде разбоями, тоже какъ и Тереньга. Бывало, кто живъ и здоровъ проѣдетъ этими селами, то ужь служитъ въ ближнемъ селѣ молебенъ. Ѣдетъ онъ изъ Шигонъ въ глубокую осень, ужъ земля примерзла, и дорога жёстка, что твое желѣзо, и гладко накатана (столбовая); въ одномъ мѣстѣ ему изъ оврага нужно подниматься на взлобокъ, близь лѣску. Ну, эти два молодца съ дубинами и вышли къ нему на встрѣчу. «Стой!» говорятъ. А онъ имъ и говоритъ: «Полно, ребята, дурить-то! Лошадей рази на горѣ останавливаютъ? Чай вы видите, какъ имъ натужно». А тѣ ужь и дубины подняли; только подняли, а онъ имъ и говоритъ: «Ну, такъ вотъ какъ. Эй, Ванька, Гришка, подите-ка ко мнѣ!» Какъ они со всѣхъ ногъ бросятся къ нему. «Что», говорятъ,— «прикажете?» Называютъ его по имени и отчеству. «Вотъ что, ребята: вонъ видите яму-то?» «Видимъ». «А вонъ видите песокъ-то?» «Видимъ». «Такъ подите, да какъ можно поскорѣе перетаскайте песокъ-то въ яму!» Тѣ какъ бросятся къ песку и давай его руками нагребать въ подолы, да таскать въ яму. Рукъ не жалѣютъ, такъ стараются; а онъ за лошадьми пошелъ.

Проѣхалъ эдакъ верстъ десять, и повстрѣчался съ нимъ сторонній мужикъ; ѣдетъ на кляченкѣ на встрѣчу ему. Поздоровались. «Куды тебя, дядя, Богъ несетъ?» «Въ Сызранъ», говоритъ. «Послушай, любезный! Сыми ты съ моей души грѣхъ; вотъ тебѣ синенькая. Ты по дорогѣ будешь съ бугра спускаться; тамъ въ изволокѣ-то увидишь двухъ парней. Они подолами песокъ таскаютъ, да яму засыпаютъ. Чай сердешны и пальцы-то себѣ въ кровь изодрали! Такъ ты ихъ пожалѣй, подойди ты къ каждому съ молит-

вой — не бойся, не тронутъ — и кнутомъ что есть духу каждаго и царапни. Спасибо тебѣ за это скажутъ».

Мужикъ согласился, поѣхалъ дальше и видитъ двухъ молодыхъ парней; песокъ сгребаютъ (при мѣсяцѣ-то видно какъ работаютъ) и не потъ, а кровь съ нихъ льётъ: такъ изъ себя индо выходятъ, а руки всѣ въ крови́щѣ (о песокъ-то изодрали). Мужичекъ подошелъ къ нимъ; они какъ будто его и не видятъ, все песокъ сгребаютъ. Вотъ онъ прочиталъ Ису́сову молитву, поднялъ кнутовище, да хлобысть одного! У того изъ подола песокъ высыпался, а самъ-отъ какъ ёкнетъ, да бросится бѣжать; обернулся да кричитъ: «Дай Богъ тебѣ добраго здоровья! Спасибо тебѣ, дядинька! Душу пустилъ! Дай Богъ тебѣ добраго здоровья!» Мужичекъ видитъ—дѣло ладно, хо́знулъ и другаго парня; и этотъ айда встелелѣхивать отъ него, и тоже кланяется да благодаритъ.

Мужичекъ поѣхалъ своей дорогой; а они прибѣжали домой, всѣ въ кровищѣ (съ пальцевъ кожа-то содрана до костей), да съ того времени заказали дру́гу и недругу грабить людей. Сами объ этомъ послѣ про краснорядца разказывали, ну да и онъ о себѣ разказывалъ то же.

На него на Елаурской дорогѣ напалъ разбойникъ настоящій; онъ подозвалъ его къ себѣ, подвелъ къ березѣ, велѣлъ скинуть шапку, собралъ на головѣ кистью волосы, привязалъ къ березѣ, ножемъ вокругъ головы кожу по волосамъ обрѣзалъ и пустилъ березу... Кичка-то съ волосами на березѣ осталась, а разбойникъ—на землѣ, на вѣкъ лысый. Вотъ какъ онъ его обрилъ! Да, вотъ какѐ въ старину со́бинки были!

(Со словъ симбирскаго мѣщанина Горина. Записалъ и сообщилъ М. И. Извощиковъ).

109.

О Худоярѣ.

Худояровъ городокъ—въ шести верстахъ отъ Кроткова, на сѣверѣ Сенгилеевскаго уѣзда (въ тридцати верстахъ отъ Сенги-

лея). Тамъ находили предметы земледѣльческіе, панцыри, п р я с л а (кольца), стрѣлы, копья и слѣды каменныхъ построекъ (въ лѣсу) на Лыковой горѣ; затѣмъ на тридцать верстъ лѣсомъ вымощена камнемъ дорога до Сенгилея, къ Волгѣ. Преданіе слѣдующее: Жилъ тутъ ха́нъ Худояръ, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ Ивана Грознаго, который за убійство своей жены былъ сосланъ на берегъ Волги, гдѣ и построилъ два городка: близь деревни Карàниной и села Кроткова. Въ послѣднемъ онъ жилъ со всею своею челядью и защищался отъ набѣговъ Буртасовъ, а кто говоритъ—Нагайцевъ, или Калмыковъ.Одинъ солдатъ въ Сенгилеѣ разказывалъ, что у него былъ дѣдушка, любитель до кладовъ; а у дѣдушки былъ товарищъ, такой же любитель. Они съ нимъ часто рылись въ этомъ городкѣ, но ничего никогда не находили. Разъ дѣдъ его пошелъ за грибами на Лыкову гору; набралъ груздей, спустился съ горы, дошелъ до родничка, сѣлъ отдыхать. Это было передъ вечеромъ. Видитъ, что его товарищъ Яковъ идетъ съ сухими лутошками. «Куды, братъ, идешь?» «Домой». «Возьми меня!» «Вотъ садись на задню-то лошадь». (А Яковъ на парѣ, въ разнопряжку ѣхалъ, съ двумя возами). «Погоняй лошаденку!» Усѣлся онъ; между ними разговоръ завязался. «Кумъ, поѣдемъ ко мнѣ горохъ ѣсть! Василиса нынче варила. Ужъ такой, что̀ твоя сметана!» «Поѣдемъ». Пріѣхали къ Якову, распрягли лошадей. Яковъ въ избу пошелъ и дѣдушка за нимъ. Вошелъ въ сѣни, двери то въ избу не найдетъ. Кричитъ, кричитъ—никто голосу не о т д а е т ъ; а лукошечко съ груздями на шеѣ виситъ. Вотъ онъ его на землю постановилъ и сталъ шарить дверь. Бился, бился—не найдетъ! Началъ молитвы читать, а двери все нѣтъ. Только немного погодя онъ увидалъ вдали свѣтъ чуть пробивается... И слышитъ, будто въ кузницѣ кузнецы куютъ. Взялъ онъ лукошко и пошелъ на свѣтъ; дошелъ до желѣзной двери, отворилъ ее—видитъ длинный-предлинный подземный ходъ; а справа и слѣва стоятъ кузнечики, очаги и наковальни. Всѣ кузнецы высокіе, въ бѣлыхъ, какъ кѝпень, одёжахъ, и у каждаго очага по три кузнеца: одинъ дуетъ мѣхами, другой разкаливаетъ желѣзо, а третій куетъ. Вотъ онъ подошелъ къ первымъ и видитъ: куютъ все лошадиныя подковы. «Богъ по́мочь вамъ, добры люди!» Они молчатъ. Онъ—къ другимъ. Тутъ шины куютъ.« Богъ

помочь!» Молчатъ. Подошелъ къ третьимъ — тѣ куютъ гвозди. «Богъ помочь!» Молчатъ, только на него смотрятъ. Пошелъ дальше и видитъ: кузнецы куютъ у каждаго горна все разныя вещи. Онъ ужь ни съ кѣмъ ни слóва, и далеко прошелъ по этому ходу; сталъ уставать. Вдругъ явился къ нему изъ другаго побочнаго хода какъ будто прикащикъ какой, или ихъ распорядитель, одѣтый весь въ кожану одёжу съ ногъ до головы, красивѣе тѣхъ: смуглолицый, ловкій и бравый молодой парень, и говоритъ: «Какъ ты, дѣдушка, сюда попалъ? Что тебѣ надо? Денегъ что ли? Пойдемъ, я тебѣ покажу ихъ и дамъ». «Нѣтъ, родимый, ты меня выпроводи отсюда: я заплутался». «Вотъ я прежде тебѣ покажу, а потомъ выведу на дорогу. Пойдемъ!» И пошелъ его водить по разнымъ ходамъ, между кузнецами, то въ тотъ переулокъ, то въ другой. Такъ заводилъ, что замаялъ: могуты не стало. «Богъ съ тобой, съ твоими и деньгами. Выпусти!» «Вотъ сейчасъ. Не много осталось». Подвелъ его къ подвалу, повернулъ страшной величины ключъ въ желѣзной двери, отворилъ. Старикъ видитъ: лѣстница желѣзная, чудной работы, подвалъ весь фонарями освѣщенъ и полонъ золота, серебра, мѣди, желѣза, стали и чугуна! И все какъ жаръ горитъ! «Видишь, старикъ; какъ я богатъ. Хочешь золота или серебра, бери сколько хочется!» «Да куды мнѣ, родимый? Только отпусти! Мнѣ и взять то нé во что». «Да вотъ въ голúцу-то насыпай!» «Да какъ я донесу?» «Отъ онучъ-о веревки отвяжи, да и перевяжи рукавицу-то». Старикъ соблазнился на золото, насыпалъ одну рукавицу, а другую прикащикъ насыпалъ. «Довольно что ли тебѣ?» «Спасибо, батюшка! Дай тебѣ Богъ здоровья на много лѣтъ!» «Не надо, не надо! Не благодари, старикъ! Ты только съ Яковомъ хлѣба намъ привези. Видѣлъ сколько у меня работниковъ? Такъ ихъ всѣхъ накормить надо. Да смотри, привези печенаго: намъ мукой-то не надо». «Да когда же тебѣ?» «Да вотъ какъ первый урожай будетъ». «Постараюсь, батюшка.» Вывелъ его изъ подвала, повелъ по коридорамъ и наконецъ подвелъ къ какой-то земляной трещинѣ. «Видишь свѣтъ?» «Вижу». «Иди на него!» Старикъ пошелъ на свѣтъ, чувствуетъ, что вышелъ на воздухъ. Осмотрѣлся, увидалъ, что стоитъ снова у ручья, гдѣ отдыхать садился. Взглянулъ подъ ноги; видитъ, что у ногъ стоятъ его связанныя голицы;

пощупалъ ихъ, чувствуетъ, что деньги; развязалъ одну, запустилъ руку (темно было: чуть заря), слышитъ: золото. Онъ вытряхнулъ изъ лукошка грибы и замѣтилъ, что на нихъ червь набросился; высыпалъ въ лукошко золото, прикрылъ травкой и пошелъ по дорогѣ къ Кроткову. Сильно проголодался, улицами не шелъ, а зашелъ съ задняго двора, прямо къ себѣ въ амбарушку. Въ это время разсвѣло. Онъ бережно деньги заперъ въ коробъ, вошелъ въ избу; его и спрашиваютъ: «Гдѣ ты столько времени пропадалъ?» «Да чего; въ лѣсу заплутался, и Богъ знаетъ, что со мной было». А жена и говоритъ (онъ былъ на второй женатъ, и она его не любила): «Всѣ тебя, все село три дни искало; думали, что ты безъ вѣсти пропалъ. Эко дѣло какое съ тобой случилось!» Поговорили, поговорили, дали ему поѣсть. Онъ опять въ амбарушку пошелъ, гдѣ золото; легъ и заснулъ. И видитъ во снѣ: явился къ нему этотъ прикащикъ и говоритъ: «Никому объ этомъ не говори, что ты былъ у меня, и я тебя наградилъ. Ежели ты откроешь—худо тебѣ будетъ». Старикъ молчалъ объ этомъ. Жена замѣтила, гдѣ онъ деньги прячетъ, украла ихъ да съ любовникомъ и промотала. Старикъ догадался, посмотрѣлъ: золота нѣтъ! Объявилъ подозрѣніе на жену и любовника. Стали доспрашивать гдѣ онъ золотые взялъ, онъ и открылся. Только объ этомъ сказалъ, пришелъ домой—съ нимъ ударъ сдѣлался: мѣсяцъ безъ языка и безъ памяти лежалъ, чуть духъ переводилъ; потомъ полегче стало, и онъ всю жизнь въ постели пролежалъ, не могъ двинуть ни руками, ни ногами, да кое-какъ языкомъ ворочалъ.

(Сообщилъ М. И. Извощиковъ).

110.

Про Стеньку Разина.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ; не далеко было дѣло отъ Чечни, близь рѣчки Дону, въ тридцати-пяти верстахъ отъ Азовскаго моря, жилъ въ одномъ селѣ крестьянинъ, по прозванью Ѳомѝнъ, а по

имени Василій Михайловъ. Не старше онъ былъ тридцати-восьми годовъ, народился у него сынъ, назвали его Михаилъ. Воспиталъ онъ его до шести лѣтъ. Въ одно время въ прекрасное онъ поѣхалъ на работу, взялъ и сына съ собой. Напала на нихъ небольшая шайка разбойниковъ, мать съ отцомъ убили, а Михайлу съ собой взяли. Привозятъ они его въ свой домъ, отдаютъ его атаману. Атаманъ у нихъ былъ старикъ, девяноста-пяти лѣтъ. Принялъ онъ этого Михайлу на мѣсто свого дитя, сталъ его воспитывать и научать своему ремеслу, въ три страны велѣлъ ему ходить, а въ четвертую не велѣлъ. Прошло три мѣсяца, атаманъ Романъ вздумалъ Михайлѣ имя перемѣнить, собралъ шайку, чтобы окрестить его, и назвали его Степаномъ. «Ну, теперь ты, мой сынъ Степанъ, слушай меня! Вотъ тѣ шашку и ружье, занимайся охотой, дикой птицею двуногой и съ руками и съ буйной головой!« Степанъ вышелъ со двора и вздумалъ объ родной сторонѣ: «Гдѣ-то мамынька моя и родимый тятенька? Въ полѣ на межѣ свою голову скоронили, и я-то, Михайло, остался у разбойниковъ въ рукахъ». Самъ заплакалъ и пошелъ въ ту сторону, куды атаманъ велѣлъ. Вышелъ на большую поляну, вдругъ увидѣлъ себѣ добычу, лѣтъ семнадцати дѣвицу. Онъ подошелъ къ ней, сказалъ: «Здравствуй, красная дѣвица! Что ты время такъ ведешь? Сколько я шелъ и думалъ, такой добычи мнѣ не попадалось. Ты — пѣрва встрѣча!» Дѣвка взглянула, испугалась такого вьюноши: увидѣла у него въ рукахъ вóстру саблю, за плечемъ — ружье. Стенька снялъ шапку, перекрестился, вынулъ шашку изъ ножны и сказалъ: «Дай Богъ пóмочь мнѣ и булатному ножу!» Возвилáся могучая рука съ вострою шашкой кверху; Снялъ Стенька голову съ красной дѣвушки, положилъ ее въ платокъ и понесъ къ атаману. «Здравствуй, тятенька! Ходилъ я на охоту, убилъ птичку небольшую. Извольте посмотрѣть». Атаманъ выхóдя, взглянулъ на платокъ: на немъ окровелённая голова, красовитое лице. «Вотъ, Стеня, люблю за то!» Поцѣловалъ его въ голову. «Я тебя награждаю своимъ вострымъ булатомъ; съ нимъ я ѣздилъ семьдесятъ-пять лѣтъ, а теперь ко мнѣ кончина приходитъ». Атаманъ вскорѣ крѣпко заболѣлъ; собралась въ домъ его вся шайка. Онъ своимъ подданнымъ и говоритъ: «Ну, братцы вы мои, выбирайте кого знате, а я вамъ не слуга». Вдругъ вышелъ изъ лѣсу

невысокій старичекъ, лѣвымъ глазомъ онъ кривой, правымъ часто подмигиватъ. Взглянули на него разбойники и въ голосъ закричали: «Подойди, старикъ, сюда!» Онъ подошелъ, смѣется и говоритъ: «Ну, чего вамъ отъ меня нужно?» «Ну, старичекъ, разсуди намъ дѣла: насъ вотъ двѣнадцать человѣкъ; кто изъ насъ будетъ атаманомъ?» И онъ имъ отвѣтилъ: «Вы не выберете изъ себя. Я—самъ главный атаманъ изъ такой-то шайки; мои подданные ѣздили на разбой, плохо сдѣлали, у п л о ш а́ л и: перевязали, въ казаматъ посадили. Мнѣ старику владать теперь такимъ домомъ нѣчего, я и пришелъ къ вамъ». Всѣ разбойники вскричали: «Какъ? Мы тебя, старикъ, не знаемъ». «Что̀ вы, братцы, неужто вы Василья Савельича не зна́те?» «А вотъ-вотъ! Вотъ намъ и атаманъ! Пущай нами владаетъ!» У нихъ есаулъ былъ изъ Татаръ, повернулся и пошелъ. Пришелъ къ старому атаману и говоритъ: «Мы нашли себѣ атамана, Василья Савельича». Атаманъ говоритъ едва, едва, только намекаетъ: «Пошли, молъ, его сюда». Василій Савельичъ пришелъ къ старику, взялъ его за правую руку и сказалъ: «Прощай!» Тотъ промолвилъ одно слово: «Прими мого сына, Степана по прозванью! Вотъ еще скажу тебѣ: въ три стороны своихъ посылай, а въ эту вотъ сторону н и п о́ н о г у не шагай!» Послѣ того умеръ атаманъ. Коронили его, всѣ запѣли вѣчну память. Сталъ Василій своими подданными командовать и Степана научать. «Ну, теперича я тебѣ, Стенюшка, отецъ и мать. Слушай меня, что̀ я тебѣ приказываю. Твой отецъ мнѣ тебя на руки сдалъ; въ эту сторону не велѣлъ ходить». Прошло три года съ новымъ отцемъ; Стенька научился на охоту ходить; когда птицу, когда двѣ принесетъ. В о з л ю б и л ъ его атаманъ и такъ его лелѣетъ, п а ч е сына своего. Въ одно прекрасное время взялъ Стенька шашку и ружье, вышелъ за ворота и думаетъ: «Куда сегодня идти мнѣ? Да что жь мнѣ отецъ приказыватъ въ эту сторону не ходить?» Подумалъ и поглядѣлъ на вострy шашку въ рукахъ. «Тутъ дорога опа̀сна; моя булатная шашка притупѣла». Стенька воротился назадъ, взялъ бросилъ шашку. «В о т ъ ты мнѣ не слуга! Я выберу но̀ву!» Выбралъ первую, са̀му во́стру шашку, перекрестился и пошелъ по новой дорогѣ. Шелъ онъ немного чащей и вышелъ на большую поляну. Вдругъ видитъ передъ собою о г р о м н у ю ч у́ д у. «Нѣтъ, это не такъ», думаетъ;—я здѣсь теперь долженъ погибнуть». Испу-

гался, стоитъ на одномъ мѣстѣ, не знать что дѣлать. «Куды же мнѣ дѣться и какъ отъ этой чудищи скрыться?» Чудища подняла голову и увидала юношу; дохнула на него и стала двигаться къ нему. Стенька заплакалъ и думаетъ: «Пропалъ! Говорилъ мнѣ атаманъ: не ходи по этой дорогѣ! Я его словъ не послушалъ». Сталъ подходить ближе, вынулъ вострый мячъ, положилъ его на правую бедру. «Неужто», думаетъ,—«Богъ мнѣ не поможетъ срубить Волкодира? Я не буду такъ трусить, и Богъ поможетъ!» Волкодиръ его тянетъ и хочетъ проглонуть сразу. Сталъ Стенька шашкой своей владать, всѣ челюсти ему разрѣзать. Когда челюсти ему до ушей разрѣзалъ, и нижняя часть отстала, захватить Волкодира силы не стало, развернулся Степанъ своею шашкой и давай голову рубить, сколько силы его хватало (потому что онъ былъ не богатырь). Отрубилъ голову, сталъ брюхо разрѣзать; разрѣзалъ брюхо, нашелъ въ кулакъ камень и дивуется надъ этимъ камнемъ. Повернулся и пошелъ. Идя онъ дорогой, думаетъ себѣ: «Что это за вещь такая, и какой это камень?» Взялъ, нечаянно лизнулъ и узналъ все, что есть на свѣтѣ, ахнулъ передъ собой. «Вотъ», думаетъ,—этотъ камень мнѣ дорогъ!» Пришелъ домой къ отцу. «Здравствуй, тятенька, я ходилъ на охоту, и такая была удачна: погубилъ свого непріятеля, который намъ ходу не давалъ». Отецъ ему и говоритъ: «Врешь, Степанъ! Твой прежній отецъ тутъ семьдесятъ-пять лѣтъ жилъ съ своими подданными, и то этого не могъ сдѣлать, а ты девяти годовъ могъ такого противника погубить?» Степанъ побожился и поклялся. «Правду, тятенька, говорю! Хошь сейчасъ поѣдемъ, поглядимъ!» Подъ тотъ часъ съѣхалась вся шайка. «Ну-ка, братцы», сказалъ Василій Савельичъ,—«осѣдлайте лошадей! Стенька говоритъ, что онъ нашего непріятеля срубилъ». Всѣ въ голосъ закричали: «Мы жрать хотимъ!» Атаманъ и говоритъ: «Да вѣдь недалеко: скоро вернемся. Если правду говоритъ, мы пирушку сдѣламъ!» Осѣдлали лошадей. Сѣлъ Степанъ на коня, самъ впередъ поѣхалъ, за нѣмъ атаманъ, Василій Савельичъ. Доѣхали до долины, увидѣли Волкодира съ отрубленною головой; закричали всѣ: «ура!» и Степану честь-хвала. Воротились домой; атаманъ и говоритъ: «Ну, вотъ теперь, братцы, мы гулямъ!» Сдѣлали пиръ, трое сутокъ гуляли и все Степана восхваляли. «То-

перь поживемъ!» говоритъ атаманъ. «Намъ теперь воля на всѣ четыре стороны! Кутнемъ-ка еще, братцы!»

Сталъ Василій шайку набирать и задумалъ по лѣсу разъ погулять. Сѣлъ на добраго коня и поѣхалъ впередъ, по новой дорогѣ. Выѣхалъ онъ на Азовское море, и увидѣлъ онъ небольшой корабликъ. «Вотъ, братцы,» говоритъ,—«мы этимъ никогда не занимались; а хороша была бы намъ добыча: и хлѣба, и одёжи, и казны вдоволь!» Одни разбойники и говорятъ: «Эхъ, Василій Савельичъ это что за добыча? Мой дѣдъ и отецъ въ Саранскихъ лѣсахъ жилъ, — такъ вотъ тамъ добыча!» «А что?» «Что? Тамъ скотъ дешевъ, и народъ ремесленъ, и всякихъ заводовъ много.» «Да нѣтъ, надо испытать», говоритъ Василій.—Намъ ужь туды некуда лѣзть, потому я старъ, а вотъ сядемъ-ка въ легку лодку, да поѣдемъ въ д о г о́ н ъ». На берегу Азовскаго моря стояла небольшая косоу́ха. Сѣли въ нее всѣ двѣнадцать человѣкъ, взяли весла и г р я н у л и догонять корабликъ. А на немъ былъ капитанъ очень хитрый. Подогналъ атаманъ къ кораблю, а капитанъ на́ бортъ вышелъ, поддернулъ свои портки — ихъ на сорокъ саженъ отбросило. Атаманъ вскричалъ громко: «Ай да, грянемъ веселѣе!»

Напустились они въ другой разъ; капитанъ ихъ вплоть подпу́стилъ, шибко дернулъ за штаны ихъ угнало за полторы версты. «Нѣтъ, братцы», говоритъ атаманъ,—«я к а к ъ этимъ дѣломъ не занимался, и вамъ не совѣтую». Взялъ плюнулъ въ лодку и пошелъ до коней. Съ такой досады они сѣли на коней и поѣхалидомой. Съ эфтова время заболѣлъ атаманъ, сталъ подданнымъ говорить: «Кто моимъ дѣломъ управлять будетъ? Я с о в ѣ т о в а ю, братцы, Степана въ атаманство посадить». Тутъ всѣ стали на это роптать: «Мы сколько лѣтъ живемъ, а этого не видимъ. Недавно онъ пришелъ и атаманомъ хочетъ быть!» Степанъ вышелъ къ товарищамъ и говоритъ: «Если я атаманомъ не буду, такъ не хочу съ вами с л у ж и т ь! Ну, кто чего знатъ и какія искусства кто покажетъ?» закричалъ Степанъ. «Ну-ка, кто изъ васъ такой ловкій? Преклони весь лѣсъ къ землѣ!» Всѣ выпялили на Степана глаза и ни слова не сказали. «Никто изъ васъ не выбирался?» крикнулъ Степанъ. «Нѣтъ, никто не можетъ». Вынулъ и поднялъ Степанъ шашку кверху и скомандовалъ: «Лѣсъ, преклонись къ земли!» Глядятъ разбойники, а лѣсъ на землѣ лежитъ. Закричали всѣ: «Быть Степану атаманомъ!» Степанъ

отвѣтилъ имъ: «Ну, братцы, служить со мной такъ служить! Покажите, какъ вы охотитесь, какъ бьетесь? Мы такъ жить не будемъ, а пойдемъ въ привольныя стороны». Раздѣлилъ Степанъ свое войско на двѣ части, скомандовалъ другъ на дружку, въ шашки. Они такъ бились и рубились, что никто другъ друга не ранилъ и не убилъ. «Ну, братцы, я въ надеждѣ; могу идти съ вами. Теперь мы здѣсь не заживемся: въ привольны стороны пойдемъ! Забирайте все свое имущество и выѣдемъ мы на Азовско море и отправимся въ Саропскій(?) лѣсъ». Собрались разбойники, сѣли на коней и поѣхали на Азовское море. На берегу нѣтъ ни лодки, ни расши́вы; ни виду про нихъ, ни слуху. «Ну, что же, братцы, будемъ дѣлать?» говоритъ Степанъ. «На чемъ черезъ море поѣдемъ? Давай сюды мою большую ко́шму!» Степанъ разостлалъ ее на море; сдѣлался вдругъ большой корабль. Посадилъ на него шайку и лошадей поставилъ, громко вскричалъ: «Грянемъ, братцы, веселѣе!» Только его и видѣли. Пріѣхалъ онъ къ Саропскому лѣсу и говоритъ: «Ну, братцы, вы тутъ постойте, я съѣзжу, поразгуляюсь». Они на берегу себѣ таборъ сдѣлали, а Степанъ сѣлъ на коня и поѣхалъ по́ лѣсу. Разыскалъ онъ себѣ прекрасное мѣсто для дома (ста̀на), вернулся на̀ берегъ — изъ семидесяти-пяти человѣкъ убѣжало у него двадцать. «Куды же они дѣлись?» спрашиваетъ. «Гулять ушли». (А они сами начальниками захотѣли быть). «Ну, да мнѣ и этихъ будетъ», сказалъ Степанъ.—«Теперь, братцы, пойдемъ примемся за работу!» Сѣли на коней и отправились на разысканное мѣсто, и выстроили себѣ домъ. Стенька выѣхалъ на охоту и увидѣлъ перву встрѣчу: кра̀сна дѣ́вица, отъ роду семнадцать лѣтъ, зовутъ Афросиньей, а отца Егоромъ, изъ богатаго дома. Размыслился Степанъ: хотѣлъ дѣвицу погубить. «Да что я ее напрасно погублю, лучше съ собой возьму, пусть мнѣ женой она будетъ». Взялъ ее съ собой; пожилъ нѣсколько время, написалъ письмо, послалъ къ ея отцу, матери. «Дочери своей больше не ищите». И сколько родители ни старались, чтобы выручить изъ Степановыхъ рукъ свою дочь: деревни четыре собрали народу и вѣсь лѣсъ окружили. Подошли къ Степанову дому, и разбойники всѣ дома были. Увидалъ одинъ толпу народу: кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косой и ружьёмъ; взбѣгъ къ Степану и говоритъ: «Ну, атаманъ, видно, батюшка, мы пропа-

демъ!» «Что такое? Еще не родился на свѣтъ тотъ кто меня погубитъ. Гдѣ народъ?» «Нашъ домъ они окружили, атаманъ!» Пріубрался Степанъ въ о р у ж і ю, вышелъ на крыльцо и громко вскричалъ: «Ну-ка, подданные, садитесь скорѣе верхомъ! Не видите что у насъ?» Сѣли верхомъ, Степанъ впередъ поѣхалъ, и народъ разступился. Сѣли и поѣхали. Вернулся Степанъ назадъ къ толпѣ народа и говоритъ громкимъ голосомъ и м ъ: «Ну, что вы хотѣли меня пымать? Развѣ я звѣрь какой? Не волкъ и не медвѣдь, развѣ вы не видите?» Толпа остолбенѣла: ровно болваны стоятъ. Взялъ Степанъ въ руку плеть и погналъ ихъ отъ дома, какъ овецъ. Старикъ и бросилъ о своей дочери стараться. Степанъ остался съ Афросиньей жить. Прожилъ онъ годъ, и забрюхатѣла она; родился у нихъ сынъ. Далъ Стенька ему имя Аѳанасій.

Послѣ этаго прожилъ онъ три года и вздумалъ выѣхать на берегъ Волги разгуляться. Было у него подданныхъ съ нимъ восемь человѣкъ. Увидѣлъ онъ что б а р ж а небольшая бѣжитъ. «Хоша насъ, братцы, мало, а силы попрòбовамъ!» Кидаетъ съ себя епанчу, разстилаетъ на́ воду. «Садитесь!» Сѣли на епанчу. Громко вскричалъ: «Ну-ка, братцы, грянемъ!» Догнали баржу, лоцмановъ въ воду покидали, к а п и т а н а подвѣсили на дерево и обобрали все имущество. «Вотъ намъ, братцы, добыча! Мы, такъ я думаю, поселимся на Волгѣ». «Какъ, атаманъ? Теперь есаулъ у насъ старый; кого выбрать? Онъ въ отставку хочетъ». «А развѣ нѐкого? А вонъ у меня есть Абсаля́мка; будетъ всѣми дѣлами моими управлять!» Уѣхалъ Стенька домой и говоритъ молодой женѣ: «Ну, Афросинья, послѣдніе дни съ тобой живемъ! Я тебя къ отцу отправлю; только я тебя не обижу. Есть у меня семь коней; навьючу на нихъ серебра и мѣди, а золота-то понюхать и самимъ нечего». Дѣвка была его словамъ рада, ждетъ не дождется.

Собралась вся шайка, семьдесятъ-пять человѣкъ (во время разъѣзда пристали); вышелъ Стенька на крыльцо. «Ну-ка, братцы, много ли насъ?» «Семьдесятъ пять человѣкъ». «Ну вотъ, осталось п я т ь д е с я т ъ, а теперь опять прибавка. Ай-да, кто хочетъ, на Волгу! Кто охотники — впередъ!» Всѣ вскричали, кромѣ есаула: «Всѣ желаемъ тебѣ служить! Пойдемъ!» «Я желаю подальше выбрать мѣсто. Слыхали про Ж е г у л и н с к і я горы? А только вотъ что: есаула надо выбрать». «Кого желаешь, атаманъ, того и

сажай въ есаулы!» Онъ еще разъ подтверждаетъ: «Вотъ я желалъ бы Абсалямку!» «Ну, и мы желаемъ его!» вскрикнули всѣ. «Онъ человѣкъ хорошій и проворный и всѣ искуства знаетъ. Выходи, Абсалямка, впередъ! Командовай!» Вышелъ Абсалямка впередъ, крикнулъ: «Ну, робята, слушайте какъ атамана, такъ и меня! Мы скоро въ походъ пойдемъ по деревнямъ; гдѣ что попадется, все тащить, зря не бросать!» «Это», отвѣчаетъ шайка,— «наше дѣло: мы не проглядимъ что ви́сло виситъ!» Степанъ вскричалъ громкимъ голосомъ: «Осѣдлайте такихъ-то лошадей и насыпьте полны мѣшки серебра и мѣди, привяжите покрѣпче, да вотъ такихъ-то четыре коровы! Сегодня я отправляю жену на село. Ну, есаулъ, выведи на дорогу, смотри, чтобы худаго ничего не было!» Вывели семь лошадей съ мѣшками и четыре головы коровъ и привязали другъ за дружку; на переднюю лошадь самоё посадили. Есаулъ вывелъ на дорогу и указалъ ея домъ. На другой день Степанъ приказалъ ѣхать въ Жегулинскія горы. Осѣдлали коней и пошли упо́рствомъ на Старо-Черкасску губернію; открыли огонь, сдѣлали битву такую, что побили непріятелевъ триста тысячъ и забрали городъ. Возвратились оттудова упорствомъ на Саратовскую губернію. Кроволитіе тутъ у нихъ было такое, что побили сто-восемьдесятъ тысячъ (!) человѣкъ, забрали Саратовъ городъ. Изъ Саратова выступили въ Жегулински горы, пріискали удобное мѣсто, покопали себѣ землянки, устроили все въ порядокъ. Стенька сталъ выѣзжать на Волгу разбивать суда и вздумалъ разъ съѣздить въ Саратовъ городъ. Пріѣхалъ туда и увидѣлъ у одного богатѣющаго купца прекрасную дочь, подъ названьемъ Марья Ѳедоровна, и такъ ѣму захотѣлось ее къ себѣ забрать въ супружество. Дожидался онъ, когда она на разгу́лку или на балконъ выйдетъ. Черезъ нѣсколько времени выходятъ на балконъ и выносятъ большой самоваръ; купецъ съ купчихой садятся чай кушать, и дочь ихъ выходитъ. Стенька напустилъ воды, раскинулъ кошму и подъѣхалъ къ балкону; взялъ купеческую дочь изъ-за стола, посадилъ на кошму и съ собой увезъ въ Жегулинскія горы. Купецъ: «Ахъ, доржи, лови!» Не тутъ-то было. Сталъ Стенька выходить на берегъ и не сталъ никому давать проходу: ни одной баржѣ, ни расшивѣ. Стали доносить

государю, царю Ивану Васильевичу: «Царь Иванъ Васильичъ! Стенька Разинъ не даетъ проходу ни пѣшему, ни конному и по Волгѣ разбиваетъ баржи, и купеченски и даже казённы». Отписываетъ царь Иванъ Васильичъ Стенькѣ: «Степанъ, ты разбивай хоть купеченски, а мои не трогъ, а то я на тебя пойду упорствомъ!» Степанъ отвѣчаетъ царю: «Вы на своихъ баржахъ дѣлайте знаки, а если желаете идти на меня упорствомъ, милости прошу въ Жегулински горы. Если вы хотите мнѣ дань платить, то платите мнѣ за каждый проѣздъ и кладите знаки, а не хотите, я тогда упорствомъ пойду до Москвы!» Подумалъ царь Иванъ Васильичъ надъ Стенькиными словами: «Чѣмъ хочетъ взять? Семьдесятъ-пять человѣкъ и до Москвы хочетъ дойти!» И вздумалъ то, что онъ въ Старо-Черкасской губерніи триста тысячъ побилъ, подъ Саратовомъ сто-восемьдесятъ тысячъ.» Ну, у меня столько силы нѣтъ, значитъ, я въ его рукахъ». Собралъ дань и отослалъ Стенькѣ. «Положьте, Степанъ, сколько за лѣто возьмете, за прокатъ—я заплачу». Сейчасъ взялъ, на казенныхъ баржахъ сдѣлалъ знаки, и съ того времени Стенька сталъ казенныя баржи пропускать, а купеческая рѣдкая проходила безъ того, чтобъ онъ на ней не побывалъ. Въ одно въ прекрасное время вздумалъ Стенька покататься по Волгѣ. Ѣхалъ Волгой вверхъ, доѣхалъ до Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, до села Болгаръ. Вздумалось ему тутъ закусить. Подворотили, вышли на берегъ, идутъ селомъ. Попадается имъ встрѣчу дѣвка двадцати-семи лѣтъ; поздоровкался съ ней: «Здравствуйте, красна дѣвица!» «А вы что за люди?» «Мы купцы. Не слыхали чего про Стеньку Разина?» Вдругъ дѣвица испугалась, что такой разбойникъ селомъ идетъ. «Зачѣмъ вы сюда идете? Чего вамъ надо?» «Мы вотъ ѣсть захотѣли, не знамъ куды зайти». Сквозь зубовъ дѣвка сказала: «Милости просимъ къ намъ! Я накормлю». «А гдѣ твой домъ?» «А вотъ на берегу Волги угольная хата». Повела дѣвка въ свой домъ, посадила за столъ, напоила и накормила. Степанъ и говоритъ: «Нельзя ли, голубушка, съ тобой познакомиться?» «Отчего же, можно». И съ этого время сталъ Стенька къ ней частенько ѣздить. Стала дѣвка богата, такъ что первая на селѣ, и вздумала какъ бы его изловить. Разъ онъ пріѣхалъ къ ней и говоритъ: «Ну-ка, сходи, принеси четверть водки!» Та по-

бѣгла́, сказала старшинѣ, что пріѣхали къ ней разбойники. Старшина взбулгачился, нарядилъ народу, и окружили домъ. Она принесла водки; они стали пить. Тутъ гамѝтъ: «Давай его сюда! Иди къ нему! Чего глядѣть-то? Тащи его!» Но никто ничего сдѣлать не могъ. Попилъ Стенька, погулялъ и опять отправился на свое мѣсто. Народъ только поглядѣлъ на него.

Прожилъ Стенька въ Жегуляхъ семь лѣтъ, и з о б р а л ъ себѣ удобное мѣсто напротивъ Бирючей косы. Мѣста эти не были забраты, онъ и думаетъ самъ себѣ: «Если идти упорствомъ, то намъ кàбы осилить, а помоги никакой нѣтъ». Вдругъ рано утромъ приходитъ неизвѣстный человѣкъ съ письмомъ отъ Аѳанасья Степанова: «Степанъ Степàнычъ, прошу васъ испытать силы. Я ужь сталъ восемнадцати лѣтъ, я забралъ городъ Л е н б у̀ р г ъ». И думаетъ Степанъ: «Неужли́ это сынъ ко мнѣ пишетъ?» Отвѣчаетъ: «Кто есть ты такой за Аѳанасій Степàнычъ?» Самъ поѣхалъ къ Бирючьей косѣ и дѣлаетъ упорство на непріятеля (Тýрка) и у с и́ л ь с т в о м ъ сбили ихъ съ п о з и ц і и на Бирючую косу; забрали ихъ въ плѣнъ живьемъ. Утромъ, на солнечномъ всходѣ, приходитъ человѣкъ, приноситъ письмо: «Любезный мой п а п а ш а, я буду къ вамъ въ гости, въ городъ Астрахань, а не извѣстно когда». Такъ онъ этому письму обрадовался! Взошли они на Теплый островъ, построили себѣ огромный домъ. Между тѣмъ пока онъ строилъ, сынъ пріѣхалъ въ Астрахань, гуляетъ пò городу, не признаетъ никого, никому шапки не скида́тъ: ни господамъ, ни чиновникамъ, ни простонародью. Стали люди замѣчать, что онъ не изъ простыхъ: либо изъ чиновниковъ, либо изъ раскольниковъ. Донесли г у б е р н а т о р у. Губернаторъ сказалъ: «Когда пойдетъ, доложите мнѣ». Вдругъ вышелъ самый этотъ разбойникъ. Губернатору слуги доложили, что онъ идетъ. Губернаторъ вышелъ изъ воротъ и пошелъ на встрѣчу. Тотъ ему никакаго не отдаетъ почтенія. «Что ты есть за человѣкъ?» «А нàшто тебѣ?» отвѣчаетъ Аѳанасій. Закричалъ губернаторъ: «Доржи его и посадить въ темницу!» Послѣ того Стенька пріѣхалъ въ Астрахань-городъ и узналъ, что сынъ его въ тюрьмѣ, а кто посадилъ не извѣстно. Долго онъ жилъ въ городѣ и все разузнавалъ. Въ одинъ праздникъ ему одинъ человѣкъ и сказалъ, что сына его губернаторъ посадилъ. Когда ударили къ обѣднѣ, сталъ народъ

съѣзжаться, идетъ губернаторъ. Стенька стоялъ на па́перти, взялъ губернатора за́ руку и повелъ на колокольню. Взвелъ его на нее и вскричалъ: «Вотъ! Не ѣшь сладкую конфе́ту, а попробуй луковицу съ хрѣномъ!» Взялъ его въ беремя и говоритъ: «Ну-ка, какъ кошка вывёртывается? Встанешь ли ты на́ ноги какъ она?» И спустилъ его въ окно за добродѣтель сыну своему. Вышелъ Стенька изъ церкви и пошелъ прямо въ тюрьму и сына выпустилъ; подвелъ его къ губернатору и спрашиватъ: «Узналъ ли ты своего непріятеля? Вотъ онъ тебя въ тюрьму посадилъ, а самъ летать захотѣлъ съ колокольни, а садиться-то не умѣетъ!» Попрощались сынъ съ отцемъ. «Ну, сынъ, далеко ли пойдешь?» «Я теперь отправлюсь въ Пе́рму». «Да какъ ты ее заберешь?» «А какъ вы Бирючью косу забрали, такъ и я заберу». И пошелъ Аѳанасій въ свою шайку. (У него немного было: сто-семьдесятъ пять человѣкъ). Пріѣхалъ въ шайку, проздравилъ себя, что «былъ де я такимъ-то губернаторомъ посаженъ въ тюрьму и былъ въ ней семь дней, покуда отецъ меня не выпустилъ, а самъ губернаторъ вздумалъ полетать, а садиться не умѣлъ». «Теперь, братцы, въ Пе́рму упорствомъ пойдемъ!» Собрались и сдѣлали войну—Боже упаси! Забралъ Аѳанасій Пе́рьму и шестьсотъ человѣкъ въ плѣнъ. Когда Стенька узналъ объ этомъ, былъ очень радъ и пошелъ упорствомъ въ Самàрску губѐрню и забралъ небольшую рѣчку Уралъ. Поселились тутъ всѣ подданные Стеньки а онъ ихъ наградилъ землею и лугами, и лѣсомъ, и рѣкой Ураломъ. «Если кто говоритъ,—«будетъ у васъ отбирать, то сдѣлайте упорство!» Больше онъ въ войну не пошелъ, и задумалъ Стенька отпустить свою Марью съ малымъ дитёмъ; поѣхалъ въ Жегулинскія горы домой. Пріѣхалъ, видитъ, что Марья лежитъ на кровати мертвая. «Ну, Богъ съ ней! Ладно, что не захватилъ». Такъ и оставилъ.

Послѣ того стало ему скучно. «Дай поѣду на Каспѝцкое море!» Расправилъ свою толстую кошму, сѣлъ на нее и поѣхалъ къ Каспицкому морю. Ѣхалъ не больше трехъ часовъ, пріѣхалъ къ столичному городу въ Персіи; видитъ: гуляетъ на балкону прекрасная королева Елена; вздумалъ: «Какъ я ущельемъ къ городу проѣду? Дорога тѣсная». Напустилъ воды, подъѣхалъ и взялъ ее съ балкона, посадилъ на кошму и увезъ на Теплый

островъ. Пріѣзжаетъ въ домъ, встрѣчаютъего служащіе. «Ну, братцы, проздравляйте меня съ побѣдою! Чего желалось, то я получилъ! Теперь мы з а й м е м с я пойначе работать. Надо хлѣба на̀ зиму заготовить и всего. Съѣздите-ка въ городъ Астрахань!» Поѣхали двѣнадцать человѣкъ, тринадцатый есаулъ, Абсалямъ. Пріѣзжаютъ; высмотрѣли богатѣющаго купца магазинъ. Вотъ есаулъ и говоритъ: «Не поживимся ли малость?» Подрѣзали ж е с т я н у ю к р ы ш у и одинъ изъ ловкихъ влѣзъ туда и давай оттуда все переть. «Что, будетъ? Кажись все я повыкидалъ». «Да вотъ пошарь-ка, нѣтъ ли еще? На одну подводу не хвата̀тъ». Сталъ разбойникъ шарить и нашелъ: виситъ что-то. «На крюкѹ что-то виситъ; я вамъ не выкинулъ!» А это была кунья шуба съ бобровымъ воротникомъ. Выкинулъ ее оттуда и сказалъ Абсалямъ: «Вотъ такъ шуба! Какъ бы ее отъ атамана скрыть, чтобы мы отъ нея поживились?» Положили на̀ возъ и отправились домой. Часу въ первомъ ночи остановились лошадей кормить на большой полянѣ, въ лѣсу, не доѣзжая пяти верстъ до Волги. Передъ самою зарей вдругъ есаулъ сдѣлалъ тревогу. «Что вы, братцы, спите? Мы то, у х а ч ѝ — воры, а у насъ украли!» Поскакали разбойники въ погóнь, во всѣ стороны. Въ это время есаулъ взялъ, шубу укралъ. Разбойники вернулись и спрашиваютъ: «Амного ли покражи было?» «Да вотъ», говоритъ есаулъ,— «шубу украли, а она мнѣ всего дороже». «Ну, дѣлать нечего», говорятъ разбойники,—«видно намъ ею не владать!» Есаулъ пома̀киватъ. Пріѣзжаютъ къ атаману, говорятъ: «Г о с п о д и н ъ атаманъ, поздравляй съ добычей! Все ѣздили благополучно, только вотъ случилась бѣда: съ возу кто-то шубу укралъ съ бобровымъ воротникомъ и обложену разнымъ п р о з у м е н т о м ъ!» «Плохо», сказалъ Стенька,—«а вотъ бы и надо ее сейчасъ! Какъ украли? Разскажите!» «Да вотъ мы съ устатку на такой-то полянѣ отдохнуть легли», началъ одинъ разбойникъ. Стенька сказалъ: «Иди на то мѣсто и поищите невдалекѣ кругомъ, не будетъ ли она тутъ». Сѣли двое на лошадей и поѣхали на поляну; давай шубу искать. Не доѣзжая до одного небольшаго кустика, видятъ: шуба лежитъ вверхъ воротникомъ. «Эй, Митька, я шубу нашелъ!» Несетъ шубу на рукѣ, прямо къ атаману. Атаманъ взялъ и говоритъ: «Да, стали отъ меня воровать! Не ладно, робята. Я на него надѣялся, на есаула, ну, а теперь онъ изъ вѣры вышелъ». А Абсалямъ за дверьми стоялъ

да слушалъ. Приходитъ въ комнату и говоритъ: «Атаманъ, шубу мнѣ отдай!» «Какъ такъ? Ты ее украсть хотѣлъ?» «Нѣтъ, я тебѣ ее не подарю!» говоритъ есаулъ. Сдѣлалась у нихъ большая ссора. Степанъ говоритъ: «Не быть тебѣ есауломъ!» «Не буду я», отвѣчаетъ Абсалямъ, — «есауломъ, а буду атаманомъ!» Всталъ Степанъ со стула, разсердился, закричалъ на него: «Пошелъ вонъ отсюда!» Есаулъ повернулся, загнулъ свое рыло и вышелъ. «Дай-ка», думаетъ, — «я осѣдлаю своего коня и поѣду куда знаю». И уѣхалъ въ Сызранъ; прожилъ въ немъ три лѣта, набралъ небольшую шайку въ девять человѣкъ, сталъ воровать и разбойничать. Узналъ про это Стенька. «Да-ка я съѣзжу, разузнаю, какъ живетъ Абсалямъ!» Взялъ трехъ съ собою и поѣхалъ. Пріѣхали въ Сызрань, нарядились купцами и спрашиваютъ: гдѣ разбойникъ Абсалямка. Всѣ знали и указали въ какой лѣсъ ѣхать. Стенька подошелъ къ его дому. Абсалямка какъ увидѣлъ, испугался и говоритъ: «Здравствуй, братъ Степанъ, я очень боленъ». «Здорово, Абсалямъ, вижу я, какая твоя болѣзнь. Я не за болѣзнью твоей пришелъ, а за шубу расплатиться». «Я теперь весь въ твоихъ рукахъ», сказалъ Абсалямъ съ покорной головой. Со стономъ говоритъ Абсалямъ: «Прости, братъ Степанъ, я такой же атаманъ!» «Не за тѣмъ я къ тебѣ пришелъ, чтобы простить, а зачѣмъ ты отъ меня ушелъ?» Вынулъ Стенька вострую свою шашку и отсѣкъ Абсаляму голову; сѣлъ на добраго коня и отправился назадъ. Пріѣхалъ домой и сказалъ: «Ну, ребята, поминайте Абсалямку за покой его души! вотъ вамъ жертва!» И отдалъ имъ мячъ». «Я сегодня братàлся съ нѣмъ, снесъ ему голову своей вострой шашкой, ну, да будетъ про это толковать! Мы новаго заведемъ. Какъ бы въ Астрахань скорѣе попасть? Что-то мнѣ скучно. Другаго есаула нѣтъ, это не бѣда: мы одни исправимъ дѣла!» Осѣдлали новыхъ коней; Стенька яснымъ соколомъ полетѣлъ. Проѣзжаетъ онъ базаромъ, самъ съ улыбкой говоритъ: «Я и вновь здѣсь явился; гдѣ же мой губернаторъ лежитъ? Я пріѣхалъ къ нему поздоровкаться, сказать: есаула пусть онъ встрѣчатъ къ себѣ въ домъ за его добродѣтель, чтобы мого сына въ тюрьму не сажалъ(?). Мы послѣ этого разговоромъ займемся. Ну-ка, робята, подглядите, гдѣ намъ добыча лучше будетъ! Заберемся мы къ богатому купцу; онъ живетъ на самомъ краю, въ полукаменномъ дому. Намъ стѣны ка-

менны ни почемъ: дочь красавица у него; мы добра и имѣнья набрали, мы красавицу увезли». Привозилъ Стенька домой. «Вотъ тебѣ, любезная моя — сестра моя! (Это княжна-то). Я долго не видалъ сестру, когда бунтовствó было; я разстался съ ней и сѣлъ на легку лодку, за тобой поѣхалъ; я время въ этомъ проводилъ, въ Персидское царство ѣздилъ, всѣхъ знакомыхъ я узналъ, купéчество разорялъ!» Вздумалъ Стенька съѣздить въ путь-дорогу, въ Казанскую губерню; мимо Болгаръ проѣзжалъ, про прежнюю вспоминалъ. «Дай зайду къ ней!» Вышелъ Стенька изъ лодки и завёртыватъ въ домъ, въ которомъ было веселье и гулянье. Онъ заставилъ стару дѣвку баню истопить. Истопила она баню и побѣжала на село и сказала старшинѣ: «Стенька парится въ банѣ!» На тотъ случай идетъ старый старичекъ. «Что у васъ за сходка?» спрашиваетъ старикъ. «Вотъ мы хотимъ Стеньку изловить!» «Гдѣ вамъ, братцы, его пымать? Тотъ еще на свѣтѣ не рожденъ. Рàзи мнѣ старыя кости потревожить и показать вамъ Стеньку?» Снялъ старикъ свою шапку, три разъ перекстился, подошелъ къ банѣ и тихимъ голосомъ говоритъ: «Степанъ!» Громко Стенька отвѣчалъ: «Эхъ ты, старый хрѣнъ! Не далъ ты мнѣ помыться!» Ну, дѣлать нечего, сталъ онъ собираться. Вышли они изъ бани; Степанъ на всѣ стороны поглядѣлъ, перекстился и пошелъ. Старикъ тихимъ голосомъ сказалъ: «Старшина, давай подводу!» Посадилъ его на телегу, самъ сѣлъ впереди. Привезъ дó города, спросилъ полицейскихъ.. «На тѣ вотъ вамъ разбойника Стеньку Разина въ казаматъ!» Весь народъ сдивовался, что не простой старичекъ. Онъ спросилъ исправника: «Ну, какъ его сажать?» Исправникъ говоритъ: «Надо въ желѣзо его сковать!» Взяли, въ желѣзо его сковали; Стенька тряхнулъ ногой и желéзы прочь полетѣли. Старикъ и говоритъ: «Не поможетъ вамъ желѣзо, лучше мнѣ его связать!» Взялъ моченое лыко, ноги руки ему связалъ, посадилъ его въ острогъ. Трое сутокъ онъ въ немъ сидѣлъ, на четвертыя является губернаторъ: извѣстенъ былъ такой разбойникъ всей амперіи. Распалённый губернаторъ закричалъ на него громко: «Можетъ ли сидѣть такой разбойникъ связанъ мочалами? Заковать его въ желѣзы!» И сказалъ Степанъ: «Ну, теперь, братцы, прощай!» Нарисовалъ середь полу легку лодку и сказалъ: «Садись, робята, со

мной!» Полилась изъ острòгу вода, отворилась дверь, и уѣхалъ Стенька въ луга; увезъ съ собой новыхъ двѣнадцать человѣкъ, вернулся домой къ молодой своей женѣ и къ названой сестрѣ (Астраханкѣ). И задумалъ Стенька переправиться въ отдаленную дорогу, на Балхѝнско-черно море, на зеленый Сиверскій островъ; и думать Стенька про свою молоду жену, княгиню: «Кудажъ я ее возьму съ собой? Неужли мнѣ, удальцу, тамъ жены не будетъ?» Разостлалъ Стенька платокъ, посадилъ двухъ дѣвокъ съ собой; подъ служащихъ—большой коверъ, и сказалъ: «Грянемъ, робята! Недалеко: мы сегодня въ Астрахань, а на утро будемъ въ Рыбинскомъ!» Плыли они путину, молодà его жена и сказала: «Куда ты меня завезешь?» «А не хошь ты со мной ѣхать, полетай съ платка долой!» Словомъ ее огорошилъ—княгиня полетѣла вплоть до дна. Ѣхавши губерніями народъ видѣлъ его на платкѣ, съ дѣвицей. Дѣвица сидитъ, возмоля́ется: «Прощайте, нянюшки, мамушки и родимый мой отецъ!» Онъ услышалъ эти слова, подворотилъ къ лѣвой сторонѣ. «Охъ, и городъ мой родной (Синбирской), ужь я въ немъ и рѣдко былъ, а все знаю!» Видитъ: сынъ на встрѣчу идетъ, здоро́вается съ нимъ и называетъ отцемъ. «Ахъ, сыночекъ Ванюшка, не знашь ли про́ свого братца?» «Нѣту, тятенька, не знаю; я въ несчастьи нахожусь: архерей меня въ тюрьму посадилъ.» «Ну, какая честь будетъ ему, хвала?» сказалъ Стенька сыну. Обнялись, поцѣловались. «Не плачь, сынокъ, я съ нимъ разсчитаюсь. Я еще не такихъ видалъ: Астраханской губерніи губернатора съ колокольни кидалъ, и этому не миновать!» Утромъ рано онъ всталъ, самъ къ заутрени пошелъ; проходя всеё церковь, передъ царскими дверьми всталъ. Выходитъ архерей изъ алтаря, беретъ его Степанъ за руку: «Ну, пойдемъ со мной за сына разсчитаться!» Взвелъ его на вышній етажъ и крикнулъ: «Сейчасъ получаетъ вашъ архерей за моего сына расчетъ!» Взялъ его и выбросилъ изъ окна. Народъ взбунтовался. «Держи, лови!» Но никто не видалъ, какъ Стенька весь народъ прошелъ. Взялъ онъ сына своего куды путь лежалъ, доѣхалъ до Рыбинскова: городъ славный, а стоять нельзя. «Оставайся, сынокъ, здѣсь, а я поѣду куда вздумалъ, по свѣту похожу, разузнаю, гдѣ что есть».

Пріѣхалъ къ морю и сказалъ: «Слава Богу!» Стенькѣ отъ роду было девяносто-семь лѣтъ. Переправился онъ черезъ море на зеленый Сиверскій островъ, написалъ онъ письмо старшему свому сыну: «Я прощаюсь съ вольнымъ свѣтомъ, и конецъ мнѣ скоро будетъ». Построилъ себѣ домъ близь большой дороги; и м ѣ л ъ п р о ж и в а н ь я три года и кончилъ Стенька жизнь свою на Сиверскомъ зеленомъ островѣ, н о дѣти его не знаютъ, гдѣ отецъ. Пролежалъ тридцать лѣтъ; с т ѣ н ь ходила по землѣ, н о народъ она пугала и просила, чтобы надъ ея тѣломъ сказали вѣчну память.

Проѣзжалъ одинъ изъ прикащиковъ съ краснымъ товаромъ; поднялась грозна, туча и ударилъ сильный дождь; онъ отъ дождя и заѣхалъ въ домъ Стеньки Разина. Стѣнь подошла и ш и п о м ъ говоритъ: «Иди, возьми въ такой-то комнатѣ золота мѣшокъ и подъ такимъ то звеномъ, подъ заборомъ лежитъ Стенька Разинъ; скажи надъ нѣмъ вѣчну память, а прежде сведи коней со двора!» (А то землетрясеніе будетъ). Н е у с т р а ш и м ы й р а з н о щ и к ъ разыскалъ золота мѣшокъ, навалилъ его на горбъ, повезъ со двора и думаетъ: «Ладно ли такъ будетъ?» Воротился назадъ, разыскалъ т р у п ъ Стеньки Разина, въ попыхахъ скоро сказалъ три разъ вѣчную память; самъ бѣгомъ со двора побѣгъ, п а л ъ на лошадь, тронулъ коня возжей, н о едва отъѣхалъ — потряслась земля, и провалился трупъ Стеньки и закрылся землей. О Стенькѣ разсказу конецъ, а будемъ говорить о старшемъ сынѣ Аѳонькѣ.

Услыхалъ Аѳонька о смерти отца, и вздумалъ онъ съѣздить на Балхинско-Черно море, на зеленый Сиверскій островъ. Подъѣѣхалъ къ морю—тихо было; сѣлъ въ небольшую лодку и отправился с а м ъ на островъ. Вдругъ буря поднялась, раскачала лодку его. Тутъ-то Аѳонька страху наимался! Чуть не захлебнулась его лодка. Дошелъ до отцовскаго дома—стоятъ однѣ голыя стѣны. Посмотрѣлъ на эти стѣны, с а м ъ заплакалъ и пошелъ; тихо, во слезахъ, слово сказалъ: «Смерть отца я не засталъ! Ну, прощай, отецъ! Теперь я до смерти не увижу тебя!» Отправился на море; поглядѣлъ—лодки нѣтъ. Вотъ бѣда и горе! Кто-то лодку угналъ. Ѣдутъ два перевощика, онъ и крикнулъ: «Братцы, посадите меня!» Тѣ подъѣхали и говорятъ: «Что дашь за перевозъ? Мы отвеземъ». «Сколько возьмете?» «Ну, садись!» Онъ сѣлъ въ лодку

и думаетъ: «Денегъ у меня ни гроша, чѣмъ я расплачусь съ ними?» Одинъ у него въ карманѣ кистѣнь. Вынулъ онъ его тихонько; перевощики сидятъ впереди, веслами гребутъ и другъ на друга глядятъ. Заглядѣлся одинъ перевощикъ, взялъ Аѳонька цопъ его въ ухо кистенемъ! Этого убилъ до смерти, а другаго изъ лодки вышибъ, самъ сѣлъ въ весла и поѣхалъ куды надо. Пріѣзжаетъ на сву сторону, идетъ путемъ дорогой, попадàтся ему артель среднихъ мужиковъ; идутъ съ золотыхъ пріисковъ. Аѳонька говоритъ: «Здравствуйте, робята! Куда ходили?» «Идемъ съ работы.» «А мнѣ такихъ людей надо! Я иду третій день не жрамши, хоть на кусокъ хлѣба добьюсь себѣ!» Мужики другъ на дружку взглянули и говорятъ: «Неужто мы живые одному въ руки дадимся? Это вздоръ!» «Ну, какъ же, мужики, денегъ много у васъ?» «Да есть у кажняго по сотняжкѣ», смѣются между собою. «Ну, что же, давайте мнѣ на дорогу!» говоритъ Аѳонька. «Эхъ ты, дуракъ! Мы сами глядимъ гдѣ бы взять.» «Да вѣдь съ вами нечего такъ говорить: вы не знате, кто я!» Вынулъ изъ кармана кистень и говоритъ: «Ну-ка, я примусь за прежнюю работу!» Тутъ Аѳонька развернулъ руку и далъ одному кистенемъ плюху, а трое съ испугу упали. «Я съ вами вотъ какъ обойдусь!» Поколотилъ всю артель, деньги отобралъ. «Будетъ мнѣ на дорогу!» Идетъ и посмѣивается, самъ себѣ говоритъ: «Я теперь гдѣ ни взойду, голодомъ не умру.» Пришелъ въ свой домъ: запустѣлъ, никого нѣтъ... И такъ досада его взяла, что изъ терпѣнья онъ вышелъ. «Гдѣ мои подданные товарищи, которые со мной были?» Воздохнулъ онъ тяжело и скрозь слезы сказалъ: «Прощай, моя изба! Больше я въ тебя не приду!» Забралъ все добро, сѣлъ на добраго коня. Проѣхалъ не больше пяти верстъ; стоитъ въ лѣсу огромный домъ. Онъ взъѣхалъ въ него, выбѣгатъ къ нему на встрѣчу его есаулъ и говоритъ: «Здравствуй, братъ Аѳанасій! Какъ твое здоровье? Гдѣ ты столько время былъ?» «Неужто ты, братъ, не знашь гдѣ я былъ? Я отца хоронилъ». «Ну, милости просимъ въ нашъ домъ! Мы свой выстроили». «А много ли васъ здѣсь?» «Да не много: двадцать-пять человѣкъ», сказалъ есаулъ. «Такъ что же? И меня въ артель принимайте!» «А милости просимъ!» Но такъ его досада беретъ, что онъ изъ атамановъ въ подданные идетъ, говоритъ есаулу: «Ну, что, атаманъ, здѣсь слу-

жить неловко: добычи мало! Поѣдемте въ привольныя стороны, гдѣ отецъ работалъ.» «И я думаю туда же отправиться.»

Въ одно прекрасное время съѣхалась вся шайка; начали говорить: «Кто на Волгу хочетъ въ городъ Симбирской?» Одинъ изъ работниковъ говоритъ: «Да вѣдь не знай какъ мы попадемъ въ Симбирской: тамъ завѣдываетъ Ванька» (братъ Афоньки). А Аѳонька говоритъ: «Вотъ мнѣ и хочется узнать. Забирайте ограбленное добро!» Забрали, лошадей осѣдлали, сѣли поѣхали. Пріѣхали на берегъ Волги въ небольшое село, по прозванью, Майну, разыскали тутъ удобство (небольшую рытвину), прежній готовый домъ, остановились на время жить. Разузнали всѣ дѣла, какъ живетъ Ванька, командовать своими войсками и гордится, управляетъ всей Волгой; занимаетъ должность отца старика: судà разбиваетъ, лоцмановъ въ воду кидаетъ. «Ну, это онъ незаконно», сказалъ Аѳонька. «Пусть бы онъ деньги и добро бралъ, а лоцмановъ въ воду кидать не зачѣмъ. Попробую силу его!» Написалъ Аѳонька письмо: «Ожидай меня въ гости!» Ванька отвѣчалъ: «Милости прошу, незнакомый человѣкъ!» Собрались двадцать-пять человѣкъ, разостлалъ Аѳонька епанчу, сѣли вмѣсто лодки и поплыли въ Синбирскъ. Ванька встрѣтилъ гостя и говоритъ: «Какіе вы люди?» «Мы—дѣти Стенки Разинова, первый сынъ Аѳанасій». Онъ этому дѣлу не вѣритъ, хочетъ по шеѣ изъ дому прогнать. «Врешь! У меня не такой братъ!» Произошелъ шумъ и драка; открыли огонь, и Аѳонька упорствомъ пошелъ, прогналъ Ваньку изъ Синбирскова во Рязанскую губернію. Остался Аѳонька въ Синбирскомъ свою жизнь продолжать и научился, какъ баржи разбивать. Вотъ плохая тутъ удача: народъ хитрый нынче сталъ. Однажды погнался за маненькой баржей. Лоцманъ былъ не промахъ: самъ рулемъ правитъ, рукой по головѣ гладитъ. На головѣ волоса были длинны: какъ назадъ ихъ закинетъ, и Аѳоньку съ Волги на берегъ кинетъ. «Эхъ», говоритъ—Аѳонька, это, братцы, не такъ. Тутъ не поживёшься! Поѣдемъ дальше за ними!» На путинѣ баржа пріотдохнуть и встала. Аѳонька—слѣдомъ. «Вотъ гдѣ намъ владать имъ, этимъ лоцманомъ!» шепнулъ Аѳонька. «Айда, братцы, за работу!» Взошли на баржу: лоцманъ стоитъ въ своей хатѣ. Отворилъ Аѳонька дверь и крикнулъ: «Эй ты, сонный тетеря, не отворящь

намъ двери!» Съ испугу лоцманъ вскочилъ, выбѣгъ на верхній бортъ, ножемъ горло перехватилъ. Разбили они эту баржу; златомъ и серебромъ лодку нагрузили и отправились домой.

Получаетъ Аѳонька письмо не извѣстно откуда; сталъ его читать: письмо—отъ роднаго брата. «Эхъ, братецъ, не зналъ я, что ты былъ у меня въ гостяхъ и войну у п о р н у ю сдѣлалъ. Я теперь третій мѣсяцъ въ несчастьи: въ тюрьмѣ сижу». Аѳонькѣ жаль стало: онъ и поѣхалъ въ Рязанску губерню, розыскалъ брата въ тюрьмѣ. Увидѣлъ весь народъ, что самый тотъ разбойникъ въ такомъ-то году архерея съ колокольни бросилъ (лицемъ схожъ былъ). «Давай, держи, лови!» Шумъ поднялся и гвалтъ, а Аѳонька подошелъ тихо къ за́мку, выпустилъ своево брата и отправился въ свое мѣсто. «Бросимъ это все дѣло!» сказалъ Иванъ брату.—«Будетъ, братъ, погрѣшили, пора на покаяніе!» «Нѣтъ», сказалъ Аѳонька,—«я до смерти свои дѣла не брошу!»

Отправился на с в о̀ мѣсто, на разбойное дѣло. Недолго ему царить досталось: нагрянуло войско; пымали Афоньку въ темномъ лѣсу, посадили его въ тюрьму. Рѣшилъ его судъ сквозь тысячнаго строя три разъ провести. Забили Аѳоньку до́ смерти, а Иванъ пустился во моленье и покаялся въ девяносто-семи людскихъ душахъ.

б. Не Стеньку подъ Синбирскомъ разбили, а его есаула, татарина. Стенька былъ въ это время въ Дербентѣ. А разбили есаула его потому, что онъ, татарска лопатка, вздумалъ озоровать и п о д у с т и́ л ъ выстрѣлить пулей въ соборный крестъ. Стенька видитъ: дѣло плохо (онъ вѣдунъ былъ), помчался изъ Дербента, да ужь дѣло опоздано было. А взялъ Синбирскъ сынъ его, Аѳонька. На выѣздѣ изъ города къ рѣкѣ т а м ъ и стѣна стоитъ, на стѣнѣ написано: «В з я л ъ С и н б и р с к ъ А ѳ о н ь к а». Все одно какъ на Каспицкомъ морѣ есть столбъ, гдѣ прописано какъ е г о Петръ Первый высѣкъ плетьми за то, чтобъ оно не смѣло его впередъ топить.

(Записано въ с. Новиковкѣ, Самарск. губ., Ставропольск. уѣзда.).

в. Симбирскъ Стенька потому не взялъ, что противъ Бога пошелъ. По стѣнамъ крестный ходъ шелъ, а онъ стоитъ да смѣет-

ся: «Ишь чѣмъ», говоритъ,—«испугать хотятъ!» Взялъ и выстрѣлилъ въ святой крестъ. Какъ выстрѣлилъ, такъ весь своей кровью облился, а заговорёный былъ да не отъ этаго. Испугался и побѣжалъ.

г. Подъ Василёмъ напали стрѣльцы на удалыхъ молодцевъ Стеньки Разина. При шайкѣ былъ самъ атаманъ съ есауломъ. Вотъ начали они биться, и не берутъ разбойниковъ ни желѣзо, ни пули, потому что они всѣ заговорёны. Изъ шайки всѣ живы, никто не раненъ, а стрѣльцы такъ и валятся. Одинъ сержантъ и догадайся: зарядилъ пищаль крестомъ (съ шеи снялъ), да въ есаула и выпалилъ. Тотъ какъ снопъ свалился. Стенька видитъ, что дѣлать нечего, крикнулъ ребятамъ: «Вода!» (спасайся, значитъ). Подбѣжали къ Волгѣ, сѣли на кошму́ и уплыли, а есаулово тѣло тутъ на берегу въ лѣсу бросили и три мѣсяца его земля не брала, ни звѣрь не трогалъ, ни птица. Вотъ разъ кто-то изъ прихожихъ мужиковъ подошелъ да и говоритъ: «Собакѣ», говоритъ,—«собачья и смерть!» Какъ только эти слова сказалъ, мертвый есаулъ вскочилъ на ноги и убѣжалъ Богъ вѣсть куда.

(Записано отъ П. С. Полуэктова).

д. Стенька начальству разъ самъ дался, руки протянулъ, и заковали его въ желѣзы. Послѣ положили и зачали пытать: и иголками кололи, и кошками били—ничего не беретъ. Стенька знай только себѣ хохочетъ. Вотъ и выискался одинъ знающій человѣкъ и говоритъ: «Да вы чего бьете-то? Вѣдь вы не Стеньку бьете, и не онъ у васъ въ кандалахъ, а чурбанъ! Онъ вамъ глаза отвелъ да и хохочетъ». Сказалъ этотъ человѣкъ такое слово—глядитъ начальство, а и въ самомъ дѣлѣ не Стенька лежитъ, а чурбанъ. Ну, послѣ Стенька ужь не могъ вырваться; положили его при томъ человѣкѣ, стали бить—пробрали. А то бы онъ вовсе глаза отвелъ.

(Слышалъ отъ А. В. Чегодаева, въ Симбирскѣ).

е) Стенька прежде былъ умолённый, а теперь его двѣнадцать разъ въ годъ проклинаютъ. Онъ однѣхъ церквей двѣнадцать штукъ настроилъ, а потомъ, значитъ, своихъ сталъ обижать—за это его и прокляли.

(Записано въ Симбирскѣ).

ж. За Волгой, на Синихъ горахъ, при самой дорогѣ, трубка Стенькина лежитъ. Кто тоё трубку покуритъ, станетъ заговорёный, и клады всѣ ему дадутся и все; будетъ словно самъ Стенька. Только такого смѣлаго человѣка не выискивается до сей поры.

(Тамъ же).

111.

Про разбойниковъ.

а. Ахметъ.

Въ Астраханской губерніи, Бирючинскаго уѣзда, при озерѣ Черномъ, былъ аулъ Насалатъ. Жилъ въ немъ одинъ Калмыкъ, у него сынъ былъ Ахметъ. Отецъ имѣлъ богатство: триста лошадей дойныхъ: заводъ кумысный былъ. Когда Ахметъ былъ малъ, отецъ его къ работѣ принуждалъ. Не хотѣхъ заниматься Ахметъ; отецъ началъ бить его, принуждать. Разъ Ахметъ скрылся и ушелъ на Бирючью косу. Жилъ на ней три года; собралась шайка и начали разбойничать. Мало по малу стали шхуны убирать, рыболововъ убивать. Ахметъ научился всякимъ хитростямъ. «Ахметка у насъ Хитрый!» Такъ всѣ и знали. Вся шайка сказала, что надо намъ атамана. «Да кого же?» Думали, гадали. «Выберемъ Ахмета: онъ всѣхъ хитрѣе». Взяли, сдѣлали его атаманомъ. Сталъ онъ распоряжаться, люди стали прибывать: набралось до сорока-пяти человѣкъ. Въ то время случилось въ Ставропольской губерніи бунтовство: прошелъ ей мимоходомъ Стенька Разинъ съ своимъ войскомъ. Заслышалъ Ахметъ про это дѣло, погнался за Стенькой; не застигъ на дорогѣ, допустилъ его до города Астрахани. Въ Астрахани городокъ былъ плохъ: весь разбитъ Стенькой, и не могъ Ахметъ справиться. Расхрабрился Ахметъ и такъ горячо со Стенькой поступилъ, хотѣлъ показать ему путь дорогу назадъ; ну, не тутъ-то было! Стенька самъ былъ хитёръ: онъ цымалъ Ахмета въ руки и отпустилъ въ ж... двадцать-пять плетей, и сказалъ ему: «Еще ты,

братъ, не атаманъ! Куды тебѣ на меня лѣзть? Такъ, упорствомъ хотѣлъ взять, воротись-ка назадъ». Ахметъ съ досады воротился назадъ и пошелъ селами, сталъ зорить крестьянъ. Заслышалъ про это Стенька, послалъ своихъ войсковъ за Ахметкой въ погонь. Ну, счастье было такое: на берегу стояла лодка. Ахметка бросилъ своно коня, сѣлъ въ лодку и пустился внизъ по Волгѣ. Дѣлать было имъ ничего, на водѣ никакъ не пымать. Наимался Ахметка страсти.

Пошелъ разъ на разбой, попадатся ему перва встрѣча, сорокапяти годовъ женщина брюхата. Онъ взялъ ее за ноги и подвязалъ къ осинѣ; разрѣзалъ брюхо и смотритъ, какъ въ животѣ робенокъ лежитъ. Не пронялось этимъ дураку, и не видалъ, что позади народъ стоитъ. Окружили Ахметку. Онъ бабу бросилъ и пустился самъ бѣжать. Скрылся однимъ счастьемъ: попался ему медвѣжій берлогъ; онъ залѣзъ въ него, пролежалъ трое сутокъ. Такъ голодомъ показалось невкусно: своихъ товарищевъ забылъ. Вылѣзъ оттуда и думаетъ: «Неужто я живъ остался?» Пришелъ домой—изба стоитъ холодная. «Эхъ, гдѣ-то мои товарищи? Всѣ меня бросили, ну да я и одинъ стану охотничать: гдѣ гусь, гдѣ утка съ ногами и руками, съ человѣчьей головой». Вдругъ является къ нему средній мужичекъ. «Здоровъ ли, Ахметъ?» «Экой, мужикъ, ты дуракъ! Какъ здоровье! Ты мого горя не знаешь: я четвертый день не жрамши!» «А гдѣ твоя шайка?» «Не знаю». «Они на Бирючью косу ушли, и я къ нимъ пробираюсь: не возьмутъ ли». «Доведи меня до нихъ, хоть бы кусокъ хлѣба дали». Мужикъ повернулся и сказалъ: «Ступай за мной!» Шли полтора дня; никакихъ селъ не видали; вошли на Бирючью косу. Стояла на ней рыболовля; подошли къ рыболовамъ и съ милостью кусокъ просили. Когда рыбыловы узнали, что это Ахметка, закричали въ голосъ: «Бей его, сукинова сына!» Прогнали, чуть домой доплелся. Ну, разбойники увидали, приняли къ себѣ. «Гдѣ ты, Ахметъ, былъ?» «Ну, я въ руки мужицки попалъ, еле живъ остался. Дайте поѣсть!» Собрали ему обѣдъ. Онъ наѣлся, напился и вздумалъ отдохнуть. Видитъ во снѣ, что торчитъ на колу его голова; вскочилъ, испугался и думаетъ: «Неужто кто меня пымать?» Вдругъ къ вечеру шумъ и гвалтъ, окружило ихній домъ множество народу; переловили всю шайку и отправили

въ острогъ. Нашли спрятаннаго Ахметку, отрубили ему голову и надѣли на колъ.

(С. Новиковка, Самарск. г., Ставроп. у.).

б. Быковъ.

Въ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, въ селѣ Кожавка, жилъ былъ мужикъ Быковъ. Имѣлъ себѣ состояніе, домъ богатѣющій, жилъ себѣ въ одиночествѣ, только съ женой. Звали его Михайло Павловъ. Прожилъ одиннадцать лѣтъ съ женой Марѳой Сергѣвной, имѣлъ сына Петра. Воспитали до семнадцати лѣтъ—и онъ бросилъ отца, пошелъ въ городъ Спасскъ, нанялся къ купцу въ работники и жилъ честно. Три мѣсяца ничего никто за нимъ не замѣчалъ. Пришелъ къ нему товарищъ Романъ. «Послушай, Петруха, пойдемъ со мной!» «Куды?» «Я вещь нашелъ». Романъ повелъ его на истокъ; на истокѣ небольшой мостъ; подъ мостомъ—сундукъ со всѣми вещами: рубашки, холсты и двѣ тысячи рублей. Петруха, не зная ничего, испугался и говоритъ: «Надо объявить.» Романъ не совѣтовалъ: «На насъ», говоритъ,—«хватитъ!» Забрали деньги, сундукъ разбили, и послѣ того Петруха Быковъ началъ пьянствовать и пошаливать. Бросилъ онъ ходить по работникамъ, началъ лошадей воровать, по клѣтямъ лазять, а потомъ отправился въ лѣсъ. Не имѣлъ себѣ товарищей. Началъ разбойничать; убивать людей, грабить на дорогахъ, разбивать возки разнощиковъ и разбойничалъ онъ въ Кожавскомъ лѣсу тридцать-одинъ годъ. Своихъ не трогалъ. Въ одно время вздумалось ему, что «я сколько людей убилъ, а не знаю какъ робенокъ въ чревѣ лежитъ!» Пошелъ на дорогу; попадается на первой встрѣчѣ родная сестра брюхата. «Ты, сестра, перва встрѣча! Не спущу тебѣ!» Взялъ, подвѣсилъ ее, разрѣзалъ ей брюхо, не поспѣлъ взглянуть, и выпалъ робенокъ. Только ахнулъ, что не видалъ какъ, а бабу сгубилъ. Пошелъ дальше; идутъ двое шерстобитовъ по лугамъ. Онъ сказалъ имъ: «Куда идете?» «Шерсть бить». «Подходи!» Подошли они къ стогу. «Скидайте рубахи и портки! Привязывайте лучки къ стогу! Начинайте бить!» И до тѣхъ поръ около стогу мучалъ, что силъ ихнихъ не хватаетъ. Весь стогъ безъ малаго избили. Видитъ Быковъ, что съ нихъ не только потъ, а и кровь выступаетъ,

крикнулъ: «Довольно, спасибо вамъ! На тѣ пять рублей за работу!» Сталъ такъ Быковъ шалить, что однѣ бабы въ полѣ боялись работать: пугаетъ, хлѣбъ убираетъ, скидаетъ одёжу, на огнѣ жжетъ. Вознегодовали всѣ окольныя деревни, какъ бы его изловить? Собралось нѣсколько деревень въ городъ Спасскъ, объявили исправнику, что надо поймать Быкова. Тотъ приказалъ поймать. Сдѣлали облаву, разослали лазутчиковъ подглядывать за нимъ. Пошли по Кожàвскому лѣсу кругомъ; но онъ смѣтилъ и ушелъ въ окольный лѣсъ. Нельзя его было тутъ поймать. Одинъ изъ Измерскихъ Татаръ видѣлъ его въ окольномъ лѣсу; пріѣхалъ къ исправнику: такъ и такъ. Потревожили всеё облаву въ тотъ лѣсъ. А онъ спалъ подъ кизилевымъ кустомъ. Шли, гайкали, дошли до куста. Быковъ услыхалъ, что народъ кругомъ, вскочилъ и хотѣлъ убѣжать, но не тутъ-то было. Хотѣлъ сдѣлать упорство на народъ, пробиться, да нельзя: много очень народу. Ударилъ свой ножъ въ землю по самый черенъ, и тутъ его забрали; представили въ Спасскій городъ, посадили въ острогъ. Вздумалъ Быковъ убѣжать; разломалъ печку, выбралъ полъ и пролѣзъ въ корридоръ; подошелъ къ стѣнѣ оградной, посмотрѣлъ на нее, а часовой увидалъ человѣка, закричалъ дурнымъ голосомъ— выскочилъ караулъ, сдѣлали тревогу. Видятъ: печь розломана. Всю ночь онъ былъ подъ карауломъ; на другой день рѣшенье вышло отослать его въ Казань. Повезли съ двумя казаками, сабли на голо! Черезъ нѣсколько время вышло рѣшенье прогнать скрозь строя пятисòтельнаго полка. Съ трехъ разъ палачъ убилъ его, а солдаты только строемъ стояли, караулили. Мертваго все-таки провезли, и стомѝли [1]) отобрали его шкелѐтъ и поставили въ приводный упокой, въ звѣрёвище. Въ одинъ праздникъ пришла губернаторская дочь посмотрѣть звѣрей, отворила дверь въ покой, а въ ней сидитъ Быковъ съ шашкой. Она наступила ногой нà доску, подъ котору была подведена пружина, онъ вдругъ и вскочилъ со стула. Перепугалась дѣвица и тутъ же кончилась. Отмѣнили послѣ того эту доску, чтобы Быковъ не соскакивалъ.

(С. Новиковка).

[1]) То-есть, анатомировали Д. С.

в. Суворовъ.

Разбойничалъ Суворовъ лѣтъ 80 назадъ, въ Саранскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи, въ селѣ Новосельскомъ. Шайка была человѣкъ двѣнадцать. Былъ заговорённый. Бывало, на пути ему, гдѣ онъ ѣдетъ, наворочаютъ корней, борòнъ; какъ Суворовъ поѣдетъ, такъ корни и бòроны сами прочь съ дороги летятъ. Кумъ его выдалъ. Разказалъ Суворовъ куму, что его можно взять черезъ лёзо долота и бороду топора. Тотъ застигъ его съ мужиками, въ лѣсу, у костра и крикнулъ: «Кумъ!» «Что?» говоритъ. «Отдавайся», говоритъ, въ руки!» «Въ самомъ дѣлѣ?» «Вѣрно,» говоритъ. «Ладно». Тутъ, значитъ, въ грудь самую мужикъ Суворову выпалилъ... Такъ тотъ съ версту бѣжалъ, потомъ упалъ, померъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

г. Алексѣй Ехмачинскій.

За Волгой, лѣтъ шестьдесятъ назадъ или больше, разбойничалъ Алексѣй Ехмачинскій. Онъ былъ дворовый человѣкъ и повиненъ былъ всего въ двухъ душахъ: старика да старуху повѣсилъ; а то все грабилъ, обозы останавливалъ. Шайки у него не было. Напишетъ это къ господину какому-нибудь: «Приготовь тамъ-то деньги!» И приготавливали. Всѣ его боялись, даромъ что одинъ. Разъ ѣхала со своей барыней Агафьей Ивановной лѣсомъ, а онъ изъ кустовъ и выходитъ съ саблей; а барыня добрая была. Увидалъ ее разбойникъ—не тронулъ. «Агфью Ивановну», говоритъ,—«не трону, потому она ни въ чемъ не отказывала мнѣ и на меня зубовъ не точила». (Другіе-то помѣщики все хотѣли изловить Алексѣя). «Попадись мнѣ кто другой», говоритъ, я бы показалъ—а вы проѣзжайте съ Богомъ!» Такъ и пропустилъ. Подъ конецъ сталъ сильно и мужиковъ обижать. Алексѣй-то разъ и похвастайся гдѣ-то, да на пчельникѣ, у старика: «Меня», говоритъ,—«никто не поймаетъ и жизни не рѣшитъ, а если и рѣшитъ, такъ Алексѣй двойнйшный, да и то только моей же саблей, коли разъ ударитъ». Пчелякъ и разкажи своимъ односельчанамъ. Тѣ и говорятъ: «Надо такого человѣка сыскать!» Нашелся Алексѣй же и

двойнишный. Стали они его въ кабакѣ уговаривать: «Поди, убей Ехмачѝнскаго!» «Да за чтò», говоритъ,—«я его убью? Что онъ мнѣ сдѣлалъ?» «Мы», говорятъ,—«тебя ото всѣхъ податей освободимъ, на себя возьмемъ, только убей!» «Ну, ладно», говоритъ. Согласился. Вотъ разъ заходитъ опять къ пчеляку разбойникъ; сидитъ тотъ, медомъ его угощаетъ. Посидѣли; слѣдомъ и двойнишный въ землянку входитъ. Разбойникъ и спрашиваетъ: «Дѣдушка, это кто?» «Да это», говоритъ,—«мой племянникъ Алёша; лыки далъ, да слѣпни одолеваютъ, вотъ и зашелъ». «А, Алексѣемъ же зовутъ! Ну, садись, Алексѣй, давай пить». Пчелякъ тоже въ заговорѣ былъ: разбойнику-то морёнаго меду подноситъ, а Алексѣю двойнишнему—простаго. Рòзобрало разбойника. «Давай, Алеша, побратаемся. Ты съ себя крестъ мнѣ отдай, а я—съ себя!» Снялъ съ себя золотой крестъ и отдалъ, а съ мужика небольшой мѣдный снялъ, себѣ надѣлъ на шею. Стали еще пить. Двойнишный-то притворился, что пьянъ будто: свалился. Разбойникъ и въ заправду охмѣлѣлъ, тоже легъ, да и заснулъ. Какъ только онъ заснулъ, Алексѣй двойнишный взялъ его саблю, да голову ему и снесъ. Денегъ сколько у разбойника нашли! Цѣлыя, словно подушки на груди, набиты. Послѣ, Алексѣя двойнишняго же по судамъ затаскали; насилу отдѣлался. Говорили, что будто онъ человѣка убилъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

е) Шарюкъ.

Шарюкъ былъ Татаринъ; родился онъ въ Алатырскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, въ селѣ Ломàты, и разбойничалъ верстъ на семьдесятъ кругомъ, избѣгая нападать на сосѣднія села. Онъ боялся Мордвы и условился не трогать ихъ. Въ двадцати верстахъ отъ Ломатъ былъ большой лѣсъ (Николаевскій боръ), продолженіе огромныхъ Сурскихъ лѣсовъ. Шарюкъ обладалъ необыкновенною силой и умѣлъ выскользать изъ рукъ; онъ бѣгалъ нѣсколько разъ изъ острога и каторги. Это его прославило. Окрестное населеніе боялось его какъ огня. Въ Ломатахъ у него была своя изба. Въ базарный день онъ ходилъ по селу, и никто не смѣлъ его тронуть. Шарюкъ заходилъ въ окрестные кабаки и спрашивалъ при всѣхъ винá. Посѣтители разступались и пропускали его къ

стойкѣ. Расплачивался онъ щедро: давалъ втрое и больше чѣмъ слѣдовало; до рубля небралъ сдачи. Выходя изъ кабака, онъ дѣлалъ пять-шесть выстрѣловъ изъ револьвера. (Это было всего лѣтъ пятнадцать назадъ). У него было ихъ два и одинъ двѣнадцатизарядный. Шайка Шарюка состояла изъ тридцати человѣкъ; все больше Татары, но были и Русскіе. Не любилъ Шарюкъ богатыхъ, чѣмъ либо тѣснившихъ народъ; поповъ тоже не любилъ. Священникъ села Дубёнокъ (верстъ двѣнадцать отъ Ломать) не изъ трусливыхъ, а все-таки побаивался Шарюка и держалъ при себѣ всегда заряженный пистолетъ и два ружья. Когда прослышалъ про Шарюка, такъ даже сына на охоту не пускалъ. Кромѣ того, онъ далъ такой приказъ караульщику: «Если въ поповомъ дому выстрѣлятъ, бѣги на выстрѣлъ, или бей въ набатъ». Къ церкви онъ приставилъ четырехъ караульныхъ. Въ Промзинѣ тоже сильно побаивались Шарюка; говорили, что онъ дорогой почту ограбилъ, да верстъ за шестьдесятъ отъ того мѣста попа обобралъ. Переходы дѣлалъ Шарюкъ необыкновенно быстрые. Везъ разъ мужикъ бочку съ дегтемъ; встрѣтилъ его Шарюкъ съ своею шайкой и заставилъ вылить деготь на дорогу. Время было жаркое. «Ну-ка, поваляйся!» скомандовалъ Шарюкъ. Мужикъ, боясь ослушаться, началъ кататься въ пыли и въ дегтю. Послѣ этого Шарюкъ далъ ему за бочку вдвое.

Полиція не могла поспѣть за Шарюкомъ, и въ народѣ говорили даже, что губернаторъ послалъ на Шарюка в о й с к о. Татарамъ изъ шайки Шарюка, попадавшимся въ воровствѣ, Мордва начала грозить и разъ жестоко наказала одного вора за кражу пшеницы изъ амбара: ему пудовою гирей расплющили пальцы объ стѣну, и вдругъ Шарюкъ затихъ. Никто не знаетъ, куда онъ дѣлся, куда исчезъ. Молва о немъ и прежде затихала иногда, но не на такое долгое время. Обыкновенно послѣ нѣкотораго перерыва, онъ начиналъ еще смѣлѣе разбойничать. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ Шарюкъ опять появится. Говорили будто его убили сами Ломатскіе Татары, потому что многіе изъ его шайки грабили въ не показанныхъ мѣстахъ. Вдобавокъ прошла молва, что изъ окрестныхъ селъ, въ рабочую пору, выгонятъ народъ ловить Шарюка, и исправникъ грозился Ломатскимъ Татарамъ, что если они не поймаютъ разбойника, то село у нихъ сроютъ, а ихъ разселятъ по

окружнымъ селамъ. Мордва говорила, что просто запалитъ Ломаты съ четырехъ концевъ, и шабашъ. Все это сильно вооружило Татаръ противъ Шарюка; они его поймали, убили и похоронили подъ корнемъ дерева въ лѣсу.

(Записано въ Симбирскѣ).

ж) Разъ изъ Рыбинска на п р о б ѣ г ѣ (*) шло бурлàковъ человѣкъ семьдесятъ, и съ ними офицеръ съ деньщикомъ сѣлъ. Вотъ плывутъ мимо Жегулей и остановились у берега. Офицеръ взялъ ружье: «Пойду», говоритъ,—«утокъ поищу!» Только сошелъ, вдругъ изъ-за кустовъ и выходятъ пятеро разбойниковъ. «Стой!» кричатъ. У бурлàковъ и душа въ пятки ушла отъ страха, а офицеръ и говоритъ: «Какъ стой! Да смѣете ли», говоритъ,—«вы это говорить? Вотъ я васъ!» Прицѣлился въ передняго изъ ружья, а тотъ тоже цѣлится. Офицеръ выпалилъ—тотъ и свалился; остальные—ну, бѣжать. Офицеръ-то кричитъ: «Вяжите его!» Бурлàки сбѣжали съ судна, смотрятъ, а онъ разбойнику мелкой дробью всю рожу изгадилъ и ружье-то у разбойника безъ замкá (съ м ѣ ш à л к о й пугать-то выходилъ). Не будь офицера, по рублю бы отдали ему, мошеннику; ну, а тутъ, какъ связали—въ Самару представили.

(Записано въ Симбирскѣ).

з) Ахàнщиковъ (дѣдъ разкащика, П. С. Полуэктова) жилъ въ лѣсу, около Василя, лѣтъ около ста назадъ; сѣялъ пшеницу и этимъ кормился. Овецъ еще держалъ; и жила съ нимъ одна дочь, такая рослая да здоровая. Она до тридцати лѣтъ въ мужичьемъ платьѣ ходила. Время разбойничье было, кругомъ лѣса, по неволѣ за мужика и на работу шла и вездѣ. Въ тридцать лѣтъ она замужъ вышла и плакалась, что р о б е н комъ къ вѣнцу ведутъ. Вотъ разъ вышелъ дѣдъ въ поле, а ходилъ онъ всегда безъ шапки. Всѣ его въ окру́гѣ знали и про́звали К о̀ л ы ш к о м ъ; такъ Ко́лышкомъ и кликали. Попадаются встрѣчу разбойники. «Кто идетъ? Стой!». А дѣло

(*) Судно на одинъ рейсъ. Рублей за 10—12 покупался дощаникъ, и на немъ сплывали до какого-либо мѣста, а тамъ продавали, послѣ чего бурлаки дѣлили деньги по́ровну между собою.

утромъ было, на зарѣ. «Ахъ, да это ты, Колышекъ, намъ пѣрва встрѣча! Развѣ не знаешь, что первой встрѣчѣ, кто бы ни былъ, голову долой?» «Какъ, батюшка, не знать? Что же дѣлать-то, рубите! Вотъ она!» Ну, вотъ они возьмутъ (не разъ это съ нимъ было) долгій шестъ, смѣряютъ въ его ростъ, лишнюю-то вершинку отрубятъ и искрошатъ шестъ на мѣлки части, а его пустятъ. «Ну, ступай, да вдругорядь не попадайся, а то убьемъ!» А почему они его не били? Больно онъ добръ былъ и не корыстенъ. Бывало, придутъ, овцу у него зарѣжутъ и уйдутъ—онъ и не взыскиваетъ. Денегъ давали ему—нѣ бралъ. «Нѣтъ, куды мнѣ? Не надо». Разъ и говорятъ разбойники: «Эй, Колышекъ, поди-ка—мы лодку на Сурѣ въ пескѣ оставили, съ мѣдными деньгами.. Поди возьми!» «Куды мнѣ, батюшка? Не надо!» Такъ и не взялъ, а послѣ цѣлую лодку водой вымыло, и кому-то вся казна досталась.

(П. С. Полуэктовъ).

ж. Костычевъ.

На правомъ берегу Волги, верстахъ въ семи отъ гор. Сенгилея, виднѣется покрытая липовымъ лѣсомъ Шиловская шишка. На этой горѣ, лѣтъ тому за восемьдесятъ или за сто, жилъ разбойникъ Костычевъ съ своею шайкой. Онъ слѣдилъ отсюда за появленіемъ въ этомъ плёсѣ парусныхъ судовъ и нападалъ на нихъ съ луговой стороны, съ своею вооруженною шайкой, на лодкѣ, съ крикомъ: «Сарынь, на кичку!» Бурлаки на суднѣ падали ницъ, а хозяинъ судна и водоливъ, или прикащикъ, подавали ему чалку. Онъ съ шайкой входилъ на судно, прибиралъ деньги; его и шайку угощали виномъ, и онъ отпускалъ судно въ путь. На караваны судовъ никогда не нападалъ. Грабилъ также проѣзжающихъ по Тушнинской дорогѣ. Долгое время разбойничалъ Костычевъ, наконецъ былъ пойманъ сенгилеевскимъ городничимъ Касторскимъ, у своей любовницы, въ Бектяшинскомъ лѣсу (теперь его нѣтъ), у жены полѣсовщика. Городничій сдѣлалъ изъ крестьянъ сосѣднихъ съ городомъ деревень облаву на Костычева и подкупилъ его любовницу, которая и выдала его, сообщивъ городничему

о томъ, когда Костычевъ будетъ одинъ, безъ шайки, у нея ночевать. Костычевъ, окруженный со всѣхъ сторонъ народомъ, и убивъ свою любовницу, долго не сдавался; но видя, что его шайка не является къ нему, сдался городничему съ тѣмъ, чтобы тотъ не вязалъ его и прежде всего далъ бы ему два стакана хорошаго вина. Касторскій самъ поднесъ въ окошко Костычеву вина; онъ его выпилъ и вышелъ изъ караулки къ городничему, оба сѣли въ тарантасъ и поѣхали въ городъ, а за ними—народъ съ дубьёмъ. Весь Сенгилей отъ мала до велика встрѣтилъ ихъ. Касторскій съ Костычевымъ слѣзли съ тарантаса и шли оба пьяные подъ ру̀ку вплоть до полиціи. Костычевъ былъ въ шелковой красной рубахѣ и бархатныхъ шароварахъ, въ сапогахъ съ на̀пускомъ; на головѣ его была надѣта кучерская лѣтняя шапка съ павлиньимъ перомъ, воткнутымъ въ серебряную бляху. Былъ онъ, по разказамъ, средняго роста, коренастый, русый, съ карими глазами, чистымъ и круглымъ лицемъ, съ небольшою бородкой и густыми короткими усами. Улыбка была у него пріятная, ласковая, глаза веселые.

Грабилъ онъ только богатыхъ, а бѣдныхъ самъ награждалъ деньгами; часто вытаскивалъ мужикамъ на дорогѣ увязнувшихъ съ возами лошадей. И бѣдняки говорили, что они Костычева только знаютъ по наслышкѣ, какъ добраго разбойника; а богачи увѣряли, что онъ похабникъ и страшный озорникъ, въ доказательство чего приводили примѣръ, что онъ велѣлъ разнагишаться дочери какого-то богатаго попа, зимой, встать на карачки; сѣлъ на нее верхомъ, какъ на лошадь, и будто ѣхалъ на ней до Шиловки. Пойманный Костычевъ въ Симбирскѣ былъ прогнанъ сквозь шпицрутены на̀ смерть. Награбленныя его богатства достались его роднымъ, которые жили въ Тушнѣ̀, и по наслѣдству перешли будто бы къ одному скупому купцу N—у. Между тѣмъ N—ъ подъ пьяную руку, при кутежѣ, самъ своей любимой прислугѣ разказываетъ, что онъ укралъ себѣ денегъ у одного купчика, когда еще былъ бурлакомъ, и ему было лѣтъ восемнадцать отъ роду. «Согнали», говоритъ,—«мы въ Рыбинскъ съ товарищами судно съ хлѣбомъ изъ Самары, купили въ Рыбинскѣ дощаникъ и поплыли внизъ. Прежде вѣдь пароходовъ не было. Къ намъ напросился въ попутчики одинъ молодой купчикъ, любитель выпить. Мы съ товарищами его подпоили, сами легонько выпили. Какъ онъ у насъ легонько заснулъ, мы его съ

дощаника то высадили на берегъ, на островъ, со всѣмъ багажемъ, а деньги то выгрузили у него; сѣли въ дощаникъ—вѣтеръ попутный, верховóй — и пошелъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ! Такъ и скрылись. Думали что будетъ розыскъ намъ, да Богъ миловалъ. На первый годъ купилъ я пшена и выгодно продалъ; на другой годъ завелъ посудинку для хлѣба, началъ съ того времени богатѣть да богатѣть. Нынче вотъ, слава те Господи, капиталецъ въ триста тысячъ имѣю, а торгую всегда на сто. Про Костычева капиталъ въ Сенгилеѣ говорятъ напрасно, с ъ б р ёх у. Капиталъ я нажилъ горбомъ своимъ, опричь краденаго у купчика, и то мнѣ досталось на долю какихъ-нибудь рублей пятьсотъ».

(Сообщилъ М. И. Извощиковъ).

3. Серебряковъ.

Въ селѣ Порѣцкомъ (Симбирской губерніи) Серебряковъ-разбойникъ жилъ; у него шайка была. Разъ они управителя убили: ужь очень онъ крестьянъ одолѣвалъ загономъ скотины и притѣснялъ всячески. Жилъ управитель на краю села, съ женой и дочерью. Вотъ какъ-то середи дня присылаютъ къ нему разбойники мужика и наказываютъ съ нимъ: «Жди, молъ, насъ, въ такую то ночь, въ гости». Управитель мужику пригрозилъ, а самъ на всякій слýчай строгій караулъ около дома поставилъ. Въ назначенный день, ночью (и лунная ночь-то была) восемь человѣкъ нагрянуло, кто съ чѣмъ: одинъ съ саблей, другой съ кинжаломъ; и кистени были. Управитель изъ окна завидѣлъ ихъ, кинулся за саблей, да въ торопяхъ, забылъ ее изъ ножёнъ вынуть, и выбѣжалъ; а они у крыльца затомошили. Выдернулъ, зачалъ саблей махать—палецъ одному отсѣкъ. Ну, а тѣ не робѣютъ, въ двери лѣзутъ. Онъ опять въ комнаты кинулся. Тѣмъ временемъ одинъ разбойникъ юркнулъ въ сѣни слѣдомъ, зà дверь и спрятался. Какъ только управитель вышелъ, онъ ему на плечи сзади и сѣлъ. Возня началась. Другіе подоспѣли, давай бить, выволокли на луговину (а ночь такая свѣтлая, что урони иголку, и ту видно). Народъ сбѣжался смотрѣть, а шагъ ступить боится. Караульныхъ и слѣдъ простылъ; а разбойники расправляются да кричатъ: «Н е в о р о х о б ь т е с ь, с . . . . . дѣти! Не ваше дѣло!» «Мы—люди подневольные», гово-

рятъ мужики,—«въ отвѣтѣ будемъ». «Неужто же онъ вамъ не надоѣлъ управитель-то? Коли хотите—подавайте явки, а сюда ни шагу!»

Такъ на лугу и закололи, а на крыльцѣ все больше кистенями молотили. Вошли въ домъ зажгли бумаги какія были, хотѣли на огнѣ хозяйку пожарить, чтобы показала гдѣ деньги, только атаманъ не допустилъ, потому она на сно́сяхъ была. Ушли. Послѣ, слышно, ловить ихъ стали. Въ шайкѣ той атаманомъ Серебряковъ былъ. Его больше Безрукимъ звали, потому ручной кисти у него не хватало, и онъ кистень къ мослу́ ремнемъ прикручивалъ. На свіягѣ у него станъ былъ. Въ то время (съ полсотни лѣтъ назадъ) по рѣкѣ кустья́ большіе росли, и говорятъ, будто двѣ женщины къ разбойникамъ пищу доставляли. Разъ на пашнѣ мужики ночевать легли подъ телегами, только видятъ—двое верховыхъ ѣдутъ по полю къ нимъ. Одинъ сошелъ, оперся на саблю и говоритъ: «Вы зачѣмъ, с..... дѣти, нашихъ изловили?» Мужики имъ говорятъ, что они люди подневольные. «Смотрите», говоритъ,—«какъ начнемъ вотъ васъ косить, такъ узнаете!» А когда управителя рѣзали, такъ пожаромъ стращали, говорили, что въ одномъ мѣстѣ зажгутъ, въ десяти загорится (потому у нихъ фитили). Послѣ, сказываютъ, изловили Безрукаго. Ткачъ одинъ взялъ его. Сцѣпились они на ножахъ биться. Безрукій ударилъ ткача, да угодилъ въ подолъ рубахи, а ткачъ оцара́пилъ Безрукому бокъ. Взялъ атаманъ, бросилъ орудіе на землю и сдался. «Не въ томъ платьѣ меня застали», говоритъ. Потомъ его бичевкой удавило на ешефе́тѣ начальство. Ткачъ-то, что его взялъ, зналъ: «Бей», говоритъ,—«меня!»

(Записано въ Симбирскѣ).

112.

Проклады.

а. Портной одинъ на краю города, у рѣки Камы жилъ; вода подъ самыя стѣны подходила. Были у него работники. Вотъ разъ

идетъ онъ по базару и попадается ему Чувашенинъ. «Слушай», говоритъ,—«у тебя, портной, въ домѣ кладъ есть». Тотъ смѣется. «Гдѣ это?» «Да въ хлѣвѣ, какъ войдешь такъ направо, въ углу, къ рѣкѣ.» «Врешь ты», говоритъ,—«все, старый хрычъ! Какой у меня кладъ?» «Нѣтъ, не вру. Отрой его—богатъ будешь!» «Ну», говоритъ,—«тебя! Вотъ выдумалъ!» И пошелъ домой. «Ну, коли не хочешь, какъ хочешь. Послѣ каяться будешь, станешь меня искать». И пропалъ изъ виду. Дома портной и раздумался: «А что не попытать? Дай, порою». Пошелъ искать этого Чувашенина; нашелъ. Тотъ согласился. «Только съ условіемъ», говоритъ,—«съ рабочими подѣлись; не подѣлишься—не дастся, и если въ мысль тебѣ придетъ не дѣлиться, кладъ уйдетъ когда копать будешь». «Хорошо». «Достань икону, три свѣчки и заступъ, а работника одного рыть заставь». Вотъ пришелъ портной домой, одного работника оставилъ на ночь дома. Праздникъ былъ, всѣ гулять ушли, онъ ему и говоритъ: «Останься, ты мнѣ понадобишься; не ходи нынче гулять. Будемъ кладъ рыть». «Ладно». Пришелъ ночью Чувашенинъ, пошли въ хлѣвъ, икону поставили, свѣчи зажгли. Работникъ съ хозяиномъ роютъ яму въ углу, а Чувашенинъ молитвы читаетъ заговорныя, чтобы кладъ остановить. Только портной роетъ и думаетъ: «Что это я, неужто своимъ добромъ съ работникомъ буду дѣлиться? Чай на моемъ дворѣ-то, а не на его?» Какъ подумалъ про это, поднялся шумъ, икону за дверь выкинуло, свѣчки потухли, и загудѣлъ кладъ, въ землю пошелъ. Стало темно, и давай этого портнаго по землѣ возить; возитъ да возитъ (нечистая сила). Чувашенинъ говоритъ работнику: «Кинься на него! Упади!» Тотъ упалъ на хозяина: ихъ двоихъ стало изъ угла въ уголъ таскать. На силу знахарь остановилъ заговорною молитвой. Кладъ ушелъ, а Чувашенинъ послѣ и говоритъ портному: «Вотъ не хотѣлъ подѣлиться, онъ и не дался тебѣ; а теперь въ этомъ домѣ тебѣ не житье: нечистая сила тебѣ въ немъ не дастъ — все разтащитъ». Портной видитъ, что плохо дѣло, взялъ да отъ рѣки и переселился выше, въ другое мѣсто и опять, какъ былъ бѣдный, такимъ же и остался. Не умѣлъ взять.

(Записано отъ Н. Г. Потанина, въ Симбирскѣ).

б. Старикъ одинъ въ подпольѣ кладъ зарывалъ, а сноха и видѣла. Вотъ онъ зарываетъ и говоритъ: «Чьи руки зароютъ, тѣ руки и отроютъ». На другой день старикъ и померъ. Сноха стащила его мертваго въ по̀дполъ и давай его руками кладъ отрывать, да приговаривать: «Чьими руками зароется, тѣми и отроется! Чьими руками зароется, тѣми и отроется!» Ей кладъ то и дался.

в. Недалеко отъ Чердаклóвъ (Самарск. губ., Ставропольск. у.) есть дубъ; подъ нимъ лежитъ кладъ. Вотъ разъ мужики пошли его рыть, ружье на всякій случай взяли. Пришли; видятъ—около дуба (съ полуно̀чи) ходятъ черныя кошки кру́гомъ. Стали они смотрѣть, глазъ отвести не могутъ. Закружилась у нихъ голова, и попа̀дали мужики на̀земь. Очнулись, хотѣли рыть, а кошки опять хороводиться пошли, то влѣво, то вправо. Такъ и бросили: страшно стало. Говорятъ, что на этомъ дубѣ повѣсился тотъ, кто кладъ зарылъ.

(А. В. Чегодаевъ, въ Симбирскѣ).

г. Въ селѣ Новиковкѣ, по лѣсамъ, разбойники сильно прежде ш а л и л и. У мужиковъ, промышлявшихъ разбоемъ, не одно мертвое тѣло—случалось—на гумнѣ, въ соломѣ лежало. Бывало въ кабакѣ перекоряться начнутъ и припомнятъ другъ дружкѣ: «У тебя, вора, на гумнѣ-то что?» «Что?» «Поди з а̀ в а л ь н я три валяются!» (а за̀вальнями мертвыя тѣла они звали, потому что въ солому заваливали). Вотъ однаго такаго разбойника поймали; повинился онъ, что людей грабилъ, багромъ телеги изъ-подъ яру въ воду стаскивалъ, убивалъ. Посадили его въ острогъ. Онъ, для того чтобъ у Бога замолить, чтобы выпустили его, написалъ къ любовницѣ письмо. Въ письмѣ пишетъ, что надо рыть подъ дубомъ; тамъ есть ходъ (лѣстница) и въ подвалѣ золото. «Часть этого золота», говоритъ,—«возьми и отдай на ризу Божьей Матери въ церковь». Письмо долго ходило по рукамъ, но клада не нашли.

д. Возлѣ села Красная Рѣка (Самарск. губ. Ставропольск. у.) есть кладъ, недалеко отъ лѣса, въ п е щ е р ѣ. Въ ней стоятъ лодки и кадушки съ деньгами. Дверь въ пещеру отворяется на канунѣ перваго дня

Пасхи. Тотъ можетъ добыть этотъ кладъ, кто помàтерно не выругается. Кладъ и до сихъ поръ не тронутъ.

е. Одинъ дворовый человѣкъ (истопникомъ онъ у господъ былъ) нанялся въ Симбирскѣ Москвитиновъ садъ чистить, съ другими рабочими. Работали подъ горой, а ѣсть наверхъ ходили, къ амбарамъ; тамъ и изба была. Вотъ разъ онъ приходитъ; вдругъ изъ подъ амбара козленокъ къ нему и кинулся. Онъ его взялъ, да на плечо къ себѣ и положилъ; гладитъ, держитъ за заднія ноги и приговариваетъ: «Бяшка, бяшка!» А козленокъ-то ему въ отвѣтъ и передразниваетъ: «Бяшка, бяшка!» Работникъ испугался, схватилъ козленка за заднія ноги, да объ землю и ударилъ. Смотритъ— а козленокъ опять подъ амбаръ. Отъ страха работникъ тутъ же на мѣстѣ упалъ; хворалъ послѣ этого и вскорѣ умеръ. А это ему видно кладъ давался.

ж. Недалеко отъ Тагая (Симбирск. губ.) мужикъ разъ лошадь искалъ. Шелъ, шелъ, доходитъ до крутой горы. Видитъ: въ ней дверь; онъ вошелъ. Въ первой комнатѣ все лодки съ золотомъ; пошелъ дальше (а комнатъ много), въ послѣдней комнатѣ столъ накрытъ, а за нимъ сидитъ нѣмая дѣвица. На столѣ—вино и закуска. Вотъ онъ подошелъ, взялъ золотую чарку, налилъ вина и выпилъ; кубокъ—за пазуху и во всѣ мѣста золота изъ лодокъ насыпалъ. Выходитъ, а надъ дверями серебряныя наборныя уздечки висятъ. Онъ взялъ одну; какъ только вышелъ, напалъ на него конный народъ, въ родѣ казаковъ, избили его и отняли деньги. Уцѣлѣлъ одинъ кубокъ да нѣсколько золотыхъ. Принесъ онъ кубокъ къ тагайскому попу и разказалъ все. На кубкѣ былъ вензель Петровъ и на деньгахъ то же. Послѣ все это у судейскихъ пропало.

з. Въ Саратовской губерніи, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, возлѣ с. Елюзани кладъ есть: въ озеро, на цѣпяхъ бочки съ золотомъ опущены. Тутъ прежде разбойники жили и оставили все награбленное добро въ озерѣ, а для того чтобы никто не узналъ, куда они дѣли золото, сносили его въ воду, по ключу; по немъ и отъ озера шли и къ озеру. Озеро почти все теперь иломъ занесло, и кладъ никому еще не дался.

и. На Волгѣ Воробьёва гора (?) есть; въ ней пещера Стенькина; а въ пещерѣ золота конца краю нѣтъ: все награбленное въ нее складывалъ. У входа въ пещеру старикъ сидитъ, подаетъ кружку соплей и говоритъ: «Выпей, тогда кладъ дастся!» Охотниковъ не выискивается.

і. Разъ человѣкъ десять пошли кладъ рыть, въ лѣсъ. Съ ними и свяжись одинъ шутникъ. Дорогой онъ поотсталъ, а тѣ впередъ цѣликомъ пшеницей идутъ, тропу проложили. Онъ сзади шелъ, да колосья черезъ тропу-то и связалъ. Вотъ они пришли къ мѣсту, стали рыть, а онъ въ сторонѣ притаился да стонетъ. Тѣ и стали переговариваться: «Ты это?» «Нѣтъ». «Кто-то стонетъ будто...» Онъ какъ зареветъ — они и давай Богъ ноги! Побѣжали тропой то, какъ до завязи добѣгутъ — грохъ объ землю! Задніе набѣгутъ, да черезъ переднихъ-то грохъ! Обезпамятѣли со страху: на силу домой пришли. А тотъ хохочетъ сидитъ. Ужь послѣ они его, какъ узнали, ругали, ругали...

(Записано въ Симбирскѣ).

к. Симбирскій богачъ Твердышовъ, говорятъ старожилы, зашилъ собственноручно въ подушку всѣ свои бумажки и просилъ своего прикащика положить эту подушку въ гробъ ему, подъ голову. Послѣ смерти Твердышова, родственники умершаго засадили прикащика въ острогъ, за скрытіе денегъ. Къ прикащику во снѣ явился Святитель Николай Чудотворецъ и посовѣтовалъ ему объявить родственникамъ Твердышова, что деньги покойнымъ зашиты въ мертвую подушку и лежатъ съ нимъ въ гробу. Съ разрѣшенія губернатора, въ присутствіи начальства и кладбищенскаго священника, могила Твердышова была разрыта, открыта гробовая доска, но деньги взять было нельзя, потому что вокругъ головы мертвеца обвилась страшная змѣя и бросалась на всѣхъ, кто только близко подходилъ. Говорятъ, что священникъ будто бы проклялъ Твердышова, и онъ провалился въ бездонную пропасть.

л. Одинъ Татаринъ зарылъ кладъ навѣчно, съ такимъ приговоромъ, у себя на дворѣ: «Какъ стрѣла высоко улетитъ, такъ пусть кладъ въ землю уйдетъ!» Такъ словно кто его на этомъ мѣстѣ по головѣ ударилъ: онъ часъ безъ памяти лежалъ, а его согнуло въ турій рогъ съ того времени.

м. Одинъ богатый братъ, желая разъ ночью подсмѣяться надъ своимъ бѣднымъ братомъ, башмачникомъ, поднялъ на улицѣ дохлую собаку и бросилъ ему въ окно, да сказалъ: «На те, проклятый! Одолѣлъ ты меня, попрошайка!» А вышло, что дохлая-то собака въ избѣ бѣдняка разсыпалась золотомъ. Бѣдный братъ проснулся отъ звона; слышалъ братнину ругань, всталъ и, увидавъ груду золота, поблагодарилъ брата за помощь. Съ того времени онъ разбогатѣлъ, а богатый братъ обѣднѣлъ, промотался весь.

н. Двѣ хлѣбницы рыли по нàслуху, недалеко отъ Конной слободы [1]), на валу̀. Когда эти хлѣбницы ужь вырыли кинжалъ и пистолетъ, вдругъ услыхали, что по горѣ, отъ храма Іоанна Предтечи пошелъ сильный гулъ. Было это около полудня, лѣтомъ. Взглянули они по направленію гула и увидали тройку лихихъ коней, которая скакала во весь духъ съ горы и быстро, съ трескомъ и шумомъ выѣхала изъ Конной слободы на большую московскую дорогу. Тройкой правилъ красивый кучеръ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ черную бархатную безрукавку, въ бархатныхъ штанахъ, въ поярковой шляпѣ съ красными лентами. Съ нимъ рядомъ на козлахъ сидѣлъ красавецъ-казачекъ, а въ само̀й колескѣ — важный баринъ. Выѣхала тройка на дорогу, остановилась; баринъ слѣзъ съ коляски, казачекъ спрыгнулъ съ козелъ и пошелъ вдоль дороги въ присядку плясать; баринъ заложилъ руки назадъ, склонилъ голову и пошелъ впереди лошадей, а кучеръ шагомъ поѣхалъ за нимъ. Казачекъ такъ лихо, такъ чудно плясалъ, что хлѣбницы на него засмотрѣлись, да еще думали въ это время и о томъ, какъ бы о себѣ не дать барину подозрѣнія къ тому, что онѣ роютъ деньги, и чтобъ онъ изъ любопытства ихъ не спросилъ. Лишь тройка поровнялась съ ними, они увидали, что изъ рѣки Свіяги вылѣзъ страшнаго роста солдатъ, подошелъ къ казачку, схватилъ его на руки и понесъ въ омутъ, подъ водяную мельницу. Баринъ сѣлъ на лошадей; кучеръ ударилъ по всѣмъ по тремъ возжами, гаркнулъ на нихъ и съ по́свистомъ молодецкимъ тройка полетѣла вдоль дороги столбовой, только пыль взвилась за нею столбомъ!

---

[1]) Въ г. Симбирскѣ.

Солдатъ дошелъ съ казачкомъ до омута, бросился туда и пропалъ. Это видѣніе такъ испугало кладоискательницъ, что онѣ перестали рыть кладъ и почувствовали, что сердца у нихъ замираютъ, руки и ноги дрожатъ; онѣ отправились домой, однако яму завалили снова и разсудили такъ, что это имъ кладъ давался, да не сумѣли они его взять, подойдти къ нему съ молитвой и дотронуться.

Послѣ этого нашли они одного начётчика-чернокнижника, который по черной книгѣ имъ прочиталъ, чтобъ онѣ отправились этотъ кладъ рыть на Пасху, между заутреней и обѣдней, и взяли съ собой по яичку, и кто бы съ ними на валу ни встрѣтился, тотчасъ же похристосовались. Онѣ испекли себѣ по три яичка, окрасили ихъ и положили въ подоткнутые передники, чтобъ имъ скорѣе можно было похристосоваться. Пришли на валъ, начали рыть кладъ, и спустя короткое время, заступомъ стали задѣвать за чугунную доску. И пошелъ отъ Баратаевки гулъ, зыкъ, ревъ такой, что земля подъ нимъ задрожала!.. Услыхали они страшный крикъ, и видятъ—по валу идетъ къ нимъ медвѣдь не медвѣдь, человѣкъ не человѣкъ, а сами не могутъ понять что̀ за чудовище. По одежѣ будто солдатъ! Глазищи—какъ плошки; такъ и прядаютъ, какъ свѣчи; ротъ до ушей, носъ кривой, какъ чекушка, ручищи—что твои грабли; рыло все на̀ сторону скошено... Идетъ это чудовище, кривляется на разныя манеры и реветъ такъ, что земля стонетъ и гудитъ. Вотъ онѣ встали рядомъ, оперлись на заступы, припасли яички и думаютъ: «Только подойдетъ этотъ кладъ, мы ту же секунду съ нимъ и похристосуемся». Чудовище медленно подошло, да какъ топнетъ, да рявкнетъ: «Вотъ я васъ, шкуры барабанныя! Такъ тутъ-то вы ребятишекъ зарывàте!» Поднялъ надъ ними престрашный кулачище; онѣ испугались, бросились отъ него бѣжать что есть духу, а чудовище все топало да кричало: «Вотъ я васъ, шкуры эдакія!» Бѣжали онѣ до паперти храма Іоанна Предтечи; тутъ безъ памяти и упали. Ихъ добрые люди отпрыскали водой и привели въ чувство, думая, что съ усердными христіанами случился обморокъ въ храмѣ. Когда тѣ опомнились, пришли домой, чернокнижникъ сказалъ имъ, что онѣ ужь больше не найдутъ этого клада, что онъ ушелъ въ землю, и что узналъ онъ объ этомъ по гулу, который раздавался по большой дорогѣ.

(Эти четыре разказа записаны и сообщены М. И. Извощиковымъ).

113.

Мельникъ-знахарь.

Въ селѣ Новиковкѣ мельникъ жилъ, Петромъ Васильичемъ звали. Такой дока былъ, страсть! Былъ онъ отданъ господами въ ученье къ одному барину, а баринъ въ Жегулевскихъ горахъ жилъ, на Волгѣ. Не русскіе у него все тамъ были мастера; у нихъ Петръ всѣ дѣла и перенялъ. Послѣ, какъ пять лѣтъ проучился, сталъ онъ у своего барина дѣла дѣлать: четыре водяныя мельницы держалъ, подрядную рожь на нихъ мололъ; когда подряда нѣтъ, мірщину мололъ. Баринъ любилъ мельника и напрасно не обижалъ, и на прикащиковъ-идоловъ не мѣнялъ. И Петръ Васильичъ ихъ не любилъ: бывало, если не въ духѣ, такъ на мельницу къ нему прикащикъ и не ходи. Разъ желѣзнымъ ломомъ чуть одного не убилъ, да увернулся. Лѣтъ съ десятокъ онъ мельницами завѣдывалъ, потомъ и померъ. Мало такихъ мастеровъ было. Лучше его муки во всей округѣ не было. А почему такъ? У него было четыре моргулютки, да въ Жегуляхъ спрыгъ-траву досталъ. Досталъ онъ себѣ въ работники моргулютокъ потому, что безъ нихъ ни одну мельницу не удержишь, да и времена были барскія, страшныя, а мельницъ-то четыре.

Разъ одинъ прикащикъ взялъ да и нажаловался барину, что онъ мошенничаетъ, муку продаетъ; а баринъ-то самъ пріѣхать не могъ и приказалъ прикащику распорядиться на счетъ мельника. Онъ, плутскій сынъ, пріѣхалъ въ село, взялъ дворовыхъ, вошелъ къ Петру-то Васильичу въ домъ и заковалъ его въ желѣзы. «Это за что?» спрашиваетъ мельникъ... «Развѣ я душегубъ?» «Баринъ», говоритъ,—«приказалъ въ солдаты тебя везти, а желѣзы для того, чтобы ты не убѣжалъ.» «Такъ нѣшто ты думаешь они меня удержатъ, коли я не захочу? Они у тебя», говоритъ,—«пересохли!» Какъ махнетъ ногами-то, они и улетѣли вверхъ. «Вотъ тебѣ», говоритъ,—«и желѣзы! Для тебя они желѣзы, а для меня тлѣнъ. А хочешь, если по дружески, такъ не куй меня и вези. Я не сбѣгу. Прямо некованаго вези, а то ты меня и не увидишь, коли закуёшь». Прикащикъ-то и смякъ. Мужики пришли къ Петру Васильичу прощаться. Сидитъ Петруха веселый. «Слышали мы», го-

ворятъ мужики,—«про твое несчастье». «Нѣтъ», говоритъ,—«братцы, у меня несчастья». «Въ городъ, слышно, тебя въ солдаты везутъ?» «Нѣтъ», говоритъ,—«не въ солдаты, а городскаго калача поѣсть да водки городской попить; потомъ я опять здѣсь буду у барина мельницы дѣлать и вамъ работёшки дамъ». Мужики молчатъ, да на него глядятъ. Полна изба народу. «Идолъ-то вотъ», говоритъ,—«не велѣлъ меня изъ избы выпущать: боится, что сбѣгу, да я своихъ меньшихъ братьевъ пошлю!» «Ступайте» говоритъ,—«эй, вы! Столкните лёжень со свай-то! Тамъ не сладятъ: онъ крѣпко положенъ на шипы-то» . . . Мужики смотрятъ, диву даются съ кѣмъ это онъ. А Петруха опять: «Ну, ребята, идите, пособите идолу-то спустить нижнія-то мельницы! Верхнюю-то перекувыркнуло, да какъ ловко! Пущай трудно было: земля то больно мёрзла, а другую то завтра; третью когда я на половинѣ дороги буду, а четвертую какъ въ городъ пріѣду». Мужики постояли, потомъ простились и по домамъ пошли. «Не прощайтесь: свидимся скоро!» говоритъ. Идутъ; а прикащикъ на встрѣчу верхомъ ѣдетъ. «Братцы», говоритъ,—«помогите! У меня верхнюю мельницу прорвало . . . Опустимъ вершники у низовыхъ-то! Поскорѣй!» Подошли къ мельницѣ—ее совсѣмъ переворотило. На зарѣ, какъ мельника увезли, другую прорвало, къ обѣду—третью, а на третій день—четвертую. Прикащикъ х л ѣ б а л и ш и л с я. «Погибъ!» говоритъ. Какъ двѣ-то сломало, къ барину послалъ. Баринъ когда пріѣхалъ, ни одной мельницы ужь не было. Горячій былъ баринъ. «Гдѣ Петряй?» «Его», ему докладываютъ,—«въ солдаты увезли». Онъ какъ ногами затопаетъ . . . «Кто распорядился?» Да на прикащика-то съ кулаками, а не ударилъ, потому тотъ тоже изъ благородныхъ. Такъ онъ кулаки-то всѣ объ столъ оббилъ. «Живо тройку!» И поѣхалъ въ городъ за Петромъ, мельникомъ. Приходитъ на его фатеру. «Что ты», говоритъ,—«Петряй, меня покинуть хочешь?» «Нѣтъ, баринъ, это видно вы хотите, а я нѣтъ. Ужь видно Божья воля на то! Ужь видно царю надо послужить; вамъ довольно послужилъ». «Нѣтъ, Петряй, поѣдемъ со мной». «Нѣтъ ужь, баринъ, я по вашему желанью, видно здѣсь останусь. Трудно въ лодчёнкѣ, баринъ, отчаливать отъ берегу: страшна середина; а когда переѣдешь рѣку, то все равно: земля-то что тамъ, что здѣсь, и трава то такъ же растетъ». «Будетъ ломаться, Петряй, поѣдемъ!» «Нѣтъ, баринъ, оттолкнулся

въ лодкѣ, безъ веселъ, такъ водой унесетъ, не догонишь. Иду охотой служить! Простимся!» Баринъ и такъ и сякъ; не ѣдетъ. На хитрости баринъ пустился: подговорилъ молодцевъ съ нимъ гулять, денегъ на это далъ. Они его напоили да и опохмѣляли все время покуда пріёмка-то шла, а какъ кончилась, баринъ и говоритъ: «Будетъ, по́пилъ городскаго-то вина! Поѣдемъ работать!» «Нѣтъ, баринъ, я въ солдаты иду!» «А коли», говоритъ,— «гордыба́чить будешь, такъ я тебя въ полиціи выпороть велю!» Ну, онъ розогъ-то испугался и поѣхалъ. Въ одинъ мѣсяцъ Петръ Васильичъ ему три мельницы справилъ, а одна до весны осталась. Спрыгъ-трава ему да моргулютки помогали.

Досталъ онъ спрыгъ траву въ Жегулевскихъ горахъ, на самой на вершинкѣ. Тамъ озера есть, и въ этихъ озёрахъ нѣтъ ни одного червячка, и отъ вѣтра озёра никогда не колышатся. Вода въ нихъ словно стекло, и скрозь нее все видно, что̀ есть на днѣ. Только такое озеро не скоро найдешь; иные его ищутъ по мѣсяцу, да не находятъ. Спрыгъ трава тамъ и растетъ. Цвѣтетъ спрыгъ трава на Ива́на Купала, въ полно̀чь. Въ эту ночь все дно озера ви́дно: жемчугъ, словно жаръ горитъ, индо въ небѣ отъ него за́рево стоитъ. Серебро, золото и к а р а л ы на днѣ—все есть. Каралы и черные и красные, и всѣ в ы́ ч у ж е н ы. Идти за спрыгъ травой, надо молитву особую знать, а то въ клочки разорвутъ; и идти надо не оглядываясь, а то отъ ч е р н ы х ъ не сдобровать. Доставать спрыгъ-траву больно мудрено, и при этомъ страхъ большой. Разказывалъ Петръ Васильичъ про себя, какъ доставалъ, такъ: «На канунѣ Купалина дня, вымылся я», говоритъ,—«въ банѣ, какъ можно чище, надѣлъ чистую рубаху и штаны, и ничего не ѣлъ, а молился Богу. Заснули всѣ въ деревнѣ, я и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ озеро. Пришелъ туда раньше полуночи, всталъ и стою, дожидаюсь, слушаю что̀ будетъ. Вотъ слышу шумъ по̀ лѣсу страшный, какіе-то звѣри дерутся; въ другомъ мѣстѣ стукъ, чего-то дѣлаютъ, потомъ словно земля вся начинаетъ кончаться. Стою я д р о ж к о й д р о ж у, а самъ все молитву творю. Волосы дыбомъ у меня, и я ни живъ, ни мертвъ. Вотъ слышу страшный шумъ и трескъ по̀ лѣсу; потомъ вдругъ набѣжалъ ви́хорь страшный и все освѣтилось. Пришла полночь, п а п о р о т н и к ъ расцвѣлъ. Я схватилъ нѣсколько цвѣтовъ с ъ п р а в о й с т о р о н ы,

завернулъ ихъ въ бѣленькій платочекъ, повернулся на правую сторону и пошелъ. Откуда ни возьмись два жандарма, на меня саблями такъ и машутъ. «Брось», кричатъ,—«а то голову долой!» И за руки хотятъ схватить, а не хватаютъ. А траву-то я завернулъ, да—подъ правую мышку. Долго они приставали, приказывали бросить и пропали. Потомъ начальники явились, съ свѣтлыми шапками, съ саблями тоже, и начали опять приставать: «Брось», говорятъ,—«а то голову долой сейчасъ снесемъ!» Долго стращали, послѣ тоже бросили. А я все иду. Вижу вдругъ около меня война началась; такая пошла, что рѣзня бѣда! Изъ пушекъ такъ и палятъ, раненые валятся и кричатъ мнѣ: «Изъ-за тебя проливаемъ кровь! Брось!» Потомъ и это пропало. Вижу—зажгли нашу деревню. Горитъ она передо мной, и вотъ вижу свой домъ, какъ онъ горитъ, и семья моя горитъ тамъ, а черные-то все кричатъ: «Не пускай! Не пускай его-то родню! Пускай горятъ тамъ! Онъ не бросатъ!» И вотъ запылала передо мной вся деревня. Вѣтеръ такъ и воетъ, бревна подкидываетъ кверху и уноситъ далеко, а я иду среди самаго пожара. Всѣ мнѣ кричатъ и умоляютъ бросить эту траву. «Мы», говоритъ,—«черезъ нее погибаемъ!» Вдругъ около меня проваливается земля, и я остаюсь на одной кочкѣ, а то все водой заливаетъ. Какъ шагнешь, такъ и въ водѣ, а остановиться нельзя, не то какъ разъ разорвутъ. Буря на водѣ страшная: волны эти такъ и хлещутъ выше избы, а потомъ снѣгъ пошелъ съ бурей, кочка качается . . . Вдругъ пропало все, и появилась высокая каменная стѣна, и въ ней воткнуты копья, прямо передъ глазами, того гляди выколютъ. Потомъ и это пропало; показалось, будто солнце падаетъ на землю, и земля горитъ страшнымъ пламенемъ; народъ тоже горитъ и стонетъ, кричитъ и проситъ бросить спрыгъ-траву. «А то», говоритъ,—«измаялись наши душеньки». Наконецъ все сгорѣло, ничего не видать, только одно пламя, да я на кочкѣ стою и все иду. Огонь этотъ всего дольше продолжался; потомъ явилась цѣлая толпа монаховъ, встала передо мной, и проситъ кинуть цвѣтокъ папоротника; такъ вотъ и увѣщаютъ не губить свою душу въ такомъ грѣхѣ. Какъ только я дошелъ до своихъ воротъ и взялся за скобу, все пропало, а какъ вошелъ на дворъ, такъ опять ко мнѣ пристали. «Не отстанемъ», говорятъ,—«если не бросишь!» Представили мнѣ адъ, гдѣ мучаются

грѣшники, и гдѣ я себѣ мѣсто приготовилъ. У ж а с ь какъ тамъ маются, а мнѣ всѣхъ хуже. Они и говорятъ: «Если бросишь, то вотъ тебѣ мѣсто въ раю и такая хорошая жизнь, что сказать нельзя». Смотрю я: лѣсъ зеленый, пташки на разные голоса поютъ, заслушаешься. Я было ужь бросить хотѣлъ, да пѣтухи спѣли, они и провалились. Очутился я въ избѣ весь вымоченный: роса въ ту ночь была сильная, а я за кусты задѣвалъ, шелъ».

Съ разрывъ-травой больно хорошо ходить: въ ночь и полночь ничего не случится, вездѣ ходи. Идетъ, бывало, Петръ Васильичъ на мельницу, а ключи у прикащиковъ; подойдетъ съ этой травой: и замокъ самъ отпирается. Моргулютокъ-то этихъ спрыгъ-трава служить заставляетъ хорошо. Если что сломать на мельницѣ надо, они сейчасъ сломаютъ. Мельникъ этотъ и лѣкаремъ былъ: бѣсовъ выгонялъ, и бралъ за это мало. В е р с т ъ з а т р и с т а привозили къ нему. Когда къ нему бѣсноватаго, бывало, везли, такъ бѣсъ-то за пятнадцать верстъ чуялъ Петра Васильича и кричалъ, «Зачѣмъ вы меня везете къ этому подлецу?» Ругательски его ругалъ; а какъ, бывало, выйдетъ Петръ Васильичъ, онъ и присмирѣетъ, и Петръ-то Васильичъ нахмурится, да такой сердитый сдѣлается—бѣда. Возьметъ е г о за руку и скажетъ: «Смирно! Тихо! Пойдемъ ко мнѣ въ гости: у меня есть твои товарищи». Введетъ бѣсноватаго къ себѣ въ избу, положитъ на кòнникъ, и лежитъ бѣсноватый у него нѣсколько сутокъ, глядя по болѣзни. Петръ Васильичъ въ это время не пилъ и не ѣлъ, все сердитый ходилъ. Начнетъ бѣса изъ больнаго выгонять, а тотъ кричитъ: «Куды я пойду?» А онъ сказываетъ куды идти, гдѣ поселиться и что сдѣлать. Мѣста, куда онъ чернаго посылаетъ, больному не извѣстны: въ другую совсѣмъ сторону. Въ это время Петръ Васильичъ всѣхъ изъ избы выгонялъ. Когда бѣсъ выходилъ, больной потѣлъ, а Петръ Васильичъ его еще теплѣе одѣвалъ, пока бѣсъ изъ него не выйдетъ. Послѣ того больной долго спалъ. Когда просыпался, Петръ Васильичъ ему чаю пить давалъ, потомъ ѣсть. Послѣ этого больному становилось легче; онъ нѣкоторое время оставался у Петра Васильича, а потомъ уѣзжалъ домой. Бралъ Петръ Васильичъ всегда половину того, что ему давали, а много никогда не бралъ. При прощаньи наказывалъ б е р е ч и себя, не ходить раздѣвши и безъ молитвы не выходить за ворота, быть

осторожнымъ въ пищѣ, не показаннаго не ѣсть. «А ежели ты не убережешься и опять захвораешь, такъ опять пріѣзжай, только не той дорогой, какъ въ первый разъ, а другой». Домой тоже долженъ больной ѣхать другой дорогой, а не той, которой пріѣхалъ, не то бѣсъ можетъ воротиться и опять вселиться въ него. Какъ больнаго, бывало, проводитъ, послѣ того д н и четыре пьянствуетъ.

Вѣкъ свой Петръ Васильичъ не спокойно прожилъ: съ моргулютками тяжело ладить. Они знали свое дѣло и сильно его донимали, особливо пьянаго, да когда съ бабенками захороводится. Они ему и спать не давали. Давай да давай имъ работы! Въ самую полночь всего сильнѣе донимали, будили его и приставали всячески. Посылалъ онъ ихъ песокъ считать, пеньки въ лѣсахъ (самое трудное для бѣса: иной пенекъ вѣдь съ молитвой рубленъ; дойдетъ до него бѣсъ и со счету собьется, опять начнетъ считать), воду въ морѣ перемѣривать или вѣтряную мельницу строитъ (у ней вѣдь крылья на̀ крестъ). Станутъ у мельницы вершину класть—у нихъ все и разлетится. «Хорошо», говаривалъ Петръ Васильичъ,—«съ моргулютками жить, только надо быть хитрымъ и шустрымъ, а то какъ разъ головы не снесешь». Долго бы онъ еще прожилъ, кабы не вѣдьма Матрёшка: сгубила его бѣднягу ни за́што, безъ соли съѣла, плу́тская дочь, да и само́й Богъ п е р е д у-т о н е д а л ъ: въ Сибирь пошла. Солдатка она была и такая красавица, что страсть, а Петръ Васильичъ и приволокнись за ней. Она поддалась, да у пьянаго-то и унесла спрыгъ-траву Тутъ его моргулютки и до́няли. Черезъ четыре года Петръ Васильичъ весь высохъ, какъ лучина сталъ. Такъ и померъ бѣднята: больно ужь они ему по ночамъ спать не давали.

(Сообщено Исаемъ Дементьевичемъ Ивановымъ, с. Новиковка, Сам. губ., Ставр. у.)

114.

О Петрѣ Первомъ.

а. Какъ только время свободное ему отъ черной работы, такъ онъ все по кабакамъ ходилъ да у мастеровъ вывѣдывалъ о ихъ

мастерствѣ: все научиться хотѣлось всему. Приходитъ разъ въ кабакъ и встрѣтилъ тамъ оборваннаго пьянчужку; взялъ водки, а его не подчуетъ. «Ты, видно, ничего не умѣешь?» спрашиваетъ. «Что больно обтрепанъ?» «Нѣтъ», говоритъ,—«умѣю вотъ такое-то ремесло». «А какъ вотъ эту вещь дѣлать?» «Такъ вотъ», говоритъ. «Врешь!» «Нѣтъ, ты врешь!» Поднялся споръ, и пьянчуга доказалъ Петру, что онъ вретъ. Петръ остался этимъ очень доволенъ, потому что о мастерствѣ все, что̀ надо, разузналъ; и напоилъ мастероваго въ лоскъ.

б. Былъ Петръ Великій, занимался разными издѣльями и ѣздилъ въ лѣсъ съ борзой собакой звѣрьё ловить; и пристигла его тёмна ночь. Онъ ночнымъ временемъ и далѣ, и дальше, да и заплутался. Напалъ на него лютый медвѣдь и растерзалъ его охотную собаку. И такъ было Петру Великому охотную свою собаку жаль, что легче бы самъ жизни рѣшился. «Ахъ, остался я ни при чемъ!» И скружился въ темномъ лѣсѣ: ночь, и двѣ, и три ночевалъ.

И въ то же время новобранный солдатикъ, прослужа недолго время, изъ полку убѣжалъ и на Петра Великаго напалъ. Смотритъ Петръ Великій на форму солдатскую и видитъ по формѣ какого полка. «Ахъ», думаетъ,—«солдатъ-то мой». Солдатъ идетъ пѣшкомъ, Петръ Великій ѣдетъ на конѣ да и кричитъ: «А подь-ка, землячокъ, сюды!» Землячокъ подошелъ, и говоритъ Петръ Великій: «Здравствуй, землякъ!» «Здравствуй!» «Ты чей, откуды?» «А что тебѣ за надобность?» «Ты не бѣжалъ ли? Я вѣдь тоже бродяга». Солдатикъ признался, что бѣжавшій. Остановился Петръ, покалякалъ съ нимъ. «Кто у васъ ротный? Кто полковникомъ?» Солдатъ сказалъ кто. Петръ вынулъ бумажку съ карандашемъ, это все записалъ и сталъ спрашивать. «Съ какаго ты году?» «Съ такого-то». «Отчего ты бѣжалъ?» «Да вина-то небольшая: потерялъ всего только одну пуговицу, да замучилъ меня полковникъ мукой и каженъ день бьетъ. Оттого я и бѣжалъ». «Ну, а какъ, землякъ, у васъ въ полку пищая? Говядины по скольку варятъ?» «А такъ варятъ, только славу дѣлаютъ».

Петръ Великій назвался землякомъ, Петрушей. Его солдатъ и спрашиваетъ: «А у васъ въ полку какъ?» «У насъ варятъ по фунту на кажняго солдата». «Нѣтъ у насъ этого, Петруша, нѣтъ ничего».

«А варятъ ли крутую кашу?» «Варятъ да никогда, а такую только варятъ, что крупинка за крупинкой, и на ложку не поймать». «Пойдемъ, землячокъ, куды нибудь...» Долго ли мало ли ѣхали, вечеръ ихъ пристигатъ. Они подъѣхали къ величающему дубу, и говоритъ Петръ Великій: «А вотъ, землякъ, похрани моего то коня, а я влѣзу на дубъ погляжу нѣтъ ли гдѣ огонька». Петръ Великій полѣзъ на дубъ, а солдатъ смотритъ: у него у сѣдла чумоданчикъ; открылъ его, посмотрилъ: графинчикъ тамъ водочки. Вотъ солдатикъ вынялъ да изъ горлышка-то и потягалъ, и похваливатъ себѣ: «Ахъ да водочка какая хороша!» А Петръ Великій разсмотрилъ: въ незнамой сторонѣ свѣтится огонекъ. Онъ слѣзъ съ дубу, подходитъ къ своему коню, открылъ чумоданчикъ, вынулъ графинчикъ да и смотритъ. «Ахъ, землячокъ, знать ты чумоданчикъ открывалъ и водочки выпивалъ?» «Виноватъ, землякъ, потянулъ». «На-ка, потяни еще!» А воръ солдатъ да и гораздо потянулъ. Петръ Великій сѣлъ на своего коня и поѣхалъ прямо въ ту сторону, гдѣ виднѣется огонекъ. Онъ сѣлъ и поѣхалъ, а солдатъ за нимъ въ приприжку, хмѣльный. Подъѣхали къ огоньку—преогромнѣющій дворъ; но покамѣсть ѣхали, ужъ это время разсвѣтало. Пріѣхали ко двору, что на дворъ ворваться никакъ не возможно. Вотъ они думали, думали какъ бы влѣзть. Солдатикъ вздумалъ да и говоритъ: «Слѣзь-ка ты съ коня». Петръ Великій слѣзъ съ коня, солдатъ вскочилъ на коня и перепрыгнулъ черезъ ворота и отперъ ихъ. Въѣхали они на дворъ и смотрятъ: гдѣ лежитъ рука человѣческа, гдѣ голова... Петръ Великій немножечко обробѣлъ. «Ахъ, землячокъ, да не ладно! Кабы намъ здѣсь живымъ быть? Должно быть здѣсь нехорошіе люди». «Ну-ка, я еще потяну». Онъ водочки еще потянулъ, взошелъ къ сѣнной двери, въ комнату—и навѣшаны престрашныя орудія: разныя сабли, разныя ружья, и въ ефтой горницѣ—одна старая старуха. Вотъ солдатикъ. какъ выпивши, смѣлый, съ грубостью на нее закричалъ: «А, старая вѣдьма! Да-ка намъ поѣсть!» Старуха видитъ, что онъ шибко на неё поступаетъ, сейчасъ собрала имъ поѣсть; кое-чего собрала и на столъ подала. «Водки дай!» Старуха по стакану водки подала. Солдатикъ пріурѣзалъ, а Петръ Великій испугался: стаканъ въ руки не беретъ и водочку не пьетъ. «А что же ты, землякъ, не пьешь? Что обробѣлъ?

Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать! Я на то вѣдь ужъ пошелъ. Выпьемъ! Живы въ руки еще не дадимся... Баушка! Живо! Дай намъ овса!» Та амбаръ отперла и овса насыпала. Они продолжали время близь до вечера. Солдатикъ, что было у ней въ печкѣ жарено и варено, все поѣлъ и спрашиватъ: «А дѣжь, баушка, намъ отдохнуть?» Показала старуха на сушила, «Тамъ и спите», говоритъ.

Вдругъ брякъ, стукъ, и скачутъ съ колоколáми, съ побрякушкими, и гайкаютъ, свищутъ—ѣдутъ разбойники. Старуха выбѣгла, ворота отперла, на дворъ ихъ пустила. Они лошадей выпрягли, корму задали и восходятъ въ домъ. «Ну-ка давай, хозяйка, поѣсть!» «Да нечего». «Что такое?» «Да у меня два есть солдата—они все поѣли; чуть и меня то не прибили». Атаманъ и говоритъ: «Дѣ же они?» «А вотъ на сушилахъ». «Ну, ладно. Пущай лежатъ до время». Старуха избу затопила, ужинъ заварила, и потомъ, какъ поужинали, полегли всѣ спать. Ложимшись спать и говорятъ: «Надо ихъ, солдатъ-то, убрать». «Поспѣмъ еще. Пущай лежатъ!» Какъ завечерѣло, вечеркомъ Петръ Великій и говоритъ: «Какъ же землякъ?» «Ну, что же?» «Давай кониться, кому до полуночи спать ложиться, кому караулить, а то насъ они похѝтятъ». «Ну, давай!» Стали кониться; досталось Петрушѣ караулить. Вотъ Петруша немножечко посидѣлъ, вздремàлъ да и повалился, легъ спать; а солдатъ не спитъ, на ногахъ стоитъ и самъ себѣ и говоритъ.—«Эка сонýля! А еще караулить взялся!» Разбойникъ самъ ночнымъ бытомъ всталъ. «Ну-ка, робята, идите двое! Угомоните ихъ тамъ!» Одинъ изъ разбойниковъ и говоритъ: «А чего двоимъ-то дѣлать? Я одинъ, еще мнѣ и то мало двоихъ-то». Надѣлъ орудіе и побѣжалъ. Влѣзъ на лѣстницу—Петръ Великій спитъ, а солдатъ во всѣ глазыньки глядитъ. Только какъ разбойникъ голову показалъ, солдатъ размахнулся шашкой, да и голову долой. Снесъ съ него голову; атаманъ ждать пождать: разбойника нѣтъ. Послалъ другаго. Онъ и другаго-то такъ; а Петруша крѣпко спитъ. Солдатъ работаетъ: какъ который ни покажетъ голову, съ кажняго долой. И всѣхъ до однаго порубилъ. Атаманъ думаетъ: «Иуды ребята дѣлись? Идти-ка самому»! Подошелъ къ лѣсенкѣ—ихъ куча лежитъ. «А, такъ вонъ какъ!» Взбѣ-

жалъ на лѣстницу, какъ голову показалъ—и съ этого голова слетѣла. Кончились всѣ. Ну, и стало свѣтать.

Петръ Великій спитъ, ничего не чуетъ. Легъ на часокъ и всю ночь проспалъ. Солдатъ на свѣту будитъ Петра. «Что-это ты, землякъ, за сонуля? Открой-ка мнѣ чемоданъ-то, да-ка я водочки потяну: измучился!..» Петръ Великій всталъ, водочки ему подалъ и посмотрѣлъ съ лѣстницы на низъ. Индо испугался. «Кто это, землякъ, набилъ?» «А, сонуля! Ты словно изъ дворянъ: всеё ночь проспалъ, ничего не видалъ!» Съ сушйловъ слѣзли: вбѣжали къ старухѣ въ горницу, и говоритъ солдатъ, поднявъ на нее саблю вострy: «Старая вѣдьма! Айда, показывай намъ, гдѣ у васъ деньги лежатъ!» Старуха испужалась, подвалы отпирала; злата-серебра тамъ множество. Петръ Великій сказалъ солдату «Ну-ка, землякъ, насыпай себѣ казны!» Вотъ землякъ зачалъ насыпать и золото и серебро, и говоритъ: «А ты что же, Петруша, ненасыпашь?» «Мнѣ, землякъ, не нàды». Взялъ немного, а солдатъ кругомъ себя деньгами обсыпалъ. Петръ и спросилъ у старухи: «А дѣже вотъ въ такое-то мѣсто дорога?» Она вывела ихъ на дорогу. «Вотъ здѣсь», говоритъ. Солдатъ вышелъ на дорогу и снесъ со старухи голову. Поѣхали по дорогѣ. Ѣхали долго ли, мало ли, выѣхали на свой трахтъ, къ городу. Видитъ Петръ Великій что близко. «Ну, землякъ, теперь прощай! Приходи ко мнѣ въ гости» .«А дѣ же мнѣ тебя найдти? Вѣдь меня тамъ поимаютъ». «Иди, никто не тронетъ. Спроси только, гдѣ Петруша живетъ—всякій доведетъ». И полетѣлъ Петръ Великій. Солдатъ остался. Петръ Великій въѣхалъ въ свой городъ; нѣсколько тутъ было заставъ, караульныхъ солдатъ. Вотъ онъ приказалъ, чтобы кажній солдатъ таковому солдату прохожему честь отдавалъ, какъ ему. Бѣжавшій солдатикъ пошелъ; подходитъ къ первой заставѣ, караульные его встрѣчаютъ, честь, воздаютъ какъ царю. Онъ жертвуетъ имъ горсть золота и думаетъ себѣ: «Вонъ что, паршивый, сдѣлалъ! Какъ честь-то мнѣ воздаютъ! Знаютъ, что у меня деньги есть» .. И пошелъ дальше. Покамѣсть до царскаго дворца шелъ, которы деньги были, всѣ роздалъ. Подходитъ къ дворцу и спрашиватъ сторожевъ: «Дѣ бы мнѣ найти Петрушу?» (Ну, а Петръ Первый всѣмъ ужъ разсказалъ). Всѣ сторожа во дворецъ его принимали, Петру Великому доложили Петръ. Великій надѣлъ на себя

царскую одежду и вышелъ на крыльцо. Солдатъ подошелъ ко крыльцу, видитъ что царь; немножечко все знатъ какъ честь отдать—честь отдалъ. Царь сталъ его спрашивать, «Чей ты, откуда?» Солдатъ думаетъ: «Ахъ, да вотъ дѣ попалъ! Вотъ такъ», говоритъ,—«Петруша! Куды меня довелъ!» Видитъ дѣло плохо: Петръ Великій его допрашиватъ. Солдатъ сознался (нечего дѣлать-то): «Бѣжавшій я», говоритъ. Петръ Великій со́ страхомъ сказалъ: «Взять его на три сутки на обва̀хту, а послѣ трехъ сутокъ отправить его въ Сибирь на поселенье, на вѣчно!» Солдатъ идетъ и головкой только пома̀тываетъ. Посадили его; солдатъ говоритъ себѣ: «Ахъ да, Петруша! Чего теперь дѣлать?» Просидѣлъ трои́ сутки на обва̀хтѣ. Петръ Великій надѣлъ на себя ту одежду, въ которой съ нимъ былъ, и приходитъ «Здравствуй, землякъ!» «Здравствуй, братъ Петруша! Хорошо ты дѣлашь? Тебѣ бы не быть живому, да и мнѣ тоже. Чай знашь, сколько я изъ-за тебя душъ погубилъ? До чего меня ты довелъ?» «А что?» «Да вотъ я на обва̀хтѣ сижу; только фунтъ хлѣба да фунтъ воды мнѣ, да еще мало того: навѣчно въ Сибирь, въ каторгу». «Кто это сказалъ?» «Петръ Великій самъ сказалъ мнѣ». «Погоди, землякъ, я схожу къ нему и попрошу, не отправитъ ли тебя въ старый полкъ». «Эхъ да, братъ любезный, постарайся ипомни и мою добродѣтель». Петръ Великій тѣмъ же часомъ отправился куды ему слѣдуетъ, приказалъ караульнымъ съ обва̀хты его взять и привести опять во дворецъ. Повели его къ царю и прямо на крыльцо. Петръ Великій вышелъ, взялъ его за руку и повелъ въ свое за̀ло, посадилъ въ стулъ, самъ въ другую перегородочку пошелъ, царскую одёжу скинулъ и надѣлъ охо́тницку, и вышелъ. «Здравствуй, землякъ!» У того и языкъ не ворочатся; сидитъ самъ не свой: испугался больно. Промолвилъ тихо̀хочко таково: «Здравствуй, землякъ!» «Не робь, землякъ! Останешься безъ послѣдствій. Что тебѣ царь сказалъ?» «Ничего не сказалъ». «Вотъ я его переспрошу пойду». Повернулся въ другія двери, надѣлъ царскую одёжду, подошелъ къ солдату. «Здравствуй, землякъ!» «Здравія желаю»... «Ну, а что, ты Петрушу узна́ешь ли?» «Да кабы пришелъ, когда бы не узналъ». «А что онъ на меня не пома́хиватъ ли?» «Есть немножко».

Тутъ Петръ Великій по головкѣ его погладилъ, да и сказалъ:

«Благодарю тебя, землякъ, что ты спасъ меня!» Написалъ своеру́шное ему письмо и отправилъ его въ свой полкъ, на казенный счетъ, заступить на то мѣсто полковникомъ, а того полковника—на его мѣсто, рядовымъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

115.

Про Пугача.

Въ Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, въ селѣ Старомъ Урайкинѣ побывалъ Пугачъ и съ помѣщиками обращался круто: кого повѣситъ, котораго заборомъ придавитъ (приподыметъ заборъ, голову помѣщичью сунетъ подъ него, да и опуститъ заборъ на шею). Была въ Урайкинѣ помѣщица Петрова, до крестьянъ очень добрая (весь доходъ съ имѣнья съ ними дѣлила); когда Пугачъ появился, крестьяне пожалѣли ее, одѣли барыню въ крестьянское платье и таскали съ собой на работы, чтобы загорѣла и узнать ее нельзя было, а то бы и ей казни не миновать отъ Пугача.

(С. Старое Урайкино).

116.

О фармазонахъ.

а) Около Василя (давно это было) двое фармазоновъ въ лодочкѣ плавали,—такъ, бывало, что̀ дѣлаютъ! Возьмутъ, вынутъ со дна камень, кинутъ на̀ берегъ, онъ въ голаго мужика оборотится; кинутъ другой, тотъ—въ бабу, и давай другъ съ дружкой плясать. Одному и понравилось это. «Поучите!» говоритъ. «Изволь! Поди къ намъ!» Стали его учить; онъ понимать началъ. Только вотъ одинъ и говоритъ ему: «Поймай лягушку!» Онъ поймалъ и стало эту лягушку раздувать, больше да больше, съ быка. «Полѣ-

зай ей въ ротъ!» Онъ и испугался. «Нѣтъ», говоритъ,—«не полѣзу!» «Полѣзай, а то пропадешь!» «Нѣтъ, не полѣзу!» Бросили они его безъ памяти; кое-какъ до дому добрался, а они все норовятъ въ воду его затащить. Повезли молодца за двѣнадцать верстъ къ знахарю лѣчить; цѣлый день ѣхали, умаялись: ровно тягу какую везли. А его, гдѣ только на дорогѣ ручей, болотце ли, о н и и тащатъ. Пріѣхали къ знахарю. Середи двора у него лужа; о н и и въ лужу норовятъ тащить. Ну, тутъ знáхарь наступилъ ему нà полу и говоритъ: «Бросьте! Здѣсь не ваше царство, а мое!» Они и бросили.

(П. С. Полуэктовъ).

б) Въ Симбирскѣ Ивашевъ фармазонъ былъ. У него ч е р н а я к н и г а была, черная магія. Вотъ разъ лакей его и увидалъ ее на столѣ. Барина не было (забылъ запереть); лакей взялъ и раскрылъ ее. Только раскрылъ, вдругъ слышитъ: музыка играетъ полковая. Подбѣжалъ къ окну — никого нѣтъ. Раскрылъ въ другомъ мѣстѣ: вдругъ на него большущая черная собака кинулась; онъ испугался да бѣжку. Баринъ вернулся и сильно его побранилъ.

(Онъ же).

117.

Какъ церковь ушла.

Старые люди сказываютъ, что изъ Василя Сурскаго церковь ушла за Волгу, съ попомъ и семью прихожанами, и стала тамъ въ у р ё м ѣ, въ такомъ мѣстѣ, которое каждый годъ водой заливаетъ Рѣдкимъ удавалось ее видѣть, а звонъ слыхали. Разъ одинъ мѣщанинъ (жена у него была, дѣти) переплылъ за Волгу и забрался въ болота, незнакомыя, глухія мѣста. Глядь — церковь стоитъ! «Что», думаетъ, — «за чудо? Не слышно, чтобы тутъ церковь была, и зачѣмъ она въ такой глуши и болотѣ?» Подошелъ; вышелъ попъ и люди съ нимъ. Приглашаютъ его здѣсь остаться. Онъ и не прочь бы: понравилось, да свалилъ на жену. «Коли», говоритъ, отпуститъ, приду». Пошелъ домой, а дорогой, на де-

ревьяхъ зарубки рубилъ. Пришелъ и разказываетъ женѣ. «Что жь ты», говоритъ, — «не пошелъ? Мы бы какъ-нибудь обошлись, а тебѣ можетъ денегъ бы дали за это. Ступай!» Онъ пошелъ. Искалъ, искалъ, плуталъ, плуталъ, такъ и не нашелъ, ровно и церкви никакой не было на томъ мѣстѣ. Какъ въ той церкви хоть одинъ изъ семерыхъ умираетъ, другой на его мѣсто сейчасъ.

(Онъ же).

118.

Бой казачки съ богатыремъ.

Проявился разъ въ Москвѣ богатырь; никто на бою съ нимъ сладить не могъ; только одна казачка въ лавочкѣ, на торгу сидѣла (сердце у ней разгорѣлось) и говоритъ: «Я съ нимъ драться пойду!» Стали ее уговаривать: «Куда тебѣ?» То, другое, нѣтъ — пойду да пойду. Говоритъ казачка богатырю: «Хочешь со мной до разу биться?» «Пожалуй», говоритъ. Богатырь выпилъ въ кабакѣ 18 шкаликовъ, а казачка—всего 7. Вышли. Закладъ былъ положенъ за богатыря двѣсти рублей, а казачка сама за себя положила: за нее никто не клалъ. Стали конàться кому первому бить. Выпало бить богатырю-бойцу. Вотъ онъ развернулся да какъ ударитъ — казачка посинѣла индо вся и упала; потомъ опамятовалась, пошла выпила 18 шкаликовъ, сняла съ себя всю одёжу· осталась только въ одной рубашкѣ, въ коротенькихъ рукавчикахъ и говоритъ: «Ну, теперь стой! Я ударю». Тотъ говоритъ: «Да я тебя съ ногъ сшибъ, чего же биться-то?» «Еслибъ», говоритъ, — «ты меня убилъ, тогда такъ, а я еще жива». Ну, присудили съизнова имъ стать. Вотъ казачка развернулась, да какъ ударитъ въ самый хрипъ (спина) московскаго богатыря — такъ индо сердце на кулакѣ такъ и вынесла! «Вотъ какъ», говоритъ,—«по нашему-то бьютъ!» Богатырь и не дрогнулся. Всѣ диву дались откуда у казачки сила такая; а у ней мужъ былъ. «Не стану», говоритъ, — «я съ такой жить. Какая ты баба? Ты меня убьешь, пожалуй!» Казачка и говоритъ: «Нѣтъ, я противъ тебя,

моего з а к о н а, ничего не сдѣлаю, все отъ тебя перенесу». И зажили опять, а то было мужъ бросить ее хотѣлъ.

(Симбирскъ).

119.

К о в ы л ъ-т р а в а.

Одинъ мужикъ торговца убилъ, въ степи, подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говоритъ: «Ковылъ-трава, з а с в и д ѣ т е л ь с т в у й хоть ты меня!» Вотъ прошло много лѣтъ; идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и разсмѣялся. «Что ты», спрашиваетъ жена,—«смѣешься?» «Да такъ». Стала приставать: скажи да скажи. Онъ и разказалъ, что на этомъ мѣстѣ торговца убилъ, и какъ тотъ ковылъ-траву въ свидѣтели призывалъ. Прошло еще сколько-то лѣтъ. Жили они богато, только жена г у л я т ь стала; а онъ ее сталъ бить да бранить. Вотъ разъ жена разсердилась да и говоритъ: «Ты что это? Али и меня, какъ тогда торговца убилъ, убить хочешь?» Пошла да и показала на него въ судѣ и разсказала про ковылъ-траву.

(Полуэктовъ).

120.

П р о о х о т н и к а.

Одинъ стрѣлецъ ходилъ съ ружьемъ и много настрѣливалъ, а другой мужикъ изъ того же села ходитъ, ходитъ, а приноситъ самую малость. Вотъ онъ встрѣтилъ перваго стрѣльца и спрашиваетъ: «Что это ты всегда съ дичью, а я нѣтъ? Научи меня!» «Изволь», говоритъ,—«штука простая: когда причащаться будешь, такъ не глотай е г о, а принеси домой за щекой». Тотъ пошелъ къ причастью и принесъ. «Ну, теперь что?» «А вотъ», говоритъ,—«что!» Взялъ буравъ, просверлилъ дыру, положилъ въ нее кусочекъ причастья и сказалъ: «Возьми ружье и выстрѣли въ это мѣсто!»

Стрѣлецъ взялъ ружье, приложился; только что хотѣлъ выпалить и видитъ: стоитъ передъ нимъ сама Матъ Пресвятая Богородица и говоритъ: «Сынъ мой, что ты дѣлаешь? Неужли же ты въ меня стрѣлять будешь?» У того и руки и ноги затряслись, и ружье изъ рукъ выпало. Пошелъ онъ послѣ того въ монастырь грѣхъ свой замаливать.

(Симбирскъ).

121.

Про Никитушку Ломова.

На Волгѣ, въ тридцатыхъ годахъ, ходилъ силачъ-бурлакъ, Никитушка Ломовъ; родился онъ въ Пензенской губерніи. Хозяева судовъ дорожили его страшной силой: работалъ онъ за четверыхъ и получалъ паёкъ тоже за четверыхъ. Про силу его на Волгѣ разсказываютъ чудеса; памятенъ онъ и на Каспійскомъ морѣ. Плылъ онъ разъ по этому морю и ночью выпало ему быть вахтеннымъ на хозяйскомъ суднѣ. Кругомъ пошаливали Трухменцы и частенько грабили Русскихъ: надо было держать ухо востро. Товарищи уснули; ходитъ Ломовъ по палубѣ и посматриваетъ; вдругъ видитъ лодку съ Трухменцами, человѣкъ съ двадцать. Онъ подпустилъ ихъ вплоть; Трухменцы полѣзли изъ лодки на́ бортъ, а Ломовъ тѣмъ временемъ, не будя товарищей, распорядился по своему: взялъ шестъ, въ руку толщиной, и ждетъ. Какъ только показалось съ десятокъ трухменскихъ головъ, онъ размахнулся вдоль борта и смелъ ихъ въ воду. Другіе полѣзли—то же. Тѣ, что̀ въ лодкѣ остались, пошли на утёкъ, но и ихъ Ломовъ въ покоѣ не оставилъ: взялъ небольшой запасной якорь съ кормы да въ лодку и кинулъ. Якорь былъ пудовъ пятнадцать; лодка съ Трухменцами потонула. Утромъ на суднѣ проснулись, онъ имъ все и разсказалъ. «Что же ты насъ не разбудилъ?» «Да чего»,—говоритъ, будить-то? Я самъ съ ними управился».

Въ другой разъ взъѣхалъ онъ гдѣ-то на постоялый дворъ, а послѣ него обозчики нагрянули. Ему пора выѣзжать съ двора, а тѣ возовъ передъ воротами наставили — ходу нѣтъ. «Пустите,

братцы», говоритъ Ломовъ;—«я раньше васъ пріѣхалъ, мнѣ пора. Впрягите лошадей и отодвиньте воза!» «Станемъ мы», говорятъ возчики,—«для тебя лошадей впрягать! Подождешь!» Никитушка Ломовъ видитъ, что словами ничего не подѣлаешь; подошелъ къ воротамъ, взялъ подворотню и давай ей возы раскидывать во всѣ стороны. Раскидалъ и выѣхалъ.

Съ однимъ купцомъ на Волгѣ онъ хорошую штуку сыгралъ. Идетъ какъ-то берегомъ, подходитъ къ городу (уѣздному). Стоитъ городъ на высокой горѣ, а внизу пристань. Вотъ идетъ онъ и видитъ: мужики около чего-то возятся. «Чего вы, братцы, дѣлаете?» «Да вотъ такой-то купецъ нанялъ насъ якорь вытащить». «За много ли нанялись?» «Да всего за три рубля». «Дайте-ка, я вамъ помогу!» Подошелъ, раза три качнулъ (а якорь не меньше какъ въ двадцать пять пудовъ) и выворотилъ якорь съ землей вмѣстѣ. Мужики подивились такой силѣ. Бѣжитъ съ горы купецъ, началъ на Ломова и на мужиковъ кричать. «Ты зачѣмъ», говоритъ,—«имъ помогалъ? Я тебя рядилъ?» Вынулъ вмѣсто трехъ рублей одинъ рубль и отдалъ мужикамъ. Тѣ чуть не плачутъ. «Будетъ», говоритъ, —«съ васъ!» Самъ ушелъ домой. Ломовъ и говоритъ: «Не печальтесь! Я съ нимъ сыграю штуку; только послѣ какъ деньги получите водки мнѣ штофъ поставьте». Взялъ якорь на плечо и поперъ его въ гору. На встрѣчу баба съ ведрами попалась (дѣло было къ вечеру), увидала она Ломова, думала, что самъ нечистый идетъ, вскрикнула и упала за̀ мертво. Ломовъ взошелъ на гору, подошелъ къ купцову дому и повѣсилъ якорь на ворота. Вернулся къ мужикамъ и говоритъ: «Ну, братцы, теперь онъ и тремя рублями не-отдѣлается; снимать-то вы же будете! Смотрите, дешево не берите!» Мужики его поблагодарили и послѣ большія деньги взяли съ купца.

На Волгѣ, бывало, Ломовъ шутки съ бурлаками шутилъ. «Ну, братцы, кто меня перегонитъ? Идетъ на полштофъ?» «Идетъ». «Я побѣгу бечевой, подъ каждую руку по девятипудовому кулю возьму, а вы бѣгите порожніе!» Ударятся бѣжать и всегда Ломовъ выигрывалъ.

(Симбирскъ).

122.

Пряничная гора.

За Волгой, недалеко отъ границы Симбирской и Самарской губерніи, возлѣ слободы Часовни тянутся небольшія горы и въ одномъ мѣстѣ перерываются овражкомъ. Въ старые годы, сказываютъ, на этомъ мѣстѣ Пряничная гора была. Шелъ одинъ великанъ и захотѣлъ ее скусить; взялъ въ ротъ (а у него зубъто со щербинкой былъ), откусилъ, а щербинкой-то борозду и провелъ; такъ она и по сіе время осталась.

(Тамъ же).

123.

Волга и Кама.

Кама съ Волгой спорила: не хотѣла въ нее течь. Сначала хотѣла ея воду отбить; до половины рѣки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрости; уговорилась она съ коршуномъ: «Ты, коршунъ, крикни, когда я на той сторонѣ буду, чтобы я слышала; а я подъ Волгу подроюсь и выйду въ другомъ мѣстѣ». «Ладно». Вотъ Кама и начала рыться подъ Волгу. Рылась, рылась, а тѣмъ временемъ коршуна беркутъ запримѣтилъ и погнался за нимъ. Тотъ испугался и закричалъ, какъ разъ надъ серединой Волги. Кама думала, что ужь она на томъ берегу, выскочила изъ-подъ земли и прямо въ Волгу попала.

(Тамъ же).

124.

Марина-Русалка.

Лѣтъ со сто тому назадъ, въ Симбирскѣ, жилъ подъ горой, у Спаса, Иванъ Курчавый, съ отцемъ и съ матерью. Церковь Спаса старинная была и вся расписана по стѣнамъ разными житіями.

На одномъ образѣ написана была царица-красавица: румяная да такая полная, и ѣдетъ она на лебедяхъ; одной рукой правитъ, а въ другой держитъ ключи. Иванъ Курчавый часто говаривалъ въ хороводѣ: «Мнѣ невѣсту нужно эдаку, какъ писана царица на лебедяхъ». А онъ былъ красавецъ, пѝсаный глазо́къ! Голова вся была курчава, а э т и волосы, какъ кольца золотыя вились. Бѣлый, румяный, полный, кровь съ молокомъ; одно слово молодецъ! А ужъ бандуристъ былъ какой—заслушаешься! Плясовую заиграетъ—не удержишься! Весь, бывало, хороводъ распотѣшитъ. А бывало дѣвушки да молодыя вдовушки сберутся весной въ хороводъ въ бѣлыхъ кисейныхъ рукавахъ да въ стандӯплевыхъ или штофныхъ сарафанахъ, какъ лазо́ревъ и маковъ цвѣтъ, любо посмотрѣть!

Недалеко отъ Курчаваго жила молодая вдова Марина. Годъ, почитай, она жила съ мужемъ и, поговаривали, извела его. Суровая была, а красивая: сдобная, чернобровая, черноглазая; лице, что твой фарфоръ, а румянецъ во всю щеку такъ и игралъ, и игралъ; взглядъ былъ пронзительный. Она въ хороводъ не ходила, а рѣдко, въ праздникъ, послѣ обѣда, выдетъ за ворота, сядетъ на зава́ленку, да издали на хороводъ и любуется, да все и смотритъ, и смотритъ на Ивана Курчаваго, и т е п е р и ч а если замѣтитъ, что кото́ра дѣвушка ему приглянется, такъ вся и покраснѣетъ, до ушей разгорится, а глазами такъ на него взмахнетъ—кажись готова съѣсть. Такой-то у ней былъ взглядъ: насквозь человѣка пронзитъ. Иванъ Курчавый, бывало, даже поблѣднѣетъ. Диковинное дѣло, какіе глаза бываютъ! Отъ инаго глазу захворать даже можно. У меня баушка хорошо отъ глазу лѣчила: почерпнетъ съ молитвой ковшичекъ чистой воды, положитъ туда изъ горнушки холодныхъ углей, прочита́тъ раза три «Богородицу», да нечаянно и спрыснетъ водой, чтобы у тебя отъ испугу мурашки по тѣлу-то забѣгали—ну, и легче отъ этого. И глазъ глазу рознь бываетъ: отъ сильнаго глаза холодные угли, какъ горячіе, шипятъ. У насъ была золовка О в д о́ т ь я, такъ та теленка сглазила: на другой же день околѣлъ. И глазищи у ней были сѣры, ехидны эдакіе. Ну, вотъ видишь ли ты, должно быть, Марина этого Ивана Курчаваго любила и ревновала ко всякой дѣвкѣ и бабѣ, а говорятъ, л ю т ӯ щ і й былъ Курчавый до бабъ, и поговаривали, что онъ къ ней, Маринѣ, по

ночамъ похаживаетъ и съ ней любится. Это отцу съ матерью стало извѣстно, и задумали они сына женить, и нашли они ему невѣсту хорошаго роду и племени, и богатыхъ родителевъ, дѣвицу красивую, степенную. Только что узнала Марина—и начала колдовать, и чего только не дѣлала, по разсказамъ, такъ индо у́шеньки вянутъ. Вынимала она у невѣсты и слѣдъ, и на кладбищѣ его хоронила, и на соль-то наговаривала съ причитаніемъ: «боли у раба Божія Ивана сердце обо мнѣ такъ жарко отъ печали, какъ соль эта будетъ горѣть въ печи», раскалитъ печку до́ красна, да туда на́отмашь и броситъ горсть этой соли; а то, слышь, сниметъ съ себя н о ш н у́ рубашку, обмакнетъ въ пиво или вино, выжметъ, да помоями-то этими и напоитъ его. Это все не дѣйствовало. Она взяла да изъ восковой свѣчи вынула свѣтильню, отрѣзала ленту коленкору и написала на коленкорѣ: «Гори сердце у раба Божія Ивана обо мнѣ, какъ эта свѣча горитъ передъ тобою, Пресвятая Богородица!» Да эту свѣчку-то у Спаса запрестольной Божьей Матери и поставила. Такъ эдакимъ родомъ она Ивана Курчаваго къ себѣ приворожила, что сталъ онъ Марину во снѣ видѣть и только ей грезить. Ну, родителямъ не хотѣлось ее въ невѣстки себѣ взять; боялись Марины, али хотѣли взять за него дѣвицу. Вѣрно что дѣвицу, потому ее всякій мужъ по своему́ к а р а х т е р у можетъ передѣлать, а вдову не перевернешь, все равно, что упря́му лошадь; а у Марины знали, что у ней карахтеръ крутой былъ, и она старше была лѣтами Ивана Курчаваго и ч т о́ ч т о красавица—все-таки вдова, а не дѣвка. Поди ты, что эта Марина съ Иваномъ Курчавымъ надѣлала! Бѣды! На другой день рукобитья пріѣхалъ онъ домой отъ невѣсты, отпрёгъ лошадь, поставилъ въ конюшню и вошелъ къ себѣ въ избу. Отецъ съ матерью посмотрѣли на своего Ивана и съ ди́ву дались: блѣдный, п о м у ч н ѣ л ъ весь, а глазами такъ страшно ворочаетъ, словно что́ потерялъ да ищетъ. Спросили его: «Что съ тобой, Ванюшка?» А онъ какъ бросится съ хохотомъ изъ избы въ сѣни за дверь и давай руками-то все шарить. Ужъ шарилъ, шарилъ, побѣжалъ въ конюшню тоже за́ дверь, и тамъ давай шарить. Отецъ съ матерью перепугались: видятъ—дѣло худо, ихъ Иванъ сбѣсился; а онъ съ конюшни бросился на сѣновалъ. Они тамъ его и заперли, вскричали сосѣдей, чтобъ имъ помогли его связать, кабы онъ чего съ собой и съ ними не подѣ-

лалъ. Тутъ пришли человѣкъ пять сосѣднихъ извощиковъ и ломовыхъ, и выѣзднихъ, кое-какъ его стащили съ сѣновала за руки и за ноги, а онъ бьется, брыкается, удержать не могутъ и пять человѣкъ. Вотъ такъ силища была! Не смотря, что извощики парни дюжи—молодецъ къ молодцу, кажись въ плечахъ по сажени будетъ, а онъ ихъ такъ на себѣ и носитъ. Кое-какъ связали возжами руки назадъ, повалили на спину; одинъ сталъ держать за голову, другой рукой придавилъ ему брюхо, а трое стали ноги вязать; какъ онъ плечами-то понатужился да ахнетъ—возжи-то, какъ нитки, хрустнули! Не знаютъ что̀ съ нимъ дѣлать. Случился тутъ у Курчавыхъ Чува́шенинъ (съ хлѣбомъ къ нимъ пріѣхалъ), подошелъ къ извощикамъ да и говоритъ! «Надѣвай, р е б я́, на него хомутъ вонъ съ моей-то потной лошади». Тѣ рты разинули; молчатъ· «Надѣвай знай, надѣвай! Небось не тронетъ! Хозяинъ-отецъ! Ищи бабу брюхату, вели ей Ваньку держать за хомутъ! Смирнѣй будетъ, все пройдетъ! Надъ нимъ г о р а з д о баба шутила; ишь шайтана въ него садила!» И случись тутъ моя матушка, царство ей небесно, изъ-за калитки смотрѣла какъ Иванъ Курчавый бѣсится (а она, слышь, мной была беременна), давай ее упрашивать, чтобъ она подержала; ну, баушка и сосѣдки уговорили ее, чтобы она помогла спасти душу христіанскую. Обрядили Ивана Курчаваго въ хомутъ съ шлеей, какъ лошадь; мать стала держать—не пошелохнулся даже; появилася у́ рту пѣна, отерли; сталъ засыпать и захрапѣлъ, а Чувашенинъ все что-то бормоталъ и заклиналъ шайтана. Оставили Ивана въ хомутѣ до утра, и спалъ онъ до полудня. Проснулся какъ угорѣлый и спрашиваетъ: «Гдѣ я?» Сняли съ него хомутъ; вошелъ онъ въ избу, перекрестился, сѣлъ за столъ, попросилъ квасу, напился. Его стали распрашивать, что̀ съ нимъ случилось; онъ все и разсказалъ. «Ѣду», говоритъ,—«отъ невѣсты; меня на Завьяловой горѣ и встрѣтила Марина, и говоритъ: «Ванюшка, домой что ли ѣдешь?» «Домой», говорю. «Довези меня, голубчикъ!» «Садись, довезу». Кое о чемъ съ ней поговорили на счетъ себя, и я ее привезъ къ себѣ домой, да за дверь въ конюшню и спряталъ, чтобы не видалъ никто, а потомъ сталъ Марину искать; и такъ и сякъ—нѣтъ, не могу найдти... Дальше что̀ со мной было, и не помню. Ивану Курчавому полегчало, за то Марина заболѣла. Ударитъ ее, говорили, чертова немочь, и лежитъ Марина безъ

языка, вся блѣдная и простоволосая, а груди на себѣ руками такъ и теребитъ, рубашку въ лоскутки изорветъ... Билась, билась, да въ день свадьбы Ивана Курчаваго въ Волгу и бросилась. Какъ сумасшедшая выбѣжала на берегъ нагишомъ, косы распущены—и поплыла на середину, да тамъ на дно и опустилась. Искали и неводомъ и снастями—не могли найти. Послѣ пошли слухи, что Марина оборотилась русалкой, да по вечерамъ и выходитъ на берегъ. Сядетъ на о г р у́ д о к ъ, или на конецъ плота и все моетъ голову, да расчесываетъ свои косы, а сама смотритъ на избу, гдѣ живетъ Иванъ Курчавый съ молодой женой; потомъ вдругъ застонетъ да заохаетъ жалобно, прежалобно и бросится въ воду со всего маху. Многіе ее видѣли, даже слышали какъ она горько плачетъ и поетъ заунывно, тихо—индо за сердце беретъ:

Ахъ ты, Ванюшка,
Ты мой батюшка!
Ты меня разлюбилъ,
Ты меня погубилъ!
Ненаглядный ты мой!
Дорогой ты мой!

Стали про Марину-Русалку поговаривать въ городѣ. И Иванъ Курчавый слышалъ, что Марина отъ любви къ нему утопилась въ Волгѣ, стала русалкой и живетъ въ страшномъ омутѣ, гдѣ и въ бурю и въ тиху погоду вода какъ въ котлѣ кипитъ, бѣлый валъ ходитъ. Ну, будто бы Марина-Русалка съ какимъ-то сѣдымъ старикомъ въ этомъ валу и появляются и лодки опрокидываютъ. Рыбаки поговаривали, что видѣли иногда Марину-Русалку на пескахъ, противъ Симбирска. Плыветъ кажется лебедь, тихо; выйдетъ на песокъ, взмахнетъ, да ударитъ крыльями и превратится въ красавицу бабу и развалится на пескѣ, какъ мертвая. Вечеркомъ многихъ пугала.

А Ивану Курчавому что-то не жилось съ молодой женой, хоть и красавица была; да видно душѣ не мила: началъ все тосковать и повадился, въ полночь, одинъ одинешекъ на б у д а́ р к ѣ ѣздить къ омуту, съ гуслями, да играть разны пѣсенки. Самъ то заплачетъ, то засвищетъ, то какъ лѣшій захохочетъ, то затянетъ за-

унывную пѣсню, да такимъ зычнымъ голосомъ, что она по всей Волгѣ такъ и разольется:

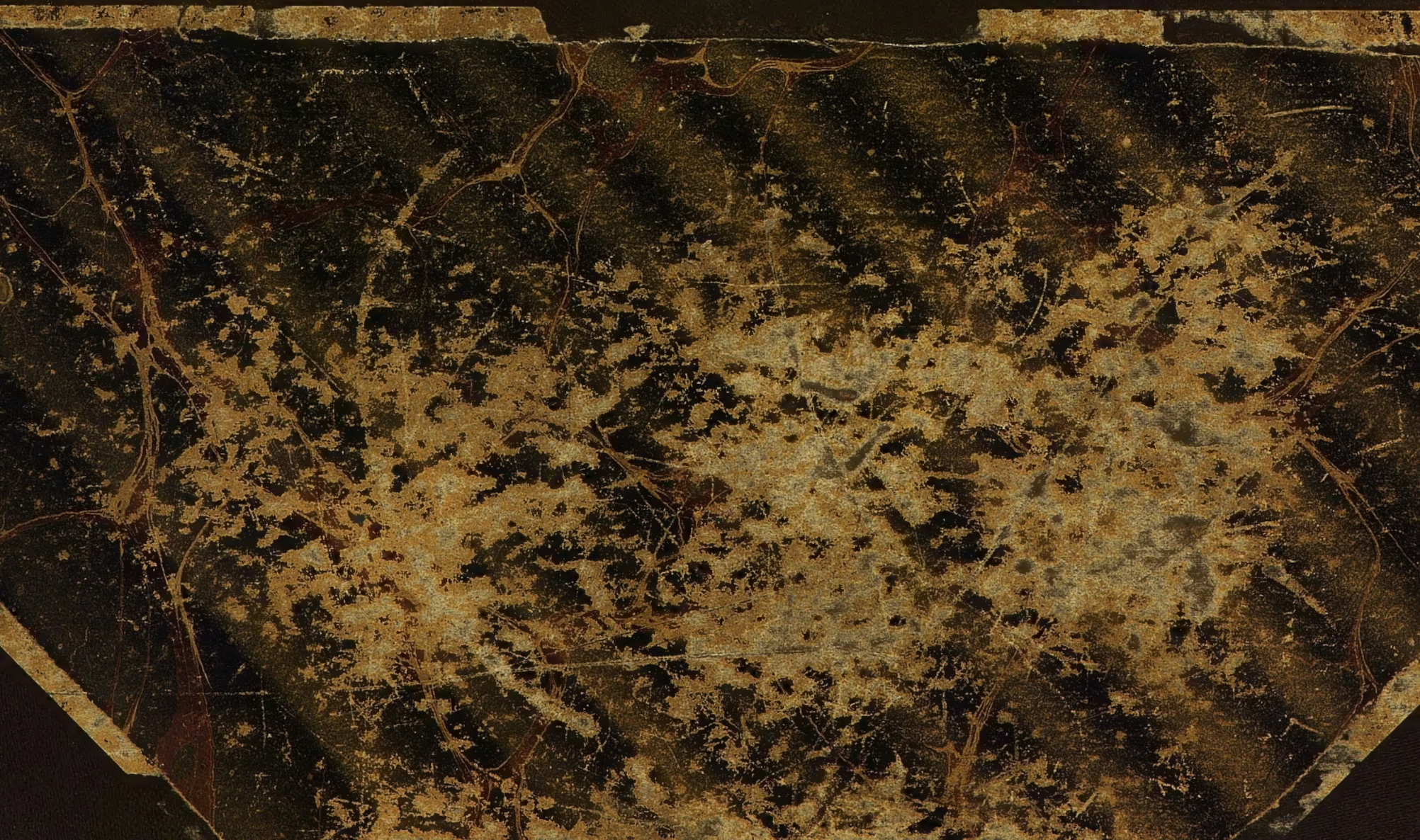
Изсушила меня молодца
Зла тоска жестокая!
Сокрушила меня молодца
Моя милая, сердѣшная,
Моя милая, что задушевная!
Ты возьми, возьми, моя милая,
Меня въ Волгу матушку глубокую,
Обойми меня рукой бѣлою,
Прижми къ груди ты близёхонько,
Поцѣлуй меня милёхонько!...

Ну, слышь, Марина-Русалка вынырнетъ изъ воды, бросится въ лодку къ Ивану Курчавому и давай съ нимъ миловаться да обниматься и хохотать, да такъ страшно! Ѣздилъ, ѣздилъ Иванъ Курчавый въ полночь на омутъ, да такъ и слѣдъ его простылъ: ни его, ни бандуры не нашли, только весла, да лодка уберега. Осталась его молодая жена; стала по мужѣ плакать да тосковать и разъ, слышь, онъ ночью къ ней приходилъ и сказалъ: «Не тужи обо мнѣ, женушка! Мнѣ съ Мариной жить на днѣ Волги матушки весело: меня полюбилъ Водяной Волнóкъ; угощатъ меня разными яствами и питіями, и живетъ онъ во дворцѣ изумрудномъ и все проситъ ему играть на бандурѣ. Заиграю—онъ распляшется, со всѣми женами русалками, а какъ перестану—остановится. Обѣщался наградить меня на этомъ свѣтѣ: отпустить вмѣстѣ съ Мариною, моей полюбовницей. Никому только ты объ этомъ ни—ни, не сказывай!» Послѣ этого видѣнія вдова Ивана Курчаваго вдругъ сдѣлалась при смерти больна, да роднымъ и разсказала, что она своегó мужа ночью видѣла. Какъ разказала, у ней языкъ отнялся и тутъ же духъ вонъ.

(Записано со словъ симбирской мѣщанки Екатерины Григорьевны Извощиковой и сообщено М. И. Извощиковымъ).

232

ЦѢНА 2 Р. 50 К.

Складъ изданія въ помѣщеніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: С.-Петербургъ, у Чернышева моста, домъ 6-й гимназіи.

15095